

Джеймс Клавелл

АЗИАТСКИЙ ЦИКЛ

Знаменитый роман
всемирно известного
писателя

«Сегун» сделал для Востока
то же, что «Унесенные
ветром» для Запада
Таймс Магэзин

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛЛИВУДА

Джеймс Клавелл
АЗИАТСКИЙ ЦИКЛ

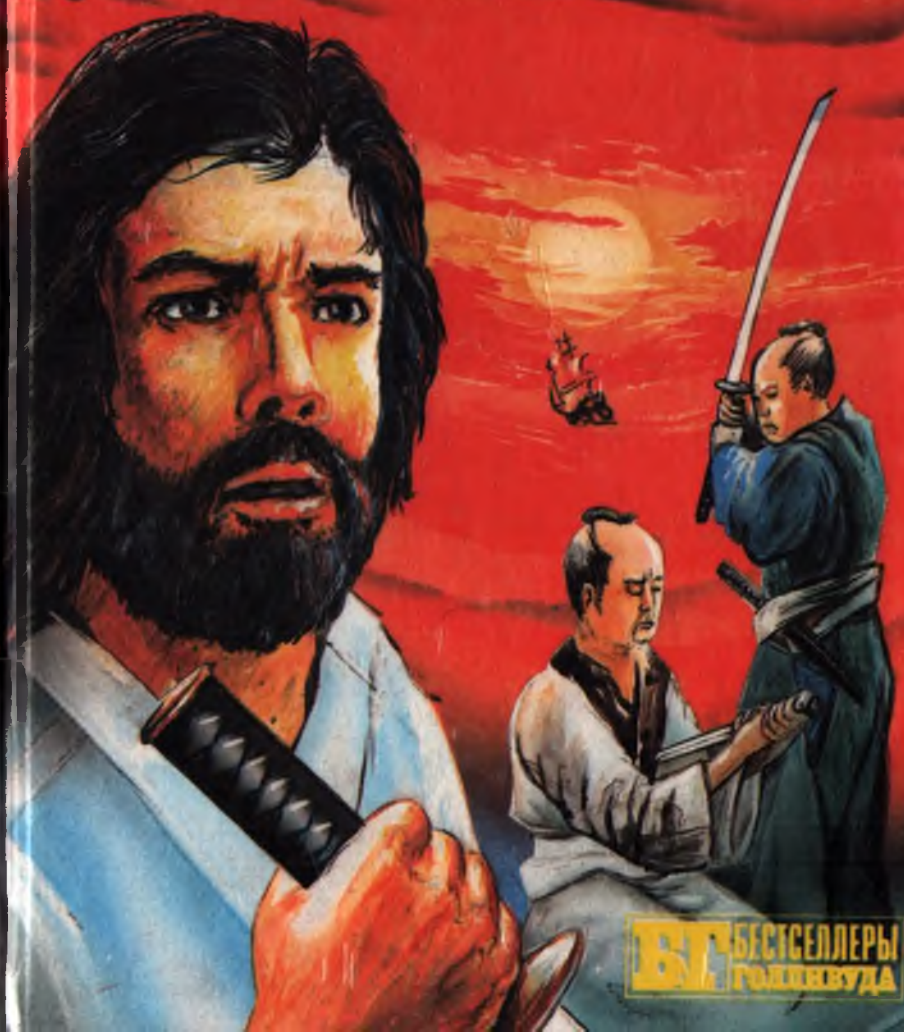
СЕГУН
часть 1,2

БГ

Джеймс Клавелл

АЗИАТСКИЙ ЦИКЛ

СЕГУН

БГ БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛЛИВУДА

БЕСТСЕЛЛЕРЫ
ГОЛДЕНБУД

В книге части I и II романа «Сёгун».

«Сёгун» — первая из шести входящих в знаменитый «азиатский цикл» книг широко известного и талантливого американского писателя. Это суровое, иногда жестокое повествование о мореплавателях, потерпевших кораблекрушение у берегов Японии. События происходят в XVI веке. Еще очень небольшое число европейцев проникло в Японию, пугающую своими варварскими, по мнению пришельцев, обычаями. Но и для японцев европейцы — варвары. Столкновения двух культур, мировоззрений, невероятные сюжетные повороты сделали его популярным во всем мире. По мотивам романа снят известный фильм с одноименным названием.

КНИГА ПЕРВАЯ

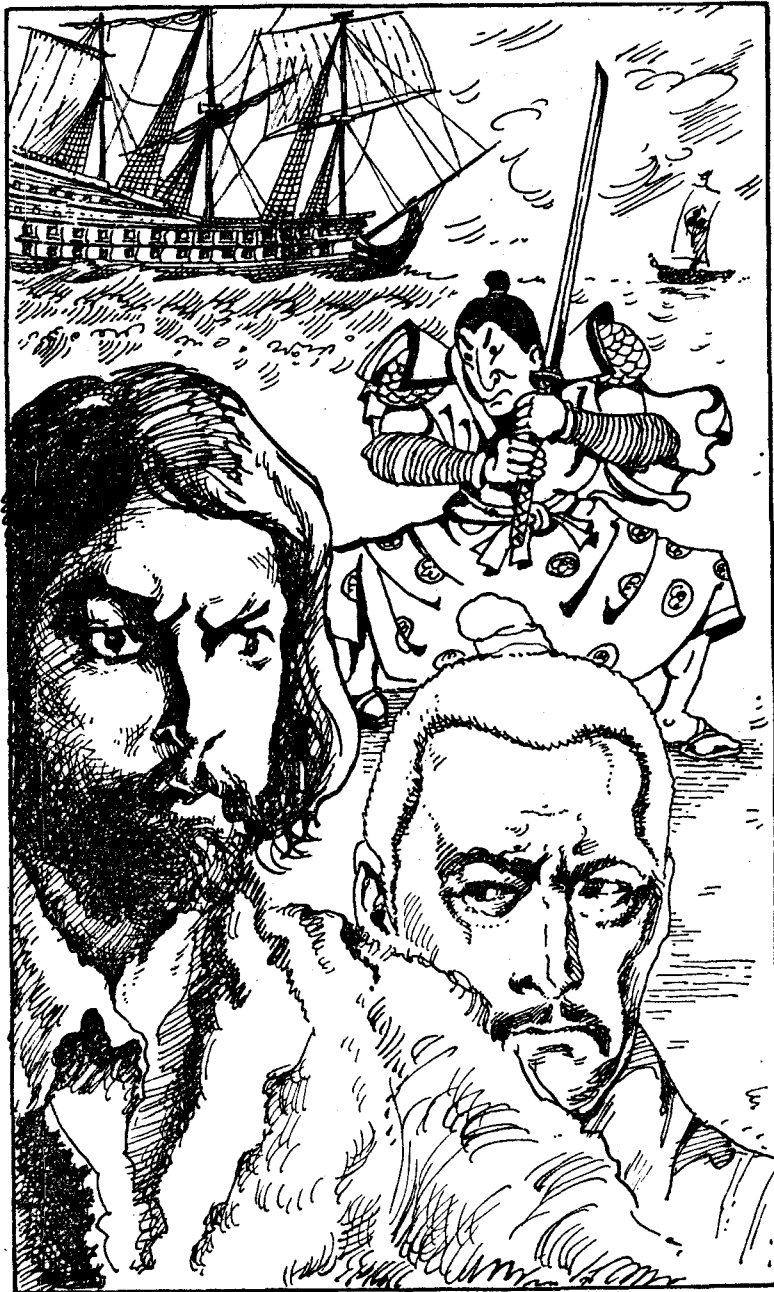
Роман
будет
печататься
в
трех
книгах

Джеймс Клавелл

АЗИАТСКИЙ ЦИКЛ

СЁГУН

ЧАСТЬ 1,2

МОСКВА
ЭРИКА
ОЛМА-ПРЕСС
КРОН-ПРЕСС
1993

Эта книга из серии «БЕСТСЕЛЛЕРЫ ГОЛЛИВУДА», в которую вошли получившие мировую известность лучшие произведения в жанрах детектив, фантастика, мистики, приключения, авантурный и любовный роман, одновременно ставшие литературной основой самых популярных кино- и видеофильмов.

По вопросам приобретения книг серии
оптовых покупателей просим обращаться по адресу:
129090, г. Москва, ул. Гиляровского, 29
(проезд — метро «Проспект Мира»).

Тел. (095) 288-39-77, 342-61-61.

Знак серии защищен и охраняется авторским правом.
Использование данного знака без согласования с
издательством преследуется по закону.

Исключительное право публикации книги
Джеймса Клавелла «Сёгун»
на русском языке принадлежит издательству
«ОЛМА-ПРЕСС».

Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противозаконным и преследуется по закону.

ISBN 5-85775-003-2

- © 1975 by James Clavell
- © Все права защищены, «ОЛМА-ПРЕСС», 1993
- © «КРОН-ПРЕСС», перевод, 1993
- © «ЭРИКА», оформление, 1993
- © «ЭРИКА», знак серии, 1992

James Clavell

«SHOGUN»

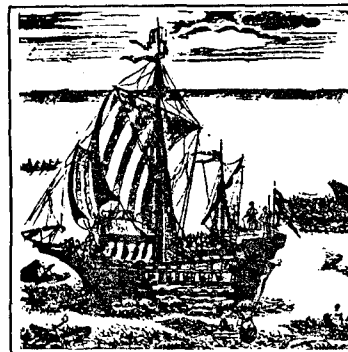
Перевод с английского Н.Ф. Еремина

Джеймс Клавелл

«СЁГУН»

Двум морякам, капитанам Королевского военно-морского флота, которые любили свои корабли больше, чем женщин, как от них и ожидалось.

ПРОЛОГ

Ветер рвал его на части, у него все болело внутри, и он знал, что если они не пристанут в течение трех дней, то все умрут. «Слишком много смертей в этом плавании,— размышлял он.— Я главный кормчий мертвого флота. Из пяти остался один корабль — из команды в сто семь человек — двадцать во семь,— и теперь только десять из них могут ходить, а остальные близки к смерти, в том числе и командир эскадры. Нет пищи, почти нет воды, а та, что есть,— солоноватая и грязная».

Его звали Джон Блэксорн, и он был один на палубе, за исключением впередсмотрящего на бушприте, съездившегося в укрытии, откуда он оглядывал океан.

Корабль накренился от внезапного шквала, и Блэксорн удержался за ручку морского кресла, прикрепленного около штурвала на юте, пока судно не выпрямилось. Такелаж стонал. Судно водоизмещением двести шестьдесят тонн называлось «Эразмус». Оно имело три мачты и было двадцатипушечным военно-торговым кораблем из Роттердама. Это было единственное судно, которое уцелело из первых экспедиционных сил, посланных из Нидерландов уничтожить врага в Новом Свете. То были первые голландские корабли, которые открыли

тайны Магелланова пролива. Четыреста девяносто шесть человек, все добровольцы. Все голландцы, за исключением трех англичан — двух штурманов и одного офицера. У них были приказы: грабить и поджигать испанские и португальские владения в Новом Свете, открывать новые острова в Тихом океане, которые могли бы служить постоянными базами и свидетельствовать о принадлежности территории Нидерландам, а через три года вернуться домой.

Протестантские Нидерланды воевали с католической Испанией более четырех десятилетий, боролись, чтобы сбросить ярмо ненавистных испанских хозяев. Нидерланды, иногда называемые Голландией, или низкими землями, все еще официально оставались частью Испанской империи. Англия, единственный их союзник, первой из стран христианского мира порвала с папским двором в Риме и стала протестантской 27 лет назад, она также воевала с Испанией последние 20 лет и открыто объединилась с Нидерландами уже 10 лет назад.

Ветер посвежел, и судно накренилось. Оно шло без парусов на мачтах, но со штормовыми топселями. Даже в таком положении течение и шторм быстро несли его вперед к темнеющему горизонту.

«Там еще больше штормит, — сказал себе Блэксорн, — и больше рифов и мелей. И знакомое море. Бог мой! Я всю жизнь ставил себя против моря и всегда побеждал. Я всегда побеждаю.

Первый английский кормчий, прошедший когда-либо через Магелланов пролив. Да, первый — и первый кормчий, когда-либо плывший через эти азиатские воды, не считая нескольких негодяев португальцев или безродных испанцев, которые все еще думают, что они владеют миром. Первый англичанин в этих морях...

Так много первых мест. Да. И так много смертей за них.

Вновь он попробовал ветер и понюхал его, но на землю не было даже и намека. Он осмотрел океан, но тот был уныло-серым и неприветливым. Ни пятнышка водорослей или света, намекающих о наличии песчаного шельфа. Он увидел верхушку другого рифа далеко по правому борту, но это ничего не сказало ему на этот раз. Вот уже месяц эти выходы угрожали им, но никогда не было видно земли. «Этот океан бесконечен, — подумал он. — Боже всемогущий!» Вот для чего обучали его — плавать в неизвестном море, составлять карту и возвращаться домой. Сколько дней, как они выплыли из дома? Год, одиннадцать месяцев и два дня. Последняя высадка была в Чили, сто

тридцать три дня назад, за океаном, который Магеллан первым проплыл — восемьдесят лет назад — и назвал его Тихим.

Блэксорн страдал от голода, а его рот и тело — от цинги. Он напряг глаза, чтобы проверить курс по компасу, и в уме определил примерное положение. Поскольку его курс был нанесен в его руттере — морском журнале, он был в безопасности в этой части океана. И если он был в безопасности, его судно было в безопасности, и тогда они все вместе могли найти Японские острова или даже христианского короля Джона и его Золотую империю, которая, как говорится в легенде, лежит к северу от Китая, где бы Китай ни находился.

«И со своей долей богатств я опять поплыву, уже на запад, домой, первый английский кормчий, когда-либо обогнувший земной шар, и никогда больше не покину дома. Никогда. Клянусь своим сыном!»

Порыв ветра прекратил его праздные мечтания и не дал заснуть. Спать сейчас было бы глупо. «Ты никогда не пробудишься от этого сна», — подумал он и протянул руки, чтобы успокоить ноющую боль в спине, и плотнее закутался в плащ. Он увидел, что паруса в порядке и штурвал надежно закреплен. Впередсмотрящий не спал. Тогда он спокойно вернулся назад и помолился о том, чтобы появилась земля.

— Спустись вниз, кормчий. Я постою на вахте, если хочешь. — Третий матрос, Хендрик Спец, тащился вверх по сходням, его лицо было серым от усталости, глаза ввалились, кожа в пятнах и болезненно-бледная. Он тяжело наклонился вперед к нактоузу, чтобы стать поустойчивее, тужась, чтобы его вырвало. — Благословенный Боже, будь проклят тот день, когда я оставил Голландию.

— Где твой товарищ, Хендрик?

— В своей койке. Он не сможет выйти, похоже, до судного дня.

— А... адмирал?

— Вымаливает пищу и воду, — Хендрик причмокнул. — Я сказал ему, что зажарю каплуна и принесу ему на серебряной тарелке с бутылкой бренди. Гут!

— Придержи язык!

— Я придержу, кормчий. Но он, глупец, с причудами, и мы погибнем из-за него. — Молодой человек напрягся, и его вырвало пестрой слезью. — Благословенный Боже, помоги мне!

— Спускайся. Вернись на закате.

Хендрик с болезненным видом опустился в другое кресло.

— Там внизу воняет смертью. Я подежурю, если ты не возражаешь. Какой курс?

— Куда потащит ветер.

— Где берег, который ты обещал? Где Японские острова, где, я тебя спрашиваю?

— Перед носом.

— Всегда перед носом! Черт побери! Это не в твоих правилах — плыть в неизвестность. Нам бы теперь вернуться домой невредимыми, с полными желудками, а не гнаться за огнями Святого Эльма.

— Спустишься вниз или заткнешься.

Хендрик угрюмо отвел взгляд от высокого бородатого человека. «Где мы теперь? — хотел он спросить. — Почему я не могу видеть секретный руттер?» Но он знал, что не задаст вопросов кормчему, особенно этого. «Сейчас, — подумал он, — я хотел бы быть таким же сильным и здоровым, каким я был, когда покинул Голландию. Тогда бы я не ждал. Я бы размазал твои голубые глаза и сбил бы с твоего лица эту сводящую с ума полублюзку и отправил тебя в преисподнюю, которой ты заслуживаешь. Потом я бы стал адмиралом и мы направили бы корабль в Нидерланды. Мы хотим одного и того же — командовать на море, контролировать все морские передвижения, управлять Новым Светом и разбить Испанию».

— Может быть, это не Японские острова, — пробормотал внезапно Хендрик, — а мираж.

— Они существуют на самом деле. Между 30-м и 40-м градусами северной широты. Теперь придержи свой язык или спускайся вниз.

— Там, внизу, смерть, кормчий, — пробормотал Хендрик и стал смотреть вперед, оставив судно на волю волн.

Блэксорн заворочался в своем кресле — его тело сегодня болело сильнее. «Ты удачливее остальных, — подумал он, — удачливее, чем Хендрик. Нет, не удачливее. Аккуратнее. Ты сохранил свои фрукты, когда другие беззаботно поедали их вопреки твоим предупреждениям. Так что твоя цинга все еще в умеренной стадии, в то время как у остальных постоянно кровотечения, их мучают поносы, глаза болят и гноятся, а зубы или выпадают, или шатаются. Почему мужчины никогда не учатся?»

Он знал, что все боялись его, даже адмирал, а большинство ненавидели. Но это было нормально, так как в море командовал кормчий — это он прокладывал курс и направлял корабль, это он вел их из порта в порт.

Сегодня любое путешествие было опасным, так как немно-

гие имеющиеся карты были так же непонятны, как и бесполезны. И совершенно не было способов определения долготы.

— Найди, как определить долготу, и ты станешь самым богатым человеком в мире, — говорил его старый учитель Альбан Карадок. — Королева, благослови ее Господь, даст тебе десять тысяч фунтов и титул герцога, если ты решишь эту задачу. Говноеды португальцы дадут тебе золотой галеон. И безродные испанцы дадут двадцать! Не видя земли, ты заблудишься, парень. Не видя земли, ты всегда будешь теряться, парень, — Карадок сделал паузу и печально покачал головой. — Ты заблудишься, парень, если не...

— Если у тебя нет руттера! — радостно крикнул Блэксорн, зная, что он хорошо выучил свои уроки. Тогда ему было тринадцать, и он уже год был учеником у Альбана Карадока, штурмана и корабельного плотника, заменившего ему потерянного отца. Карадок никогда его не бил и учил секретам судостроения и жизни в море.

Руттер был и корабельным журналом — маленькой книжкой, содержащей детальные наблюдения кормчего, побывавшего здесь раньше. Там записывался курс по магнитному компасу между портами и мысами, места причаливания и проливы. В ней отмечались отмели и глубины, цвет воды и природа морского дна. Там указывалось, как мы попали сюда и как нам отсюда выйти: сколько дней идти каким курсом, характер ветров, когда они дуют и откуда; время штормов и время хороших ветров, где килевать корабль и где брать воду, где друзья и где враги, отмели, рифы, приливы, гавани, в общем, все необходимое для безопасного плавания.

Англичане, голландцы и французы имели описания своих вод, но воды остального мира посещались только капитанами из Португалии и Испании, и эти две страны считали все свои руттеры секретными. Руттеры открывали путь к Новому Свету или объясняли загадки пролива Магеллана и мыса Доброй Надежды — оба открыты португальцами, поэтому морские пути в Азию охранялись как национальные сокровища португальцами и испанцами, и поэтому за ними с одинаковой яростью охотились их враги — англичане и голландцы.

Но корабельный журнал был хорош, если был хорош кормчий, который его составил, переписчик, который его переписывал, очень редко — печатник, который перепечатывал, или ученый, который переводил. Следовательно, такой журнал мог содержать ошибки. Даже умышленно вводить их. Кормчий ни-

когда не знал этого наверняка. По крайней мере до тех пор, пока сам не попадал в эти места.

В море кормчий был лидером и окончательным судьей над кораблем и его командой. Один он командовал с юта. «Это как крепкое вино,— сказал себе Блэксорн.— Однажды выпив, никогда уже не забудешь и всегда будешь стараться найти, и всегда оно будет тебе нужно. Это одна из вещей, которые сохраняют тебе жизнь, когда другие уже умерли».

Он встал и помочился в шпигаты*. Позднее, когда в часах на нактоузе высыпался весь песок, он перевернул их и позвонил в судовую колокол.

— Ты сможешь стоять на вахте и не уснуть, Хендрик?

— Да. Я думаю, что смогу.

— Я пошлю кого-нибудь, чтобы сменить впередсмотрящего. Смотри, он стоит на ветру, а не в укрытии. Это не дает ему уснуть.

На мгновение он задумался, сможет ли он привести корабль по ветру и управляться с ним ночью, и, решив, что нет, спустился по лестнице и открыл дверь. Трап вел в каюты команды. Кубрик занимал всю ширину корабля и вмещал кровати и подвесные койки для ста двадцати человек. Теплота окружила его, и он был рад этому и не заметил даже зловония трюма, идущего снизу. Ни один из двадцати с лишним человек не двинулся на своей койке.

— Поднимайся, Маесуккер,— сказал он по-голландски, на смешанном жаргоне, на котором говорят в Нидерландах и которым он владел в совершенстве, так же как и португальским, испанским и латынью.

— Я умираю,— сказал маленький, остролицый человек, съезжаясь в своей кровати.— Я болен. Посмотрите, цинга забрала все мои зубы. Господи Иисусе, помоги нам, мы все погибнем. Если бы не ты, мы бы все сейчас были дома, в безопасности. Я купец. Я не моряк. Я не член экипажа... Возьми кого-нибудь еще. Там Джохан...— Он плакал, когда Блэксорн вытащил его из койки и пихнул в сторону двери. Кровь выступила у него изо рта, он был оглушен. Жестоким удар в бок вывел его из ступора.

— Ты высунешь свою морду на палубу и останешься там, пока не помрешь, или мы не достигнем берега.

Моряк открыл дверь и с трудом вышел.

Блэксорн посмотрел на остальных, а они смотрели на него.

* Шпигаты — отверстия в бортах судна для стока воды.

— Как ты себя чувствуешь, Джохан?

— Достаточно хорошо, кормчий. Может быть, я выживу.

Джохану Винку было сорок три, он был главным артиллеристом и другом главного боцмана, самым старым на борту. Он был лыс и беззуб, цвета старого дуба и так же крепок. Шесть лет назад он плавал с Блэксорном на неудачные поиски Северо-Восточного прохода, и они оба знали, кто чего стоит.

— В вашем возрасте большинство мужчин уже умирает, а вы держитесь лучше всех нас.— Блэксорну было тридцать шесть.

Винк грустно улыбнулся.

— Это все бренди да бабы и вообще праведная жизнь, которую я вел.

Никто не засмеялся. Потом кто-то указал на койку.

— Кормчий, умер главный боцман.

— Так поднимите тело наверх! Обмойте его и закройте глаза! Ты, ты и ты!

На этот раз люди быстро выбрались из своих коек и все вместе наполовину выволокли, наполовину вынесли труп из кубрика.

— Постой вечернюю вахту, Винк, а ты, Джинсель,— на носу впередсмотрящим.

— Да, сэр.

Блэксорн вышел на палубу.

Он увидел, что Хендрик все еще не спал, так что на корабле все было в порядке. Сменившийся впередсмотрящий, Соломон, в растерянности стоял за ним, скорее мертвый, чем живой, его глаза вспухли и покраснели от режущего ветра. Блэксорн подошел к другой двери и спустился вниз. Коридор привел его в большую каюту на корме, которая служила апартаментами адмирала и пороховым погребом. Его собственная каюта была по правому борту и рядом другая, ближе к бойницам для пушек, которая обычно предназначалась для трех человек. В настоящее время в ней жили Баккус ван Некк, главный купец, Хендрик и юнга Крук. Все они были больны.

Он вошел в большую каюту. Адмирал Паулюс Спилберген лежал на койке в полубессознательном состоянии. Невысокий, краснолицый, обычно очень толстый, сейчас он был очень худ, кожа на животе вяло свисала складками. Блэксорн взял кувшин с водой из потайного ящика и помог ему отпить немного.

— Спасибо,— слабо сказал Спилберген.— Где земля, где земля?

— Впереди,— ответил кормчий, больше не веря в это, потом убрал кувшин, не слушая стенаний адмирала, и вышел, ненавидя его с еще большей силой.

Почти ровно год назад они достигли Тьерра дель Фуэго, ветры благоприятствовали броску в неизвестный Магелланов пролив. Но адмирал приказал высадиться на берег в поисках золота и драгоценностей.

— Ради Бога, поглядите на берег, адмирал! В этих пустынных местах нет соковищ!

— Легенда гласит, что это место богато золотом, и мы можем объявить эти земли владениями славных Нидерландов.

— Здесь были испанские команды пятьдесят лет назад.

— Может быть, но не так далеко к югу, кормчий.

— Так далеко к югу времена года меняются. В мае, июне, июле и августе здесь мертвая зима. Корабельный журнал говорит, что это время — критическое для прохождения проливов; ветры изменятся через несколько недель, и тогда мы останемся здесь на зиму — это несколько месяцев.

— Через сколько недель, кормчий?

— Журнал говорит, через восемь. Но сезоны не всегда одинаковые.

— Тогда мы поищем пару недель. Это дает нам массу времени, и потом, если надо, мы повернем к северу опять и разграбим несколько городов, а, джентльмены?

— Мы должны попытаться сейчас, адмирал. У испанцев в Тихом океане есть военные корабли. Здепшие моря кишат ими, и они ищут нас. Я считаю, мы должны выплыть сегодня же.

Но адмирал не послушался его и поставил вопрос на голосование перед другими капитанами — не перед кормчими, один из которых был англичанин, а трое — голландцы, — и совершил бесполезный выход на берег.

В тот год ветры переменились рано, и они должны были зимовать там; адмирал боялся плыть к северу из-за испанских кораблей. Прошло четыре месяца, прежде чем они смогли выплыть. К тому времени сто пятьдесят шесть человек во флотилии умерли от голода, холода и дизентерии, они съели всю кожу, которой были покрыты снасти. Ужасные штормы в проливе раскидали флотилию. «Эразмус» оказался единственным кораблем, который прибыл на место встречи в Чили. Они ждали остальных месяцев и потом, настигаемые испанцами, поплыли в неизвестность. Секретный руттер кончался на Чили.

Блэксорн прошел обратно по коридору и открыл дверь в свою собственную каюту, заперев ее за собой. Кюта была с низкими балками, маленькая и опрятная, и он должен был наклониться, чтобы сесть к столу. Он отпер ящик и аккуратно развернул сверток с остатками яблок, которые так тщательно

хранил тайком весь путь от острова Санта-Мария в Чили. Они были мятые и маленькие, с гнилыми боками. Он съел четвертинку одного. Внутри было несколько мелких личинок. Он съел их с мякотью, вспомнив старую легенду, что яблочные черви полезны от цинги наравне с фруктами и что, растертые в желе, они предохраняют зубы от выпадания. Блэксорн жевал фрукты осторожно, так как зубы болели и гнойники были очень чувствительны, потом выпил воды из винного меха. Она была отвратительна на вкус. Он завернул остаток яблок и запер их обратно в ящик.

Крыса пробежала в тени, отбрасываемой масляной лампой, висящей над его головой. Шпангоуты приятно поскрипывали. На полу роились тараканы.

«Я устал. Так устал...»

Он взглянул на свою койку. Длинная, узкая, соломенный тюфяк звал его.

«Давай, поспи часок, — шептал ему дьявол. — Даже десять минут — и ты отдохнешь за неделю. Последние дни ты спишь всего по несколько часов, и большую их часть — наверху, в холде. Ты должен спать. Спи. Они надеются на тебя...»

— Я не могу. Я посплю завтра, — сказал он вслух и заставил себя отпереть ящик и вынуть оттуда свой руттер. Увидел, что другой, португальский, был в безопасности и нетронутый, и это обрадовало его. Блэксорн взял чистое перо и начал писать:

«21 апреля 1600 года. Пятый час. Сумерки. 133-й день с момента отплытия с острова Санта-Мария в Чили, на 32-м градусе северной широты. Волна все еще высокая, и корабль идет под теми же парусами. Цвет моря однородный, серо-зеленый, дна не видно. Мы все еще идем по ветру курсом 27 градусов, склоняясь к северо-северо-западу, двигаясь быстро, около двух лиг, по три мили в час. Большие рифы в форме треугольников были видны полчаса на расстоянии в половину лиги к северо-востоку и северу.

Ночью умерли три человека от цинги — парусный мастер Джорис, артиллерист Рейсс, второй матрос де Хаан. Поскольку адмирал все еще болен, мне пришлось приказать опустить их в море без саванов, так как шить их некому.

Сегодня умер старший боцман Риджклов.

Сегодня в полдень я не мог определить склонение по солнцу, и опять из-за облаков. Но я предполагаю, что мы все еще на курсе и земля появится скоро...»

«Но как скоро? — спросил он морской фонарь, который висел над головой, качаясь вместе с кораблем. — Как сделать карту? Должен быть курс, — сказал он себе в миллионный раз. — Как определить долготу? Должен быть курс. Как сохранить свежесть овощей? Что с цингой...»

«Говорят, что ее приносит море, парень», — так считал Альбан Карадок. Это был добродушный человек с большим животом и угловатой седой бородой.

«Но, может быть, варить овощи и сохранять их в виде супа?»

«Плохая идея. Никто не находил еще способа сохранять их».

«Говорят, что скоро отплывает Френсис Дрейк».

«Нет, ты не сможешь отправиться с ним, парень».

«Мне почти четырнадцать. Вы позволили Тому и Уатту записаться к нему, и ему нужен ученик кормчего».

«Им по шестнадцать. Тебе же только тринадцать».

«Говорят, что он собирается найти пролив Магеллана, потом плыть вдоль берегов неисследованных земель — до Калифорнии, чтобы найти проливы Аниан, которые соединяют Тихий и Атлантический океаны. Из Калифорнии все пути ведут к Ньюфаундленду, Северо-Западным проходам, наконец...»

«Предполагаемым Северо-Западным проходам. Никто еще не доказал, что это не просто легенда».

«Он докажет. Он уже адмирал, и мы будем первым английским судном, прошедшим Магелланов пролив, первыми в Тихом океане, — у меня никогда не будет другого такого шанса».

«О да, ты будешь, а он никогда не пробьется секретным маршрутом Магеллана, если только не украдет руттер или захватит португальского кормчего, чтобы тот провел его. Сколько раз говорить тебе — кормчий должен иметь терпение. Научись терпению, парень».

«Ну, пожалуйста!»

«Нет!»

«Почему?»

«Потому что он будет плавать два, три года, может быть, и больше. Слабые и молодые будут получать самую плохую пищу и меньше всех воды. И из пяти вышедших только его судно вернется обратно. Ты не выживешь, парень».

«Тогда я запишусь только на его судно. Я сильный. Он возьмет меня!»

«Слушай меня, парень, я был с Дрейком на «Юдифи», его пятидесятитонном судне, в Сан-Хуан-де-Юлия, когда я и адми-

рал Хоукинс — он был на «Минионе», — когда мы пробивались из гавани через этих говноедов испанцев. Мы торговали рабами с Гвинеей для испанского Мейна, но у нас не было испанской лицензии на торговлю, и они обманули Хоукинса и поймали нашу флотилию в ловушку. У них было тринадцать больших кораблей, у нас шесть. Мы потопили три из них, а они потопили наши «Своллоу», «Ангела», «Каравеллу» и «Иисуса из Любека». О да. Дрейк с боем вывел нас из ловушки и привел домой. Если говорить честно, на борту оставалось одиннадцать человек. У Хоукинса — пятнадцать. Из четырехсот восьмидесяти матросов. Дрейк безжалостен, парень. Он хочет славы и золота, но только для себя, и слишком много людей умерло, доказывая это».

«Но я не умру, я буду одним из...»

«Нет, ты отдан в ученичество до 20 лет. Мы подождем еще десять лет, и тогда ты будешь свободен. Но до этого момента, до 1588 года, ты будешь учиться, как строить корабли и как управлять ими, — ты будешь слушаться Альбана Карадока, мастера корабеля, кормчего и члена Тринити Хаус, или ты никогда не получишь лицензию. А если ты не будешь иметь лицензии, ты никогда не будешь штурманом ни одного английского корабля в английских водах, ты никогда не будешь командовать на юте ни одного английского корабля ни в каких водах, потому что таков закон доброго короля Гарри, упокой, Господи, его душу. Был закон этой великой проститутки Мари Тюдор, пусть ее душа вечно горит в аду, и это закон королевы, пусть она правит в веках, это закон Англии, и это лучший из морских законов, который когда-либо был принят».

Блэксорн помнил, как он ненавидел тогда своего хозяина и Тринити Хаус, монополию, созданную Генрихом VIII в 1514 году для обучения и выдачи разрешений всем английским кормчим и мастерам-корабелям, ненавидел свои двенадцать лет полурабства, без которых, как он знал, он никогда не мог бы получить единственную вещь в мире, которую хотел. И он ненавидел Альбана Карадока еще больше, когда, покрытые немеркнувшей славой, Дрейк и его стотонный шлюп «Голден Хинд» чудесным образом вернулись в Англию после исчезновения на три года. Это был первый английский корабль, совершивший кругосветное путешествие. На его борту был самый богатый груз награбленных богатств, когда-либо привозимый к этим берегам: невероятные пол-

тора миллиона фунтов стерлингов золотом, серебром, драгоценностями и драгоценностями.

То, что четыре из пяти кораблей погибли, восемь из каждого десятка человек погибли, Тим и Уатт пропали, а экспедицию Дрейка провел через Магелланов пролив в Тихий океан захваченный в плен португальский кормчий, не успокоило его ненависть. То, что Дрейк повесил одного офицера, отлучил от церкви капеллана Флетчера и не мог найти Северо-Западный проход, не уменьшило народного восхищения. Королева оставила ему половину привезенных сокровищ и наградила рыцарским званием. Джентри — мелкопоместные дворяне — и купцы, которые дали деньги на экспедицию, получили триста процентов прибыли и просили взять у них денег на следующее корсарское мероприятие. И все моряки хотели плыть с ним, потому что он много награбил и со своей долей добычи вернулся домой, а немногие выжившие счастливицы были богаты до конца жизни.

«Я бы тоже выжил, — сказал себе Блэксорн. — Я бы выжил. И моя доля сокровищ была бы достаточна, чтобы...»

— Риф впереди!

Он сначала почувствовал, а потом услышал крик. Потом вместе с ревом бури донесся пронзительный вопль.

Блэксорн выскочил из каюты и помчался по лестнице на ют — сердце его колотилось, горло пересохло. Была уже темная ночь, лил дождь, и он возликовал, так как понял, что сделанные много недель назад парусиновые сборщики дождя скоро наполнятся доверху. Открытым ртом он ловил почти горизонтально летящий дождь, чувствуя его сладость... Но откуда этот вопль?

Он увидел Хендрика, парализованного ужасом. Впередсмотрящий Магсуоккер съехал на носу, крича что-то неразборчивое и указывая вперед. Тогда он тоже посмотрел в море.

Риф был почти в двухстах ярдах впереди — большие черные скалы, о которые разбивались волны ненасытного моря. Пенная линия прибоя тянулась налево и направо, время от времени прерываясь. Волна вздымала огромные валы пены и бросала их в ночную темноту. Вырвало фал на форпике и унесло самую высокую перекладину. Мачта дрожала в гнезде, но держалась, и волна безжалостно несла корабль к смерти.

— Все на палубу! — прокричал Блэксорн и с яростью зазвонил в колокол.

Звук вывел Хендрика из ступора.

— Мы погибли! — прокричал он по-голландски. — О Боже, помоги нам!

— Собирай команду на палубу, негодяй! Ты проспал! — Блэксорн толкнул его в сторону лестницы, подошел к штурвалу, освободил веревки, крепящие рукоятки в одном положении, привязался и с трудом закрутил штурвал налево.

Он напряг все свои силы, когда руль ударился о стремительно несущийся поток воды. Весь корабль дрожал. Затем по мере того, как ветер переставал так сильно дуть, нос корабля начал поворачиваться со все увеличивающейся скоростью, и вскоре они стали бортом к ветрам и волнам. Штормовые топсели надулись и отчаянно пытались выдержать вес корабля, все веревки натянулись, как струны, и звенели. Еще одна волна взгромоздилась над ними и понесла их параллельно рифу, когда он увидел следующую, еще большую волну. Он предупреждающе закричал морякам, идущим от полубака, и изо всех сил вцепился в руль.

Волна, упав на корабль, накренила его и почти опрокинула, но он встряхнулся, как мокрый терьер, и выскочил из впадины между волнами. Вода каскадами скатывалась в шпигаты. Блэксорн глотнул воздуха. Он увидел, что тело старшего боцмана, лежавшее на палубе для завтрашнего погребения, исчезло и что следующая волна еще больше. Он схватил Хендрика и поднял его, держа и упираясь в борт со стороны волны. Вторая волна с ревом прокатилась через палубу. Блэксорн схватился рукой за штурвал, и вода прошла мимо него. Теперь Хендрик был в 50 ярдах от правого борта. Волна захватила его, отступая, потом подбросила высоко вверх — он момент продержался там, пронзительно крича, — потом унесла, измолотила струей о скалы и поглотила.

Корабль направился в море, пытаясь уйти подальше. Сорвало еще один фок и блок, а снасти бешено крутились, пока их не закрутило о такелаж.

Винк и второй матрос пробрались на ют и наклонились над рулем, пытаясь помочь. Блэксорн мог видеть, как риф стремительно приближался к правому борту. Впереди и слева в нескольких местах были видны проходы.

— Вперед, Винк. Крепи фок!

Фут за футом Винк и два других моряка поднимались по вантам фок-мачты, тогда как остальные упирались в веревки, помогая им.

— Смотрите вперед! — прокричал Блэксорн.

Волна вспенилась на палубе и уволокла еще одного моряка, опять выкинув на борт труп старшего ботмана. Нос поднялся из воды и ушел вниз, на палубу хлынула вода. Винк и другой моряк освободили парус. Он резко открылся, хлопнув, как пушечный выстрел, когда ветер заполнил его и корабль накренился.

Винк и его помощники висели, качаясь над морем, потом начали спускаться.

— Риф, риф впереди! — прокричал Винк.

Блэксорн и другие моряки закрутили штурвал вправо. Корабль заколебался, потом повернул и заскрежетал, когда скалы, едва видимые на поверхности воды, прошли вдоль борта корабля. Но это был косой удар, и раскрошился только выступ скалы, а корабль остался цел. Люди вздохнули свободно.

Блэксорн увидел проход в рифе впереди и направил корабль туда. Ветер теперь стал сильнее, море еще яростнее. Корабль накренился от порыва ветра, и колесо вывернулось из его рук. Все вместе они ухватили колесо и опять поставили корабль на курс, но он качался и вертелся как пьяный. Волна хлынула на корабль, ворвалась на полубак, ударив одного моряка о переборку, и палубу залило водой.

— Все к насосам! — прокричал Блэксорн. Он увидел, что двое моряков побежали вниз.

Дождь хлестнул его по лицу, и он скривился от боли. Свет у нактоуза компаса и кормовой огонь давно были погашены. Тут другой порыв ветра сбил судно с курса, рулевой поскользнулся, и колесо снова вырвалось у него из рук. Человек вскрикнул, когда рукоятка штурвала ударила его в висок, и упал, отдавшись на волю моря. Блэксорн поднял его и держал, пока этот кипящий вал не прошел. Тут он увидел, что моряк был мертв, толкнул его в кресло, и следующая волна смыла его в море.

Проход через рифы был в трех румбах от ветра, и, как ни пытайся, Блэксорн не мог бы пройти. Он с отчаянием искал другой проход, но знал, что его там нет, поэтому дал судну уйти от ветра, чтобы набрать скорость, потом резко отвернул его от ветра. Удалось немного выпиграть в расстоянии и удержать курс.

Затем раздалось воющее, мучительное содрогание судна, когда киль скреб по острым выступам рифа под ними, и все на борту представили, как они видят расходящиеся дубовые шпан-

гоуты, и море врывается в трюм. Корабль наклонился вперед, выходя из-под контроля.

Блэксорн закричал, вызывая о помощи, но никто не услышал его, поэтому он один боролся со штурвалом, один против волны. Он был отброшен в сторону, но ошущью вернулся обратно, удивляясь смутно, как может так долго удерживать руль.

В самом узком месте прохода море превратилось в сплошной водоворот, окруженный скалами. Громадные волны разбивались о риф, откатывались обратно, ударялись о вновь набегавшие и сталкивались в бешеном вихре. Неуправляемый корабль был втянут боком в этот водоворот.

— Плевать на тебя, шторм! — проревел Блэксорн. — Убери свои говноедские руки от моего корабля!

Колесо закрутилось снова и отбросило его, палуба угрожающе наклонилась. Бушприт ударился о скалу и оторвался вместе с частью такелажа, после чего судно выпрямилось. Передняя мачта изогнулась как лук и сломалась. Люди на палубе бросились на такелаж с топорами, чтобы рубить его, когда судно проскочило в бушующий пролив. Они отрубили мачту, которая ушла за борт, увлекая запутавшегося в такелаже моряка. Человек закричал, попав в ловушку, но никто ничего не мог сделать. Все только следили, как он и мачта появились и исчезли у борта и больше уже не появлялись.

Винк с остальными моряками, которые были на левой стороне судна, отглянувшись, увидели, что на юте Блэксорн как сумасшедший борется с бурей. Они перекрестились и удвоили свои молитвы, некоторые плакали от страха.

Проход на мгновение расширился, и корабль замедлил ход, но впереди он опять угрожающе сужался, и скалы, казалось, выросли, возвышаясь над судном.

Течение отбойной волной било в борт судна, увлекая его за собой, сбивая с курса и бросая на волю судьбы.

Блэксорн перестал проклинять шторм и пытался повернуть штурвал влево, повиснув на нем, — его мускулы свело от напряжения. Но корабль не слушался ни руля, ни волн.

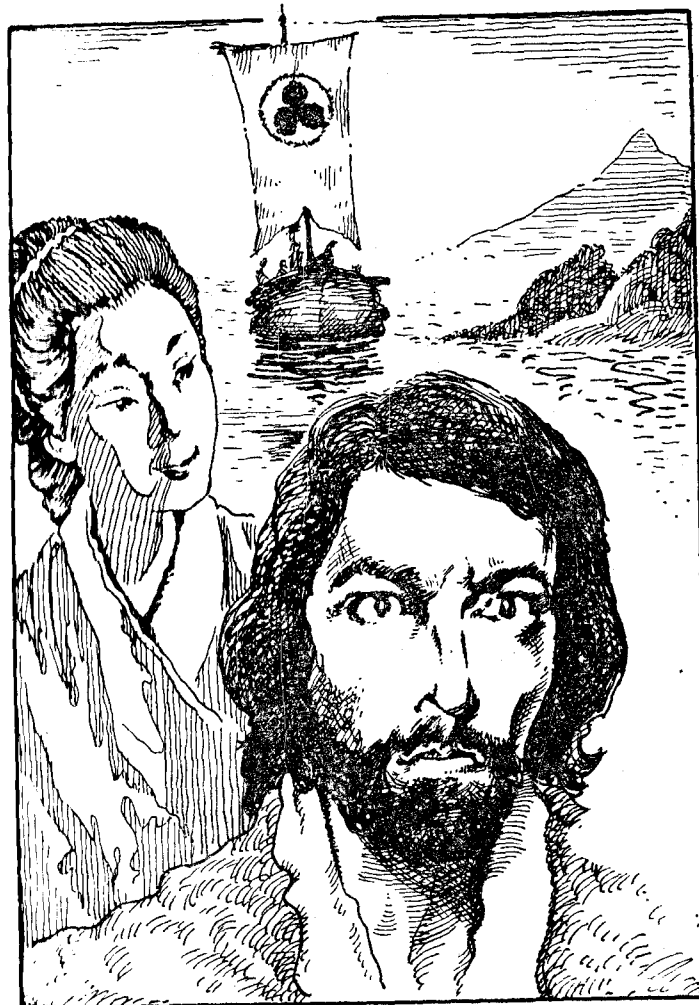
— Поверни, ты, старая шлюха из ада! — Он задыхался, его силы быстро убывали. — Помоги мне!

Напор волн усилился, и он почувствовал, что его сердце разрывается, но все еще противостоял давлению воды на руль. Он изо всех сил напрягал зрение, но то, что он видел, казалось, краски расплывались. Корабль был в самом центре пролива и не

двигался, но как раз в это время киль царапнул по глинистой отмели. Удар вернул его к жизни. Обломок руля упал в море. И тут ветер и море объединились, вместе они повернули корабль по ветру, и тот прошел через горловину в укрытие. В бухту, находившуюся впереди.

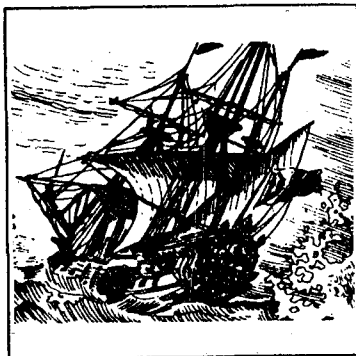
СЁГУН

ЧАСТЬ 1

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Блэксорн проснулся неожиданно. Какое-то мгновение он думал, что видит сон: он на берегу, и комната такая... невероятная: маленькая, очень чистая и устлана мягкими матами. Он лежал на толстом стеганом тюфяке, другой брошен на него. Потолок сделан из полированного кедра, а стены — из кедровых реек в виде квадратов, покрытых непрозрачной бумагой, что приятно приглушало свет.

Сбоку от него маленький поднос ярко-красного цвета с небольшими мисочками. В одной были холодные вареные овощи, и он проглотил их, едва заметив пикантный вкус. В другой — рыбный суп, и он выпил его. Еще в одной — густая каша из пшеницы или ячменя, он быстро съел и ее, помогая себе пальцами. Вода в странной формы бутылке из тыквы была теплой и необычной на вкус — горьковатая с чабером.

Тут он заметил распятие в нише.

«Этот дом испанский или португальский, — подумал он в ужасе. — Это Япония? Или Китай?»

Стенная панель отодвинулась в сторону. Среднего возраста полная круглолицая женщина стояла за дверью на коленях, кла-

нялась и улыбалась. Ее кожа была золотистого цвета, глаза черные и узкие, а длинные черные волосы плотно уложены на голове. На ней было серое шелковое платье, белые носки, обувь на толстой подошве, широкая красная лента была повязана вокруг груди.

— Гошуджинсама, дгокибун ва икага десу ка? — сказала она. Она ждала, он смотрел на нее непонимающе, потом повторила сказанное.

— Это Японские острова? — спросил он. — Япония? Или Китай?

Теперь она смотрела на него не понимая и сказала что-то еще. Блэксорн догадался, что он был голый. Одежды его нигде не было видно. Жестами он объяснил ей, что хочет одеться. Потом показал на чашки для еды, и она поняла, что он все еще голоден.

Она улыбнулась, поклонилась и задвинула дверь.

Он лежал на спине обессиленный, несчастный, с болью в спине и голове. С усилием он попытался собраться с мыслями. «Я помню, как отдавал якорь, — подумал он. — С Винком, я думаю, это был Винк. Мы были в бухте, и корабль уткнулся носом в отмель и остановился. Мы могли слышать шум волн, разбивающихся о берег, но все мы были в безопасности. На берегу были огни, потом я оказался в каюте в темноте. Я ничего не помню. Потом там в темноте появились огни и незнакомые голоса. Я говорил по-английски, потом по-португальски. Один из местных жителей говорил немного по-португальски. Или он был португалец? Нет, я думаю, он был туземец. Я спрашивал его, где мы находимся? Не помню. Потом мы были опять на рифе, пришла еще одна большая волна, меня вынесло в море, и я тонул — и замерзал — нет, море было теплым, как шелковая постель в морскую сажень толщиной. Они, видимо, вынесли меня на берег и положили здесь».

— Наверное, в этой кровати я чувствовал себя так мягко и тепло, — сказал он вслух. — Я никогда не спал до этого на шелку.

Слабость одолела его, и он уснул без сновидений.

Когда Блэксорн проснулся, в керамических мисочках снова была еда, а одежда была сложена рядом аккуратной стопкой. Ее постирали, погладили и заштопали мелкими аккуратными стежками.

Но ножа и ключей не было.

«Мне бы лучше найти нож, и поскорее, — подумал он, — или пистолет».

Его глаза обратились к распятию. Несмотря на его страх,

возбуждение усилилось. Всю свою жизнь он слышал от штурманов и моряков о невероятных сокровищах секретной империи Португалии на востоке, о том, как они превратили язычников в католиков и как держали их в рабстве, где золото было так же дешево, как чугун в слитках, и изумруды, рубины, алмазы и сапфиры встречались в таком же количестве, как галька на берегу.

«Если рассказы о католичестве верны,— сказал он себе,— может быть, остальное тоже. О сокровищах. Да. Но чем скорее я вооружусь и вернусь на «Эразмус» к его пушкам, тем лучше».

Он съел всю еду, оделся и стоял, качаясь, чувствуя себя не в своей тарелке, как чувствовал себя всегда на берегу. Его ботинок не было. Он пошел к двери, слегка качаясь, и вытянул руку, чтобы устоять, но легкие квадратные рейки не могли выдержать его веса и расщепились, бумага разорвалась. Он выпрямился. Женщина, которую он задел, смотрела на него из коридора.

— Извините,— сказал Блэксорн, странно смущенный своей неловкостью. Чистота в комнате была как-то нарушена.— Где мои ботинки?

Женщина опять смотрела на него непонимающе. Тогда, не теряя терпения, он на языке жестов спросил у нее о том же; она заторопилась по коридору, стала на колени, открыла другую дверь из реек и поманила его. Рядом послышались голоса и звук бегущей воды. Он прошел в дверь и оказался в другой комнате, также почти пустой. Она выходила на веранду с лестницей, ведущей в маленький сад, окруженный высокой стеной. Сбоку от этого главного входа стояли две старухи, три ребенка в ярко-красных одеждах и старик, очевидно садовник, с граблями в руках. Они все сразу с серьезным видом поклонились ему и держали головы опущенными.

К своему удивлению, Блэксорн увидел, что старик был голый, если не считать короткой узкой набедренной повязки, закрывающей его чресла.

— Доброе утро,— сказал он им, не зная, что сказать.

Они стояли не двигаясь, все еще в поклоне.

В замешательстве он посмотрел на них, потом снова неуклюже поклонился. Они все выпрямились и улыбнулись ему. Старик поклонился еще раз и вернулся к своей работе в саду. Дети смотрели на него, потом со смехом убежали. Старухи исчезли в глубине дома. Но он чувствовал на себе их взгляды.

Внизу у лестницы он увидел свои ботинки. Прежде чем он поднял их, женщина средних лет опустилась на колени и, к его замешательству, помогла ему обуться.

— Спасибо.— Он подумал минуту, потом указал на себя.— Блэксорн,— сказал он осторожно. Потом он указал на нее.— А твое имя?

Она смотрела на него, не понимая.

— Блэксорн,— повторил он раздельно, указывая на себя. Потом указал на нее.— Как твое имя?

Она нахмурилась, потом сообразила, указала на себя и сказала:

— Онна! Онна!

— Онна! — повторил он, гордый собой, как если бы она была им.— Онна.

Она радостно кивнула.— Онна!

Сад не был похож ни на что виденное им раньше: ручей с маленьким водопадом и мостиком и ухоженные гравийные дорожки, камни, цветы и кусты. «И так чисто,— подумал он.— Так все искусно сделано».

— Невероятно,— сказал он.

— Нефрятнер? — повторила она с готовностью.

— Ничего,— сказал он. Затем, не зная, что еще можно сделать, он махнул рукой, чтобы она уходила. Она вежливо поклонилась и послушно ушла.

Блэксорн сел на теплом солнышке, прислонившись к столбу. Чувствуя себя очень слабым, он наблюдал за тем, как старик полет уже прополотый сад. «Хотел бы я знать, где остальные. Жив ли еще адмирал? Сколько дней я спал? Я могу вспомнить только, как я просыпался, ел и спал и опять ел, не удовлетворенный, как будто это все было во сне».

Дети прибежали обратно, гоняясь друг за другом, и ему было неловко за них при виде наготы садовника, так как когда мужчина наклонялся, то обнажался полностью, но, к его удивлению, дети, казалось, ничего не замечали. Он видел черепичные и соломенные крыши других строений за стеной и далеко в стороне высокие горы. Резкий ветер расщипал небо и гнал облака. Летали на кормежку пчелы, день был удивительно приятный, весенний. Его тело требовало еще сна, но он выпрямился и прошел через дверь в сад. Садовник улыбнулся и поклонился, побежал открыть дверь, поклонился и закрыл ее за ним.

Деревня была расположена вокруг изгибающейся серповидной гавани, смотрящей на восток. Примерно около двухсот домов гнездились у подножия горы, которая шла, понижаясь, к берегу. Выше располагались террасированные поля и грунтовые дороги, которые вели на север и на юг. Ниже набережная была

вымощена галькой, и каменный наклонный спуск для судов уходил с берега в воду. Хорошая, безопасная гавань и каменная пристань, мужчины и женщины, чистящие рыбу и плетущие сети, удивительной формы лодка строилась в северной части. Далеко в море было несколько островов, к западу и к югу. Где-то там, за горизонтом, должны быть рифы.

В гавани было много других лодок необычной формы, большинство из них рыболовные суда, некоторые с одним большим парусом, некоторые с одним кормовым веслом — гребец стоял и отталкивался веслом, а не греб сидя, как сделал бы Блэксорн. Несколько лодок выходило в море, другие направлялись в деревнянный док. «Эразмус» был аккуратно поставлен на якорь в пятидесяти ярдах от берега, с тремя носовыми канатами. «Кто это сделал?» — спросил он себя. Вдоль судна стояли лодки, и он мог видеть, что на борту находятся туземцы. Но никого из его команды. Куда они могли деться?

Блэксорн оглядел деревню и осознал, что за ним наблюдает много народу. Когда они увидели, что он заметил их, то сразу все закланялись, и, все еще чувствуя себя неудобно, он поклонился в ответ. С этого момента вокруг началась оживленная деятельность: они ходили взад и вперед, останавливались, торговались, кланялись друг другу, видимо, забыв о нем, и были похожи на разноцветных бабочек. Но по дороге к берегу он чувствовал, что из каждого окна и дверей за ним следят глаза.

«Почему они такие странные? — спросил он себя. — Не только из-за одежды и поведения. Это из-за того, что у них нет оружия, — подумал он удивленно. — Без мечей или ружей! Почему это?»

Открытые лавки, заполненные странными товарами и тюками, вытянулись вдоль маленькой улицы. Чистые деревянные полы лавок были подняты, и продавцы и покупатели стояли на коленях или корточках. Он увидел, что почти все были обуты в башмаки или тростниковые сандалии, некоторые в те же белые носки на толстой подошве, которая раздвигалась, проходя между большим пальцем и остальными, но они снимали башмаки и сандалии снаружи у дома в грязи. Те, что босиком, вытирали ноги и надевали чистые комнатные сандалии. «Это очень правильно, если вдуматься», — сказал он себе почти с благоговением.

Потом он увидел приближающегося мужчину с тонзурой, и страх захватил его, болезненно распространяясь от яичек к желудку. Священник, очевидно, был португальский или испанский, и, хотя его свободная верхняя одежда была оранжевого

цвета, четки и распятие на поясе не позволяли ошибиться, как и холодно-враждебное выражение лица. Его одежда была дорожная, в пятнах, европейской формы ботинки испачканы грязью. Он оглянулся на гавань, на «Эразмус», и Блэксорн понял: он догадался, что судно голландское или английское, — новое для большинства морей, легкое, быстроходное торгово-военное судно, обустроенное и усовершенствованное по образцу английских каперов, которые производили такие опустошения на испанских торговых путях. Со священником было десять туземцев, черноволосых и черноглазых, один был одет как и он, за исключением плетеных домашних туфель. Другие носили разноцветные одежды, или свободные брюки, или просто набедренные повязки. Но никто не был вооружен.

Блэксорн хотел было убежать, но у него не было сил, да и спрятаться было негде. Его рост, размеры и цвет глаз делали его иностранцем в этом мире. Он прислонился спиной к стене.

— Кто вы? — спросил священник по-португальски. Это был полный, смуглый, упитанный мужчина лет двадцати пяти, с длинной бородой.

— Кто вы? — Блэксорн посмотрел на него.

— Это нидерландский капер. Ты еретик, голландец. Ты пират. Боже, спаси ваши души!

— Мы не пираты. Мы мирные купцы, если не считать наших врагов. Я кормчий этого корабля. А вы кто?

— Я отец Себастьян. Как вы попали сюда? Как?

— Нас выкинуло на берег штормом. Что это за страна? Это Япония?

— Да, Япония, Япония, — сказал священник нетерпеливо. Он повернулся к одному из мужчин, старшему из всех, небольшому и сутулому, с сильными руками и мозолистыми ладонями; его голова тряслась, волосы, заплетенные в тонкую косичку, были такие же серые, как брови. Священник, запинаясь, поговорил с ним по-японски, указывая на Блэксорна. Они все были удивлены, и один, как бы защищаясь, перекрестился.

— Голландцы — еретики, бунтовщики и пираты. Как ваше имя?

— Это португальское поселение?

Глаза священника были жесткими и налитыми кровью.

— Староста деревни говорит, что сообщил властям о вас. Ваши проступки известны. Где остальные из вашей команды?

— Мы сбились с курса. Нам только нужно получить пищу,

воду и время для починки нашего корабля. Потом мы уплывем. Мы можем заплатить за все...

— Где остальные члены вашей команды?

— Я не знаю. На борту. Я думаю, они на борту.

Священник снова поговорил со старостой, который отвечал и показывал на другой конец деревни, что-то подробно объясняя. Священник повернулся к Блэксорну.

— Они очень строги с преступниками, кормчий. Даймё придет с самураем. Помилуй тебя Бог.

— Кто такой даймё?

— Феодалный властитель. Он владеет всей этой провинцией. Как ты оказался здесь?

— А самурай?

— Воины, солдаты, члены военной касты, — священник говорил с нарастающим раздражением. — Откуда ты пришел и кто ты?

— Я не узнаю вашего акцента, — сказал Блэксорн, выводя его из равновесия. — Вы испанец?

— Я португалец, — вспыхнул священник, охваченный гневом. — Я сказал вам, я — отец Себастьян из Португалии. Где вы так хорошо выучились португальскому языку, а?

— Но Португалия и Испания теперь одна страна, — сказал Блэксорн насмешливо. — У вас один король.

— Мы разные страны. Мы разные народы. Так было всегда. У нас свой собственный флаг. Наши заморские владения раздельные, да, раздельные. Король Филипп согласился на это, когда он украл мою страну. — Отец Себастьян усилием воли удержал свой гнев, его пальцы дрожали. — Он взял мою страну силой оружия двадцать лет назад! Его солдаты и это дьявольское отродье, испанский тиран, герцог Альба, они разгромили нашего истинного короля. Дьявол! Сейчас царствует сын Филиппа, но он на самом деле не наш король. Скоро мы опять будем иметь своего собственного короля. — Потом он кивнул с горечью. — Вы знаете, что это правда. То, что этот дьявол Альба сделал с вашей страной, то же самое он сделал и с моей.

— Это ложь. Альба был чумой для Нидерландов, но он никогда не завоевывал их. Они все еще свободны. Всегда будут свободными. Но в Португалии он разгромил одну маленькую армию, и вся страна сдалась ему. Не хватило смелости. Вы могли бы разбить Испанию, если бы хотели, но вы никогда не сделаете этого. Нет чести. Нет совести. Кроме как сжигать невинных во имя Бога.

— Мой Бог будет вечно жечь вас в адском пламени! —

вспыхнул священник. — Сатана проник к вам на борт и будет уничтожен. Еретики будут уничтожены. Вы будете прокляты перед Богом!

К своему удивлению, Блэксорн почувствовал невольный ужас. «Священники не имеют уха Божьего или не могут говорить Его голосом. Мы свободны от вашего вонючего ярма и собираемся остаться свободными!»

Только сорок лет назад кровавая Мария Тюдор была королевой Англии и испанский Филипп II, Филипп Жестокий, ее мужем. Эта глубоко религиозная дочь Генриха VIII вернула католических священников и инквизиторов и пытки еретиков, восстановила засилье иностранных попов в Англии и повернула все завоевания своего отца и все исторические изменения в пользу римской церкви в Англии против воли большинства. Она правила в течение пяти лет, и королевство было разодрано на части ненавистью, страхом и кровопролитиями. Но она умерла, и королевой в двадцать четыре года стала Елизавета.

Блэксорна переполняли любопытство и глубокая сыновняя любовь, когда он думал о Елизавете. В течение 40 лет она воевала со всем миром. Она перехитрила и победила попов, Святую Римскую империю, Францию и Испанию, объединившихся друг с другом. Отлученная от церкви, побежденная, обреченная за границей, она привела нас в гавань — безопасную, прочную, отдельную.

— Мы свободны, — сказал Блэксорн священнику. — Вы побеждены. Мы теперь имеем свои собственные школы, собственные книги, собственную Библию, собственную Церковь. Вы — те же самые испанцы. Пададь. У вас те же самые монахи. Молящиеся идолу!

Священник поднял распятие и держал его между собой и Блэксорном как щит.

— О Боже, защити нас от дьявола! Я не испанец, говорю я тебе! Я португалец. И я не монах. Я брат общества Иисуса!

— А, один из них. Иезуит!

— Да. Мой Бог спасет твою душу! — Отец Себастьян бросил что-то по-японски, и мужчина приблизился к Блэксорну. Тот прислонился спиной к стене и сильно ударил его ногой, но остальные толпой накнулись, и он согнулся под ударами.

— Нани кто да?

Схватка сразу прекратилась.

В десяти шагах от них стоял молодой человек. На нем были бриджи, ботинки, легкое кимоно и два зачехленных меча, засунутых за пояс. Один был типа кинжала. Другой, двуручный меч,

был длинным и слегка изогнутым. Одна его рука случайно оказалась на рукоятке.

— Нани кто да? — спросил он хрипло и, когда никто не ответил сразу, повторил: — Нани кто да?

Японцы упали на колени, их головы склонились в грязь. Только один священник остался стоять. Он поклонился и начал объяснять, запинаясь, но мужчина презрительно оборвал его и показал на старосту: «Мура!»

Мура, староста, продолжал держать голову склоненной и начал быстро объяснять. Несколько раз он указал на Блэксорна, один раз на корабль и два раза на священника. Теперь на улице прекратилось всякое движение. Все, кто был на виду, стояли на коленях и низко кланялись. Староста кончил говорить. Вооруженный человек надменно допрашивал его еще некоторое время, и он отвечал четко и быстро. Потом солдат что-то сказал старосте и с явным презрением указал на священника, потом на Блэксорна, и седоволосый человек более просто пересказал это священнику, который покраснел.

Мужчина, который был на голову ниже и много моложе Блэксорна, с красивым лицом, слабо покрытым оспинками, посмотрел на незнакомца.

— Онуши иттаи доко кара китанода? Доко но куну но монада?

Священник сказал нервно:

— Касиги Оми-сан спрашивает, откуда ты пришел и какой ты национальности?

— А мистер Оми-сан — даймё? — спросил Блэксорн, с опаской косясь на меч.

— Нет. Он самурай, который отвечает за деревню. Его фамилия Касиги, Оми — его имя. Здесь они всегда сначала называют фамилию. «Сан» означает «благородный», и вы добавляете его ко всем именам из вежливости. Вам лучше научиться быть вежливым и быстрее приобрести хорошие манеры. Здесь они не терпят плохих манер. — Его голос стал строже. — Поторопитесь с ответом!

— Из Амстердама. Я англичанин.

Было заметно, что отец Себастьян был поражен. Он сказал самураю: «Англичанин. Из Англии» — и начал объяснять, но Оми нетерпеливо оборвал его и разразился потоком слов.

— Оми-сан спрашивает вас, не вы ли руководитель. Староста говорит, что живы только несколько еретиков из вашей команды, и большинство из них больны. Среди вас есть адмирал?

— Я руководитель, — ответил Блэксорн, — хотя, по правде говоря, теперь на берегу должен был командовать адмирал. — Я команду, — добавил он, зная, что адмирал Спилберген не мог бы ничем командовать ни на берегу, ни на борту, даже будучи здоровым и сытым.

Новый поток слов самурая.

— Оми-сан говорит, что, раз вы руководитель, вам разрешено свободно ходить по деревне, где хотите, пока не придет хозяин. Его хозяин, даймё, решит вашу судьбу. До тех пор вам разрешается жить как гостю в доме старосты и приходить и уходить, когда угодно. Но вы не должны оставлять деревню. Ваша команда ограничена в передвижениях, им нельзя выходить из дома. Вы поняли?

— Да, где моя команда?

Отец Себастьян показал неопределенно на скопление домов около верфи, очевидно, расстроенный решением Оми и его нетерпением.

— Там! Радуйся свободе, пират. Тебе дьявольски повезло...

— Вакаримас ка? — Оми обратился непосредственно к Блэксорну.

— Он говорит: «Ты понял?»

— Как будет «да» по-английски?

Отец Себастьян сказал самураю: «Вакаримасу».

Оми презрительно махнул им рукой, чтобы они уходили. Они все сделали низкий поклон. За исключением одного мужчины, который стоял не кланяясь, в нерешительности.

С неувимой скоростью боевой меч со свистом очертил се-ребристую дугу, и голова мужчины свалилась с плеч, заливая землю фонтаном крови. Тело несколько раз изогнулось в конвульсиях и застыло без движения. Непроизвольно священник отступил на шаг. Ни у кого на улице не дрогнул ни единый мускул. Головы остались наклоненными. Блэксорн остолбенел.

Оми небрежно поставил свою ногу на труп.

— Икимаса! — сказал он, махнув рукой, чтобы они ушли.

Люди перед ним опять поклонились ему до земли, а затем бесстрастно ушли. Улица стала пустеть. И магазины тоже.

Отец Себастьян глянул вниз на тело. Он медленно перекрестил его, произнес: «Во имя отца и сына и святого духа» — и оглянулся на самурая, но теперь без страха.

— Икимаса! — Блестящий конец меча опустился на тело.

Спустя долгое мгновение священник повернулся и ушел. С достоинством. Оми пристально смотрел на него, потом огля-

нул на Блэксорна. Тот повернулся, чтобы уйти, и, отойдя на безопасное расстояние, быстро завернул за угол и исчез.

Оми неудержимо расхохотался. Улица теперь была пуста. Отсмеявшись, он обеими руками схватился за меч и начал методично рубить тело на мелкие куски.

* * *

Блэксорн сидел в маленькой лодочке, лодочник кормовым веслом весело правил к «Эразмусу». Он не беспокоился, как упадет на корабль, так как на главной палубе было видно много людей — все самураи. Некоторые в нагрудниках, но большинство носили простое кимоно, как они называли свою одежду, и по два меча. У всех была одинаковая прическа: верхняя часть головы выбрита, а волосы сзади и по сторонам собраны в косичку, смазанную маслом, сложены вдвое на макушке и плотно завязаны. Только самураям разрешалась такая прическа, и для них она была обязательной. Только самураи могли носить два меча: длинный двуручный боевой меч и короткий, типа кинжала, — мечи тоже были для них обязательны.

Самураи стояли вдоль его корабля, наблюдая за ним.

Охваченный беспокойством, он поднялся по сходням и прошел на палубу. Один самурай, более изысканно одетый, подошел к нему и поклонился... Блэксорн уже был хорошо обучен и поклонился им всем, и все на палубе встретили его дружелюбно. Он все еще был в ужасе от неожиданного убийства на улице, и их улыбки не успокоили его предчувствий. Он прошел по направлению к коридору и внезапно остановился. Поперек двери была приклеена широкая лента красного шелка и сбоку от нее — маленький знак со странными закорючками. Он поколебался, проверил другую дверь, но и она была опечатана красной лентой и такой же знак прибит гвоздями к перегородке.

Он подошел, чтобы снять шелковую ленту.

— Хотте оке! — чтобы замечание было понятней, самурай-часовой покачал головой. Он больше не улыбался.

— Но это мой корабль, и я хочу... — Блэксорн, глядя на мечи, старался скрыть свое беспокойство. — «Я должен спуститься ниже, — подумал он. — Я должен попасть к руттерам, своему и секретному. Иисус Христос! Если их найдут и отдадут священникам или японцам, мы погибли. Любой суд в мире — за пределами Англии и Нидерландов — приговорит нас как пиратов при таких доказательствах. В моем руттере даны даты, места и количество награбленного, количество жертв на трех наших стоян-

ках в Южной и Северной Америке, число разграбленных церквей, и как мы жгли города и торговые корабли. А португальский бортовой журнал? Это наш смертный приговор, так как он, конечно, краденый.

По крайней мере он куплен у португальского предателя, и по их законам любой иностранец, ставший хозяином любого из таких журналов, позволяющих проходить Магелланов пролив, должен быть приговорен сразу же к смерти. И если руттер найден на борту вражеского корабля, корабль должен быть сожжен и вся команда на борту казнена без всякой жалости.

— Нан но йода? — сказал один самурай.

— Вы говорите по-португальски? — спросил Блэксорн на этом языке.

Человек пожал плечами.

— Вакармимасен.

Другой выступил вперед и тихо поговорил с начальником, который кивнул в знак согласия.

— Португальцы — друзья, — сказал самурай по-португальски с сильным акцентом. Он распахнул ворот кимоно и показал маленькое деревянное распятие, висящее у него на шее.

— Христианин! — Он указал на себя и улыбнулся. — Христианин. — Он указал на Блэксорна. — Христианин ка?

Блэксорн поколебался, потом кивнул.

— Христианин.

— Португалец?

— Англичанин.

Мужчина поговорил со своим начальником, потом оба они пожали плечами и опять оглянулись на него.

— Португалец?

Блэксорн покачал головой, не желая соглашаться с ними в чем-нибудь.

— Мои друзья? Где они?

Самурай показал на восточный край деревни:

— Друзья там.

— Это мой корабль. Я хочу спуститься вниз. — Блэксорн сказал им это несколько раз и указал знаками, и они наконец поняли.

— Ах, содесу! Киндзиру. — Они говорили с оживлением, указывая на печать и улыбаясь.

Было совершенно ясно, что ему не разрешат спуститься вниз. «Киндзиру» должно означать запрещение, с досадой подумал Блэксорн. Ну и Бог с ним. Он повернул ручку двери и открыл ее немного.

— Киндзиру!!!

Его рывком развернули, и он оказался лицом к лицу с самураем. Их мечи были наполовину вынуты из ножен. Не двигаясь, мужчины ждали, что он решит. Другие на палубе бесстрастно наблюдали за ними.

Блэксорн знал, что у него нет другого выбора, как повернуть обратно, поэтому он пожал плечами и ушел проверить канаты и всю оснастку как можно тщательней. Превратившиеся в лохмотья паруса были спущены и привязаны, как и положено. Но узлы были другие, отличавшиеся от всех, виденных им раньше, поэтому он просто предположил, что японцы закрепили корабль надежнее. Он стал спускаться по лестнице вниз, но остановился, почувствовав, как у него выступил холодный пот: все они недоброжелательно рассматривали его, и он подумал: «Боже мой, как мог я так сглупить». Правда, после его вежливого поклона враждебность сразу же исчезла, все поклонились ему в ответ и опять заулыбались. Но он еще чувствовал, как пот тонкими струйками стекает вниз по спине, и ненавидел все, что связано с японцами, и хотел, чтобы он и вся его команда снова оказались на борту, вооруженными и выходящими в море.

— Ей-Богу, я думаю, что ты не прав, кормчий,— сказал Винк. Его беззубая ухмылка была широка и непристойна.— Если примириться с помоями, которые они называют пищей, то это самое лучшее место, где я был. Из всех. Я имел двух женщин за три дня, и они похожи на крольчих. Они будут делать все, если ты им покажешь как.

— Это правда. Но ты ничего не сможешь, если не будет мяса или бренди. Во всяком случае, недолго. Мне уже надоело, и меня хватает только на один раз,— сказал Маэтсуккер. Его узкое лицо подергивалось.— Эти желтые мерзавцы не поняли, что нам нужно мясо, пиво и хлеб. И бренди или вино.

— Это самое плохое! Боже мой, королевство — за грог! — Баккус Ван-Некк был полон уныния. Он подошел и, встав около Блэксорна, всматриваясь в него. Очень близорукий, он потерял свои последние очки во время шторма. Но даже и с ними он всегда подходил как можно ближе. Он был старостой среди купцов, богач и представлял голландскую Восточно-Индийскую компанию, которая дала денег для плавания.

— Мы на берегу и в безопасности, и я тем не менее не имею выпивки. Некрасивая штука! Ужасная! Ты достал что-нибудь?

— Нет.— Блэксорну не нравилось, когда кто-нибудь стоял близко к нему, но Баккус был друг и почти слепой, поэтому он не отодвинулся.— Только горячая вода с травами.

— Они просто не понимают, что такое грог. Нечего выпить, кроме горячей воды с травами. Боже, помоги нам! Я думаю, во всей стране нет ликера! — Его брови приподнялись.— Сделай мне огромное одолжение, кормчий. Закажи ликеру, а?

Блэксорн нашел дом, который они занимали на восточном конце деревни. Охрана из самураев позволила ему пройти, но его люди подтвердили, что сами они не могут выходить за садовые ворота. В доме было много комнат, как и в его, но он был больше и обслуживался многими слугами различного возраста, как мужчинами, так и женщинами.

В живых осталось одиннадцать его людей. Мертвые были забраны японцами. Большие порции свежих овощей начали излечивать цингу, и все они, за исключением двух, начали быстро поправляться. Эти двое страдали желудочными кровотечениями, и их внутренности были воспалены. Винк делал им кровопускания, но это не помогло. К ночи он ожидал, что они умрут. Адмирал был в другой комнате, все еще очень больной.

Сонк, повар, коренастый маленький человек, говорил со смехом:

«Здесь хорошо, как говорит Джохан, за исключением пищи и отсутствия грога. И с туземцами все нормально, если ты не носишь башмаки в их доме. Эти желтые негодяи приходят в бешенство, если ты не снимаешь ботинок».

— Послушайте,— сказал Блэксорн,— здесь священник, иезуит.

— Боже мой! — Все веселье покинуло их, когда он рассказал о священнике и отсечении головы.

— Почему он отрубил голову этому человеку, кормчий?

— Я не знаю.

— Мы лучше вернемся на корабль. Если паписты схватят нас на берегу...

Теперь всех охватил страх. Саламон, матрос, следил за Блэксорном. Его рот двигался, в углах рта появились пузырьки пены.

— Нет, Саламон, это не ошибка,— Блэксорн ответил на немой вопрос.— Он сказал, что он иезуит.

— Боже, иезуит, или доминиканец, или каким бы он ни был в аду — нет разницы среди этих говноедов,— сказал Винк.— Нам бы лучше вернуться на корабль. Кормчий, ты попросишь об этом самурая, а?

— Мы в руках Бога,— сказал Жан Ропер. Это был один из

купцов-авантюристов, узкоглазый молодой человек с высоким лбом и тонким носом. — Он защитит нас от молящихся сатане.

Винк оглянулся на Блэксорна.

— А что с португальскими кормчими? Ты не видел их здесь?

— Нет. В деревне не было никаких их признаков.

— Их появится целая толпа, как только они узнают про нас, — сказал Маetsуккер, и юнга Круук застонал.

— Да, и если есть один священник, то скоро будут и другие. — Джинсель облизал сухие губы. — И тогда их Богом проклятые конкистадоры никогда не уедут отсюда.

— Это правильно, — сказал Винк с неохотой. — Они похожи на вшей.

— Боже мой! Паписты! — пробормотал кто-то. — И конкистадоры!

— Но мы в Японии, кормчий? — спросил Ван-Некк. — Он сказал вам это?

— Да. Почему?

Ван-Некк подошел ближе и заговорил тише:

— Если здесь священники и кое-кто из туземцев католики, может быть, верно и другое — про богатства: золото, серебро и драгоценные камни. — Наступила тишина. — Вы видели что-нибудь, кормчий? Какое-нибудь золото? Драгоценные камни на туземцах или золото?

— Нет. Ничего. — Блэксорн мгновение подумал. — Я не помню, чтобы видел что-нибудь. Ни ожерелий, ни бус, ни браслетов. Послушайте, я должен еще кое-что вам сказать. Я был на борту «Эразмуса», но корабль опечатан. — Он сообщил, что случилось, и их беспокойство усилилось.

— Боже, если мы не можем вернуться на корабль, а на берегу священники и паписты... Мы должны найти способ выбраться отсюда. — Голос Маetsуккера задрожал. — Кормчий, что мы собираемся делать? Они сожгут нас! Конкистадоры, эти негодяи, закроют нас своими шпагами...

— Мы в руках Бога, — сказал Жан Ропер самоуверенно. — Он защитит нас от антихриста. Это его обещание. Бояться нечего.

Блэксорн сказал:

— То, как самурай Оми-сан разговаривал со священником, — я уверен, что он ненавидит его. Это хорошо, а? Мне бы хотелось знать, почему священник не носит своей обычной одежды. Почему на нем оранжевая одежда? Я никогда не видел этого раньше.

— Да, это интересно, — сказал Ван-Некк.

Блэксорн поглядел на него.

— Может быть, их влияние здесь невелико. Это могло бы нам очень помочь.

— Что нам делать, кормчий? — спросил Джинсель.

— Быть терпеливыми и ждать до тех пор, пока не придет их главарь помещик, этот даймё. Он даст нам уехать. Почему бы ему не поступить так? Мы не сделали им вреда. Мы имеем товары для торговли. Мы не пираты, нам нечего бояться.

— Очень верно и не забывайте, кормчий сказал, что туземцы не все паписты, — проговорил Ван-Некк, больше чтобы успокоить себя, чем других. — Да. Это хорошо, что самурай ненавидит священника. И что вооружены только самураи. Это не так плохо, а? Просто следите за самураями и доставайте обратно свое оружие — это идея. Мы будем на борту до того, как вы узнаете об этом.

— Ну а что случится, если даймё папист? — спросил Жан Ропер.

Никто ему не ответил. Потом Джинсель сказал:

— Кормчий, этот человек с мечом? Он разрубил другого туземца на куски после того, как отрубил ему голову?

— Да.

— Боже мой! Они варвары! Сумасшедшие! — Джинсель был высокий, миловидный юноша с короткими руками и очень красивыми ногами. Цинга унесла все его зубы. — После того, как он отрубил голову, другие сразу ушли? Ничего не сказав?

— Да.

— Боже мой, невооруженного человека убили таким образом? Зачем он сделал это? Почему он убил его?

— Я не знаю, Джинсель. Но ты никогда не видел такой быстрой. Один момент меч был в ножнах, в следующий голова уже покатила.

— Боже, спаси нас!

— Боже мой, — пробормотал Ван-Некк. — Если мы не сможем попасть на корабль... Черт побери этот шторм, я чувствую себя таким беспомощным без очков!

— Сколько самураев на борту, кормчий? — спросил Джинсель.

— На борту было двадцать два. Но еще были самураи и на берегу.

— Гнев божий покарает язычников и грешников, и они будут гореть в аду веки вечные.

— Хотел бы я быть уверен в этом, Жан Ропер, — сказал Блэксорн едва слышно, так как чувствовал, что страх перед божьим возмездием проник в комнату. Он устал и хотел спать.

— Ты можешь быть уверенным, кормчий, о да, как я уверен. Я молюсь, чтобы твои глаза открылись правде Бога, чтобы ты понял, что мы здесь только из-за тебя, потому что он оставил нас.

— Что? — спросил Блэксорн с опаской.

— Почему на самом деле ты убедил адмирала плыть в Японию? Этого не было в наших приказах. Мы должны были отправиться в Новый Свет, проводить военные действия в тылу врага, потом вернуться домой.

— Но с севера были испанские корабли, и деваться было некуда. У тебя, что, память отшибло вместе с мозгами? Мы должны были плыть на запад — это было единственное спасение.

— Я ни разу не видел вражеских кораблей, кормчий. Никто из нас не видел.

— Конай, Жан, — сказал Ван-Некк устало. — Кормчий сделал что мог. Конечно, там были испанцы.

— А, это верно, и мы были в тысяче лиг от друзей и во вражеских водах, ей-Богу! — возразил Винк. — Это была правда — и мы поставили на голосование. Мы все сказали «да».

Сонк сказал:

— Меня никто не спрашивал.

— О, Боже мой!

— Успокойся, Джохан, — Ван-Некк попытался снять напряжение. — Мы первыми достигли Японии. Вы помните все эти рассказы, а? Мы разбогатеем, если мы не будем глупить. Мы имеем товары для торговли, и здесь есть золото — должно быть. Где еще мы сможем продать наш груз? Не в Новом Свете, где за нами охотились и где нас грабили. Испанцы знали, что мы вышли из Санта-Марии. Мы должны были покинуть Чили, и нам нельзя было вернуться через пролив — конечно, они залегли, поджидая нас, конечно! Нет, здесь был наш единственный шанс, и это была хорошая идея. Наш груз можно обменять на специи, золото и серебро, а? Подумайте о доходах — в тысячу раз, это обычное дело. Мы на островах приностей. Вы знаете о богатствах Японии и Китая, вы слышали о них всегда. Мы все слышали. Почему еще мы все записались на это судно? Мы разбогатеем, вы это увидите!

— Мы все мертвецы, как и остальные. Мы в стране Сатаны.

Винк сказал сердито:

— Заткнись, Ропер! Кормчий прав. Не его вина, что остальные умерли. Люди всегда погибают в таких путешествиях.

Глаза Жана Ропера были в крапинку, зрачки крошечные.

— Да, Бог успокоит их души. Мой брат был одним из них.

Блэксорн глядел в фанатичные глаза, ненавидя Жана Ропера. В глубине души он спрашивал себя, действительно ли он плыл на запад, спасаясь от вражеских кораблей. Или потому, что он был первым английским кормчим, прошедшим пролив, первым в таком положении, готовым и способным кинуться на запад с шансом совершить кругосветное путешествие?

Жан Ропер присвистнул:

— Разве другие умерли не из-за твоих амбиций? Бог накажет тебя!

— А теперь придержи язык. — Слова Блэксорна были мягкими и окончательными.

Жан Ропер оглянулся назад, его продолговатое лицо с выступающими скулами и крупным носом замерло, и он больше не проронил ни слова.

— Вот так. — Блэксорн устало сел на пол и прислонился к одной из стоек.

— Что нам делать, штурман?

— Ждать и готовиться. Их даймё скоро приедет — тогда мы получим все для ремонта корабля.

Винк выглянул в сад: самурай сидел без движения на корточках около ворот.

— Посмотрите на этого негодяя. Сидит часами, не двигаясь, ничего не говорит, даже в носу не ковыряет.

— Но он ни о чем и не беспокоится, Джохан. Совсем ни о чем, — сказал Ван-Некк.

— Да, но все, что мы делаем, — это спим, развлекаемся с девушками и едим эти помои.

— Кормчий, он всего один. А нас десять, — сказал Джинсель спокойно.

— Я думал об этом. Но мы еще недостаточно готовы. Еще пройдет неделя, прежде чем мы избавимся от цинги, — ответил Блэксорн встревоженно. — Потом, их слишком много на борту корабля. Мне не хотелось бы заниматься этим без копья или ружья. Вас охраняют ночью?

— Да. Они меняют стражу три или четыре раза. Кто-нибудь видел спящим часового? — спросил Ван-Некк.

Они покачали головами.

— Мы можем попасть на борт ночью, — сказал Жан Ропер. — С помощью Бога мы одолеем варваров и захватим корабль.

— Вынь затычки из ушей! Кормчий только что тебе сказал! Ты не слышал? — с отвращением бросил ему Винк.

— Правильно, — сказал Пьетерсун, артиллерист, соглашаясь. — Прекрати подкалывать старину Винка!

Глаза Жана Ропера сузились еще больше.

— Спасай свою душу, Джохан Винк. И ты свою, Ханс Пьетерсун. День суда приближается. — Он ушел и сел на веранде.

Ван-Некк нарушил молчание:

— Все будет хорошо. Вот увидите.

— Ропер прав. Это жадность привела нас сюда, — сказал юнга Круук, его голос дрожал. — Это божье наказание, что...

— Прекрати!

Юнга вздрогнул.

— Да, кормчий. Извини, но...

Максимилиан Круук был самым молодым из них, ему было только шестнадцать, и он записался на судно в плавание потому, что его отец был капитаном одного из судов, и они собирались скопить себе состояние. Но он видел страшную смерть своего отца, когда они грабили испанский город Санта-Магдалена в Аргентине. Добыча была большая, и он видел, что творится насилие, и пытался, ненавидя себя, наслаждаться кровавым запахом убийства. Позже он видел смерть многих своих товарищей и как из пяти кораблей остался один, и теперь он чувствовал себя самым старым среди них.

— Сколько времени мы на берегу, Баккус? — спросил Блэксорн.

— Третий день, — Ван-Некк опять придвинулся вплотную, присев на корточки. — Я не очень хорошо помню, как мы были, но когда я проснулся, туземцы были на борту, очень вежливые и добрые. Дали нам пищи и горячей воды. Убрали мертвых и бросили якорь. Я многого не помню, но думаю, что они отбуксировали нас в безопасное место стоянки. Вы были в горячке, когда вас перенесли на берег. Мы хотели, чтобы вы были с нами, но они не позволили нам этого. Один из них знал несколько слов по-португальски. Видимо, он у них главный — у него седые волосы. Он не понимает выражения «кормчий», но знает «капитан». Совершенно очевидно, что он хотел отделить от нас нашего «капитана», чтобы мы не беспокоились, что за вами будут хорошо присматривать. За нами тоже. Потом он проводил нас сюда, в основном нас переносили, и сказал, чтобы мы оставались в доме, пока не приедет его капитан. Мы не хотели отпускать тебя с ним, но ничего не могли поделать. Ты не попросишь старосту о вине или бренди, кормчий? — Ван-Некк облизал губы, как будто хотел пить, потом добавил: — Теперь я

думаю вот о чем, он упомянул также «даймё». Что произойдет, когда даймё появится?

— У кого-нибудь есть нож или пистолет?

— Нет. — Ван-Некк сказал это, вычесывая вшей из головы с отсутствующим видом. — Они забрали все наше платье, чтобы вычистить его, и не вернули оружие. Я не думал об этом все это время. Вместе с пистолетом они взяли мои ключи. Я держал их все на кольце. От кладовой, сейфа и склада.

— На борту все хорошо заперто. Об этом не стоит беспокоиться.

— Мне не хотелось бы остаться без моих ключей. Это нерврует меня. Черт побери, я мог бы прямо сейчас выпить бренди. Даже флакон эля.

— Святой Боже! Самири изрубил его на куски, да? — сказал Сонк, не обращая ни к кому конкретно.

— Ради Бога, заткнись. Не самири, а самурай. Ты можешь заставить человека выйти из себя, — сказал Джинсель.

— Я надеюсь, этот негодяй священник не появится здесь, — сказал Винк.

— Мы в безопасности во власти нашего доброго Бога. — Ван-Некк все еще пытался придать уверенность своему голосу. — Когда даймё появится, нас выпустят. Мы получим назад наши корабль и оружие. Вот увидите. Мы продадим все наши товары и вернемся в Голландию богатыми и невредимыми. Мы будем первыми голландцами, которые обошли вокруг земного шара. Католики попадут в ад, и это будет их конец.

— Нет, не то, — сказал Винк. — От папистов у меня идут мурашки по коже. Я не могу удержаться от этого. Это и еще мысль о конкистадорах. Вы думаете, их здесь много появится, кормчий?

— Я не знаю, думаю, что да. Я бы хотел иметь здесь всю нашу эскадру.

— Бедняги, — сказал Винк, — по крайней мере мы живы. Маетсуккер сказал:

— Может быть, они вернулись домой. Может быть, они повернули обратно в Магеллановом проливе, когда мы потерялись во время шторма.

— Надеюсь, ты прав, — сказал Блэксорн. — Но я думаю, что корабли и экипажи погибли.

Джинсель вздрогнул:

— По крайней мере мы живы.

— Если здесь паписты и эти варвары с их ужасными нравами, я бы не дал за наши жизни и п...ду старой проститутки.

— Будь проклят тот день, когда я уехал из Голландии,— сказал Пьетерсун.— Черт бы побрал этот грог! Если бы я не был пьянее уличной шлюхи, я бы лежал со своей старушкой в Амстердаме.

— Будь проклят ты сам, Пьетерсун. Но не проклинай ликер. Это напиток жизни!

— Мы по уши в дерьме, и оно поднимается все выше,— Винк закатил глаза.— Да, очень быстро.

— Я никогда не думал, что мы доберемся до богатых земель,— сказал Магтсуккер. Он был похож на хорька, несмотря на отсутствие зубов.— Никогда. Меньше всего в Японии. Вшивые отвратительные паписты! Мы никогда не выберемся отсюда живыми. Я хочу, чтобы у нас было оружие. Что за гнилая земля! Я ничего не имею в виду, кормчий,— сказал он быстро, когда Блэксорн поглядел на него.— Просто не везет, и все.

Позже слуги принесли опять еду. Всегда одно и то же: овощи, вареные и сырые, с небольшим количеством уксуса, рыбный суп и пшеничная или ячневая каша. Они все отказались от маленьких кусочков сырой рыбы и попросили мяса и ликера. Но их не поняли. Позже, перед заходом солнца, Блэксорн ушел. Он устал от страхов, ненависти и ругани. Он сказал, что вернется после рассвета.

Лавки на тесных улицах были полны. Он нашел свою улицу и ворота своего дома. Пятна крови на земле были затерты, и тело исчезло. «Как будто мне все это приснилось»,— подумал он. Садовые ворота открылись, прежде чем он успел прикоснуться к ним.

Старый садовник, все еще в набедренной повязке, хотя на ветру и было холодно, поклонился и улыбнулся: «Конбанва».

— Хэлло,— сказал Блэксорн, не думая. Он поднялся по ступеням и остановился, вспомнив о своих башмаках. Сняв их, он прошел босиком на веранду, вошел в коридор, но не смог найти свою комнату.

— Онна,— позвал он.

Появилась старуха: «Хай?»

— Где Онна?

Старая женщина нахмурилась и показала на себя:

— Онна!

— О, ради Бога! — сказал Блэксорн возбужденно.— Где моя комната? Где Онна? — Он отодвинул другую решетчатую дверь. На полу вокруг низкого столика сидели за ужином четыре японца. Он узнал одного из них, седоволосого деревен-

ского старосту, который был со священником. Они все поклонились.— О, извините,— сказал он и закрыл дверь.

— Онна! — позвал он.

Старуха подумала с минуту, потом поманила его к себе. Он прошел за ней в другой коридор. Она открыла дверь. Он по распахиванию узнал свою комнату... Стеганные одеяла уже были аккуратно разложены.

— Спасибо,— сказал он, успокоившись.— Теперь сходи за Онной.

Старая женщина ушла. Он сел; голова и тело болели. Он хотел посидеть на стуле и раздумывал, где они их держат. Как попасть на борт судна? Как достать оружие? Должен быть какой-то выход. Снова послышались шаги, и теперь появились три женщины: старуха, молодая круглолицая девушка и женщина средних лет.

Старая женщина указала на молодую, которая казалась несколько испуганной.

— Онна.

— Нет,— раздраженный Блэксорн встал и показал пальцем на женщину средних лет.— Вот Онна, Боже мой! Ты не знаешь своего имени? Онна! Я голоден. Могу ли я поесть?

Он потерял живот, изображая голод. Женщины поглядели друг на друга. Потом женщина средних лет пожала плечами, сказала что-то рассмешившее всех, подошла к постели и начала раздеваться. Две другие сидели на корточках, широко открыв глаза и чего-то ожидая.

Блэксорн пришел в смятение:

— Что ты собираешься делать?

— Исимасё! — сказала она, снимая пояс и распахивая кимоно. Ее груди были плоские и сухие, а живот огромен.

Было совершенно ясно, что она собиралась лечь с ним в постель. Он закачал головой и сказал, чтобы она оделась, и они все начали тараторить и жестикулировать, а женщина очень рассердилась. Она вышла из своей длинной нижней юбки и, голая, пыталась залезть обратно в постель.

Как только в коридоре появился хозяин, их болтовня прекратилась, и они стали кланяться.

— Нан дза? Нан дза? — спросил он.

Старая женщина объяснила, в чем дело.

— Вы хотите эту женщину? — спросил он недоверчиво португальски с сильным акцентом, который едва можно было понять, указывая на обнаженную женщину.

— Нет. Нет, конечно, нет. Я только хотел, чтобы Онна дала

мне чего-нибудь поесть.— Блэксорн нетерпеливо указал на нее.— Онна!

— Онна означает «женщина»,— японец указал на всех трех.—

Онна — онна — онна. Вы хотите онну?

Блэксорн устало покачал головой.

— Нет, нет, спасибо. Я ошибся. Извините. А как ее зовут?

— Да?

— Как ее имя?

— А! Ее имя Хаку. Хаку,— сказал он.

— Хаку?

— Да. Хаку!

— Извини, Хаку-сан. Я думал, онна — твое имя.

Мужчина объяснил ситуацию Хаку, и она была не очень обрадована. Но он сказал еще что-то, все поглядели на Блэксорна и захихикали, прикрываясь ладонью, а потом ушли, Хаку вышла голая, неся кимоно на руке, с огромным чувством достоинства.

— Спасибо,— сказал Блэксорн, взбешенный собственной глупостью.

— Это мой дом. Мое имя — Мура.

— Мура-сан. Мое — Блэксорн.

— Извините?

— Мое имя — Блэксорн.

— А! Берр-ракх-фон.— Мура несколько раз попытался произвести его, но не смог. Наконец он встал и снова начал рассматривать колосса перед собой. Это был первый варвар, которого он когда-либо видел, не считая отца Себастьяна и другого священника, много лет назад. «Но во всяком случае,— думал он,— священники темноволосые, темноглазые и нормального роста. Но этот человек высокий, с золотистыми волосами и бородой, с голубыми глазами и таинственной бледностью кожи там, где она была закрыта, и краснотой там, где на нее светило солнце. Удивительно! Я думал, все мужчины черноволосые и с темными глазами. Мы все такие. Китайцы такие, а разве китайцы — не весь мир, за исключением земли южных португальских варваров? Удивительно. И почему отец Себастио так ненавидит этого человека? Потому что он поклонник Сатаны? Я бы так не думал, так как отец Себастио мог придумать дьявола, если бы захотел. О, я никогда не видел доброго отца таким сердитым. Никогда. Удивительно! Так голубые глаза и золотистые волосы — метка Сатаны?»

Мура поглядел на Блэксорна и вспомнил, как он пытался допросить его на борту корабля и потом, когда этот капитан упал

без сознания, он решил перенести его в свой дом: он ведь командир и должен находиться под специальным присмотром. Они положили его на одеяла и раздели, скорее всего просто из любопытства.

— Его стыдные части довольно впечатляющи, а? — сказала мать Муры — Сейко.— Интересно, какой большой он будет, когда встанет?

— Большой,— ответил он, и все засмеялись: его мать, жена, друзья, слуги и доктор.

— Я думаю, их жены должны быть очень выносливы,— сказала его жена Нидзи.

— Вздор, дочка,— сказала его мать.— Любая из наших куртизанок может с успехом использовать необходимые приспособления.— Она покачала головой в удивлении.— Я никогда в своей жизни не видела ничего подобного. Правда, странно, а?

Они вымыли его, но он не пришел в сознание. Доктор думал, что неразумно окунать его в ванну, пока он не придет в себя.

— Может быть, нам следует помнить, Мура-сан, что мы не знаем, что из себя представляют варвары,— сказал он с осторожной мудростью.— Поэтому извини, но мы можем убить его по ошибке. Очевидно, его силы на пределе. Нам следовало бы проявить терпение.

— Но как быть со вшами в его волосах? — спросил Мура.

— Они там останутся на какое-то время. Я понимаю, они есть у всех варваров. Извини. Я советую потерпеть.

— Вы не думаете, что нам следует вымыть ему голову? — спросила его жена.— Мы будем очень осторожны. Я уверена, госпожа присмотрит за нашей работой. Это поможет варвару и удержит наш дом в чистоте.

— Я согласна. Вы можете вымыть его,— сказала его мать наконец.— Но я, конечно, хотела бы знать, какой большой он будет, когда встанет.

Сейчас Мура непроизвольно поглядел на Блэксорна. Потом он вспомнил, что священник говорил им об этих последователях Сатаны и пиратах. «Бог-Отец защитит нас от этого дьявола,— подумал он.— Если бы я знал, что он так ужасен, я бы никогда не привел его в мой дом. Нет,— сказал он себе.— Мы вынуждены обращаться с ним как со специальным гостем, пока Оми-сан не скажет, что надо наоборот. Но мы были очень мудры, известив немедленно священника и Оми-сана. Очень мудры. Я староста, я защищаю деревню, и я один отвечаю за это».

Да. И Оми-сан отвечает за смерть этим утром и нахальство погибшего человека, и совершенно правильно.

— Не будь глупцом, Тамазаки! Ты рискуешь добрым именем деревни! — предупреждал он своего друга-рыбака десятки раз. — Умерь свою нетерпимость. Оми-сан не имеет выбора, кроме как осмеивать христиан. Разве наш даймё не ненавидит христиан? Что еще может сделать Оми-сан?

— Ничего, я согласен, Мура-сан, пожалуйста, извини меня, — Тамазаки всегда отвечал, как обычно. — Но буддисты должны быть более терпимы, а? Разве оба они не дзен-буддисты? (Дзен-буддизм — учение о самодисциплине, самосовершенствовании, основанное на самоконтроле и медитации, чтобы достичь просветления.) Большинство самураев принадлежит к секте дзен-буддистов, как это и подобает гордым, ищущим смерти воинам.

— Да, буддизм учит терпению. Но сколько можно вам напоминать, что они самураи, и это Ицу, а не Кюсю, и, даже если бы это было на Кюсю, вы все равно не правы. Всегда. А?

— Да. Пожалуйста, извини меня, я знаю, что я не прав. Но иногда я чувствую, что не могу жить и таить стыд в себе, когда Оми-сан так оскорбляет истинную веру.

— А теперь, Тамазаки, ты мертв, так как сделал собственный выбор, оскорбив Оми-сана, отказавшись кланяться ему просто потому, что он сказал: «Этот воинственный священник иностранной религии». Пусть от священника пахнет и истинная вера — иностранная. Мой бедный друг, эта религия не прокормит твою семью и не смое позора с моей деревни.

О, Мадонна, благослови моего старого друга и пошли ему радость на небесах.

«Ожидай от Оми-сана много горя, — сказал себе Мура. — И если это недостаточно плохо, то еще придет даймё». Растущее беспокойство всегда заполняло его, когда бы он ни думал о своем феодале Касиги Ябу, даймё Изу, дяде Оми, — жестокость и бесчестие, способ, которым он обманывал все деревни при выдаче им законной доли их улова рыбы и урожая и доли при помоле. «Когда придет война, — спрашивал себя Мура, — чью сторону примет Ябу — господина Ишидо или господина Торанага? Мы в ловушке между двумя гигантами и в заложниках у обоих».

Северный, Торанага — самый крупный из живущих генералов, хозяин Кванто, Восьми провинций, самый важный даймё в стране, Главный генерал армий на востоке; к западу расположены земли Ишидо — он хозяин замка в Осаке, завоеватель Ко-

рей, защитник наследника, генералиссимус западных армий... А к северу, в сторону Токайдо, проходит Великий прибрежный путь, который связывает Эдо, главный город Торанаги, с Осакой, главным городом Ишидо, — триста миль к западу, куда должны двинуться их легионы. Кто победит в войне? Неизвестно. Поскольку война охватит опять всю империю, союзы распадутся, провинции будут воевать друг против друга, пока каждая деревня не станет воевать с другой, как это уже было. Если не считать последние десять лет. За последние десять лет, это невероятно, но не было ни одной войны, мир по всей империи, впервые в истории.

«Мне начинает нравиться мир», — подумал Мура.

Но человек, который добился мира, мертв. Солдат из крестьян, который стал самураем, потом генералом и потом самым главным генералом и, наконец, Тайко, абсолютным лордом-протектором Японии, умер год назад, а его семилетний сын слишком молод, чтобы наследовать верховную власть. Так что мальчик, как и мы, заложник. У двух гигантов. И война неизбежна... Теперь даже сам Тайко не сможет защитить любимого сына, его династию, его наследство или его империю.

Может быть, так и следовало. Тайко покорил земли, добился мира, вынудил всех даймё в стране пресмыкаться перед ним, как простых крестьян, перераспределил владения согласно своим желаниям — выдвигая одних помещиков, свергая других, — и потом умер. Он был гигант среди пигмеев. Но, может быть, это правильно, что вся его работа и величие должны были умереть вместе с ним? Разве мужчина не цветок, сорванный ветром, и только горы и море, звезды и эта земля богов являются реальными и вечными?

Мы все в западне, и это факт, что война начнется скоро и что Ябу один будет решать, на чьей мы стороне. И другой факт, что деревня всегда будет деревней, потому что рисовые поля здесь плодородные, море богато рыбой, и это последний факт.

Мура упорно обращался мыслями к этому варварскому пирату, стоящему перед ним. «Ты дьявол, посланный на нас как чума, — подумал он, — и ты не приносишь нам ничего, кроме беды, с того самого времени, как попал сюда. Почему ты не мог подобрать другую деревню?»

— Капитан-сан хочет женщину? — спросил он дружелюбно. По его предложению совет деревни дал распоряжения о других варварах, как с точки зрения вежливости, так и с точки зрения поддержания их занятости до приезда властей. За это деревня будет потом вознаграждена соответствующими рассказами о

любовных связях с иноземцами, а не деньгами, которые будут уплачены.

— Женщину? — повторил он, видимо, подразумевая, что если пират стоит на ногах, то такое же положение должно быть и с его внутренностями, его Небесное Копье тепло упаковано перед сном и, как бы то ни было, все приготовления сделаны.

— Нет! — Блэксорн хотел только спать. Но он знал, что этот человек должен быть на его стороне, он заставил себя улыбнуться, указывая на распятие.

— Вы христианин?

Мура кивнул.

— И я христианин.

— Священник говорит, что нет. Не христианин.

— Я христианин. Не католик. Но я тем не менее христианин.

Но Мура не мог понять. Не было никакого способа объяснить, но Блэксорн попытался.

— Хотите она?

— Димё когда придет?

— Димё? Не понимаю.

— Димё, — ах, я имею в виду даймё.

— А, даймё! Ха, даймё! — Мура пожал плечами. — Даймё придет, когда придет. Спите. Сначала помойтесь. Пожалуйста.

— Что?

— Помойтесь. Примите ванну, пожалуйста.

— Я не понимаю.

Мура подошел ближе и брезгливо скривил нос.

— Воняет. Плохо. Как от всех португальцев. Вымойся. У нас чистый дом.

— Я буду мыться, когда захочу, и от меня не пахнет! — Блэксорн разозлился. — Каждый знает, что ванны опасны. Ты хочешь, чтобы я схватил простуду? Ты думаешь, я Богом проклятый глупец? Убирайся отсюда и дай мне поспать!

— Вымойся, — приказал Мура, пораженный гневом варвара — высшим признаком плохих манер. Это было связано не с запахом от варвара, хотя он и был, но, по его сведениям, тот не мылся целых три дня, и проститутка совершенно справедливо откажется лечь с ним, как бы много ей ни заплатили. «Эти ужасные иноземцы, — подумал он, — удивительные. Как мерзки их привычки! Ничего. Я отвечаю за тебя. Тебя научат хорошим манерам. Ты будешь мыться в ванне по-человечески, и мать божья узнает, что она хочет узнать».

— Помойся!

— А теперь убирайся, не то я разорву тебя на куски! — Блэксорн сердито посмотрел на него, указывая на дверь.

Наступила короткая пауза, и появились еще три японца с тремя женщинами. Мура коротко объяснил им, в чем дело, потом сказал окончательно Блэксорну:

— Ванна. Пожалуйста.

— Убирайся!

Мура один вошел в комнату. Блэксорн оттолкнул его рукой, не желая причинить ему боль, только отпихнуть. Внезапно Блэксорн замычал от боли. Каким-то образом Мура ударил его по локтю ребром руки, и рука Блэксорна повисла, моментально парализованная. Разозлившись, он попытался атаковать. Но комната закружилась и он упал плашмя лицом, и тут возникла другая, колющая, парализующая боль в спине, и он больше уже не мог двигаться. «Боже мой...»

Он попытался встать, но ноги у него подгибались. Тут Мура спокойно протянул свой маленький, но твердый, как железо, палец и дотронулся до нервного центра на шее Блэксорна. Боль была ослепляющая.

— Боже мой...

— Ванну? Пожалуйста?

— Да-да, — выдохнул Блэксорн сквозь агонию, ошеломленный тем, что его так легко одолел этот маленький человек и он лежит теперь беспомощный, как ребенок, готовый к тому, что ему перережут горло.

Много лет назад Мура обучился искусству каратэ и дзюдо, так же как фехтованию шпагой и копьем. Это было, когда он был воином и воевал за Накамуру, крестьянского генерала, Тайко — задолго до того, как Тайко стал Тайко, — когда крестьяне могли быть самураями и самураи могли быть крестьянами, или лодочниками, или даже презренными купцами и снова воинами. «Странно, — подумал Мура, отсутствуя, глядя вниз на упавшего гиганта, — что почти первым, что сделал Тайко, когда приобрел такую силу, — приказал всем крестьянам перестать быть воинами и сразу же сдать все оружие. Тайко запретил им навсегда иметь оружие и установил жесткую кастовую систему, которая теперь контролировала все в жизни империи: самурай выше всех, ниже их крестьяне, затем лодочники, затем купцы, за ними актеры, парии и бандиты, и, наконец, в самом низу — эти, нелюди, те, кто имел дело с мертвыми телами, обработкой кожи и мертвыми животными, те, кто был также общественными палачами, клеймовщиками и пыточниками. Конечно, любой варвар был ниже всех в этой шкале».

— Пожалуйста, извини меня, капитан-сан,— сказал Мура, низко кланяясь, пристыженный тем, что варвар потерял лицо, упал, стелая, как грудной ребенок. «Да, я очень сожалею,— подумал он,— но это должно было произойти. Ты провоцировал меня своим бессмысленным, чрезмерным упорством, даже для варвара. Ты кричал как безумный, вывел из равновесия мою мать, лишил мой дом покоя, обижал слуг, и моя жена должна была поменять седзи. Мне нельзя было оставить без внимания твой явный недостаток манер. Или позволить тебе поступать в моем доме против моих желаний. Это действительно для твоего собственного добра. Потом, это не так плохо, потому что вы, варвары, не должны терять лицо. За исключением священников — они совсем другое дело. Они все ужасно пахнут, но они помазаны Богом-отцом, так что они имеют большое лицо. Но ты — ты лжец, так же как и пират, лишенный чести. Как удивительно! Заявить, что он — христианин. К сожалению, это тебе совсем не поможет. Наш даймё ненавидит истинную веру и варваров и терпит их только потому, что должен это делать. Но ты не португалец и христианин, следовательно, не защищен законом, да? Так что хотя ты и мертвый человек — или по крайней мере изуродованный,— моя обязанность следить, чтобы ты встретил свою судьбу чистым. Мыться очень хорошо!»

Он помог остальным мужчинам перенести все еще находящегося в полубессознательном состоянии Блэксорна через весь дом в сад вдоль крытого перехода, которым он очень гордился, в баню. Женщины шли за ним.

Это стало одним из самых больших событий в его жизни. Он знал в то время, что ему придется рассказывать и пересказывать эту историю не доверяющим ему друзьям за баррелями горячего саке (так называется национальный спиртной напиток Японии), своим приятелям, рыбакам, сельским жителям, своим детям, которые не сразу поверят ему. Но они в свою очередь будут потчевать этим рассказом своих детей, и имя Муры, рыбака, будет вечно жить в деревне Анджино, расположенной в провинции Изу на юго-восточном побережье главного острова Хонсю. Все потому, что он, рыбак Мура, имел счастье быть старостой в первый год после смерти Тайко и, следовательно, временно отвечать за вождя незнакомых варваров, которые пришли из восточного моря.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Даймё, Касиги Ябу, хояин Изу, хочет знать, кто вы, откуда пришли, как оказались здесь и какие акты пиратства вы совершили,— сказал отец Себастьян.

— Я продолжаю утверждать, что мы не пираты.

Утро было ясное и теплое, и Блэксорн стоял на коленях перед платформой на деревенской площади, его голова болела от удара. «Успокойся и за-

ставь свои мозги работать,— сказал он сам себе.— Сейчас на карту поставлены ваши жизни. Ты адвокат, и все. Иезуит твой враг, и он единственный имеющийся переводчик, а ты не можешь узнать, что он говорит, но можешь быть уверен, что он тебе не поможет... «Собери все свои мозги,—он почти мог слышать, что говорит старый Альбан Карадок.— Когда море смертоносно и штормы самые сильные, вот когда нужны твои знания. Вот что удерживает тебя живым и твой корабль на плаву — если ты кормчий. Собери все свои знания и выжми сок из каждого дня...»

«Сок сегодняшнего дня — это желчь,— мрачно подумал Блэксорн.— Почему я так отчетливо слышу голос Альбана?»

— Сначала скажи даймё, что мы враги, что мы в состоянии войны,— сказал он.— Скажи ему, что Англия и Нидерланды воюют с Испанией и Португалией.

— Я снова предупреждаю вас, чтобы вы говорили просто и не переворачивали факты. Нидерланды, или Голландия, Низкие земли. Соединенные провинции, как бы ни называли их вы, мерзкие мятежники,— это маленькая мятежная провинция Испанской империи. Вы вождь изменников, которые подняли мятеж против своего законного короля.

— Англия находится в состоянии войны, и Нидерланды...— Блэксорн не стал продолжать, потому что священник больше не слушал его, а переводил.

Даймё был на платформе, невысокий, плотный и очень важный. Он удобно сидел на коленях, пятки были аккуратно подобраны; по бокам стояли четыре помощника,— одним из них был Касиги Оми, его племянник и вассал. Все они носили шелковые

кимono и поверх них разукрашенные одежды, надеваемые на доспехи, с широкими поясами, поднятыми над талией. Плечи были огромные, накрахмаленные. И неизменные мечи.

Мура стоял на коленях в грязи. Он был единственным из деревни, а остальные свидетели — это самураи, пришедшие с даймё. Они сидели правильными молчаливыми рядами. Члены команды парусника располагались сзади Блэксорна и, как и он, были на коленях, сбоку них была стража. Им пришлось принести адмирала, хотя тот и был очень болен. Ему позволили лечь в грязь, хотя он находился в полубессознательном состоянии. Блэксорн поклонился вместе с ними, когда они подошли к даймё, но этого было недостаточно. Самурай пинками заставил их стать на колени и опустить головы в грязь, как крестьян. Он пытался сопротивляться и крикнул священнику, что это не соответствует их обычаям, что он командир и эмиссар их страны и с ним должны соответственно и обращаться. Но рукоятка меча заставила его подчиниться. Его люди сгрудились в мгновенном порыве, но он приказал им остановиться и стать на колени. К счастью, они послушались. Даймё издал что-то гортанное, и священник перевел это как предупреждение ему говорить правду и отвечать быстро. Блэксорн попросил стул, но священник сказал, что японцы не пользуются стульями и в Японии их нет ни одного.

Блэксорн сосредоточил все свое внимание на священнике, когда он говорил с даймё, стремясь найти подход к нему, способ преодолеть эту опасность.

«В лице даймё чувствуются высокомерие и жестокость, — подумал он. — Держу пари, что он настоящий негодяй. Священник не очень хорошо говорит по-японски. О, видишь это? Возбуждение и нетерпение. Даймё спросил другое слово, более точное. Думаю, что так. Почему иезуит носит оранжевые одежды? Даймё католик! Смотри, иезуит изменился в лице и сильно потеет. Держу пари, даймё не католик? Будь аккуратнее! Может быть, он не католик. В любом случае ты от него не получишь пощады. Как ты сможешь использовать этого негодяя? Как тебе поговорить с ним напрямую? Как ты собираешься переиграть священника? Как дискредитировать его? На что он клюнет? Ну же, думай! Ты достаточно знаешь об иезуитах».

— Даймё говорит, поторопись и отвечай на его вопросы.

— Да, конечно. Прошу прощения. Мое имя Джон Блэксорн. Я англичанин, главный кормчий нидерландского флота. Наш порт Амстердам.

— Флот? Какой флот? Ты врешь. Никакого флота нет. Почему английский кормчий на голландском корабле?

— Все в свое время. Пожалуйста, переведи, что я сказал.

— Почему ты стал кормчим голландского капера? Быстрее! Блэксорн решил блефовать. Его голос внезапно стал твердым — он так и прорезал утреннюю теплоту:

— Дьявол! Сначала переведи, что я сказал, испанец! Ну! Священник вспыхнул.

— Я португалец. Я уже говорил тебе об этом. Отвечай на вопросы.

— Я здесь, чтобы говорить с даймё, а не с тобой. Переводи то, что я сказал, безродное отребье!

Блэксорн видел, что священник покраснел еще больше и что это не осталось незамеченным даймё. «Будь осторожен, — предупредил он себя. — Этот желтолицый негодяй разрежет тебя на кусочки быстрее, чем стая акул, если ты выйдешь из себя».

— Скажи господину даймё!

Блэксорн умышленно низко поклонился в сторону платформы и почувствовал, как холодный пот начал собираться в капли, когда он твердо наметил, что ему делать.

Отец Себастьян знал, что его положение делает его неуязвимым для оскорблений пирата. Он твердо решил дискредитировать англичанина перед даймё. Но впервые это не сработало, и он растерялся. Когда посланец от Муры принес ему известие о корабле в его миссию в соседнюю провинцию, он мучился в догадках. «Это не мог быть голландский или английский корабль! — думал он. — В Тихом океане не могло быть никого на кораблях еретиков, за исключением этого архидьявола корсара Дрейка, и никогда ни одного не было в Азии. Морские пути были секретными и охраняемыми». Он сразу пригласил к отъезду и послал срочное послание с почтовым голубем своему игумену в Осаку, с которым собирался сначала посоветоваться, зная, что сам еще молод, почти неопытен. В Японии он почти новичок, пробыл здесь всего два года, еще даже не посвящен в духовный сан и не компетентен в таком опасном деле. Он бросился в Анджино, надеясь и молясь, чтобы новость оказалась ложной. Но судно было голландским, и штурман англичанин, и все его отращивание к сатанинским еретикам Лютеру, Кельвину, Генриху VIII и сатанинской Елизавете, его незаконнорожденной дочери, переполнило его. И поглотило его разум.

— Священник, переведи то, что говорит пират, — услышал он даймё.

«О, благословенная Матерь Божия, помоги мне выполнить твою волю. Помоги мне быть сильным перед даймё и дай мне способности к языкам, дай мне обратить их в истинную веру».

Отец Себастьян собрал все свои силы и начал говорить более уверенно.

Блэксорн слушал внимательно, пытаясь понять слова и смысл. Священник помянул «Англия» и «Блэксорн» и указал на корабль, который спокойно стоял на якоре в гавани.

— Как вы оказались здесь? — спросил отец Себастьян.

— Через Магелланов пролив. Это в ста тридцати шести днях пути отсюда. Скажи даймё...

— Ты лжешь. Пролит Магеллана секретный. Ты прошел вокруг Африки и Индии. Ты должен сейчас же сказать правду. Они будут тебя пытаться.

— Пролит был секретный. Португалец продал нам руттер. Один из ваших собственных людей продал нам его за золото, как Иуда. Вы все дерьмо! Теперь все английские и нидерландские военные суда знают путь через Тихий океан. Там эскадра в двадцать английских линейных кораблей — шестидесятипушечных военных кораблей — прямо сейчас атаквала Манилу. Ваша империя кончилась.

— Ты врешь!

«Да», — подумал Блэксорн, зная, что способа доказать, что это не ложь, нет, если только не сплавать в Манилу.

— Эта эскадра будет нападать на ваши торговые пути и захватывать ваши колонии. Еще один флот будет здесь теперь в любое время. Испано-португальская свинья опять в своем свинарнике, и член вашего иезуитского генерала у нее в заднице, где ему и место! — Он отвернулся и низко поклонился даймё.

— Бог проклянет тебя и твой недостойный род.

— Аю моно ва нани о машите ору? — нетерпеливо бросил даймё.

Священник заговорил быстрее, более твердо и сказал «Магеллан» и «Манила», но Блэксорн подумал, что даймё и его приближенные не очень хорошо его понимают.

Ябу устал от этого разбирательства. Он глянул на гавань, на корабль, который интересовал его с тех пор, как он получил тайное послание от Оми, и размышлял, не подарок ли это богов, как он надеялся.

— Ты уже осмотрел груз, Оми-сан? — спросил он этим утром, как только прибыл, забрызганный грязью и усталый.

— Нет, хозяин. Я подумал, что лучше всего опечатать ко-

рабль до вашего приезда, но трюмы полны ящиками и тюками. Надеюсь, я поступил правильно. Вот все их ключи. Я их конфисковал.

— Хорошо, — Ябу приехал из Эдо, столицы Торанаги, расположенной более чем в ста милях отсюда, в крайней спешке, тайком и с большим личным риском, и это было очень важно, что он добрался так быстро. Путешествие заняло два дня, по отвратительным дорогам, через разлившиеся весной ручьи, частично верхом, частью в паланкине. «Я сразу поеду на корабль».

— Вам следовало бы повидать иноземцев, хозяин, — сказал Оми со смехом. — Они невозможны. У большинства голубые глаза, как у сиамских кошек, золотистые волосы. Но лучшая новость из всех — то, что они пираты...

Оми пересказал ему все, что священник сообщил об этих корсарах, и что сказал пират, и что случилось, и его возбуждение утроилось. Ябу подавил свое нетерпение подняться на борт корабля и сорвать печати. Вместо этого он помылся, переоделся и приказал привести к нему варваров.

— Ты, священник, — сказал он, его голос был резок и смысл едва доходил до отца Себастьяна, плохо знающего язык. — Почему он так зол на тебя?

— Он дьявол. Пират. Он поклоняется дьяволу.

Ябу наклонился к Оми, сидящему слева.

— Можешь ты понять, что он говорит, племянник? Он врёт? Что ты думаешь?

— Я не знаю, хозяин. Кто знает, во что на самом деле верят варвары? Я допускаю, что священник думает, что пират действительно поклонник дьявола. Конечно, все это вздор.

Ябу снова повернулся к священнику, которого ненавидел. Он хотел, чтобы его можно было сегодня же распять и уничтожить христианство в его районе раз и навсегда. Но он не мог. Хотя он и другие даймё имели полную власть в своих районах, они все-таки подчинялись власти Совета регентов, военной правящей хунте, которой Тайко официально передал свою власть на время несовершеннолетия своего сына, и подчинялись также указам, которые тот издал во время своего правления и которые официально еще оставались в силе. Один из них, выпущенный много лет назад, касался португальских варваров и указывал, что в пределах разумного к их религии надо проявлять терпимость так, чтобы их священники могли обращать людей в свою веру.

— Ты, священник! Что еще говорит пират? Что он сказал тебе? Быстрее! Ты проглотил язык?

— Пират принес плохие новости. Плохие. О том, что плывут еще пиратские корабли — и много.

— Что он подразумевает под «военными кораблями»?

— Извини, хозяин, я не понял.

— «Военные лодки» не имеет смысла, а?

— А! Пират говорит, другие военные корабли в Маниле, на Филиппинах.

— Оми-сан, ты понимаешь, о чем он говорит?

— Нет, хозяин. Его акцент ужасный, это почти непонятная речь. Он говорил, восточнее Японии есть еще пиратские корабли?

— Да, священник! Есть еще пиратские корабли в море? Восточнее? А?

— Да, хозяин. Но я думаю, он врет. Он говорит, в Маниле.

— Я не понимаю, где находится Манила?

— На востоке. Много дней пути.

— Если какие-то пиратские корабли придут сюда, мы устроим приятную встречу, где бы ни была эта Манила.

— Пожалуйста, извините меня. Я не понимаю.

— Неважно, — сказал Ябу. Его терпение пришло к концу, он уже решил, что варвары должны умереть, и наслаждался предстоящим. Очевидно, что эти люди не подпадали под эдикт Тайко, который упоминал «португальских варваров», и, во всяком случае, они были пираты. Сколько он мог себя помнить, он ненавидел этих дикарей, их зловоние и грязь, их омерзительную привычку есть мясо, их глупую религию, высокомерие и отвратительные манеры. Более, чем этого, он стыдился, как каждый даймё, их одержимости этой землей богов. Между Китаем и Японией столетиями шли войны. Китай не давал торговать. Китайская шелковая одежда была жизненно необходима для того, чтобы можно было перенести длинное, жаркое и влажное японское лето. Для целых поколений в Японии было доступно только незначительное количество контрабандной одежды, проходящей через китайскую сеть за огромную цену. Потом, шестьдесят с чем-то лет назад, впервые появились варвары. Китайский император в Пекине дал им маленькую постоянную базу в Макао на юге Китая и согласился торговать шелком за серебро. Япония в изобилии имела серебро. Вскоре торговля стала процветать. Обе страны благоденствовали. Средний класс, португальцы, становились богачами, и их священники — преимущественно иезуиты — стали необходимы для торговли. Только священники могли учиться говорить по-китайски и по-японски и, следовательно, могли выступать как

купцы и переводчики. По мере того как торговля процветала, священники становились все нужнее и нужнее. Теперь годовой торговый оборот был огромен и касался жизни каждого самурая. Поэтому приходилось терпеть священников и распространение их религии, иначе варвары могли уплыть и торговля бы прекратилась.

Вот почему к настоящему времени в Японии уже было несколько влиятельных христианских даймё и сотни тысяч новообращенных, большинство которых жили на Кюсю, южном острове, ближайшем к Китаю, на котором находился португальский порт Нагасаки. «Да, — подумал Ябу, — мы должны терпеть священников и португальцев, но не этих варваров, вновь пришедших, невероятно золотоволосых, голубоглазых». Его охватило возбуждение. Теперь наконец он мог удовлетворить свое любопытство, как будут умирать варвары после мучений. Он замучил одиннадцать человек, узнал одиннадцать различных пыток. Он никогда не задавался вопросом: почему агония других его радует. Он только знал, что это бывает, следовательно, к этому надо стремиться и этим наслаждаться.

Ябу сказал:

— Это судно иностранное, не португальское, а пиратское, конфисковано со всем его содержимым. Все пираты приговорены к немедленной смерти.

Его рот остался открытым, когда он увидел, как пиратский вождь внезапно прыгнул на священника, сорвал деревянное распятие с пояса, разбил его на куски, бросил на землю, закричал что-то очень громко. После этого пират тут же стал на колени и низко поклонился даймё, а стража бросилась вперед, подняв мечи.

— Стойте! Не убивайте его! — Ябу был удивлен, что кто-то мог так нагло вести себя перед ним, проявляя такие плохие манеры. — Эти варвары непостижимы!

— Да, — сказал Оми, недоумевая, что могла бы означать эта сцена.

Священник все еще стоял на коленях, пристально глядя на обломки креста. Все смотрели, как он поднял трясущуюся руку и подобрал оскверненное дерево. Он сказал что-то пирату тихим голосом, почти мягко. Его глаза закрылись, он сложил пальцы в пригоршню, губы его медленно задвигались. Пиратский вождь стоял, не двигаясь, перед сбившейся в кучку командой, его бледно-голубые глаза смотрели не мигая, как у кошки.

Ябу сказал:

— Оми-сан. Сначала я хочу пойти на корабль. Потом мы на-

чем.— Его голос стал хриплым, когда он представил удовольствие, которое он пообещал себе.— Я хочу начать с того низенького рыжеголового в конце строя.

Оми наклонился ближе и понизил свой возбужденный голос:

— Пожалуйста, извини меня, но этого раньше никогда не бывало, господин. Ни разу с тех пор, как сюда пришли португальцы. Разве распятие — не их священный символ? Разве они не были всегда особо почтительны со священниками? Разве они не преклонялись перед ними в открытую? Совсем как наши христиане. Разве священники не имеют над ними абсолютной власти?

— Давай о главном.

— Мы все не любим португальцев, господин. За исключением наших христиан, а? Может быть, эти новые варвары большого стоят живыми, а не мертвыми?

— Как?

— Так как они особенные. Они антихристиане! Может быть, умный человек может найти способ использовать их ненависть — или неверие — к нашей выгоде. Они ваша собственность, делайте с ними, что хотите. Да?

«Да. И я хочу их пытать», — подумал Ябу.— Да, но это удовольствие можно получить в любой момент. Слушайся Оми. Он хороший советчик. Но можно ли ему сейчас доверять? Нет ли у него тайной причины так говорить? Подумай».

— Икава Джиккя — христианин, — услышал он голос племянника, назвавшего его ненавистного врага — одного из родственников и союзников, — который властвовал к западу от него. Разве этот мерзкий священник не живет там? Может быть, эти варвары дадут вам ключ ко всей провинции Икава? Или, может быть, Ипидо. Может быть, даже к господству над Тораногой, — добавил Оми деликатно.

Ябу внимательно изучал лицо Оми, пытаясь определить, что скрывается за ним. Потом его глаза вернулись к кораблю. Он не сомневался теперь, что корабль послан ему богами. Но был ли это дар или наказание?

Он отложил свои удовольствия ради безопасности своего клана.

— Я согласен. Но сначала освободи этих пиратов. Научи их манерам. Особенно его.

* * *

— Хорошенькая смерть для Иисуса! — пробормотал Винк.
— Нам следовало бы помолиться, — сказал Ван-Некк.

— Мы только что прочитали одну.

— Может быть, нам лучше произнести другую. Великий Боже на небесах, я бы мог выпить пинту бренди.

Их захихнули в глубокий погреб, один из многих, где рыбаки хранили высушенную на солнце рыбу. Самураи прогнали их толпой через площадь, вниз по лестнице, и теперь они были заперты под землей. Погреб имел пять шагов в длину, пять в ширину и четыре в высоту, с земляными полом и стенами. Потолок был из досок, перекрыт футом земли и имел одну дверь с лестницей.

— Слезь с моей ноги, проклятая обезьяна!

— Убери свою рожу, собиратель дерьма! — сказал Пьетерсун добродушно.— Эй, Винк, отодвинься немного, ты, беззубая старая задница, ты и так захватил места больше всех остальных! Боже мой, я бы выпил холодного пива! Отодвинься!

— Не могу, Пьетерсун. Мы здесь сидим плотнее, чем сельди в бочке.

— Это адмирал. Он занял все пространство. Дайте ему пинка. Разбудите его, — сказал Маетсуккер.

— А? В чем дело? Оставьте меня. Что вы хотите? Я болен. Я лежу. Где мы?

— Оставьте его. Он болен. Ну, Маетсуккер, встань ради Бога.— Винк сердито поднял Маетсуккера и оттолкнул его к стене. Для них не было места, где можно было бы лечь или просто удобно сесть. Адмирал, Паулюс Спилберген, лежал, вытянувшись во всю длину под дверью с лестницей, где было больше воздуха, его голова покоилась на связанном плаще. Блэксорн облокотился о стену в углу, глядя на дверь вверху лестницы. Команда оставила его одного и с трудом очистила для него место, так как они хорошо знали из долгого общения с ним о его настроении и копившейся взрывной силе, которая всегда скрывалась под его спокойным внешним обликом.

Маетсуккер потерял терпение и ударил Винка кулаком в пах.

— Оставь меня одного, или я убью тебя, ублюдок!

Винк бросился на него, но Блэксорн схватил их обоих и оттолкнул так, что они ударились головой о стенку.

— Заткнитесь вы все, — сказал он мягко. Они послушались.— Мы разделимся на смены. Одна смена спит, вторая сидит, и еще одна стоит. Спилберген лежит до тех пор, пока не сможет сидеть. В углу будет гальюн.

Он разделил их на смены. Когда они перераспределились, стало более удобно.

«Мы должны будем выбраться отсюда в течение дня или же

ослабеет, — подумал Блэксорн, — когда они принесут обратно лестницу, чтобы дать нам пищи или воды. Это будет сегодня вечером или завтра ночью. Почему они поместили нас сюда? Мы не опасны для них. Мы могли бы помочь даймё. Поймет он это? Для меня это был единственный способ показать ему, что наш настоящий враг — священник. Поймет ли он? Священник понял».

— Может быть, Бог и сможет простить тебе твое богохульство, но я нет, — сказал отец Себастьян очень спокойно. — Я не успокоюсь до тех пор, пока ты и твой дьявол не будут уничтожены.

Пот каплями сбегал по его щекам и подбородку. Он вытер его рассеянно, прислушиваясь к происходящему на палубе, как всегда, когда он был на борту и спал или был свободен от вахты и ничего не делал, так, чтобы попытаться услышать опасность до того, как что-то случится.

Мы должны вырваться и захватить корабль. Знать бы, что делает Фелисите. И дети. Надо посчитать, Тюдору теперь семь лет, а Лизбет... Мы уже год, одиннадцать месяцев и шесть дней из Амстердама, тридцать семь дней снаряжались и шли туда из Чатема, добавим последние одиннадцать дней, которые она прожила до начала погрузки в Чатеме. Это ее точный возраст — если все нормально. Все должно быть хорошо. Фелисите будет готовить и ухаживать за детьми, убираться и разговаривать с ними, когда дети подрастут, такие же сильные и бесстрашные, как их мать. Прекрасно было бы вернуться домой, гулять с ними по берегу, и лесам, и полянам, — вся эта красота и есть Англия.

Годами он учился думать о них как о героях пьесы, людях, которых вы любили и за которых отдали бы жизнь, пьесы, которая никогда не кончится. Иначе боль от расставания была бы слишком сильной. Он мог чуть ли не сосчитать все дни, которые провел дома за те одиннадцать лет, что был женат. «Их было мало, — подумал он, — слишком мало. «Это трудная жизнь для женщины, Фелисите», — говорил он ей раньше. И она говорила: «Любая жизнь для женщины трудная». Ей тогда было семнадцать лет, она была высокая с длинными волосами...»

Слух предупредил его об опасности.

Люди сидели или склонились к стене, кто-то пытался уснуть. Винк и Пьетерсун, близкие друзья, тихо переговаривались. Ван-Некк и другие смотрели в пространство. Спилберген полуспал-полубодрствовал, и Блэксорн подумал, что он сильнее, чем им казалось.

Наступило внезапное молчание, когда они слышали шаги

над головой. Шаги прекратились. Приглушенные голоса на грубом, странно звучащем языке. Блэксорн подумал, что он узнал голос самурая — Оми-сана? Да, это было его имя, но он не был уверен. Через момент голоса смолкли и шаги удалились.

— Ты думаешь, они дадут нам поесть, кормчий? — спросил Сонк.

— Да.

— Я бы выпил. Холодного пива, о Боже, — сказал Пьетерсун.

— Заткнись, — сказал Винк. — Ты достаточно сделал, чтобы заставить человека попотеть.

Блэксорн чувствовал, что его рубашка вся пропотела. И этот запах! «Ей-Богу, мне бы надо было принять ванну», — подумал он и внезапно улыбнулся, вспоминая.

...Мура и остальные отнесли его в теплую комнату и положили на каменную скамью, его конечности все еще были онемевшими и двигались очень медленно. Три женщины под руководством старшей начали раздевать его, он пытался остановить их, но каждый раз, когда он шевелился, один из мужчин ударял по нерву — и он становился неподвижным, и как он их ни обзывал и ни клял, они продолжали раздевать его, пока он не остался совсем голым. Не то чтобы он стыдился обнажиться перед женщинами, — дело было в том, что он всегда делал это в интимной обстановке, таков был обычай. И ему не нравилось, что его кто-то раздевает, пусть даже эти нецивилизованные люди, дикари. Но быть раздетым публично, как маленький, беспомощный ребенок, и быть везде вымытым, как ребенок, теплой, мыльной душистой водой, когда они тараторили и улыбались, а он лежал на спине, — это было слишком. У него началась эрекция, и чем больше он пытался ее остановить, тем становилось хуже. По крайней мере он так думал, но женщинам так не казалось. Глаза их расширились, а он начал краснеть. «Боже милостивый, один ты, наш единственный, я не могу краснеть!» Но он краснел, и казалось, что это увеличивает его размеры, и старуха захлопала в ладоши в удивлении и сказала что-то, все закивали головами, а она покачала головой с угрожающим видом и еще что-то сказала — они закивали еще старательнее.

Мура что-то сказал с большой серьезностью.

— Капитан-сан, мама-сан благодарит вас, это самое лучшее в ее жизни, теперь она может умереть счастливой! — И он и все они сразу поклонились как один, и тут он, Блэксорн, увидел, как смешно это было, и начал хохотать. Они вздрогнули, потом тоже засмеялись. Смех отнял у него последние силы, и старуха немного опечалилась и сказала об этом, и тут снова все вместе

раскохотались. После этого его мягко положили в большую ванну, где было много воды, и вскоре он уже не смог ее больше выдерживать, и его, задыхающегося, положили снова на скамью. Женщины вытерли его, а потом пришел слепой старик. Блэксорн не знал, что такое массаж. Сначала он пытался сопротивляться этим шупающим пальцам, но потом их волшебная сила покорила его, и вскоре он лежал, чуть ли не мурлыкая, как кошка, когда пальцы нашли узелки и разогнали кровь, этот эликсир, который скрывался под кожей, мускулами и жилами.

После этого его отнесли в постель, слабого, полусонного, и там была девушка. Она была терпелива с ним, и после сна, когда к нему вернулись силы, он овладел ею очень осторожно, хотя так долго воздерживался.

Он не спросил ее имени, и утром, когда Мура, напряженный и очень испуганный, с трудом разбудил его, она ушла.

Блэксорн вздохнул. «Жизнь удивительна», — подумал он.

В погребке опять разворчался Спилберген, Маэтсуккер проклинал свою голову и стонал, не от боли, а от страха, мальчик Круук был почти в обмороке, и Жан Ропер сказал:

— О чем ты смеешься, кормчий?

— Пошел ты к черту!

— Кстати, кормчий, — сказал Ван-Некк осторожно о том, что было у всех в голове, — вы очень неразумно атаковали священника перед этим поганым желтым негодяем.

Таково было общее, хотя и осторожно высказанное мнение.

— Если бы этого не случилось, я не думаю, чтобы мы были в этой грязи.

Ван-Некк стоял на расстоянии от Блэксорна.

— Все, что нужно было сделать, — это опустить голову в пыль, когда этот негодяй хозяин оказывается поблизости, и они становятся кроткие, как овечки.

Он подождал ответа, но Блэксорн не ответил, только повернулся к двери на лестнице. Казалось, что никто не сказал ни слова. Но напряжение увеличивалось.

Паулос Спилберген с трудом поднялся на одном локте.

— О чем вы говорите, Баккус?

Ван-Некк подошел к нему и объяснил все про священника и распятие, и что случилось, и почему они здесь. Его глаза болели сегодня больше, чем обычно.

— Да, это было опасно, кормчий, — согласился Спилберген. — Я бы сказал, совершенно неправильно — передайте мне немного воды. Теперь иезуиты вообще не оставят нас в покое.

— Тебе бы следовало сломать ему шею, кормчий. Иезуиты

все равно не оставят нас в покое, — сказал Жан Ропер. — Они противные вши, а мы здесь, в этой вонючей дыре, в наказание божье.

— Это чушь, Ропер, — сказал Спилберген. — Мы здесь потому...

— Это божье наказание! Нам нужно было сжечь все церкви в Санта-Магдалене, а не только те две.

Спилберген слабо отмахнулся от мухи.

— Испанские войска перестроились, и нас было меньше одного против пятнадцати. Дайте мне воды! Мы разграбили город, и захватили добычу, и ткнули их носами в грязь. Если бы мы остались и не отступили, нас бы убили.

— Что делать, если мы выполняем волю Бога? Он оставил нас.

— Может быть, мы здесь, чтобы выполнять божью волю, — сказал Ван-Некк успокаивающе, поскольку Ропер был хорошим, хотя и слишком религиозным человеком, умелым купцом и сыном его партнера.

— Может быть, мы сможем показать этим туземцам ложность папизма? Может быть, мы могли бы обратить их в свою истинную веру.

— Совершенно верно, — сказал Спилберген. Он все еще чувствовал слабость, но силы к нему возвращались.

— Я думаю, тебе следовало бы посоветоваться с Баккусом, кормчий. В конце концов, он главный из купцов. Он очень хорош при переговорах с дикарями. Передайте воды, я сказал!

— Ее совсем нет, Паулос. — Мрачность Ван-Некка увеличилась. — Они не дают нам ни воды, ни пищи. У нас нет даже папши.

— Ну, попросите одну! И немного воды! Боже, я хочу пить! Попросите воды! Вы!

— Я? — спросил Винк.

— Да. Ты!

Винк посмотрел на Блэксорна, но Блэксорн, не обращая на них внимания, смотрел на дверь. Тогда Винк встал под дверью и закричал:

— Эй! Вы там! Дайте нам, ради Бога, воды. Мы хотим есть и пить!

Ответа не было. Он закричал опять. Нет ответа. Постепенно начали кричать и остальные. Все, за исключением Блэксорна. Вскоре голод, жажда, теснота дали себя знать и они завyli как волки. Люк открылся. Они смотрели вниз, на них. Рядом стояли Мура и священник.

— Воды! И пищи, ради Бога! Выпустите нас отсюда! — завопили они снова.

Оми подошел к Муре, который кивнул и ушел. Минутой позже Мура вернулся, неся большую бочку вдвоем с другим рыбаком. Они опустошили ее, вылив на головы узников отбросы гнилой рыбы в морской воде.

Люди в погребѣ рассеялись и пытались спастись, но не всем это удалось. Пострадал Спилберген, почти захлебнулся. Блэксорн не двинулся из своего угла. Он только с ненавистью смотрел на Оми.

Тогда заговорил Оми. Стояла подавленная тишина, нарушаемая только кашлем и рыганием Спилбергена. Когда Оми кончил говорить, к люку с опаской подошел священник.

— Вот приказ Касиги Оми. Вы будете вести себя как приличные люди. Вы больше не будете шуметь. Если будете шуметь, в следующий раз в погреб будет вылито пять бочонков. Потом десять, потом двадцать. Вам будут давать пищу и воду два раза в день. Когда вы научитесь вести себя, вам будет позволено выйти в общество людей. Господин Ябу милостиво сохранил вам ваши жизни, позволив вам верно служить ему. Всем, за исключением одного. Один из вас умрет. Вечером. Вы должны выбрать, кто это будет. Но ты, — он указал на Блэксорна, — ты не должен быть выбран. — Чувствуя себя неловко, священник глубоко вздохнул, сделал полупоклон самураю и отступил назад.

Оми посмотрел вниз, в отверстие. Он мог видеть глаза Блэксорна и чувствовал его ненависть. «Потребуется многое, чтобы сломить дух этого человека, — подумал он. — Ничего. Времени достаточно». Крышка люка с шумом опустилась на место.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Ябу лежал в горячей ванне, более сосредоточенный, более уверенный в себе, чем когда-либо в своей жизни. Корабль показал, как он богат, и это богатство давало ему власть, которую он раньше считал невозможной.

— Я хочу перевезти завтра все на берег, — сказал он. — Перепакуй мушкеты в ящики. Замаскируй все сетью или мешками.

«Пять сотен мушкетов, — подумал он радостно. — И еще порох и патроны, больше того, что имеет Торанага во всех восьми провинциях. И двадцать пушек, пять тысяч пушечных ядер с большим количеством снаряжения. Зажигательные заряды мешками. Все лучшего европейского качества». Мура, ты обеспечишь носильщиков. Игураппи-сан, я хочу, чтобы все вооружение, включая пушки, немедленно перевезли в мой замок в Мишиме тайно. Ты будешь отвечать за это.

— Да, господин.

Они находились в главном трюме корабля, и каждый во все глаза глядел на него: Игураппи, высокий, гибкий одноглазый мужчина, его главный вассал, Зукимото, его интендант, вместе с десятью пропотевшими крестьянами, которые открывали ящики под присмотром Муры и его личной охраны из четырех самураев. Он знал, что они не поняли его веселья или необходимости соблюдать тайну. «Хорошо», — подумал он.

Когда португальцы в 1542 году открыли Японию, они привезли мушкеты и порох. Через восемнадцать месяцев японцы научились делать их. По качеству они были хуже европейских образцов, но это не имело значения, так как ружья считались просто забавной новинкой и долгое время использовались только для охоты — и даже здесь лук был более метким оружием. К тому же, что более важно, японское военное оружие было почти ритуальным, — индивидуальные поединки в рукопашную, самым важным и почетным оружием был меч. Использование ружей считалось трусостью и бесчестьем и полностью шло вразрез с кодексом самураев, Бушидо, Путем Воина,

который обязывал самурая воевать и умереть честно, всю жизнь хранить безоговорочную верность одному феодалу-господину, не бояться смерти, даже стремиться к ней на своей службе, гордиться своим именем и сохранять его незапятнанным.

Несколько лет Ябу создавал секретную теорию. Спустя много времени, подумал он радостно, вы сможете расширить ее и ввести в действие: пятьсот избранных самураев, вооруженных мушкетами, подготовленных как единое целое, головной отряд двенадцатитысячного обычного войска, поддерживаемый двадцатью пушками, которые обслуживают специально подготовленные люди, также тренированные как единое целое. Новая стратегия для новой эры! В будущей войне оружие может быть решающим!

«А как же Бусидо?» — всегда спрашивали его духи предков.

«А что Бусидо?» — в свою очередь спрашивал он их.

Они никогда не отвечали.

Даже в самых буйных своих мечтаниях он никогда не думал, что когда-нибудь сможет владеть пятью сотнями ружей. Но теперь они у него оказались бесплатно, и он один знает, как пользоваться ими. Но чью сторону ему принять? Торанаги или Ишидо? Или он должен подождать — и, может быть, станет тогда, победителем?

— Игураши-сан. Ты поедешь ночью и возьмешь хорошую охрану.

— Да, хозяин.

— Это должно остаться в тайне, Мура, или деревня будет уничтожена.

— Никто ничего не скажет, господин. Я могу поручиться за свою деревню. Я не смогу поручиться за дорогу или за другие деревни. Кто знает, где есть шпионы? Но мы ничего не скажем.

После этого Ябу пошел в комнату с драгоценностями. Там хранилось то, что он принял за пиратскую добычу: серебряные и золотые тарелки, кубки, подсвечники и украшения, несколько религиозного содержания картин в богатых, выложенных камнями рамах. В шкафу — женские платья, искусно убранные золотыми нитями и цветными камнями.

— Я расплавлю серебро и золото в слитки и положу в сокровищницу, — сказал Зукимото. Он был аккуратный, педантичный человек лет сорока и не принадлежал к военной касте. Много лет назад он был буддийским воином-священником, но Тайко, Лорд-Протектор, уничтожил его монастырь, во время кампании по очистке своих земель от буддийских противоборствующих монастырей и сект, не признававших его абсолютным сюзером.

ном. Зукимото откупился от преждевременной смерти и стал мелким купцом, бродячим торговцем рисом. Десять лет назад он присоединился к комиссариату Ябу и теперь был незаменим.

— Что касается одежды, может быть, золотая нить и камни имеют большую цену. С вашего разрешения, я упакую и пошлю их в Нагасаки с чем-нибудь, что мне удастся спасти с корабля. — Порт Нагасаки, на самом южном берегу южного острова Кюсю, был официальным хранилищем и торговым рынком португальцев. — Варвары могут хорошо заплатить за эти диковины и безделушки.

— Хорошо. А что в тюках в другом трюме?

— Там теплая одежда. Совершенно бесполезная для нас, господин, вовсе не имеющая рыночной цены. Но это порадует вас. — Зукимото открыл сейф.

В сейфе были двадцать тысяч чеканных кусочков серебра. Испанские дублоны. Высшего качества.

Ябу забарахтался в ванне. Он вытер пот с лица и шеи маленьким белым полотенцем и глубже погрузился в горячую ароматную воду. «Если бы три дня назад, — сказал он себе, — прорицатель предсказал, что все это случится, ему скормили бы его собственный язык за предсказание невозможных вещей».

Три дня назад он был в Эдо, столице Торанаги. Послание Оми попало туда к вечеру. Очевидно, что корабль нужно было обыскать сразу же, но Торанага отсутствовал, он был в Осаке, где у него была стычка с генеральным лордом Ишидо, и в свое отсутствие он пригласил Ябу и всех дружески настроенных соседей-даймё подождать, пока он не вернется. От такого приглашения нельзя было отказаться без самых ужасных последствий. Ябу знал, что он и другие независимые даймё и их семьи были только дополнительной гарантией безопасности Торанаги и, хотя, конечно, это слово никогда не произносилось, они были заложниками безопасности возвращения Торанаги из неприступной вражеской крепости в Осаке, где проходила встреча. Торанага был президентом Совета регентов, который Тайко назначил на своем смертном ложе, чтобы управлять империей во время несовершеннолетия своего сына Яэмона, которому сейчас было семь лет. Всего было пять регентов, все даймё, но только Торанага и Ишидо имели реальную власть.

Ябу тщательно взвесил все: поездки в Анджино, связанные с ней опасности и неотложные дела, требующие его присутствия. Потом он послал за женой и любимой наложницей.

Человек мог иметь столько наложниц, сколько он хотел, но только одну жену одновременно.

— Мой племянник Оми только что прислал секретное послание: корабль варваров приплыл к берегу в Анджино.

— Один из Черных Кораблей? — Его жена была в большом волнении. Речь шла об огромных, невероятно богатых торговых кораблях, которые ежегодно во время муссона плавали между Нагасаки и португальской колонией в Макао, которая лежала почти в тысяче миль к югу от китайского берега.

— Нет. Но он может быть богатым. Я уезжаю немедленно. Вы скажете, что я заболел и меня нельзя беспокоить некоторое время ни под каким предлогом. Я буду обратно через пять дней.

— Это очень опасно, — предупредила его жена. — Господин Торанага специально приказал нам всем оставаться. Я уверена, он добьется нового компромисса с Ишидо и он слишком силен, чтобы его сердить. Господин, мы не можем гарантировать, что кто-нибудь не догадается, в чем дело. Здесь повсюду шпионы. Если Торанага вернется и обнаружит, что ты ушел, твое отсутствие будет неправильно понято. Твои враги настроят его против тебя.

— Да, — добавила его наложница. — Пожалуйста, извини меня, но ты должен слушать госпожу, свою жену. Она права. Господин Торанага никогда не поверит, что ты не послушался его только для того, чтобы поглядеть на корабль варваров. Пожалуйста, пошли кого-нибудь еще.

— Но это не обычный чужеземный корабль. Это не португальское судно. Слушайте меня. Оми говорит, что эти люди из другой страны. Эти люди говорят между собой на языке, звучащем совсем иначе, у них голубые глаза и золотые волосы.

— Оми-сан сошел с ума. Или он выпил слишком много саке, — сказала его жена.

— Это слишком важно, чтобы шутить... для него и для тебя.

Его жена поклонилась, извинилась и сказала, что он совершенно прав, что поправил ее, но что ее замечание не обидная насмешка. Это была маленькая, тоненькая женщина на десять лет старше, чем он, в течение восьми лет она приносила ему по ребенку каждый год, пока живот ее не усох, и пятеро из них были сыновья. Трое стали воинами и храбро погибли в войне против Китая. Еще один стал буддийским монахом, а последнего, которому сейчас было девятнадцать, он презирал.

Его жена, госпожа Юрико, была единственной женщиной, которую он когда-либо боялся, и единственной женщиной, которую он ценил, за исключением покойной матери, — и она простила его домом мягко и осмотрительно.

— Еще раз, пожалуйста, извини меня, — сказала она. — Оми-сан описал, что за груз?

— Нет. Он не осмотрел его, Юрико-сан. Он говорит, что сразу же опечатал корабль, настолько он был необычен. До сих пор здесь не было ни одного судна, принадлежащего не португальцам, да? Он говорит также, что это военный корабль. С двадцатью пушками на палубах.

— А! Тогда кто-то должен поехать туда немедленно.

— Я собираюсь сам.

— Пожалуйста, передумай. Пошли Мицуно. Твой брат умный и осмотрительный. Я умоляю тебя не ехать.

— Мицуно слаб, и я ему не доверяю.

— Тогда прикажи ему сделать сеппуку и разделись с ним, — сказала она жестко. Сеппуку, иногда называемое харакири, — ритуальное самоубийство путем вспарывания живота с удалением внутренностей — было единственным способом, с помощью которого самурай мог искупить позор, грех или бесчестье, и был прерогативой только самурайской касты. Все самураи — женщины так же, как и мужчины, — готовились к этому с детства, либо чтобы самим сделать харакири, либо чтобы принимать участие в церемонии в качестве помощника. Женщины совершали сеппуку только одним способом — вонзая нож в горло.

— Позже, не теперь, — сказал Ябу жене.

— Тогда пошли Зукимото. Ему наверняка можно доверять.

— Если бы Торанага не приказал всем женам и наложницам оставаться здесь, я бы послал тебя. Но это слишком рискованно. Я должен ехать, у меня нет выбора. Юрико-сан, ты говоришь мне, что моя казна пуста. Ты говоришь, я не имею кредита у этих мерзких ростовщиков. Зукимото говорит, что мы собираем максимальный налог с крестьян. Мне нужно больше лошадей, оружия, снаряжения, самураев. Может быть, корабль даст мне такую возможность.

— Приказы господина Торанаги были совершенно ясные, господин. Если он вернется и обнаружит...

— Да. Если он вернется, госпожа. Я думаю, он попал в ловушку сам. Господин Ишидо имеет восемьдесят тысяч самураев только вокруг и в самой крепости Осака. Для Торанаги поехать туда с несколькими сотнями человек было актом сумасшествия.

— Он слишком хитрый человек, чтобы рисковать собой без необходимости, — сказала она уверенно.

— Если бы я был Ишидо и он был в моих руках, я бы убил его сразу.

— Да, — сказала Юрико. — Но мать наследника все еще заложница в Эдо, пока Торанага не вернется. Генерал господин Ишидо не осмелится тронуть Торанагу, пока она не вернется в Осаку.

— Я убью его. Жива госпожа Ошиба или мертва — не имеет значения. Безопасность наследника зависит от Осаки. Если Тораанага умрет, дела пойдут вполне определенным образом. Тораанага — единственная реальная угроза наследнику, единственный шанс, используя Совет регентов, узурпировать власть Тайко и убить мальчика.

— Пожалуйста, извини меня, господин, но, может быть, господин Ишидо может повести за собой трех других регентов, объявить Тораанагу изменником, и это будет его концом, а? — спросила его наложница.

— Да, госпожа, если бы Ишидо мог, он бы так и сделал, но я думаю, что этого не может ни он, ни даже Тораанага. Тайко очень хитро подобрал пять регентов. Они презирают друг друга так сильно, что им почти невозможно в чем-то найти общий язык. Прежде чем принять власть, пять великих даймё публично поклялись перед умирающим Тайко в вечной верности его сыну и его семье. И они дали публичные священные клятвы согласно анонимному правилу в Совете и дали обет передать все государство в целостности Яэмону, когда он достигнет возраста пятнадцати лет. Единодушная клятва означает, что фактически ничего не изменится до тех пор, пока Яэмон не станет правителем.

— Но однажды, господин, четыре регента объединятся против одного из-за ревности, страха или амбиций, а? Четверо решат, что приказов Тайко достаточно для войны, а?

— Да, но это будет маленькая война, госпожа, и один будет всегда разбит, и его земли разделят победители, которые затем назначат пятого регента, и через какое-то время один снова будет против четверых, и опять одного победят, и его земли конфискуют — все как Тайко планировал. Моя единственная задача — решить, кто будет этим одним на этот раз — Ишидо или Тораанага.

— Им будет Тораанага.

— Почему?

— Остальные слишком боятся его, потому что знают, что он хочет быть сёгуном, хотя очень отрицает это.

Сёгун был высший чин, которого мог достичь простой

смертный в Японии. «Сёгун» означает Высший Военный Диктатор. Два даймё одновременно не могут носить этот титул. И только его императорское высочество, правящий император, божественный сын неба, который живет в уединении с императорскими семьями в Киото, может дать этот титул.

С назначением сёгуна получает абсолютную власть: императорскую печать и мандат. Сёгун правит от имени императора. Вся власть идет от императора, потому что он происходит непосредственно от богов. Всякий даймё, который противостоит сёгуну, автоматически является мятежником, противником трона, парией, и его земли конфискуются.

Правящего императора почитали как божество, так как он был прямым наследником по прямой линии солнечной богини Аматерасы Омиками, одной из дочерей богов Изанаги и Изанамии, которая создала острова Японии из тверди земной. По божественному праву правящий император владел и управлял всей землей, и ему повиновались беспрекословно. Но на практике более шести веков реальная власть осуществлялась вне трона.

Шесть столетий назад в стране был раскол, когда два из трех великих соперников, полукоролевских самурайских семей Миновара, Фудзимото, Такасима, проявили враждебность по отношению к трону и ввергли страну в гражданскую войну. После шестидесяти лет войн Миновара одержал верх над Такасимой Фудзимото, семейство, которое оставалось нейтральным, пережило это страшное время.

С тех пор, ревностно охраняя свои права, сёгуны Миновара правили страной. Они объявили о своем наследственном сёгунате и начали выдавать своих дочерей за членов императорской семьи. Император и весь его двор содержались полностью изолированными во дворцах с высокими стенами и садами на маленькой территории в Киото. Они сильно нуждались, а их деятельность ограничивалась наблюдениями за синтоистскими ритуалами — древней анимистической религией Японии и интеллектуальными изысками, такими, как каллиграфия, живопись, философия и поэзия.

Управлять двором Сына Неба было легко, потому что хотя он и обладал всей землей, но доходов не получал. Только даймё, самурай имел доходы и право на налоги. Получалось, что хотя все члены императорского двора были по рангу выше самураев, все они существовали на содержание, выделяемое двору по решению сёгуна, Квампаку, главного гражданского советника, или правящей в это время военной хунты. А велико-

душных среди них было мало. Некоторые императоры иногда соглашались ставить свою подпись под указами ради пропитания. Бывали случаи, когда денег не хватало даже для коронации.

Со временем сёгуны клана Миновара потеряли свою власть над другими, потомками Такасима или Фудзимото. И поскольку гражданские войны продолжались не ослабевая целыми столетиями, император все больше и больше становился креатурой того даймё, который был достаточно силен, чтобы добиться физического обладания Киото. Как только новый завоеватель Киото уничтожал правящего сёгуна и его род, он мог в зависимости от того, кто это был, — Миновара или другие, клясться в преданности трону и робко пригласить бессильного императора дать ему вакантное в настоящее время место сёгуна. Потом, как и его предшественники, он пытался расширить свои права за пределы Киото, пока его, в свою очередь, не проглатывал еще кто-нибудь. Императоры женились, отрекались или занимали трон по желанию сёгуната. Но всегда правящая императорская семья была нетронута и нерушима.

Так было, пока сёгун был в силе. До тех пор, пока его не свергали.

В течение столетий многое менялось, страна разделялась на более мелкие части. За последнее столетие ни один даймё не был достаточно силен, чтобы стать сёгуном. Двенадцать лет назад крестьянский генерал Накамура захватил власть и получил мандат от тогдашнего императора, Го-Ниджо. Но Накамура не мог получить чин сёгуна, как бы сильно он этого ни хотел, потому что по рождению был крестьянин. Он должен был удовлетвориться гораздо меньшим по значению титулом, Квампаку, главного советника, и позже, когда он передал этот титул своему малолетнему сыну Яэмону — хотя и держал всю власть, что было совершенно обычным, — он должен был удовольствоваться Тайко. Согласно исторически сложившемуся обычаю только потомки вырождающихся древних полукоролевских семей Миновара, Такасима и Фудзимото могли получить титул сёгуна.

Торанага был потомком рода Миновара. Ябу мог проследить свою генеалогию до мелкой и незначительной ветви Такасима, достаточной, чтобы он когда-нибудь мог стать верховным правителем.

— Э, госпожа, — сказал Ябу, — конечно, Торанага хочет стать сёгуном, но он никогда им не станет. Другие регенты презирают и боятся его. Они не нейтрализуют его, как планировал Тайко. —

Он наклонился вперед и внимательно поглядел на свою жену. — Ты говоришь, Торанага собирается поехать к Ишидо?

— Да, он будет изолирован. Но я не думаю, что он погибнет, господин. Я прошу тебя, не нарушай приказ господина Торанаги и не выезжай из Эдо, чтобы посмотреть на этот варварский корабль, — неважно, как необычно говорит об этом Оми-сан. Пожалуйста, пошли Зукимото в Анджино.

— А что, если на корабле слитки? Серебра или золота? Ты доверяешь Зукимото или кому-нибудь еще из офицеров?

— Нет, — ответила его жена.

Поэтому он и улизнул из Эдо этой ночью, взяв только пятьдесят человек, и теперь он был богат и силен, как и не мечтал, и имел пленных, один из которых должен был умереть сегодня вечером. Он распорядился, чтобы этот человек был приготовлен позже. Завтра на закате он вернется в Эдо. Завтра вечером пушки и слитки начнут свое тайное путешествие.

— О, пушки! — подумал он радостно. — Пушки и хорошо продуманный план действий дадут мне силы победить Ишидо или Торанагу — кого я выберу. Потом я стану регентом вместо проигравшего, а? Теперь уже самым сильным регентом. А почему бы и не сёгуном? Да. Теперь это возможно.

Он позволил себе расслабиться. Как использовать двадцать тысяч серебряных монет? Я могу перестроить замок. И купить специальных лошадей для орудий. И расширить шпионскую сеть. А что, если Икаву Джикью? Хватит ли тысячи монет, чтобы подкупить поваров Икавы Джикью отравить его? Более чем достаточно! Пять сотен, даже одна сотня нужному человеку будут вполне достаточны. Кому?

Послеполуденное солнце бросало косые лучи через маленькое оконце, прорубленное в каменных стенах. Вода в ванне была очень горячая и нагревалась дровяной печью, сделанной в каменной стене. Это был дом Оми, он стоял на маленьком холме, откуда была видна вся деревня и пристань. Сад за этими стенами был аккуратный, спокойный и богатый.

Дверь бани открылась. Слепой поклонился.

— Касиги Оми-сан послал меня, господин. Я Суво, его массажист.

Он был высокий и очень худой, лицо морщинистое.

— Хорошо, — Ябу всегда боялся ослепнуть. Насколько он мог себя помнить, ему снилось, что он просыпается в темноте, зная, что солнце светит, чувствуя его тепло, открывает рот, чтобы закричать, зная, что кричать стыдно, но тем не менее кричит. Потом реальное пробуждение и пот, текущий ручьями.

Но этот ужас слепоты, казалось, увеличивал его удовольствие от массажа, который ему делал слепой.

Он мог видеть рваный шрам на правой щеке и глубокий рубец на скуле пониже. «Это разрез от меча, — сказал он себе. — Отчего он ослеп? Он когда-то был самураем? Кому он служил? Он шпион?»

Ябу знал, что человека тщательно обыскали его телохранители, прежде чем разрешили ему войти, поэтому он не боялся спрятанного оружия. Его собственный трофейный меч был под рукой. Древний клинок был сделан кузнечным мастером Мурасама. Он смотрел, как старик снимает свое кимоно и вешает, не ища, на кольчешку. На груди у него тоже были следы от ударов меча. Набедренная повязка была очень чистая. Он встал на колени, терпеливо ожидая приказаний.

Ябу вышел из ванны и лег на каменную скамью. Старик аккуратно вытер его, вылил на руки ароматное пахучее масло и начал массировать мускулы на шее и спине даймё.

Напряжение стало проходить по мере того, как сильные пальцы двигались по спине Ябу, с удивительным искусством глубоко ощущая его спину.

— Хорошо. Очень хорошо, — сказал он немного спустя.

— Спасибо, Ябу-сама, — сказал Суво. «Сама» означает «господин», это обращение обязательно при разговоре со старшими.

— Ты давно служишь у Оми-сана?

— Три года, господин. Он очень добр к старику.

— А до этого?

— Я странствовал от деревни к деревне. Несколько дней здесь, полгода там, как бабочка на летнем ветру.

Голос Суво был обволакивающим, как его руки. Он решил, что даймё хочет с ним поговорить, терпеливо ждал следующего вопроса и отвечал. Частью его искусства было знать, что надо делать и когда. Иногда это говорили ему его уши, но в основном казалось, что его пальцы открывали секреты мужского и женского мозга. Его пальцы говорили ему, что надо бояться этого человека, что он опасен и непостоянен, его возраст около сорока, что он хороший наездник и превосходно владеет мечом. А также что у него плохая печень и что он умрет через два года. Саке и, возможно, афродизиаки — средства, повышающие половую силу, убьют его.

— Вы сильный человек для своего возраста, Ябу-сама.

— Так же, как и ты. Сколько тебе лет, Суво?

Старик засмеялся, но его пальцы не прекращали движения.

— Я самый старый человек в мире — в моем мире. Все, кого я когда-либо знал, давно уже мертвы. Я служил господину Йоши Чикитада, деду господина Торанаги, когда его владения были не больше его деревни. Я даже был в лагере в день, когда его убили.

Ябу умышленно, большим усилием воли держал свое тело расслабленным, но мозг его напрягся, и он стал внимательно слушать.

— Это был трудный день, Ябу-сама. Я не знаю, сколько мне тогда было лет, но мой голос еще не ломался. Казнил Обата Хиро, сын самого могущественного из союзников. Может быть, вы знаете эту историю, как юноша отрубил голову господину Чикитада одним ударом своего меча. Это был клинок Мурасама, и отсюда пошло поверье, что все клинки Мурасама несчастливы для клана Ёси.

«Он говорит это потому, что мой собственный меч работы Мурасама? — спросил себя Ябу. — Многие знают, что у меня есть такой меч. Или он просто старик, который помнит необычный день своей долгой жизни?»

— А каков был дед Торанаги? — делая вид, что ему неинтересно, спросил он, проверяя Суво.

— Высокий, Ябу-сама. Выше, чем вы, и много тоньше, когда я знал его.

Ему было двадцать пять, когда он погиб, — голос Суво потеплел. — О, Ябу-сама, в двенадцать лет он был уже воин и наш сузерен в пятнадцать, когда его отец был убит в стычке. В это время господин Чикитада уже женился и у него родился сын. Жаль, что он умер. Обата Хиро был его друг и вассал, семнадцати лет, но кто-то отравил ум Обаты, сказав, что Чикитада планирует вероломное убийство его отца. Конечно, это все враки, но это не вернуло Чикитада нам в хозяева. Молодой Обата стал перед телом на колени и трижды поклонился. Он сказал, что сделал это из сыновнего уважения к отцу и теперь хочет искупить оскорбление, нанесенное нам и нашему клану, совершив сеппуку. Ему разрешили. Сначала он своими собственными руками омыл голову Чикитады и с почестями положил ее на место. Потом он вскрыл себе внутренности и умер мужественно, с большими церемониями, — один из наших людей был у него помощником и отделил ему голову одним ударом. Потом пришел его отец, чтобы подобрать его голову и меч Мурасама. Для нас наступило плохое время. Единственный сын господина Чикитада был где-то взят заложником, и наша часть клана попала в тяжелые времена. Это было.

— Ты лжешь, старик. Тебя там не было, — Ябу внимательно посмотрел на старика, который замер в испуге. — Меч был сломан и уничтожен после смерти Обаты.

— Нет, Ябу-сама. Это легенда. Я видел, как отец пришел и забрал голову и меч. Кто бы захотел сломать такое произведение искусства? Это было бы святотатством. Его отец забрал его.

— А что он сделал с головой?

— Никто не знает. Некоторые говорят, что он бросил ее в море, потому что он любил и почитал нашего господина Чикиада как брата. Другие говорят, что он закопал ее и прячет в ожидании внука, Ёси Торанаги.

— А ты что думаешь, куда он дел ее?

— Выбросил в море.

— Ты видел это?

— Нет.

Ябу опять лег на спину, и пальцы начали свою работу. Мысль, что кто-то еще знает, что меч не уничтожен, странно поразила его. «Тебе следует убить Суво, — сказал он себе. — Как мог такой человек узнать клинок? Он похож на любой другой меч Мурасама, а ручка и ножны за эти годы несколько раз поменялись. Никто не мог знать, что твой меч — это тот меч, который со все увеличивающейся таинственностью переходил из рук в руки по мере увеличения мощи Торанаги. Зачем убивать Суво? Тот факт, что он жив, добавлял пикантности во все это дело. Это тебя подбадривает. Оставь его в живых — ты можешь убить его в любое время. Тем же мечом».

Эта мысль обрадовала Ябу, и он еще раз отдался мечтам, чувствуя себя очень спокойно. «Скоро, — пообещал он себе, — я стану достаточно могучим, чтобы носить меч в присутствии Торанаги. Однажды, может быть, я расскажу ему историю моего меча».

— Что случилось дальше? — спросил он, желая, чтобы голос старика снова убаюкивал его.

— Наступили тяжелые времена. Это был год большого голода, и теперь, когда мой господин был мертв, я стал ронином. Ронины были безземельные или не имеющие хозяина крестьяне-солдаты, или самураи, которые, потеряв честь или хозяев, были вынуждены странствовать по стране, пока какой-нибудь другой хозяин не соглашался принять их на службу. Ронину было трудно найти нового хозяина. Пища была редка, почти каждый человек был солдатом, и незнакомым людям редко когда доверялись. Большинство банд грабителей и корсаров, которые наводняли землю и побережье, были ронинами. Этот

год был очень плохой, и следующий тоже. Я воевал на любой стороне — битва здесь, стычка там. Моей платой была еда. Потом я услышал, что в Кюсю много еды, поэтому я тронулся на запад. Этой зимой я нашел монастырь. Я договорился, что стану охранником в буддийском монастыре. Я полгода воевал за них, защищая монастырь и их рисовые поля от бандитов. Монастырь находился около Осаки, и в то время — задолго до того, как Тайко уничтожил большинство из них, бандитов было так же много, как и москитов. Однажды мы попали в засаду, и я был оставлен умирать. Меня нашли монахи и залечили мои раны. Но они не могли вернуть мне зрение. — Его пальцы погружались все глубже и глубже.

— Они поместили меня со слепым монахом, который научил меня, как делать массаж и снова видеть пальцами. Теперь мои пальцы видят больше, чем раньше глаза, я думаю. Последнее, что я могу вспомнить из того, что видел, — это широко раскрытый рот бандита, его гнилые зубы, меч в виде сверкающей дуги и после удара — запах цветов. Я видел запах во всех его оттенках, Ябу-сама. Это было очень давно, но я видел цвета запаха. Я видел нирвану, я думаю, и только на одно мгновение, лицо Будды. Слепота — небольшая плата за такой подарок, да? — Ответа не было. Суво и не ожидал его. Ябу спал, как и было задумано. Понравился ли тебе мой рассказ, Ябу-сама? — Суво спросил молча, развлекаясь про себя, как и следует старому человеку. — Все было верно, кроме одного. Монастырь был не возле Осаки, а за вашей западной границей. Имя монаха? Да, дядя вашего врага, Икава Джикия. «Я могу так легко сломать твою шею, — подумал он. — Это бы понравилось Омисану... Это было бы хорошо для деревни. И это была бы расплата — в небольшой мере подарок моему хозяину. Сделать ли это сейчас? Или позже?»

* * *

Спилберген поднял кустистые стебли рисовой соломы, его лицо вытянулось.

— Кто хочет вытянуть первым?

Никто не ответил, Блэксон, казалось, дремал, облокотясь на угол, из которого он не выходил. Это было на заходе солнца.

— Кто-то должен вытащить первым, — бросил Спилберген. — Давайте, осталось не так много времени.

Им дали еды и бочонок воды и еще один бочонок для па-

раши. Но ничего, чтобы смыть вонючие помои или почиститься. И налетели мухи. Воздух был вонючий, земля в грязи и навозе. Большинство людей разделись до пояса, потая от жары и от страха.

Спилберген вглядывался в лица. Он повернулся к Блэксорну. «Почему, почему они не трогают тебя? А? Почему?»

Глаза открылись, они были холодны как лед. «В последний раз, — я не знаю».

— Это нечестно. Нечестно.

Блэксорн возвратился к своим мыслям. «Должен быть способ вырваться отсюда. Должен быть способ попасть на корабль. Этот негодяй убьет нас всех в конце концов, это так же верно, как то, что Полярная звезда существует. Времени немного, и меня оставили потому, что они что-то замышляют против меня».

Когда закрылся лаз в погреб, все посмотрели на него и кто-то сказал:

— Что мы будем делать?

— Я не знаю.

— Почему оставили вас?

— Не знаю.

— Бог помогает нам, — простонал кто-то.

— Надо навести здесь порядок, — приказал он. — Уберите всю грязь.

— Но нет даже веника и...

— Убирай руками!

Все подчинились его приказу, а он помогал им и как мог почистил адмирала.

— Вот теперь вам будет лучше.

— Как? Как мы должны кого-то выбрать? — спросил Спилберген.

— Не будем выбирать. Мы будем драться с ними.

— Чем драться?

— Ты собираешься идти как овца к мяснику? Ты этого хочешь?

— Не будь дураком — я им не нужен.

— Почему? — спросил Винк.

— Я адмирал.

— Мое почтение, сэр, — сказал Винк с иронией, — может быть, вам следует быть добровольцем. Вот место для добровольца.

— Очень хорошее предложение, — сказал Пьетерсун. — Я буду вторым, ради Бога.

Все сразу согласились, и каждый подумал: «Ради Бога, кто-нибудь, кроме меня».

Спилберген начал их перемешивать и выравнивать соломинки, но увидел безжалостные глаза остальных. Тогда он остановился и стал смотреть вниз, чувствуя тошноту. Потом сказал:

— Нет. Это неправильно по отношению к добровольцу. Это будет потеря шансов. Соломинки, одна короче остальных. Мы отдадим себя в руки Бога. Кормчий, держи соломинки.

— Я не буду. Я не собираюсь в этом участвовать. Я говорю, мы должны бороться.

— Они убьют нас всех. Вы слышали, что сказал самурай: «Наши жизни сохраняются — за исключением одной». — Спилберген вытер пот с лица, согнав рой мух, который потом уселся обратно. — Дайте мне воды. Лучше умереть кому-нибудь одному, чем нам всем.

Ван Некк опустил тыквенную фляжку в бочку и дал ее Спилбергену.

— Нас десять человек. Включая тебя, Паулос. Хорошие шансы.

— Очень хорошие — если ты не участвуешь, — Винк взглянул на Блэксорна. — Можем мы сражаться с этими мечами?

— Можешь ты кротко идти к этому палачу, если вытащишь?

— Я не знаю.

Ван Некк сказал:

— Мы будем тащить жребий. Пусть нас рассудит Бог.

— Бедный Бог, — сказал Блэксорн. — Глупости, он виноват в этом!

— Как еще мы можем выбрать? — крикнул кто-то.

— Мы не можем!

— Мы сделаем, как говорит Паулос. Он адмирал, — сказал Ван Некк. — Мы будем тащить соломинки. Так лучше для большинства. Давайте проголосуем. Мы все «за»?

Все согласились. За исключением Винка.

— Я согласен с кормчим. К дьяволу вас с этими помойными ведьмиными соломинками!

В конце концов Винка убедили. Жан Ропер, кальвинист, прочитал молитвы. Спилберген очень точно отломил десять соломинок. Потом одну из них он разломил надвое.

Ван-Некк, Пьетерсун, Сонк, Маєтсуккер, Джинсель, Жан Ропер, Саламон, Максимилиан Круук и Винк.

Он опять сказал:

— Кто хочет тянуть первым?

— Как мы это узнаем — кто первым тянет жребий, — что

вышла короткая соломинка? Как мы узнаем это? — Голос Маетсуккера был полон ужаса.

— Мы не узнаем. Не наверняка. Нам бы следовало знать наверняка, — сказал юнга Круук.

— Это легко, — сказал Жан Ропер. — Давайте поклянемся, что мы сделаем это во имя Бога. Его именем. Умереть за других во имя Бога. Тогда не о чем беспокоиться. Избранник Божий заслужил вечную славу.

Все согласились.

— Ну, Винк. Делай как говорит Ропер.

— Хорошо, — губы Винка запеклись. — Если... если это выпадет мне, я клянусь господом Богом, что я пойду с ними, — если... если я вытащу жребий. Именем Бога.

Все последовали его примеру. Маетсуккер был так напуган, что ему пришлось подсказывать, прежде чем он понял всю глубину этого кошмара.

Сонк тащил первым. Пьетерсун был следующим, затем Жан Ропер и после него Саламон и Круук. Спилберген чувствовал, что он скоро умрет, и поэтому все согласились, чтобы он не выбирал, но его соломинка была последней, и теперь жребий становился ужасным.

Джинселю повезло. Остались четверо.

Маетсуккер плакал откровенно, но он оттолкнул Винка, взял соломинку и не мог поверить, что это не он.

Рука Спилбергена дрожала, и Круук поддерживал ее. Моча незамеченной стекала по его ногам.

«Какую выбрать? — отчаянно спрашивал себя Ван-Некк. — О, Боже, помоги мне!» При своей близорукости он едва мог видеть соломинки сквозь туман. «Если бы я только мог видеть, я, может быть, понял, какую выбрать. Какую же выбрать?»

Он вытянул и поднес соломинку близко к своим глазам, чтобы ясно видеть свой приговор. Но соломинка была длинной.

Винк смотрел, как его пальцы выбирают предпоследнюю соломинку, он уронил ее, но каждый мог видеть, что она была самая короткая. Спилберген раскрыл свою сжатую в кулак руку, и каждый увидел, что последняя соломинка была длинной. Спилберген потерял сознание.

Все уставились на Винка. Беспомощно глядел он на них, не видя никого. Он чуть пожал плечами и полуулыбнулся, рассеянно отмахиваясь от мух. Потом он сел. Ему освободили место, отороняя его, как прокаженного.

Блэксорн опустился на колени сбоку от Спилбергена.

— Он умер? — спросил Ван-Некк, его голос был почти не слышен.

Винк пронзительно засмеялся, нервирова всех, но неожиданно смолк.

— Я — единственный мертвец, — сказал он. — Я мертв!

— Не бойся. Ты избран Богом. Ты в руках Бога, — сказал Жан Ропер, его голос звучал уверенно.

— Да, — сказал Ван-Некк. — Не бойся.

— Теперь легко, да? — Глаза Винка переходили от лица к лицу, но никто не мог выдержать его взгляда. Только Блэксорн не отвернулся.

— Дай мне воды, Винк, — спокойно сказал он. — Подойди к бочонку и налей мне воды. Ну же.

Винк смотрел на него. Потом он взял тыквенную бутылку, наполнил водой и подал ему.

— Боже ты мой, кормчий, — пробормотал он, — что же мне делать?

— Сначала помоги мне с Паулюсом, Винк! Делай, что я говорю! Ты хочешь, чтобы все было хорошо?

Винк справился со своей истерикой, и ему помогло спокойствие Блэксорна. Пульс Спилбергена был слабый. Винк послушал его сердце, отвел веки и смотрел некоторое время.

— Я не знаю, кормчий, Господи Боже. Я не могу нормально соображать. С его сердцем все в порядке, я думаю. Ему нужно сделать кровопускание. Но я не могу — не могу сосредоточиться... Дайте мне время. — Он устало замолчал, сел спиной к стене. Его начало трясти.

Крышка люка открылась.

Оми стоял, резко очерченный на фоне неба, его кимоно было окрашено заходящим солнцем в цвет крови.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Исоги! Поторопись!

Ван-Некк и Жан Ропер молча молились, их глаза были закрыты. Пьетерсун не мог смотреть. Блэксорн смотрел на Оми и его человека.

— Исоги! — пролаял опять Оми.

Еще раз Винк попытался встать.

— Кто-нибудь, помогите мне. Помогите мне встать!

Пьетерсун, который был ближе всех, наклонился и просунул руку Винку под мышку и помог ему, тут Блэксорн встал у низа лестницы, твердо поставив ноги в грязь.

— Киндзиру! — крикнул он, используя слово, услышанное на корабле. Сдавленный крик раздался по всему погребу. Рука Оми сжала меч, и он двинулся к лестнице. Блэксорн тут же повернул ее, провоцируя Оми поставить туда ногу.

— Киндзиру! — сказал он опять.

Оми остановился.

— Что происходит? — спросил Спилберген, напуганный, как и все остальные.

— Я сказал ему, что это запрещено! Никто из моей команды не пойдет на смерть без боя.

— Но мы согласились!

— Я — нет.

— Ты сошел с ума!

— Все правильно, кормчий, — прошептал Винк. — Я... мы согласились, и это было честно. Это Божья воля. Я собираюсь — то есть... — Он ощупью пробирался к началу лестницы, но Блэксорн стеной стоял на его пути, повернувшись лицом к Оми.

Винк пытался заставить ноги идти, но не смог. Он много раз в своей жизни сталкивался лицом к лицу со смертью, но никогда это не было так беспрочно. Все определилось соломинками. «Почему я? — кричал его мозг. — Я не хуже, чем другие, и лучше многих. Господи Боже на небесах, почему я?»

Лестница опустилась. Оми показал жеста, чтобы подошел один человек, и быстро.

— Ты не пойдешь без боя. Никто из вас.

— Отойди от лестницы, кормчий! Тебе приказали убираться! — Спилберген, шатаясь, стоял в своем углу, как можно дальше от лестницы. Его голос перешел на визг.

— Кормчий!

Но Блэксорн не слушал.

— Приготовься!

Оми отступил на шаг и что-то прорычал, приказывая своему человеку. Сразу же самурай, сопровождаемый на близком расстоянии двумя другими, начал спускаться по ступенькам, они вынимали мечи из ножен. Блэксорн повернул лестницу и схватился с первым, уклоняясь от его мощного удара мечом, пытаясь задушить его.

— Помогите мне! Ну давайте! Ради ваших же жизней!

Блэксорн изменил захват, чтобы стащить самурая со ступенек, напрягаясь до боли, в то время как второй человек тыкал вниз мечом. Винк вышел из своего каталептического состояния и бесстрашно бросился на самурая. Он помешал удару, который должен был отсечь Блэксорну запястье, удержал размахивающую мечом руку и ударил его другим кулаком в пах. Самурай задышался и отчаянно лягался. Винк, казалось, почти не заметил удара. Он вскарабкался по ступенькам и рванулся к человеку, стремясь отнять у него меч, — его ногти рвали тому глаза. Два других самурая были стеснены ограниченным пространством и Блэксорном, но удар одного из них достался Винку в лицо, и он отшатнулся в сторону. Самурай на лестнице ударил Блэксорна мечом, промахнулся, после чего вся команда набросилась на лестницу.

Круук бил кулаком по подъему ноги самурая и чувствовал, что косточка поддается. Человек успел выкинуть свой меч из люка, не желая дать оружие врагу, и тяжело упал в грязь. Винк и Пьетерсун упали на него. Он яростно защищался, а остальные бросились на еще одного появившегося самурая. Блэксорн поднял японский зазубренный кинжал и полез по лестнице. Круук, Жан Ропер и Саламон последовали за ним. Оба самурая отступили и стояли у входа, их боевые мечи были наготове. Блэксорн знал, что его кинжал бесполезен против мечей. Даже в таком положении, когда была такая подмога. В момент, когда его голова появилась над уровнем земли, один из мечей прошел над ним, не достав доли дюйма. Сильный удар невидимого ему самурая сбросил его опять под землю.

Он отпрянул назад, прочь от корчащейся массы дерущихся людей, которые пытались окунуть самурая в вонючую грязь.

Винк ударил его ногой сзади по шее, и тот обмяк. Винк колотил его снова и снова, пока Блэксорн не оттащил его.

— Не убивай его — мы можем использовать его как заложника! — крикнул он и сильно дернул за лестницу, пытаясь стащить ее в погреб. Но она была слишком длинна. Наверху еще один самурай и Оми бесстрастно ждали у люка.

— Ради Бога, кормчий, прекрати это! — задыхаясь, кричал Спилберген. — Они убьют нас всех — ты убьешь нас всех! Остановите его кто-нибудь!

Оми прокричал еще несколько приказов, и сильные руки наверху не дали Блэксорну загородить вход лестницей.

— Берегись! — прокричал он.

Еще три самурая, с ножами, в одних набедренных повязках, быстро прыгнули в погреб. Первые двое сразу набросились на Блэксорна, сбросив его, беспомощного, на пол, пренебрегая собственной опасностью, потом яростно атаковали его.

Блэксорн был сбит нечеловеческой силой. Он не мог пользоваться своим ножом, чувствовал, что его воля к борьбе пропадает, и хотел, как Мура, владеть искусством старости в рукопашном бою. Он знал, беспомощный, что недолго еще сможет выдержать, но все-таки сделал последнюю попытку и выдернул руку. Жестокий удар каменной руки пришелся ему на голову, а еще один разорвался в его мозгу разноцветными звездами, но он все еще дрался.

Винк долбил по одному самураю, когда третий упал на него сверху из двери, и Маетсуккер вскрикнул, когда кинжал разрезал ему руку. Ван-Некк пытался вслепую ударить сплеча, а Пьетерсун говорил: «Ради Бога, ударьте его, а не меня», но купец не слышал, так как был охвачен ужасом.

Блэксорн схватил одного самурая за горло, его захват сорвался из-за грязи и пота, и он почти встал, как бешеный бык, пытаясь стряхнуть их, когда последний удар свалил его в темноту. Три самурая пробивались вверх, и команда, оставшись без главного, отступила от кружащихся и режущих трех кинжалов; самураи овладели подвалом, подвал теперь был подвластен их мелькающим, как вихри, кинжалам, — они не пытались убить или покалечить, а только хотели вынудить пылких, напуганных людей отойти к стенам, подальше от лестницы, где неподвижно лежали Блэксорн и первый самурай.

Оми с высокомерным выражением лица спустился в отверстие и схватил ближайшего к нему — им оказался Пьетерсун. Он толкнул его по направлению к лестнице.

Пьетерсун вскрикнул и попытался вырваться из хватки Оми,

но нож скользнул по его запястью, а другой поранил руку. Пронзительно вопящий моряк был безжалостно прижат спиной к лестнице.

— Боже, помоги мне, это не я должен был идти, это не я, это не я! — Пьетерсун поставил обе ноги на перекладину и все отступал назад и вверх от мелькающих ножей. Потом, крикнув в последний раз «Помогите, ради Бога!», повернулся и, бессвязно мыча, взлетел в воздух.

Оми, не торопясь, следовал за ним.

Один самурай отступил, потом другой. Третий поднял нож, который был у Блэксорна. Он презрительно повернулся спиной, наступил на распростертое тело своего поверженного товарища и поднялся наверх.

Лестница была выдернута наверх. Воздух, небо и свет исчезли. Болты, грохоча, заняли свои места. Теперь остались только уныние и вздымающиеся грудные клетки, нарушенное сердцебиение, бегущий пот и зловоние. Вернулись мухи.

Какое-то время никто не двигался. Жан Ропер получил небольшой порез на щеке, у Маетсуккера было сильное кровотечение, другие были в основном в шоке. За исключением Саламона. Он ощупью добрался до Блэксорна, стащил его с лежащего без сознания самурая. Тот гортанно что-то сказал и показал на воду. Круук принес немного в тыквенной бутылке, помог ему посадить Блэксорна, все еще находящегося без сознания, спиной к стене. Вместе они начали счищать с его лица навоз.

— Когда эти негодяи — когда они упали на него, мне послышалось, как сломались его шея или плечо, — сказал мальчик, его грудь вздымалась. — Он выглядит как мертвец, Боже мой!

Сонк заставил себя встать на ноги и подошел к ним. Аккурратно подвигав голову Блэксорна из стороны в сторону, он ощупал ему и плечи.

— Кажется, все нормально. Подождем, пока он придет в себя и заговорит.

— О, Боже мой, — начал ныть Винк. — Пьетерсун, бедняга, будь я проклят, будь я проклят...

— Ты собирался пойти. Кормчий тебя остановил. Ты собирался идти, как обещал, я видел, ей-богу, — Сонк потряс Винка, но тот не обращал внимания. — Я видел тебя, Винк. — Он повернулся к Спилбергену, отмахиваясь от мух. — Разве не так?

— Да, он собирался. Винк, перестань реветь! Это вина кормчего. Дай мне немного воды.

Жан Ропер зачерпнул воды тыквенной бутылкой, напился и обмыл рану на щеке. «Винк должен был идти. Он был жертвой

Бога. Он был обречен. И теперь его душа погибла. О Господи Боже мой, прояви к нему милосердие, он будет гореть в аду целую вечность».

— Дайте мне воды,— простонал адмирал.

Ван-Некк взял бутылку Жана Ропера и передал ее Спилбергену.

— Это вина не Винка,— сказал Ван-Некк устало.— Он не мог встать, разве вы не помните? Он просил кого-нибудь помочь ему подняться. Я был так напуган, что я не мог двигаться и не мог подойти.

— Это вина не Винка,— сказал Спилберген.— Нет. Это его. Они все поглядели на Блэксорна.

— Он сумасшедший.

— Все англичане сумасшедшие,— сказал Сонк.— Ты знал хоть одного нормального? Поскреби любого из них — и ты обнаружишь маньяка и пирата.

— Все они негодяи! — сказал Джинсель.

— Нет, не все,— сказал Ван-Некк.— Кормчий сделал то, что он действительно считал правильным. Он защищал нас и провёл десять тысяч лиг.

— Защищал нас? Иди ты знаешь куда? Нас было пятьсот, когда мы отплывали, и пять кораблей. Теперь нас всего девять!

— Это не его вина, что флот растерялся. Это не его вина, что штормы были все...

— Если бы не он, мы бы остались в Новом Свете, ей-Богу. Это он сказал, что мы можем добраться до Японии. О Боже, посмотрите, где мы теперь.

— Мы согласились попробовать доплыть до Японии. Мы все согласились,— устало сказал Ван-Некк.— Мы все проголосовали.

— Да. Но это он нас убедил.

— Смотрите! — Джинсель указал на самурая, который ворочался и стонал. Сонк быстро скользнул на него, ударил его кулаком в челюсть. Мужчина опять потерял сознание.

— Боже мой! Зачем эти негодяи оставили его здесь? Они могли без большого труда вынести его отсюда. И мы ничего не можем сделать.

— Ты думаешь, они решили, что он мертв?

— Не знаю! Они должны были видеть его. Боже мой, как бы я хотел выпить холодного пива,— сказал Сонк.

— Не бей его, Сонк, не убивай его. Он заложник.— Круук поглядел на Винка, который сидел, согнувшись, у стенки, погруженный в унылое самобичевание.— Бог помогает нам во

всем. Что они сделают с Пьетерсуном? Что они сделают с нами?

— Это кормчий виноват,— сказал Жан Ропер.— Один он. Ван-Некк взгляделся в Блэксорна.

— Теперь это не имеет значения. Понимаете? Чья бы это вина ни была или есть.

Маетсуккер покачался на ногах, кровь все еще текла с предплечья.

— Я ранен. Помогите мне кто-нибудь.

Саламон сделал жгут из куска рубашки и остановил кровь. Рана на бицепсе Маетсуккера была глубокой, но ни вена, ни артерия не были задеты. Мухи начали садиться на рану.

— Проклятые мухи. И Бог проклянет кормчего в преисподней,— сказал Маетсуккер. Все согласились.— Но нет! Он должен был спасти Винка! Теперь на его руках кровь Пьетерсуна, и мы все из-за него страдаем.

— Заткнись! Он сказал, никто из его команды...

Наверху раздались шаги. Открылся люк. Крестьяне начали выливать бочки с рыбными помоями и морской водой в погреб. Они остановились, когда пол был затоплен на шесть дюймов.

* * *

Вопли прорезали ночной воздух, когда луна поднялась высоко.

Ябу сидел на коленях во внутреннем садике дома Оми. Без движения. Он следил за лунным светом в цветущем дереве — ветви взметнулись на фоне светлеющего неба, соцветия теперь были слегка окрашены. Лепесток падал, кружась, а он думал, как прекрасен этот лепесток.

Упал еще один лепесток. Ветер вздохнул и сдул еще один. Дерево едва ли достигало человеческого роста; оно находилось между двумя замшелыми камнями, которые, казалось, росли из земли — так искусно они были размещены.

Вся воля Ябу ушла на то, чтобы сконцентрироваться на дереве и цветах, море и ночи, чувствовать мягкое прикосновение ветра, ощущать запах морской свежести, думать о стихах — и все-таки держать сознание открытым для звуков смертельной мухи. Он ощущал слабость в позвоночнике, и только воля делала его крепким, как камень. Сознание этого давало ему уровень чувствительности более высокий, чем нужно обычно, чтобы слышать речь человека. И сегодня вечером его воля была сильнее и яростнее, чем когда-либо.

— Оми-сан, сколько времени еще останется у нас хозяин? — испуганным шепотом спросила мать Оми из дома.

— Я не знаю, — сказал Оми.

— Эти крики так ужасны. Когда они прекратятся?

— Я не знаю.

Они сидели за перегородкой во второй парадной комнате. Первая — комната его матери — была отдана Ябу, и обе они выходили в сад, который был устроен с такими трудами. Они могли видеть Ябу через решетку, дерево бросало красивые узорные тени на его лицо, лунный свет давал отблески на рукавках его мечей. Он носил черное хаори, или наружный жакет, на своем темном кимоно.

— Я хочу пойти спать, — сказала женщина, вздрогнув. — Но я не могу спать при таких звуках. Когда они прекратятся?

— Я не знаю. Потерпи, мама, — мягко сказал Оми. — Шум скоро прекратится. Завтра господин Ябу вернется в Эдо. Пожалуйста, будь терпеливой. — Но Оми знал, что пытки будут продолжаться до рассвета. Так было запланировано.

Он пытался сконцентрироваться. Поскольку его хозяин медитировал во время воплей, он опять попытался последовать его примеру. Но следующий пронзительный крик вернул его к действительности, и он подумал: «Я не могу. Я не могу пока еще. У меня нет его контроля над собой и энергии».

«Или это власть?» — спросил он себя.

Он ясно мог увидеть лицо Ябу. Он пытался прочитать странное выражение на лице даймё: слабый изгиб полных дряблых губ, пятно слюны в уголках, глаза, погруженные в темные щели, которые двигались только вслед за падающими лепестками. Это было, как если бы он только что достиг оргазма — почти достиг, — не дотрагиваясь до себя. Возможно ли это?

Впервые Оми был так близко от своего дяди, так как он был мелким звеном в цепочке клана, и его владения в Анджино и окружающей области были бедны и незначительны. Оми был самый молодой из трех сыновей своего отца, Мицуно, имевшего шестерых братьев. Ябу был старшим братом и вождем клана Кассиги, его отец был вторым по старшинству. Оми был двадцать один год, и у него был сын.

— Где твоя несчастная жена? — недовольно заныла старуха. — Я хочу, чтобы она растерла мне спину и плечи.

— Она должна была навестить отца, ты разве не помнишь? Он очень болен, мама. Давай я тебе это сделаю.

— Нет. Ты можешь послать потом за служанкой. Твоя жена очень невнимательная. Она могла подождать несколько дней.

Я проехала такой путь из Эдо, чтобы навестить тебя. Это заняло две недели при ужасной дороге, что же произошло? Я прожила только неделю, и она уезжает. Она должна была подождать! Бездельница, вот она кто. Твой отец сделал очень большую ошибку, устроив твою женитьбу на ней. Тебе следовало бы постоянно требовать, чтобы она уехала, — развестись с бездельницей раз и навсегда. Она даже не может хорошо промассировать мне спину. В самом крайнем случае, ты бы должен был дать ей хорошую взбучку. Эти ужасные вопли! Почему они не прекращаются?

— Они кончатся. Очень скоро.

— Тебе бы следовало задать ей хорошую порку.

— Да, — Оми подумал о своей жене Мидори, и его сердце подпрыгнуло. Она была такая красивая и изящная, мягкая и умная, ее голос так чист и ее музыка так хороша, как у лучшей куртизанки в Изу.

— Мидори-сан, ты должна немедленно уехать, — сказал он ей тайком.

— Оми-сан, мой отец не так болен, а мое место здесь, ухаживать за твоей матерью, разве не так? — ответила она. — Если приедет твой господин даймё, нужно будет подготовить дом. О, Оми-сан, это так важно, самый важный момент во всей твоей службе, да? Если господину Ябу понравится, может быть, он даст тебе владения получше, ты заслужишь намного лучшего! Если что-нибудь случится, пока меня не будет, я никогда не прощу себе, это первый раз, что ты имеешь возможность отличиться, и это должно произойти. Он должен приехать. Пожалуйста, нужно так много сделать.

— Да, но мне бы хотелось, чтобы ты уехала сразу, Мидори-сан. Останься там на два дня, потом поторопись опять домой.

Она просила, но он настаивал, и она уехала. Он хотел, чтобы она уехала из Анджино до того, как приедет Ябу, и на то время, когда он будет гостем в его доме. Не то чтобы даймё рискнул без разрешения тронуть его жену. Это было бы неразумно, потому что он, Оми, по закону имел бы право, честь и обязанность уничтожить даймё. Но он заметил, как Ябу следил за ней сразу после того, как они поженились в Эдо, и он хотел убрать возможный источник раздражения, все, что могло вывести из себя или смутить его господина, пока он был здесь. Это было так важно, чтобы он поразил Ябу-сама своей сыновней преданностью, предусмотрительностью и советами. И во всем он превзошел все возможное. Корабль был одним сокровищем, команда — другим. Все было совершенно.

— Я просила нашего домашнего ками присмотреть за тобой, — сказала Мидори перед отъездом, имея в виду особого синтоистского духа, который заботился об их доме, — и я послала приглашение в буддийский монастырь прислать монахов читать молитвы. Я сказала Суво, чтобы он постарался, и послала письмо Кику-сан. О, Оми-сан, пожалуйста, позволь мне остаться.

Он улыбнулся и отправил ее к отцу — слезы портили ей косметику.

Оми было грустно без нее, но он был рад, что она уехала. Вопли причинили бы ей еще больше страданий.

Мать его морщилась на ветру, как под пыткой, слабо шевелилась, чтобы облегчить боль в плечах, суставы ее сегодня вечером разболелись. Это морской бриз с запада, подумала она. Все-таки здесь лучше, чем в Эдо. Там слишком болотистая местность и слишком много moskitov.

Ей были видны мягкие очертания фигуры Ябу в саду. Тайно она его ненавидела и желала ему смерти. Если бы Ябу умер, Мицуно, ее муж, стал бы главой клана и даймё Изу. Это было бы очень хорошо. Остальные братья, их жены и дети раболепствовали бы перед ней, и, конечно, Мицуно-сан сделал бы Оми своим наследником, когда Ябу умер.

Новая боль в шее заставила ее немного подвнуться.

— Я позову Кику-сан, — сказал Оми, имея в виду куртизанку, которая терпеливо дожидалась Ябу в соседней комнате с мальчиком. — Она очень умелая.

— Я в порядке, только немного устала, не так ли? Ну, очень хорошо. Она может сделать мне массаж.

Оми вошел в соседнюю комнату. Постель была готова. Она состояла из нижних и верхних покрывал, называемых футонами, которые лежали на татами. Кику поклонилась, попыталась улыбнуться и пробормотала, что она польщена предложением попробовать свое скромное искусство на самой заслуженной матери семейства. Она была даже бледнее, чем обычно, и Оми мог видеть, что вопли действовали и на нее тоже. Мальчик пытался не показывать страха.

Когда стали слышны первые вопли, Оми должен был приложить огромные усилия, чтобы убедить ее остаться.

— О, Оми-сан, я не могу вынести этого — это ужасно. Так что извините, пожалуйста, дайте мне уйти — я хочу заткнуть уши, но звуки проходят сквозь пальцы.

— Бедный человек — это ужасно, — сказала она.

— Пожалуйста, Кику-сан, пожалуйста, потерпите. Так при-

казал Ябу-сама, понимаете? Ничего нельзя сделать. Это скоро кончится.

— Это слишком, Оми-сан. Я не могу этого вынести.

По сохранившемуся обычаю сами по себе деньги не могли купить девушку, если она или ее хозяйка хотели отказать клиенту, кто бы он ни был. Кику была куртизанка первого класса, самая известная в Изу; Оми признавал, что она была несравнима с куртизанками даже второго класса из Эдо, Осаки или Киото, но здесь она была на высоте, законно гордилась собой и считала себя исключительным существом. И хотя он согласился с ее хозяйкой, Мама-сан Дзёоко, платить в пять раз больше обычной цены, он все еще не был уверен, что Кику останется.

Теперь он смотрел, как ее проворные пальцы бегают по шее его матери. Она была красивая, миниатюрная, кожа почти просвечивала и была такая нежная. Обычно в ней ключом была жизнь, была своя изюминка. «Но как сможет такая игрушка быть веселой под гнетом этих стенаний?» — спросил он себя. Ему радостно было следить за ней, радостно представлять ее тело и ее тепло...

Внезапно вопли прекратились.

Оми слушал с полуоткрытым ртом, напряженно ловя малейший шум, он ждал. Он заметил, что пальцы Кику остановились, его мать перестала жаловаться, напряженно прислушиваясь. Он взглянул через решетку на Ябу. Даймё оставался неподвижен, как статуя.

— Оми-сан! — позвал наконец Ябу.

Оми встал, вышел на веранду из полированного дерева и поклонился.

— Да, господин.

— Пойди и посмотри, что случилось.

Оми опять поклонился и пошел через сад, вышел наружу, на аккуратно выложенную галькой дорожку, которая вела с холма вниз в деревню и на берег. Далеко внизу он смог видеть огонь около одной из верфей и мужчин около нее. И на площади, которая выходила к морю, он видел люк подвала и четырех стражников.

Подходя к деревне, он увидел корабль, надежно стоящий на якоре, масляные лампы на палубах и на привязанных к нему лодках. Жители деревни — мужчины, и женщины, и дети — все еще выгружали груз и рыболовные лодки, и шлюпки сновали вперед-назад, как множество светлячков. Аккуратные кучки тюков и мешков были сложены на берегу. Семь пушек уже были там, и еще одна на веревках спускалась с лодки на мол и оттуда на песок.

Он передернул плечами, хотя не было намека на ветер. Обычно жители деревни во время своих работ пели, и от хорошего настроения, и потому, что это помогало действовать в лад. Но сегодня вечером деревня была необычно тиха, хотя каждый дом бодрствовал и каждый работал, даже самые большие. Люди сновали взад и вперед. Молча. Даже собаки молчали.

«Раньше так никогда не было,— подумал он, его рука без необходимости сжала меч.— Похоже, что ками деревни оставили нас».

Мура подошел с берега, чтобы встретить его, предупреждая момент, когда Оми открывал дверь в сад. Он поклонился.

— Добрый вечер, Оми-сама. Корабль будет разгружен к полудню.

— Варвар умер?

— Я не знаю, Оми-сама. Я пойду и посмотрю сейчас же.

— Ты можешь пойти со мной.

Мура послушно пошел за ним, отстав на полшага. Оми был странно рад его компании.

— К полудню, говоришь? — спросил Оми, которому не нравилась тишина.

— Да. Все идет хорошо.

— А что с маскировкой?

Мура показал на группы старух и детей около одного из покрытых сетью домов, которые плели толстые маты. Среди них был Суво.

— Мы можем снять укрытия пушки с их повозок и завернуть их. Нам нужно по крайней мере десять человек, чтобы нести одну. К Игураши-сан уже послали за дополнительными носильщиками в соседнюю деревню.

— Хорошо.

— Я забочусь о том, чтобы была сохранена тайна, господин.

— Игураши-сан будет удивлен тем, что нужны носильщики, да?

— Оми-сама, мы истратим все наши мешки для риса, все наше вино, все сети, всю нашу солому для матов.

— Ну и что?

— Как потом мы сможем ловить рыбу и во что грузить наш урожай?

— Ты найдешь способ,— голос Оми стал строже.— Ваш налог увеличивается наполовину в этом сезоне. Ябу-сан приказал это сегодня ночью.

— Мы уже заплатили налог за этот год и за следующий.

— Это обязанность крестьян, Мура, ловить рыбу и пахать, собирать урожай и платить налог. Не так ли?

Мура сказал спокойно:

— Да, Оми-сама.

— Староста, который не может управлять своей деревней, не нужен, да?

— Да, Оми-сама.

— Этот крестьянин, он был дурак и непочтителен. Еще есть такие?

— Никого, Оми-сама.

— Надеюсь, что так. Плохие манеры непростительны. Его семья облагается налогом на один коку риса — рыбой, рисом, зерном, чем угодно. Должно быть уплачено в течение трех месяцев.

— Да, Оми-сама.

Оба — и Мура, и самурай Оми — знали, что эта цифра была выше того, что было по средствам семье. У них была только рыбацья лодка и одно рисовое поле в полгектара, которое трое братьев Тамазаки — теперь двое — делили с женами, четырьмя сыновьями, тремя дочерьми и вдовой Тамазаки с ее тремя детьми. Коку соответствовал такому количеству риса, которым семья кормилась в течение года. Около пяти бушелей. Видимо, триста пятьдесят фунтов риса. Весь доход в государстве измерялся коками. И все налоги.

— Куда придет земля богов, если мы забудем о вежливости? — спросил Оми. — И те, что над нами, и те, что под нами?

— Да, Оми-сама. — Мура прикидывал, где взять этот один коку, потому что если не могла платить семья, то должна была заплатить деревня. И где взять еще рисовых мешков, веревок и сети. Кое-что можно было получить в дороге. Деньги можно будет одолжить. Староста соседней деревни ему обязан. А! Разве старшая дочка Тамазаки не шестилетняя красотка и разве шесть лет не самый подходящий возраст, чтобы продать девочку? И разве не самый лучший перекупщик детей в Изу — третий кузен сестры матери, нуждающийся в деньгах, лысый, отвратительный старый хрыч? Мура вздохнул, зная, что теперь ему предстоит ряд яростных торгов. «Не беспокойся,— подумал он,— девочка принесет даже два коку. Она, конечно, стоит гораздо больше».

— Я приношу извинения за неправильное поведение Тамазаки и прошу у вас прощения,— сказал он.

— Это было его плохое поведение, а не твое,— ответил Оми вежливо.

Но оба они знали, что за это отвечал Мура и лучше, что Тамазаки больше нет. Тем не менее оба были удовлетворены. Извинение принесено и учтено, но отклонено. Таким образом, честь обоих мужчин сохранена.

Они повернули за угол верфи и остановились. Оми колебался, потом показал Муре, что тот может уйти. Староста поклонился и с благодарностью удалился.

— Он мертв, Зукимото?

— Нет, Оми-сан. Он только снова в обмороке.

Оми подошел к большому железному котлу. Жители деревни использовали его для вытапливания ворвани из китов, которых они иногда ловили далеко в море в зимние месяцы, или для варки клея из рыбы, что было типичным деревенским промыслом.

Варвар по плечи был погружен в подогреваемую воду. Его лицо было красным, губы отделены от гнилых зубов.

На закате Оми видел, как Зукимото, надувшись от важности, наблюдал за тем, как варвар был связан по рукам и ногам, как цыпленок, так что его руки были вокруг колен, а локти свободно висели у ног, и опущен в холодную воду. Все это время маленький красноголовый варвар, с которого Ябу хотел начать, что-то бормотал, смеялся и рыдал, а христианский священник читал свои проклятые молитвы.

Потом началось подкладывание дров в огонь. Ябу на берегу не было, но его приказы передавались и немедленно исполнялись. Варвар начал кричать и бредить, потом биться головой, пытаясь разломить ее о железный край котла, пока его не связали. Потом начались опять молитвы, рыдания, обмороки, возвращение к жизни, панические крики, еще до того, как действительно стало больно. Оми пытался следить, как бы вы бы следили за жертвоприношением мухи, пытаясь не видеть человека. Но он не смог и постарался уйти как можно скорее. Он обнаружил, что не получает удовольствия от мучений. «В этом нет достоинства, — решил он, радуясь возможности узнать правду о том, чего никогда не видел раньше. — В этом нет чести ни для жертвы, ни для мучителя. Достоинство отодвинулось от смерти, а без этого достоинства что было конечной точкой жизни?» — спросил он себя.

Зукимото спокойно потыкал обваренную кипятком мякоть на ноге палочкой, как делают, когда хотят убедиться, готова ли вареная рыба.

— Он скоро придет в себя. Удивительно, как долго он жи-

вет. Я не думаю, что они устроены так же, как и мы. Очень интересно, да? — спросил Зукимото.

— Нет, — сказал Оми, ненавидя его.

Зукимото постоянно был настороже, и его вкрадчивость вернулась.

— Я ничего не имел в виду, Оми-сан, — сказал он с глубоким поклоном. — Вовсе ничего.

— Конечно. Господин Ябу доволен, что вы так хорошо все устроили. Необходимо большое искусство, чтобы не дать огню слишком разгореться и все-таки дать его достаточно.

— Вы слишком добры, Оми-сан.

— Ты занимался этим раньше?

— Не совсем этим. Но господин Ябу удостоил меня своим хорошим отношением. Я только пытаюсь порадовать его.

— Он хочет знать, сколько еще проживет этот человек.

— Не доживет до рассвета. При большой осторожности с моей стороны.

Оми задумчиво осмотрел котел. Потом он поднялся на берег к площади. Все самураи встали и поклонились.

— Здесь все успокоилось, Оми-сан, — сказал один из них со смехом, ткнув большим пальцем в сторону люка. — Сначала были слышны разговоры, и голоса были сердитые, и несколько ударов. После два из них, может и больше, плакали, как испуганные дети. Но после этого давно уже тихо.

Оми прислушался. Он мог слышать глухой плеск воды и отдаленное бормотание. Случайный стон.

— А Масиджиро? — спросил он, называя так самурая, который, выполняя его приказы, остался внизу.

— Мы не знаем, Оми-сан. Конечно, он не отзывался. Он, возможно, умер.

«Как мог Масиджиро оказаться таким беспомощным, — подумал Оми. — Поддаться беззащитным людям, большинство которых были больны! Позор! Лучше бы он умер».

— Завтра не давайте ни воды, ни пищи. В полдень поднимите трупы, понятно? И я хочу, чтобы привели их главаря. Одного.

— Да, Оми-сан.

Оми вернулся к огню и дождался, когда варвар открыл глаза. После этого он вернулся в сад и доложил, что, по словам Зукимото, пытка еще мучительней на ветру.

— Ты посмотрел в глаза этого варвара?

— Да, Ябу-сама.

Оми встал на колени сзади даймё на расстоянии в десять ша-

гов. Ябу оставался неподвижным. Лунный свет затушеввал его кимоно и осветил рукоятку меча так, что она стала похожа на фаллос.

— Что, что ты увидел?

— Безумие. Сущность безумия, я никогда не видел таких глаз. И беспредельный ужас.

Мягко упали еще три лепестка.

— Сложи о нем стихи.

Оми пытался заставить свой мозг работать. Потом, желая быть точным, он сказал:

Его глаза
у края преисподней!
Вся боль
Заговорила в них.

Крики неслись вверх, они стали слабее, расстояние, казалось, усиливало их.

Ябу сказал:

Если вы позволите
Их холоду настичь,
Вы станете одним из них
В большой, большой
Неизреченной тайне.

Оми долго думал об этом в красоте ночи.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как раз перед первым лучом солнца крики прекратились.

Теперь мать Оми уснула. И Ябу.

Деревня на рассвете все еще не отдыхала. Еще нужно было доставить на берег четыре пушки, пятьдесят бочонков пороха, тысячу пушечных ядер.

Кику лежала под одеялом, следя за тенями на стене седзи. Она не спала, хотя и была утомлена более, чем когда-либо. Тя-

желый храп старухи в соседней комнате заглушал мягкое глубокое дыхание даймё рядом с ней. Мальчик беззвучно спал на других одеялах, одна его рука лежала на глазах, закрывая их от света.

Слабая дрожь пробежала по телу Ябу, и Кику задержала дыхание. Но он не проснулся, и это обрадовало ее, так как она поняла, что очень скоро сможет уйти, не беспокоя его. Терпеливо ожидая, она заставила себя думать о приятном. «Всегда помни, дитя,— внушал ее первый учитель,— что думать о плохом — действительно легче всего.

Чем больше о нем думаешь, тем больше накликаешь на себя несчастья. Думать о хорошем, однако, требует усилий. Это одна из вещей, которая дисциплинирует, тренирует. Так что приучай свой мозг задерживаться на приятных духах, прикосновении шелка, ударах капель дождя о седзи, изгибе этого цветка в букете, спокойствии рассвета. Потом, по прошествии времени, тебе не придется делать таких больших усилий и ты будешь ценить себя, ценить нашу профессию и славить наш мир — Мир Ив».

Она думала о чувственном ощущении ванны, которую скоро примет — оно сотрет эту ночь — и о предупредительной ласке рук Суво. Она думала о том, как будет смеяться с другими девушками и Мама-сан Дзёоко, как они обменяются сплетнями, слухами и анекдотами, и о чистом, о таком чистом кимоно, которое она наденет сегодня вечером, золотом с желтыми и зелеными цветами и подобранной в тон лентой для волос. После ванны она уберет волосы, и из денег, полученных за прошедшую ночь, она сможет очень много заплатить своей хозяйке, Дзёоко-сан, немного послать денег своему отцу, крестьянину на ферме, через менялу, и еще оставить себе. Потом она увидится со своим возлюбленным, и это будет прекрасный вечер.

«Жизнь очень хороша,— подумала она.— Да. Но очень трудно забыть об этих криках. Невозможно. Другие девушки будут так же несчастны, и бедная Дзёоко-сан! Но не думай об этом. Завтра мы все уедем из Анджио и поедем домой в наш милый чайный домик в Мисима, самом большом городе в Изу, который окружает самый большой замок даймё в Изу, где жизнь началась и продолжается. Я сожалею, что госпожа Мидори послала за мной.

Не глупи, Кику,— сказала она себе строго.— Тебе следовало бы извиниться. Ты не сожалеешь, да? Было честью служить нашему господину. Теперь, когда ты удостоена такой чести, твоя цена у Дзёоко-сан станет выше, чем когда-либо, не так ли? Это был опыт, и теперь ты будешь известна как Госпожа ночи рыданий и, если тебе повезет, кто-нибудь напишет балладу о тебе,— может быть, балладу исполнят в самом Эдо. О, это будет хорошо! Тогда, конечно, твой возлюбленный выкупит твой кон-

тракт, и ты будешь жить в безопасности и довольстве и родишь сыновей».

Она улыбнулась своим мыслям. «О, что расскажут трубадуры о сегодняшнем вечере во всех чайных домах по всему Изу! О господине даймё, который сидел без движения среди воплей, истекая потом. Что он делал в постели? — захотят узнать все. — А зачем мальчик? И было ли хорошо в постели? Что говорила и делала госпожа Киху и что делал и говорил господин Ябу? Был ли его несравненный пест небольшой или полный? Было ли это один раз, или дважды, или вообще ни разу? Ничего не случилось?»

Тысяча вопросов. Но никто никогда прямо не ответит. «Это мудро, — подумала Киху. — Первое и последнее правило Мира Ив — абсолютная секретность, никогда не говорить о клиенте и его привычках или сколько он платит, и таким образом быть полностью надежной. Если кто-то еще расскажет, ну, это его дело, но при стенах из бумаги и таких маленьких домах и людях, таких, какие они есть, рассказы всегда переходят из постели в балладу — в них не все правда, есть преувеличения, потому что люди есть люди, не так ли? Но ничего от самой госпожи. Может быть, изогнутые дугой брови или нерешительное пожимание плечами, деликатное приглаживание совершенной прически или складки кимоно — это все, что было позволено. И всегда достаточно, если девушка умна».

Когда крики прекратились, Ябу остался неподвижным, как вечность в лунном свете, но потом он встал. Она сразу же затопилась в другую комнату, ее кимоно шуршало, как будто это шумело ночное море. Мальчик был испуган, он пытался не показать этого и вытирал слезы, появившиеся во время пытки. Она ободряюще улыбнулась ему, силясь казаться спокойной, хотя спокойствия не чувствовала.

Потом в дверях появился Ябу. Он был весь в поту, его лицо строго, глаза полузакрыты. Киху помогла ему снять мечи, пропитанные потом кимоно и набедренную повязку. Она вытерла его, помогла ему надеть просушенное на солнце кимоно и повязала шелковый пояс. Она попробовала заговорить с ним, но он положил ей на губы мягкий палец.

Потом он подошел к окну и взглянул на заходящую луну, словно находясь в трансе, покачиваясь на ногах. Она оставалась спокойной, страха не было, так как чего теперь было бояться? Он был мужчина, она была женщина, обученная быть женщиной, приносить мужчинам удовольствие всеми возможными

способами. Но не причинять или терпеть боль. Были другие куртизанки, которые специализировались на этой форме удовольствий. Легкие шлепки тут или там, может быть, и были частью любовных ощущений, получаемых и даваемых, но всегда в пределах разумного, с достоинством, — ведь она была госпожа Ивового Мира первого класса, с ней никогда не обращались с пренебрежением, всегда с уважением. Но частью ее подготовки было умение держать мужчину покорным, в известных пределах. Иногда мужчина становился неуправляемым, и это было ужасно, так как девушка была одна. И не имела никаких прав.

Ее прическа была безупречна, но аккуратные пряди волос были распущены, спадая на уши так искусно, что наводили на мысль о любовном беспорядке и тем не менее подчеркивали ее чистоту в целом. Черно-красный перемежающийся узор на верхнем кимоно был окаймлен чистым зеленым цветом, что подчеркивало белизну ее кожи, кимоно было туго затянуто на ее тонкой талии широким жестким поясом, оби, радужно-зеленого цвета. Она могла слышать морской прибой и легкий ветерок, шелестящий в саду.

Наконец Ябу повернулся и посмотрел на нее, потом на мальчика.

Мальчику было пятнадцать лет, он был сыном местного рыбака, обучался в соседнем монастыре у буддийского монаха, который был художником, раскрашивающим и иллюстрирующим книги. Он был одним из тех, кто стремился заработать деньги у мужчин, любящих секс с мальчиками, а не с женщинами.

Ябу подошел к нему. Мальчик послушно, теперь также весь полный страха, распустил пояс своего кимоно, двигаясь с заученной элегантностью. Он не носил набедренной повязки, только женскую нижнюю рубашку, которая достигала земли. Его тело было гладким, гибким и почти без волос.

Киху помнила, как спокойно было, когда они трое оказались в тишине комнаты и крики исчезли. Они с мальчиком ждали, чтобы Ябу объяснил, кто из них ему требуется, а Ябу стоял между ними, слегка покачиваясь, переводя взгляд с одного на другую.

Потом он указал на нее. Она изящными движениями развязала оби, размотала его и дала ему упасть. Складки трех ее легких кимоно распахнулись и обнажили прозрачную нижнюю рубашку, которая подчеркивала бедра. Он лежал на постели, и по его знаку они легли с двух сторон от него. Он положил на себя их руки и держал их в одном положении. Он быстро согрелся,

показал им, как они должны работать ногтями на его боках, топропя их; его лицо превратилось в маску, — быстрее, быстрее... тут он испустил дикий крик крайней боли. Некоторое время он лежал, часто и тяжело дыша, с плотно закрытыми глазами, потом перевернулся и почти мгновенно уснул.

В тишине они затаили дыхание, пытаясь скрыть свое удивление. Все случилось так быстро.

Мальчик в удивлении изогнул брови.

— Мы сделали что-то не так? Кику-сан? Я имею в виду, — все кончилось так быстро, — прошептал он.

— Мы сделали все, что он хотел, — ответила она.

— Он, конечно, достиг облаков и дождя, — сказал мальчик. —

Я думаю, в доме теперь все собираются уснуть.

Она улыбнулась.

— Да.

— Я рад. Сначала я был очень напуган. Это очень хорошо, что удалось ему угодить.

Они вдвоем вытерли Ябу и укрыли его стеганым одеялом. Юноша устало откинулся на спину, полуопершись на один локоть, и зевнул.

— Почему бы тебе тоже не поспать? — сказала она.

Юноша плотнее запахнул кимоно и подвинулся коленями к ней. Она сидела сбоку от Ябу, ее правая рука мягко поглаживала руку даймё, облегчая его тревожный сон.

— Мне никогда не приходилось раньше быть вместе с мужчиной и женщиной, Кику-сан, — прошептал мальчик.

— Мне тоже.

Мальчик нахмурился.

— Я никогда раньше не был и с девушкой. Я имею в виду, что никогда не имел дела ни с одной женщиной.

— А тебе не хотелось бы со мной? — спросила она вежливо. — Если ты немного подождешь, я уверена, наш господин не проснется.

Мальчик нахмурился и попросил:

— Да, пожалуйста. — А потом он сказал: — Это было очень странно, госпожа Кику.

Она улыбнулась.

— Кого же ты предпочитаешь?

Юноша долго думал, пока они лежали в объятиях друг друга.

— Это была довольно трудная работа.

Она спрятала голову у него на плече и поцеловала в затылок, чтобы скрыть свою улыбку.

— Ты изумительный любовник, — прошептала она. — Теперь ты должен поспать после такой трудной работы.

Она ласкала его, пока он не заснул, потом перешла на другую постель. Там было холодно, но она не хотела придвигаться к Ябу и беспокоить его. Вскоре ее сторона постели также согрелась.

Тени от седзи становились острее. «Мужчины такие дети, — подумала она. — Так переполнены глупой гордостью. Все муки нынешней ночи так преходящи. Для страсти, которая сама только иллюзия, не так ли?»

Мальчик заворочался во сне. «Почему ты предложила ему? — спросила она себя. — Для его удовольствия — для него, а не для себя, хотя это меня и развлекло, и убило время, и дало ему спокойствие, в котором он так нуждался. Почему бы тебе немного не поспать? Позднее. Я посплю позднее», — сказала она себе.

Когда подошло время, она выскользнула из мягкой теплоты и встала. Ее кимоно лежали в стороне, и воздух охладил ее кожу. Она быстро и аккуратно оделась и повязала пояс. Быстро, привычно поправила прическу и косметику.

Она не произвела ни малейшего шума, выходя из комнаты.

Самурай, стоявший на посту на веранде, поклонился, и она поклонилась в ответ и оказалась в свете поднимающегося солнца. Ее служанка уже дожидалась.

— Доброе утро, Кику-сан.

— Доброе утро.

Солнце было очень ласковое, и оно заслонило все события ночи. «Хорошо быть живой, жить», — подумалось ей.

Она всунула ноги в сандалии, открыла свой малиновый зонтик, прошла через сад на тропинку, которая вела вниз к деревне, через площадь, к чайному домику, который был ее временным жилищем. Служанка шла за ней.

— Доброе утро, Кику-сан, — сказал Мура, кланяясь. Он отдыхал короткое время на веранде своего дома, пил чай, бледно-зеленый японский чай. Его мать обслуживала его.

— Доброе утро, Кику-сан, — повторил он.

— Доброе утро, Мура-сан. Доброе утро, Сейко-сан, как хорошо вы выглядите, — ответила Кику.

— А как вы? — спросила мать, ее старые глаза прощупывали девушку. — Что за ужасная ночь! Пожалуйста, присоединяйтесь к нам, попейте чаю. Ты выглядишь бледной, детка.

— Спасибо, но, пожалуйста, извините меня, я должна сейчас

идти домой. Вы и так оказали мне много чести. Может быть, позднее.

— Конечно, Кику-сан. Вы оказали честь нашей деревне, посетив нас.

Кику улыбнулась и сделала вид, что не замечает их прощупывающих взглядов. Чтобы добавить пикантности им и себе, она притворилась, что у нее слегка болит внизу.

«Это пойдет гулять по деревне,» — подумала она счастливо, кланяясь, морщась опять и уходя, как если бы стойчески скрывала сильную боль, складки ее кимоно покачивались очень изящно, ее наклоненный зонтик придавал ей самое удачное освещение. Она была очень рада, что на ней было это верхнее кимоно и этот зонтик. В пасмурный день это не было бы так эффектно.

— О, бедное, бедное дитя! Она так красива, правда? Что за позор! Ужасно! — сказала мать Муры с душераздирающим вздохом.

— Что ужасного, Сейко-сан? — спросила жена Муры, выходя на веранду.

— Ты не видишь, что эта бедная девушка на пределе? Ты не видишь, как мужественно она пытается спрятать это? Бедное дитя. Только семнадцать лет, и пройти все это!

— Ей восемнадцать, — сухо сказал Мура.

— Через что — это? — спросила одна служанка очень почтительно, присоединяясь к ним.

Старуха огляделась вокруг, чтобы убедиться, что все ее слушают, и громко прошептала:

— Я слышала, — она понизила голос, — я слышала, что она была беспомощна... три месяца.

— Ой, не может быть! Бедная Кику-сан! Ой! Но почему же?

— Мужчина действовал зубами. Я слышала это от надежных людей.

— Ой!

— Ой!

— Но зачем он взял еще и мальчика, госпожа? Конечно, он не...

— А! Разойдитесь! Беритесь за работу, бездельники! Это не для ваших ушей! Уходите, все вы! Мне нужно поговорить с хозяином.

Она прогнала их всех с веранды. Даже жену Муры. И потягивала свой чай, милостивая, очень довольная и напыщенная. Мура нарушил молчание:

— Зубы?

— Зубы. Ходит слух, что крики заставляют его возбуждаться, потому что он был напуган драконом, когда был маленьким, — сказала она поспешно. — Он всегда держит при себе мальчика, чтобы напомнить себе о том, как он был маленьким. Но он использует мальчиков, чтобы истощить себя, иначе он мучает всех. Бедная девочка.

Мура вздохнул. Он зашел в маленький домик во дворе перед главными воротами и непроизвольно пукнул, когда стал облегчаться в ведро. «Хотел бы я знать, что же случилось на самом деле, — спросил он себя, мастурбируя. — Почему Кику-сан больна? Может быть, даймё и правда действовал зубами? Как необычно!»

Он вышел, покачиваясь, чтобы удостовериться, что не испачкал свою набедренную повязку, и пошел через площадь, глубоко задумавшись.

«О, как бы мне хотелось провести ночь с госпожой Кику! Почему бы нет? Сколько Оми-сан заплатил ее хозяйке, — что мы должны будем заплатить в конце концов — два коку? Говорят, что хозяйка, Дзёоко-сан, потребовала и получила в десять раз больше обычной платы. Неужели она получила пять коку за одну ночь? Кику-сан, конечно, стоит этого, да? Ходят слухи, что она в свои восемнадцать лет столь же опытна, как и женщина вдвое большего возраста. Она, видимо, может продлить... О, ее счастье! Если бы мне довелось — как бы я начал?»

Рассеянно он копошился в набедренной повязке, в то время как ноги по хорошо утоптанной тропинке привели его на площадь на погребальное место.

Костер был приготовлен. Депутация из пяти деревенских жителей уже собралась там.

Это было самое приятное место в деревне, где морской бриз летом был самым прохладным, открывающийся вид — самым красивым. Поблизости был деревенский синтоистский храм, аккуратная соломенная крыша на пьедестале для ками — духа, который жил или мог жить там, если бы захотел. Узловатый тис, который рос здесь раньше, чем появилась деревня, был наклонен в сторону ветра.

Позднее по тропинке поднялся Оми. С ним были Зукимото и четыре гвардейца. Он стоял в стороне. Когда он формально поклонился костру и покрытому саваном, почти расчлененному телу, которое лежало на дровах, все они поклонились вместе с ним, чтобы почтить варвара, который умер, чтобы могли жить его товарищи.

По его сигналу Зукимото вышел вперед и зажег огонь. Зуки-

мото попросил Оми об этом, и эта честь ему была предоставлена. Он поклонился в последний раз. И потом, когда огонь разгорелся, они ушли.

* * *

Блэксорн наклонился ко дну бочки, аккуратно отмерил полчашки воды и отдал ее Сонку. Сонк попытался выпить ее наконец, но руки его дрожали, и он не смог. Он всосал эту тепловатую жидкость, сожалея об этом, так как в тот момент, когда она проходила через его пересохшее горло и он ошупью пробирался к своему месту у стены, он наступил на тех, чья очередь была сейчас лечь на его место. На полу теперь были глубокая грязь, зловоние и ужасное нашествие мух. Слабый солнечный свет проникал через доски крышки люка.

Винк был следующим. Он взял чашку и смотрел на нее, сидя около бочонка. Спилберген сидел с другой стороны.

— Спасибо,— пробормотал он уныло.

— Поторопись! — сказал Жан Ропер, рана на его щеке уже нагнаивалась. Его очередь была последней, и, сидя так близко, он чувствовал, как сильно болит горло.— Поторопись, Винк, ради Бога.

— Извини, вот возьми,— пробормотал Винк, протягивая ему чашку и забыв о мухах, которые пятнами облепили его.

— Пей, дурак! Это все, что ты получишь до захода солнца. Пей! — Жан Ропер толкнул чашку обратно ему в руки. Винк не взглянул на него, но послушался с несчастным видом и ускользнул обратно в свой личный ад.

Жан Ропер взял свою чашку воды от Блэксорна, закрыл глаза и молча поблагодарил. Он был один из стоящих, мускулы его ног болели. Чашки едва хватило на два глотка.

И теперь, когда все они получили свою порцию, Блэксорн тоже зачерпнул и с удовольствием выпил. Его рот и язык болели, они горели и были в пыли. Мухи, пот и грязь покрывали его. Грудь и спина сильно ныли от ушибов.

Он наблюдал за самураем, который остался в погребе. Мужчина лежал напротив стены, между Сонком и Крууком, занимая как можно меньше места, и не двигался часами. Он мрачно смотрел в пространство, обнаженный, если не считать набедренной повязки, весь покрытый синяками, с толстым рубцом вокруг шеи.

Когда Блэксорн впервые пришел в сознание, погреб был погружен в полную темноту. Крики заполняли яму, и он подумал,

что мертв и находится в ужасных глубинах преисподней. Он чувствовал себя так, как будто его засасывает в навоз, который был липким и текучим сверх всякой меры. Он закричал в страхе и забился в панике, неспособный дышать, до тех пор, пока не услышал: «Все нормально, кормчий, ты не умер, все нормально. Проснись, проснись, ради Бога, это не ад, хотя бы это и могло быть адом. О, Боже, помоги нам!»

Когда он полностью пришел в себя, ему рассказали о Пьетерсуне и бочках морской воды.

— О, Боже, заведи нас отсюда,— простонал кто-то.

— Что они делают с бедным старым Пьетерсуном? Что они сделали с ним? О, Боже, помоги нам. Я не могу выдержать эти крики!

— О, Боже, пусть бедняга умрет. Помогите ему умереть.

— О, Боже, прекрати эти крики! Пожалуйста, останови эти вопли!

Эта яма и вопли Пьетерсуна устроили им проверку, вынудили их глубже заглянуть в себя. И ни одному не понравилось то, что он там увидел.

«Темнота еще усугубляет ситуацию»,— подумал Блэксорн.

Для тех, кто был в этой яме, ночь казалась бесконечной.

На рассвете вопли прекратились. Когда рассвет просочился к ним, они увидели забытого самурая.

— Что мы будем с ним делать? — спросил Ван-Некк.

— Я не знаю. Он выглядит таким же испуганным, как и мы,— сказал Блэксорн, его сердце забило сильнее.

— Ему лучше ничего не делать, ей-богу.

— О, Боже мой, вытащи меня отсюда! — Голос Круука достиг крещендо. — Помогите!

Ван-Некк, который был около него, потряс его и успокоил.

— Все нормально, парень. Мы в руках Бога. Он смотрит на нас.

— Посмотри на мою руку,— простонал Магетсуккер. — Рана уже нагноилась.

Блэксорн стоял шатаясь.

— Мы все станем ненормальными, если не выберемся отсюда через день-два,— сказал он, не обращая ни к кому конкретно.

— Воды почти нет,— сказал Ван-Некк.

— Мы определим норму на то, что есть. Немного сейчас — немного в полдень. Если повезет, этого хватит на три раза. Чертовы мухи!

После этого он нашел чашку и раздал всем по мерке воды и теперь пил ее, стараясь делать это помедленнее.

— Так что с этим японцем? — спросил Спилберген. Адмирал лучше, чем остальные, перенес ночь, потому что залепил уши комочками грязи, когда начались вопли, и, располагаясь около бочки, украдкой утолял жажду.

— Что нам делать с ним?

— Ему надо дать воды, — сказал Ван-Некк.

— Черта с два он получит воды, — сказал Сонк.

Они все проголосовали и согласились на том, что воды он не получит.

— Я не согласен, — сказал Блэксорн.

— Ты не согласен со всем, что мы говорим? — сказал Жан Ропер. — Он враг. Он варвар, враг, и он чуть не убил тебя.

— Ты чуть не убил меня. Полдюжины раз. Если бы твой мушкет выстрелил тогда в Санта-Магдалене, ты разнес бы мне всю голову.

— Я в тебя не целился. Я целился в этих проклятых прихвостней Сатаны.

— Это были безоружные священники. И времени было достаточно.

— Я в тебя не целился.

— Ты чуть не убил меня дюжину раз, с твоей чертовой вспыльчивостью, с твоим проклятым фанатизмом и Богом проклятой глупостью.

— Богохульство — смертный грех. Поминание имени Господа Бога — грех. Мы в Его руках, не в твоих. Ты не король, и здесь не корабль. Ты не наш командир...

— Но ты будешь делать то, что я скажу!

Жан Ропер огляделся, напрасно ища поддержки среди сидящих в подвале.

— Делай, что хочешь, — сказал он уныло.

— И буду.

Самурай так же хотел пить, как и они, но он замотал головой, когда ему предложили чашку. Блэксорн заколебался, приложил чашку к распухшим губам самурая, но человек оттолкнул чашку, разлив воду, и что-то хрипло произнес. Блэксорн приготовился парировать новый удар. Но он не последовал. Он не делал больше ни одного движения, глядя в пространство.

— Он сумасшедший. Они все сумасшедшие, — сказал Спилберген.

— Тем больше воды останется для нас. Хорошо, — сказал

Жан Ропер. — Пусть катится ко всем чертям, как он того заслуживает!

— Как твое имя? Наму? — спросил Блэксорн. Он произнес это еще несколько раз на разные лады, но самурай, казалось, не слышал.

Они оставили его в покое. Но следили за ним, как если бы это был скорпион. Он не смотрел ни на кого. Блэксорну показалось, что он пытается что-то решить для себя, но не мог и предположить, что бы это могло быть.

«Что у него на уме? — спросил себя Блэксорн. — Почему он отказался от воды? Почему он остался здесь? Это опшибка Оми? Непохоже. План? Непохоже. Можно ли нам использовать его, чтобы выбраться отсюда? Весь этот мир непонятен, за исключением того, что мы, может быть, останемся здесь, пока они не позволят нам выйти отсюда... если они когда-нибудь позволят. А если они позволяют нам выйти, что дальше? Что случилось с Пьерсунум?»

По мере того как становилось теплее, появлялись новые рои мух.

«О, Боже, я хочу, чтобы я мог лечь, хочу, чтобы я мог опять попасть в ту ванну — теперь бы им не пришлось нести меня туда. Я никогда не понимал, как важна ванна. Этот старый слепой с его стальными пальцами! Я мог бы час или два принимать его массаж.

Что за глупость! Все наши корабли и люди, и все усилия — и для этого. Кругом неудача. Ну, почти. Некоторые из нас пока еще живы».

— Кормчий! — Ван-Некк тряс его. — Ты спишь. Вот он — он уже минуту или больше кланяется перед тобой.

Блэксорн потер глаза, прогоняя усталость. Он сделал усилие над собой и поклонился в ответ.

— Хай? — спросил он коротко, вспомнив японское слово, означающее «да».

Самурай держал пояс от своего изорванного кимоно, обмотав его вокруг шеи. Все еще стоя на коленях, он дал один конец Блэксорну, другой Сонку, наклонил голову и показал им, что надо сильно тянуть.

— Он боится, что мы задушим его, — сказал Сонк.

— Боже мой, я думаю, что он хочет, чтобы мы сделали это, — Блэксорн отбросил пояс и покачал головой. — Киндзиру, — сказал он, думая, как полезно оказалось это слово. Как сказать человеку, который не говорит на твоём языке, что это против твоих правил — совершать убийство, убивать безоружного че-

ловека, что ты не палач, что убийство — это преступление перед Богом?

Самурай заговорил снова, явно прося его, но Блэксорн снова покачал головой: «Киндзиру». Мужчина оглянулся вокруг с диким видом. Вдруг он встал на ноги и затолкнул голову глубоко в парашу, пытаясь в ней утопиться. Жан Ропер и Сонк тут же оттащили его, толкая и борясь с ним.

— Пустите его, — приказал Блэксорн. Они послушались. Он указал на парашу. — Самурай, если ты хочешь этого, тогда давай!

Мужчину тошнило, но он понял. Он поглядел на полную бадью: нет, у него не хватит сил держать там голову достаточно долго. Ужасно несчастный, самурай вернулся на свое место у стены.

— Боже, — пробормотал кто-то.

Блэксорн зачерпнул полчажки воды из бочки, встал — его суставы плохо сгибались, — подошел к японцу и предложил ему. Самурай глядел мимо чашки.

— Хотел бы я знать, сколько он сможет выдержать, — сказал Блэксорн.

— Вечность, — сказал Жан Ропер. — Они животные. Они не люди.

— Боже мой, сколько они продержат нас здесь? — спросил Джинсель.

— Столько, сколько захотят.

— Нам следует делать все, что они захотят, — сказал Ван-Некк. — Мы должны, если мы хотим остаться в живых и выйти из этой адовой дыры. Разве не так, кормчий?

— Да, — Блэксорн с радостью мерил тень от солнца. — Самый полдень, часовые сменяются.

Спилберген, Маесуккер и Сонк начали жаловаться, но он обругал их, заставил подняться на ноги, и, когда все заняли новые места, он с удовольствием улегся. Пол был грязный, мухи — хуже, чем когда-либо, но радость от возможности выпрямиться во весь рост была огромная.

«Что они сделали с Пьетерсуном? — спросил он себя, так как чувствовал смутную тревогу. — О, Боже, помоги нам выбраться отсюда. Я так беспокоюсь».

Наверху раздались шаги. Открылась крышка люка. Около него стоял священник, сбоку от него — самурай.

— Кормчий! Ты должен подняться. Ты должен идти один, — сказал он.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Взоры всех, кто был в яме, устремились на Блэксорна.

— Чего они хотят от меня?

— Я не знаю, — серьезно сказал отец Себастьян. — Но ты должен сразу же подняться.

Блэксорн знал, что у него нет выбора, но он не оставлял спасительной стены, пытаясь собраться с силами.

— Что случилось с Пьетерсуном?

Священник рассказал ему.

Блэксорн перевел тем, кто не говорил по-португальски.

— Бог смилиостивился над ним, — прошептал Ван-Некк после жуткого молчания. — Бедняга. Бедняга.

— Я сожалею. Я ничего не мог сделать, — священник говорил с большой печалью в голосе. — Я не думаю, что он узнал меня или мог узнать кого-нибудь, когда его опускали в воду. Он потерял разум. Я дал ему отпущение грехов и молился за него. Может быть, с Божьей милостью... Во имя отца и сына и святого духа. Аминь. — Он перекрестил погреб. — Я прошу вас всех отказаться от ваших ересей и вступить обратно в веру Бога. Кормчий, ты должен подняться.

— Не покидай нас, кормчий, ради Бога! — выкрикнул Круук. Винк, спотыкаясь, подошел к лестнице и начал взбираться по ней.

— Они могут взять меня — не кормчего. Меня, а не его. Скажите ему. — Он остановился беспомощно, обеими ногами упираясь в перекладину. Длинное копье остановилось в дюйме от его сердца. Он пытался схватить его, но самурай был готов к этому, и, если бы Винк не отпрыгнул обратно, его проткнули бы копьем.

Этот самурай указал на Блэксорна и сделал знак, чтобы он поднимался. Очень грубо. Блэксорн еще не двигался. Другой самурай всунул в погреб длинный колючий шест и пытался выгнать его.

Никто не двинулся, чтобы помочь Блэксорну, кроме самурая в погребе. Он быстро схватился за острие шеста и что-то резко сказал мужчине наверху, который колебался, потом поглядел на Блэксорна, пожал плечами и что-то произнес.

— Что он говорит?

Священник ответил:

— Этот японец говорит: «Судьба человека — это судьба человека, а жизнь — только иллюзия».

Блэксорн кивнул самураю, подошел к лестнице и не оглядываясь поднялся по ней. Он отвернулся от болезненно-яркого света, колени согнулись, и он упал на песок.

Рядом с собой он увидел Оми. Священник и Мура стояли около четырех самураев. В стороне толпились несколько жителей деревни, они посмотрели на Блэксорна и отвернулись.

Никто ему не помог.

«О, Боже, дай мне силы,— молился Блэксорн.— Я должен встать на ноги и сделать вид, что я сильный. Это единственная вещь, которую они уважают. Будь сильным. Не показывай страха. Пожалуйста, помоги мне».

Он заскрежетал зубами, оттолкнулся от земли и встал, слегка качаясь.

— Какого дьявола вы от меня хотите, грязный маленький негодяй? — сказал он, обращаясь к Оми.

Потом добавил для священника:

— Скажи этому негодю: я дам тебе в моей собственной стране. И что это за обращение? Скажи ему, что мы с ним не ссорились. Скажи ему, пусть выпустит нас или ему будет хуже. Скажи ему, что я дам тебе, ей-богу. Я наследник сэра Вильяма Великого,— может, негодяй сразу помрет. Скажи ему!

Ночь была ужасной для отца Себастьяна. Но во время своего бодрствования он ощущал присутствие Бога и почувствовал озарение, которого никогда не испытывал раньше. Теперь он знал, что может быть инструментом Бога против язычников и пиратского коварства. Он знал каким-то образом, что эта ночь была подготовкой для него, он стоял как бы на распутье.

— Скажи же ему!

Священник произнес по-японски:

— Пират говорит, что он господин в своей стране.— Потом выслушал ответ Оми.— Оми-сан говорит, его не интересует, будь ты хоть королем в своей стране. Здесь ты живешь по воле господина Ябу — ты и все твои люди.

— Скажи ему, что он мерзавец.

— Старайся не оскорблять его.

Оми снова начал говорить.

— Оми-сан обещает, что тебе дадут вымыться, будут кормить и поить. Если ты будешь себя хорошо вести, тебя не посадят обратно в яму.

— А что с моими людьми?

Священник спросил Оми.

— Они останутся там.

— Тогда скажи ему, пусть отправляется к черту.— Блэксорн пошел к лестнице, чтобы спуститься опять вниз. Двое из самураев преградили ему путь и, хотя он сопротивлялся, легко удержали его.

Оми поговорил со священником, потом со своими людьми. Они отпустили его, и Блэксорн чуть не упал.

— Оми-сан предупреждает, если ты не будешь осторожней, они заберут еще одного человека. У них много дров и много воды.

«Если я соглашусь,— подумал Блэксорн,— они найдут способ управлять мной, и я навсегда окажусь в их власти, отныне и навсегда. Я буду должен делать то, что они захотят. Ван-Некк был прав, я должен что-то сделать».

— Что он хочет, чтобы я делал, что значит «быть осторожней»?

— Оми-сан говорит, это означает повиноваться ему. Делать, что они тебе скажут. Есть дерьмо, если они прикажут.

— Скажи ему, пусть идет к черту. Скажи ему, срать я хотел на него и на всю его страну — и на его дамь.

— Я рекомендую вам согласиться с тем...

— Скажи ему, что я сказал, точно, ради Бога!

— Очень хорошо, но я предупреждал тебя, кормчий.

Оми выслушал священника. Суставы на руке, держащей меч, побелели. Все его люди тяжело переминались, их глаза вонзились в Блэксорна.

Потом Оми отдал спокойным голосом распоряжение.

Два самурая мгновенно спустились в яму и вытащили Круука. Они подтащили его к котлу, связали ему руки и ноги, пока другие носили дрова и воду. Они положили оцепеневшего мальчишку в залитый водой котел и подожгли дрова.

Блэксорн следил за беззвучными гримасами Круука, и ужас переполнял его.

«Жизнь совсем не имеет цены для этих людей,— подумал он.— Бог проклял их, они наверняка сварят Круука, это так же верно, как то, что я стою на этой покинутой Богом земле».

Дым волнами несся по песку. Морские чайки с кошачьим мяуканьем вились вокруг рыбацких лодок. Кусок дерева выпал из огня и был задвинут самураем обратно.

— Скажи ему, пусть перестанут,— сказал Блэксорн.— Попроси его перестать.

— Оми-сан спрашивает: вы согласились хорошо себя вести?

— Да.

— Он спрашивает: вы будете выполнять все его приказы?

— Насколько смогу — да.

— Он хочет, чтобы вы ответили непосредственно ему. В японском языке слово «да» звучит как «хай». Он спрашивает: вы будете выполнять все приказы?

— Насколько я смогу — хай.

Огонь начал нагревать воду, и ужасный вопль вырвался изо рта юноши. Языки пламени от горящих дров, которые горели в кирпичной кладке внизу, лизали металл. Дров добавили еще.

— Оми-сан говорит, ложись. Немедленно.

Блэксорн сделал, как ему приказали.

— Оми-сан говорит, что он не оскорблял тебя лично и у тебя не было повода оскорблять его. Поскольку ты варвар и не знаешь, как себя вести, тебя не убьют. Но тебя поучат хорошему поведению. Ты понимаешь? Он хочет, чтобы ты отвечал непосредственно ему.

Донеслись рыдания мальчика. Они терзали слух, пока юноша не потерял сознание. Один из самураев держал его голову над водой.

Блэксорн посмотрел на Оми. «Помни,— приказал он себе,— помни, что жизнь мальчика только в твоих руках. Да, жизнь всей твоей команды в твоих руках. Да, началась ужасная полоса в твоей жизни, но нет никакой гарантии, что у негодая хватит совести соблюдать сделку».

— Ты понимаешь?

— Хай.

Он увидел, как Оми подтянул свое кимоно, освободив пенис из набедренной повязки. Он ожидал, что тот помочится ему в лицо. Но Оми этого не сделал, а помочился на его спину. «Ей-богу,— поклялся себе Блэксорн,— я запомню этот день и когда-нибудь Оми заплатит за это».

— Оми-сан говорит, это плохие манеры — говорить, что ты будешь ссать на кого-нибудь. Очень плохие. И очень глупо говорить, что ты будешь ссать на кого-нибудь, когда ты безоружен, слаб и не готов позволить своим друзьям или родственникам погибнуть первыми.

Блэксорн ничего не сказал. Он не сводил глаз с Оми.

— Вакаримас ка? — сказал Оми.

— Он говорит: ты понял?

— Хай

— Окиро.

— Он говорит, чтобы ты встал.

Блэксорн встал, боль стучала в висках. Он смотрел на Оми, и тот, обернувшись, посмотрел на него.

— Ты пойдешь с Мурой и будешь выполнять его приказания.

Блэксорн не ответил.

— Вакаримас ка? — резко сказал Оми.

— Хай,— Блэксорн измерил расстояние между собой и Оми. Он представил себе свои пальцы на горле Оми и его лице и моллился, чтобы он мог успеть вырвать ему глаза, прежде чем кто-нибудь сумеет оторвать его от этого человека.

— Что с мальчиком? — спросил он.

Священник, запинаясь, что-то сказал Оми.

Оми глянул на котел. Вода была еще чуть теплой. Мальчик был в обмороке, но невредим.

— Выньте его оттуда,— приказал он.— Приведите доктора, если надо.

Его люди выполнили приказание. Блэксорн подошел к мальчику и принял к его груди.

Оми поманил священника.

— Скажи главарю, что юноша тоже может сегодня остаться наверху. Если главарь и юноша будут вести себя хорошо, еще один из варваров сможет выйти завтра из ямы. Потом другой. Может быть. Или не только один. Может быть. Это зависит от того, как будут вести себя те, что наверху. Но ты,— он глянул прямо на Блэксорна,— ты отвечаешь за малейшее нарушение любого правила или приказа. Ты понимаешь?

После того как священник перевел ему все это, Оми услышал, как варвар говорит «да», и увидел, что часть леденящего кровь гнева уходит у того из глаз. Но ненависть осталась. «Как глупо,— подумал Оми,— и как наивно быть столь открытым. Хотел бы я знать, что он сделает, если я буду играть с ним дальше — притворюсь, что нарушаю соглашение».

— Священник, как его имя? Говори медленно.

Он послушал, как священник несколько раз произнес его, но оно все еще звучало как тарабарщина.

— Ты можешь произнести это? — спросил он одного из своих людей.

— Нет, Оми-сан.

— Священник, скажи ему, что с этого времени его имя будет Анджин-кормчий. Когда он заслужит, он будет называться Анджин-сан. Объясни ему, что в нашем языке нет звуков, чтобы правильно назвать его имя.— Оми сухо добавил:

— Объясни ему, что это не будет звучать оскорбительно. До свиданья, Анджин, пока.

Они все поклонились ему. Он вежливо ответил на поклон и ушел. Когда он удостоверился, что за ним никто не наблюдает, он позволил себе широко улыбнуться. Так быстро приручить главаря варваров! Сразу раскусить, как управлять им и ими!

«Как необычны эти варвары,— подумал он.— Э, чем скорее Анджин заговорит на нашем языке, тем лучше. Тогда мы узнаем, как сокрушить христианских варваров раз и навсегда!»

— Почему ты не помочился ему в лицо? — спросил Ябу.

— Сначала я так и хотел, господин, но кормчий — все еще неприрученное животное, вообще опасное. А в лицо... ну, для нас трогать лицо человека — самое сильное оскорбление, не так ли? Поэтому я подумал, что и так я могу столь глубоко оскорбить его, что он потеряет контроль над собой. Поэтому я помочился ему на спину — я подумал, что этого будет достаточно.

Они сидели на веранде его дома, на шелковых подушках. Мать Оми приготовила им чай со всеми церемониями, которые она могла соблюсти, а она была хорошо обучена в молодости. Она с поклоном предложила чай Ябу. Он поклонился и вежливо предложил его Оми, который, конечно, отказался с глубоким поклоном; тогда он принял его и потягивал чай с большим наслаждением, чувствуя полное удовлетворение.

— Я очень доволен тобой, Оми-сан,— сказал он.— Твоя рассудительность исключительна. Твоя подготовка и руководство этим делом превосходны.

— Вы слишком добры, господин. Мои усилия могли быть много больше, намного больше.

— Откуда ты так много узнал про варваров и их характер?

— Когда мне было четырнадцать лет, у меня в течение года был учитель — монах по имени Джиро. Когда-то он был христианским священником, по крайней мере он был учеником священника, но, к счастью, он понял, что это была ошибка. Я всегда помню одну вещь, которую он сказал мне. Он сказал, что христианская религия уязвима, потому что их главный бог, Иисус, сказал, что все люди должны «любить» друг друга; он ничего не говорит о чести или обязанностях,— только о любви. А также, что жизнь священна; «Не убий»! Каково? И другие глупости. Эти новые варвары заявляют, что они тоже христиане, хотя священник и отрицает это, как я понял, они, может быть, только другой секты, и это проявление их вражды, совсем как буддийские секты ненавидят одна другую. Я подумал, что, если

они «любят друг друга», может быть, мы сможем управлять их вожаком, убив или угрожая убить одного из его людей.

Оми знал, что этот разговор опасен из-за той мучительной оскверняющей смерти. Он чувствовал, как невысказанное предупреждение его матери пересекло пространство между ними.

— Хотите еще чаю, Ябу-сама? — спросила его мать.

— Спасибо,— сказал Ябу.— Все очень, очень хорошо.

— Спасибо, господин. Но, Оми-сан, варвар погиб ради полезного дела? — спросила его мать, переводя разговор.— Может быть, тебе надо сказать нашему господину, как ты думаешь — постоянно это или временно.

Оми поколебался.

— Временно. Но я думаю, его следует обучить нашему языку как можно быстрее. Это очень важно для вас, господин. Вам, возможно, придется убить одного или двух, чтобы держать его и остальных в повиновении, но к этому времени он поймет, как нужно вести себя. С того времени, как вы сможете непосредственно разговаривать с ним, Ябу-сама, вы сможете использовать его знания. Если то, что сказал священник, верно — что он вел корабль десять тысяч ри,— он должен быть больше, чем просто умелец.

— Ты сам больше, чем просто умелец,— засмеялся Ябу.— Ты обучаешь животных. Оми-сан — дрессировщик людей, учитель мужчин!

Оми засмеялся вместе с ним.

— Я попытаюсь, господин.

— Твой надел увеличивается с пятисот коку до трех тысяч. Ты будешь управлять площадью в пределах двадцати ри. (Ри — мера длины примерно в одну милю.) Как дальнейший знак моего расположения, когда я вернусь в Эдо, я pošлю тебе двух лошадей, двадцать шелковых кимоно, один комплект брони, два меча и достаточно оружия, чтобы обмундировать еще сто самураев, которых ты наберешь. В случае войны ты немедленно вступаешь в мое личное войско хатамото.

Ябу чувствовал наплыв откровения. Хатамото было специальное войско даймё, которое имело право доступа к своему хозяину и могло носить мечи в присутствии хозяина. Он был доволен Оми и чувствовал себя отдохнувшим, как бы заново рожденным. Спал он хорошо. Когда он проснулся, то был один, как и ожидал, потому что не приказал девушке или мальчику остаться. Он выпил чаю и съел немного рисовой каши. Потом ванна и массаж Суво.

«Это был изумительный эксперимент,— подумал он.—

Никогда я не чувствовал себя так близко к природе, деревьям, горам и земле, неизмеримой печали жизни и ее мимолетности. Вопли придавали всему совершенство».

— Оми-сан, в моем саду в Мисима есть камень, который я бы хотел, чтобы вы приняли в дар, также в память этого события и этой чудной ночи и нашего доброго состояния, — сказал он. —

Камень привезен из Кюсю. Я пошлю его вам с другими вещами. Я назвал его «Ждущий камень», потому что мы ждали приказа господина Тайко, чтобы атаковать, когда я его нашел. Это было... о, пятнадцать лет назад. Я был в его армии, когда мы разгромили мятежников и подчинили себе весь остров.

— Вы оказываете мне большую честь.

— Почему не поместить его здесь, в вашем саду, и не переименовать его? Почему бы не назвать его «Камень мира с варварами» — в память о ночи и его бесконечном ожидании мира.

— Может быть, вы позволите мне назвать его «Камень счастья», чтобы напоминать мне и моим потомкам о почестях, которыми вы одарили меня, дядюшка?

— Нет, лучше просто назови его «Ожидающий варвар». Да, мне нравится такое название. Это соединит нас вместе — его и меня. Он ждал, как я ждал. Я жив, он умер. — Ябу посмотрел в сад, наслаждаясь. — Хорошо. «Ожидающий варвар»! Это мне нравится. Там у него интересные пятна с одной стороны, которые напоминают мне о слезах, и жилки голубого цвета с призматическим красноватым кварцем, которые напоминают мне мясо — непостоянство всего этого! — Ябу вздохнул, наслаждаясь своей меланхолией. Потом он добавил: — Это хорошо для мужчины — поставить камень и назвать его. Варвару потребовалось много времени, чтобы умереть, правда? Может быть, он родится заново японцем, — это компенсирует его страдания. Разве это не удивительно. Потом однажды его потомки, может быть, увидят этот камень и будут довольны.

Оми выразил свою сердечную благодарность и возразил, что не заслуживает такого щедрого подарка. Ябу знал, что щедрость была не более той, что тот заслужил. Он легко мог дать больше, но помнил старую поговорку, что можно легко увеличить владение, но уменьшение его вызывает вражду. И предательство.

— Оку-сан, — сказал он женщине, давая ей титул Почетной Матери. — Мой брат должен был раньше рассказать мне о хороших качествах вашего младшего сына. Тогда Оми-сан намного больше преуспел бы к настоящему времени. Мой брат слишком скромный, слишком легкомысленный.

— Мой муж слишком много думает о вас, мой господин, слишком заботится о вас, — ответила она, отдавая себе отчет в скрытом смысле слов. — Я рада, что мой сын имел возможность порадовать вас. Ведь он только выполнял свои обязанности, не так ли? Это обязанность всех нас, Мицуно-сан и всех нас, — служить.

Лошади застучали копытами на подъеме. Игураппи, главный слуга Ябу, быстро прошел через сад.

— Все готово, господин. Если вы хотите быстро вернуться в Эдо, мы должны сейчас выехать.

— Хорошо. Оми-сан, ты и твои люди поедут с конвоем и помогут Игураппи-сан проследить, чтобы все было безопасно доставлено в замок, — Ябу заметил, как по лицу Оми прошла тень. — В чем дело?

— Я просто думаю, как быть с варварами?

— Оставь несколько человек, чтобы охранять их. По сравнению с конвоем они не так важны. Делайте с ним, что хотите — бросьте их опять в яму, как тебе удобней. Если получишь от них что-нибудь полезное, извести меня.

— Да, господин, — ответил Оми. — Я оставлю десять самураев и особые инструкции для Муры — они не смогут причинить никому вреда за пять или шесть дней. Что вы думаете делать с самим кораблем?

— Храни его здесь в безопасности. Ты отвечаешь за него, конечно. Зукимото послал письмо продавцу в Нагасаки, предложив ему продать его португальцам. Португальцы могут приехать и забрать его.

Оми колебался.

— Может быть, вам следует поддержать корабль, господин, и пусть варвары обучат наших моряков обращаться с ним.

— Зачем мне нужно варварское судно? — засмеялся Ябу. — Разве я буду грязным торговцем?

— Конечно, нет, господин, — быстро сказал Оми. — Я только подумал, что Зукимото может найти применение для такого корабля.

— Зачем мне нужен торговый корабль?

— Священник сказал, что это был военный корабль, господин. Он, кажется, боится его. Когда начнется война, военный корабль может...

— Наша война будет идти на суше. Море для торговцев, все они презренные ростовщики, пираты или рыбаки.

Ябу встал и начал спускаться по ступеням к садовой калитке,

где самурай держал поводья его лошади. Он остановился и посмотрел на море. Колени его ослабли.

Оми проследил за направлением его взгляда. Он увидел корабль, который огибал мыс. Это была большая галера с множеством весел, самое быстрое из японских прибрежных судов, потому что оно не зависело от ветра или прилива. Флаг на вершине мачты нес изображение шлема Торанаги.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Тода Хиро-Мацу, верховный владыка провинций Сагами и Коцукэ, самый доверенный генерал Торанаги и его советник, а также верховный главнокомандующий всех его армий, в одиночестве крупно шагнул по замусоренной щепками верфи. Он был высок для японца, под шесть футов, бычьего облика человек с тяжелыми челюстями, который с усилием носил свое шестидесятилетнее тело. Его военное кимоно из коричневого шелка было с пятью гербами Торанаги — три ветвящихся бамбуковых побега. Он носил блестящую нагрудную пластину и стальные защитные наручи *. У его пояса висел только короткий меч. Другой, боевой меч он носил в руке и постоянно был готов его обнажить и убивать, чтобы защитить своего господина. Это было его обычаем с пятнадцати лет.

Никто, даже Тайко, не мог изменить его. Год назад, когда Тайко умер, Хиро-Мацу стал вассалом Торанаги. Торанага отдал ему владения провинции Сагами и Коцукэ — две из восьми своих провинций с годовым доходом в пять тысяч коку, а также сохранил за ним его ремесло: Хиро-Мацу был очень хорош для убийств.

Теперь берег был весь заполнен выстроившимися в линию деревенскими жителями — мужчинами, женщинами, детьми — на коленях, с низко склоненными головами. Самураи были вы-

* Часть средневековых доспехов — стальные пластины, прикрывающие руки.

строены в плотные, правильные ряды. Ябу был перед ними со своими помощниками.

Если бы Ябу был женщиной или более слабым человеком, он знал бы, что ему надо бить себя в грудь, вопить, плакать и рвать на себе волосы. Было слишком много совпадений. Для знаменитого Тода Хиро-Мацу быть здесь, в этот день, значило, что Ябу был предан либо в Эдо одним из его домашних, либо здесь, в Анд-жиро, Оми, одним из людей Оми или одним из деревенских жителей. Он был пойман на непослушании. Враг имел преимущество, зная о его интересе к кораблю.

Он стал на колени и поклонился, и все его самураи последовали его примеру, а он проклял этот корабль и всех, кто плавал на нем.

— А, Ябу-сама, — услышал он голос Хиро-Мацу и увидел его колено на подстилке, положенной для него, и убедился, что он ответил на поклон. Но глубина поклона была меньше той, что требовалась, и Хиро-Мацу не стал ждать, когда он поклонится опять, поэтому было понятно, что Ябу в большой опасности. Он видел, что генерал снова перенес тяжесть на пятки. За спиной его звали Железный Кулак. Только сам Торанага или один из его трех советников имели привилегию поднимать флаг Торанаги. «Зачем посылать такого важного генерала, чтобы поймать меня на отъезде из Эдо?»

— Вы оказали мне честь, приехав в одну из моих бедных деревень, Хиро-Мацу-сама, — сказал он.

— Мой хозяин приказал мне прибыть сюда, — Хиро-Мацу был известен своей прямоотой. У него не было хитрости или коварства, только абсолютная преданность своему господину.

— Я польщен и очень рад, — сказал Ябу. — Я поспешил сюда из Эдо из-за этого корабля варваров.

— Господин Торанага пригласил всех дружественных ему даймё подождать в Эдо, пока он не вернется из Осаки.

— Как наш господин? Я надеюсь, с ним все хорошо?

— Чем скорее господин Торанага окажется в своем замке в Эдо, тем лучше. Чем скорее начнется война с Ишидо, а мы выведем наши армии, отрежем дорогу обратно к замку в Осаке и сожжем ее до кирпичика, — тем лучше.

Щеки старого вояки покраснелись по мере увеличения беспокойства за Торанагу, он не любил уезжать от него. Тайко отстроил крепость в Осаке, чтобы сделать ее неуязвимой. Она была самая большая в империи, с примыкающими друг к другу башнями и рвами с водой, более мелкими башнями, мостами и помещениями для восьмидесяти тысяч солдат в ее стенах. И во-

круг стен и огромного города были другие армии, одинаково дисциплинированные и одинаково хорошо вооруженные, все фанатические приверженцы наследника Яэмона.

— Я сто раз говорил ему, что он сумасшедший, если отдал себя во власть Ишидо. Сумасшедший.

— Господин Торанага должен был пойти, не так ли? У него не было выбора. Тайко приказал, чтобы Совет регентов, который правил от имени Яэмона, встречался в течение десяти дней, по крайней мере дважды в год и всегда в главной башне крепости Осаки, приводя с собой за крепостные стены максимум пятьсот слуг. И все другие даймё одинаково должны были посещать крепость со своими семьями, чтобы отдать дань уважения наследнику, также дважды в год. Так что все были под контролем, все были некоторое время беззащитны, и так каждый год. Встречи были обязательны, не правда ли? Если кто-то не приходил, это была измена.

— Измена кому? — Щеки Хиро-Мацу еще больше покраснели. — Ишидо пытается изолировать нашего господина. Слушай, если бы Ишида был в моей власти, как он имеет в своей власти Торанагу, я бы не колебался ни мгновения — при любых опасностях. Голова Ишидо сразу бы слетела с плеч, и его дух ожидал бы перерождения... — Генерал непроизвольно покрутил по привычке ножны меча, который он носил в левой руке. Его правая рука, грубая и мозолистая, лежала наготове на колене. Он рассматривал «Эразмус». — Где пушки?

— Я отправил их на берег. Для безопасности. Заключит ли Торанага-сама компромисс с Ишидо?

— Когда я покидал Осаку, все было спокойно. Совет должен был собраться через три дня.

— Будет ли столкновение открытым?

— Я бы хотел, чтобы оно было открытым. Но мой хозяин? Если он хочет мира, у него будет мир. — Хиро-Мацу оглянулся на Ябу. — Он приказал всем дружественным даймё дожидаться его в Эдо. Пока он не вернется. Это не Эдо.

— Да. Я чувствовал, что корабль был достаточно важен в нашем случае, чтобы исследовать его немедленно.

— В этом не было необходимости, Ябу-сан. Тебе следовало бы быть более послушным. Ничего не происходит без ведома нашего господина. Он послал бы кого-нибудь осмотреть его. Случилось так, что он послал меня. Сколько времени ты здесь?

— День и ночь.

— Тогда ты два дня ехал из Эдо?

— Да.

— Ты ехал очень быстро. Тебя следует поздравить.

Чтобы выиграть время, Ябу начал рассказывать о своем форсированном марше. Но его мозг был занят более жизненными проблемами. Кто же был шпионом? Каким образом Торанага получил информацию о корабле так же быстро, как и он сам? И кто сказал Торанаге о его отъезде? Как ему следовало вести себя теперь и что делать с Хиро-Мацу?

Хиро-Мацу выслушал его, потом сказал твердо:

— Господин Торанага конфискует корабль и все его содержимое.

Берег охватило потрясенное молчание. Это было Изу, владение Ябу, и Торанага не имел здесь власти. И Хиро-Мацу не имел права приказывать что-нибудь. Рука Ябу сжала рукоятку меча.

Хиро-Мацу ждал с нарочитым спокойствием. Он сделал все точно так, как приказал Торанага, и теперь он выполнил свою миссию. Теперь предстояло убить или быть убитым.

Ябу тоже ждал, что теперь он должен как-то проявить себя. Ждать больше нечего. Если бы он отказался отдать корабль, ему пришлось бы убить Хиро-Мацу — Железного Кулака, потому что Хиро-Мацу — Железный Кулак, ни за что бы не уехал без него. С ним было, наверное, около двухсот отборных самураев. Они также должны были умереть. Он мог пригласить их на берег и обмануть, через несколько часов легко собрать в Анджио своих самураев, чтобы уничтожить людей Хиро-Мацу, так как он был мастером засад. Но это вынудило бы Торанагу послать против Изу свои войска.

«Ты должен проглотить это, — сказал он себе, — если Ишидо не придет тебе на помощь. А зачем Ишидо выручать тебя, если твой враг Икава Джикья — родственник Ишидо и хочет забрать себе Изу? Убийство Хиро-Мацу будет началом военных действий, так как Торанага из чувства долга будет вынужден выступить против тебя, это развяжет руки Ишидо и Изу будет первым полем битвы.

А что с моими ружьями? Мои прекрасные ружья и мои красивые планы? Я потеряю свой шанс навеки, если я пойду против Торанаги».

Его рука была на мече Мурасама, он мог чувствовать, как бьется кровь в жилах и поднимается слепящая волна гнева. Он сразу отбросил возможность умолчать о мушкетах. «Если известии о корабле, то, конечно, сразу же сказали и о грузе. Но как Торанаге удалось так быстро получить это известие? Голуби-

ной почтой! Это единственный ответ. Из Эдо или отсюда? Кто здесь имеет почтовых голубей? Почему у него нет таких голубей? Это вина Зукимото — он должен был подумать об этом, не так ли?»

Итак: война или мир?

Ябу призвал злую волю Будды, всех kami, всех богов, которые когда-либо существовали или могли бы быть придуманы, на человека или людей, которые выдали его, на их родителей и их потомков в десяти тысячах поколений. И он уступил.

— Господин Торанага не может конфисковать корабль, потому что он уже подарен ему. Я отправил ему письмо с этим решением. Не так ли, Зукимото?

— Да, господин.

— Конечно, если господин Торанага хочет считать его конфискованным, он может так считать. Но он должен быть подарком, — Ябу был доволен, что его голос звучит так обыденно. — Он будет счастлив, имея такой подарок.

— Благодарю тебя от имени моего господина.

Хиро-Мацу опять поразился предвидению Торанаги. Торанага предсказал, что так все и произойдет и схватки не будет.

— Я не верю в это, — сказал тогда Хиро-Мацу. — Ни один даймё не выдержит такого нарушения его прав. Ябу не вытерпит. Я бы, конечно, не вытерпел. Даже от тебя, господин.

— Но каждый должен выполнять приказы и должен был бы сказать о корабле, не так ли? Ябу следует наказать. Он нужен мне из-за его силы и хитрости — он нейтрализует Икаву Джикья и охраняет мои фланги.

Здесь, на берегу, под сильным солнцем, Хиро-Мацу вынудил себя отвесить вежливый поклон, ненавидя себя за свое двуличие.

— Господин Торанага будет доволен вашим великодушием.

Ябу пристально следил за ним:

— Это не португальский корабль.

— Да, мы тоже слышали об этом.

— И он пиратский, — Ябу заметил, как сузились глаза генерала.

— Что?

Рассказывая о том, что ему поведал священник, Ябу подумал, что если это новость для Хиро-Мацу, так же как и для него, то не значит ли это, что Торанага имеет тот же самый источник информации, что и сам Ябу? Но если он знает о содержимом ко-

рабля, тогда шпион — Оми, один из его самураев или житель деревни.

— Там масса одежды. Драгоценности. Мушкеты, порох, шелк, пули.

Хиро-Мацу заколебался. Потом он сказал:

— Одежда из китайского шелка?

— Нет, Хиро-Мацу-сан, — сказал Ябу, используя обращение «сан». Они были равными даймё. Но теперь, когда он великодушно «подарил» корабль, он чувствовал уверенность, что может использовать менее разделяющее их обращение. Он был доволен, увидев, что это слово не прошло незамеченным стариком.

— Я, даймё Изу, клянусь солнцем, луной и звездами! Это очень необычная, толстая тяжелая одежда, в целом для нас бесполезная, — сказал он. — Все, достойное использования нами, я перенес на берег.

— Хорошо. Пожалуйста, переправь все на борт моего корабля.

— Что? — Ябу чуть не взорвался.

— Все, сейчас же.

— Сейчас?

— Да, извини, но ты, конечно, понимаешь, что я хочу вернуться в Осаку как можно скорее.

— Да. Но хватит ли там места для всего?

— Верни пушки обратно на корабль варваров и опечатай его. В течение трех дней придут лодки, чтобы отвезти их в Эдо. Что касается мушкетов, пороха и пуль, то... — Хиро-Мацу остановился, избегая ловушки, которая, как он понял, может быть устроена для него.

— Там достаточно места для пяти сотен мушкетов, — сказал ему Торанага. — И для всех запасов пороха, и для двадцати тысяч серебряных дублонов. Оставьте пушки на палубе корабля и одежду в трюмах. Пусть Ябу говорит и распоряжается, не давая ему только думать. Но не раздражай и не проявляй нетерпения в разговорах с ним. Он мне нужен, но я хочу иметь эти ружья и этот корабль. Берегись, он попытается поймать тебя в ловушку, поняв, что мы знаем точное количество груза, а он не должен понять, кто наш шпион.

Хиро-Мацу проклял свою неспособность играть в эти игры.

— Что касается необходимого места, — сказал он коротко, — может быть, вам следует сказать мне, что именно представляет собой груз? Сколько мушкетов, пуль и так далее? А драгоценные металлы, в слитках или в монетах, это серебро или золото?

— Зукимото!

— Да, Ябу-сама.

— Составь список всего груза.

«Я разберусь с тобой позднее», — подумал Ябу.

Зукимото поспешно ушел.

— Вы, должно быть, устали, Хиро-Мацу-сан. Может быть, немного чаю? Для вас все приготовлено. Баня здесь не очень хорошая, но, может быть, она вас освежит.

— Спасибо, ты очень внимательный. Немного чая и баня — это превосходно. Позже. Сначала расскажи мне обо всем, что случилось с того момента, как сюда прибыл этот корабль.

Ябу рассказал ему обо всех событиях, не упомянув о куртизанке и мальчике, что было неважно. Потом по распоряжению Ябу, говорил Оми обо всем, кроме своего тайного разговора с Ябу. И Мура тоже поведал свою историю, пропустив только про эрекцию Анджина, что, как он подумал, хотя и интересно, но может обидеть Хиро-Мацу, у которого желание-то есть, а вот сил, наверное, не хватает.

Хиро-Мацу посмотрел на облако дыма, которое все еще поднималось над погребальным костром.

— Сколько пиратов осталось?

— Десять, сэр, включая их вожака, — сказал Оми.

— Где сейчас вождь?

— В доме Муры.

— Что он делает? Что он сделал сразу же после выхода из ямы?

— Он сразу же пошел в баню, господин, — сказал Мура быстро. — Сейчас он спит как мертвец.

— Вам не пришлось нести его на этот раз?

— Нет, господин.

— Он, видимо, быстро учится, — Хиро-Мацу оглянулся назад на Оми. — Ты думаешь, они могут быть обучены тому, как себя вести?

— Нет, не до конца, Хиро-Мацу-сама.

— Мог бы ты стереть вражескую мочу со своей спины?

— Нет, господин.

— Я бы тоже не смог. Никогда. Варвары очень странные, — Хиро-Мацу опять вспомнил о корабле. — Кто будет следить за погрузкой?

— Мой племянник, Оми-сан.

— Хорошо. Оми-сан, я хочу выехать до сумерек. Мой капитан поможет тебе быстро погрузиться. За три стиха.

Эта единица времени соответствовала времени сгорания

одного стандартного фитиля, примерно час в одном стихе.

— Да, господин.

— Почему бы тебе не поехать с нами в Осаку, Ябу-сан? — Хиро-Мацу сделал вид, что это только что пришло ему в голову. — Господин Торанага будет доволен, если получит все эти вещи из твоих рук. Лично. Пожалуйста, поедem, места достаточно.

Когда Ябу начал протестовать, он позволил ему потянуть время, а потом сказал, как велел Торанага:

— Я настаиваю. От имени господина Торанаги я настаиваю. Ваше гостеприимство необходимо вознаградить.

«Моей головой и моими землями?» — спросил себя Ябу с горечью, зная, что теперь он ничего не может сделать, кроме как принять с благодарностью это предложение.

— Спасибо. Я буду польщен.

— Хорошо. Ну, тогда все улажено, — сказал Железный Кулак с видимым облегчением. — Теперь немного чаю. И ванну.

Ябу вежливо проводил его на холм к дому Оми. Старик вымылся и полежал с удовольствием в парилке. После этого руки Суво оживили его. Немного риса и сырой рыбы с маринованными овощами он съел в одиночестве. Чай пил из хорошего фарфора. Немного подремал.

После трех стихов седзи приоткрылись. Личный телохранитель знал, что это лучше, чем войти в комнату без вызова; Хиро-Мацу уже проснулся. Меч был наполовину в ножнах и приготовлен.

— Ябу-сама ждет на улице, господин. Он говорит, корабль загружен.

— Превосходно.

Хиро-Мацу вышел на веранду и облегчился в ведро.

— Твои люди хорошо работают, Ябу-сан.

— Помогли ваши люди, Хиро-Мацу-сан. Они более чем хорошо работают.

«Да, и к счастью они будут еще лучше работать», — подумал Хиро-Мацу, потом сказал весело:

— Нет ничего лучше, чем облегчить полный мочевого пузыря, когда в струе столько энергии. Не так ли? Чувствуешь себя молодым. В моем возрасте необходимо чувствовать себя молодым... — Он удобно закрутил повязку, ожидая, что Ябу сделает вежливое замечание, соглашаясь с ним, но тот ничего не сказал. Его раздражение начало расти, но он подавил его.

— Возьми пиратского вожака с собой на корабль.

— Что?

— Ты был настолько великодушен, что подарил корабль и его груз. Команда тоже его груз. Поэтому я заберу вожака пиратов в Осаку. Господин Торанага хочет видеть его. Естественно, ты можешь делать с остальными все, что захочешь. Но на время твоего отсутствия, пожалуйста, удостоверься, что твои слуги поняли, что чужеземцы — собственность моего хозяина, и лучше, чтобы их осталось девять, в добром здравии и живыми и чтобы они были здесь, когда ему потребуются.

Ябу заторопился на пристань, где должен был находиться Оми.

Когда перед этим он отвел Хиро-Мацу в баню, он прошел по дорожке, петлявшей за погребальной землей. Там он коротко поклонился погребальному костру и пошел вдоль границы террасированных полей, выходящей на небольшое плато высоко над деревней. Уютный храм ками охранял это живописное место. Древнее дерево давало тень и спокойствие. Он пришел сюда, чтобы успокоить свою ярость и подумать. Он не осмелился подойти к кораблю или к Оми и его людям, так как знал, что ему следовало приказывать большинству из них, если не всем, совершить сеппуку, что было бы напрасным; ему следовало уничтожить деревню, что было бы глупо, так как только крестьяне ловили рыбу и растили рис, которые давали благосостояние самураю.

Пока он сидел один и злился и пытался напрячь свой мозг, солнце опустилось и растопило туман на море. Облака, которые закрывали отдаленные горы на западе, на мгновение расступились, и он увидел красоту парящих в воздухе заснеженных пиков. Это зрелище успокоило его, он стал расслабляться, обдумывать и планировать.

«Найди шпиона,— сказал он себе.— Ничто из сказанного Хиро-Мацу не позволяет понять, был ли предатель отсюда или из Эдо. В Осаке у тебя влиятельные друзья, среди них сам господин Ишидо. Может быть, один из них обнаружит дьявола. Но пошли секретное письмо своей жене сразу же, если доносчик окажется там. Что с Оми? Сделать его ответственным за поиски доносчика здесь? Он сам доносчик. Непохоже, но не невозможно. Более чем вероятно, что предательство началось в Эдо. Дело времени. Если Торанага в Осаке получил информацию о корабле, когда он только прибыл, тогда Хиро-Мацу должен был быть здесь первым. У тебя есть шпионы в Эдо. Пусть докажут, чего они стоят.

А чужеземцы? Теперь они — единственный твой доход от корабля. Как ты можешь их использовать? Ждать, не даст ли

ответ Оми? Ты можешь использовать их знание моря и кораблей, чтобы обменять у Торанаги на ружья. Не так ли?

Другая возможность: полностью сделаться вассалом Торанаги. Отдать ему свой план. Попросить его вести ружейный полк — для его славы. Но вассал никогда не ожидает, что господин наградит его за его службу или даже признает ее: служить — это обязанность для самурая, а быть самураем — это бесмертие. Это было бы самым лучшим путем, самым лучшим,— подумал Ябу.— Могу ли я действительно быть его вассалом? Или Ишидо?

Нет, это неблагоприятно. Союзник — да, вассал — нет.

Хорошо, тогда, в конце концов, чужеземцы его единственное достояние. Оми опять прав.

Он почувствовал, что успокоился, а потом, когда пришло время и посыльный принес известие, что корабль загружен, он пришел к Хиро-Мацу и узнал, что потерял и чужеземцев.

Он весь кипел, когда пришел на пристань.

— Оми-сан!

— Да, Ябу-сама?

— Приведи сюда вожака чужеземцев. Я беру его в Осаку. Что касается остальных, то позаботься, чтобы они были под присмотром, пока я буду отсутствовать. Я хочу, чтобы они были в порядке и хорошо себя вели. Сажай их в яму, если сочтешь нужным.

С того самого момента, как прибыла галера, ум Оми был в смятении и был полон беспокойства о безопасности Ябу.

— Позвольте мне поехать с вами, господин. Может быть, я могу помочь.

— Нет, нет, сейчас я хочу, чтобы ты присмотрел за чужеземцами.

— Ну, пожалуйста, может быть, я хотя бы чем-нибудь малым смогу отплатить за вашу доброту ко мне.

— В этом нет необходимости,— сказал Ябу с большей добротой, чем ему бы хотелось. Он помнил, что увеличил жалование Оми до трех тысяч коку и его владения из-за драгоценных металлов и ружей. Которые теперь исчезли. Но он видел, как озабочен юноша, и чувствовал невольную теплоту к нему.

— С такими подданными я вырежу всю империю,— пообещал он себе.— Оми будет начальником в одном из моих войск, когда я верну себе мои ружья.

— Когда война начнется — ну, тогда для тебя будет очень важная работа, Оми-сан. Теперь иди и приведи чужеземца.

Оми взял с собой четырех стражников и Муру как переводчика.

* * *

Блэксорн был вырван из сна. Ему потребовалась целая минута, чтобы голова прояснилась. Когда туман отступил, он увидел, что на него смотрит Оми.

Один из самураев снял с него одеяло, другой тряс его, пока он не проснулся, два других несли тонкие, устрашающие на вид бамбуковые палки. Мура держал короткий моток веревки.

Мура встал на колени и поклонился.

— Конничи ва — Добрый день.

— Конничи ва. — Блэксорн вынудил себя опуститься на колени, и, хотя он был голый, он поклонился с такой же вежливостью.

«Это только вежливость», — сказал себе Блэксорн. — Это их обычай и их понимание хорошего воспитания, так что в этих поклонах нет никакого позора. На наготу не обращают внимания, и это тоже их обычай, и в этом тоже нет никакого стыда».

— Анджин, пожалуйста, одевайся, — сказал Мура.

— Анджин? А, я теперь вспомнил. Священник говорил, что они дадут мне имя Анджин — мистер кормчий — когда я за службу его.

«Не гляди на Оми, — предупредил он себя. — Еще нет. Не вспоминай деревенскую площадь, Оми, Круука и Пьетерсуна. Всеу свое время. Вот что ты поклялся перед Богом сделать: каждому делу свое время. Возмездие будет моим».

Блэксорн увидел, что его одежда опять была вычищена, и благословил того, кто сделал это. Он выполз из своей одежды в банном домике, словно она была зачумлена. Он заставил три раза тереть себе спину. Самой грубой губкой и пемзой. Но он все еще чувствовал жжение мочи.

Он отвел глаза от Муры и посмотрел на Оми. Он почувствовал странную радость от того, что его враг был жив и находится рядом.

Он поклонился, так как увидел такие же поклоны, и задержал голову склоненной.

— Конничи ва, Оми-сан, — сказал он. Не было позора в том, чтобы говорить на их языке, не было стыдно сказать «добрый день» или поклониться первым по их обычаю.

Оми поклонился в ответ.

Блэксорн заметил, что поклон был не совсем такой же, но в данный момент этого было достаточно.

— Конничи ва, Анджин, — сказал Оми.

Голос был вежливый, но недостаточно.

— Анджин-сан!

Блэксорн глядел прямо на него. Их характеры столкнулись, и характер Оми проявился, как при игре в карты или кости. «Где ваши манеры?»

— Конничи ва, Анджин-сан, — сказал Оми наконец с легкой улыбкой.

Блэксорн быстро оделся: свободные панталоны с гульфиком, носки, рубашка и пальто. Его длинные волосы были связаны в плотную косичку, а борода пострижена ножницами, одолженными ему парикмахером.

— Так, Оми-сан? — спросил Блэксорн, когда оделся, чувствуя себя лучше, но слишком охраняемым, желая, чтобы он мог уже пользоваться большим количеством слов.

— Пожалуйста, руки, — сказал Мура.

Блэксорн не понял и показал это знаками. Мура вытянул свои руки и изобразил связывание их вместе.

— Руки, пожалуйста.

— Нет. — Блэксорн сказал это непосредственно Оми и покачал головой. — В этом нет необходимости, — сказал он по-английски, — совсем нет необходимости. Я дал свое слово. — Он старался, чтобы голос его звучал мягко и увещающе, потом добавил грубо, копируя Оми: — Вакаримасу ка, Оми-сан? Ты понял?

Оми засмеялся. Потом сказал:

— Хай, Анджин-сан. Вакаримасу. — Он вдруг повернулся и исчез.

Мура и другие посмотрели на него, удивленные. Блэксорн вышел за Оми на солнце. Его ботинки были вычищены. Прежде чем он смог надеть их, служанка «Онна» оказалась уже на коленях и помогла ему.

— Спасибо, Хаку-сан, — сказал он, вспомнив ее настоящее имя.

«Как будет по-японски «спасибо тебе»? — подумал он.

Они прошли через ворота, Оми шел впереди.

«Я за тобой, проклятый негодяй, подожди немного! Вспомни, что ты обещал себе? Он не клялся перед собой. Клятва для слабых или глупцов. Разве не так?»

Всеу свое время. Хватит того, что ты за ним. Ты знаешь это хорошо, и он знает это. Не ошибайся, он знает это достаточно хорошо».

Четыре самурая встали по бокам Блэксорна, когда он спускался с холма, пристань была еще скрыта от него, Мура шел отдельно на расстоянии десяти шагов, Оми впереди.

«Они собираются упрятать меня обратно под землю? — спрашивал он себя. — Почему они хотели связать мне руки? Разве Оми не сказал вчера? Боже мой, неужели это было вчера? «Если ты будешь хорошо себя вести, можешь не сидеть в яме. Если ты не будешь вести себя хорошо, завтра из ямы возьмем еще одного». Может быть. Еще может быть. Разве он не говорил этого? Я себя плохо вел? Интересно, что с Крууком? Парень был жив, когда его относили в дом, где раньше жила команда судна».

Блэксорн чувствовал себя сегодня лучше. Баня, сон и свежая пища начали благотворно сказываться на нем. Он знал, что, если будет аккуратен и сможет отдыхать, спать и есть, то через месяц будет пробегать и проплывать мило, командовать кораблем во время битвы и вести его вокруг света.

«Не думай пока об этом! Просто экономь сегодня свои силы. Месяц не так много для надежды, да?»

Ходьба с холма вниз и через деревню утомила его.

«Ты слабее, чем думал... Нет, ты сильнее, чем думал!» — приказал он себе.

Мачты «Эразмуса» возвышались над черепичными крышами, и его сердце забилося быстрее. Улица впереди изгибалась в соответствии с формой холма, выходила на площадь и там кончалась. Зашторенный паланкин стоял на солнце. Четыре носильщика в коротких набедренных повязках сидели на корточках рядом с ним, рассеянно ковыряя в зубах. Как только они увидели Оми, они встали на колени, усиленно кланяясь.

Оми едва кивнул им, проходя мимо быстрым шагом, но тут из красивых ворот вышла девушка и направилась к паланкину. Оми остановился.

Блэксорн задержал дыхание и тоже остановился.

Молоденькая служанка вышла с зеленым зонтиком, чтобы укрыть от солнца свою хозяйку. Оми поклонился, девушка поклонилась в ответ, и они весело заговорили друг с другом, — гордое высокомерие тут же слетело с Оми.

На девушке было кимоно персикового цвета, широкий золотой пояс и туфли из позолоченной кожи. Блэксорн видел, как она взглянула на него. Очевидно, они говорили о нем. Он не знал, как реагировать, поэтому решил ничего не делать, а терпеливо ждать, наслаждаясь ее видом, чистотой и теплотой от ее

присутствия. Он ломал голову, были ли они с Оми любовниками, или она была его женой.

Оми спросил ее о чем-то. Она ответила и погладила свой зеленый зонтик, который мерцал и плясал в ее руке. Смех девушки был музыкален, а фигурка необыкновенно стройна. Оми тоже улыбнулся, потом повернулся и широко зашагал, снова став самураем.

Блэксорн пошел за ним. Ее глаза остановились на нем, когда он проходил; он сказал:

— Конничи ва.

— Конничи ва, Анджин-сан, — ответила она, и ее голос тронул его: так миниатюрна, едва пяти футов ростом, и так изящна. Когда она слегка поклонилась, бриз отогнул шелк верхнего кимоно и открыл розовое нижнее, что показалось ему удивительно эротичным.

Аромат девушки все еще витал над ним, когда он завернул за угол. Он увидел люк, и «Эразмус», и галеру. Девушка сразу же вылетела у него из головы.

«Почему пусты пушечные порты? Где наши пушки и что, ради Бога, делает здесь галера с рабами, и что случилось в яме?»

Всему свое время.

Сначала «Эразмус»: обломок фок-мачты, которую снес шторм, выступал отвратительным образом. «Неважно, — подумал он. — Мы можем легко вывести судно в море — ночные потоки воздуха и приливные течения без шума помогут нам выйти, и завтра мы можем оказаться у дальнего берега острова. Полдня на установку запасной мачты, потом ставим все паруса и полным ходом в открытое море. Может быть, лучше сразу уйти в безопасные воды. Но кто остался из команды? Мы не сможем вывести корабль без посторонней помощи.

Откуда пришла галера? И почему она здесь?» Он видел группы самураев и моряков на пристани. Шестидесятилодочный корабль — по тридцать весел на борт — был ухожен и опрятен, весла аккуратно сложены, так что можно отплыть каждую минуту, — и он невольно вздрогнул. Последний раз он видел галеру недалеко от Золотого Берега два года назад, когда весь его флот был вместе: все пять кораблей. Судно было богатым торговым кораблем для прибрежного плавания — португальским — и ушло от него, направившись против ветра. «Эразмус» не смог догнать, захватить или потопить его.

Блэксорн хорошо знал побережье Африки. Он был штурманом и хозяином корабля, десять лет служил в лондонской компании по торговле с иностранцами, снаряжающей пиратские

корабли для прорыва испанской блокады и торговли с туземным побережьем. Он водил корабли в Западную и Северную Африку, на юг до Лагоса, на север и восток через богатые проливы Гибралтара — даже когда они патрулировались испанцами — до Салерно в неапольском королевстве. Средиземноморье было опасно для английского и нидерландского судоходства. Враждебные военные корабли Испании и Португалии были там в полной силе, и, что еще хуже, Османская Турция заполняла все моря своими галерами и военными кораблями.

Эти плавания оказались очень выгодными для него, и он купил собственный корабль, сорокапятитонный бриг, для торговли на свой страх и риск. Но он затонул, и все пропало. Они оказались под ветром у безветренных берегов Сардинии, когда из-за солнца к ним подкралась турецкая галера. Бой был жестоким, и потом, перед закатом солнца, их зацепили за борт. Он никогда не забудет этот воющий крик «Аллаах», когда корсары, вооруженные шпагами и мушкетами, перелезали через планшир. Он уже вновь собрал своих людей, и те отбили первую атаку, но вторая смела их, и он отдал приказ взорвать пороховые погреба. Его корабль был весь объят пламенем, и он решил, что лучше умереть, чем стать гребцом на галере. Он всегда чувствовал смертельный ужас перед возможностью уцелеть в схватке и стать галерным гребцом — обычная судьба для попавшего в плен моряка.

Когда пороховой погреб взлетел на воздух, взрыв проломил днище его судна и разрушил часть галеры корсаров, в суматохе он смог уплыть на баркасе и спастись с четырьмя членами своей команды. Те, кто не смог плыть с ним на баркасе, вынуждены были остаться, и он до сих пор помнит их крики о помощи. Но Бог отвернул свое лицо от этих людей в тот день, и они либо погибли, либо сели за весла галеры. Бог обратил свое лицо к Блэксорну и еще четверым морякам. На этот раз они смогли добраться до Кальяри на Сардинии. Оттуда они без единого пенни отплыли домой.

Это было восемь лет назад, — в тот год на Лондон опять обрушилась чума. Чума, голод и мятежи голодающих безработных. Его младший брат и вся семья погибли. Но зимой чума кончилась, и он легко получил новый корабль и ушел в море, чтобы поправить свое состояние. Сначала работал для лондонской компании по торговле с чужеземными странами. Потом путешествие в Западную Индию для охоты за испанцами. После этого, немного разбогатев, он стал плавать на кораблях

Кииса Веермана, голландца, в его второй экспедиции на поиски легендарного Северо-Восточного прохода в Китай и острова Пряностей в Азии, который, как считалось, находится в Ледяных морях на севере России — страны, где правит царь. Они искали два года, потом Киис Веерман умер в арктических пустынях и с ним восемьдесят процентов команды, а Блэксорн повернул обратно и привел оставшуюся часть экипажа домой. Потом три года назад он явился во вновь создаваемую голландскую Восточно-Индийскую компанию и попросил взять его кормчим в их первую экспедицию в Новый Свет. Ему по секрету сообщили, что они купили за большие деньги контрабандный португальский корабельный журнал, который, как предполагается, открывает секреты Магелланова пролива, и они хотят проверить это. Конечно, голландские купцы предпочли бы воспользоваться услугами своих кормчих, но те были несравнимы по квалификации с английскими, обученными монополистом Тринити Хаус, и огромная стоимость руттера вынудила их поставить на Блэксорна. Это был идеальный выбор: он был лучшим из оставшихся в живых протестантских кормчих, его мать была голландкой, и он в совершенстве владел голландским. Блэксорн с радостью согласился и принял в качестве вознаграждения за труды пятнадцать процентов прибыли. Он перед Богом поклялся в верности компании и обязался вести их флот и провести его назад домой.

«Боже мой, я собираюсь привести «Эразмус» домой, — подумал Блэксорн. — И с таким количеством людей, которое ты оставишь в живых».

Они пересекли площадь, и, отведя глаза от галеры, он увидел трех самураев, охранявших вход в яму. Они ловко ели деревянными палочками из деревянных мисок. Блэксорн много раз видел, как они это делали, но сам так не смог.

— Оми-сан! — Знаками он показал, что хотел бы подойти и поговорить со своими друзьями. Только на минуту. Но Оми покачал головой, что-то сказал, чего он не понял, и продолжал идти через площадь, вниз к берегу, мимо котла к пристани. Блэксорн послушно шел за ним. «Все мое время, — подумал он. — Будь терпелив».

Выйдя на пристань, Оми повернулся и позвал часовых от погреба. Блэксорн увидел, как они открыли люк и заглянули туда. Один из них обратился к крестьянам, которые сходили за лестницей, бочкой со свежей водой и спустили все это вниз. Пустую бочку они подняли наверх. И парашу.

«Они там! Если ты будешь терпелив и будешь играть по их

правилам, ты сможешь помочь своей команде», — подумал он с удовлетворением.

Около галеры собрались группы самураев. В стороне стоял высокий старик. По уважению, которое оказывал ему этот даймё Ябу, и по тому, как все остальные бросались бежать по первому его знаку, Блэксорн сразу понял его значение. Ему стало интересно, не король ли это у них.

Оми покорно склонился. Старик сделал полупоклон, переведя взгляд на Блэксорна.

Мысленно прокрутив их телодвижения, Блэксорн положил руки плашмя на песчаную почву пристани, как это сделал Оми, и поклонился так же низко, как он.

— Коннити ва, сама, — сказал он вежливо.

Он заметил, что старик опять полупоклонился.

Между Ябу и стариком начался разговор, потом старик заговорил с Оми. Ябу поговорил с Мурой.

Мура показал на галеру.

— Анджин-сан. Пожалуйста, туда.

— Почему?

— Иди! Сейчас же. Туда!

Блэксорн почувствовал, как его охватывает паника.

— Почему?

— Исоги! — скомандовал Оми, махнув рукой по направлению к галере.

— Нет, я не пойду на...

Тут же последовал приказ Оми, и четыре самурая навалились на Блэксорна и зажали ему руки, Мура достал веревку и начал связывать ему руки за спиной.

— Сукины вы дети! — закричал Блэксорн. — Я не собираюсь идти на этот проклятый Богом невольничий корабль!

— Мадонна! Отпустите его! Эй, вы, дерьмоеды, обезьяны, отпустите этого негодяя! Киндзиру, нет? Это кормчий? Анджин, да?

Блэксорн едва мог верить своим ушам: шумная брань на португальском неслась с палубы галеры. Потом он увидел, как по сходням спускается человек. Высокий, как и он, примерно его возраста, но чернобородый и черноглазый, в небрежной моряцкой одежде, с рапирой на боку и пистолетами за поясом. Украшенный драгоценными камнями крестик висел на шее. Яркая шапочка на голове, на лице сияет улыбка.

— Ты кормчий? Голландский кормчий?

— Да, — услышал Блэксорн свой ответ.

— Хорошо. Хорошо. Я Васко Родригес, кормчий этой га-

леры. — Он повернулся к старику и заговорил на смеси японского с португальским, называл его Обезьяна-сама и иногда Тода-сама, но то, как это звучало, происходило от Лизоблода-сама. Дважды он вытаскивал пистолет, указывал им со злобой на Блэксорна и снова запихивал его за пояс; его японский язык сильно сдабривался вульгарными португальскими словечками, которые понимали только моряки.

Хиро-Мацу отвечал коротко, и самураи отпустили Блэксорна, а Мура развязал его.

— Вот так лучше. Слушай, кормчий, этот человек здесь вроде князя. Я сказал ему, что отвечаю за тебя и прострелю тебе голову так же легко, как и выпью с тобой. — Родригес поклонился Хиро-Мацу, потом улыбнулся Блэксорну. — Поклонись Негодяю-сама.

Как во сне Блэксорн последовал его совету.

— Ты делаешь это совсем как японец, — сказал Родригес с улыбкой. — Ты действительно кормчий?

— Да.

— Какая долгота Лизарда?

— Сорок девять градусов пятьдесят шесть минут северной долготы — и следует остерегаться рифов на южной и юго-западной стороне.

— Ты кормчий, ей-Богу! — Родригес тепло пожал Блэксорну руку. — Пошли на борт. Там есть что поесть и выпить, вино и грог. Все кормчие должны любить друг друга, мы соль земли. Аминь. Правильно?

— Да, — слабо сказал Блэксорн.

— Когда я услышал, что мы обратно заберем с собой кормчего, я сказал: хорошо. Прошли годы с тех пор, когда я мог поговорить с настоящим кормчим. Пошли на борт. Как ты проскользнул Малакку? Как пробрался через патрули в Индийском океане, а? Чей корабельный журнал ты украл?

— Куда вы повезете меня?

— В Осаку. Великий господин его высочество палач сам хочет посмотреть на тебя.

Блэксорн почувствовал, что паника опять охватывает его.

— Кто?

— Торанага! Господин Восьми Провинций, в какой бы преисподней они ни были! Главный даймё Японии — даймё как князь или верховный правитель, но лучше. Они все тираны.

— Что он хочет сделать со мной?

— Я не знаю, но мы приплыли сюда за этим и, если Торанага хочет посмотреть на тебя, он тебя увидит. Говорят, у него мил-

лион таких косоглазых фанатиков, которые умрут ради чести вытереть ему зад, если это доставит ему удовольствие!

— Торанага хочет, чтобы вы привезли сюда кормчего, Васко, — сказал переводчик. — Привезите кормчего и груз с его корабля. Возьми старого Хиро-Мацу, чтобы осмотреть корабль. Да, кормчий, это все конфисковано, я слышал, — твой корабль и все, что было на нем!

— Конфисковано?

— Это могут быть слухи. Японцы иногда конфискуют одной рукой, а другой отдают обратно — или притворяются, что никогда не было такого приказа. Трудно понять этих маленьких сифилитичных негодяев.

Блэксорн почувствовал, что холодные глаза японца вонзились в него, и попытался спрятать свой страх. Родригес проследил за его взглядом.

— Да, они не собираются отдыхать. Времени поговорить достаточно. Пошли на борт.

Он повернулся, но Блэксорн остановил его.

— А что с моими друзьями, с моей командой?

— Что?

Блэксорн коротко рассказал ему о яме. Родригес расспросил Оми на ломаном японском.

— Он говорит, с ними все будет хорошо. Слушай, ни ты, ни я не можем ничего сделать. Ты должен ждать — ты никогда не сможешь договориться с японцами. У них шесть ликов и по три сердца. — Родригес поклонился Хиро-Мацу, как европейский придворный. — Как будто мы при дворе проклятого Филиппа Второго, заведи Бог этого испанца пораньше. — Он направился на корабль. К удивлению Блэксорна, там не было ни рабов, ни цепей.

— В чем дело? Ты болен? — спросил Родригес.

— Нет. Я думал, здесь гребут рабы.

— В Японии их нет. Даже на шахтах. Сумасшедшие, и мы среди них. Ты никогда не увидишь таких сумасшедших, а я объехал земной шар три раза. У нас гребцами самураи. Они солдаты — солдаты этого старого хрыча, — и ты нигде не найдешь рабов, которые гребли бы лучше, или солдат, воюющих более упорно. — Родригес рассмеялся. — Они никогда не утомляются. Мы весь путь из Осаки — триста с лишним морских миль — прошли за сорок часов. Пошли вниз. Мы скоро отдадим швартовы. Ты уверен, что у тебя все в порядке?

— Да, спасибо, думаю, что так. — Блэксорн глядел на «Эразмус». Он стоял на стоянке в сотне ярдов. — Кормчий, нет ника-

ких шансов подняться на борт, а? Не пустят ли они меня на борт обратно, у меня нечего надеть, всю одежду опечатали в тот момент, когда мы сюда приплыли. Ну пожалуйста.

Родригес долго разглядывал корабль.

— Когда вы потеряли мачту?

— Как раз перед тем, как причалили сюда.

— На борту еще есть запасная?

— Да.

— Какой у вас порт приписки?

— Роттердам.

— Корабль был там построен?

— Да.

— Я там был. Плохие отмели, из-за них не причалишь к берегу. У него хорошие обводы, у твоего корабля. Новый — я не видел прежде кораблей такого класса. Мадонна, он быстроходный, очень быстроходный. Очень трудный в управлении. — Родригес смотрел на него. — Можешь ты быстро поставить всю оснастку? — Он повернулся к полчасовым песочным часам, прикрепленным к нактоузу.

— Да, — Блэксорн пытался удержать растущую надежду, не показывая виду.

— Тогда такие условия, кормчий. Никакого оружия, из ружья или откуда-то еще. Твое слово как кормчего. Я сказал этим обезьянам, что я отвечаю за тебя.

— Согласен. — Блэксорн смотрел, как песок медленно падает через горлышко песочных часов.

— Я разможу голову тебе или при малейшем намеке на попытку обмануть меня или перережу тебе глотку. Если я соглашусь.

— Даю тебе слово как кормчий кормчему, ей-Богу. И черт с этими испанцами!

Родригес улыбнулся и дружески хлопнул его по спине.

— Ты мне начинаешь нравиться, англичанин.

— Откуда ты знаешь, что я англичанин? — спросил Блэксорн, зная, что прекрасно говорит по-португальски и не сказал ничего, что помогло бы отличить его от голландца.

— Я предсказатель. Разве не все кормчие прорицатели? — Родригес засмеялся.

— Ты говорил со священником? Тебе сказал отец Себастьян?

— Я не говорю со священниками, если могу обойтись без этого. Для любого человека более чем достаточно одного раза в неделю. — Родригес молча плюнул в шпигат и подо-

шел к сходням, которые вели на пристань. — Лизоблюд-сама! Исимасо ка?

— Исимасо, Родрига-сан. Има!

— Има, — Родригес задумчиво посмотрел на Блэксорна. — Има — значит «теперь», «сразу же». Мы отплываем сейчас, англичанин.

Песок уже образовал маленькую аккуратную кучку на дне склянки.

— Спроси его, пожалуйста, нельзя ли мне подняться на мой корабль?

— Нет, англичанин. Я не буду спрашивать о таком безнадежном деле.

Блэксорн внезапно почувствовал пустоту. И старость. Он смотрел, как Родригес идет к релингу на юте, — вот он подходит к невысокому моряку, стоящему на носу.

— Эй, капитан-сан. Икимасо? Прими самурая на борт, има! Има, вакаримас ка?

— Хай Анджин-сан.

Родригес тут же позвонил шесть раз в судовой колокол. Капитан начал отдавать приказы морякам и самураям на берегу и на борту. Моряки из трюма поднялись бегом на палубу, чтобы подготовиться к отплытию, и в этой привычной им обоим суматохе Родригес спокойно взял Блэксорна за руку и потянул его в направлении сходней на правом борту, противоположном берегу.

— Там, внизу, лодка, англичанин. Не торопись, не оглядываясь вокруг и не обращай внимания ни на кого, кроме меня. Если я скажу тебе возвращаться, поторопись.

Блэксорн прошел по палубе, спустился по сходням к маленькому японскому ялику. Он слышал сердитые голоса позади и почувствовал, как волосы у него на шее шевелятся: наверху, на корабле, было много самураев, вооруженных луками со стрелами, а некоторые — мушкетами.

— Ты не должен об этом беспокоиться, капитан-сан, я отвечаю за это. Я, Родрига-сан, иши бан Анджин-сан, клянусь Святой Девой. Вакаримас ка? — перекрыл он все другие голоса, но те становились все сердитее.

Блэксорн уже почти был в лодке и увидел, что там не было укючин.

«Я не могу грести как они, — сказал он себе. — Я не могу воспользоваться лодкой. И плыть слишком далеко. Или поплыть?»

Он колебался, определяя расстояние. Если бы он был здоров, он бы не ждал ни минуты. А теперь?

Послышались шаги вниз по сходням, и он поборол в себе желание обернуться.

— Садись на корму, — услышал он, как требовательно произнес Родригес. — Поторопись!

Он сделал, как ему было сказано, и тут же быстро в лодку прыгнул Родригес, схватил весла и, все еще стоя, с большой ловкостью оттолкнулся от корабля.

У входа на трап стоял самурай, очень возмущенный, два других были сбоку с луками наготове. Командир самураев позвал их: несомненно, приказав им отойти.

В нескольких ярдах от корабля Родригес обернулся.

— Прямо идем туда! — прокричал он ему, указывая на «Эразмус». — Пусть самураи будут на борту! — Он твердо повернулся спиной к своему кораблю и продолжал грести, работая веслами по японскому обычаю, стоя в середине корабля.

— Скажи мне, если приготовят стрелы к стрельбе, англичанин! Смотри за ними внимательно. Что они делают сейчас?

— Их капитан очень сердит. Ты ищешь неприятностей, да?

— Если мы не выплывем вовремя, Старый Лизоблюд будет иметь повод для недовольства. Что делает лучник?

— Ничего. Они слушают его. Он, кажется, не может решиться. Нет. Сейчас один из лучников вынул стрелу.

Родригес приготовился к остановке.

— Мадонна, они чертовски аккуратны, чтобы рисковать чем-нибудь. Она еще в луке?

— Да, но подожди немного! К капитану кто-то подошел, — я думаю, моряк. Похоже, он что-то спрашивает у него о корабле. Капитан смотрит на нас. Он что-то говорит человеку со стрелой. Теперь лучник убирает ее. Моряк указывает на что-то на палубе.

Родригес украдкой бросил быстрый взгляд, чтобы удостовериться в этом, и задыхался легче.

— Это один из моих людей. Он займет его на добрых полчаса, чтобы получить указания, как разместить своих гребцов.

Блэксорн подождал, дистанция увеличивалась.

— Капитан опять смотрит на нас. Нет, с нами все в порядке. Он уходит. Но один из самураев следит за нами.

— Пусть следит, — Родригес расслабился, но не сбавил темпа гребли и не посмотрел назад. — Не нравится мне, когда я спиной к самураю или когда у него в руках оружие. Или когда я вижу этих негодяев даже безоружными. Они все мерзавцы!

— Почему?

— Они любят убивать, англичанин. Это их обычай, они

даже спят со своими мечами. Это великая страна, но самураи опасны, как змеи, и гораздо больше.

— Почему?

— Я не знаю, почему, англичанин, но они таковы, — ответил Родригес, радуясь, что может поговорить с равным себе. — Конечно, все японцы отличаются от нас — они не чувствуют боли или холода так, как мы, но самураи намного хуже. Они ничего не боятся, по крайней мере смерти. Почему? Один Бог знает, но это правда. Если их господин говорит «убей» — они убивают; если он говорит «умри» — они все падают на свои мечи или распарывают себе животы. Для них убить или умереть так же легко, как для нас помочиться. Женщины тоже бывают самураями, англичанин. Они будут убивать, чтобы защитить своих хозяев, так они называют здесь своих мужей, или они убивают себя, если им прикажут. Они делают это, разрезая себе горло. Здесь самурай может приказать своей жене покончить с собой, и она по закону обязана это сделать. О Мадонна, женщина значит кое-что еще, и здесь, англичанин, некоторые могут быть лучше всех на земле, но мужчины... Самураи — это пресмыкающиеся, и самое безопасное — обращаться с ними как с ядовитыми змеями. Ты в порядке теперь?

— Да, благодарю. Немного слаб, но все нормально.

— Как проходило ваше плавание?

— Плохо. А самураи — как стать одним из них? Просто достать два меча и выбрить волосы, как они?

— Ты должен родиться самураем. Конечно, есть разные ранги самураев, от даймё наверху этой кучи дерьма до того, что мы называем пехотинцем в ее основании. В основном это наследственное, как у нас. В старые времена, как мне говорили, было как сейчас в Европе — крестьяне могли быть солдатами и солдаты становиться крестьянами, наследственными князьями и дворянами, до короля наверху. Некоторые солдаты из крестьян поднимались до самых высоких рангов. Тайко был таким.

— Кто он?

— Великий деспот, правитель всей Японии; величайший убийца всех времен. Я расскажу тебе о нем когда-нибудь. Он умер год назад и теперь горит где-нибудь в аду... — Родригес сплюнул за борт. — Сегодня самураем можно стать, только родившись им. Это все наследственное, англичанин. Мадонна, ты не представляешь, сколько средств они тратят на наследство, положение в обществе и тому подобное, — ты посмотри, как Оми кланяется этому дьяволу Ябу и оба они пресмыкаются перед старым Лизоблюдом-сама. «Самурай» идет от японского

слова, означающего «служить». Но пока они все кланяются и раболепствуют перед выпестованным, они все равные самураи, с особыми самурайскими привилегиями. Что там происходит на борту?

— Капитан что-то быстро говорит другому самураю и указывает на нас. Что такое с ними?

— Здесь самурай управляет всем, владеет всем, у них собственный кодекс чести и свой свод правил. Высокомерные? Мадонна, ты и не представляешь! Самый низкий из самураев может законно убить любого несамурая, любого мужчину, любую женщину или ребенка, по любому поводу или без повода. Они могут убить законно, чтобы проверить остроту своего поганого меча, — я видел, как они делают это, — а они делают лучшие в мире мечи. Лучше, чем дамасская сталь. Что этот негодяй делает теперь?

— Просто наблюдает за нами. Его лук сейчас за спиной. — Блэксорн передернул плечами. — Я ненавижу этих негодяев даже больше, чем испанцев.

Родригес опять рассмеялся, не переставая грести.

— Если говорить правду, у меня от них моча свертывается! Но если ты хочешь быстро разбогатеть, ты должен сотрудничать с ними, потому что они владеют всем. Ты уверен, что у тебя все нормально?

— Да, спасибо. Что ты говоришь? Самураи владеют всем?

— Да, вся страна разделена на касты, как в Индии. Самураи наверху, крестьяне следующие по важности, — Родригес сплюнул за борт. — Только крестьяне могут владеть землей. Понимаешь? Но самурай владеет всем, что тот получает. Они владеют всем рисом — это единственный важный вид сельскохозяйственной продукции — и отдают часть обратно крестьянам. Только самураю позволено носить оружие. Для любого, кроме самурая, напасть на другого самурая — преступление, наказуемое немедленной смертью. И каждый, кто видит такое преступление и не сообщает о нем сразу же, тоже отвечает за него вместе с женами и даже детьми. Вся семья приговаривается к смерти, если кто-то не донес. Клянусь Мадонной, они все сатанинское отродье, эти самураи! Я видел детей, изрубленных в котлетный фарш. — Родригес откашлялся и сплюнул за борт. — Даже при этом, если ты знаешь пару таких вещей, это место — небо на земле. — Он оглянулся на галеру, чтобы видеть, что там происходит, потом ухмыльнулся. — Ну, англичанин, ничего себе прогулочка по гавани на лодке, да?

Блэксорн засмеялся. Годы слетели с него, когда он стал ощу-

щать близкое колебание волн, запах морской соли, чаек, кричащих и играющих над ним, чувство свободы, чувство надежной земли после долгого отсутствия.

— Я думал, ты не хочешь помочь мне попасть на «Эразмус»!

— Ох, и зануды эти англичане. Никакого терпения. Слушай, здесь ты не проси японцев ни о чем — самураев или еще кого, они все одинаковые. Если ты попросишь, они начнут колебаться, потом запросят вышестоящего. Здесь ты должен действовать. Конечно, — его сердечный смех разнесся по волнам, — иногда тебя будут убивать, если ты делаешь что-то не так.

— Ты очень хорошо гребешь. Я ломал голову, как пользоваться этими веслами, когда ты пришел.

— Не думал же ты, что я позволю тебе уйти одному. Как твое имя?

— Блэксорн. Джон Блэксорн.

— Ты когда-нибудь бывал на севере, англичанин? На крайнем севере?

— Я был с Киисом Веерманом на «Дер Лифле». Восемь лет назад. Это было его второе путешествие в поисках Северо-Западного прохода. А что?

— Я хотел бы послушать об этом — и о всех местах, где ты был. Ты думаешь, этот проход когда-нибудь найдут? Северный путь в Азию, с востока или запада?

— Да. Вы и испанцы блокировали южные пути, поэтому мы пройдем там. Или голландцы. А что?

— Ты был кормчим на судах, плавающих у берегов Берберии? А?

— Да. А что?

— И ты знаешь Триполи?

— Многие кормчие там побывали. Ну и что?

— Я думал, я тебя уже где-то видел. Да, это было в Триполи. Мне тебя показывали. Известный английский кормчий. Тот, кто ходил с путешественником, Киисом Веерманом в Полярные моря, был капитаном у Дрейка, а? В Армаде? Сколько тебе тогда было лет?

— Двадцать четыре. Что ты делал в Триполи?

— Я был кормчим на английском капере. Мой корабль был разбит в Индии этим пиратом, Морроу, Генри Морроу — его имя. Он сжег мой корабль до ватерлинии после того, как захватил его и предложил мне работать у него кормчим — его кормчий был бесполезен, так он говорил, — ты знаешь, как это бывает. Он хотел плыть оттуда — мы плавали в районе Ис-

паньолы, когда он захватил нас — на юг вдоль Мейна, потом назад через Атлантику, пытаюсь перехватить испанский корабль с ежегодным грузом золота около Канарских островов. Потом через проливы в Триполи, если мы его пропустим, пытаюсь найти другую добычу, потом на север в Англию. Он дал мне обычное обещание освободить моих товарищей, дать им пищи и лодки для возвращения, если я присоединюсь к нему. Я сказал: «Конечно, почему бы и нет? При условии, что мы не будем нападать на португальские суда и вы посадите меня на берег у Лиссабона и не украдете мои руттеры». Мы спорили так и эдак — ты знаешь, как это обычно бывает. Потом я поклялся Мадонной, мы оба поклялись на кресте, и вот что вышло. Мы плавали удачно и захватили несколько испанских купцов. Когда мы были в районе Лиссабона, он попросил меня остаться на борту, дал мне обычное письмо королевы Елизаветы: она заплатит целое состояние любому португальскому кормчему, который примет ее подданство и обучит других своему искусству в Триполи Хаус, она обещала также дать пять тысяч гиней за описание пути через Магелланов пролив или мимо мыса Доброй Надежды.

У него была широкая улыбка, зубы белые и крепкие, черные усы и борода аккуратно подстрижены.

— У меня их не было. По крайней мере, я ему так сказал. Морроу сдержал свое слово, как обычно делают все пираты. Он высадил меня на берег вместе с моими руттерами — конечно, он их скопировал, хотя сам не умел ни читать, ни писать, и даже дал мою долю денег из добычи. Ты когда-нибудь плавал с ним, англичанин?

— Нет. Королева несколько лет назад дала ему звание рыцаря. Я никогда не служил ни на одном из его кораблей. Я рад, что он был честен с тобой.

Они приблизились к «Эразмусу». Самурай насмешливо смотрел на них сверху.

— Это второй раз я работал кормчим у еретиков. Первый раз я был не так удачлив.

— Да?

Родригес положил весла в лодку, и она вплотную подошла к борту. Он повис на причальном канате.

— Поднимайся на борт, а разговаривать предоставь мне.

Блэксорн начал карабкаться наверх, пока другой кормчий надежно привязывал лодку. Родригес первым оказался на палубе. Он поклонился, как придворный.

— Конничи ва всем землседам-сама!

На палубе было четыре самурая. Блэксорн узнал одного из них, сторожа у двери погребца. Они невозмутимо низко поклонились Родригесу. Блэксорн последовал примеру Родригеса, чувствуя себя неуютно и стараясь поклониться как можно правильно.

Родригес направился сразу прямо к трапу. Печати были аккуратно поставлены в нужных местах. Один из самураев остановил его.

— Киндзиру, гомен насай.— Запрещено, извини.

— Киндзиру, да? — сказал Родригес, на вид несколько не испугавшись.— Я Родригес-сан, кормчий Тода Хиро-Мацу-сама. Это печать,— сказал он, показывая на красную печать со странной надписью на ней,— Тода Хиро-Мацу-сама, да?

— Нет,— сказал самурай, покачав головой,— Касиги Ябу-сама!

— Нет? — спросил Родригес.— Касиги Ябу-сама? Я от Тода Хиро-Мацу-сама, который более важный князь, чем ваш педераст и лизоблюд Касиги Ябу-сама, который самый большой пидор-сама во всем мире. Понял? — Он сорвал печать с двери, опустил руку на один из своих пистолетов.

Мечи были наполовину вынуты из ножен, и он спокойно сказал Блэксорну:

— Готовься покинуть корабль.

И грубо самураю:

— Торанага-сама! — Он указал своей левой рукой на флаг, который развевался над его фок-мачтой.— Вакаримас ка?

Самурай колебались, мечи их были наготове. Блэксорн приготовился нырять с борта.

— Торанага-сама! — Родригес ударил ногой по двери, планка сломалась, и дверь распахнулась.— Вакаримасу ка?

— Вакаримас, Анджин-сан.— Самурай быстро убрали мечи в ножны, поклонились, извинились и снова поклонились. Родригес сказал хрипло:

— Так-то лучше,— и спустился вниз.

— Боже мой, Родригес,— сказал Блэксорн, когда они оказались на нижней палубе.— Ты каждый раз так делаешь и выкручиваешься?

— Я делаю так редко,— сказал португалец, утирая пот с бровей.— И даже тогда хочется, чтобы это никогда не начиналось.

Блэксорн прислонился к переборке.

— Я чувствую себя, как если бы меня лягнули в живот.

— Это единственный путь. Ты должен действовать как король. И даже так ты никогда не сможешь говорить с самураем.

Они опасны, как священник, сидящий со свечой на пороховой бочке.

— Что ты сказал им?

— Тогда Хиро-Мацу — главный советник Торанаги — он более важный даймё, чем местный. Вот почему они позволили войти.

— На что он похож, этот Торанага?

— Длинный рассказ, англичанин.— Родригес сел на стульчике, вытянул ногу в сапоге и растер колено.— Я чуть не сломал ногу о вашу вшивую дверь.

— Она не была закрыта. Ты мог легко открыть ее.

— Я знаю. Но это было бы не так эффектно. Клянусь Святой Девой, тебе еще много чему надо учиться!

— Ты будешь учить меня?

Родригес убрал ногу.

— Посмотрим,— сказал он.

— От чего это зависит?

— Посмотрим, не так ли? Я много всего рассказал честно — пока я, не ты. Скоро будет твоя очередь. Где твоя каюта?

Блэксорн на мгновение задержал на нем взгляд. Запах под палубой был густой и влажный.

— Спасибо, что ты помог мне попасть на борт.

Он пошел на корму. Его дверь была не заперта. Каюта носила следы обыска, все было сдвинуто с места, что можно унести — исчезло. Не осталось книг, одежды, инструментов или гусиных перьев для письма. Его ящик для документов также был открыт. И пуст.

Побелев от гнева, он прошел в кают-компанию. Родригес внимательно наблюдал за ним. Даже тайник был найден и вынесен.

— Они забрали все. Сыновья чумной воши!

— Чего ты ожидал?

— Я не знаю.— Блэксорн прошел в комнату с сейфом. Она была пуста. Так же и со складом. В трюмах были только тюки с шерстяной одеждой.— Проклятые Богом японцы! — Он вернулся в свою каюту и захлопнул ящик для карт.

— Где они? — спросил Родригес.

— Что?

— Твои бумаги? Где твои журналы?

Блэксорн внимательно посмотрел на него.

— Ни один кормчий не будет волноваться из-за одежды. Ты пришел за руттером. Не так ли?

Почему ты так удивлен, англичанин? Зачем, по-твоему, я

поднялся на борт? Помочь тебе вернуть свои тряпки? Они изношены, и тебе потребуются другие. У меня их много. Но где твои журналы?

— Они исчезли. Они были в моем ящике для карт.

— Я не собираюсь красть их, англичанин. Я только хотел прочитать их и скопировать, если потребуется. Я бы берег их, как свои собственные, так что тебе нечего беспокоиться. — Его голос стал тверже. — Пожалуйста, заведи их, англичанин, у нас осталось мало времени.

— Не могу. Их нет. Они были в моем ящике для карт.

— Тебе не следовало оставлять их там, входя в иностранный порт. Тебе не следовало забывать главное правило кормчих — надежно прятать их и оставлять только фальшивые. Поторопись!

— Они украдены!

— Я тебе не верю. Но я допускаю, что ты спрятал их очень хорошо. Я искал здесь целых два часа — и никаких следов.

— Что?

— Почему ты так удивлен, англичанин? У тебя голова на месте? Конечно, я пришел сюда из Осаки, чтобы посмотреть твои бортовые журналы.

— Ты уже был на борту?

— Мадонна! — сказал Родригес нетерпеливо. — Да, конечно, два или три часа назад с Хиро-Мацу, который хотел сам посмотреть. Он сломал печати, и потом, когда уезжал, этот местный даймё запечатал все снова. Поторопись, ради Бога, — добавил он. — Время идет.

— Они украдены! — Блэксон рассказал ему, как они попали сюда и как он проснулся уже на берегу. Потом он швырнул свой ящик для книг, взбешенный, как человек, который нашел свой корабль разграбленным. — Они украли! Все мои карты! Все мои журналы! У меня в Англии есть несколько копий, но журнал этого плавания пропал.

— А португальский журнал? Давай, англичанин, признавайся, должен быть еще и португальский.

— А португальский... он тоже исчез. — «Поберегись, — подумал он про себя. — Они исчезли, и это конец. У кого они? У японцев? Или они отдали их священнику? Без бортового журнала и карт ты не сможешь проложить путь домой. Ты никогда не вернешься домой... Это неправда. Ты сможешь найти дорогу домой, если будешь осторожен и если очень сильно повезет... Не глупи! Ты прошел половину пути вокруг света, через враждебные земли, через вражеские руки, и вот у тебя нет ни бортового журнала, ни карт. О, Боже, дай мне силы!»

Родригес внимательно следил за ним. Через какое-то время он сказал:

— Извини, англичанин. Я знаю, что ты чувствуешь — со мной так тоже однажды было. Он тоже был англичанин, тот вор, может быть, его корабль разбился и он горит в аду и будет гореть вечно. Давай вернемся обратно.

Оми и остальные ждали на пристани, пока галера не обогнула мыс и исчезла. На западе ночные облака уже заволакивали малиновое небо. На востоке ночь соединила небо и море, горизонт исчез.

— Мура, сколько времени займет погрузка всех пушек обратно на корабль?

— Если работать всю ночь, завтра к середине дня, Оми-сан. Если мы начнем на рассвете, мы кончим до захода солнца. Безопасней работать днем.

— Работайте ночью. Сейчас приведи священника к яме.

Оми глянул на Игураши, главного заместителя Ябу, который все еще смотрел в сторону мыса, его лицо вытянулось, сиенато-багровый шрам на пустой глазнице мрачно темнел.

— Мы рады, что вы остались, Игураши-сан. Мой дом беден, но, может быть, мы сможем сделать его удобным для вас.

— Спасибо, — сказал старик, отворачиваясь от него, — но мой хозяин приказал вернуться сразу же в Эдо, поэтому я вернусь сразу. — Заметно было, что он озабочен. — Хотел бы я быть на галере.

— Да.

— Мне не нравится мысль о том, что Ябу-сама на ее борту только с двумя людьми. Мне это очень не нравится.

— Да.

Он показал на «Эразмус».

— Чертов корабль, вот что это! Правда, много сокровищ.

— Конечно. Разве господин Торанага не обрадуется подарку господина Ябу?

— Этот набитый деньгами грабитель провинций так переполнен собственной важностью, что он даже не заметит того серебра, которое отнял у нашего хозяина. Где твои мозги?

— Я думаю, что только беспокойство о возможной опасности для нашего господина вынудило вас сделать такое замечание.

— Ты прав, Оми-сан. Я не хотел обидеть. Ты был очень умен и помог нашему хозяину. Может быть, ты прав и в вопросе о Торанаге тоже, — сказал Игураши, а сам подумал: «Наслаждайся своим вновь обретенным богатством, бедный глупец. Я знаю своего хозяина лучше, чем ты, и твое увеличение владений совсем не принесет тебе добра. Твоя удача была платой за корабль, драгоценности и оружие. Но теперь они исчезли. И из-за тебя мой хозяин в опасности. Ты послал письмо и сказал: «Первым осмотри чужезмцев», соблазнив его. Мы должны были уехать вчера. Да, тогда мой хозяин был бы в безопасности сейчас, с деньгами и оружием. Ты предатель? Ты действуешь для себя, или своего глупого отца, или для врагов? Для Торанаги, может быть? Это неважно. Ты можешь верить мне, Оми, ты молодой дурак, ты и твоя ветвь клана Касиги недолго продержитесь на этой земле. Я должен был сказать тебе это прямо в лицо, но тогда я должен был бы убить тебя и лишиться доверия моего господина. Он сам должен сказать, когда это сделать, а не я».

— Спасибо за ваше гостеприимство, Оми-сан, — сказал он. — Я загляну вас повидать, но сейчас у меня свои дела.

— Вы не могли бы оказать мне услугу? Пожалуйста, передайте привет моему отцу. Я был бы очень благодарен.

— Я буду счастлив сделать это. Он прекрасный человек. И я не поздравил еще вас с увеличением ваших владений.

— Вы слишком добры.

— Еще раз благодарю вас, Оми-сан. — Он поднял руку в дружеском приветствии, подозвал своих людей и повел группу всадников на выезд из деревни.

Оми подошел к погребу. Священник был уже там. Оми мог видеть, что тот был в гневе, и надеялся, что он сделает что-нибудь открыто, публично, так, чтобы он мог избить его.

— Священник, скажи чужеземцам, чтобы они вышли из ямы. Скажи им, что господин Ябу разрешил им опять жить среди людей, — Оми говорил намеренно простым языком. — Но малейшее нарушение правил — и двое из них будут снова отправлены в яму. Они должны хорошо вести себя и выполнять все приказы. Ясно?

— Да.

Оми заставил священника повторить ему все, как делал и раньше. Когда он удостоверился, что священник все делает правильно, он приказал ему говорить с моряками.

Люди выходили один за другим. Все были испуганы. Некоторые помогали друг другу. Один был в плохом состоянии и стонал, когда кто-нибудь касался его руки.

— Их должно быть девять.

— Один мертв. Его тело лежит там внизу, в яме, — сказал священник.

Оми минуту размышлял.

— Мура, сожги труп и держи золу вместе с прахом другого чужеземца. Размести их в том же доме, что и прежде. Дай им много овощей и рыбы. И ячневый суп, и фрукты. Вымойте их. Они воняют. Священник, скажи им, что, если они будут себя хорошо вести и слушаться, их будут продолжать кормить.

Оми следил и внимательно слушал. Он видел, что все они реагируют с благодарностью, и с презрением подумал: «Какие глупцы!» Я освободил их только на два дня, потом верну их в скучные условия, и тогда они будут есть дерьмо, действительно будут есть дерьмо».

— Мура, научи их правильно кланяться, а потом убери отсюда.

Потом он повернулся к священнику:

— Ну?

— Теперь я уйду. Поеду домой, уеду из Анджино.

— Лучше уезжай и не возвращайся никогда, и ты, и другие, такие, как ты. Может быть, в следующий раз, когда один из вас придет в мои владения, некоторые из моих крестьян или вассалов-христиан будут считаться изменниками, — сказал он, используя скрытую угрозу и классический прием, который самураи, настроенные против христианства, применяли для контроля за неограниченным распространением чуждых догм в своих владениях, поскольку в отличие от иноземных священников их японские новообращенные не были ничем защищены.

— Христиане — хорошие японцы. Всегда. Хорошие вассалы. Никаких плохих мыслей.

— Я рад слышать это. Не забудьте, мои владения протянулись на двадцать ри во всех направлениях. Вы поняли?

— Я понимаю.

Он проследил, как священник с усилием поклонился — даже чужеземные священники должны иметь хорошие манеры — и ушел.

— Оми-сан, — обратился к нему один из самураев. Он был молод и очень красив.

— Да?

— Пожалуйста, извините меня, я знаю, что вы не забыли, но Масиджиро-сан все еще в яме.

Оми подошел к крышке люка и посмотрел вниз на самурая. Мужчина там сразу встал на колени, уважительно кланяясь.

Два прошедших дня состарили его. Оми взвесил его прошлую службу и будущую судьбу. После этого он взял с пояса молодого самурая кинжал и бросил его в яму.

У подножия лестницы Масиджиро с недоверием смотрел на нож. Слезы потекли по его щекам.

— Я не заслужил такой чести, Оми-сан,— сказал он жалко.

— Да.

— Благодарю вас.

Молодой самурай рядом с Оми сказал:

— Пожалуйста, можно попросить, чтобы вы разрешили ему совершить сеппуку здесь, на берегу?

— Он провинился. Он останется в яме. Прикажите крестьянам засыпать ее. Уничтожьте все следы. Чужеземцы осквернили ее.

* * *

Кику засмеялась и покачала головой.

— Нет, Оми-сан, извините, пожалуйста, но не надо мне больше sake, а то волосы растреплются, я упаду, и где мы тогда будем?

— Мы упадем вместе, будем любить друг друга,— судовольствием сказал Оми, его голова кружилась от выпитого вина.

— Но я бы стала храпеть, а вы не сможете любить храпящую, противную пьяную девушку. Поэтому извините. Ой, нет, Оми-сама, хозяин нового огромного владения, вы заслуживаете большего, чем это! — Она налила еще одну порцию теплого вина не более наперстка в изящную фарфоровую чашку и протянула ее обеими руками: указательный и большой пальцы левой руки аккуратно держали чашку, указательный палец правой руки касался доньшка.— Вот, потому что вы великолепны!

Он принял чашку и выпил, наслаждаясь ее теплотой и вкусом выдержанного вина.

— Я так рад, что смог убедить вас остаться еще на день, вы так красивы, Кику-сан.

— Вы тоже красивы и нравитесь мне.— Ее глаза мерцали в свете свечи, помещенной в бумажный фонарь среди цветов, свисающих с кедровой балки. Это была лучшая из комнат в чайном домике у площади. Она наклонилась, чтобы помочь ему взять еще риса из простой деревянной мисочки, стоящей перед ним на низком столике, покрытом черным лаком, но он покачал головой.

— Нет, нет, спасибо.

— Такому сильному человеку, как вы, нужно больше есть.

— Я сыт, правда.

Он не предлагал ей ничего, потому что она едва притронулась к салату — тонко нарезанному огурцу и изящно нашинкованной редиске, маринованной в уксусе,— это все, что она съела за ужином. Были еще ломтики сырой рыбы на шариках, рис, суп, салат и немного свежих овощей, приготовленных с пикантным соусом из сои и имбиря.

Она мягко хлопнула в ладоши, седзи тут же раздвинула ее личная служанка.

— Да, госпожа?

— Сьюзен, убери все это и принеси еще sake и новый чайник зеленого чая. И фрукты. Sake должен быть теплее, чем в прошлый раз. Торопись, бездельница! — Она постаралась, чтобы это звучало строго.

Сьюзен было четырнадцать лет: это была милая, старающаяся угодить девушка, ученица-куртизанка. Уже два года Кику отвечала за ее подготовку.

Кику с трудом отвела глаза от чистого белого риса, который она так любила, и подавила свой голод.

«Ты ела до прихода сюда и поешь позже,— напомнила она себе.— Да, но даже тогда было слишком мало».

— Госпожа должна иметь умеренный аппетит, очень умеренный аппетит,— говорила обычно ее учительница.— Гости едят и пьют — чем больше, тем лучше. Госпожа так не делает и, конечно, никогда не делает этого с гостями. Как госпожа может говорить или развлекать гостей, играть на сямисене или танцевать, если у нее набит рот? Ты поешь позднее, будь терпелива. Сконцентрируйся на своем госте.

Следя за Сьюзен, критически оценивая ее искусство, она рассказывала Оми истории, которые заставили его смеяться и забыть про все на свете. Юная девушка стала на колени сбоку Оми, расставила маленькие мисочки и палочки для еды на лаковом подносе в том порядке, как ее учили. Потом она взяла пустую бутылку из-под sake, попробовала налить, чтобы убедиться, что она пустая,— считалось дурным тоном встряхивать бутылку — потом встала с подносом, бесшумно подошла к двери из седзи, стала на колени, поставила поднос, открыла седзи, встала, прошла через дверь, опять стала на колени, подняла поднос и перенесла через порог, так же бесшумно положила его и совсем закрыла за собой дверь.

— Мне, правда, скоро придется искать другую служанку,— сказала Кику, не очень расстроившись. «Этот цвет ей идет,—

подумала она. — Надо послать в Эдо еще за шелком. Что за стыд думать, что это дорого! Неважно, при тех деньгах, которые заплатят Дзёко-сан за прошлую ночь и за сегодняшнюю, моей доли будет более чем достаточно, чтобы купить маленькой Сьюзен двадцать кимоно. Она такой приятный ребенок и действительно очень грациозная».

— Она создает столько шума на всю комнату — извини.

— Я не заметил ее, только тебя, — сказал Оми, допивая вино.

Кику обмахивалась своим веером, улыбка осветила ее лицо.

— Вы делаете мне приятно, Оми-сан. И позволяете чувствовать себя любимой.

Сьюзен быстро принесла саке. И зеленый чай. Ее хозяйка налила Оми вина и передала ему. Девушка беззвучно наполнила чашки. Она не пролила ни капли и подумала, что звук, который издает жидкость, льющаяся в чашку, напоминает тихий звонок, после чего вздохнула задумчиво, но с огромным облегчением, опустила на пятки и стала ждать.

Кику рассказала занимательную историю, которую она слышала от одной из подруг в Мисима, и Оми рассмеялся. Рассказывая, она взяла один из маленьких апельсинов и с помощью своих длинных ногтей раскрыла его, как цветок — дольки апельсина напоминали лепестки.

— Вам нравится апельсин, Оми-сан?

Первым порывом Оми было сказать: «Я не могу разрушить такую красоту». «Но это было бы неуместно, — подумал он, пораженный ее артистизмом. — Как мне похвалить ее и ее безымянного учителя? Как могу я вернуть счастье, которое она дала мне, позволив следить, как ее пальцы создавали нечто столь прекрасное, сколь и эфемерное?»

Он подержал цветок в руках, потом быстро отделил четыре дольки и съел их с наслаждением. Остался новый цветок. Он удалил еще четыре дольки, получилась третья цветочная композиция. Тогда он взял одну дольку и отодвинул вторую, так что оставшиеся три превратились в еще один цветок.

После этого он взял две дольки и заменил оставшиеся в сердцевине апельсина, в центре со своей стороны, словно полумесяц в солнце.

Одну он очень медленно съел. Затем он положил еще одну дольку на ладонь и предложил ей.

— Это должна съесть ты, потому что это предпоследняя. Это мой подарок тебе.

Сьюзен дышала с трудом. Для кого же была последняя?

Кику взяла дольку и съела. Это было самое вкусное из того, что она когда-либо пробовала.

— Это последняя, — сказал Оми, с серьезным видом кладя ее на ладонь правой руки, — это мой подарок богам, кто бы они и где бы они ни были. Я никогда не съем этой дольки, — разве что из твоих рук.

— Это слишком, Оми-сама, — сказала Кику. — Я освобождаю вас от вашего обета! Это было сказано под влиянием ками, который живет во всех бутылках с саке.

— Я отказываюсь освободиться от обета.

Они были очень счастливы вместе.

— Сьюзен, — сказала она, — теперь оставь нас. И пожалуйста, пожалуйста, дитя, сделай это грациозно.

— Да, госпожа. — Молодая девушка вошла в соседнюю комнату и проверила, чтобы футоны были удобны, любовные инструменты и бусы для удовольствий были под рукой и цветы в полном порядке. Незаметная складка на и без того уже гладком одеяле была разглажена. После этого, удовлетворенная, Сьюзен села, вздохнула с облегчением, обмахнула жар с лица своим сиреневым веером и, довольная, стала ждать.

В соседней комнате, которая была самой приятной из всех комнат чайного домика, потому что только она одна имела собственный выход в сад, Кику взяла сямисен с длинной ручкой. Это был трехструнный, похожий на гитару инструмент, и первая парящая нота заполнила комнату. Потом она начала петь. Сначала мягко, потом возбуждающе, снова мягко, потом более громко и, сладко вздыхая, она пела о взаимной и неразделенной любви, о счастье и печали.

* * *

— Госпожа? — Шепот не разбудил бы самого чутко спящего, но Сьюзен знала, что ее хозяйка предпочитает не спать после Облаков и Дождя, как бы они ни были сильны. Она предпочитает отдыхать в спокойной полудреме.

— Да, Сью-чан? — спокойно прошептала Кику, используя «чан», как говорят с любимым ребенком.

— Вернулась жена Оми-сана. Ее паланкин только что пронесли по дорожке к его дому.

Кику взглянула на Оми. Его шея удобно покоилась на обитой войлоком деревянной подушке, руки переплетены. Его тело было сильным и чистым, кожа твердой и золотистой, местами блестящей. Она нежно приласкала его, достаточно,

чтобы он почувствовал это сквозь сон, но недостаточно, чтобы разбудить его. Потом она выскользнула из-под стеганого одеяла, собирая свои раскиданные вокруг кимоно.

Кику потребовалось немного времени, чтобы обновить макияж, пока Сьюзен причесывала и укладывала ей волосы в стиле Шимода. После этого хозяйка и служанка бесшумно прошли по коридору, вышли на веранду и через сад на площадь. Лодки, как светлячки, курсировали от корабля чужеземцев к пристани, где еще оставалось семь пушек. Все еще была глубокая ночь, до рассвета было далеко.

Две женщины проскользнули вдоль узкой аллеи между скоплением домов и начали подниматься по тропинке.

Покрытые пятнами пота и усталые носильщики стояли вокруг паланкина на вершине холма у дома Оми. Кику не постучала в садовую дверь. В доме горели свечи и слуги бегали туда и сюда. Она сделала знак Сьюзен, и та сразу же подошла к веранде около передней двери и постучала. Через мгновение дверь открылась.

Кровать матери Оми еще не была разобрана. Она сидела, неподвижно прямая, около маленького алькова. Окно было открыто в сад. Мидори, жена Оми, сидела напротив нее.

Кику стала на колени. Неужели всего лишь вчера она была здесь, напуганная Ночью Стонов? Она поклонилась сначала матери Оми, потом его жене, чувствуя напряжение между этими двумя женщинами, и спросила себя, почему неизбежно такое недоброжелательство между свекровью и невесткой. Разве невестка в свое время не станет свекровью? Почему она потом всегда обращается со своей невесткой так зло и делает ее жизнь несчастной и почему эта девочка потом делает то же самое?

— Я сожалею, что беспокою вас, госпожа-сан.

— Милости просим, Кику-сан,— ответила старуха.— Ничего не случилось, я надеюсь?

— О нет, я просто не знала, хотите вы или нет, чтобы я разбудила вашего сына,— сказала она, уже зная ответ.— Я думала, лучше спросить вас, как вы, Мидори-сан,— она повернулась, улыбнулась и слегка поклонилась Мидори, которая ей очень нравилась,— как вы добрались?

Старуха сказала:

— Вы очень добры, Кику-сан, и очень предусмотрительны. Нет, оставьте его в покое.

— Очень хорошо. Пожалуйста, извините меня за то, что я так надоедаю вам, но я подумала, что лучше всего спросить. Мидори-сан, я надеюсь, ваше путешествие было не очень тяжелым?

— Прошу прощения, но это было ужасно,— сказала Мидори.— Я рада, что вернулась, я не люблю уезжать. С моим мужем все в порядке?

— Да, все хорошо. Он много смеялся в этот вечер и казался счастливым. Он ел и пил умеренно и крепко спит.

— Госпожа-сан начала рассказывать мне об ужасных вещах, которые произошли, пока меня не было...

— Тебе не следовало уезжать. Ты была нужна здесь,— преврала ее старуха с ядом в голосе.— Или, может быть, нет. Может быть, тебе постоянно следует отсутствовать. Может быть, ты привела к нам плохого kami в дом вместе со своим постельным бельем.

— Я никогда не делала этого, госпожа-сан,— сказала Мидори терпеливо.— Пожалуйста, поверьте мне, что я скорее бы покончила с собой, чем бросила мельчайшее пятно на ваше доброе имя. Пожалуйста, простите мне мое отсутствие и мои ошибки. Простите меня.

— С того времени, как сюда пришел этот чертов корабль, у нас одни неприятности. Это все злой kami. Очень плохой. А где ты была, когда ты так нужна здесь? Сплетничала в Мисима, объедалась и пила саке.

— Умер мой отец, госпожа-сан. За день до моего приезда.

— Ну, у тебя даже не хватило вежливости или предчувствия, чтобы быть у смертного одра твоего собственного отца. Чем скорее ты навсегда уедешь из нашего дома, тем лучше для всех нас. Я хочу чаю. У нас здесь гостя, а ты даже не вспомнила о своем воспитании, не предложила ей освежиться!

— Чай заказан сразу же, в тот момент, как она...

— Но он не подан сразу же!

Седзи открылись. Служанка нервно внесла зеленый чай и сладкие кексы. Сначала Мидори подала старухе, которая резко обругала служанку и стала грызть кекс, прихлебывая питье.

— Вы должны извинить служанку, Кику-сан,— сказала старуха.— Чай безвкусный. Безвкусный! И горячий. Чего еще можно ожидать в этом доме.

— Вот, пожалуйста, возьмите мой,— Мидори аккуратно поднесла чай, чтобы охладить его.

Старуха недовольно взяла его.

— Почему нельзя было сразу дать хороший чай?

— Что вы думаете обо всем этом?— спросила Мидори Кику.— О корабле и Ябу-сама и Хиро-Мацу-сама?

— Я не знаю, что думать. Что касается чужеземцев, кто знает? Они, конечно, соборище очень необычных людей. И этот

великий даймё, Железный Кулак? Очень интересно, что он приехал почти в то же время, что и господин Ябу, да? Ну, вы должны извинить меня. Пожалуй, я должна идти.

— О нет, Кику-сан, я не могу и слышать об этом.

— Но ты же видишь, Мидори-сан,— старуха нетерпеливо прервала ее,— нашей гостье неудобно, и чай ужасный.

— О нет, чай мне понравился, хозяйка-сан, правда. Вы извините меня, я ведь немного устала. Может быть, завтра перед отъездом вы позволите мне навестить вас? Мне так приятно беседовать с вами.

Старуха позволила обмануть себя, и Кику с Мидори вышли на веранду и прошли в сад.

— Кику-сан, вы такая предусмотрительная,— сказала Мидори, держа ее за руку и любуясь ее красотой.— Это очень мило с вашей стороны, спасибо.

Кику на мгновение оглянулась на дом и вздрогнула:

— Она всегда такая?

— Сегодня вечером она была вежлива по сравнению с другими днями. Если бы не Оми и мой сын, клянусь, я отряхнула бы пыль этого дома с моих ног, обрила голову и стала монахиней. Но у меня есть Оми и мой сын, и я все терплю. К счастью, она предпочитает Эдо и не может долго оставаться здесь. Я только благодарю всех камы за это,— Мидори печально улыбнулась,— просто привыкаешь не слушать, вы знаете, как это бывает.— Она вздохнула, очень красивая в лунном свете.— Но это все пустяки. Расскажите мне, что произошло здесь с тех пор, как я уехала.

Именно для этого Кику так быстро пришла в этот дом, так как было очевидно, что ни мать, ни жена не захотят, чтобы Оми разбудили. Она рассказала милой госпоже Мидори все, что могло помочь ей защитить Касиги Оми, так же как она сама пыталась защищать его. Она рассказала ей все, что знала, за исключением того, что происходило наедине с Ябу. Она добавила слухи и рассказы, которые дошли до нее от других девушек или были придуманы ими. И все, что ей рассказал Оми, его надежды, страхи и планы,— все о нем, за исключением того, что произошло у них сегодня вечером. Она знала, что это неважно для его жены.

— Я боюсь, Кику-сан, боюсь за моего мужа.

— Все, что он советовал, было разумно, госпожа. Я думаю, что он все делал правильно. Господин Ябу нелегко награждает кого-либо, и три тысячи коку повышения платы он заслужил.

— Но корабль теперь у господина Торанаги, и все эти деньги у него.

— Да, но для Ябу-сама предложить корабль в качестве подарка было гениальной идеей. Оми-сан подал идею Ябу,— конечно, за это уже плата достаточная, не так ли? Оми-сан должен был зарекомендовать себя как преданный вассал.— Кику немного искажила правду, зная, что Оми-сан был в большой опасности, а с ним и его близкие. «Что будет, то будет,— напомнила она себе.— Но не вредно облегчить опасения приятной женщины».

— Да, я могу это видеть,— сказала Мидори. «Пусть это будет правдой,— молилась она.— Пожалуйста, пусть это будет правдой». Она обняла девушку, ее глаза наполнились слезами.— Спасибо. Ты так добра, Кику-сан, так добра.— Ей было семнадцать лет.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— О чем ты думаешь, англичанин?

— Я думаю, будет шторм.

— Когда?

— Перед закатом.

Дело было около полудня, они стояли на юте галеры под серыми облаками. Шел второй день, как они вышли в море.

— Если бы это был твой корабль, что бы ты сделал?

— Как далеко нам до места? — спросил Блэксорн.

— Прибудем после заката.

— Как далеко до ближайшей земли?

— Четыре или пять часов, англичанин. Но заход в укрытие будет стоять нам полдня, и я не могу решиться на это. Что бы ты сделал?

Блэксорн подумал минуту. Первую ночь галера шла на юг к восточному берегу полуострова Изу, используя большой парус на мачте в середине корабля. Когда они вышли на траверз самого южного мыса, мыса Ито, Родригес взял курс запад-юго-запад и ушел от безопасного берега в открытое море, направляясь к мысу Шинто, что был в двухстах милях.

— Обычно на таких галерах мы держались побережья — для безопасности, — сказал Родригес, — но это занимает слишком много времени, а время важно. Торанага просил меня свозить Лизоблюда в Анджиро и обратно. Быстро. Меня ждет награда, если мы сделаем это очень быстро. Один из их кормчих хорошо плавает на такие короткие расстояния, но бедный сукин сын до смерти напуган перевозкой такого важного даймё, как Лизоблюд, особенно в открытом море. Они не привыкли плавать по океанам, эти японцы — великие пираты и воины, но только прибрежные мореплаватели. Глубина их пугает. Старик Тайко издал закон, чтобы на тех немногих океанских кораблях, которыми владеют япошки, на борту всегда был португальский кормчий. Этот закон еще действует в стране и по сей день.

— Зачем он издал такой закон?

Родригес пожал плечами.

— Может быть, кто-нибудь надоумил его.

— Кто?

— Твой краденый бортовой журнал, англичанин, был португальский. Чей он был?

— Я не знаю. На нем не было ни подписи, ни имени.

— Где его взяли?

— У главного купца голландской Восточно-Индийской компании.

— А он откуда взял его?

Блэксорн пожал плечами.

Родригес засмеялся, но невесело.

— Ну, я и не ожидал, что ты мне скажешь, но, кто бы ни украл, надеюсь, он горит в аду!

— Торанага тебя нанял, Родригес?

— Нет, только приплыли в Осаку, мой капитан и я. Мой капитан предложил меня. Я кормчий. — Родригес замолчал. — Я забываю, что ты враг, англичанин.

— Португальцы и англичане были союзниками много веков.

— А сейчас нет. Пошли вниз, англичанин. Ты устал, и я устал, а усталые люди ошибаются. Поднимемся на палубу, когда ты отдохнешь.

Так Блэксорн оказался внизу, в каюте кормчего, и лег у него на койке. Бортовой журнал Родригеса с описанием маршрута лежал на морском столе, который был прикреплен к переборке, как стул кормчего на юте. Книга была в кожаном переплете и имела подержанный вид, но Блэксорн не стал смотреть ее.

— Почему ты оставил ее? — спросил он сначала.

— Если бы я не оставил, ты бы искал ее. Но ты не тронул ее — даже не поглядел на нее без приглашения. Ты кормчий — не солдат или купец, вор или проститутка со свиным брюхом.

— Я посмотрю его, если позволишь.

— Но не без разрешения, англичанин. Кормчий так не делает. Даже я бы не сделал!

Блэксорн мгновение смотрел на книгу, а потом закрыл глаза. Он спал крепко весь этот день и часть ночи, и проснулся перед рассветом, как всегда. Потребовалось время, чтобы приспособиться к непривычному ходу галеры и дроби барабана, который заставлял весла двигаться как одно. Он удобно лежал в темноте на спине, положив руки под голову. Блэксорн думал о своем корабле, он отбросил в сторону все беспокойство о том, что случится, когда они достигнут берега и придут в Осаку. Все свое время. Думай о Фелисите и Тюдоре и о доме. Нет, не сейчас. Думай, что если другие португальцы похожи на Родригеса, у тебя появится хороший шанс. Ты получишь корабль. Кормчие — не враги, и черт со всеми остальными! Но ты не можешь сказать этого, парень. Ты англичанин, ненавистный еретик и антихрист. Католики владеют этим миром. Пока владеют им. Мы и голландцы собираемся разгромить их.

Ну что за вздор все это! Католики и протестанты, кальвинисты и лютеране и прочее дерьмо. Ты родился католиком. Это просто твой рок привел отца в Голландию, где он встретил женщину, Аннеке ван Дрост, которая стала его женой, и он увидел испанских католиков, священников и инквизицию в первый раз.

«Я рад, что у него открылись глаза, — подумал Блэксорн. — Я рад, что у меня они тоже открылись».

После этого он пошел на палубу. Родригес был в своем кресле, его глаза покраснели от бессонной ночи, два японских моряка, как и прежде, стояли около штурвала.

— Можно я постою эту вахту за тебя?

— Как ты себя чувствуешь, англичанин?

— Отдохнул. Могу я постоять на вахте вместо тебя? — Блэксорн видел, что Родригес рассматривает его. — Я разбуджу тебя, если ветер изменится или еще что.

— Спасибо, англичанин. Да, я немного посплю. Держись этого курса. При повороте бери на четыре градуса западней, а при следующем еще на шесть градусов западней. Ты показывай рулевому новый курс на компасе. Вакаримаска?

— Хай! — Блэксорн засмеялся. — Четыре точки западней. Спускайся вниз, кормчий, твоя койка очень удобная.

Но Васко Родригес не пошел вниз. Он только натянул по-

ниже свой морской плащ и глубже уселся в свое кресло. Как раз перед следующим переворотом склянок он мгновенно проснулся, проверил изменение курса, не тронувшись с места, и сразу опять заснул. Еще раз, когда ветер переменял направление, он проснулся и, увидев, что нет никакой опасности, снова уснул.

Хиро-Мацу и Ябу вышли на палубу утром. Блэксорн заметил их удивление, когда они поняли, что он ведет корабль, а Родригес спит. Они не разговаривали с ним, а продолжили свой разговор и позже снова ушли вниз.

Около полудня Родригес поднялся со своего кресла и посмотрел на северо-восток, проверил направление ветра, все его чувства были напряжены. Оба кормчих посмотрели на море, небо и несущиеся облака.

— Что бы ты делал, англичанин, если бы это был твой корабль? — снова спросил Родригес.

— Я бы поплыл к берегу, если бы я знал, где он, — в ближайшую точку. У этого судна небольшая осадка, и в шторм все бы обошлось. Шторм начнется через четыре часа.

— Тайфуна не будет, — пробормотал Родригес.

— Что?

— Тай-фун. Это огромные ветры — самые сильные штормы, которые ты когда-либо видел. Но сейчас не сезон тайфунов.

— Когда это будет?

— Не теперь, противник, — Родригес засмеялся. — Нет, не теперь. Но могло быть очень плохо, поэтому я не воспользуюсь твоим хреновым советом. Правь на северо-восток.

Как только Блэксорн указал новый курс и рулевой аккуратно повернул судно, Родригес подошел к поручням и закричал капитану:

— Изоги! Капитан-сан. Вакаримаска?

— Изоги, хай.

— Что это значит? Скорее?

Уголки глаз Родригеса сморщились от удовольствия.

— Тебе не вредно знать японский язык, а? Конечно, англичанин, «изоги» значит скорее. Все, что нужно здесь, это около десяти слов, и тогда ты можешь заставить педераста обостряться, если захочешь. Если им найти нужные слова, конечно, и если они в настроении. Я спущусь и поем.

— Ты и готовишь тоже?

— В Японии каждый культурный человек должен либо готовить сам, либо лично обучить этому одну из этих обезьян, либо умереть с голоду. Они все едят сырую рыбу, сырые овощи в

сладком укусном маринаде. Но жизнь здесь может быть «пискутер», если ты знаешь, как это сделать.

— «Пискутер» — это хорошо или плохо?

— В основном это очень хорошо, но иногда ужасно плохо. Это все зависит от того, как себя чувствуешь, а ты задаешь слишком много вопросов.

Родригес спустился вниз. Он закрыл дверь своей каюты на засов и тщательно проверил замки на своем ящике для карт. Волос, который он положил так осторожно, все еще был там. И такой же волос, одинаково невидимый всем, кроме него самого, который он положил на обложку своего журнала, также не был тронут.

«Ты не можешь быть слишком осторожным в этом мире, — думал Родригес. — Что страшного в том, чтобы знать, что ты кормчий «Нао дель Трато» — самого большого Черного Корабля того года из Макао? Может, и нет, потому что тогда ты должен объяснить, что это крупное судно, одно из самых богатых, крупнейших судов в мире, более чем в шестнадцать сотен тонн. Ты можешь соблазниться и сказать им все о своем грузе, о торговле и о Макао и всяких вещах, проливающих свет на многое, очень и очень личное, очень и очень секретное. Но мы воюем, мы воюем против Англии и Голландии».

Он открыл хорошо смазанный замок и вынул личный журнал, чтобы проверить некоторые азимуты на ближайшую гавань. Его глаза наткнулись на запечатанный пакет, который священник, отец Себастьян, дал ему перед тем, как он покинул Анджино.

«А не в нем ли лежат бумаги англичанина?» — спросил он себя опять.

Он взвесил пакет и поглядел на печати иезуита, очень желая сломать их и посмотреть самому. Блэксорн сказал ему, что голландская эскадра прошла через пролив Магеллана и еще немало. «Англичане задают массу вопросов и не охотники отвечать, — подумал Родригес. — Он проницателен, умен и опасен».

«Это его бумаги или нет? Если это они, зачем они святым отцам?»

Он пожал плечами, думая об иезуитах, францисканцах и остальных монахах, священниках и инквизиции. «Есть хорошие священники и плохие священники, и в основном среди них плохие, но они все же священники. Церковь должна иметь священников, и без них, если бы они не вступались за нас, мы заблудшие овцы в сатанинском мире. О Мадонна, защити меня от всех дьяволов и плохих священников!»

Родригес был в своей каюте с Блэксорном в Анджирской гавани, когда дверь открылась и без приглашения вошел отец Себастио. Он кинул взгляд на остатки пищи.

— Ты преломляешь хлеб с еретиком? — спросил священник. — Есть с ними опасно. Они все заразные. Он сказал тебе, что он пират?

— Христианин должен быть великодушен со своими врагами, отец. Когда я был в их руках, они были благородны со мной. Я только возвращаю им их милосердие. — Он стал на колени и поцеловал крест священника. После этого встал и, предлагая вино, сказал: — Как я могу помочь вам?

— Я хочу попасть в Осаку. Вашим кораблем.

— Я пойду и сразу спрошу их. — Он ушел спросить капитана, и просьба постепенно дошла до Тода Хиро-Мацу, который ответил, что Торанага ничего не говорил о доставке иностранного священника из Анджио, поэтому он сожалеет, что не может взять его на борт.

Отец Себастио хотел поговорить с Родригесом наедине, поэтому он выслал англичанина на палубу и потом, в тишине каюты, вынул запечатанный пакет.

— Мне хотелось бы, чтобы вы передали этот пакет отцу-инспектору.

— Я не знаю, будет ли еще его преосвященство в Осаке, когда я попаду туда, — Родригесу не хотелось быть носителем иезуитских секретов. — Я, может быть, вернусь обратно в Нагасаки. Мой адмирал может оставить для меня приказы.

— Тогда отдайте его отцу Алвито. Необходимо быть абсолютно уверенным, что вы отдадите это только в его руки.

— Непременно, — пообещал Родригес.

— Когда вы в последний раз были на исповеди, сын мой?

— В воскресенье, отец.

— Вам не хотелось бы исповедаться мне сейчас?

— Да, благодарю вас. — Он был благодарен священнику, что тот спросил его об этом, так как жизнь на море опасна, и впоследствии он будет, как всегда, чувствовать себя намного лучше.

Теперь, в каюте, Родригес положил пакет обратно, чувствуя большое искушение. «Почему отец Алвито? Отец Мартин Алвито был главный торговец и личный переводчик Тайко в течение многих лет, и следовательно, близок к большинству влиятельных даймё. Он курсировал между Нагасаки и Осакой и был одним из немногих людей и единственным из европейцев, кто имел доступ к Тайко в любое время, — очень умный человек, ко-

торый в совершенстве говорил по-японски и больше знал о них и их образе жизни, чем любой другой человек в Азии. Сейчас он был самым влиятельным португальским посредником Совета регентов, и Ишиды и Торанаги в частности.

Довериться иезуитам, чтобы получить одного из их людей, — подумал Родригес со страхом. — Конечно, если бы не общество иезуитов, поток ереси никогда бы не прекратился, португальцы и испанцы могли бы стать протестантами, и мы навсегда потеряли бы свои бессмертные души. Мадонна!»

«Почему ты все время думаешь о священниках? — вслух спросил себя Родригес. — Ты знаешь, это же нервирует тебя! Даже если так, то почему отец Алвито? Если в пакете лежат корабельные журналы, значит ли это, что пакет предназначен для одного из христианских даймё, или Ишиде, Торанаге, или просто его преосвященству самому отцу-ревизору? Или для моего адмирала? Или их отправят в Рим для передачи испанцам? Почему отец Алвито? Отец Себастио легко мог отдать это любому другому иезуиту.

И зачем Торанаге нужен англичанин?

В глубине души я знаю, что мне нужно бы убить Блэксорна. Он враг, он еретик. Но есть и еще кое-что. Я чувствую, что этот англичанин опасен нам всем. Почему я так думаю? Он кормчий — и великий кормчий. Сильный. Умный. Хороший человек. Здесь не о чем беспокоиться. Так почему же я боюсь? Он дьявол? Он мне очень нравится, но я чувствую, что мне следует быстро его убить, и чем скорее, тем лучше. Дело не в гневе. Просто защитить других. Зачем?

Я боюсь его.

Что же мне делать? Оставить все на волю Бога? Идет шторм, и это будет сильный шторм.

Боже, покарай меня и мою глупость! Почему я не знаю, что лучше сделать?»

Шторм пришел до захода солнца и застал их в море. Земля была в десяти милях. Бухта, куда они так стремились, была хорошо укрыта и далеко впереди, когда они рассматривали горизонт. Там не было отмелей или рифов, которые надо было бы преодолевать, чтобы оказаться в безопасности, но десять миль были десять миль, и волны росли все быстрее, вздымаемые ветром с дождем.

Шторм шел с северо-востока, как обычно, с правого борта, и часто менял направление, шквалы менялись на восточные и северные, без системы, волны были зловещими. Курс галеры лежал на северо-запад, так что они шли правым бортом к волне,

сильно качаясь, то попадая в яму, то с ужасным ощущением вылетая на гребень. Галера была судном с мелкой осадкой, построенным для больших скоростей в спокойных водах, и хотя гребцы были мужественны и дисциплинированы, им было трудно удерживать весла в воде и грести с полной отдачей.

— Надо поднять весла и плыть по ветру, — прокричал Блэксорн.

— Может быть, но не сейчас. Где твои конджоне, англичанин?

— Там, где им следует быть, ей-Богу, и где я хочу, чтобы они оставались.

Оба понимали, что если бы они повернули на ветер, они никогда бы не выплыли против него, так как прилив и ветер отнесут их от укрытия и вынесут в море. А если бы они плыли по ветру, прибой и ветер тоже относили бы их от убежища дальше в море, как и в первом случае, но только быстрее. На юге были большие глубины. На юге не было земли на тысячи миль, а если вы неудачник, то и на тысячу лиг.

Они были привязаны к нактоузу спасательными веревками, и это было очень хорошо, потому что палуба качалась с кормы на нос и с боку на бок. Они висели также и на планширах, как бы сидя верхом.

Все-таки вода в корабль не попадала. Он был сильно нагружен и шел, сидя в воде гораздо глубже, чем когда-либо. Родригес подготовился соответствующим образом в часы ожидания. Все было задраено, люди предупреждены. Хиро-Мацу и Ябу сказали, что они некоторое время побудут внизу, а потом придут на палубу. Родригес пожал плечами и ясно сказал им, что это будет очень опасно. Он был уверен, что они не поняли.

— Что они будут делать? — спросил Блэксорн.

— Кто знает, англичанин? Но они не будут вопить от страха, в этом ты можешь быть уверен.

В кокпите главной палубы с усилием трудились гребцы. Обычно на каждом весле было по два гребца, но Родригес приказал поставить троих, чтобы увеличить усилие, безопасность и скорость. Остальные ждали в трюме, чтобы сменить гребцов, когда он отдаст приказ. На фордеке следил за греблей старший над гребцами, его отбивание такта было медленным, в соответствии с ритмом волн. Галера все еще двигалась вперед, хотя каждый раз качка казалась все более сильной и возвращение в горизонтальное положение все более медленным. Потом шквалы стали более неравномерными и сбили старшину гребцов с ритма.

— Смотреть вперед! — Блэксорн и Родригес прокричали это в одно и то же мгновение. Галера сильно накренилась, двадцать весел ударились о воздух вместо волн, и на борту начался хаос. Ударил первая сильная волна, и орудийный планшир был смыт. Они стали спотыкаться.

— Идем вперед, — приказал Родригес. — Пусть они уберут половину весел с каждой стороны. Мадонна, быстрее, быстрее!

Блэксорн знал, что без спасательных линий он легко мог быть смыт за борт. Но весла необходимо было положить на палубе, иначе бы они были потеряны.

Он развязал узел и устремился по вздымающейся грязной палубе, потом вниз по коротким мосткам на главную палубу. Галера резко отклонилась от курса, и его пронесло вниз, ноги его отпихивали гребцы, которые также развязали свои спасательные веревки и пытались выполнить приказ и положить весла. Планшир был под водой, и одного моряка несло за борт. Блэксорн понял, что его тоже несет. Он ухватился рукой за планшир, почувствовал, как растягивается сухожилие, но держался, потом другой рукой уцепился за поручень и, оглушенный, подтянулся обратно. Ноги почувствовали палубу, и он встряхнулся, благодаря Богу, и подумал, что ушла его седьмая жизнь. Альбан Карадок всегда говорил, что хороший кормчий похож на кошку, за исключением того, что кормчий живет по крайней мере десять жизней, в то время как кошка удовлетворяется девятью.

Моряк был у его ног, и он вытащил его из объятий моря, держал его, пока тот не оказался в безопасности, потом помог ему занять его место. Он обернулся назад, на ют, чтобы обругать Родригеса, который выпустил штурвал из рук. Родригес махнул, показал рукой и что-то прокричал, но крик был поглощен шквалом. Блэксорн заметил, что их курс изменился. Теперь они шли почти против ветра, и он знал, что это отклонение было намеренным. «Мудро, — подумал он. — Это даст нам время для того, чтобы организовать по-другому, но этот негодяй мог бы предупредить меня. Мне не нравится без необходимости терять людей».

Он махнул рукой в ответ и бросился на перераспределение гребцов.

Вся гребля прекратилась, за исключением двух весел впереди, которые держали их строго против ветра. Знаками и воплями Блэксорн заставил всех поднять весла в лодку, удвоил число гребущих и опять перешел на корму. Люди держались стойко, и хотя некоторые из них очень ослабли, они оставались на местах и ждали приказов.

Бухта была близко, но все еще казалась на расстоянии в миллион лиг. На северо-востоке небо было темным. Дождь хлестал, порывы ветра усилились. На «Эразмусе» Блэксорн не имел бы оснований для беспокойства. Они легко добрались бы до гавани и могли бы спокойно повернуть на нужный курс. Его корабль был построен и укреплен для любой бури. А эта галера нет.

— Что ты думаешь делать, англичанин?

— Ты будешь делать что захочешь, что бы я ни думал, — прокричал он против ветра. — Но корабль не выдержит, и мы пойдем ко дну как камень, а в следующий раз, когда я пойду вперед, скажи мне, если ты соберешься поставить корабль против ветра. Лучше спокойно поставь корабль по ветру, пока я не привяжусь, и тогда мы оба доберемся до порта.

— Это была рука Бога, англичанин. Волны бросили корму задом наперед.

— Это чуть не отправило меня за борт.

— Я видел.

Блэксорн измерил их дрейф.

— Если мы останемся на этом курсе, мы никогда не вернемся в бухту. Мы пройдем в миле или более от мыса.

— Я хочу остаться на курсе против ветра. Потом, когда подойдет нужный момент, мы попытаемся добраться до берега. Ты умеешь плавать?

— Да.

— Хорошо. А я никогда не учился. Слишком опасно. Лучше утонуть быстро, чем медленно, да? — Родригес непроизвольно поежился. — Святая Мадонна, защити меня от водной могилы! Этот сучий потрох, проститутка, наш корабль, собирается попасть в гавань сегодня вечером. Ты тоже. Мой нос говорит, если мы повернем и поднажмем, то будем сбиваться с курса. Мы к тому же слишком перегружены.

— Нужно облегчить корабль. Сбрось груз за борт.

— Князь Лизоблюд никогда не согласится. Он должен прибыть с грузом или вообще не приплывать.

— Спроси его.

— Мадонна, разве ты глухой? Я же тебе сказал! Я знаю, что он не согласится, — Родригес подошел поближе к рулевому и проверил, понял ли тот, что нужно держать точно против ветра.

— Следи за ними, англичанин. Ты должен вести судно. — Он развязал свой страховочный линь и спустился по трапу, уверенно ступая. Гребцы внимательно следили за ним, пока он шел к капитану-сан на палубу полуяута, чтобы объяснить ему

знаками и словами план, который он наметил. Хиро-Мацу и Ябу поднялись на палубу. Капитан-сан объяснил этот план им. Оба они были бледны, но спокойны, их не тошнило. Они посмотрели сквозь дождь в сторону берега, пожали плечами и спустились обратно вниз.

Блэксорн смотрел на вход в порт. Он знал, что план опасен. Они должны были ждать, пока не пройдут точно за ближайший мыс, потом им нужно уйти от ветра, повернуть к северу и бороться за свои жизни. Парус им не поможет. Они должны рассчитывать только на свои силы. Южная сторона бухты была вся в камнях и рифах. Если они ошибутся во времени, то потерпят аварию и будут выброшены на берег.

— Англичанин, иди вперед!

Родригес поманил его к себе.

Он прошел вперед.

— А что ты думаешь, если поставить парус? — прокричал Родригес.

— Нет. Это больше повредит, чем поможет.

— Тогда оставайся здесь. Если капитан не справится с барабаном или мы его лишимся, ты займешь его место. Хорошо?

— Я никогда не плавал на таких кораблях — я никогда не командовал гребцами. Но я попытаюсь.

Родригес посмотрел в сторону земли. Мыс появлялся и исчезал в пелене дождя. Скоро он сможет попытаться. Волны становились все больше, и на гребнях уже появились срывающиеся с них буруны. Течение между мысами казалось дьявольски быстрым. «Проход здесь не получится», — подумал он и решил.

— Иди на корму, англичанин. Возьми штурвал. Когда я подаю сигнал, иди на восток-северо-восток к этой точке. Ты видишь ее?

— Да.

— Не мешкай и держи этот курс. Внимательно следи за мной. Этот знак обозначает круто на левый борт, этот — круто на правый, а этот — так держать.

— Очень хорошо.

— Поклянись Святой Девой, что ты будешь ждать моих приказов и будешь их выполнять?

— Ты хочешь, чтобы я взял штурвал, или нет?

Родригес знал, что он в западне.

— Я должен доверять тебе, англичанин, а мне не хочется доверять тебе. Иди на корму, — сказал он. Он увидел, что Блэксорн понял, что у него на уме, и ушел. Потом он передумал и позвал его: — Эй ты, надменный пират! Иди с Богом!

Блэксорн повернулся назад и с благодарностью произнес:

— Ты тоже, испанец!

— Ссать я хотел на всех испанцев, и да здравствует Португалия!

— Так держать!

* * *

Они пришли в гавань, но без Родригеса. Его смыло за борт, когда порвался страховочный линь.

Корабль был близок к спасению, когда с севера налетела огромная волна, и хотя до этого начерпали много воды и уже потеряли японского капитана, сейчас их захлестнуло и отбросило к скалистому берегу.

Блэксорн видел, как унесло Родригеса, как он задыхался и боролся со вспененным морем. Шторм и прилив отнесли корабль далеко в южную часть бухты, почти на скалы, и все на борту знали, что корабль погиб.

Как только Родригеса смыло, Блэксорн бросил ему деревянный спасательный круг. Португалец бросился к нему, молотя руками по воде, но тот был недостижим. Сломанное весло ткнулось в Родригеса, и он вцепился в него. Хлынул такой сильный дождь, что последнее, что видел Блэксорн, — это как рука Родригеса сжимала сломанное весло и точно над ними прибой, бьющий об изрезанный берег. Он мог нырнуть с борта, и плыть к нему, и спасти, может быть, было время, но его первой обязанностью было быть с кораблем, и последней его обязанностью было быть с кораблем, а корабль был в опасности.

Поэтому он повернулся спиной к Родригесу.

Волна смыла нескольких гребцов, другие пытались занять их места за веслами. Один из матросов смело отвязал свой страховочный линь. Он прыгнул на палубу полуяота, привязался и возобновил барабанную дробь. Старший запел, задавая ритм, гребцы пытались установить порядок в гребле среди этого хаоса.

— Исоги! — закричал Блэксорн, вспомнив слово. Он всем весом навалился на штурвал, ставя нос против ветра, потом подошел к поручням и, пытаясь ободрить команду, начал отсчитывать: — Раз-два, раз-два. Ну, вы, мерзавцы, давай!

Галера была на камнях, по крайней мере камни были точно за кормой, с левого борта и с правого борта. Весла опускались и толкали галеру, но она пока еще не двигалась, ветер и прилив сопротивлялись, заметно оттаскивая ее назад.

— Ну, давай, мерзавцы! — снова прокричал Блэксорн, — его руки отбивали ритм.

Сначала они сопротивлялись морю, потом победили его.

Корабль сдвинулся со скал. Блэксорн держал курс на подветренный берег. Скоро они были в более спокойном месте. Ветер тут был еще силен, но преодолим. Здесь еще свирепствовала буря, но они уже были не в море.

— Отдать правый якорь!

Никто не понял его слов, но все моряки знали, что нужно делать. Они бросились выполнять его приказание. Якорь с плеском погрузился в воду. Он дал кораблю немного пройти, чтобы проверить, тверд ли морской грунт, моряки и гребцы поняли его маневр.

— Отдать левый якорь!

Когда корабль оказался в безопасности, он оглянулся на корму.

Резко очерченная береговая линия была едва видна сквозь дождь. Он оглядел море и прикинул свои возможности.

«Португальский журнал внизу, полузатопленный. Я могу довести судно до Осаки. Я могу привести его обратно в Анджиро. Но будут ли они правы, не выполняя моих приказаний? Я не слушался Родригеса. Я был на юте. Один».

— Правь на юг, — прокричал Родригес, когда ветер и прилив несли их в опасной близости к скалам. — Поворачивай и иди по ветру!

— Нет! — прокричал Блэксорн в ответ, веря, что их единственный шанс — попытаться попасть в гавань и что в открытом море они будут залиты водой. — Мы можем пройти туда!

— Разрази тебя Господь. Ты убьешь всех нас!

«Но я никого не убил, — подумал Блэксорн. — Родригес, ты знал и я знал, что это была моя обязанность решать — если бы там было время решать. Я был прав. Корабль спасен. Остальное не имеет значения».

Он поманил к себе моряка, который бросился с полуяота. Оба рулевых были ранены, их руки и ноги были почти вырваны из суставов. Гребцы были подобны трупам, беспомощно упавшим на свои весла. Другие с трудом поднимались снизу на палубу, чтобы помочь им. Хиро-Мацу и Ябу, оба сильно пострадавшие, были выведены на палубу, но, ступив на нее, оба даймё сразу стали прямо.

— Хай, Анджин-сан? — спросил моряк.

Он был среднего возраста, с крепкими белыми зубами и широким обветренным лицом. Свежий синяк красовался у

него на щеке в том месте, где волна ударила его о планшир.

— Ты вел себя очень хорошо,— сказал Блэксорн, не заботясь о том, что его слова не будут поняты. Он знал, что его тон говорит сам за себя, так же как и его улыбка.— Да, очень хорошо. Ты теперь капитан-сан. Вакаримас? Ты! Капитан-сан!

Человек уставился на него с открытым ртом, потом поклонился, чтобы скрыть удивление и радость.

— Вакаримас, Анджин-сан. Хай. Аригато годзиемашита.

— Слушай, капитан-сан,— сказал Блэксорн.— Дай морякам поесть и выпить. Горячей пищи. Мы останемся здесь на ночь.— Знаками Блэксорн добился, чтобы тот понял.

«Хотел бы я говорить на вашем варварском языке,— подумал он с удовольствием.— Тогда я мог бы поблагодарить тебя, Анд-жин-сан, за спасение корабля и вместе с кораблем жизни нашего господина Хиро-Мацу. Ваше могущество дает нам все новые силы. Без вашего искусства мы бы погибли. Ты, может быть, и пират, но ты великий моряк, и пока ты кормчий, я буду слушаться тебя во всем. Я недостойн быть капитаном, но я попытаюсь заслужить твое доверие».

— Что ты хочешь, чтобы я делал дальше? — спросил он.

Блэксорн огляделся по сторонам. Морского дна не было видно. Он мысленно взял пеленги и, когда убедился, что якоря держат и море неопасно, сказал:

— Спусти ялик. И возьми хорошего рулевого.

Опять словами и знаками Блэксорн добился, чтобы его поняли.

Ялик был спущен и подготовлен мгновенно.

Блэксорн подошел к планширу и собирался спуститься с борта в шлюпку, но хриплый голос остановил его. Он огляделся. Там стоял Хиро-Мацу, сбоку от него Ябу. У старика были сильно ушиблены шея и плечи, но он все равно держал свой длинный меч. У Ябу текла кровь из носа, лицо было ушиблено, кимоно в пятнах крови, и он пытался остановить кровотечение небольшим лоскутом. Оба были бесстрастны, казались нечувствительными к своим травмам и холодному ветру.

Блэксорн вежливо поклонился:

— Хай, Тода-сама?

Снова раздалась хриплая речь, старик указал на ялик своим мечом и покачал головой.

— Там Родригес-сан! — ответил Блэксорн, показав на южный берег.— Я поеду искать!

— Ие! — Хиро-Мацу опять покачал головой и долго говорил, очевидно, отказывая ему в разрешении из-за опасности.

— Я кормчий этого сучьего корабля, и если я хочу на берег, то я еду на берег,— Блэксорн продолжал говорить очень вежливо, но твердо, и было очевидно, что он имеет в виду.— Я знаю, что ялик не продержится на такой волне! Хай! Но я собираюсь попасть на берег — вон туда. Тогда Хиро-Мацу, вы видите это место? К той маленькой скале. Потом я собираюсь обойти вокруг полуострова. Я не тороплюсь умереть, и мне некуда теперь бежать. Я хочу найти тело Родригес-сана.— Он поднял ногу над бортом. Меч немного выдвинулся из ножен. Поэтому он тут же замер. Но его взгляд был прежним, лицо спокойно.

Хиро-Мацу стоял перед дилеммой. Он мог понять, что пират хочет найти тело Родригеса, но плыть было опасно, опасно было даже идти пешком, а господин Торанага велел привезти чужеземца в целостности и сохранности, что он и собирался сделать. Но было столь же ясно, что собирался сделать этот человек.

Он видел его в разные периоды шторма, стоящего посреди хренящейся палубы как дьявольский дух моря, бесстрашного, и мрачно думал, что лучше встретиться с этим чужеземцем и всеми чужеземцами, подобными ему, на земле, где можно иметь с ними дело на равных. На море они не в нашей власти.

Он мог видеть, что пират терял терпение. «Как они невежливы,— сказал он себе.— Даже при этом мне следует поблагодарить тебя. Все говорят, он один привел судно в гавань, что Родригес растерялся и повел нас от земли, и мы бы наверняка утонули, и тогда бы я провинился перед моим господином. О, Будда, защити меня от этого!»

Все его суставы болели, гемморрой воспалился. Он был измучен попыткой стойчески держаться перед своими людьми, Ябу, командой, даже этим чужеземцем. «О, Будда, я так устал. Я хочу, чтобы я мог лечь в ванну, и отмокать, и отмокать, и иметь один день на отдых от боли. Только один день. Оставь свои глупые женские мысли! Ты все время испытываешь боль. Вот уже почти шестьдесят лет. Что такое боль для мужчины? Привилегия! Скрывать боль — показатель мужества. Спасибо Будде, ты пока еще жив, чтобы защитить своего господина, хотя уже мог быть мертвым сто раз. Я должен благодарить Будду.

Но я ненавижу море. Я ненавижу холод. И я ненавижу боль».

— Стой где стоишь, Анджин-сан,— сказал он, показывая для ясности своим мечом, мрачно наслаждаясь ледяной голубиной огня в глазах этого человека.

Когда он убедился, что кормчий его понял, он глянул на матроса.

— Где мы? Это чье владение?

— Я не знаю, сэр. Я думаю, мы где-то в провинции Изу. Мы могли бы послать кого-нибудь на берег в ближайшую деревню.

— Ты можешь провести нас в Осаку?

— При условии, что мы будем плыть близко к берегу, господин, медленно и с большой осторожностью. Я не знаю этих вод и не могу гарантировать вашу безопасность. У меня нет нужных знаний, и на борту нет никого, кто бы их имел, господин. За исключением этого чужеземца. Если бы это зависело от меня, я бы посоветовал вам спуститься на берег. Мы могли бы достать для вас лошадей или паланкин.

Хиро-Мацу раздраженно покачал головой. Сойти на берег для него было неприемлемо. Это заняло бы слишком много времени — путь шел через горы, а дорог было мало, и следовало идти через многие территории, контролируемые сторонниками Ишидо, врага. Кроме этой опасности, там было много бандитских групп, которые занимали перевалы. Это означало, что он должен был бы взять всех своих людей. Конечно, он мог бы с боями пройти весь этот путь через территории, занятые бандитами, но он никогда бы не смог пробиться, если бы Ишидо или его союзники решили заблокировать его. Все это задержало бы его, а у него был приказ доставить груз, чужеземцев и Ябу быстро и безопасным способом.

— Если мы пойдем берегом, сколько это займет времени?

— Я не знаю, господин. Четыре или пять дней, может быть, и больше. Я не уверен в себе, я не капитан, так что прошу прощения.

«Это значит,— подумал Хиро-Мацу,— что я должен сотрудничать с этим чужеземцем. Чтобы не дать ему сойти на берег, я должен был бы связать его. И кто знает, будет ли он сотрудничать, если его связать?»

— Сколько времени мы должны оставаться здесь?

— Кормчий сказал, до утра.

— Шторм к тому времени кончится?

— Наверное, господин, но этого никто и никогда не знает.

Хиро-Мацу посмотрел на гористый берег, потом на штурмана, колеблясь.

— Могу я высказать предположение, Хиро-Мацу-сан? — спросил Ябу.

— Да, да. Конечно,— сказал тот раздраженно.

— Как мы видим, для того, чтобы попасть в Осаку, нам нужна помощь пирата, так почему бы не отпустить его на берег, но послать с ним человека, чтобы защитить его, и приказать им вернуться до темноты. Что касается пути по суши, я согласен, что это было бы слишком опасно для вас — я бы никогда себе не простил, если бы что-нибудь случилось с вами. Как только шторм кончится, вам будет безопаснее плыть на корабле, и вы окажетесь в Осаке намного быстрее, не так ли? Наверняка к завтрашнему вечеру.

Хиро-Мацу неохотно кивнул.

— Очень хорошо.— Он подозвал самурая.— Такаташи-сан! Возьми шесть человек и отправляйся со штурманом. Привези обратно тело португальца, если вы его найдете. Но если пострадает хоть одна ресница этого чужеземца, ты и твои люди немедленно совершат сеппуку.

— Да, господин.

— Пошли двух человек в ближайшую деревню и узнай точно, где мы и на чьих землях.

— Да, господин.

— С вашего позволения, Хиро-Мацу-сан, я поведу на берег этот отряд,— сказал Ябу.— Если мы прибудем в Осаку без пирата, я буду так опозорен, что буду вынужден покончить с собой. Мне хотелось бы удостоиться чести выполнять ваши приказы.

Хиро-Мацу кивнул, внутренне удивленный, что Ябу сам сунился в такое опасное дело. Он спустился в трюм.

Когда Блэксорн понял, что Ябу собирается с ним на берег, сердце его забило чаще. «Я никогда не забуду Пьетерсуна, или мою команду, или этот погреб — ни крики, ни Оми, ничего из этого. Опасайся за свою жизнь, негодяй!»

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ные рифы, измеряя пеленги, его ум фиксировал детали, важные для будущего описания.

Их путь шел сначала вдоль покрытого галькой берега, потом короткое карабкање по выглаженному морем скалам на тропинку, которая окаймляла утес и причудливо тянулась вокруг мыса с южной его стороны. Дождь прекратился, но ветер продолжал дуть. Чем ближе они подходили к открытому участку, тем выше был прибой, обрушивавшийся вниз на скалы, вода каплями стояла в воздухе. Вскоре они промокли.

Хотя Блэксорну было холодно, Ябу и остальные, которые были только в легких кимоно, небрежно заткнутых за пояс, казалось, не чувствовали холода или сырости. Он подумал, что Родригес прав, и его страх вернулся. Японцы устроены не так, как мы. Они не чувствуют холода или голода, ран или ударов, как мы. Они больше похожи на животных, их нервы притуплены по сравнению с нашими.

Утес вздымался на двести футов. Берег был в пятидесяти футах внизу. Вокруг были одни горы. Не видно было никакого жилья. Прибрежная галька переходила в утесы, гранитные скалы с редкими деревьями на вершинах.

Тропинка нырнула вниз и поднялась по передней части утеса — очень опасный путь, с ровной поверхностью. Блэксорн тащился, наклоняясь против ветра, и заметил, как сильны и мускулисты ноги у Ябу. «Ползи, сукин сын, — думал он. — Ползи, свалишься на скалы вниз. Заставит ли это тебя закричать? Что заставит тебя закричать?»

Напряжением воли он отвел глаза от Ябу и вернулся к обследованию берега. Каждой трещины и расщелины. Ветер с пеной

Они быстро достигли земли. Блэксорн собирался править лодкой, но Ябу занял место рулевого и задал быстрый темп, который он выдерживал с трудом. Другие шесть самураев внимательно следили за ним. «Я никуда не сбегу, глупцы», — думал он, не понимая их сосредоточенности, в то время как глаза его автоматически рыскали по всем направлениям, отыскивая мели или спрятан-

налетал порывами и выбивал слезы из глаз. Волны неслись, кружась и образуя водовороты. Он знал, что почти нет надежды найти Родригеса, — слишком много пещер и укромных мест, которые никогда не удастся осмотреть. Но он сошел на берег, чтобы попытаться. Он должен сделать для Родригеса такую попытку. Все кормчие безнадежно молятся о смерти и захоронении на берегу. Все они видели в море слишком много раздутых, полуобъеденных и изуродованных крабами трупов.

Они обогнули мыс и с удовольствием остановились в затишье. Идти дальше не было необходимости. Если тела не было на подветренном берегу, то оно было затеряно, или ушло под воду, или было унесено в открытое море, на глубину. На расстоянии в полмили на пенящемся берегу приютилась рыбацкая деревушка. Ябу подозвал двух самураев. Они тут же поклонились и вприпрыжку побежали в сторону деревни. Последний обзор окрестностей, потом Ябу вытер дождь с лица, взглянул на Блэксорна и поманил его. Блэксорн кивнул, и они снова двинулись.

Потом, возвращаясь обратно, они увидели Родригеса.

Тело застряло в расщелине между большими камнями, выше прибоя, но частично омывалось им. Одна рука была вытянута вперед. Другая все еще сжимала сломанное весло, которое слабо двигалось под действием прибоя и течения. Это движение и привлекло внимание Блэксорна, когда он боролся с ветром, устало тащась вслед за Ябу.

Единственный путь вниз был по невысокому утесу. Карабаться предстояло всего пятьдесят или шестьдесят футов, но это было точно по прямой вниз и почти без зацепок для ног и рук.

«А как прилив? — спросил себя Блэксорн. — Вода поднимается, а не убывает. Она опять вынесет его в море. Боже, это, кажется, уж слишком подло. Как быть?»

Он подошел ближе к краю, и Ябу немедленно встал у него на дороге, качая головой, и другой самурай тоже подошел к нему.

— Я только попробую получить разглядеть, ради Бога, — сказал он. — Я не пытаюсь убежать. Куда, к черту, я могу здесь убежать?

Он отступил немного и наклонился. Они проследили за его взглядом и затараторили. Ябу говорил больше всех.

«Надежды никакой, — решил он. — Это слишком опасно. На рассвете мы вернемся сюда с веревками. Если он будет здесь, то я похороню его на берегу». Нехотя он повернулся, и как только он сделал это, край утеса обрушился, и он начал падать. Ябу и

остальные тут же схватили его и вытащили назад, и он сразу понял, что они думали только о его безопасности. «Они только пытались защитить меня!»

«Почему они хотят, чтобы я уцелел? Из-за Тора... как его там? Торанаги? Из-за него? Да, но также, может быть, и потому, что на борту нет никого, кто мог бы вести корабль. Вот поэтому они дали мне сойти на берег. Да, это, должно быть, так. Так что теперь я имею власть над этим кораблем, над этим старым даймё и над этим негодяем. Как мне воспользоваться всем этим?»

Он высвободился и поблагодарил их, его глаза устремились вниз.

— Мы должны попробовать достать его, Ябу-сан. Единственный путь — здесь. Через этот утес. Я достану его, Ябу-сан, сам, я, Анджин-сан!

Он снова подался вперед, как если бы собирался спуститься вниз, и опять они удержали его, и он сказал с притворной обеспокоенностью:

— Мы должны достать Родригес-сан. Смотри! Времени немного, темнеет.

— Ие, Анджин-сан,— сказал Ябу.

Он стоял, нависая над Ябу.

— Если ты не позволяешь мне идти, Ябу-сан, тогда пошли одного из своих людей. Или иди сам. Ты!

Ветер метался вокруг них, воя перед утесом. Он увидел, что Ябу поглядел вниз, прикидывая, как спуститься по утесу и сколько осталось светлого времени, и понял, что тот поддается. «Ты попался, негодяй, твое чванство погубило тебя. Если ты начнешь спускаться, ты покалечишься. Но, пожалуйста, не убивай себя, только сломай себе лодыжку или колено, а потом утопись».

Самурай начал спускаться вниз, но Ябу приказал ему вернуться.

— Вернись на корабль. Принеси немедленно несколько веревок,— приказал он. Человек убежал.

Ябу скинул свои сандалии, сплетенные из кожаных ремней. Он снял мечи и надежно укрыл их.

— Следи за ними и чужеземцем. Если что-нибудь случится, я посажу тебя на твои собственные мечи.

— Пожалуйста, дайте мне спуститься, Ябу-сама,— сказал Такаташи.— Если вы пострадаете или потеряетесь, я буду...

— Ты думаешь, ты сможешь пробраться там, где мне не удастся?

— Нет, господин, конечно, нет.

— Хорошо.

— Пожалуйста, подождите тогда веревок. Я никогда не прошу себе, если с вами что-то случится.— Такаташи был низенький и полный, с густой бородой.

«Почему не подождать веревок? — спросил себя Ябу.— Это имело бы смысл.— Он взглянул на чужеземца и коротко кивнул. Он знал, что получил вызов. Он ожидал и надеялся, что это произойдет.— Вот почему я вызвался на это дело, Анджин-сан,— сказал он себе, молча развлекаясь.— Вы действительно очень просты, Оми был прав».

Ябу скинул свое промокшее кимоно и, одетый в одну набедренную повязку, подошел к краю утеса и пощупал его подошвами своих хлопчатобумажных таби. «Лучше не снимать их»,— подумал он. Его воля и тело, закаленные жизнью, которую ведут самураи во время подготовки, преодолевали холод. Таби позволяли более твердо опираться — какое-то время. «Тебе потребуются все твои силы и искусство, чтобы спуститься туда живым. Стоит ли?»

Во время шторма и попытки пробиться в бухту он выходил на палубу и, не замеченный Блэксорном, занимал место на веслах. Он с радостью работал наравне с гребцами, ненавидя и запах внизу, и боль, которую он чувствовал. Он решил, что лучше умереть на воздухе, чем задохнуться в трюме.

Сидя вместе с другими на подгоняющем их холоде, он начал следить за кормчими. Он ясно увидел, что на море корабль и все на его борту были во власти этих двух людей. Кормчие были в своей стихии, расхаживая по качающейся палубе так же небрежно, как сам он ездил на галопирующей лошади. Ни один японец на борту не смог бы быть как они. Ни по умению, ни по мужеству, ни по знаниям. И постепенно это понимание переросло в удивительную концепцию: современный корабль чужеземцев, заполненный самураями, управляемый самураями, с капитаном-самураем, с моряками-самураями. Его самураями.

«Если я сначала достану три корабля чужеземцев, я смогу легко контролировать морские пути между Эдо и Осакой. Базируясь в Изу, я могу держать все судоходство в своих руках. Почти весь рис и весь шелк. Не буду ли я тогда судьей между Торанагой и Иппидо? Или, на худой конец, уравнивать их?»

Ни один даймё никогда не выходил в море.

Ни один даймё не имел судов или кормчих.

За исключением меня.

Я имею судно, имел судно, и теперь оно снова будет моим, судно снова — если окажусь достаточно умен. У меня есть кормчий, и следовательно, учитель кормчих, если я смогу забрать его у Торанаги. Если я смогу командовать им.

Если он станет моим вассалом добровольно, он будет учить моих людей. И строить корабли.

Но как сделать из него преданного вассала? Яма не сломила его дух.

Сначала отделить его от остальных и держать его одного — разве не так советовал Оми? Тогда он будет обучен хорошим манерам и выучится говорить по-японски. Да. Оми умный человек. Может быть, даже слишком умный, — я подумаю об Оми позже. Сконцентрируюсь на кормчем. Как управлять чужеземцем-христианином-дерьмеедом?

Что сказал Оми? «Они ценят жизнь. Это их главное божество. Иисус Христос учит их любить друг друга и ценить жизнь». Могу я вернуть ему обратно его жизнь? Спасти ее, да, это будет очень хорошо. Как согнуть его?»

Ябу был так поглощен своими мыслями, что почти не замечал движения корабля и волн. Волна обрушилась на него. Он увидел, как она накрыла и кормчего. Но у того не было и тени страха. Ябу был поражен. Как мог человек, который смиренно позволил врагу мочиться себе на спину, чтобы спасти жизнь мелкого вассала, как мог этот человек иметь силы забыть такое огромное бесчестие и стоять там на юте, бросая вызов всем богам моря, подобно легендарному герою, — чтобы спасти тех же самых врагов? И потом, когда громадная волна смыла португальца и они попали в такое трудное положение, Анджин-сан удивительным образом смеялся над смертью и дал им силы стянуть судно со скал.

«Я никогда не пойму их», — подумал он.

На краю утеса Ябу оглянулся последний раз.

«Ах, Анджин-сан, я знаю, ты думаешь, я иду на смерть, ты подловил меня. Я знаю, ты бы сам туда не полез. Я внимательно следил за тобой. Но я вырос в горах, здесь, в Японии, мы лазим по горам ради удовольствия и из-за гордости. Так что я поставил себя теперь в мои условия, а не в твои. Я попытаюсь, и если я умру, то это неважно. Но если мне все удастся, тогда ты, как мужчина, поймешь, что я лучше тебя. Ты будешь у меня в долгу тоже, если я принесу тело обратно.

Ты будешь моим вассалом, Анджин-сан!»

Он с большим искусством спускался вниз по боковой стороне скалы. На полпути вниз он поскользнулся. Его левая рука

задержалась на выступе камня. Это остановило его падение, и он повис между жизнью и смертью. Его пальцы глубоко впивались в землю, в то же время он чувствовал, что его захват не держит, и вжимал кончики пальцев в расщелину, ища другую зацепку. Когда его левая рука соскочила, кончики пальцев ноги нашли расщелину и зацепились, он отчаянно держался за утес, все еще не находя равновесия, прижимаясь к нему и ища зацепку. Потом опора для кончиков пальцев исчезла. Хотя он сумел ухватиться за другой выступ обеими руками, десятью футами ниже, и на мгновение повис на нем, этот выступ тоже не удержал его. Остальные двадцать футов он падал.

Он приготовился к падению как мог, и приземлился на ноги, как кошка, кувыркаясь по наклонной поверхности скалы, чтобы смягчить удар. Он обхватил ободранными руками голову, защищаясь от каменной лавины, которая могла пойти за ним. Но камни не посыпались. Он покачал головой, чтобы отряхнуться, и встал. Одно колено было вывихнуто. Жгучая боль прострелила от ног до внутренностей, и его прошиб пот. Подошвы и ногти кровоточили, но к этому он был готов.

«Боли нет. Ты не будешь чувствовать боли. Стой прямо. Чужеземец наблюдает за тобой».

Струя брызг окатила его, холод помог преодолеть боль. С большой осторожностью он проскользнул по облепленным морскими водорослями камням, пробрался через расщелины и оказался у тела.

Внезапно Ябу понял, что этот человек все еще живой. Он еще раз удостоверился в этом, потом на мгновение присел. «Нужен ли он мне живым или мертвым? Что лучше?»

Краб поспешно выскочил из-под камня и бултыхнулся в воду. Волны обрушились на него. Он чувствовал, что соль разъедает его раны. Что лучше, живой или мертвый?

Он осторожно поднялся и прокричал:

— Таката-сан! Этот кормчий все еще жив! Отправляйся на корабль, принеси носилки и позови доктора, если на корабле есть хоть один!

Ветер почти заглушил ответ Такатаси: «Да, господин».

Ябу посмотрел на галеру, мягко покачивающуюся на якорях. Другой самурай, которого он послал за веревками, был уже около яликов. Он следил, как человек прыгнул в один из них и отплыл. Тут он улыбнулся про себя и оглянулся. Блэксорн подошел к краю обрыва и что-то настойчиво кричал ему.

«Что он пытается сказать?» — спросил себя Ябу. Он увидел, что кормчий указывает на море, но не понял, что это означает

для него. Волны были крутые и очень высокие, но ничем не отличались от тех, что были прежде.

В конце концов Ябу перестал пытаться понять Блэксорна и обратил внимание на Родригеса. С трудом он вытащил его вверх на скалы, подальше от прибоя. Дыхание португальца было затрудненное, но сердце билось ровно. Ушибов было много. Расщепленная кость торчала из левой икры. Его правое плечо казалось смещенным. Ябу поискал, нет ли где кровотечения, но не нашел. «Если нет внутренних повреждений, тогда он, может быть, и будет жить», — подумал он.

Даймё был ранен слишком много раз и видел слишком много умирающих и раненых, чтобы не иметь опыта в диагностике таких вещей. «Если Родригеса положить в тепло, — решил он, — дать sake, и лекарственных трав, и много теплых припарок, он будет жив. Может быть, он не будет снова ходить, но он будет жить. Да. Я хочу, чтобы этот человек выжил. Если он не сможет ходить, неважно. Может быть, это даже к лучшему, у меня будет запасной кормчий — этот человек, конечно, обязан мне жизнью. Если пират не захочет сотрудничать, я смогу использовать этого человека. Может, стоит притвориться христианином — это привлечет их ко мне?»

А что бы сделал Оми?

Этот человек умен — Оми. Да. Слишком умен? Оми слишком многое и слишком быстро видит. Если он дальновидный, он должен понять, что его отец станет вождем клана, если я исчезну — мой сын слишком неопытен пока, чтобы выжить одному, — а после отца Оми сам станет вождем клана. Так?

Что делать с Оми?

Скажем, я отдам Оми чужеземцам? Как игрушку?

Что тогда?»

Сверху донеслись тревожные крики. Тогда он понял, на что указывает чужеземец. Прилив! Прилив наступал очень быстро. Он уже захватывал его скалу. Он вскарабкался повыше и поморщился, когда боль молнией пронзила колено. Он увидел, что отметки прибоя над основанием скалы были выше человеческого роста.

Он посмотрел на ялик. Тот был около корабля. По берегу все еще быстро бежал Такатаси. Веревки вовремя не принесут, сказал он себе.

Его глаза внимательно осмотрели местность. Вверх на утес пути не было. Убежища в скалах не было. Никаких пещер. В море были выходы скал, но до них нельзя было добраться. Плавать он не умел, и нечего было использовать как плот.

Люди наверху следили за ним. Чужеземец показал на скалы в море и сделал движения, как будто плавая, но он покачал головой. Он снова все внимательно осмотрел. Ничего.

«Выхода нет, — подумал он. — Теперь ты умрешь. Готовься».

«Карма», — сказал он себе и отвернулся от них, устраиваясь более удобно, наслаждаясь великой истиной, пришедшей к нему. Последний день, последнее море, последний свет, последняя радость, последнее все. Как красиво море и небо, холод и соль. Он начал думать о последней песне-поэме, которую он сейчас по привычке сочинял. Он чувствовал себя счастливым. У него было время все хорошо обдумать.

Блэксорн кричал:

— Слушай, ты, сукин сын! Найди уступ — там должен быть где-нибудь уступ!

Самураи стояли у него на дороге, глядя на него как на сумасшедшего. Им было ясно, что выхода нет и что Ябу просто готовится к хорошей смерти, как сделали бы и они на его месте. И они относились к этому буйству чужеземца так, как они знали, относился бы к этому Ябу.

— Смотрите все вниз, все вы. Может быть, там есть какой-нибудь выступ!

Один из них подошел к краю обрыва и посмотрел вниз, пожал плечами и поговорил со своими товарищами, они тоже пожали плечами. Каждый раз, когда Блэксорн пытался подойти ближе к краю обрыва, чтобы найти способ спасти Ябу, они оставляли его. Он легко мог столкнуться одного из них и отправить на смерть, ему хотелось этого. Но он понимал их и их проблемы. Думай о том, как помочь этому негодяю. Ты должен спасти его, чтобы спасти Родригеса.

— Эй вы, дрянь, поганые япошки! Эй, Касиги Ябу! Не сдавайся. Сдаются только трусы! Ты человек или баран? — Но Ябу не обращал внимания. Он был так же неподвижен, как скала, на которой он сидел.

Блэксорн поднял камень и с силой бросил в него. Тот незамеченным ушел в воду, а самурай сердито закричал на Блэксорна... Он знал, что они в любой момент могут навалиться и связать его. Но как они это сделают? У них нет веревок.

«Веревки! Нужны веревки! Ты можешь их достать?»

Его глаза наткнулись на кимоно Ябу. Он начал рвать его, пробуя на прочность: то, что надо.

— Давай! — приказал он самураям, скидывая собственную рубашку. — Делайте веревки, ну?

Они поняли, быстро развязали пояса, сняли кимоно и последовали его примеру. Он начал связывать концы, используя также и пояса.

Пока они заканчивали с веревками, Блэксорн осторожно лег на землю и подвинулся к краю, заставив двух самураев держать его за лодыжки. Он не нуждался в помощи, просто хотел успокоить их.

Он высунул голову как можно дальше, понимая их беспокойство. После этого он стал осматриваться, как если бы смотрел в море. Участок за участком.

Все гладко. Ничего.

Еще раз.

Ничего.

Снова.

Что это? Как раз выше линии прилива? Это не трещина в утесе? Или тень? Блэксорн передвинулся, остро осознавая, что море почти покрыло скалу, на которой сидел Ябу, и почти все скалы за ним и основание утеса. Теперь он мог видеть лучше.

— Там! Что это?

Самурай встал на четвереньки и посмотрел за пальцем Блэксорна, вытянутым вперед, но ничего не увидел.

— Там! Это не выступ?

Руками он изобразил уступ и двумя пальцами показал человека, стоявшего на нем, и еще одним пальцем сделал длинный узел на плече человека, так что теперь человек стоял на уступе — этом уступе — еще с одним человеком на плече.

— Быстро! Исоги! Объясните это ему — Касиги Ябу-сама! Вакаримасу ка!

Самурай вскочил, быстро заговорил с другими, и они тоже посмотрели. Теперь они все увидели выступ. И начали кричать. От Ябу не было никакого отклика. Он казался похожим на камень. Они продолжали кричать, и Блэксорн почти кричал, но казалось, что никто не издавал ни звука.

Один из самураев коротко поговорил с другими, они все кивнули и поклонились. Внезапно с криком «Банзааай!» он бросился с утеса и полетел к своей смерти. Ябу с усилием вырвался из своего транса, повернулся вокруг и встал.

Другой самурай кричал и что-то показывал, но Блэксорн ничего не слышал и не видел, кроме разбитого тела внизу, уже увлекаемого морем. «Что это за люди? — думал он беспомощно. — Было ли это мужество или помешательство? Этот человек явно совершил самоубийство, без всякого шанса спа-

стись, чтобы привлечь внимание другого, который уже отказался от борьбы за жизнь. Это не имело смысла! Они не признавали смысла».

Он увидел, как Ябу, шатаясь, поднимается. Он ожидал, что тот полезет, оставив Родригеса. «А что бы сделал я? Я не знаю». Но Ябу наполовину полз, наполовину скользил, таща бесчувственного человека с собой через мелкие места, на которые накатывал прибой, к подножию утеса. Он нашел уступ, который был всего в один фут шириной. Чувствуя сильную боль, он втолкнул Родригеса на уступ, чуть не упав при этом, потом взгромоздился сам.

Веревка получилась короче на 20 футов. Самурай тут же добавили свои набедренные повязки. Теперь, если Ябу будет стоять, он достанет конец.

Несмотря на всю свою ненависть, Блэксорн восхищался мужеством Ябу. Полдюжины раз волны почти поглощали его. Дважды Родригес срывался, но каждый раз Ябу вытаскивал его. Где ты берешь мужество, Ябу? Или ты просто дьявол? Как и все вы?

Чтобы спуститься вниз на первую площадку, требовалось мужество. Сначала Блэксорн думал, что Ябу действует так из-за бравады, но вскоре понял, что человек бросил вызов скале и почти выиграл. Потом он разбился при падении так же сильно, как и любой упавший. И с достоинством отказался от борьбы.

«Боже мой. Я восхищаюсь этим негодяем и ненавижу его».

Почти час Ябу противостоял морю и своему обессиленному телу. В сумерках вернулся Такатаси с веревками. Они сделали люльку и спустились с утеса с искусством, о котором Блэксорн и не подозревал.

Тут же был поднят Родригес. Блэксорн попытался помочь ему, но японец с густыми волосами уже опустился около него на колени. Он смотрел, как этот человек, очевидно доктор, осматривал сломанную ногу. После этого самурай поддержал плечи Родригеса, пока доктор всем телом налег на ногу, и кость скользнула обратно в тело. Его пальцы ощупали и правильно поставили ее, после чего привязали к пшине. Он начал оборачивать вокруг раны травы, когда вытащили Ябу.

Даймё отказался от помощи, махнул рукой доктору, направив его к Родригесу, сел и стал ждать.

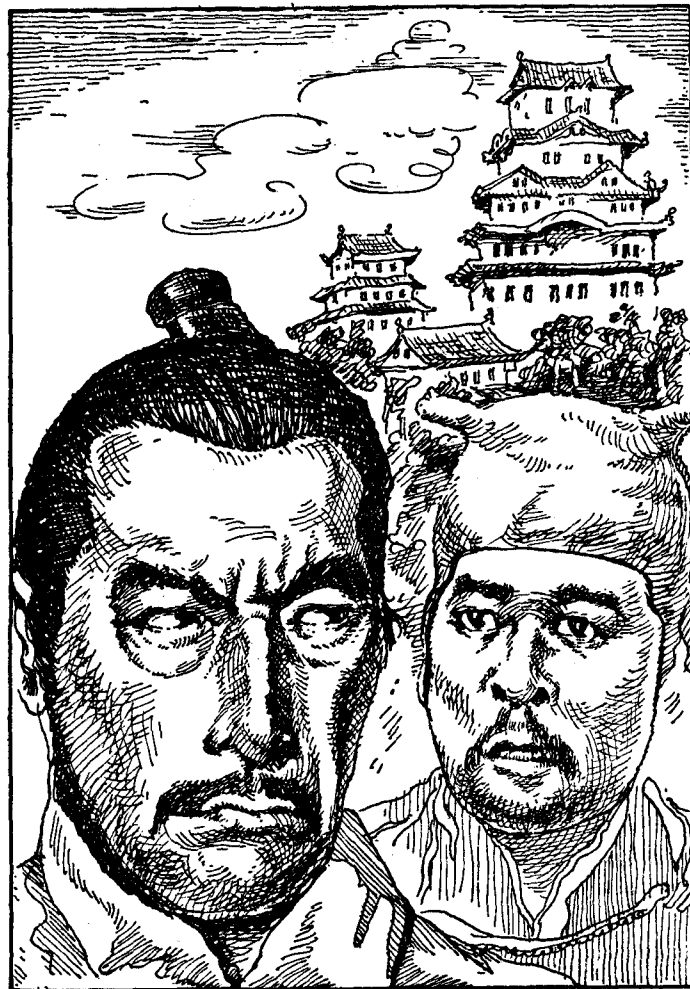
Блэксорн глядел на него. Ябу почувствовал его глаза. Два человека смотрели друг на друга.

— Спасибо,— сказал наконец Блэксорн, указывая на Родригеса.— Спасибо, что ты спас ему жизнь. Спасибо, Ябу-сан.— Он почтительно поклонился.— Это за твое мужество, ты, черноглазый сын дерьмовой проститутки.

Ябу чопорно ответил на поклон. Но в глубине души он улыбался.

СЁГУН

ЧАСТЬ 2

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Их переход от бухты до Осаки был спокойным. Бортовые журналы Родригеса были полные и очень точные. В первую ночь Родригес пришел в себя. Сначала он подумал, что умер, но боль сразу заставила его думать иначе.

— Они вправили ногу и перебинтовали ее, — сказал Блэксорн. — И стянули ремнем плечо. Оно было вывихнуто. Они не делали кровопускания,

как я ни пытался заставить их.

— Когда я приеду в Осаку, это могут сделать иезуиты, — измученные глаза Родригеса вонзились в него. — Как я оказался здесь, англичанин? Я помню, что попал за борт, а больше ничего.

Блэксорн рассказал ему.

— Так теперь я обязан тебе жизнью. Черт тебя побери.

— С юта было видно, что мы могли войти в бухту. С носа под твоим углом зрения все отличалось на несколько градусов. С волной нам не повезло.

— Не беспокойся обо мне, англичанин. Ты был на юте, у тебя был руль. Мы оба знали это. Нет, я проклинаю тебя за то, что я теперь обязан тебе жизнью. Мадонна, моя нога!

От боли у него хлынули слезы. Блэксорн дал ему кружку грога и присматривал за ним всю ночь. Шторм тем временем кончился. Несколько раз приходил японский доктор и заставлял Родригеса выпить горячее лекарство, клал ему на лоб горячие полотенца и открывал иллюминаторы. И каждый раз, когда доктор уходил, Блэксорн закрывал иллюминаторы, так как всем известно, что лихорадка бывает от сквозняка и чем плотнее закрыта каюта, тем безопаснее и здоровее, если мужчина в таком плохом состоянии, как Родригес.

Наконец доктор накричал на него и поставил у иллюминаторов самурая, так что они оставались открытыми.

На рассвете Блэксорн вышел на палубу. Хиро-Мацу и Ябу оба были там. Он поклонился, словно придворный.

— Кончива Осака?

Они поклонились в ответ.

— Осака. Хай, Анджин-сан, — сказал Хиро-Мацу.

— Хай! Исоги, Хиро-Мацу-сама. Капитан-сан! Поднять якорь!

— Хай, Анджин-сан!

Он непроизвольно улыбнулся Ябу. Ябу улыбнулся в ответ, потом, хромая, отошел, а Блэксорн подумал, что он только что приветствовал человека, хотя тот дьявол и убийца. «А ты не убийца тоже? Да, но не таким способом», — сказал он себе.

Блэксорн с легкостью вел корабль до цели. Переход занял день и ночь, и только после рассвета следующего дня они были около Осаки. На борт поднялся японский лощман, чтобы провести судно к пристани, и, освободившись от ответственности, он с радостью спустился вниз, чтобы выспаться.

Позднее капитан растолкал его, поклонился и знаками показал, что Блэксорну следует приготовиться идти с Хиро-Мацу, как только они причалят.

— Вакаримас ка, Анджин-сан?

— Хай.

Моряк ушел. Блэксорн снова растянулся на койке, чувствуя боль во всем теле, потом заметил, что Родригес следит за ним.

— Как ты себя чувствуешь?

— Хорошо, англичанин. Учítывая, что моя нога в огне, голова разрывается, я хочу в сортир, а язык как будто в бочке со свиным дерьмом.

Блэксорн дал ему ночной горшок, потом опорожнил его в иллюминатор и налил кружку грога.

— Ты становишься медицинской сиделкой, англичанин. Это твоя нечистая совесть.

Родригес засмеялся, и было приятно снова услышать его смех. Его взгляд упал на бортовой журнал, который лежал открытым на столе, и к его ящику для карт. Он увидел, что тот открыт.

— Я давал тебе ключ?

— Нет. Я обыскал тебя. Мне нужен был настоящий журнал. Я сказал тебе, когда ты проснулся в первую ночь.

— Это прекрасно. Я не помню, но это честно. Слушай, англичанин, спроси любого иезуита, где в Осаке Васко Родригес, и они проведут тебя ко мне. Приходи навестить меня — тогда ты сможешь скопировать мой журнал, если захочешь.

— Спасибо. Я уже скопировал один. По крайней мере, я скопировал, что мог, и очень внимательно прочитал остальные.

— Твою мать! — сказал Родригес по-испански.

— И твою.

Родригес снова вернулся к португальскому.

— Разговор на испанском вызывает у меня рвоту, хотя на этом языке можно ругаться лучше, чем на каком-либо другом. Там, в моем ящике для карт, есть пакет. Дай его мне, пожалуйста.

— Тот, с иезуитскими печатями?

— Да.

Он дал его Родригесу. Тот изучил пакет, прощупал пальцами нетронутые печати, потом, видимо, передумал и положил пакет на грубое одеяло, под которым он лежал, опять откинув голову на подушку.

— Эх, англичанин, жизнь такая странная.

— Почему?

— Если я жив, по милости божьей, то благодаря еретику и японцам. Пошли сюда этого земледельца, чтобы я мог поблагодарить его, а?

— Сейчас?

— Позже.

— Хорошо.

— Эта ваша эскадра, та, которая напала на Манилу, та, о которой вы рассказали святому отцу, — это правда, англичанин?

— Эскадра наших военных кораблей разбила войска вашей империи в Азии, ты об этом?

— Там эскадра?

— Конечно.

— Сколько кораблей было в твоей эскадре?

— Пять. Остальные рассеялись в море неделю или около

того назад. Я пошел вперед в поисках Японии и попал в шторм.

— Ври больше, англичанин. Но я не спорю, мне говорили те, кто брал пленных, сколько. Больше нет кораблей и эскадр.

— Подожди и увидишь.

— Подожду. — Родригес сделал большой глоток.

Блэксорн потянулся и подошел к иллюминатору, желая прекратить этот разговор, и выглянул, рассматривая город и берег.

— Я думал, Лондон самый большой город в мире, но по сравнению с Осакой он маленький городишко.

— У них есть дюжины городов типа этого, — сказал Родригес, также радуясь возможности прекратить этот разговор, игру в кошки-мышки, которая никогда не давала пряника без кнута. — Мияко, столица, или Киото, как его иногда называют, самый большой город в империи, вдвое больше Осаки, так говорят. Дальше идет Эдо, столица Тораанаги. Ни я, никто из священников или португальцев никогда не был там, — Тораанага держит свою столицу на замке — запретный город. Пока, — добавил Родригес, ложась обратно в свою койку и закрывая глаза, его лицо вытянулось от боли. — Пока они не отличаются друг от друга. Вся Япония официально закрыта для нас, за исключением портов Нагасаки и Хирадо. Наши священники попросту не обращают внимания на приказы и ходят, куда пожелают. Но мы, моряки или торговцы, не можем, если нет специального приказа от регентов или великого даймё, например Тораанаги. Любой из даймё может схватить один из наших кораблей — как Тораанага завладел вашим — за пределами Нагасаки или Хирадо. Таков их закон.

— Ты хочешь сейчас отдохнуть?

— Нет, англичанин. Разговаривать лучше. Разговор помогает отогнать боль. Мадонна, как у меня болит голова! Я не могу нормально думать. Давай поговорим, пока ты не сошел на берег. Возвращаясь и навести меня — я очень хотел тебя об этом попросить. Дай мне еще грогу. Спасибо, спасибо, англичанин.

— Почему тебе запрещено ходить куда ты пожелаешь?

— Что? А, здесь, в Японии? Это сделал Тайко — он заварил всю эту кашу. С тех пор как мы первыми пришли сюда в 1542 году, начали работать миссионеры и нести им цивилизацию, мы и наши священники могли двигаться свободно, но когда Тайко получил полную власть, он начал вводить свои запреты. Многие верят... ты не мог бы подвинуть мне ногу, сними одеяло с ноги, она горит... Да, о Мадонна, осторожней — так, спасибо, англичанин. Да, на чем я остановился? Многие верят, что Тайко

был пенис Сатаны. Десять лет назад он выпустил эдикты относительно святых отцов, англичанин, и всех, кто хотел нести слово Господа. И он изгнал всех, кроме торговцев, десять или двенадцать лет назад. Это было еще до того, как я пришел в эти воды, — я был здесь семь лет назад и с тех пор приходил и уходил. Святые отцы говорят, что это случилось из-за языческих священников — буддистов, — отвратительных, ревностных поклонников идола, этих язычников. Они настроили Тайко против наших святых отцов, совратили его, когда он был уже почти обращен. Да, Великий Убийца сам почти спас душу. Но он упустил свой шанс на спасение. Да... Как бы то ни было, он приказал всем нашим священникам покинуть Японию... Я сказал тебе, что это было десять лет назад?

Блэксорн кивнул, он был рад, что тот говорит так, перескакивая с одного на другое, радуясь возможности слушать и узнавать новое.

— Тайко собрал всех отцов в Нагасаки, где был готов корабль, чтобы отправить их в Макао с письменными приказами никогда не возвращаться под страхом смерти. Потом, так же внезапно, он оставил их в покое и больше не трогал. Я рассказывал тебе, что японцы все с мозгами набекрень. Да, он оставил их в покое, и скоро все стало как раньше, за исключением того, что большинство отцов осталось на Кюсю, где к нам хорошо относятся. Я сказал тебе, что Япония состоит из трех больших островов, Кюсю, Сикоку и Хонсю? И тысяч мелких островков. Есть еще один остров далеко на севере — некоторые называют его материком — Хоккайдо, но там живут только волосатые туземцы.

Япония — перевернутый мир, англичанин. Отец Алвито рассказывал мне, что все стало опять так, как будто ничего не случилось. Тайко стал дружелюбен, как и прежде, хотя он никогда не обращался в нашу веру. Он закрыл церковь и только прогнал двух или трех христианских даймё — но это только, чтобы получить их земли — и никогда не вводил в действие свои эдикты об изгнании священников. Потом, три года назад, он сошел с ума еще раз и казнил двадцать шесть отцов. Он распял их в Нагасаки. Без причин. Он был маньяк, англичанин. Но после убийства двадцати шести он больше ничего не сделал. Вскоре после этого он умер. Это была рука Бога, англичанин. Проклятие Бога было на нем и на его семени. Я уверен в этом.

— У вас здесь много новообращенных?

Но Родригес, казалось, не слышал, ушел в свое полубессознательное состояние.

— Они все звери, эти японцы. Я не рассказывал тебе об отце Алвито? Он переводчик — Тсуку-сан, называют они его, мистер переводчик. Он был переводчиком у Тайко, англичанин, теперь он официальный переводчик Совета регентов. Он говорит по-японски лучше большинства японцев и знает о них намного больше любого живущего здесь человека. Он сказал мне, что в Мияко, это столица, англичанин, есть холм земли высотой пятьдесят футов. Тайко собирал носы и уши всех корейцев, убитых на войне, и закапывал там — это корейская часть материка, западнее Кюсю. Это правда, англичанин! Клянусь Святой Девой, не было таких убийц, как он, — а они все такие же. — Глаза Родригеса были закрыты, а лоб пылал.

— У вас тут много обращенных? — осторожно спросил его Блэксорн снова, отчаянно пытаясь узнать, сколько здесь врагов.

К его удивлению, Родригес сказал:

— Сотни тысяч, и с каждым годом становится все больше. Со времен смерти Тайко мы имеем больше, чем когда-либо, и те, кто были тайными христианами, теперь открыто ходят в церковь. Большая часть острова Кюсю сейчас католическая. Большинство даймё на Кюсю новообращенные. Нагасаки — католический город, иезуиты владеют им, ездят туда и ведут всю торговлю. Вся торговля идет через Нагасаки. Мы имеем там собор, дюжину церквей и еще дюжины распространяются на Кюсю, но здесь, на главном острове, Хондо, их еще немного и...

Боль снова не дала ему говорить. Через мгновение он продолжал:

— На одном Кюсю три или четыре миллиона человек — скоро они все будут католиками. На островах есть еще двадцать с лишним миллионов японцев, и скоро...

— Это невозможно! — Блэксорн тут же обругал себя: почему бы не узнать побольше?

— Зачем бы мне врать? Десять лет назад была перепись. Отец Алвито сказал, что Тайко приказал провести ее, а он должен знать, он был там. Зачем бы ему врать? — Глаза Родригеса были налиты яростью. — Это больше, чем население всей Португалии, Испании, Франции, Испанских Нидерландов и Англии, взятых вместе, и ты можешь добавить сюда всю святую Римскую империю, чтобы сравниться с этим!

«Боже мой, — подумал Блэксорн, — вся Англия не больше трех миллионов. И это с Уэллсом.

Если здесь так много японцев, как мы можем иметь дело с

ними? Если здесь двадцать миллионов, это означает, что они легко могут собрать армию большей численности, чем все наше население, если только захотят. И если они все такие одержимые, как те, кого я видел — а почему бы им не быть такими, — клянусь ранами Христа, они будут непобедимы. А если они уже частично католики и если иезуиты здесь набрали силу, их число будет увеличиваться, а нет фанатиков больше, чем новообращенные фанатики, так какой шанс здесь у нас и голландцев проникнуть в Азию?

Вовсе никакого».

— Если ты считаешь, что это много, то подожди, пока не упадешь в Китай. Там все желтые, все с черными волосами и глазами. О, англичанин, я скажу тебе, ты еще много чего узнаешь. Я был в прошлом году в Кантоне, на распродаже шелка. Кантон — город-крепость в южном Китае, на Жемчужной реке, к северу от нашего города, названного по имени Бога, в Макао. Там в стенах этого города миллион питающихся собаками язычников. В Китае больше людей, чем во всем остальном мире. Должно быть больше. Подумай об этом! — Волна боли прошла по Родригесу, и его здоровая рука легла на желудок. — У меня не было кровотечения? Ниоткуда?

— Нет. Я проверил. Только нога и плечо. У тебя нет внутренних повреждений, Родригес, по крайней мере я не думаю, что есть.

— А насколько плохо с ногой?

— Она промыта и очищена морем. В тот момент перелом был чист и кожа была чистой.

— Ты промыл ее бренди и обжег?

— Нет, они мне не дали — они меня прогнали. Но их доктор, видимо, знает, что делает. Твои люди сразу же придут на борт?

— Да. Как только мы причалим. Наверняка.

— Хорошо. Ты еще расскажешь? О Китае и Кантоне?

— Я, наверное, сказал слишком много. Будет достаточно времени поговорить о них.

Блэксорн видел, как здоровая рука Родригеса играла с запечатанным конвертом, и он опять подумал, что бы это могло значить.

— С твоей ногой все будет нормально. Ты увидишь это на этой неделе.

— Да, англичанин.

— Я не думаю, что будет нагноение — гноя нет, — ты соображаешь нормально, так что с головой тоже все в порядке. Ты поправишься, Родригес.

— Я тем не менее обязан тебе жизнью. — Дрожь прошла по телу португальца. — Когда я тонул, все, о чем я мог думать, это крабы, ползающие в моих глазницах. Я мог чувствовать, как они копошатся во мне, англичанин. Третий раз я попал за борт, и с каждым разом это все хуже и хуже.

— Я падал в море четыре раза. Три раза меня топили испанцы.

Дверь каюты открылась, и капитан, кланяясь, позвал Блэксорна наверх.

— Хай! — Блэксорн встал. — Ты ничем мне не обязан, Родригес, — сказал он мягко. — Ты дал мне жизнь и помог мне, когда я был в отчаянии, и я благодарю тебя за это. Мы расквитались.

— Может быть, но послушай, англичанин, вот тебе немного правды в оплату: никогда не забывай, что японцы имеют шесть лиц и три сердца. Говорят, что они считают, что человек имеет фальшивое сердце во рту, чтобы видеть весь мир, другое в груди, чтобы показывать его своим особо близким друзьям и своей семье, и настоящее сердце — истинное, секретное, которое никому никогда не известно, за исключением его самого, спрятанное только Бог знает где. Они вероломны, если не говорить об их вере, норовисты без надежды на исправление.

— Почему Торанага хочет видеть меня?

— Я не знаю. Клянусь Святой Девой! Я не знаю. Возвращайся проводить меня, если сможешь.

— Да. Желаю удачи, испанец!

— Ты кашалот! Ну даже так, все равно, иди с Богом.

Блэксорн улыбнулся в ответ, обескураженный, и вышел на палубу. Голова закружилась, когда он увидел Осаку, ее просторы, толпы людей и огромный замок, который царил над городом.

Над громадой замка парила главная башня — поражающее своей красотой центральное здание семи или восьми этажей в высоту, определяемых по конькам с изогнутыми крышами на каждом этаже, с позолоченной черепицей и голубыми стенами.

«Вот где живет Торанага», — подумал он, и ледяная колючка вонзилась в его кишки.

В закрытом паланкине его привезли в большой дом. Там он принял ванну и поел неизменного рыбного супа, сырой и паровой рыбы, немного маринованных овощей и выпил горячего травяного настоя. Вместо пшеничной каши в этом доме ему дали чашку рису. Он видел рис однажды в Неаполе. Он был белый, недробленный, но ему показался безвкусным. Его желудок жаждал мяса и хлеба, окорока, пирогов, цыплят, пива и яиц.

На следующий день за ним пришла служанка. Белье, которое дал ему Родригес, было выстирано. Она следила, как он одевается, и помогла ему надеть новые таби — носки-ботинки. Снаружи стояла новая пара тхонгов. Его ботинок не было. Она показала головой и показала на тхонги, потом на паланкин с защитными окнами. Группа самураев сопровождала их. Старший сделал ему знак поторопиться и тоже вошел в паланкин.

Они немедленно тронулись. Занавеси были плотно закрыты. После долгого перехода паланкин остановился.

— Ты не должен бояться, — громко сказал старший и вышел.

Перед ним были гигантские каменные ворота замка. Они были сделаны в тридцатифутовой стене с перекрывающимися друг друга зубцами, бастionsами и внешними укреплениями. Огромная, обитая железом дверь была открыта, кованая решетка поднята. За ней был деревянный мост, в двадцать шагов шириной и двести длиной, проходивший над рвом с водой и кончавшийся у огромного подъемного моста и других ворот, во второй стене, такой же большой.

Повсюду толпились сотни самураев. Все они носили одинаковую серую мрачную форму — кимоно с поясом; каждый с пятью небольшими круглыми знаками различия — по одному на каждой руке, на каждой стороне груди и один в центре спины. Знаки различия были голубого цвета, видимо, цветок или цветки.

— Анджин-сан!

Хиро-Мацу прямо сидел в открытом паланкине, который несли четыре носильщика в ливреях. Его кимоно было коричневым и аккуратным, пояс черный, как и у пятидесяти самураев, окружавших его. Их кимоно также имели пять знаков различия, но они были алого цвета, как и флаг на мачте, отличительный знак Торанаги. Эти самураи носили длинные блестящие пики с маленькими флажками у наконечников.

Блэксорн поклонился, не раздумывая, восхищенный величием Хиро-Мацу. Старик формально поклонился в ответ, длинный меч он свободно держал на коленях и сделал знак следовать за ним.

У ворот вперед вышел офицер. Начались церемониальное чтение пропуска, поклоны и разглядывание Блэксорна, после чего они вошли на мост, по бокам как эскорт шли самураи в серой форме.

Уровень воды во рву был на глубине 50 футов, ров тянулся на 300 шагов в каждую сторону, дальше шли стены, так как там был поворот на север, и Блэксорн подумал: «Боже мой, не хотел

бы я попробовать идти здесь в атаку. Защитники могли дать погибнуть гарнизону наружной стены и поджечь мост, тогда они внутри были в безопасности. Боже мой, наружные стены, должно быть, охватывают площадь в квадратную милю и имеют толщину, видимо, двадцать — тридцать футов, и внутренняя стена такая же. И она сделана из огромных каменных блоков. Каждый из них должен иметь размер десять на десять футов! По крайней мере! И вырезаны очень точно и поставлены на место без всяких скрепляющих растворов. Они должны весить по крайней мере пятьдесят тонн. Это лучше всего, что могли бы сделать мы. Осадные орудия? Конечно, они могли бы разрушить наружные стены, если бы поставить их в соответствующем месте. Но и у защищающих крепость также должны быть лучшие пушки из тех, что можно получить. Их сюда трудно доставить, и нет такой высокой точки, с которой в крепость можно было бы забросить зажигательные снаряды. Если наружная стена взята, защитники могли еще обстреливать атакующих с зубчатой внутренней стены. Но даже если туда бы удалось затащить осадные орудия и направить их на следующую стену, они не смогли бы разрушить ее. Они могут повредить дальние ворота, но что дальше? Как можно пересечь ров с водой? Он слишком большой для обычных способов. Замок должен быть неприступен — при достаточном количестве солдат. Сколько здесь солдат? Сколько горожан найдут себе убежище внутри?

Он делает лондонский Тауэр похожим на свиарник. И весь Хемптон Корт уместится в одном углу!»

У следующих ворот состоялась другая церемония проверки документов, и дорога сразу повернула налево вниз по большой улице, образованной линией сильно укрепленных домов за легко защищаемыми стенами разной высоты. Далее улица раздваивалась в лабиринте лестниц и дорожек. Затем были еще одни ворота и новая проверка, еще одна опускаемая решетка и другой огромный ров с водой, и новые изгибы и повороты, до тех пор, пока Блэксорн, несмотря на всю свою наблюдательность, необычайно хорошую память и чувство направления, не потерялся в этом умышленно устроенном лабиринте. И все время бесчисленные серые смотрели на них с эскарпов, валов и зубчатых стен, парапетов и бастionsов. И много было просто идущих, караулящих, марширующих, тренирующихся или ухаживающих за лошадьми в открытых стойлах. Солдаты повсюду, тысячами. Все были вооружены и тщательно одеты.

Он проклял себя, что не был достаточно умен, чтобы по-

больше выпросить у Родригеса. Кроме информации о Тайко и новообращенных, которая была достаточно ненадежна, Родригес был молчалив, как только можно — как ты сам, избегающий его вопросов.

«Сконцентрируйся. Ищи улики. Что особенного в этом замке? Он очень большой. Нет, что-то другое. Что?»

Серые враждебны по отношению к коричневым? Не могу сказать, они все так серьезны».

Блэксорн тщательно наблюдал за ними и сфокусировался на деталях. Слева радовал глаз возделанный сад, с небольшими мостиками, ручьем. Стены были теперь построены ближе друг к другу, улицы стали уже. Они приближались к главной башне замка. Внутри сновали слуги. Здесь не было пушек! Вот в чем разница!

Ты не видел ни одной пушки. Ни одной.

Боже мой, на небесах нет пушек, следовательно, нет осадных орудий! Если бы у тебя были современные орудия, а замок не имел защитников, мог бы ты взорвать стены, выбить двери, забросать дождем зажигательных ядер замок, устроить пожар и захватить его?

Ты не смог бы пробраться через первый ров с водой.

Имея осадные орудия, ты мог бы причинить много неприятностей защитникам, но они могли бы вечно держаться здесь — если бы в гарнизоне было достаточно бойцов, хватало бы пищи, воды и вооружения. Как преодолеть рвы? На лодках? На плотках? Он пытался составить план замка. Когда паланкин остановился, Хиро-Мацу спустился на землю. Они были в узком тупике. Огромные, усиленные железом деревянные ворота были пробиты в двадцатифутовой стене, которая являлась частью наружных укреплений, расположенной выше крепости, все еще отстоящей от главной башни замка, которая отсюда была почти не видна. В отличие от всех других ворот эти охранялись коричневыми, единственными из самураев, которых Блэксорн видел в крепости. Было очевидно, что они совсем не обрадованы встречей с Хиро-Мацу.

Серые повернулись и ушли. Блэксорн заметил враждебные взгляды, которыми их проводили коричневые.

Так они были врагами!

Ворота открылись, и он прошел за стариком внутрь. Один. Остальные самураи остались снаружи.

Внутренний двор охранялся коричневыми, здесь был устроен сад. Они пересекли его и вошли в крепость. Хиро-Мацу скинул обувь, и Блэксорн сделал то же самое.

Ковер внутри был в изобилии устлан матами, теми самыми камышовыми матами, чистыми и очень приятными для ног, которые были на полу во всех домах, кроме самых бедных. Блэксорн еще раньше заметил, что все они были одинакового размера, около шести футов на три. Подумай об этом, сказал он себе, я никогда не видел фигурных матов или обрезанных до другого размера. И никогда не было комнат другой формы! Неужели все комнаты имеют прямоугольную или квадратную форму? Конечно! Это значит, что все дома — или комнаты — должны быть построены на точное число матов. Так что они все стандартные! До чего же странно!»

Они поднимались по извивающейся, удобной для обороны лестнице и шли дополнительными коридорами и другими этажами. Всюду было много охраны, всегда коричневые. Лучи солнечного света из амбразур создавали причудливые узоры. Блэксорн мог видеть, что теперь они были высоко над тремя главными окружающими стенами. Город и гавань как нарисованные лежали под ними.

Коридор повернул под острым углом и кончился через пятьдесят шагов.

Блэксорн почувствовал во рту вкус желчи. «Не беспокойся, — сказал он себе, — ты решил, что делать. Ты уже начал».

Толпа самураев с молодым командиром впереди защищала последнюю дверь — каждый правой рукой держался за рукоятку меча, левая лежала на ножнах, все они смотрели на приближающихся людей, недвижимые и готовые к нападению.

Хиро-Мацу был доволен их готовностью. Он лично отбирал этих стражей. Он ненавидел замок и снова подумал, как опасен он для Торанаги, отдавшего во власть врага. Прямо вчера, только спустившись на берег, он поспешил к Торанаге, чтобы рассказать тому о своей миссии и разобраться, если что-то случилось в его отсутствие. Но все еще было спокойно, хотя шпионы его и доносили об опасных вражеских укреплениях к северу и востоку и о том, что их основные союзники, регенты Оноши и Кийяма, самые крупные из христианских даймё, собирались перейти на сторону Ишидо. Он переменял стражу и паролы и снова просил Торанагу уехать, не подставляться.

В десяти шагах от командира стражи он остановился.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

наге в любое время дня и ночи без предварительной договоренности.

— Общитесь чужеземца, — сказал Нага. Он был пятый сын Торанаги от одной из его супруг и боготворил своего отца.

Блэксорн спокойно отнесся к этому, поняв, что они собираются делать. Два самурая оказались очень опытными в таких делах. От них ничего не ускользнуло бы.

Нага дал знак остальным своим людям. Они отодвинулись в сторону. Он сам открыл толстую дверь.

Хиро-Мацу вошел в огромную комнату для аудиенций. Сразу около двери он стал на колени, положил свои мечи на пол перед собой, положил руки плашмя на пол по бокам и низко наклонил голову, ожидая в таком униженном положении.

Нага, весь настороженный, знаком приказал Блэксорну сделать то же самое.

Блэксорн вошел. Комната была квадратной, сорок шагов в ширину и десять в высоту. Пол покрывали безупречные татами самого высокого качества, толщиной в четыре пальца. В дальней стене было две двери. У помоста, в нише, стояла маленькая глиняная ваза с веткой цветущей вишни, которая и заполняла комнату приятным ароматом.

Обе двери охранялись. В десяти шагах от помоста, окружая его, располагались еще двадцать самураев, сидевшие со скрещенными ногами спиной к помосту.

Торанага сидел на единственной подушке на помосте. Он занимался тем, что с искусством и терпением костореза вправлял сломанное перо в крыле сокола, сидящего с надетым на голову колпачком.

Ёси Нага, командир стражи, был вспыльчивый, опасный юноша семнадцати лет.

— Доброе утро, господин. Я рад вашему возвращению.

— Спасибо. Господин Торанага ожидает меня.

— Да. — Даже если бы Хиро-Мацу и не ожидали, Нага тем не менее должен был бы его пропустить. Тогда Хиро-Мацу был одним из трех человек в мире, которые допускались к Торанаге.

Ни он, ни остальные в комнате не приветствовали Хиро-Мацу и не обратили внимания на Блэксорна, когда они вошли и остановились около старика. Но в отличие от Хиро-Мацу Блэксорн поклонился, как ему показал Родригес, потом, глубоко вздохнув, сел, скрестив ноги, и стал смотреть на Торанагу.

Все глаза обратились к Блэксорну.

В дверном проходе рука Наги уже опустилась на меч. Хиро-Мацу уже схватился за свой, хотя его голова все еще и была склонена.

Блэксорн чувствовал себя как голый, но он уже проявил себя и теперь мог только ждать. Родригес сказал: «С японцами ты должен вести себя как король». И хотя этот поступок был отнюдь не королевский, этого было более чем достаточно.

Торанага медленно поднял взгляд.

Капля пота появилась на виске Блэксорна, так как все, что говорил Родригес ему о самураях, казалось, выкристаллизовалось в одном этом человеке. Он чувствовал, как тонкая струйка пота течет со щеки на подбородок. Он заставил свои голубые глаза смотреть твердо и не мигая, лицо оставалось спокойным.

Взгляд Торанаги также оставался неподвижным.

Блэксорн чувствовал почти ошеломляющую энергию этого человека, доходящую до него. Он заставил себя медленно досчитать до шести, потом наклонил голову и слегка поклонился опять, спокойно улынувшись.

Торанага мельком посмотрел на него, его лицо было неподвижно, потом опустил глаза и опять сосредоточился на своей работе. Напряжение в комнате спало.

Сокол был молодой самкой сапсана. Помощник, старый сутулый самурай, стоял перед Торанагой на коленях и держал ее, как будто это было стеклянное изделие. Торанага срезал сломанное перо, вставил тонкую бамбуковую иглу на клею в черенок пера, потом осторожно надел заново отрезанное перо на другой конец бамбуковой лучинки. Он выравнивал угол поворота пера до тех пор, пока тот не стал совершенным, потом завязал перо шелковой ниткой. Маленькие колокольчики на ногах птицы звякнули, и он ее успокоил.

Ёси Торанага, господин Кванто — повелитель Восьми Провинций — глава клана Ёси, главнокомандующий армиями Востока, президент Совета регентов, был невысокий мужчина с большим животом и крупным носом. Брови густые и темные, усы и борода серо-пегие и редкие. На его лице выделялись глаза. Ему было пятьдесят восемь лет, для своего возраста он

был силен. Его коричневое кимоно было простой формы, пояс хлопчатобумажный. Но его мечи были лучшими в мире.

— Ну, моя красавица, — сказал он с нежностью любовника. — Теперь ты опять здорова. — Он погладил птицу пером, та сидела с колпачком на глазах на одетом в рукавицу кулаке самурая. Птица вздрогнула и начала удовлетворенно чистить перья. — Мы пустим ее полетать через неделю.

Помощник поклонился и ушел.

Торанага обратил свой взор на двух человек у дверей.

— Добро пожаловать, Железный Кулак. Я рад видеть тебя, — сказал он. — Так это твой знаменитый чужеземец?

— Да, господин. — Хиро-Мацу подошел ближе, оставив по обычаю свои мечи у дверей, но Торанага настоял, чтобы он принес их с собой.

— Я чувствую себя неуютно, если их нет у тебя в руках, — сказал он.

Хиро-Мацу поблагодарил его. Даже при этом он сидел в пяти шагах от помоста. По обычаю, никто вооруженный не мог безопасно подойти к Торанаге на меньшее расстояние. В переднем ряду часовых стоял Усаги, муж любимой внучки Хиро-Мацу, и он коротко ему кивнул. Юноша низко поклонился, польщенный и обрадованный, что его заметили.

«Может быть, мне следовало его признать официально», — сказал себе Хиро-Мацу, согретый мыслью о своей любимой внучке и своим первым правнуке, которого они подарили ему в прошлом году.

— Как вы доплыли обратно? — заботливо спросил Торанага.

— Все хорошо, благодарю вас, господин. Но должен сказать вам, что я был рад, что сошел с корабля и опять нахожусь на земле.

— Я слышал, у вас теперь новая игрушка, чтобы занять часы праздности, да?

Старик грубо захохотал.

— Я могу только сказать вам, господин, что часы были не праздные. Я так не уставал многие годы.

Торанага посмеялся вместе с ним.

— Тогда нам следует вознаградить ее. Ваше здоровье очень важно для меня. Могу я послать ей подарок в знак моей благодарности?

— Ах, Торанага-сама, вы так добры, — Хиро-Мацу стал серьезным. — Вы могли бы вознаградить нас всех, господин, сразу же покинув это осиное гнездо и вернувшись в свой замок в Эдо, где

ваши вассалы могут защитить вас. Здесь вы открыты. В любой момент Ишидо может напасть на вас.

— Я уеду. Сразу же, как закончится собрание Совета регентов. — Торанага повернулся и подозвал склонившего голову португальца, который терпеливо сидел в его тени. — Вы переведете мне сейчас, мой друг?

— Конечно, господин. — Священник с выбритой тонзурой на голове вышел вперед, с привычной грацией на японский манер стал на колени около помоста. Его лицо было худощавым, как и вся фигура, глаза темные и блестящие, вокруг него ощущался свет спокойной безмятежности. На нем было таби и просторное кимоно, которое казалось сросшимся с ним. Четки и резной серебряный крест висели у пояса. Он приветствовал Хиро-Мацу как равный, потом с удовольствием поглядел на Блэксорна.

— Мое имя Мартин Алвито из общества Иисуса, кормчий. Господин Торанага просил меня переводить для него.

— Сначала скажите ему, что мы враги и что...

— Все в свое время, — спокойно прервал его отец Алвито. Потом он добавил: — Мы можем говорить по-португальски, по-испански или, конечно, на латыни — как вы пожелаете.

Блэксорн не видел священника, пока тот не выступил вперед. Он был скрыт помостом и другими самураями. Но он ждал его, так как Родригес предупреждал о нем, и то, что он увидел, ему не понравилось: легкая эlegantность, аура силы и природная власть иезуитов. Он думал, что священник много старше, учитывая его влиятельное положение и то, как говорил о нем Родригес. Но они были практически ровесниками, он и иезуит. Может быть, священник был несколькими годами старше.

— На португальском, — сказал он, надеясь, что этот язык может дать ему некоторое преимущество. — Вы португалец?

— Я имею честь быть им.

— Вы моложе, чем я ожидал.

— Сеньор Родригес очень добр. Он оказал мне больше доверия, чем я заслуживаю. Вас он описал очень точно. Так же как и вашу смелость.

Блэксорн увидел, как он повернулся и бегло и любезно заговорил с Торанагой, и это еще больше расстроило его. Хиро-Мацу, один из всех людей в комнате, слушал и внимательно все рассматривал. Остальные как каменные усталились в пространство.

— Сейчас мы начнем. Будьте любезны слушать все, что го-

ворит господин Торанага, не прерывая, — начал отец Алвито. — Потом вы отвечаете. С этого момента я буду переводить почти одновременно с тем, как вы произнесете фразу, так что, пожалуйста, отвечайте с большой осторожностью.

— С какой стати? Я не доверяю тебе.

Отец Алвито немедленно перевел все, что он сказал, Торанаге, и тот заметно рассердился.

«Осторожней, — подумал Блэксорн, — он играет с тобой, как кошка с мышкой! Три золотые гиней против ломаного фарфуга, что он может подловить тебя когда захочет. Независимо от того, правильно или нет он переводит, ты должен произвести хорошее впечатление на Торанагу. Это, может быть, твой единственный шанс».

— Вы можете быть уверены, что я переведу все, что вы скажете, как только могу точнее, — голос священника был мягкий, совершенно уверенный. — Это двор господина Торанаги. Я официальный переводчик Совета регентов, верховного правителя Торанаги и верховного правителя Ишидо. Господин Торанага многие годы доверяет мне. Я предполагаю, что вы будете отвечать правдиво, потому что вы человек, по-видимому, очень принципиальный. Я также скажу, что я не отец Себастио, который, возможно, чересчур ревностен и, к несчастью, не очень хорошо говорит по-японски и к тому же не имеет большого опыта жизни в Японии. Ваш внезапный приезд лишил его божьего милосердия, он позволил своему личному прошлому захватить его — его родители, братья и сестры вырезаны самым жестоким образом в Нидерландах вашими соотечественниками — людьми принца Ранского. Я прошу у вас прощения за него и взываю к вашему состраданию. — Он по-доброму улыбнулся. — Японский синоним слова «враг» — «теки». Вы можете пользоваться им, если хотите. Если вы покажете на меня и используете это слово, господин Торанага точно поймет, что вы имеете в виду. Да, я ваш враг, Джон Блэксорн. Полностью. Но не ваш убийца. Это вы делаете сами.

Блэксорн видел, как он объясняет Торанаге, что он сказал, и, услышав слово «теки», произнесенное несколько раз, подумал, действительно ли оно обозначает «враг». «Конечно, так, — сказал он себе. — Этот священник не похож на того».

— Пожалуйста, на время забудьте, что я существую, — сказал отец Алвито. — Я только переводчик, не более. — Отец Алвито сел, повернулся к Торанаге, вежливо поклонился.

Торанага сказал что-то короткое. Священник начал переводить одновременно, на несколько слов запаздывая, его голос

был жутким отражением модуляций и внутреннего значения.

— Почему вы враг Тсуку-сана, моего друга и переводчика, который не имеет врагов? — Отец Алвито добавил, объясняя: — Тсуку-сан — мое прозвище, так как японцы не могут произнести моего имени. У них в языке нет звуков «л» или «ц». Тсуку — переименованное японское слово «тсуаку» — переводить. Пожалуйста, ответьте на вопрос.

— Мы враги, потому что наши страны воюют.

— Да? А какая ваша страна?

— Англия.

— Где это?

— Это островное королевство, тысяча миль к северу от Португалии. Португалия — часть полуострова в Европе.

— Сколько времени вы воюете с Португалией?

— С тех пор, как Португалия стала вассалом Испании. Это случилось в 1580 году, двадцать лет назад. Испания завоевала Португалию, а с Испанией мы воюем почти 30 лет.

Блэксорн заметил удивление Торанаги и его вопросительный взгляд на отца Алвито, который спокойно смотрел в пространство.

— Что он говорит? — резко спросил Блэксорн.

Отец Алвито не ответил и продолжал переводить, как и раньше.

— Ты говоришь, Португалия часть Испании?

— Да, господин Торанага. Вассальное государство. Испания завоевала Португалию, и теперь они фактически одна страна с одним королем. Но португальцы служат испанцам по всему земному шару, а в Испанской империи с ними не считаются.

Наступило долгое молчание. Потом Торанага обратился прямо к иезуиту, который улыбался и отвечал в пространство.

— Что он говорит? — резко спросил Блэксорн.

Отец Алвито не ответил, но переводил, как и прежде, почти одновременно, виртуозно копируя интонации.

Торанага ответил прямо Блэксорну, его голос был суров.

— Что я сказал, тебя не касается. Когда я захочу, чтобы ты что-то знал, я тебе скажу.

— Прошу прощения, господин Торанага, я не хотел быть грубым. Можно я скажу, что мы пришли с миром...

— Ты не можешь ничего мне говорить сейчас. Ты придержи свой язык до тех пор, пока я не потребую ответа. Ты понял?

— Да.

«Ошибка номер один. Следи за собой. Ты не можешь делать ошибки», — сказал он себе.

— Почему вы воюете с Испанией? И Португалией?

— Частично потому, что Испания стремится захватить весь мир, а мы, англичане и наши союзники голландцы, отказались быть завоеванными. И частично из-за наших религий.

— А! Религиозная война? Какая у вас религия?

— Я христианин. Наша церковь...

— Португальцы и испанцы тоже христиане! Ты сказал, у тебя другая религия. Что у тебя за религия?

— Я христианин, это трудно объяснить просто и быстро, господин Торанага. Они все...

— Нет необходимости быть быстрым. У меня масса времени. Я очень терпелив. Ты культурный человек — очевидно, что не из крестьян, — так что можешь делать это просто или сложно, как хочешь, а также так долго, чтобы тебя можно было понять. Если ты будешь отклоняться от этого, я отошлю тебя обратно. Ты будешь говорить?

— Моя религия христианская. Есть две основные христианские религии, протестантская и католическая. Большинство англичан протестанты.

— Ты молишься тому же Богу, Мадонне и младенцу?

— Да, господин. Но не так, как это делают католики.

«Что он хочет узнать? — спросил себя Блэксорн. — Он католик? Следует ли отвечать, то, что, как ты думаешь, он хочет услышать, или то, что ты считаешь правдой? Он против христиан? Он не называл иезуитов «мои друзья»? Является ли Торанага сторонником католиков или он сам собирается перейти в католичество?»

— Ты веришь, что Иисус — Бог?

— Я верю в Бога, — сказал он осторожно.

— Не уходи от прямых вопросов. Ты веришь, что Иисус есть Бог? Да или нет?

Блэксорн знал, что любой католический суд в мире давно бы проклял его за ересь. И большинство, если не все, протестантские суды. Даже колебания перед ответом на такой вопрос были признаком сомнения. Сомнение было ересью. Ты не мог отвечать на вопрос о Боге простым «да» или «нет». Должны быть оттенки «да» или «нет». Ты не знаешь о Боге наверняка, пока ты не умер.

— Да, я верю, что Иисус был Бог, но я не узнаю этого наверняка, пока не умру.

— Почему ты разбил крест у священника, когда впервые появился в Японии?

Блэксорн не ожидал такого вопроса. «Неужели Торанага знает все, что случилось с тех пор, как я прибыл сюда?»

— Я хотел показать даймё Ябу, что иезуит, отец Себастьян — единственный там переводчик, — что он мой враг, что ему нельзя доверять, по крайней мере, по моему мнению. Из-за того, что я не был уверен, что он обязательно будет точно переводить, так, как это делает сейчас дон Алвито. Он проклинал нас, как пиратов, например. Мы не пираты, мы пришли с миром.

— Ах да! Пираты. Я вернусь к пиратству в свое время. Ты говоришь, что вы оба являетесь членами двух христианских сект, оба почитаете Иисуса Христа? Это разве не его главная заповедь «полюбить друг друга»?

— Да.

— Тогда как вы можете быть врагами?

— Их вера, их версия христианства — фальшивая интерпретация священных текстов.

— А! Наконец-то мы до чего-то добрались. Так вы с ними воюете из-за различных мнений о том, что Бог и что не Бог?

— Да.

— Это очень глупая причина идти на войну.

Блэксорн сказал:

— Я согласен. — Он поглядел на священника. — Я согласен всем своим сердцем.

— Сколько кораблей в твоей флотилии?

— Пять.

— И ты старший кормчий?

— Да.

— Где остальные?

— В море, — сказал Блэксорн осторожно, продолжая свою ложь, предполагая, что Торанага сначала задал несколько вопросов Алвито. — Мы потеряли друг друга во время шторма. Где точно, я не знаю, господин.

— Ваши корабли были английские?

— Нет, господин, из Голландии.

— Почему англичан нанимают на голландские суда?

— В этом нет ничего необычного, господин. Мы союзники — португальские кормчие тоже иногда водят испанские корабли и эскадры. Я так понимаю, португальские кормчие водят и ваши океанские суда, согласно вашим законам.

— А нет голландских кормчих?

— Много, господин. Но в таких длительных путешествиях у англичан больше опыта.

— Но почему? Почему они хотели, чтобы ты повел их корабли?

— Возможно, потому, что моя мать голландка, я бегло говорю на их языке и у меня большой опыт. Я был рад такой возможности.

— Почему?

— Это была первая возможность для меня поплавать в этих водах. Ни один английский корабль не собирался плыть так далеко. Это была возможность сделать кругосветное путешествие.

— Ты сам, штурман, присоединился к эскадре из-за своей религии, чтобы воевать против ваших врагов Испании и Португалии?

— Я штурман, господин, сначала и прежде всего. Ни один англичанин или датчанин не были в этих местах. Мы первая торговая эскадра, хотя мы и имеем каперские свидетельства нападать на врагов в Новом Свете. В Японию мы пришли торговать.

— Что такое каперское свидетельство?

— Законное разрешение, выдаваемое королем или правительством, — дающее право воевать с врагом.

— А, ваши враги здесь. Так вы собираетесь воевать с ними здесь?

— Мы не знали, что нас ожидает, когда мы придем сюда, господин. Мы пришли сюда только торговать. Ваша страна почти неизвестна, она — легенда. Португальцы и испанцы очень мало что сообщали об этих местах.

— Отвечай на вопрос — твои враги здесь. Ты собираешься воевать с ними здесь?

— Если они будут воевать со мной.

Торанага недовольно зашевелился.

— Что ты делал в море или в своих странах, это твое дело. Но здесь один закон для всех, и иностранцы находятся на нашей земле только по разрешению. Любое общественное неподчинение или стычка приводят к немедленной смерти. Наши законы ясны и должны выполняться. Ты понял?

— Да, сэр. Но мы пришли с миром. Мы прибыли сюда торговать. Могли бы мы обсудить вопросы торговли, господин? Мне нужно килевать судно и сделать некоторый ремонт — мы можем за все заплатить. Тогда у меня вопрос...

— Когда я захочу обсудить торговые вопросы или еще что-

нибудь, я тебе скажу. Пока будь добр отвечать на мои вопросы. Так ты устроился в экспедицию, чтобы торговать, для заработка, а не по обязанности или долгу? Ради денег?

— Да. Такой у нас обычай, господин. За плату и долю во всех доходах — от торговли и захваченных вражеских товаров.

— Так ты наемник?

— Я был нанят главным кормчим, чтобы вести экспедицию. — Блэксон чувствовал враждебность Торанаги, но не понимал почему. «Что я плохого сказал? Не сказал ли священник такого, что идет мне во вред?»

— Это нормальный обычай у нас, Торанага-сан, — сказал он опять.

Торанага начал что-то обсуждать с Хиро-Мацу, и они обменялись мнениями. Очевидно, соглашаясь друг с другом. Блэксон подумал, что на их лицах видно недовольство. Почему? «Вероятно, что-то было связано с «наемником», — подумал он. —

Что здесь было такого? Разве не за все платят? Как еще вы можете достать денег на жизнь? Даже если ты наследуешь земли, все равно...»

— Ты сказал раньше, что ты пришел сюда, чтобы мирно торговать, — сказал Торанага. — Почему тогда ты везешь столько пушек, так много пороха, мушкетов и пуль?

— Наши испанские и португальские враги очень сильны и могучи, господин Торанага. Мы должны защищаться и...

— Ты говоришь, что ваше вооружение только оборонительное?

— Нет. Мы используем его не только для защиты, но и для того, чтобы атаковать своих врагов. И мы в большом количестве производим его для торговли, наше оружие — лучшее в мире. Может быть, мы могли бы торговать с вами этими или другими товарами, которые мы привезли.

— Кто такой пират?

— Люди вне закона. Человек, который насилует, убивает или грабит для личной выгоды.

— Это не то же самое, что наемник? Это не то, что вы? Пират и вожак пиратов.

— Нет. Правда, мои корабли имели каперское свидетельство от законных властей Голландии, разрешающих нам вести войну во всех морях и местах, которые в данный момент принадлежат нашим врагам. И искать рынки для наших товаров. Для испанцев и большинства португальцев — да, мы пираты и религиозные еретики, но я повторяю, что на самом деле это не так.

Отец Алвито кончил переводить, потом начал спокойно, но твердо говорить что-то Торанаге.

«Как бы я хотел вот так прямо разговаривать с ними», — подумал Блэксорн, чертыхаясь. Торанага взглянул на Хиро-Мацу, и старик задал иезуиту несколько вопросов, на которые тот долго отвечал. Потом Торанага повернулся к Блэксорну, и его голос стал еще жестче.

— Тсуку-сан говорит, что эта Голландия была вассалом испанского короля несколько лет назад. Это верно?

— Да.

— Следовательно, Голландия — ваш союзник — мятежник по отношению к своему законному королю?

— Они воюют с испанцами, да. Но...

— Разве это не мятеж? Да или нет?

— Да, но есть смягчающие обстоятельства.

— Нет «смягчающих обстоятельств», когда это касается мятежа против своего суверена.

— Если вы не победите.

Торанага внимательно поглядел на него. Потом громко рассмеялся. Он что-то сказал Хиро-Мацу сквозь смех, и Хиро-Мацу кивнул.

— Да, господин иностранец с невозможным именем, да. Ты назвал один смягчающий фактор. — Еще одно хихиканье, потом веселое настроение исчезло так же внезапно, как и появилось. — Вы выиграете?

— Хай.

Торанага опять заговорил, но священник не переводил синхронно, как раньше. Он улыбался странным образом, его глаза задержались на Блэксорне. Он вздохнул и сказал:

— Вы уверены?

— Это он говорит или ты говоришь?

— Это сказал господин Торанага. Он сказал это мне.

— Да, скажи ему, да. Я совершенно уверен. Могу я объяснить, почему?

Отец Алвито разговаривал с Торанагой намного больше, чем этого требовал перевод такого простого вопроса. «Так ли ты спокоен, как кажешься? — хотел спросить его Блэксорн. — Как же тебя достать? Как мне справиться с тобой?»

Торанага ответил и вынул веер из рукава.

Отец Алвито начал опять переводить с той же самой жуткой недружелюбностью, с мрачной иронией.

— Да, кормчий, ты можешь мне сказать, почему ты думаешь, что вы выиграете эту войну.

Блэксорн попытался остаться уверенным, понимая, что священник берет над ним верх.

— Мы в настоящее время главенствуем над всеми морями в Европе — над большинством морей Европы, — сказал он, поправляя сам себя. «Не давай отвлечь себя. Говори правду. Изворачивайся, как это уверенно делают иезуиты, но говори правду».

— Мы, англичане, разгромили в боях две огромные военные армады — испанскую и португальскую, и не похоже, чтобы они смогли собрать другие. Наши маленькие острова представляют собой крепости, и мы там теперь в безопасности. Наши морские силы господствуют на море. Наши корабли быстрее, современнее и лучше вооружены. Испанцы не побеждали после более чем пятидесяти лет террора, инквизиции и кровопролитий. Наши союзники безопасны и сильны и, даже более того; они обескровят Испанскую империю и приведут ее к концу. Мы победим, потому что мы владеем морями и потому что испанский король со своим высокомерием не дает свободы другим народам.

— Вы владеете морями? Нашими морями тоже? Морями вокруг наших берегов?

— Нет, конечно, нет, Торанага-сама. Я не хотел вас обидеть. Я, конечно, имел в виду европейские моря, хотя...

— Хорошо, я рад, что это прояснилось. Что ты хотел сказать? Хотя...

— Хотя на всех высоких широтах мы скоро сметем всех врагов, — это Блэксорн произнес очень четко.

— Вы говорите «враг». Может быть, мы тоже враги? Что тогда? Вы попытаетесь потопить наши корабли и опустошить наши берега?

— Я не могу и представить себе, чтобы быть вашим врагом.

— Я думаю, это очень легко представить. Что тогда?

— Если вы выступите против моей страны, мне придется атаковать и попытаться разбить вас, — сказал Блэксорн.

— А если ваш господин прикажет вам напасть на нас здесь?

— Я бы отсоветовал ему. Очень серьезно. Наша королева бы послушалась. Она...

— Вами управляет королева, а не король?

— Да, господин Торанага. Наша королева мудра. Она бы не могла — не отдала бы такой неразумный приказ.

— А если бы отдала? Или если бы ваш законный командир приказал?

— Тогда бы я доверил свою душу Богу, так как я бы наверняка погиб. Так или иначе.

— Да. Ты бы погиб. Ты и все твои войска,— Торанага переждал момент. Потом спросил: — Сколько времени вы плыли сюда?

— Почти два года. Точнее, один год, одиннадцать месяцев и два дня. Примерное расстояние по морю в четыре тысячи лиг, каждая лига — три мили.

Отец Алвито перевел, потом добавил краткое уточнение. Торанага задумчиво обмахивался веером.

— Я перевел время и расстояние, Блэксорн, в их величины,— вежливо пояснил священник.

— Спасибо.

Торанага опять заговорил, обращаясь непосредственно к нему:

— Как ты добрался сюда? По какому маршруту?

— Через пролив Магеллана. Если бы у меня были мои карты и бортовой журнал, я мог бы очень точно вам все показать, но они были украдены — они были взяты у меня с корабля вместе с каперским свидетельством и всеми моими бумагами. Если вы...

Блэксорн остановился, так как Торанага внезапно заговорил с Хиро-Мацу, который также был удивлен.

— Вы заявляете, что ваши бумаги были взяты — украдены?

— Да.

— Это ужасно, если это верно. Мы ненавидим воровство в Ниппон — Японии. Наказание за воровство — смерть. Это дело будет немедленно расследовано. Кажется невероятным, чтобы кто-то из японцев мог сделать такую вещь, хотя грязные пираты и бандиты есть повсюду.

— Может быть, они были положены на другое место,— сказал Блэксорн.— И положены где-нибудь в укромном месте. Но это большая ценность, господин Торанага. Без моих морских карт я подобен слепому человеку в лабиринте. Вы хотите, чтобы я объяснил вам мой маршрут?

— Да, но позднее. Сначала расскажи мне, почему ты проплыл все это расстояние.

— Мы мирно плыли, чтобы торговать,— повторил Блэксорн, несмотря на его нетерпение.— Торговать и снова вернуться домой. Сделать богаче вас и нас. И попытаться...

— Вас богаче и нас богаче? Что здесь более важно?

— Оба партнера должны иметь выгоду, конечно, и торговля должна быть честной. Мы стремимся к долгосрочным торговым отношениям, мы предложим вам лучшие условия, чем португальцы или испанцы, и окажем больше услуг. Напишут купцы...— Блэксорн остановился, так как снаружи в комнату до-

неслись громкие голоса. Хиро-Мацу и половина часовых сразу же оказались около входа, а другие образовали тесное кольцо, закрывая помост. Самураи у внутренних дверей также приготовились.

Торанага не двинулся. Он разговаривал с отцом Алвито.

— Вы уйдете отсюда, кормчий Блэксорн, через эту дверь,— отец Алвито сказал это с тщательно скрываемой настойчивостью.— Если вы цените вашу жизнь, не делайте резких движений и не говорите ничего.— Он подошел к левой внутренней двери и сел около нее.

Блэксорн легко поклонился Торанаге, который игнорировал его, и осторожно подошел к священнику, полностью отдавая себе отчет в том, что этот разговор для него кончился трагически.

— Что происходит? — прошептал он, садясь.

Соседние часовые тут же угрожающе напряглись, и священник быстро что-то сказал им, чтобы успокоить их.

— Ты погибнешь, если еще раз заговоришь,— сказал он Блэксорну, а сам подумал, что чем скорее, тем лучше.

С нарочитой медлительностью он вынул платок из рукава и вытер пот с рук. Ему потребовались вся его подготовка и сила духа, чтобы оставаться спокойным и доброжелательным во время этой беседы с еретиком, который был даже хуже, чем предполагали они с отцом-инспектором.

— Вы будете присутствовать? — спросил его отец-инспектор прошлым вечером.

— Торанага специально просил меня об этом.

— Я думаю, это очень опасно для вас и всех нас. Я думаю, вы могли бы сослаться на болезнь. Если вы там будете, вам придется переводить то, что говорит пират,— а судя по тому, что пишет отец Себастио, он дьявол в земном облике, коварный, как иудей.

— Много лучше, если бы мне удалось там побывать, ваше преосвященство. По меньшей мере, я смогу предотвратить наиболее очевидную ложь Блэксорна.

— Зачем он приехал сюда? Именно сейчас, когда все опять стало так хорошо? У них действительно есть другие корабли в Тихом океане? Разве возможно, чтобы они послали эскадру против Испанской Манилы? Не то чтобы я заботился в какой-то мере об этом отвратительном городе или какой-либо колонии испанцев на Филиппинах, но вражеская эскадра в Тихом океане! Это ужасное осложнение здесь для нас в Азии. И если он сможет поговорить с Торанагой, или Ишидо, или с любым другим из

влиятельных даймё, ну, это создаст огромные затруднения, по крайней мере.

— Блэксорн — наверняка. К счастью, мы можем управлять им.

— Бог мне судья, но я знаю, а лучше сказать, верю, что испанцы или, вернее, их презренные лакеи францисканцы и бенедиктинцы наверняка направили его сюда, чтобы навредить нам.

— Может быть, и так, Ваше преосвященство. Нет ничего, на что бы не решились монахи, чтобы победить нас. Но это просто их ревность, потому что мы добиваемся успеха там, где они терпят неудачу. Конечно, Бог покажет им их ошибки! Может быть, англичанин сам «уйдет», прежде чем наделает нам вреда. Его журналы покажут, кто он есть на самом деле. Пират и главарь пиратов!

— Прочитай их Торанаге, Мартин. Те отрывки, где он описывает грабежи незащищенных поселков от Африки до Чили и списки всего награбленного и всех убийств.

— Может быть, нам следует подождать, Ваше преосвященство? Мы всегда сможем предъявить их. Давайте надеяться, что он сам погубит себя своим поведением.

Отец Алвито опять вытер ладони. Он мог чувствовать, что Блэксорн смотрит на него. «Боже, смилуйся над ним, — подумал он. — После того, что ты сказал сегодня Торанаге, твоя жизнь не стоит и фальшивой полупушки, а душа останется без спасения. Ты будешь распят, даже без улики из твоих записей. Может быть, послать их обратно отцу Себастьяну, чтобы он мог вернуть их Муре? Что может сделать Торанага, если бумаги не будут найдены? Нет, это слишком опасно для Мury».

Дверь в дальнем конце комнаты открылась.

— Господин Ишидо желает видеть вас, господин, — возвестил Нага. — Он здесь в коридоре и желает видеть вас. Прямо сейчас, говорит он.

— Все вы, возвращайтесь на свои места, — сказал Торанага своим людям. Ему тут же повиновались. Но все самураи сели лицом к двери, Хиро-Мацу во главе их, меч в ножнах наготове. — Нага-сан, скажи господину Ишидо, что мы готовы его приветствовать. Проси его войти.

Высокий мужчина крупными шагами вошел в комнату. Десять его самураев — серые — вошли с ним, но по его сигналу они остались у входа и сели, скрестив ноги.

Торанага поклонился с установленной формальной вежливостью, и поклон был возвращен с той же точностью.

Отец Алвито радовался той удаче, которая позволила ему присутствовать. Предстоящее столкновение между двумя противоборствующими лидерами сильно влияло на курс империи и будущее матери-церкви в Японии, поэтому любая косвенная или прямая информация, которая могла помочь иезуитам решить, куда приложить свое влияние, могла иметь громадное значение. Ишидо был дзен-буддист и фанатик-антихристианин, Торанага был дзен-буддист и открыто симпатизировал христианству. Но большинство христианских даймё поддерживали Ишидо, опасаясь — и весьма обоснованно, как считал отец Алвито, возвеличивания Торанаги. Христианские даймё чувствовали, что, если Торанага лишит Ишидо его влияния в Совете регентов, он сам захватит всю власть. И, имея власть, как считали они, он применит указы Тайко об изгнании и удалит сторонников истинной веры. Если, однако, Торанага будет удален с политической арены, появляется слабая гарантия преемственности, и мать-церковь будет процветать.

По мере того как менялась верность христианских даймё церкви, другие даймё в стране тоже колебались, и равновесие между двумя лидерами постоянно нарушалось, так что не было известно, какая сила фактически преобладала. Даже он, отец Алвито, самый осведомленный из европейцев, не мог сказать наверняка, кто из христианских даймё поддержит их при открытом столкновении или какая группировка будет преобладать.

Он смотрел, как Торанага спустился с помоста, пробираясь среди окружающих его часовых.

— Добро пожаловать, господин Ишидо. Пожалуйста, садитесь сюда, — Торанага показал на единственную подушку на помосте. — Мне хотелось бы, чтобы вам было удобно.

— Спасибо, не беспокойтесь, господин Торанага.

Ишидо Кацунари был худой, смуглый и очень сильный, на год моложе, чем Торанага. Они были старые враги. Восемьдесят тысяч самураев вокруг и в самом замке Осаки делали его очень важным, так как он был начальником гарнизона и, следовательно, командиром охраны наследника, главнокомандующим армиями запада, завоевателем Кореи, членом Совета регентов и формально (после Тайко) главным инспектором армий всех даймё во всем государстве.

— Спасибо, не беспокойтесь, — повторил он. — Мне было бы очень не по себе, если бы мне было удобно, когда вы терпите неудобства. Конечно, когда-нибудь я воспользуюсь вашей подушкой, но не сегодня.

Волна гнева прошла среди коричневых, когда они услышали эту скрытую угрозу, но Торанага ответил вполне дружелюбно:

— Вы пришли в очень подходящий момент. Я только что кончил разговаривать с новым чужеземцем. Тсуку-сан, пожалуйста, скажи ему, чтобы он встал.

Священник выполнил приказание. Он чувствовал враждебность Ишидо через всю комнату. Кроме того, что он был противник христианства, он презирал все европейское и хотел, чтобы империя была полностью закрыта от них.

Ишидо посмотрел на Блэксорна с заметным отвращением.

— Я слышал, что он безобразен, но не понимал, насколько. Ходят слухи, что он пират. Это так?

— Это без сомнения. К тому же он лжец.

— Тогда прежде чем казнить, пожалуйста, отдайте его мне на полдня. Наследник, может быть, развлечется, увидев сначала его голову,— Ишидо грубо расхохотался.— Или, может быть, он обучит его танцевать, как медведя, тогда можно показывать его как чудище с востока.

Хотя это было верно, что Блэксорн, на диво всем, пришел с восточных морей — в отличие от португальцев, которые всегда приплывали с юга и поэтому назывались Южными Чужеземцами,— Ишидо недвусмысленно намекал, что Торанага, который правил восточными областями, был настоящим чудовищем.

Но Торанага только улыбнулся, как будто не понял.

— Вы человек с большим чувством юмора, господин Ишидо,— сказал он.— Но я согласен, что чем скорее будет уничтожен чужеземец, тем лучше. Он скучен, высокомерен, громкоговорит, со странностями, но не представляет никакой ценности и плохо воспитан. Нага-сан, пошли кого-нибудь, чтобы отправить его в тюрьму с обычными преступниками. Тсуку-сан, скажи ему, чтобы он пошел с ними.

— Кормчий, вам следует пойти с этими людьми.

— Куда мне идти?

Отец Алвито заколебался. Он был рад, что он победил, но его противник был смелый, имел смертную душу, которую все-таки следовало спасти.

— Вы будете находиться под стражей,— сказал он.

— Сколько времени?

— Я не знаю, сын мой. Пока господин Торанага не решит, что делать с вами.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

После того как Торанага проводил взглядом чужеземца, покидающего комнату, он с сожалением отключился от этой темы и перешел к более насущным проблемам Ишидо.

Торанага решил не отпускать священника, зная, что это разозлит Ишидо, несмотря на то что был уверен в опасности его дальнейшего присутствия. «Чем меньше знают иностранцы, тем лучше,— подумал он.— Будет ли дальнейшее влияние Тсуку-сан на христианских даймё против или за меня? До сегодняшнего дня я полностью доверял ему. Но в разговорах с кормчим были некоторые странные моменты, которых я до конца не понял».

Ишидо, умышленно не соблюдая обычных любезностей, сразу перешел к делу:

— Я снова должен спросить, каков ваш ответ Совету регентов? Я снова повторяю: как президент Совета регентов я не верю, что какой-либо ответ необходим. Произошло несколько незначительных семейных изменений, и все. Никакого ответа не требуется.

— Вы обручили вашего сына, Нагу-сана, с дочерью господина Масамуне, женили одну из ваших внучек на сыне господина Кийяма. Все браки относятся к бракам феодальных правителей или их близких родственников и, следовательно, не являются незначительными и абсолютно противоречат приказам нашего господина.

— Наш последний господин, Тайко, умер год назад. К несчастью. Да. Я сожалею о смерти моего шурина и предпочел бы, чтобы он был жив и все еще руководил империей.— Торанага с удовольствием добавил, поворачивая нож в незажившей ране: — Если бы мой шурин был жив, без сомнения, он одобрил бы эти семейные связи. Его инструкции касались браков, которые угрожали бы линии его семьи. Я не угрожаю его семье или семье моего племянника Яэмона, наследника. Я удовлетворен своим положением хозяина Куанто. Я не ищу себе дополнительных земель. Я живу в мире с моими соседями и хочу сохранить этот мир. Клянусь Буддой, я не нарушу мира первым.

В течение шести столетий государство опалая постоянная гражданская война. Тридцать пять лет назад мелкий даймё по имени Города овладел Киото, подстрекаемый в основном Торанагой. Следующие два десятилетия этот воин захватил половину Японии, наделал гору черепов и объявил себя диктатором — все еще недостаточно сильным, чтобы просить правящего императора дать ему титул сёгуна, хотя он отдаленно был родственен ветви Фудзимото. Потом, шестнадцать лет назад, Города был убит одним из своих генералов, и его власть попала в руки его главного вассала и блестящего генерала, крестьянина Накамура.

За четыре неполных года генерал Накамура, которому помогали Торанага, Ишидо и другие, уничтожил всех потомков Города и установил абсолютно полный контроль над Японией, впервые в истории подчинив себе все государство. Во всей своей славе он отправился в Киото поклониться Го-Нидзи, сыну неба. Поскольку он был крестьянин, Накамура принял менее почетную должность Квампаку, главного советника, которую позднее он передал своему сыну, взяв себе титул Тайко. Но каждый даймё кланялся ему, даже Торанага. Невероятно, но на двенадцать лет наступил полный мир. И вот в прошлом году Тайко умер.

— Клянусь Буддой, — повторил Торанага. — Я не нарушу мира первым.

— Умный человек всегда готов к предательству, не так ли? Такие дьяволы есть в каждой провинции. Некоторые из них занимают высокие посты. Мы оба знаем, как велико может быть предательство в сердцах людей. — Торанага выпрямился. — Там, где Тайко оставил единое целое, мы теперь раскололись на мой восток и ваш запад. Совет регентов разделится. Даймё оказались лишними. Совет не может править полной слухами деревней, не говоря уж об империи. Чем скорее вырастет сын Тайко, тем лучше. Чем скорее появится второй Квампаку, тем лучше.

— Или, может быть, сёгун? — с намеком спросил Ишидо.

— Квампаку, или сёгун, или Тайко, власть все одна и та же, — сказал Торанага. — Какую ценность имеет титул? Власть — единственно важная вещь. Города никогда не стал бы сёгуном. Накамура значил больше, чем Квампаку или позже Тайко. Он правил страной, и главное было это. Что из того, что мой шуриин был когда-то крестьянином? Что из того, что моя семья очень древняя? Вы генерал, сеньор, даже член Совета регентов.

«Это много значит, — подумал Ишидо. — Ты знаешь это. Я знаю это. Каждый даймё знает это. Даже Тайко знал это. Яэ-мону семь лет. В семь лет он стал Квампаку. До того времени...»

— В восемь лет, генерал Ишидо. Это наш исторический закон. Когда моему племяннику станет пятнадцать, он станет взрослым и наследует титул. До этого срока мы, пять регентов, правим от его имени. Такова последняя воля нашего господина.

— Да. И он также приказал, чтобы регенты не брали заложников друг против друга. Госпожа Ошиба, мать наследника, заложница в вашем замке в Эдо, залог вашей безопасности здесь, и это также нарушает его волю. Вы формально согласились выполнять его заветы, как сделали все регенты. Вы даже подписали соглашение своею кровью.

Торанага вздохнул.

— Госпожа Ошиба посетила Эдо, где рождает ее единственная сестра. Ее сестра замужем за моим единственным сыном и моим наследником. Место моего сына, пока я здесь, в Эдо. Что может быть более естественно, чем одной сестре посетить другую в такое время? Разве она не стоит этого? Может быть, у меня появится первый внук, а?

— Мать наследника — самая важная госпожа в империи. Она не должна быть... — Ишидо собирался сказать «во вражеских руках», но подумал, что лучше сказать — «в необычном месте». Он подождал, а потом добавил недвусмысленно: — Совет хотел бы, чтобы вы попросили ее вернуться домой сегодня же.

Торанага избежал ловушки.

— Я повторяю, госпожа Ошиба не заложница и, следовательно, не выполняет мои приказы и никогда не выполняла.

— Тогда позвольте мне поставить вопрос по-другому. Совет требует, чтобы она немедленно прибыла в Осаку.

— Кто это требует?

— Я требую. Господин Судзияма. Господин Оноши и господин Кийяма. Далее, мы все согласились, что будем ждать ее возвращения из Осаки прямо здесь. Вот их подписи.

Торанага побагровел. Он настолько удачно манипулировал Советом, что при голосовании тот всегда разделялся на двух и трех. Он никогда не мог выиграть у Ишидо четыре к одному голосу, но никогда и Ишидо не выигрывал у него. Четыре к одному означают изоляцию и гибель. Почему Оноши предал? И Кийяма? Оба непримиримые враги, даже до того, как они перешли в чужеземную религию. И чем теперь их держит Ишидо?

Ишидо знал, что теперь он победил своего врага. Но для того чтобы победа была полной, нужно было сделать еще один шаг. Для этого он составил план, с которым согласился и Оноши.

— Мы, все регенты, согласны с тем, что пора покончить с жelaющими узурпировать верховную власть и убить наследника. Предатели должны быть приговорены. Они будут выставлены на улицах как обычные преступники со всеми их потомками и потом все будут казнены. Фудзимото, Такашима, низкорoжденные, высокорoжденные — не имеет значения кто. Даже Мино-вара!

Все самураи Торанаги задохнулись от гнева, такое святотатство над полуимператорскими фамилиями было неслыханным, потом молодой самурай Усаги, сводный внук Хиро-Мацу, вскочил на ноги, покраснев от злости. Он вытащил свой боевой меч и бросился на Ишидо, обнаженное лезвие было готово для удара двумя руками.

Ишидо приготовился к смертельному удару и не сделал ни одного движения, чтобы защититься. Он планировал именно это, надеялся на это, и его людям было приказано не вмешиваться, пока он не будет убит. Если он, Ишидо, будет убит здесь, сейчас самураем Торанаги, весь гарнизон Осаки сможет вполне обоснованно напасть на Торанагу и убить его, не обращая внимания на заложника. Тогда госпожа Ошибка будет уничтожена в отместку сыновьями Торанаги, и оставшиеся регенты будут вынуждены все вместе выступить против клана Ёси, который, будучи изолированным, будет уничтожен. Только тогда можно будет гарантировать, что наследник и его потомки будут живы и он, Ишидо, выполнит свои обязанности перед Тайко.

Но удара не последовало. В последний момент Усаги пришел в себя и, весь дрожа, вложил меч в ножны.

— Прошу прощения, господин Торанага, — сказал он, низко кланяясь. — Я не мог вынести позора, когда вам нанесли такие оскорбления. Я прошу разрешения немедленно совершить сеппуку, так как я не могу жить с этим позором.

Хотя Торанага остался неподвижен, он был готов помешать удару и знал, что Хиро-Мацу готов к этому и другие готовы тоже и что Ишидо, возможно, будет только ранен. Он понимал также, почему Ишидо вел себя так оскорбительно и вызывающе. «Я отплачу тебе за это, и с большими процентами, Ишидо», — молча пообещал он.

Торанага обратил внимание на стоящего на коленях юношу.

— Как ты осмелился предположить, что слова какого-то господина Ишидо могут хоть в какой-то мере оскорбить меня?! Конечно, ему никогда не следует быть таким невежливым. Как осмелился ты подслушать разговоры, которые тебя не касаются! Нет, тебе не будет разрешено совершить сеппуку. Это честь. У

тебя нет чести и нет самодисциплины. Ты будешь распят как обычный преступник сегодня же. Твой меч будет сломан и зарыт в деревне, голова будет наколота на пику, чтобы все могли посмеяться, читая надпись: «Этот человек был рожден самураем по ошибке. Его имя больше не существует!»

Огромным усилием воли Усаги контролировал свое дыхание, но капли пота падали непрерывно, его мучил стыд. Он поклонился Торанаге, принимая свою судьбу с внешним спокойствием.

Хиро-Мацу вышел вперед и сорвал оба меча с пояса своего родственника.

— Господин Торанага, — сказал он мрачно, — с вашего разрешения, я лично прослежу, чтобы ваши приказы были выполнены.

Торанага кивнул.

Юноша поклонился последний раз, потом хотел встать, но Хиро-Мацу толкнул его обратно на пол.

— Ходят самураи, — сказал он. — Так делают мужчины. Но ты не мужчина. Ты будешь ползти к своей смерти.

Усаги молча повиновался.

И все в комнате были тронуты силой самодисциплины юноши и его мужеством. «Он снова будет рожден самураем», — сказали они про себя, довольные им.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

В эту ночь Торанага не мог спать. У него это бывало редко, так как обычно он мог отложить самые насущные проблемы до следующего дня, зная, что если он доживет до него, то сможет решить их лучшим образом. Он уже давно установил, что спокойный сон может дать ответ на самые сложные головоломки, а если нет, то чего беспокоиться? Разве жизнь — это не капля росы в капле росы?

Но сегодня ночью нужно было обдумать много серьезных вопросов.

«Что делать с Ишидо?»

Почему Оноши перешел на сторону врага?

Как быть с Советом?

Не вмешиваются ли опять христианские священники в чужие дела?

Откуда будет исходить следующая попытка убийства?

Когда разделаться с Ябу?

Что я должен делать с чужеземцем?

Сказал ли он правду?

Любопытно, как чужеземец вышел в восточные моря на этот раз. Это предзнаменование? Его просветила карма, которая освещает, как взрыв бочонка пороха?»

Карма — индийское слово, принятое в Японии, как часть буддийской философии. Карма — отношение к судьбе человека в этой жизни, а его судьба обязательно зависела от поступков, совершенных в предыдущем рождении: хорошие дела возвышали, плохие дела — наоборот. Точно так же, как дела этой жизни определяли следующее воплощение. Человек заново рождался в этом мире слез до тех пор, пока после терпения и страданий он не становился наконец совершенным, сходя в нирвану — совершенный мир и никогда не страдая при новом рождении.

«Странно, что Будда, или другой бог, или, может быть, просто карма привели Анджин-сана во владения Ябу. Странно, что они пристали точно к той деревне, где Мура, тайный глава шпионской системы Изу, был внедрен много лет назад под самым носом Тайко и сифилитичного отца Ябу. Странно, что здесь, в Осаке, был Тсукку-сан, переводчик, который обычно живет в Нагасаки. Что в Осаке оказался также и главный священник христиан, и португальский адмирал. Странно, что кормчий Родригес оказался свободным, чтобы плыть с Хиро-Мацу в Анджино, чтобы вовремя захватить чужеземца живым и получить эти ружья. Теперь там Касиги Оми, сын человека, который принесет мне голову Ябу, если только я пошевелю пальцем.

Как красива жизнь и как печальна! Как быстротечна, без прошлого и будущего, только бесконечное сейчас».

Торанага вздохнул. Одно наверняка: чужеземец никогда отсюда не уедет. Ни живым ни мертвым. Он теперь навеки часть государства. Он уловил приближение почти беззвучных шагов и приготовил меч. Каждую ночь в произвольном порядке он менял спальню, охрану и пароли, пытаясь обезопасить себя от убийц, которых все время ожидал. Шаги прекратились перед седзи с наружной стороны. Вскоре он услышал голос Хиро-Мацу и начало пароля:

— Если истина уже ясна, какая польза в медитации?

— А если истина скрыта? — спросил Торанага.

— Это уже ясно, — ответил Хиро-Мацу как положено. Цитата была взята у древнего буддийского учителя Сарахи.

— Войди.

Только когда Торанага увидел, что это был, и правда, его советник, он опустил свой меч.

— Садись.

— Я слышал, что вы не спите. Я подумал, что вам может что-то потребоваться.

— Нет. Спасибо, — Торанага заметил, как углубились морщины вокруг глаз старика. — Я рад, что ты здесь, старый друг, — сказал он.

— Вы уверены, что все нормально?

— О да.

— Тогда я оставлю вас. Извините, что побеспокоил, господин.

— Нет, пожалуйста, войди. Я рад, что ты здесь. Садись.

Старик сел около двери, выпрямив спину.

— Я удвоил охрану.

— Хорошо.

Немного помолчав, Хиро-Мацу сказал:

— С этим сумасшедшим все было сделано, как вы приказали. Все.

— Спасибо.

— Его жена, моя внучка, как только услышала приговор, попросила разрешения покончить с собой, чтобы сопровождать своего мужа и ее сына в Великую Пустоту. Я отказал и велел ей дожидаться вашего разрешения, — Хиро-Мацу внутри весь кро-воточил. Как ужасна жизнь!

— Вы поступили правильно.

— Я официально прошу разрешения покончить с жизнью. В том, что он ввергал вас в смертельную опасность, есть и моя вина. Я должен был определить, что он не годится для такой службы. Это моя вина.

— Ты можешь не совершать сеппуку.

— Пожалуйста. Я официально прошу разрешения.

— Нет, ты нужен мне живым.

— Я повинуюсь вам. Но, пожалуйста, примите мои извинения.

— Ваши извинения приняты.

Через некоторое время Торанага спросил:

— Что с этим чужеземцем?

— Много чего, господин. Во-первых, если бы вы не дожидались этого чужеземца, сегодня вы бы выехали с рассветом и Ишидо никогда бы не захватил вас на таком отвратительном сборище. У вас теперь нет выбора, кроме как объявить ему войну — если вы сможете выбраться из этого замка и вернуться в Эдо.

— Во-вторых?

— И в-третьих, и в-сорок третьих, и в-стосорок третьих? Я не так умен, как вы, господин Торанага, но даже я могу видеть, что все, в чем нас хоть отчасти убедили южные варвары, неверно. — Хиро-Мацу был рад поговорить, это помогало ему унять боль. — Но если есть две христианские религии, которые ненавидят друг друга, и если Португалия является частью более крупной испанской нации, и если эта новая чужеземная страна воюет с ними двумя и побеждает их, и если это такая же островная нация, как и мы, и, самое главное, если он говорит правду и если священник точно переводил все, что говорил чужеземец... Ну, вы можете собрать вместе все эти «если», оценить их сами и составить план. Я не могу, так что простите. Я только знаю, что я видел в Анджиро и на борту корабля. Этот Анджин-сан очень силен умом, хотя и слаб телом в настоящее время, но это из-за длительного путешествия, и командир в море. Я совершенно его не понимаю. Как можно быть таким человеком и позволить кому-то мочиться себе на спину? Почему он спас жизнь Ябу после того, что этот человек сделал с ним, а также жизнь другого своего явного врага, португальца Родригеса? Моя голова кружится от такого количества вопросов, как если бы я был пьян. — Хиро-Мацу помолчал — он очень устал. — Но я думаю, нам следует держать его на берегу и принимать всех подобных ему, если они будут приплывать, а потом очень быстро их всех убивать.

— А что с Ябу?

— Прикажете ему совершить сеппуку сегодня вечером.

— Почему?

— Он плохо воспитан. Вы предсказали, что он будет делать, когда я приеду в Анджиро. Он собирался украсть вашу собственность. И он лжец. Не собирайтесь встречаться с ним завтра, как вы хотели. Вместо этого позвольте мне сейчас передать ему этот приказ. Вы должны будете убить его рано или поздно. Лучше теперь, когда он под рукой, без своих вассалов. Я советую не медлить.

Раздался тихий стук во внутреннюю дверь.

— Тора-чан?

Торанага улыбнулся, как он всегда улыбался при звуках этого совершенно особого голоса, звучащего так успокаивающе.

— Да, Кири-сан?

— Я взяла на себя смелость, господин, принести зеленого чая вам и вашему гостю. Пожалуйста, разрешите мне войти?

— Да.

Мужчины ответили на ее поклон. Кири закрыла дверь и занялась разливанием чая. Ей было пятьдесят три года, она была важная госпожа среди фрейлин госпожи Торанаги, Киритсубо-нох-Тошико, по прозвищу Кири, самая старшая из придворных дам. Ее волосы уже седели, талия расплнела, но лицо сияло вечной радостью.

— Вам не следовало просыпаться, нет, не в это время ночи, Тора-чан! Скоро уже будет рассвет, и, я полагаю, вы поедете на охоту в горы с вашими соколами, не так ли? Вам нужно поспать!

— Да, Кири-чан! — Торанага с чувством похлопал ее по широкой пояснице.

— Пожалуйста, не зови меня Кири-чан! — засмеялась Кири. — Я старая женщина, и мне нужно оказывать массу уважения. Другие ваши дамы создают мне много неудобств с этим. Киритсубо-Тошико-сан, если вы будете так добры, мой господин Ёси Торанага-нох-Чикитада!

— Вот видишь, Хиро-Мацу. И спустя двадцать лет она все еще пытается командовать мной.

— Извини, но более чем тридцать лет, Тора-сама, — сказала она гордо. — И вы тогда были такой же послушный, как и теперь!

Когда Торанаге было двадцать лет, он был заложником у деспотического правителя Икава Тадазаки, господина Суруга и Тотоми, отца нынешнего Икавы Джикья, который был врагом Ябу. Самурай, ответственный за хорошее поведение Торанаги, только что взял второй женой Киритсубо. Ей было тогда семнадцать лет. И этот самурай, и Кири, его жена, с большим уважением относились к Торанаге, давали ему мудрые советы, и потом, когда Торанага восстал против Тадазаки и присоединился к Городе, он пошел за ним вместе с большим войском и смело сражался на его стороне. Позже, в сражении за столицу, муж Кири был убит. Торанага спросил ее, не станет ли она одной из его жен, и она с радостью приняла это предложение. В те годы она не была толстой, но была такой же заботливой и умной. Ей тогда было девятнадцать лет, ему двадцать четыре, и

она была центром его дома. Очень проникательная и способная, Кири многие годы вела его хозяйство и держала дом без бед и огорчений.

«Настолько без огорчений, насколько только может это сделать женщина», — подумал Торанага.

— Ты толстеешь, — сказал он, не упоминая, что она уже была толстая.

— Господин Торанага! Перед господином Тодой! О, простите, я должна совершить сеппуку — или, по крайней мере, побрить голову и стать монахиней, а я-то думала, что я такая молоденькая и стройная! — Она расхохоталась. — Ну ладно, я толсто-задая, но что я могу сделать? Просто я люблю поесть, и это проблема Будды и моя карма, не так ли? — Она предложила чаю. — Вот. Теперь я ухожу. Вы не хотели бы, чтобы я прислала гос-пожу Сазуко?

— Нет, моя предусмотрительная Кири-сан, нет, спасибо тебе. Мы немного поговорим, и я лягу спать.

— Спокойной ночи, Тора-сама. Приятного сна без сновиде-ний. — Она поклонилась ему и Хиро-Мацу и вышла.

Они попробовали чай.

Торанага сказал:

— Я всегда жалею, что мы не имели сына, Кири-сан и я. Од-нажды она забеременела, но не выносила. Это было, когда мы были в битве за Нагакуде.

— Ах вот оно что.

— Да.

Это было как раз после того, как диктатор Города был умерщвлен, когда генерал Накамура — будущий Тайко — пытался собрать всю власть в своих руках. В то время исход со-бытий был сомнителен, так как Торанага подержал одного из сыновей Короги, законного наследника. Накамура выступил против Торанаги около маленькой деревушки Нагакуде, его силы были разбиты, окружены, и он проиграл битву. Пресле-дуемый новой армией, которой теперь на стороне Накамуры ко-мандовал Хиро-Мацу, Торанага с большим искусством отсту-пил и избежал новой ловушки Уйдя в свои родные провинции, он сохранил армию снова готовую к битве. У Нагакуде погибло пятьдесят тысяч человек, очень немногие из них были людьми Торанаги. К чести будущего Тайко, надо сказать, что он прекра-тил гражданскую войну против Торанаги, хотя и мог ее выи-грать. Битва при Нагакуде была единственной, которую прои-грал Тайко, и Торанага был единственным генералом, который когда-либо побеждал его.

— Я рад, что мы никогда не встретились в битве, господин, — сказал Хиро-Мацу.

— Да.

— Ты бы победил.

— Нет. Тайко был самым великим из генералов и мудрей-шим, искуснейшим из всех.

Хиро-Мацу улыбнулся.

— Да. За исключением тебя.

— Нет. Ты не прав. Вот поэтому я и стал его вассалом.

— Я сожалею, что он умер.

— Да.

— И Города — он был прекрасным человеком, не так ли? Столько хороших людей погибло. — Хиро-Мацу неосознанно повернулся и покрытил свои потертые ножны. — Ты должен вы-ступить против Ишидо. Это вынудит каждого даймё выбрать, на чьей стороне воевать, раз и навсегда. Мы быстро победим. Тогда ты сможешь разогнать Совет и стать сёгуном.

— Я не стремлюсь к этой чести, — резко сказал Торанага. — Сколько раз я должен тебе это говорить?

— Прошу прощения, господин. Но я чувствую, что это было бы лучше всего для Японии.

— Это измена.

— Кому, господин? Измена Тайко? Он мертв. Его последней воле и завещанию? Это только кусок бумаги. Мальчишке Яэ-мону? Яэмон — сын крестьянина, узурпировавшего власть, при-своившего наследство генерала, родственников которого он по-губил. Мы были союзники Города, потом вассалы Тайко. Да. Но они оба мертвы.

— Ты бы посоветовал это, если бы был одним из регентов?

— Нет. Но я не один из регентов, и я очень этому рад. Я только ваш вассал. Я выбрал свое место год назад. Я сделал это свободно.

— Почему? — Торанага никогда не спрашивал его раньше об этом.

— Потому что вы человек, потому что вы Миновара и по-тому что вы поступаете умно. То, что вы сказали Ишидо, было правильно: мы не такой народ, чтобы нами управлял Совет. Нам нужен вождь. Кого мне выбрать из пяти регентов, чтобы служить? Господина Оноши? Да, он очень мудрый человек и хо-роший ге-нерал. Но он христианин и больной, его плоть сгнила от проказы, так что он воняет на пятьдесят шагов. Господин Суджийяма? Он самый богатый даймё в стране, его семья такая же древняя, как и ваша. Но он трусливый ренегат, и мы знаем

его вечность. Господин Кийяма? Умный, смелый крупный военный и старый товарищ. Но он тоже христианин; и я думаю, мы имеем достаточно богов в своей стране, чтобы не быть столь высокомерными, чтобы поклоняться только одному. Ишидо? Я не люблю эту предательскую крестьянскую пададь все то время, что я знаю его, и единственная причина, по которой я не убил его, это — что он верный пес Тайко. — Его жесткое лицо расплылось в улыбке. — Так что ты видишь, Ёси Торанага-нох-Миновара, ты не даешь мне других шансов.

— А если я не последую твоему совету? Если я буду манипулировать Советом регентов, даже Ишидо, и приведу Яэмона к власти?

— Что бы ты ни сделал, это будет разумно. Но все регенты хотят твоей смерти. Это верно. Я выступаю за немедленную войну. Немедленную. Прежде чем они изолируют тебя. Или, что более вероятно, убьют.

Торанага подумал о своих врагах. Они были сильны и многочисленны.

Возвращение в Эдо заняло бы у него три недели, если ехать по Токкайдской дороге, главной транспортной артерии, которая шла берегом между Эдо и Осакой. Плыть на корабле было более опасно и, может быть, более долго, если только не воспользоваться галерой, которая может идти против ветра и приливов.

Торанага мысленно опять обратился к плану, который он уже продумал, он не мог найти в нем изъянов.

— Я тайком слышал вчера, что мать Ишидо посетила своего внука в Нагое, — сказал он, и Хиро-Мацу сразу стал весь внимание. Нагоя был огромным городом — государством, которое еще не присоединилось ни к одной стороне. — Госпожа должна быть приглашена аббатом посетить замок Джоджи. Посмотреть, как цветет вишня.

— Немедленно, — сказал Хиро-Мацу. — Голубиной почтой. — Замок Джоджи был известен тремя достопримечательностями: улицей вишневых деревьев, воинственностью своих монахов, исповедующих дзен-буддизм, и открытой неумирающей верностью Торанаге, который много лет назад оплатил строительство замка и с тех пор следил за его содержанием. — Самый разгар цветения прошел, но она будет там завтра. Я не сомневаюсь, что почтенная госпожа захочет остаться там на несколько дней, это так успокаивает. Ее внук также поедет с ней, да?

— Нет — только она. Это сделало бы приглашение аббата слишком очевидным. Дальше: пошли секретным шифром по-

слание моему сыну Сударе: я покину Осаку в то время, как Совет регентов закончит свою работу — через четыре дня. Пошли это с гонцом и продублируй завтра почтовым голубем.

Недовольство Хиро-Мацу было очевидным.

— Тогда не стоит ли мне собрать сразу десять тысяч человек? В Осаке?

— Нет. Людей здесь достаточно. Спасибо, старый друг. Думаю, я теперь сосну.

Хиро-Мацу встал и расправил плечи. Потом, уже у дверей:

— Я могу передать Фудзико, моей внучке, разрешение покончить с собой?

— Нет.

— Но Фудзико — самурай, господин, и вы знаете, как матери относятся к своим детям. Ребенок был ее первенцем.

— Фудзико может иметь еще много детей. Сколько ей лет? Восемнадцать — только что исполнилось девятнадцать? Я найду ей другого мужа.

Хиро-Мацу покачал головой.

— Она его не примет. Я слишком хорошо ее знаю. Это ее внутреннее желание покончить с жизнью. Пожалуйста.

— Скажите вашей внучке, что я не одобряю бесполезную смерть. В прощении отказано.

Через некоторое время Хиро-Мацу поклонился и собрался уходить.

— Сколько времени протянет этот чужеземец в тюрьме? — спросил Торанага.

Хиро-Мацу не обернулся.

— Это зависит от того, насколько жестокий он убийца.

— Благодарю тебя. Спокойной ночи, Хиро-Мацу. — Удостоверившись, что остался один, он тихо произнес: — Кири-сан?

Внутренняя дверь открылась, она вошла и стала на колени.

— Немедленно пошли сообщение Сударе: «Все хорошо». Пошли это скоростными голубями. Выпусти трех из них на рассвете одновременно. В полдень сделай это же еще раз.

— Да, господин. — Она ушла.

«Один пробьется, — подумал он. — По крайней мере четыре погибнут от стрел, шпионов, ястребов. Но если Ишидо не разгадал наш код, послание для него ничего не даст».

Код был очень засекречен. Его знали четыре человека: его старший сын, Небару; его второй сын и наследник, Судара; Кири и он сам. Расшифрованное послание означало: «Не обращать внимания на все остальные сообщения. Действовать по плану пять». По заранее установленной договоренности план

пять содержал приказы собрать всех лидеров клана Ёси и их самых доверенных тайных советников немедленно в его столице, Эдо, и провести мобилизацию для войны. Кодовые слова, которые означали войну, были «Малиновое небо». Его убийство или пленение делали «Малиновое небо» неминуемым и начинали войну — немедленное фанатичное нападение на Киото, проводимое Сударой, его наследником, всеми войсками, чтобы захватить эту столицу и марионетку императора. Это проводилось вместе с секретно разработанными, тщательно спланированными восстаниями в пятидесяти провинциях, которые готовились годами для такого случая. Все цели, перевалы, города, замки, мосты были давно выбраны. Было достаточно оружия, людей и планов, как это лучше сделать.

«Это хороший план, — подумал Торанага. — Но он не удастся, если выполнять его буду не я. Судара проиграет. Не из-за желания рискнуть, или недостатка мужества, или ума, или из-за измены. Просто потому, что Судара не имеет достаточно опыта или знаний и не может увлечь за собой еще не решившихся даймё. А также потому, что осакский замок и наследник Яэмон станут на его пути, это средоточие для всего — вражды и ревности, которые я накопил за пятьдесят два года войны».

Война для Торанаги началась, когда ему было шесть лет и он был взят заложником во вражеский лагерь, потом выпущен, потом захвачен другими врагами и опять взят в заложники, чтобы быть выпущенным, и так до двенадцати лет. В двенадцать он повел свой первый отряд и выиграл свой первый бой.

И так много битв. Ни одной не проиграно. Но так много врагов. И теперь они объединились.

Судара проиграет. Ты единственный, кто может победить при «Малиновом небе», может быть. Тайко мог сделать это, конечно. Но лучше будет не доходить до «Малинового неба».

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Для Блэксорна это был адский рассвет. Он был ввергнут в битву с приговоренными к смерти. Наградой была мисочка каши. Оба мужчины были обнажены. Когда бы приговоренного ни помещали в эту огромную, одноэтажную деревянную ячеек-блок, его одежда отбиралась. Одетый человек занимал больше места и мог скрыть оружие под платьем.

Мрачное и душное помещение было пятьдесят шагов в длину и десять в ширину и набито голыми потными японцами. Слабый свет проходил через планки и балки, из которых были сделаны стены и низкий потолок.

Блэксорн едва мог стоять прямо. Его кожа была в пятнах и царапинах от сломанных ногтей мужчин и деревянных заноз от стен. Наконец, он ударил головой в лицо мужчины, схватил за горло и стал бить его головой о балки помещения, пока тот не потерял сознание. Тогда он отбросил тело в сторону и стал пробиваться через потную массу к месту, которое он наметил себе в углу, и приготовился к новой атаке.

На рассвете наступило время еды, и стража начала передавать мисочки с кашей и водой через маленькое отверстие. Впервые им дали еду и питье с тех пор, как он попал сюда в сумерках прошлого дня. Выстроившиеся для получения воды и еды были необычно спокойны. Без порядка никто не мог получить пищи. Потом обезьяноподобный человек — небритый, грязный, усеянный вшами — оттолкнул его и забрал его порцию, пока другие ждали, что произойдет. Но Блэксорн побывал в достаточно многих матросских драках, чтобы быть сбитым одним предательским ударом, поэтому он изобразил беспомощность, потом яростно лягнул его ногой, и бой начался. Теперь, в углу, Блэксорн увидел, к своему удивлению, что один из этих людей предлагает ему мисочку каши и воду, которые он, как ему казалось, уже потерял. Он взял и поблагодарил его.

Углы были самыми излюбленными местами. Балки шли вдоль, по земляному полу, деля комнату на две части. В каждой части было по три ряда людей, два ряда лицом друг к другу, спи-

нами к стене или брусу, еще один ряд между ними. В центральном ряду сидели только слабые и больные. Когда более здоровый человек в наружных рядах хотел вытянуть ноги, он клал их на тех, кто был в середине.

Блэксорн заметил два трупа, распухших и засиженных мухами, в одном из средних рядов. Но ослабевшие и умирающие люди вокруг, казалось, не замечали их.

Он не мог разглядеть ничего вдаль, в этом мрачном, со спертым воздухом помещении. Солнце уже пекло дерево. Стояло несколько параш, но запах был ужасным, так как больные испражнялись под себя и в места, где они сидели в согбенном положении.

Время от времени стража открывала железную дверь и выкликала имена. Люди кланялись своим товарищам, уходили, но вскоре на их место приходили другие. Все узники, казалось, смирились со своей участью и пытались, как только могли, жить в мире со своими ближайшими соседями.

Одного мужчину около стены начало тошнить. Он быстро был вытолкнут в средний ряд, где сидел согнувшись, наполовину задушенный грузом ног.

Блэксорн закрыл глаза и пытался унять свой ужас и клаустрофобию. Негодяй Торанага! Я молюсь о том, чтобы иметь возможность затащить тебя в такое место на денек.

Негодяи стража! Прошлой ночью, когда ему было приказано раздеться, он дрался с ними с горьким сознанием беспомощности, понимая, что его избьют, дрался только потому, что не привык сдаваться. И в конце концов он был силой заброшен в эту дверь.

Всего было четыре таких блока-ячейки. Они располагались на краю города, на мощеном участке земли с высокими каменными стенами. За стенами была неогороженная утрामбованная земля около реки. На ней стояли пять крестов. Обнаженные мужчины и одна женщина были привязаны с широко расставленными ногами, на крестах за запястья и щиколотки, и пока Блэксорн шел по периметру вслед за самураями-часовыми, он увидел палача, под смех толпы наискось втыкающего длинные пики в грудные клетки жертв. Потом эти пятеро были сняты с крестов и на их место подвешены другие, вышел самурай и разрубил трупы своим мечом на мелкие куски, смеясь во время этой работы.

Кровавые подонки, гнусные негодяи!

Незаметно человек, с которым подрался Блэксорн, пришел в сознание. Он лежал в среднем ряду. На одной стороне лица за-

пеклась кровь, нос был раздроблен. Внезапно он прыгнул на Блэксорна, ничего не замечая на своем пути.

Блэксорн увидел его приближающимся в последний момент, с большим усилием парировал эту бешеную атаку и свалил его без сознания. Заключенные, на которых он упал, закричали на него, и один из них, тяжеловесный и сложенный как бульдог, рубанул его по шее ребром ладони. Раздался сухой щелчок, и голова человека повалилась набок.

Похожий на бульдога человек поднял полуобритую голову за тонкий, усеянный вшами чуб и опустил его. Он взглянул на Блэксорна, сказал что-то гортанное, улыбнулся голыми беззубыми деснами и пожал плечами.

— Спасибо,— сказал Блэксорн, успокаивая дыхание, думая о том, что не обладает искусством рукопашного боя, каким владеет Мура.— Мое имя Анджин-сан,— сказал он, указывая на себя.— А твое?

— Ах, со дес! Анджин-сан,— бульдог указал на себя и вдохнул в себя воздух.— Миникуй.

— Миникуй-сан?

— Хай,— сказал он и добавил большую фразу на японском.

Блэксорн устало пожал плечами.

— Вакаримасен. Я не понял.

— Ах, со дес! — Бульдог кратко и быстро поговорил со своими соседями. Потом он опять пожал плечами, и Блэксорн пожал плечами, они подняли мертвеца и положили его рядом с другими. Когда они вернулись в свой угол, их места были не заняты.

Большинство заключенных спало или отчаянно пыталось уснуть.

Блэксорну было мерзко, ужасно и страшно смерти. «Не беспокойся, у тебя еще длинный путь, прежде чем ты умрешь... Нет, я не могу жить долго в этой адской яме. Здесь слишком много народу. О Боже, помоги мне выйти отсюда! Почему эта комната плавает вверх и вниз и Родригес выплывает из глубины с пинцетами вместо глаз? Я не могу дышать, не могу дышать. Я должен выбраться отсюда, пожалуйста, пожалуйста, не подкидывая больше дров в огонь. Что ты делаешь здесь, Круук, приятель? Я думал, они освободили тебя и ты вернулся в деревню, но теперь мы здесь, в деревне. А как я оказался здесь? Здесь так прохладно. И что это за девочка, такая хорошенькая, внизу под досками, но почему они тащат ее к берегу, голые самураи, там еще этот Оми смеется? Почему на песке внизу кровавые от-

метки, все голые, я голый, ведьмы и крестьяне, дети, котел и мы в котле... О нет, не надо больше дров, не надо больше дров, я утону в жидкой грязи, о Боже, о Боже, я умираю, умираю, умираю... «Во имя отца и сына и святого духа». Это последнее причастие, и вы католик, и мы католики, и вы сгорите или утонете в моче и сгорите в огне, в огне, в огне...»

Он вытащил себя из кошмара, его уши ощутили мирное мягкое окончание последнего причастия. На какое-то время он не мог понять, проснулся он или спит, потому что не верил своим ушам, снова слыша благословение на латыни, и его неверящие глаза снова увидели сморщенное старое пугало — европейца, идущего по среднему ряду в пятнадцать шагах от Блэксорна. Беззубый старик носил грязный поношенный халат, у него были длинные грязные волосы, спутанная борода и сломанные ногти. Он поднял руку, как коготь хищника, и подержал над телом полуспрятанный деревянный крест. Луч света осветил его мгновенно. После этого он закрыл мертвецам глаза, пробормотал молитву и, осмотревшись, увидел, что Блэксорн смотрит на него.

— Матерь Божья. Это вы на самом деле? — прокаркал он грубо по-испански, крестясь.

— Да, — сказал Блэксорн по-испански. — Кто вы?

Старик ощупью пробирался дальше, бормоча про себя. Другие заключенные давали ему пройти и разрешали наступать или шагать через себя, не сказав ни слова. Он смотрел вниз на Блэксорна через слезящиеся глаза, его лицо было в бородавках.

— О, Святая Дева, этот господин живой. Кто вы? Я... Я брат... брат Доминго... Доминго... Доминго из священного... священного ордена святого Франциска... ордена... — после этого его слова представляли собой смесь из японского, латыни и испанского. Его голова подергивалась, и он все время вытирал слюну, которая сочилась изо рта по подбородку. — Сеньор действительно живой?

— Да, я живой на самом деле, — Блэксорн поднялся.

Священник еще раз пробормотал о Святой Деве, слезы текли по его щекам. Он снова поцеловал свой крест и хотел опуститься на колени, ища для этого места. Бульдог потряс своего соседа, заставляя его проснуться. Оба сели на корточки, освободив место для священника.

— Клянусь благословенным святым Франциском, мои молитвы услышаны. Ты, ты, ты... я думал, что у меня видения, сеньор, что вы призрак. Да, дух дьявола. Я видел так много, так много... сколько вы здесь, сеньор? Здесь трудно что-либо расс-

мотреть в темноте, и мои глаза не так хороши... Сколько времени вы здесь?

— Со вчерашнего дня, а вы?

— Я не знаю, сеньор. Давно. Меня посадили сюда, это было в сентябре, в тысяча пятьсот девяносто восьмом году от рождения нашего Господа.

— Сейчас май. Тысяча шестисотый год.

— Тысяча шестисотый?

Стонущий крик отвлек внимание монаха. Он встал и пошел через тела как паук, ободряя одного там, трогая другого здесь, бегло утешая их по-японски. Он не мог найти умирающего, поэтому он исполнил весь ритуал в той части камеры и благословил всех, и никто не возражал.

— Иди со мною, мой сын.

Не дожидаясь, монах захромал дальше, сквозь массу людей, в темноту. Блэксорн колебался, не желая оставлять свое место. Потом он встал и последовал за ним. Через десять шагов он оглянулся. Его место было уже занято. Казалось невероятным, что он когда-то сидел там.

Он продолжал идти по бараку. В дальнем углу было, как это ни странно, свободное место. Как раз достаточно для того, чтобы улечься небольшому человеку. Там было несколько горшков, чашек и старый соломенный мат.

Окружающие японцы молча наблюдали за ними, дав пройти Блэксорну.

— Это моя паства, сеньор. Они все мои дети у благословенного Господа нашего Иисуса. Я их так много здесь обратил — это Джон, а здесь Марк и Мафусаил... — Священник остановился перевести дыхание. — Я так устал. Устал. Я... должен, я должен... — Его голос затих, и он уснул.

В сумерках принесли еду. Когда Блэксорн собрался встать, один из японцев около него сделал ему знак оставаться на месте и принес доверху наполненную чашку. Другой человек мягко потряс священника, чтобы разбудить, предлагая пищу.

— Ие, — сказал старик, качая головой и улыбаясь, миску он протянул обратно.

— Ие, Фардах-сама.

Священник дал себя уговорить и поел немного, потом встал, его суставы хрустнули, и протянул свою миску одному из тех, кто был в среднем ряду. Этот человек притянул руку священника к своему лбу, и тот его благословил.

— Я так рад повидать еще одного соотечественника, — сказал священник, садясь опять около Блэксорна, его крестьянский

голос был низким и шипящим. Он с усилием показал рукой в дальний угол камеры.— Кто-то из моей паствы сказал, что сеньора называют «кормчий», «анджин»? Сеньор кормчий?

— Да.

— Здесь есть кто-нибудь еще из команды сеньора?

— Нет. Я один. Почему ты здесь?

— Если сеньор один — он пришел из Манилы?

— Нет. Я никогда не был в Азии,— осторожно сказал Блэксорн. Его испанский язык был превосходен.— Это было мое первое плавание в качестве кормчего. Я был... Я был за границей. Почему вы здесь?

— Иезуиты заточили меня сюда, сын мой. Иезуиты и их мерзкая ложь. Сеньор был за границей? Ты не испанец, нет — и не португалец...— Монах подозрительно всмотрелся в него, и Блэксорна обдало его зловонным дыханием.— Корабль был португальским? Скажи мне правду, ради Бога!

— Нет, отец. Корабль был не португальский. Перед Богом клянусь!

— О, Благословенная Дева, благодарю тебя! Пожалуйста, простите меня, сеньор. Я боюсь — я старый человек, глупый и больной. Твой корабль был испанский, откуда? Так рад — откуда вы, сеньор? Из Испанской Фландрии? Или из герцогства Бранденбургского, может быть? Откуда-нибудь из наших доминионов в Германии? О, так хорошо опять поговорить наконец на языке моей благословенной матери! Сеньор так же, как и мы, потерпел кораблекрушение? А потом подло брошен в эту тюрьму, подло обвиненный этими дьявольскими иезуитами? Мой Бог проклинает их и показывает им грех их измены! — Его глаза вспыхнули яростью.— Сеньор сказал, что он никогда не был в Азии раньше?

— Нет.

— Если сеньор никогда не был в Азии раньше, то он будет здесь как ребенок в джунглях. Да, здесь можно много чего рассказать! Сеньор знает, что иезуиты только торговцы, незаконно ввозящие оружие и занимающиеся ростовщичеством? Что они командуют здесь всей торговлей шелком, всей торговлей с Китаем? Что ежегодный Черный Корабль стоит миллион золотом? Что они вынудили его святейшество папу отдать им всю власть над Азией — им и их собакам, португальцам? Что все другие религии здесь запрещены? Что иезуиты имеют здесь дело только с золотом, покупая и продавая для наживы — для себя и для варваров — против прямых приказов его святейшества, папы Клементия, короля Филиппа и против законов этой

страны? Что они контрабандой ввозят оружие в Японию для христианских князей, подстрекая их к мятежу? Что они вмешиваются в политику и сводничают для князей, лгут и мошенничают и дают лживые свидетельства против нас? Что их игумен сам послал секретное послание нашему испанскому вице-королю в Лусон с просьбой прислать конкистадоров для завоевания страны — они просили об отторжении Испании, чтобы скрыть новые португальские ошибки. Все наши несчастья могут быть отнесены на их счет, сеньор. Это иезуиты лгут, мошенничают и вредят нашему любимому королю Филиппу! Их ложь привела меня сюда и вызвала казнь двадцати шести святых отцов. Они думают, что, если я был когда-то крестьянином, я не понимаю... но я могу читать и писать, сеньор, я могу читать и писать! Я был одним из секретарей его превосходительства вице-короля. Они думают, что мы, францисканцы, не понимаем...— Он вдруг опять перешел на напыщенную смесь испанского и латыни.

Настроение у Блэксорна поднялось, его любопытство возросло по мере рассказа священника. Что за оружие? Что за золото? Какая торговля? Какой Черный Корабль? Миллион? Что за вторжение? Какие христианские короли?

«А ты не обманываешь бедного больного старика? — спросил он себя.— Он думает, что ты его друг, а не враг.

Я не лгал ему.

Но ты не имел в виду, что ты его друг?

Я отвечал ему прямо.

Но ты ничего не предложил?

Нет.

Это честно?

Первое правило выжить во враждебных водах — ничего не предлагать».

Вспышка раздражения монаха была для всех неожиданной. Японцы, лежавшие рядом, с трудом подвинулись. Один из них встал, мягко потряс священника и заговорил с ним. Отец Доминго постепенно пришел в себя, его глаза прояснились. Он посмотрел на Блэксорна, узнавая его, ответил японцу и успокоил остальных.

— Извините меня, сеньор,— сказал он, задышавшись.— Они... они думают, я рассердился на сеньора. Бог простит мне мой глупый гнев! Это было затмение, иезуиты приходят из ада, вместе с еретиками и язычниками. Я много могу рассказать тебе о них.— Монах вытер слюну с подбородка и попытался успокоиться. Он нажал себе на грудь, чтобы облегчить в ней

боль.— Сеньор что-то сказал? Твой корабль, он причалил к берегу?

— Да. В некотором роде. Мы доплыли до земли,— ответил Блэксорн. Он осторожно вытянул ноги. Люди кругом, которые смотрели на него и слушали разговор, подвинулись.— Спасибо,— сказал он сразу,— да, как вы говорите «спасибо», отец?

— «Домо». Иногда вы можете сказать «аригато». Женщина должна быть особенно вежлива, сеньор. Она говорит «аригато годзиемашита».

— Спасибо. Как его имя? — Блэксорн показал на человека, который встал.

— Это Гонсалес.

— А какое у него японское имя?

— Ах да. Он Акабо. Но это значит «носильщик», сеньор. У них нет имен. Имена имеют только самураи.

— Что?

— Только самураи имеют имена, имена и фамилии. Таков их закон, сеньор. И каждый должен делать то, что он есть — носильщик, рыбак, повар, палач, фермер и так далее. Сыновья и дочери просто Первая Дочь, Вторая Дочь, Первый Сын и так далее. Иногда они зовут человека «рыбак, который живет у вяза» или «рыбак с большими глазами». — Монах пожал плечами и подавил зевок. — Обычным японцам не разрешают иметь имена. Проститутки дают себе имена типа Карп, Лепесток, Угорь или Звезда. Это странно, сеньор, но таков их закон. Мы даем им христианские имена, настоящие имена, когда крестим их, даем им спасение и слово божие... — Его слова замерли, и он уснул.

— Домо, Акабо-сан,— сказал Блэксорн носильщику.

Человек застенчиво улыбнулся, поклонился и вздохнул.

Позднее монах проснулся и произнес краткую молитву.

— Только вчера, сказали, сеньор? Он пришел только вчера? Что случилось с сеньором?

— Когда мы пристали здесь, там был иезуит,— сказал Блэксорн.— А что вы, отец? Вы говорите, они обвиняют вас? Что случилось с вами и вашим кораблем?

— Наш корабль? Сеньор говорит о нашем корабле? Сеньор приехал из Манилы, как мы? О, о, как я глуп! Я помню теперь, сеньор был за границей и никогда не был в Азии раньше. Клянусь благословенным телом Христовым, хорошо опять поговорить с цивилизованным человеком, на языке моей блаженной матери! Кхе ва, это было так давно. Моя голова болит, болит, сеньор. Наш корабль? Мы давно собирались домой. Домой из

Манилы в Акапулько, в страну Кортеса, в Мексику, оттуда сушей до Вера-Круц. А там другой корабль через Атлантику и длинный, длинный путь домой. Моя деревня находится под Мадридом, сеньор, в горах. Она называется Санта-Вероника. Сорок лет я не был там, сеньор. В Новом Свете, в Мексике и на Филиппинах. Всегда с нашими славными конкистадорами, может быть, Дева следит за ними! Я был в Лусоне, когда мы разбили короля местных язычников, Лумалона, и завоевали Лусон и таким образом принесли слово Божье на Филиппины. Много наших новообращенных японцев сражалось с нами даже тогда, сеньор. Такие бойцы! Это было в 1575 году. Мать-церковь хорошо укрепилась там, мой сын, и нигде не было видно грязных иезуитов или португальцев. Я приехал в Японию почти два года назад и должен был вернуться в Манилу, когда иезуиты выдали нас.

Монах замолчал и закрыл глаза, засыпая. Позднее он проснулся снова и, как это иногда бывает со старыми людьми, продолжил, как будто он и не спал:

— Мой корабль был большой галерой «Сан-Филипп». Мы везли груз золотых и серебряных монет стоимостью в миллион с половиной серебряных песо. Нас захватил один из сильных пиратов и выбросил на берега Сихоку. Корабль повредил киль на песчаном бере, когда на третий день мы выгрузили драгоценные металлы и большую часть груза. Тут прошел слух, что все конфисковано, конфисковано самим Тайко, что мы пираты и... — Он замолчал во внезапной тишине.

Железная дверь камеры задрожала, открываясь.

Стражники начали выкликать имена из списка. Бульдог, человек, с которым подружился Блэксорн, оказался одним из вызванных. Он вышел, не оглядываясь. Был также выбран один из людей в круте Акабо. Акабо стал на колени перед монахом, который благословил его, перекрестил и быстро дал ему последнее причастие. Человек поцеловал крест и ушел.

Дверь опять закрылась.

— Они собираются казнить его? — спросил Блэксорн.

— Да, его Голгофа за дверью. Моя Святая Мадонна заберет его и даст ему вечное блаженство.

— Что он сделал?

— Он нарушил закон, их закон, сеньор. Японцы люди простые. И очень жесткие. Они верны одному наказанию — смерти. На кресте, виселице или обезглавливанием. За такое преступление, как поджог, полагается смерть в огне. Они почти не имеют других наказаний — изгнание иногда, для женщин

иногда отрезание волос. Но, — старик вздохнул, — в большинстве случаев смерть.

— Вы забыли заключение.

Ногти монаха задумчиво ковыряли струпья на ладони.

— Это не одно из наказаний у них, мой сын. Для них заключение только временное место, где держат людей перед тем, как они решат, что с ними делать. Сюда отправляют только виновных. И только на короткое время.

— Это вздор. А что с вами? Вы же здесь уже год, почти два.

— Когда-нибудь они придут за мной, как за всеми остальными. Это только место передышки между земным адом и великолепием вечной жизни.

— Я не верю вам.

— Не бойся, мой сын. Это воля Бога. Я здесь и могу выслушать исповедь сеньора, дать ему отпущение грехов и успокоить его — великолепие вечной жизни всего лишь в ста шагах, начинающихся от этой двери. Сеньор не хотел бы, чтобы я выслушал его исповедь прямо сейчас?

— Нет, нет — спасибо. Не сейчас. — Блэксорн посмотрел на железную дверь. — Кто-нибудь пытался выбраться отсюда?

— Зачем бы им это делать? Здесь некуда бежать — негде спрятаться. Власти очень строгие. Каждый, кто поможет осужденному, виновным, совершает преступление. — Он слабо махнул рукой в сторону двери камеры. — Гонзалес — Ахабо — человек, который сейчас... ушел. Он кагаман. Он сказал мне.

— Что такое кагаман?

— О, это носильщики, сеньор, люди, которые носят паланкины или меньшего размера каги для двух носильщиков, которые напоминают гамак, качающийся на шесте. Он рассказал нам, что его товарищ украл шелковый шарф заказчика, и поскольку он бедный парень, сам не сообщил о краже, его также лишают жизни. Сеньор может верить мне, тот, кто пытается бежать, или тот, кто помогает кому-то бежать, теряет жизнь вместе со всей своей семьей. Они очень строги, сеньор.

— Ну так что, каждый идет на смерть как овца?

— Другого выбора нет. Это только воля Бога.

«Не злись и не паникуй, — предупредил себя Блэксорн. — Будь терпелив. Ты можешь придумать выход. Не все, что говорит священник, верно. Кто бы выдержал столько времени?»

— Эти тюрьмы у них новые, сеньор, — сказал монах. — Говорят, что тюрьмы устроил Тайко несколько лет назад. До него их не было. Раньше, когда человека ловили, он признавался в своем преступлении, и его казнили.

— А если он не признавался?

— Все признавались — чем скорее, тем лучше, сеньор. У нас так же, если вас поймают.

Монах уснул на некоторое время, почесываясь и бормоча во сне. Когда он проснулся, Блэксорн спросил:

— Скажи мне, пожалуйста, отец, как проклятые иезуиты смогли упрятать божьего человека в эту отвратительную дыру?

— Не о чем и говорить. После того как пришел Тайко и взял все сокровища и товары, наш капитан настоял на том, чтобы мы пошли в столицу и протестовали против этого. Причин для конфискации не было. Разве мы не были слугами самого могущественного католика, короля Филиппа Испанского, правителя самой большой и богатой империи в мире? Самого мощного монарха в мире? Разве мы не были друзьями? Разве не Тайко просил Испанскую Манилу торговать напрямую с Японией? Конфискация была ошибкой.

Я пошел с нашим капитаном, потому что умел немного говорить по-японски — немного в то время. Сеньор, «Сан-Филипп» потерпел крушение и был выброшен на берег в октябре 1597 года. Иезуиты — один из них по имени отец Мартин Алвито, — они осмелились предложить посредничать для нас, там, в Киото, столице. Какая наглость! Наш францисканский игумен, Фриар Браганза, был в столице и был послом — настоящим послом Испании при дворе Тайко! Блаженный монах Браганза, он был там, в столице, в Киото, пять лет, сеньор. Сам Тайко лично просил нашего вице-короля в Маниле прислать францисканских монахов и посла в Японию. Тогда и приехал благословенный монах Браганза. И мы, сеньор, мы на «Сан-Филиппе» знали, что он был верным человеком, не как иезуиты.

После многих-многих дней ожидания мы получили аудиенцию у Тайко — он был миниатюрный, безобразно маленький человек, сеньор, — и мы просили обратно наши товары и другой корабль или отправить нас на другом судне. Все это наш капитан предлагал щедро оплатить. Аудиенция прошла хорошо, как нам показалось, и Тайко отпустил нас. Мы пошли в свой монастырь в Киото и там в течение нескольких следующих месяцев, пока мы ждали его решения, продолжали нести язычникам слово Божье. Мы открыто проводили свои службы, а не как воры в ночи, не так, как это делали иезуиты. — Голос отца Доминго наполнился крайним презрением. — Мы сохранили свои обряды и облачения — мы не скрывались, как делают местные священники. Мы несли слово людям колеблющимся, больным и бедным, не как иезуиты, которые имеют дело только с

князьями. Наша конгрегация разрасталась. Мы устроили больницу для больных проказой, свою собственную церковь, и наша паства процветала, сеньор. Сильно увеличилась. Мы собрались обратить в нашу веру многих их князей, и тогда однажды нас предали.

Однажды в январе мы, францисканцы, были собраны все перед магистратом и обвинены согласно бумаге с печатью самого Тайко в нарушении их законов, нарушении их мира и приговорены к смерти через распятие. Нас было сорок три. Наши церкви по всей Японии были разрушены, все наши конгрегации запрещены — францисканские, сеньор, не иезуитские. Только наши, сеньор. Мы были ложно обвинены. Иезуиты обманули Тайко, сказав, что мы были конкистадорами, что мы хотели вторгнуться на их берега, когда на самом деле это иезуиты просили его преосвященство, нашего вице-короля, прислать армию из Манилы. Я видел это письмо сам! От их игумена! Они были дьяволами, которые притворились служащими церкви и Христа, но они служили только себе. Они страстно желали власти, власти любой ценой. Они прятались за сетью нищеты и благочестия, но под ними они чувствовали себя как короли и копили состояния. Кхе ва, сеньор, правда состоит в том, что мы ревностно относились к нашей пастве, ревностны к нашей вере, ревностны к нашей церкви, ревностны к нашей правде и образу жизни. Даймё Хицен, Дон Франциско, — его японское имя Харима Тадао, но при крещении он был назван Доном Франциско — он вступился за нас. Он был подобен королю, все даймё похожи на королей, он францисканец, и он вступился за нас, но бесполезно.

В конце концов казнили двадцать шесть человек. Шесть испанцев, семнадцать наших японских новообращенных и еще троих. Одним из них был блаженный Браганза, среди новообращенных было трое юношей. О, сеньор, в этот день вера проникла в тысячи японцев. Пятьдесят, сто тысяч человек наблюдали за казнями в Нагасаки, мне говорили об этом. Это был тяжелый холодный февральский день и плохой год — год землетрясений, тайфунов, наводнений, ураганов и пожаров, когда рука Бога тяжело опустилась на великого убийцу в виде землетрясения и даже разрушила его большой замок, Фушими. Это было страшно, но удивительно наблюдать, как перст Божий наказывает язычников и грешников.

И вот они были казнены, сеньор, шесть добропорядочных испанцев. Наша паства и наша церковь были уничтожены, боль-

ница закрыта. — Лицо старика было мокро. — Я был один из тех, кто был выбран для мученичества, но мне не была оказана такая честь. Они отправили нас пешком из Киото, и когда мы пришли в Осаку, они поместили нас в одну из наших миссий, а остальным — остальным отрезали по одному уху, потом выставили их на улицах как обычных преступников. Потом святая братия была отправлена на запад. На месяц. Их благословенное путешествие закончилось на горе Нисизаки, возвышающейся над большим заливом Нагасаки. Я просил самурая позволить мне пойти с ними, но, сеньор, он приказал мне вернуться в миссию здесь, в Осаке. Без всякой причины. А потом, через несколько месяцев, мы были помещены в тюрьму. Нас было трое — я думаю, нас было трое, но я один был испанец. Другие были новообращенные, наши братья, японцы. Несколько дней спустя их вызвала стража. Но меня ни разу не вызвали. Может быть, такова воля Бога, сеньор, или, может быть, эти грязные иезуиты оставили меня в живых, чтобы побольше мучить, — те, кто не дал мне шанса на мученичество среди своих. Трудно терпеть, сеньор. Так трудно...

Старый монах закрыл глаза, помолился и плакал, пока не заснул.

Как ни хотелось Блэксорну, он не мог заснуть, хотя ночь наконец и наступила. Его тело чесалось от укусов вшей. Голова была полна ужасными мыслями.

Он понимал с ужасающей ясностью, что выбраться отсюда невозможно, чувствовал, что находится на краю гибели. Глубокой ночью ужас охватил его, и впервые в жизни он сдался и заплакал.

— Да, сын мой? — пробормотал монах. — В чем дело?

— Ничего, ничего, — сказал Блэксорн, сердце его оглушительно забилося. — Спи.

— Не надо бояться. Мы все в руках Бога, — сказал монах и снова уснул.

Ужас оставил Блэксорна. Здесь был ужас, с которым можно жить. «Я выберусь отсюда как-нибудь», — сказал он себе, пытаясь поверить в эту ложь.

На рассвете принесли пищу и воду. Блэксорн уже пришел в себя. «Глупо вести себя так, — твердил он себе. — Глупость, слабость и опасность. Не делай этого больше, или ты сломаешься, сойдешь с ума и наверняка умрешь. Тебя положат в третий ряд, и ты умрешь. Будь аккуратен и терпелив, следи за собой».

— Как вы сегодня, сеньор?

— Прекрасно, спасибо, отец. А вы?

— Спасибо, совсем хорошо.
 — Как мне сказать это по-японски?
 — Домо, дзенки десу.
 — Домо, дзенки десу. Вы говорили вчера, отец, о португальских Черных Кораблях — на что они похожи? Вы видели такой корабль?

— О да, сеньор. Это самые большие корабли в мире, почти на две тысячи тонн. Для плавания на одном из них необходимо около двухсот матросов и юнг, а с экипажем и пассажирами он вмещает до тысячи человек. Мне говорили, что эти каракские паруса хороши для попутного ветра и тяжелы в управлении при боковом ветре.

— Сколько у них пушек?

— Иногда по двадцать или тридцать на трех палубах.

Отец Доминго был рад отвечать на вопросы, разговаривать и учить, а Блэксорн в такой же степени был рад слушать и учиться. Отрывочные знания монаха были бесценны и бесконечны.

— Нет, сеньор, — говорил он теперь. — Домо — благодарю вас, а дозо — пожалуйста. Вода — мицу. Всегда помните, что японцы придают большое значение манерам и вежливости. Один раз, когда я был в Нагасаки, — о, если бы только были чернила и бумага с пером! А, я знаю — вот, пишите слова на грязи, это поможет вам запоминать их...

— Домо, — сказал Блэксорн. Потом, после запоминания еще нескольких слов, он спросил: — Сколько уже времени здесь португальцы?

— О, эти земли были открыты в 1542 году, сеньор, в тот год, когда я родился. Их было трое: да Мота, Пьексото, и еще одну фамилию я не могу вспомнить. Они были португальские торговцы, имевшие дела с китайским побережьем и плавающие на китайских джонках из порта в Сиаме. Сеньор был когда-нибудь в Сиаме?

— Нет.

— О, в Азии есть что посмотреть. Эти люди были торговцами, но их захватил сильный шторм, тайфун, и вынес их к земле в Танегасиме на Кюсю. Тогда европейцы впервые ступили на землю Японии, с этого времени началась торговля. Спустя несколько лет Френсис Ксавьер, один из основателей ордена иезуитов, тоже приехал сюда. Это было в 1549 году... плохом году для Японии, сеньор. Первым был один из наших, и мы должны были бы иметь дела с этим государством, а не португальцы. Френсис Ксавьер умер через три года в Китае, одинокий

и всеми покинутый... Я сказал сеньору, что иезуиты уже были при дворе императора Китая в месте, называемом Пекином? О, вам следовало бы повидать Манилу, сеньор, и Филиппины! У нас было четыре собора, и почти три тысячи конкистадоров, и почти шесть тысяч японских солдат было размещено на островах, и триста братьев...

Голова Блэксорна была переполнена фактами, японскими словами и фразами. Он спрашивал о жизни в Японии, даймё, самураях и торговле, Нагасаки, войне, мире, иезуитах, францисканцах и португальцах в Азии и об испанской Маниле, и более всего о Черном Корабле, который приплывал раз в год из Макао. Три дня и три ночи Блэксорн сидел с отцом Доминго и спрашивал, слушал, учился, спал с кошмарными снами, просыпался и задавал новые вопросы, узнавая что-то еще.

Потом, на четвертый день, назвали его имя.

«Анджин-сан!»

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В полном молчании Блэксорн встал на ноги.

— Исповедуйся, мой сын, говори побыстрее.

— ...Я не думаю... Я...— Блэксорн с трудом понял, что он говорит по-английски, плотно сжал губы и пошел. Монах встал, думая, что он говорит по-голландски или по-немецки, схватил его за руку и захорамил вместе с ним.

— Быстро, сеньор. Я дам вам отпущение грехов. Быстрее, ради вашей бессмертной души. Говорите быстро, только то, в чем сеньор признается перед Богом — обо всем в прошлом и настоящем...

Они приближались теперь уже к железным воротам, монах держал Блэксорна с удивительной силой.

— Говорите! Святая Дева наблюдает за вами!

Блэксорн вырвал руку и хрипло сказал по-испански: «Идите с Богом, отец».

Дверь захлопнулась.

День был невероятно холодный и яркий, облака метались

из стороны в сторону под легким юго-восточным ветром. Он глубоко вдыхал чистый, удивительно вкусный воздух, и кровь быстрее побежала по жилам. Радость жизни охватила его. Во дворе перед чиновниками, тюремщиками с пиками и группой самураев стояло несколько обнаженных заключенных. Чиновник был одет в темное кимоно и накидку с накрахмаленными, похожими на крылья плечами, на нем была маленькая черная шляпа. Он стоял перед первым заключенным и зачитывал ему приговор по тонкому бумажному свитку. Когда он заканчивал, человек отправлялся за маленькой группой своих тюремщиков к большим воротам. Блэксорн был последним. В отличие от других ему оставили набедренную повязку, хлопчатобумажное кимоно и ременные сандалии на ногах. И его охранниками были самураи.

Он решил бежать при выходе из ворот, но когда приблизился к порогу, самураи еще плотнее окружили его и полностью блокировали. Ворота они достигли вместе. На них гладела большая толпа чистых и щеголевато одетых людей с малиновыми, желтыми и золотистыми зонтиками от солнца. Один человек уже был привязан к кресту, и крест поднят вертикально. У каждого креста ждали два «эта» — палача; их длинные пики блестя на солнце.

Блэксорн замедлил шаг. Самураи подошли совсем близко, торопя его. Он оцепенело подумал, что лучше умереть сразу, быстро, поэтому примерился выхватить ближайший меч. Но это ему не удалось, так как самураи повернули от арены и пошли по периметру площади, направляясь на улицы, которые вели в город и замок.

Блэксорн затаил дыхание, напряженно ожидая, чтобы наконец удостовериться. Они прошли через толпу, которая отступила назад, кланяясь, вышли на улицу, и теперь все уже было наверху.

Блэксорн почувствовал себя заново родившимся.

Когда он смог заговорить, он спросил: «Куда мы идем?» — не беспокоясь о том, что его слова не будут поняты или что они были произнесены по-английски. Блэксорн чувствовал себя очень легко. Его ноги едва касались земли, ремешки сандалий не терли, непривычное прикосновение кимоно было приятным. «Фактически я чувствую себя очень хорошо, — подумал он. — Может быть, немного прохладно, но так бывало только на юте корабля!»

— Ей-Богу, как прекрасно снова поговорить по-английски, — сказал он самураю. — Боже мой, я думал, я уже мертвец. Это

ушла моя восьмая жизнь. Вы понимаете это, старина? Теперь я только один, который остался в живых. Ну, ничего! Кормчие имеют по десять жизней, по крайней мере так говорил Альбан Карадок. — Самурай, казалось, становился все недовольней от звуков незнакомой речи.

«Держи себя в руках, — сказал он себе. — Не делай их более раздражительными, чем они есть на самом деле».

Теперь он заметил, что все самураи были серыми. Люди Ишидо. Он спросил отца Алвито об имени человека, который противостоял Торанаге. Алвито сказал «Ишидо». Это было как раз перед тем, как он приказал встать и уйти. Все ли серые — люди Ишидо? Все ли коричневые — люди Торанаги?

— Куда мы идем? Туда? — Он показал на замок, который нависал над городом. — Туда, хай?

— Хай, — командир самураев кивнул своей круглой головой. У него была седеющая борода.

«Что хочет от меня Ишидо?» — спросил себя Блэксорн.

Предводитель самураев повернул на другую улицу, все дальше уходя от гавани. Потом он увидел его — небольшой португальский бриг, его голубой с белым флаг развевался на ветру. Десять пушек на главной палубе, считая кормовые и носовые двадцатифунтовые орудия.

«Эразмус» легко бы справился с ним, — сказал себе Блэксорн. — А что с моей командой? Что они делают, оказавшись опять в деревне? Ей-Богу, мне хотелось бы видеть их. Я был так рад, когда расстался с ними в тот день и вернулся обратно в свой дом, где были Онна и хозяин дома — как его имя? А, да, Мура-сан. А что с той девушкой, которая оказалась в моей постели на полу, и с той, ангельски красивой, которая разговаривала с Омисан в тот день? А с тем, кто оказался тогда в котле?»

Но зачем вспоминать этот вздор? Это ослабляет мозг. «Тебе нужно иметь очень сильную голову, чтобы жить в море», — говорил Альбан Карадок. Бедный Альбан.

Альбан Карадок всегда казался таким огромным, похожим на Бога, все видящим, все знающим, и так в течение многих лет. Но он умер в страхе. Это произошло на седьмой день сражения с Непобедимой армадой. Блэксорн командовал стотонным кораблем с гафельными парусами, вышедшим из Портсмута с грузом оружия, пороха, ядер и продуктов для боевых галеонов Дрейка. Выйдя из Дувра, те совершали набеги и громили вражеский флот, который стремился в сторону Дюнкерка, где затаились испанские легионы, ждущие переправы, чтобы завоевать Англию.

Огромный испанский флот был разбросан штормами и более воинственными, более быстрыми, более маневренными военными кораблями, которые построили Дрейк и Ховард.

Блэксорн участвовал в стремительной атаке рядом с флагманским кораблем адмирала Говарда «Ренаун», когда ветер внезапно переменился и стал штормовым; шквалы его были ужасны, и нужно было решать, пробиваться ли против ветра, чтобы спастись от бортового залпа крупного галеона «Санта-Круз», бывшего перед ним, или уходить по ветру, через вражескую эскадру, остаток кораблей Ховарда, уже почти повернувших, расположенных дальше к северу.

— Давай на север по ветру! — кричал Альбан Карадок. Он был на корабле вторым после капитана. Альбан Карадок настаивал на вступлении в бой, хотя он и не имел права находиться на борту, за исключением того, что был англичанином, а все англичане обязаны быть на борту в это самое трудное время своей истории.

— Стоп! — приказал Блэксорн и повернул румпель к югу, направляясь в центр вражеской флотилии, зная, что другой путь приведет их под пушки галеона, который возвышался сейчас над ними.

Поэтому они и направились на юг, по ветру, мимо галеонов. Канонада с трех палуб «Санта-Круз» прошла над их головами, не причинив им вреда, он тоже сделал два залпа всеми бортами, но это оказалось блошиными укусами для такого огромного судна, и они пронеслись через центр вражеской эскадры. Галеоны по бокам не хотели стрелять, так как боялись попасть друг в друга, поэтому пушки молчали. Его корабль проскользнул и уже спасся бы, когда пушечный огонь с трех палуб «Мадре-де-Диос» обрушился на них. Обе их мачты улетели, как стрелы, люди запутались в такелаже. Исчезла половина главной палубы правого борта, повсюду лежали мертвые и умирающие.

Он увидел Альбана Карадока, лежащего у разбитой вдребезги пушки, такого невероятно маленького без ног. Он успокаивал старого моряка, глаза которого почти отделились от головы, тот душераздирающе кричал. «О, Боже мой, я не хочу умирать, не хочу умирать, помогите мне, помогите мне, помогите мне... О, Боже, больно, помогите!» Блэксорн знал то единственное, что он может сделать для Альбана Карадока. Он поднял лежащую рядом с ним пику и с силой опустил ее.

Потом, много недель спустя, он сказал Фелисите, что ее отец погиб. Он сказал ей только, что Альбан Карадок был убит

мгновенно. Но не сказал, что на его руках кровь, которую никогда не смоешь...

Блэксорн и самураи шли теперь по широкой улице под сильным ветром. Лавок на улице не было, только дома бок о бок, каждый со своим садиком и высокими заборами; дома, заборы и сама дорога — все поразительно чистое.

Эта чистота была удивительна для Блэксорна, потому что в Лондоне и других городах Англии, как и в Европе, отбросы и содержимое ночных горшков выкидывалось прямо на улицы, чтобы их убрали мусорщики, и лежали до тех пор, пока не начинали мешать пешеходам, повозкам и лошадям. Только тогда большая часть городов приступала к уборке. Основными уборщиками Лондона были большие стада свиней, которые ночами бродили по главным улицам города. Масса крыс, стаи собак и кошек и пожары не очищали Лондон. И мухи тоже.

Но Осака была совсем другой. «Как они добиваются этого? — спрашивал он себя. — Никаких выгребных ям, куч конского навоза, ни выбоин от колес, ни грязи, ни отбросов. Только твердо утоптанная земля, подметенная и чистая. Стены деревянные и дома деревянные, чистые и опрятные. И где толпы нищих калек, которые заполняют каждый город у христиан? И группы бандитов и буйных молодых людей, которые обязательно прячутся в укромных местах?»

Люди, мимо которых они проходили, вежливо кланялись, некоторые вставали на колени. Носильщики торопились с паланкинами или одностежными носилками. Группы самураев — серые, ни разу он не увидел коричневых — небрежно прогуливались по улицам.

Они проходили по улице, где были сплошь расположены магазины, когда у него отказали ноги. Он тяжело повалился и приземлился на четвереньки.

Самураи помогли ему встать, но через мгновение силы совсем оставили его и он не смог идти.

— Гомен насай, дозо га матсу — извините, подождите, пожалуйста, — сказал он, ноги его свело судорогами. Он потер скрюченные мыщцы икр и поблагодарил про себя отца Доминго за бесценные вещи, которым обучил его этот человек.

Главный из самураев поглядел на него и что-то произнес.

— Гомен насай, нихон го га ханазе-масен — извините, я не говорю по-японски, — повторил Блэксорн медленно, но четко: — Дозо, га матсу.

— А! Со десу, Анджин-сан. Вакаримасу, — сказал начальник,

поняв его. Он отдал короткую команду, и один из самураев куда-то убежал. Через некоторое время Блэксорн встал, попытался идти, хромая, но главный самурай сказал «Ие» и сделал знак подождать.

Самурай скоро вернулся обратно с четырьмя полуобнаженными носильщиками и носилками. Блэксорну показали, как сесть в них и держаться за ремень, свисающий с центрального шеста.

Группа опять тронулась в путь. Скоро Блэксорн почувствовал, что к нему вернулись силы, и он предпочел бы идти, но он знал, что все еще слаб. «Я должен немного отдохнуть», — подумал он. — У меня нет никаких сил. Мне нужно вымыться и поесть настоящей пищи».

Теперь они поднимались по широким ступеням, которые соединяли одну улицу с другой и вели в новый район, который окаймлялся лесом с высокими деревьями и проложенными в нем тропинками. Блэксорну понравилось, что они покинули улицы и шли по хорошо ухоженной мягкой земле между деревьями.

Когда они уже зашли далеко в лес, из-за поворота появилась еще одна группа из тридцати с лишним одетых в серое самураев. После обычного обмена приветствиями между командирами групп все взгляды обратились на Блэксорна. Последовал поток вопросов и ответов, и после того, как эта группа собралась уходить, их вожак спокойно вытащил меч и зарубил вожака самураев, сопровождавших Блэксорна. Одновременно новая группа напала на остальных. Нападение было столь внезапным и так хорошо спланированным, что все десять серых погибли почти в одно мгновение. Никому не хватило времени даже вытащить меч.

Носильщики испуганно упали на колени, прижали лбы к траве. Блэксорн стоял рядом с ними. Вожак самураев, плотный мужчина с большим животом, направил часовых в оба конца тропинки. Остальные подбирали мечи погибших. В это время самураи не обращали на Блэксорна никакого внимания, пока он не собрался уходить. Немедленно раздалась резкая команда вожака, которая ясно показала, что он должен оставаться на своем месте.

По следующей команде все эти новые самураи сняли свои серые форменные кимоно. Под ними была пестрая коллекция лохмотьев и старых кимоно. Все натянули маски, которые уже висели у них на шеях. Один самурай подобрал всю серую форму и исчез с нею в кустах.

«Они, наверное, бандиты, — подумал Блэксорн. — Зачем еще эти маски? Что они хотят от меня?»

Бандиты спокойно разговаривали между собой, наблюдая за ним и вытирая свои мечи об одежду мертвых самураев.

— Анджин-сан? Хай? — Глаза вожака над тряпичной маской были круглые, черные и пронзительные.

— Хай, — ответил Блэксорн, по коже у него побежали мурашки.

Человек указал на землю, явно приказывая ему не двигаться. «Вакаримас ка?»

— Хай.

Они огляделись. Потом один из часовых, стоявших в отдалении, на нем больше не было серой формы, но он был в маске, — на мгновение вышел из кустов в ста шагах от них. Он помахал рукой и снова исчез.

Самураи немедленно окружили Блэксорна, готовясь покинуть это место. Командир разбойников посмотрел на носильщиков, которые дрожали, как собаки перед жестоким хозяином, и еще глубже вдавили головы в траву.

Тогда вожак разбойников пролаял приказ. Четверка, не веря себе, медленно подняла головы. Опять та же самая команда, они поклонились до земли и выпрямились, потом как один встали и исчезли в кустах.

Бандит презрительно улыбнулся и сделал Блэксорну знак идти обратно в город.

Он беспомощно поплелся за ними. Способа убежать не было.

Они были почти на краю леса, когда вдруг остановились. Впереди раздался шум, и еще одна партия из тридцати самураев окружила поворот дороги. Коричневые и серые, коричневые впереди, их вожак в паланкине, несколько вьючных лошадей около него. Они немедленно остановились. Обе группы двигались в боевых рядах, враждебно следя друг за другом, между ними было около семидесяти шагов. Вожак бандитов вышел вперед, встал между ними, его движения были резкими, он сердито закричал на другого самурая, показывая на Блэксорна и туда, где произошла схватка. Он выхватил свой меч и, угрожая, высоко поднял его, очевидно, требуя, чтобы другой отряд уступил им дорогу.

Все его люди выхватили мечи из ножен. По приказу один из бандитов встал сзади Блэксорна, поднял меч и приготовился. Вожак опять протестовал.

Какое-то время ничего не происходило, потом Блэксорн

увидел, что из паланкина выходит человек, и мгновенно узнал его. Это был Касиги Ябу. Ябу крикнул что-то в ответ вожаку, но тот угрожающе замахал мечом, приказывая им уйти с дороги. Когда его тирада кончилась, Ябу отдал короткий приказ и испустил боевой клич; слегка хромя, он бросился в битву, высоко подняв меч; его люди последовали за ним — серые были недалеко.

Блэксорн не успел бы спастись от удара меча, который рассек бы его пополам, но удар запоздал, вождь бандитов повернулся и бросился в кусты, его люди побежали за ним.

Коричневые и серые быстро оказались около Блэксорна, который встал на ноги. Несколько самураев погнались за бандитами, другие побежали по дорожке, остальные заняли оборонительную позицию вокруг него. Ябу остановился у границы кустарника, властно прокричал несколько приказов, потом медленно вернулся — его хромота стала более заметна.

— Со десу, Анджин-сан,— сказал он, тяжело дыша после такого напряжения.

— Со десу, Касиги Ябу-сан,— ответил Блэксорн, используя ту же самую фразу, которая обозначает что-то вроде «хорошо», или «действительно», или «это верно». Он показал в направлении, куда бежали бандиты.

— Домо,— вежливо поклонившись, как равный равному, ответил он и заговорил снова, благодаря про себя Фриара Доминго.— Гомен насаи, нихон го га ханасе-масен — «Извините, я не могу говорить по-японски».

— Хай,— ответил Ябу, нисколько не удивленный, и добавил что-то, чего Блэксорн не понял.

— Тсуаки га имасу ка? — спросил Блэксорн.— У вас нет переводчика?

— Ие, Анджин-сан. Гомен насаи.

Блэксорн почувствовал, что ему немного легче. Теперь он мог общаться напрямую. Его словарный запас был бедноват, но это было начало.

«Э, мне нужен переводчик,— подумал Ябу с воодушевлением.— Клянусь Буддой!»

Мне хотелось бы знать, что случилось, когда вы встретили Торанагу, Анджин-сан, какие вопросы он задавал и что вы отвечали, что вы сказали ему о деревне, ружьях и грузе, корабле и галере, и о Родригесе. Мне хотелось бы знать все, что было сказано, и как это было сказано, и куда вас отправили, и почему вы здесь. Тогда у меня появится идея о том, что было на уме Торанаги, как и о чем он думает. Тогда я мог бы

придумать, что сказать ему сегодня. На данный момент я беспомощен.

Почему Торанага захотел увидеть вас, именно вас, сразу как вы прибыли, а не меня? Почему от него не было ни слова, ни приказа с того момента, как мы причалили, и до сегодняшнего дня, кроме обычных, вежливых приветствий и фразы «Я очень хочу повидаться с вами как можно скорее»? Почему он послал за мной сегодня? Почему наша встреча дважды откладывалась? Не из-за того ли, что вы сказали? Или из-за Хиро-Мацу? Или это нормальная отсрочка, вызванная другими неотложными делами?

О, да, Торанага, перед тобой почти неразрешимая проблема. Влияние Ишидо распространяется со скоростью пожара. А ты уже знаешь о предательстве господина Оноши? Ты знаешь, что Ишидо предлагал мне голову Икавы Джикья и его провинцию, если я присоединюсь к нему?

Почему ты собрался именно сегодня послать за мной? Какой добрый камм направил меня сюда, чтобы спасти жизнь Анджин-сана, не только в насмешку надо мной, потому что я не могу разговаривать непосредственно с ним или даже через кого-нибудь еще, чтобы найти ключ к твоему секрету? Почему ты заключил его в тюрьму для смертников? Почему Ишидо хочет освободить его из тюрьмы? Почему бандиты пытались захватить его для выкупа? Выкуп от кого? И почему Анджин-сан еще живой? Этот бандит легко мог разрубить его надвое.

Ябу заметил глубоко врезавшиеся морщины, которых не было на лице Блэксорна, когда он впервые встретился с ним. «Он похож на голодного,— подумал Ябу.— Он словно дикая собака. Но нет никого из его стаи, где же вождь этой стаи, а?

О, да, кормчий, я дал бы тысячу коку за надежного переводчика, прямо сейчас.

Я собираюсь стать твоим хозяином. Ты будешь строить мне корабли и учить моих людей. Я должен как-то уладить дело с Торанагой. Если не смогу, это уже не будет иметь значения. В следующей своей жизни я буду лучше подготовлен».

— Хорошая собака! — сказал Ябу вслух Блэксорну и слегка улыбнулся.— Все, что нужно, это твердая рука, несколько костей и немного плетей. Сначала я передам тебя господину Торанаге — после того, как вымою в бане. От тебя воняет, господин кормчий!

Блэксорн не понял этих слов, но почувствовал в его голосе дружелюбие и увидел улыбку Ябу. Он улыбнулся в ответ.

— Вакаримасен.— Я не понял.

— Хай, Анджин-сан.

Даймё отвернулся и взглянул на бандитов. Он сложил руки рупором и крикнул. Мгновенно все коричневые вернулись к нему. Командир самураев в сером стоял в центре дорожки. Он также позвал преследовавших. Никто из бандитов не вернулся.

Когда командир серых подошел к Ябу, они долго спорили, указывали на город и замок, между ними явно не было согласия.

Наконец Ябу переубедил его, держа руку на мече, и сделал Блэксорну знак войти в паланкин.

— Ие,— сказал командир.

Они опять стали в боевую стойку, серые и коричневые нервно задвигались.

— Анджин-сан десу шанджин Торанага-сама...

Блэксорн схватывал то одно, то другое слово. «Ватакуси» означает «я», «хитачи» — «мы», «сандзин» — «заключенный». И потом, он помнил, что говорил Родригес, поэтому он покачал головой и резко прервал их: «Сандзин ие! Ватакуси ва, Анджин-сан!»

Оба усталились на него.

Блэксорн нарушил молчание и добавил на ломаном японском, зная, что его слова грамматически неправильны и звучат по-детски, но надеясь, что они будут поняты. «Я друг. Не пленный. Поймите, пожалуйста. Друг. Так что извините, друг хочет в баню. Баню, понятно? Устал. Голоден. Баня». Он показал на главную башню замка. «Идти туда! Сейчас, пожалуйста. Во-первых, господин Торанага, во-вторых, господин Ишидо. Идти сейчас!»

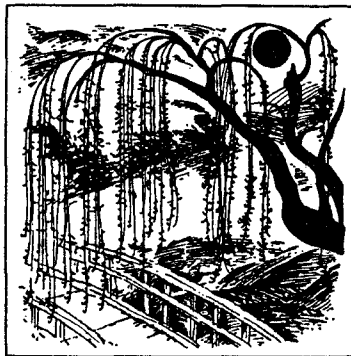
И с напускной властью в голосе на последнем «има» он неуклюже залез в паланкин и лег на подушки так, что его ноги как палки торчали далеко наружу.

Тогда Ябу засмеялся, и все присоединились к нему.

— Ах, так! Анджин-сама! — сказал Ябу с насмешливым поклоном.

— Ие, Ябу-сама. Анджин-сан,— поправил его удовлетворенно Блэксорн.— Да, ты негодяй. Я знаю теперь кое-что. Но я ничего не забыл про тебя. И скоро я приду на твою могилу.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

— Может быть, лучше было бы посоветоваться со мной, прежде чем забирать у меня моего пленного, господин Ишидо,—сказал Торанага.

— Чужеземец был в обычной тюрьме вместе с обычными преступниками. Естественно, я считал, что вы больше им не интересуетесь, иначе бы я не забрал его оттуда. Конечно, я не собирался вмешиваться в ваши личные дела.— Ишидо был

внешне спокоен и уважителен, но внутри весь кипел. Он знал, что по неосторожности попал в ловушку. Это было верно, что он должен был первым спросить Торанагу. Этого требовала обычная вежливость. Это бы вовсе ничего не значило, если бы чужеземец был в его власти, в его доме, он просто передал бы чужестранца, если бы этого попросил Торанага. Но несколько его людей были захвачены и с позором убиты, и то, что даймё Ябу и люди Торанаги захватили чужеземца, отобрав его у людей Ишидо, полностью меняло положение. Он потерял лицо, в то время как вся стратегия уничтожения Торанаги была направлена на то, чтобы поставить его в такое положение.

— Я еще раз приношу вам свои извинения.

Торанага глянул на Хиро-Мацу; извинения звучали для их ушей как самая прекрасная музыка. Оба знали, сколько крови стоило это Ишидо. Они были в большой комнате для аудиенций. По предварительному соглашению присутствовало только по пять телохранителей со стороны каждого из противников, все они были очень надежны. Остальные ждали снаружи. Ябу также ждал снаружи. И чужеземец, которого основательно почистили. Хорошо, подумал Торанага, чувствуя глубокое удовлетворение. Он бегло поразмыслил о Ябу и решил не встречаться с ним сегодня вовсе, но продолжать играть с ним, как кошка с мышкой. Поэтому он попросил Хиро-Мацу отправить того и опять повернулся к Ишидо.

— Конечно, ваши извинения принимаются. К счастью, никакого вреда нанесено не было.

— Тогда я смогу представить чужеземца наследнику, как только он будет доставлен?

— Я пришлю его, как только кончу с ним.
 — Могу я спросить, когда это будет? Наследник ждет его этим утром.

— Нам следует быть очень осторожными с этим, вам и мне, не так ли? Яэмону только семь лет. Я уверен, что семилетний мальчик может заpastись терпением. Не правда ли? Терпение — это форма дисциплины и требует практики. Не так ли? Я объясню ему это недоразумение сам. Я дам ему этим утром еще один урок плавания.

— Да?

— Да. Вам также следовало бы научиться плавать, господин Ишидо. Это превосходное упражнение и может быть очень полезным во время войны. Все мои самураи умеют плавать. Я настаиваю, чтобы все учились этому искусству.

— Я использую их время для тренировок в стрельбе из лука, фехтовании, верховой езде и стрельбе из ружей.

— Я добавляю сюда поэзию, владение пером, аранжировку цветов, чайную церемонию. Самурай должен быть хорошо сведущ в искусствах мира, чтобы быть сильным в искусстве войны.

— Большинство моих людей уже более чем искусны в этих вещах, — сказал Ишидо, сознавая, что сам он пишет плохо и его познания ограничены. — Самураи рождены для войны. Я хорошо разбираюсь в военном искусстве. В настоящий момент этого достаточно. Этого и повиновения воле господина.

— Урок плавания Яэмона проводится в час лошади*. — Вы не хотели бы присоединиться к нашему уроку?

— Спасибо, нет. Я слишком стар, чтобы менять свои привычки, — сказал Ишидо с намеком.

— Я слышал, ваш командир охраны получил приказ совершить сеппуку.

— Конечно. Бандитов следовало поймать. По крайней мере одного из них следовало взять живым. Тогда мы бы нашли остальных.

— Я удивлен, что такой отряд мог действовать так близко от замка.

— Согласен. Может быть, чужестранец сможет описать их нам.

— Что может знать чужеземец? — Торанага засмеялся. — Что

* День и ночь у японцев делились на шесть равных частей. День начинался с часа зайца, с пяти до семи часов до полудня, потом час дракона, с семи до девяти часов до полудня. Часы змеи, лошади, козы, обезьяны, петуха, собаки, кабана, быка следовали один за другим, и цикл заканчивался часом тигра — между тремя и пятью часами до полудня.

касается бандитов, они были ронины, не так ли? Таких много среди ваших людей. Расследование может дать интересные результаты, правда?

— Расследование проводится. И во многих направлениях. — Ишидо пропустил скрытую насмешку о ронинах, не имеющих господина, почти отверженных наемных самураях, которые тысячами собрались под знаменем наследника, когда Ишидо пустил слух, что он по поручению наследника и его матери принимает их к себе и, что невероятно, прощает и забывает их провинности и их прошлое, а со временем оплатит их преданность с щедростью, свойственной Тайко. Ишидо знал, что это блестящий ход. Это дало ему огромное количество подготовленных людей, это гарантировало их верность, так как ронины знали, что другого такого шанса у них не будет, это привело в его лагерь всех недовольных, многие из которых стали ронинами из-за войн Торанаги и его союзников. И последнее — это отодвинуло опасность увеличения числа бандитов: почти единственный путь, приемлемый для самурая, которому не повезло, — это стать монахом или бандитом.

— Я многого не понимаю в этой истории с засадой, — сказал Ишидо, его голос был полон яда. — Да. Почему, например, бандиты пытались схватить этого чужеземца, чтобы получить за него выкуп? В городе много других, гораздо более ценных людей, ведь именно об этом говорил бандит? Он хотел выкупа. Выкуп от кого? Чего стоит этот чужеземец? Ничего. И как они узнали, где он был? Это только вчера я дал приказ привести его к наследнику, думая, что это развлечет мальчика. Очень любопытно.

— Очень, — сказал Торанага.

— Потом это совпадение, когда господин Ябу оказался рядом и с вашими, и с моими людьми в одно и то же время. Очень любопытно.

— Очень. Конечно, он оказался там потому, что я послал за ним, а ваши люди были там, потому что мы договорились — по вашему предложению, — что это будет хорошая политика и способ начать залечивать разногласия между нами, если ваши люди будут сопровождать моих повсюду, пока я нахожусь здесь с официальным визитом.

— Странно также, что бандиты, которые были достаточно смелы и хорошо организованы, чтобы убить первую десятку без борьбы, действовали как корейцы, когда туда прибыли наши люди. Обе стороны были хорошо подобраны, одинаково вооружены. Почему бандиты не сражались или не взяли с собой вар-

вара сразу же в горы и не глупо ли было оставаться на главной дороге к замку? Очень любопытно.

— Очень. Я, конечно, возьму завтра с собой двойную охрану, когда поеду на охоту с ловчими птицами. Неприятно знать, что бандиты так близко к крепости. Может быть, вам тоже хотелось бы поохотиться? Выпустите одного из ваших ястребов против моих? Я буду охотиться на холмах с северной стороны замка.

— Спасибо, нет. Завтра я буду занят. Может быть, послезавтра? Я прикажу двадцати тысячам человек прочесать все леса, рощи и поляны вокруг Осаки. Через десять дней на протяжении двадцати рй не останется ни одного бандита. Это я вам могу обещать.

Торанага знал, что Ишидо использует бандитов как повод, чтобы увеличить количество своих ловушек в окрестностях. Если он говорит двадцать, это значит тысяча пятьдесят. «Вход в ловушку закрывается», — сказал он себе. — Почему так быстро? Какое новое предательство произошло? Почему Ишидо так уверен?»

— Хорошо. Тогда послезавтра, господин Ишидо. Вы не будете направлять своих людей в мои охотничьи места? Я бы не хотел, чтобы они помешали охоте, — добавил он с намеком.

— Конечно. А чужестранец?

— Он есть и всегда был моей собственностью. И его ко- рабль. Но вы можете взять его, когда я кончу с ним. А потом вы сможете отправить его на казнь, если захотите.

— Спасибо. Да, я так и сделаю. — Ишидо сложил свой веер и спрятал его в рукав. — Он не представляет никакой ценности. Почему я пришел навестить вас, — о, кстати, я слышал, что госпожа, моя мать, находится в монастыре Джоджи.

— Да? Я думал, что для сезона, когда любят цветы сакурой, уже поздновато. Конечно, они хороши и после расц- вета?

— Мы никогда не можем ничего сказать про стариков, у них своя голова, и они по-другому смотрят на вещи, не так ли? Но у нее неважно со здоровьем. Я беспокоюсь о ней. Ей надо быть очень осторожной, она легко простужается.

— То же самое с моей матерью. Надо следить за здоровьем стариков. — Торанага отметил про себя, что надо послать срочное письмо, напомнить аббату, чтобы он тщательно следил за здоровьем старухи. Если она умрет в монастыре, впечатление будет ужасное. Он должен будет стыдиться перед всей империей. Все даймё поймут, что в сложной игре за власть он использовал беспомощную старуху, женщину, мать своего врага, как

заложницу и не оправдал возлагаемой на него ответственности. Взятие заложника действительно было опасной игрой. Ишидо почти ослеп от ярости, когда узнал, что его мать, почитаемая им, была в замке Торанаги в Нагое. Полетели головы. Он немедленно привел в действие планы войны с Торанагой и принял важное решение — произвести осаду Нагои и уничтожить даймё Кацамаки, на чьем попечении она была это время, и началась война заложниками. Наконец было послано частное письмо аббату через посредников, что, если она не будет выпущена из монастыря невредимой через двадцать четыре часа, Нага, единственный сын Торанаги, которого можно было захватить, и любая из его женщин, которых можно будет взять в плен, отправятся в деревню прокаженных, где их будут кормить, поить и дадут ему одну из их проституток. Ишидо знал, что, пока его мать находится во власти Торанаги, он должен ходить с большой осторожностью. Но он дал также понять, что, если его мать не будет отпущена, он вергнет империю в ад.

— Как госпожа, ваша мать, господин Торанага? — вежливо спросил он.

— У нее все очень хорошо, благодарю вас. — Торанага позволил себе показать, как он счастлив при мысли о своей матери и о бессильной ярости Ишидо. — Она замечательно выглядит для своих семидесяти четырех лет. Я только надеюсь, что и я буду так же силен в ее возрасте.

«Тебе пятьдесят восемь, Торанага, но ты никогда не достигнешь пятидесяти девяти», — мысленно пообещал себе Ишидо.

— Пожалуйста, передайте ей мои самые наилучшие пожелания долгой счастливой жизни. Спасибо и извините, что я был так навязчив. — Он поклонился с величайшей вежливостью и потом, с трудом удерживая все возрастающую радость, добавил:

— О, да, важная вещь, из-за которой я хотел повидать вас: последнее официальное собрание регентов откладывается. Мы не встретимся сегодня вечером.

Торанага продолжал сохранять улыбку на лице, но внутри он окаменел.

— О? Почему?

— Господин Кийяма болен. Господин Судзияма и господин Оноши согласились с отсрочкой. Я тоже. Несколько дней не играют роли, не так ли, при таком важном решении?

— Мы можем провести встречу без господина Кийяма.

— Мы согласились с тем, что нам не следует делать этого. — Глаза Ишидо насмеялись.

— Официально?

— Вот наши четыре голоса с печатями.

Торанага закипал. Любая отсрочка представляла для него огромную опасность. Мог ли он обменять мать Ишидо на согласие на немедленную встречу? Нет, потому что потребовалось бы слишком много времени на отправку приказов и он потерял бы большое преимущество из-за пустяка.

— Когда будет проведена встреча?

— Я так понял, что господин Кийяма поправится к завтрашнему дню или, может быть, на следующий день.

— Хорошо. Я пришлю моего личного врача осмотреть его.

— Я уверен, что он примет его. Но его личный врач запрещает ему принимать посетителей. Болезнь может быть заразной, не так ли?

— А что за болезнь?

— Не знаю, мой господин. Это все, что мне сказали.

— Доктор — иностранец?

— Да. Я так понял, что это главный врач христиан. Христианский доктор-священник для даймё-христианина. Наши недостаточно хороши для такого — такого важного даймё, — сказал Ишидо с насмешкой. Беспокойство Торанаги увеличилось. Если бы доктор был японец, он бы мог сделать многое. Но с христианским доктором — несомненно, иезуитским священником — идти против одного из них или даже пересекаться с одним из них — это могло объединить всех христиан-даймё, а он не мог допустить такого риска. Он знал, что его дружба с Тсуккусан не поможет ему в борьбе с христианскими даймё, Оноши или Кийяма. В интересах христиан было выступать единым фронтом. Скорее он должен сблизиться с ними, христианскими священниками, определить их положение, чтобы установить цену их сотрудничеству. «Если Ишидо действительно объединился с Оноши и Кийяма — и все христиане-даймё пойдут за этими двумя, если они действуют все вместе, тогда я изолирован, — подумал он. — Тогда мне остается один путь — выполнить план «Малиновое небо».

— Я навещу господина Кийяма послезавтра, — сказал он, называя крайний срок.

— А зараза? Я никогда бы не простил себе, если бы с вами что-нибудь случилось, пока вы здесь, в Осаке, мой господин. Вы наш гость. Я вынужден настаивать, чтобы вы не ходили.

— Вы можете успокоиться, мой господин Ишидо. Зараза, которая свалит меня, еще не появилась на свет, не так ли? Вы забыли предсказание провидца. — В китайском посольстве, кото-

рое приезжало к Тайко восемь лет назад, пытаюсь развязать японско-корейско-китайскую войну, был известный астролог. Этот китаец предсказал много вещей, которые впоследствии подтвердились. На одном из роскошных официальных ужинов Тайко просил предсказателя определить время смерти нескольких своих советников. Астролог предсказал, что Торанага умрет от меча в среднем возрасте. Ишидо, известный завоеватель Кореи, или Чозена, как называли эту страну китайцы, — умрет без болезни, старым человеком, его ноги твердо стоят на земле, он самый известный человек своего времени. Но сам Тайко умрет в своей постели, уважаемым, почитаемым, в старости, оставив здорового сына. Это так обрадовало Тайко, который был еще бездетным, что он решил отпустить посольство обратно в Китай, а не убивать их, как собирался сначала, за их оскорбления в первые встречи. Вместо того чтобы торговаться за мир китайский император через свое посольство только получил предложение «называть его королем государства Ва», как китайцы называли Японию. Поэтому он послал их домой живыми, а не в маленьких ящиках, которые уже приготовил, и возобновил войну против Кореи и Китая.

— Нет, господин Торанага, я не забыл, — сказал Ишидо, очень хорошо помня все это. — Но зараза может быть очень обременительной. Вы можете заболеть сифилисом, как ваш сын Небару, извините, или стать прокаженным, как господин Оноши. Он еще молод, но так страдает. О да, он так страдает.

Торанага был моментально выведен из равновесия. Он очень хорошо знал вред, причиняемый этими болезнями. Небару, его старший из оставшихся в живых сын, получил эту болезнь, когда ему было семнадцать лет — десять лет назад, — и все усилия докторов — японских, китайских, корейских и христианских — не вылечили болезнь, которая уже отразилась на нем, хотя и не убила. «Если я захвачу всю власть, может быть, — пообещал себе Торанага, — я смогу вылечить эту болезнь. Неужели это действительно идет от женщин? Как женщины получают ее? Как это можно лечить? Бедный Небару, если бы не сифилис, ты был бы моим наследником, потому что ты лучший солдат, лучший правитель, чем Судара, и очень умный. Ты должен был сделать много плохого в своей прежней жизни, чтобы нести такую большую ношу в этой».

— Клянусь Буддой, я не хотел бы никому такого, — сказал он.

— Согласен с вами, — сказал Ишидо, зная, что Торанага по-

желал бы обе болезни ему, если бы только мог. Он поклонился и ушел.

Торанага нарушил молчание:

— Ну?

Хиро-Мацу сказал:

— Если вы останетесь или уедете сейчас, все равно — плохо, потому что вы преданы и изолированы, ваше величество. Если вы останетесь на встречу — встречи не будет целую неделю, Ишидо мобилизует свои войска вокруг Осаки, и вы никогда не уедете отсюда, что бы ни случилось с госпожой Ошибой в Эдо. Очевидно, что вы преданы и что четыре регента будут решать против вас. В Совете они проголосуют четырьмя голосами против одного, обвинив вас в государственной измене. Если вы уедете, они издадут любой указ, который пожелает Ишидо. Вы связаны тем, что решение будет поддерживаться четырьмя голосами против одного. Вы не сможете сказать как регент ни одного слова против.

— Я согласен.

Наступило молчание.

Хиро-Мацу ждал с растущим беспокойством.

— Что вы собираетесь делать?

— Сначала я собираюсь пойти поплавать, — сказал Торанага с удивительной веселостью. — Потом я посмотрю на чужеземца.

* * *

Женщина спокойно шла через личный сад Торанаги в замке, направляясь к маленькой хижине с соломенной крышей, которая так уютно расположилась на полянке среди кленов. Ее шелковое кимоно и оби были самыми простыми и тем не менее самыми элегантными из тех, что могли сделать самые искусные мастера в Китае. Ее волосы по самой последней в Киото моде были собраны высоко и скреплены вместе длинными серебряными шпильками. Цветной зонтик защищал от солнца ее нежную кожу. Она была тоненькая, всего пяти футов ростом, но очень пропорционально сложена. На шее она носила тонкую золотую цепочку, на которой висело маленькое золотое распятие.

Кири ждала на веранде хижины. Она сидела в тени, ее ноги нависали над подушкой. Кири следила, как женщина шла по каменным ступеням, которые были так аккуратно выложены во мху, что казалось, они росли из него.

— Вы более красивы, молоды, чем когда-либо, Тода Марико-сан, — сказала Кири без ревности, отвечая на поклон.

— Я бы хотела, чтобы так оно и было, Кири-субо-сан, — ответила Марико улыбаясь. Она села на колени на кушетку, машинально расправляя кимоно.

— Это правда. Когда мы встречались в последний раз? Два-три года назад? Вы совсем не изменились за те двадцать лет, что я вас знаю. Должно быть, прошло двадцать лет, как мы впервые встретились. Вы помните? Это было на празднике, который устроил господин Города. Вам было четырнадцать, вы только что вышли замуж и были очень красивы.

— И напугана.

— Нет, что вы, не напуганы.

— Это было шестнадцать лет назад, Кири-субо-сан, не двадцать. Да, я помню это очень хорошо. «Слишком хорошо, — подумала она с болью в сердце. — Это был день, когда мой брат прошептал мне, что по его предположению наш уважаемый отец собирается отомстить своему законному господину диктатору Городе и убить его. Своего законного господина!»

— О да, Кири-сан, я помню этот день, и год, и этот час. Это было начало всего этого ужаса. Я никогда не давала никому повода подумать, что я заранее знала о том, что должно было случиться. Я никогда не предупреждала ни своего мужа, ни Хиро-Мацу, его отца, — оба они преданные вассалы своего господина, — что предательство готовилось одним из его самых важных генералов. Хуже того, я не предупредила Города, своего законного господина. Так я нарушила свои обязанности по отношению к своему господину, к своему мужу, к его семье, которые после моего замужества стали моей единственной семьей. О, Мадонна, прости мне мой грех, помоги мне очиститься. Я продолжала молчать, чтобы защитить своего любимого отца, который обесчестил себя на тысячу лет. О, мой Боже, о, Иисус Назаретянин, спаси этого грешника от вечного проклятия...

Это было шестнадцать лет назад, — спокойно сказала Марико.

— В тот год я вынашивала ребенка господина Торанаги, — сказала Кири и подумала, что если бы господин Города не был подло предан и убит отцом Марико, господин Торанага никогда бы не должен был сражаться в битве у Нагакуде, она никогда бы не простудилась там и ее ребенок не был бы недоношен. «Может быть, — сказала она себе. — А может быть, и нет. Это была просто карма, моя карма, все, что случилось, не так ли?»

— Ах, Марико-сан, — сказала она без злобы, — это было так давно, как будто в другой жизни. Но вы без возраста. Почему я

не могу иметь вашу фигуру и красивые волосы и ходить так изящно? — Кири засмеялась. — Ответ простой: потому что я слишком много ем!

— Ну и что из того? Вы пользуетесь расположением господина Торанаги, не так ли? Так что вы вполне удовлетворены. Вы мудры и добросердечны и вполне довольны собой.

— Я бы хотела быть изящной и тем не менее способной много есть и быть любимой, — сказала Кири. — Но вы? Вы недовольны собой?

— Я только инструмент моего господина Бунтаро, на котором он играет. Если господин, мой муж, счастлив, тогда, конечно, я счастлива. Его радость — моя радость. То же самое и с вами, — сказала Марико.

«Да. Но не то же самое, — подумала Кири и тронула свой веер, золотистый шелк которого поймал послеполуденное солнце. — Я так рада, что я не вы, Марико, со всей вашей красотой и блеском, мужеством и знаниями. Нет! Я не могла бы вынести ни одного дня брака с этим ненавистным, безобразным, невежественным, грубым человеком, пусть даже оставшись одна в семнадцать лет. Он так не похож на своего отца, господина Хиро-Мацу. Тот замечательный человек. Но Бунтаро? Как отцы могут иметь таких ужасных сыновей? Я хочу иметь сына, о, как хочу! Но вы, Марико, как вы можете терпеть такое плохое обращение все эти годы? Как вы вынесли ваши несчастья? Кажется невозможным, чтобы на вашем лице не было от них ни одной тени или хотя бы в вашей душе».

— Вы удивительная женщина, Тода Бунтаро Марико-сан, — сказала она вслух.

— Благодарю вас, Киритсубо Топшико-сан. О, Кири-сан, так хорошо снова встретить вас.

— И вас. Как ваш сын?

— Красивый-красивый. Сарудзи теперь пятнадцать лет, можете представить? Высокий и сильный и очень похож на своего отца, господин Хиро-Мацу дал ему свой надел земли, и вы знаете, что он собирается жениться?

— Нет. На ком?

— Она внучка господина Кийяма. Господин Торанага так хорошо все устроил. Очень хорошая партия для нашей семьи. Я только хочу, чтобы сама девушка была более внимательна к моему сыну, более достойна его. Вы знаете, она... — Марико засмеялась немного застенчиво. — Ну, это звучит у меня как у каждой свекрови. Но я думаю, вы согласитесь, что она еще недостаточно подготовлена.

— У вас будет время для этого.

— О, я надеюсь, что это так. Мне повезло, что у меня не было свекрови. Я не знаю, что я должна делать.

— Вы получите ее ребенком и подготовите ее, как готовите всю свою семью. Не так ли?

— О, я хочу, чтобы все так и было. — Руки Марико-сан без движения лежали на колене. Она наблюдала за стаей стрекоз, пока те не улетели. — Мой муж направил меня сюда. Господин Торанага хочет меня видеть?

— Да. Он хочет, чтобы вы переводили для него.

Марико вздрогнула.

— Кого?

— Нового чужестранца.

— О, а что же отец Тсукку-сан? Он болен?

— Нет. — Кири играла веером. — Я думаю, нам остается только гадать, почему господин Торанага хочет, чтобы здесь были вы, а не священник, как при первом разговоре. Почему это, Марико-сан, мы должны хранить все деньги, платить по счетам, обучать наших слуг, покупать всю еду и товары для дома — даже в большинстве случаев одежду для наших господ, — но они никогда не говорят нам фактически ничего, не так ли?

— Может быть, из-за нашей догадливости.

— Возможно. — Взгляд Кири был ровен и дружелюбен. — Но я думаю, что это будет носить очень личный характер. Так что вы поклонитесь своим христианским Богом, что не разгласите тайну этой встречи. Никому.

День, казалось, терял свою теплоту.

— Конечно, — с трудом сказала Марико. Она ясно поняла: Кири имеет в виду, что она не должна говорить ничего ни мужу, ни отцу, ни священнику. Если ее муж приказал ей прийти сюда, очевидно по требованию господина Торанаги, то можно ли, чтобы ее долг перед сувереном, господином Торанагой, превысил долг перед священником? А почему переводчиком должна быть она, а не отец Тсукку-сан? Она поняла, что снова против своей воли втянута в своего рода политическую интригу, которая испортит ей жизнь, и снова хотела, чтобы ее семья не была древней и не носила фамилию Фудзимото, чтобы она никогда не рождалась со способностями к языкам, которые позволяли ей выучить почти невозможные португальский и латинский языки, и чтобы она никогда не рождалась вовсе. «Но тогда, — подумала она, — я бы никогда не увидела моего сына, не узнала о младенце Христе, о его вере или о вечной жизни».

«Это твоя карма, Мариико,— сказала она себе печально,— просто карма».

— Очень хорошо, Кири-сан.— После этого она добавила, предчувствуя нехорошее: — Я клянусь моим господом Богом, что я не разглашу ничего из сказанного здесь сегодня или в любое время, когда я буду переводить для моего суверена.

— Мне думается также, что вам придется скрывать ваши собственные чувства, чтобы переводить точно то, что сказано. Этот новый чужестранец странный человек и говорит необычные вещи. Я уверена, что мой господин выбрал вас из всех возможных кандидатур по особым причинам.

— Я буду делать то, что скажет господин Торанага. Он никогда не должен опасаться за мою преданность.

— В этом никогда не возникало сомнений, госпожа. Я имею в виду, что вы не причините вреда.

Прошел весенний дождь, покрыл каплями лепестки, мох и листья и кончился, сделав все еще более красивым.

— Я просила бы вас об одолжении, Мариико-сан. Вы не будете так любезны спрятать ваше распятие под кимоно?

Пальцы Мариико протестующе взметнулись.

— Почему? Господин Торанага никогда не возражал против моего перехода в эту веру, также и господин Хиро-Мацу, глава нашего клана! И мой муж позволяет мне держать и носить его.

— Да, но распятия приводят этого чужеземца в бешенство, а мой господин Торанага не хочет, чтобы он был таким, он хочет, чтобы он был спокоен.

* * *

Блэксорн никогда не видел таких маленьких людей.

— Конничи ва,— сказал он.— Конничи, Торанага-сама.

Он поклонился, словно придворный, кивнул мальчику, который стоял на коленях, широко открыв глаза, сбоку от Торанаги, и полной женщине, которая была за ним. Они все располагались на веранде, окружающей маленький домик. Домик состоял из одной маленькой комнаты с деревенскими ширмами и тесаными балками под соломенной крышей и кухонного уголка сзади. Он был поставлен на сваях из дерева и поднят на фут или около того над ковром из чистого белого песка. Это был церемониальный чайный дом для проведения чайной церемонии «ча-но-йу» и построен за большие деньги из редких материалов только для этой цели, хотя иногда, поскольку эти дома были

изолированы, стояли на отдельных полянках, их использовали для свиданий и тайных разговоров.

Блэксорн подобрал кимоно и сел на подушку, которая лежала на песке ниже и перед ними.

— Гомен насаи, Торанага-сама, пхон го га ханазе-масен. Тсуаки го имаси ка?

— Я ваш переводчик, сеньор,— сказала Мариико сразу, на почти безупречном португальском.— Но вы говорите по-японски?

— Нет, сеньорита, только несколько слов или фраз.— Блэксорн был захвачен врасплох. Он ожидал, что переводчиком будет отец Алвито, а Торанагу будет сопровождать самурай и, может быть, даймё Ябу. Но самураев поблизости не было, хотя вокруг сада их было множество.

— Мой господин Торанага спрашивает: может быть, вы предпочитаете говорить по-латыни?

— Как пожелаете, сеньорита.— Как любой цивилизованный человек, Блэксорн мог читать, писать и говорить по-латыни, потому что латынь была единственным языком, на котором проходили обучение все цивилизованные люди.

«Кто эта женщина? Где она научилась такому хорошему португальскому? И латыни! Где еще, кроме как у иезуитов,— подумал он.— В одной из их школ. О, они так хитры! Первое, что они делают,— это строят школы».

Всего только семьдесят лет назад Игнатий Лойола организовал Общество Иисуса, и теперь их школы, лучшие в христианском мире, распространились по всему свету, и их влияние возводило на трон или низвергало королей. Они имели влияние на Папу. Они заколебались немного во время Реформации и теперь отвоевывали обратно огромные территории для своей церкви.

— Тогда будем говорить по-португальски,— сказала она.— Мой хозяин хочет знать, где вы научились «нескольким словам и фразам»?

— Там в тюрьме был монах, сеньорита, францисканский монах, и он учил меня. Таким словам, как «пища, друг, ванна, идти, прийти, истинный, фальшивый, здесь, там, я, вы, пожалуйста, спасибо, хотеть, не хотеть, заключенный, да, нет», и так далее. Это только начало, к сожалению. Не будете ли вы так любезны сказать господину Торанаге, что я сейчас лучше подготовлен отвечать на его вопросы, помогать ему и более чем рад тому, что вышел из тюрьмы. За это я ему благодарен.

Блэксорн смотрел, как она повернулась и заговорила с Тора-

нагой. Он знал, что ему следует говорить просто, желательно короткими предложениями и быть осторожнее, потому что, в отличие от священника, который переводил синхронно, эта женщина ждала, пока он кончит, потом давала конспективное изложение сказанного им или версию того, что было сказано, — обычная проблема всех, кроме самых опытных переводчиков, хотя даже они, как это было с иезуитом, позволяли своим личным пристрастиям влиять на то, что было сказано, вольно или невольно. Ванна с массажем, еда и два часа сна освежили его. Банная прислуга, все — женщины, крупные и сильные, массировали его кулаками и мыли голову, заплели волосы в плотную косичку, а парикмахер подстриг ему бороду. Ему дали чистую набедренную повязку и кимоно, пояс и таби с ремennыми тапочками. Футон, на котором он спал, был такой же чистый, как и комната. Казалось, что все это ему снится, и, просыпаясь после крепкого сна без сновидений, он гадал сначала, что же было сном, настоящее или тюрьма.

Он нетерпеливо ждал, надеясь, что его снова приведут к Торанаге, планируя, что сказать и что открыть из тайного, как перехитрить отца Алвито и как возвыситься над ним. И над Торанагой. Поскольку теперь, после всего, что рассказал ему монах Доминго о португальцах, японских политиках и торговле, он твердо знал, что может помочь Торанаге, который в свою очередь легко может дать ему богатства, о которых он мечтает.

И теперь, избавленный от необходимости противостоять священнику, он чувствовал себя еще более уверенно. Ему нужны только небольшая удача и терпение.

Торанага внимательно слушал похожую на куклу переводчицу.

Блэксорн подумал: «Я мог бы поднять ее одной рукой, а если бы я обхватил ладонями ее талию, мои пальцы бы сомкнулись. Сколько ей лет? Прекрасна! Замужем? Обручального кольца нет. О, это интересно. Она не носит никаких драгоценностей. Кроме серебряных булавок в волосах. Других женщин здесь нет, только эта толстуха».

Он напряг свою память. Две другие женщины в деревне не носили драгоценностей, и он не видел ничего на женщинах в доме Муры. Почему?

И кто эта толстая женщина? Жена Торанаги? Или нянька этого мальчика? Этот парнишка сын Торанаги? Или, может быть, внук? Фриар Доминго говорил, что японцы имеют только одну жену одновременно, но столько наложниц — официальных любовниц, сколько пожелают.

Была ли переводчица Торанаги его любовницей?

Каково было бы с такой женщиной в постели? Боюсь, я бы сломал ее. Нет, она бы не сломалась. Женщины в Англии почти такие же маленькие. Но не похожи на нее.

Мальчик был маленький и прямой, круглоглазый, густые черные волосы заплетены в короткую косичку, макушка не выбрита. Любопытство его казалось безмерным.

Не задумываясь Блэксорн подмигнул. Мальчик подпрыгнул, потом засмеялся, прервал Марию, показал на Блэксорна и заговорил, его терпеливо выслушали, и никто не поторопил. Когда он кончил, Торанага коротко сказал что-то Блэксорну.

— Господин Торанага спрашивает, почему вы сделали это, сеньор?

— О, просто чтобы повеселить паренька. Он ребенок, как и все дети, а дети в моей стране обычно смеются, когда так сделаешь. Мой сын должен быть примерно такого же возраста. Ему семь лет.

— Наследнику семь лет, — сказала Марию после паузы, потом перевела, что он сказал.

— Наследник? Это значит, что этот мальчик единственный сын господина Торанаги? — спросил Блэксорн.

— Господин Торанага приказал мне сказать, что сейчас вы должны ограничиться только ответами на вопросы. — Потом она добавила: — Я уверена, если вы будете терпеливы, Блэксорн, вам будет предоставлена возможность в конце спросить о том, что вам интересно.

— Очень хорошо.

— Поскольку ваше имя трудно произносить, сеньор, ведь у нас нет многих звуков, которые вы употребляете, могу ли я для господина Торанаги использовать ваше японское имя, Андзин-сан?

— Конечно. — Блэксорн собирался спросить ее, но вспомнил предупреждение и решил быть терпеливым.

— Спасибо. Мой господин спрашивает, есть ли у вас другие дети.

— Дочь. Она родилась как раз перед тем, как я покинул свой дом в Англии. Так что теперь ей около двух лет.

— У вас одна жена или несколько?

— Одна. У нас такой обычай. Как у португальцев и испанцев. Мы не имеем наложниц — официальных наложниц.

— Это ваша первая жена, сеньор?

— Да.

- Скажите, пожалуйста, сколько вам лет?
- Тридцать шесть.
- Где в Англии вы живете?
- На окраине Чатема. Это небольшой порт около Лондона.
- Лондон — ваша столица?
- Да.
- Он спрашивает, на каких языках вы говорите?
- Английский, португальский, испанский, голландский и, конечно, латынь.
- Что значит «голландский»?
- Это язык, на котором говорят в Европе, в Нидерландах. Он очень похож на немецкий.

Она нахмурилась.

- Голландский — язык варваров? Немецкий тоже?
- Обе эти страны — не католические, — сказал он осторожно.

- Извините меня, это не то же самое, что язычники?
- Нет, сеньорита. Христианство разделяется на две самостоятельные и заметно различающиеся религии. Католицизм и протестантство. Есть две версии христианства. В Японии католическая секта. В настоящее время обе секты очень враждебны друг другу. — Он отметил ее удивление и почувствовал нетерпение Торанаги, не участвующего в разговоре. — «Будь осторожен, — предупредил он себя. — Она, конечно, католичка. Переходи к примерам. И будь проще».

— Может быть, господин Торанага не желает обсуждать религиозные вопросы, сеньорита, поскольку отчасти мы говорили о них на нашей первой встрече?

- Вы протестантский христианин?
 - Да.
 - А католические христиане ваши враги?
 - Да, большинство считает меня еретиком и врагом.
- Она поколебалась, обернулась к Торанаге и подробно все ему объяснила.

Вокруг, по периметру сада, было много часовых. Все на довольно большом расстоянии, все коричневые. Потом Блэксорн заметил десять серых, сидящих плотной группой в тени, не спускающей глаз с мальчика. «Что все это значит?» — ломал он голову.

Торанага вел перекрестный допрос Марики, потом заговорил прямо с Блэксорном.

— Мой господин желает знать о вас и вашей семье, — начала Марики. — О вашей стране, ее королеве и прежних правителях, привычках, обычаях, истории и обо всех других странах, осо-

бенно Португалии и Испании. Все о мире, в котором вы живете. О ваших кораблях, оружии, пище, торговле. О ваших войнах и сражениях, и как управлять кораблем, и как вы ведете свой корабль, и что случается в пути. Он хочет понять... извините меня, почему вы смеетесь?

— Только потому, сеньорита, что это, видимо, все, что я знаю.

— Это точно то, что хочет мой хозяин. «Точно» — правильное слово?

— Да, сеньорита. Могу ли я сделать комплимент вашему португальскому языку — он безупречен.

Ее веер слегка вздрогнул.

— Спасибо, сеньор. Да, мой хозяин хочет узнать правду обо всем — и о фактах, и о вашем к ним отношении.

— Я буду рад рассказать ему. Но это может занять некоторое время.

— Мой хозяин говорит, что время у него есть.

Блэксорн взглянул на Торанагу.

— Вакаримасу.

— Вы извините меня, сеньор, но мой господин приказал мне сказать, что ваш акцент не совсем правильный.

Марики показала ему, как это произносить, он повторил и поблагодарил ее.

— Я сеньора Марики Бунтаро, не сеньорита.

— Да, сеньора, — Блэксорн взглянул на Торанагу. — С чего бы он хотел, чтобы я начал?

Она спросила его. Мимолетная улыбка прошла по властному лицу Торанаги.

— Господин говорит: «С начала».

Блэксорн знал, что это была еще одна проверка. С чего, из всех бесконечных вариантов, ему следовало бы начать? Кому он должен был рассказывать? Торанаге, мальчику или женщинам? Очевидно, если присутствует только один мужчина, надо рассказывать Торанаге. Почему здесь эта женщина и мальчик? Это должно что-то значить.

Он решил сосредоточиться на мальчике и женщине.

— В древние времена моей страной правил великий король, который имел волшебную саблю по имени Экскалибур. Его королева была самой красивой женщиной на земле. Его главный советник был колдун Мерлин, а имя короля было Артур, — начал он уверенно, пересказывая легенду, которую так хорошо рассказывал обычно его отец в далеком туманном детстве. — Столица короля Артура называлась Камелот. Это было счастли-

вое время, когда не было войн, собирались хорошие урожаи...— Внезапно он понял, какую огромную ошибку он делает. Сутью всего рассказа была история Джиневры и Ланселота, распутной королевы и преданного вассала, о Мордреде, незаконном сыне короля Артура, который в результате предательства втягивается в войну с отцом, и об отце, который в битве убивает своего сына, только для того, чтобы самому быть смертельно раненным сыном. О, Боже, как он мог быть так глуп? Разве Торанага не похож на великого короля? Разве это не его женщина? Разве это не его сын?

— Вы больны, сеньор?

— Нет, нет, я прошу прощения, это было только...

— Вы говорили, сеньор, об этом короле и о хорошем урожае?

— Да. Это... как в большинстве стран, наше прошлое скрыто в тумане и легендах, большинство из которых не имеют значения,— сказал он неубедительно, пытаясь выиграть время.

Она смотрела на него в недоумении. Глаза Торанаги стали строже, а мальчик зевнул.

— Вы рассказываете, сеньор?

— Да... О да!— Его охватило воодушевление.— Может быть, самое лучшее, что я могу сделать,— это нарисовать карту мира, сеньора, как мы его знаем,— сказал он в спешке.— Вам не хотелось бы, чтобы я сделал это?

Она перевела это, и он увидел проблеск интереса у Торанаги и никакой реакции у женщины или мальчика. Как они связаны между собой?

— Мой хозяин говорит — да. Я пошлю за бумагой.

— Спасибо. Но это займет всего один момент. Позднее, если вы дадите мне чертежные принадлежности, я могу начертить точную карту.

Блэксорн встал со своей подушки и опустился на колени. Пальцем он начал чертить на песке грубую карту, вверх ногами, чтобы они могли лучше видеть.

— Земля круглая, как апельсин, но эта карта похожа на кожу, вырезанную в виде эллипса, с севера до юга, в плоском виде, сжатой сверху и внизу. Голландец по фамилии Меркатор изобрел такой способ изображения ровно двадцать лет назад. Это первая точная карта мира. Мы можем даже плавать по ней — или по его глобусу.— Он смело набросал континенты.— Это север и юг, восток и запад. Япония — здесь, моя страна — на другой стороне мира, там. Это все неизвестно и не исследовано...— Его рука очертила территорию в Северной Америке к северу от

линии, проходящей через Мексику до Ньюфаундленда, все в Южной Америке, кроме Перу и узкой полосы побережья вокруг континента, потом все к северу и востоку от Норвегии, все восточнее Московии, всю Азию, всю внутреннюю Африку, весь юг Явы и кончик Южной Америки.— Мы знаем побережье, но еще мало. Внутренние части Африки, Америки и Азии почти полностью остаются загадкой,—он остановился, чтобы дать ей возможность перевести.

Теперь она переводила более легко, и он чувствовал, что их интерес возрастает. Мальчик зашевелился и придвинулся ближе.

— Наследник хочет знать, где мы на этой карте.

— Здесь. Это Китай, я думаю. Я не знаю, как далеко мы находимся от берега. У меня заняло два года, чтобы плыть отсюда досюда.— Торанага и толстая женщина вытянули шеи, чтобы лучше разглядеть.

— Наследник спрашивает, почему мы такие маленькие на вашей карте?

— Это только масштаб, сеньора. На этом континенте, от Нью-фаундленда до Мексики, почти тысяча лиг, каждая из них равна трем милям. Отсюда до Эдо около сотни лиг.

Наступило молчание, потом они заговорили между собой.

— Господин Торанага хочет, чтобы вы показали ему на карте, как вы пришли в Японию.

— Этим путем. Вот Магелланов пролив — или проход — здесь, на оконечности Южной Америки. Он назван так по имени португальского навигатора, который открыл его восемьдесят лет назад. С тех пор португальцы и испанцы держали этот путь в тайне, исключительно для своего пользования. Мы были первые чужаки, прошедшие через пролив. У меня была одна из их секретных карт, но даже при этом я все-таки должен был ждать целых шесть месяцев, чтобы пройти, потому что дули встречные ветры.

Она переводила то, что он говорил. Торанага смотрел на него, не веря его словам.

— Мой господин говорит, что вы ошибаетесь. Все португальцы пришли с юга. Это их путь, единственный путь.

— Да. Это верно, что португальцы предпочитают этот путь — через мыс Доброй Надежды — так мы называем его, — потому что у них есть дюжины крепостей вдоль всех этих берегов — в Африке, в Индии и на островах Пряностей, чтобы получать там продукты и зимовать. И их галеоны — военные корабли — захватили все морские пути и патрулируют их. Однако

испанцы используют пролив Магеллана, чтобы проходить в свои тихоокеанские американские колонии и на Филиппины, или они пересекают материк здесь, в узком перешейке у Панамы, чтобы пройти сушей вместо месяцев плавания по морю. Для нас было безопасней плыть через пролив Магеллана, иначе мы должны были бы пройти через ряд вражеских крепостей. Пожалуйста, скажите господину Торанаге, что теперь я знаю расположение многих из них. Кстати, большинство использует японские войска, — подчеркнул он. — Монах, который многое рассказал мне в тюрьме, был испанец и враждебно относился к португальцам и всем иезуитам.

Блэксорн заметил мгновенную реакцию у нее на лице, и, когда она перевела, на лице Торанаги. «Дай ей время и говори попроще», — предупредил он себя.

— Японские войска? Вы имеете в виду самураев?

— Их следовало бы назвать ронины, я думаю.

— Вы сказали «секретная карта»? Мой господин хочет знать, как вы получили ее.

— Человек по имени Питер Суйдерхоф, из Голландии, был личным секретарем Примата Гоа — это титул главного католического священника в Гоа — столице португальской Индии. Вы знаете, конечно, что португальцы пытались силой завоевать этот континент. Как личный секретарь этого архиепископа, который был также португальским вице-королем в то время, он просматривал все документы. Через много лет он получил несколько корабельных журналов и карт и скопировал их. Они открыли ему секреты пути через Магелланов пролив и вокруг мыса Доброй Надежды, а также отмелей и рифов от Гоа до Японии через Макао. У меня было описание Магелланова пролива. Оно было вместе с моими документами, которых я лишился вместе с кораблем. Они необходимы мне и могут иметь огромное значение и для господина Торанаги.

— Мой господин говорит, что он отдал приказ найти их. Продолжайте, пожалуйста.

— Когда Суйдерхоф вернулся в Голландию, он продал эти бумаги торговой Восточно-Индийской компании, которой была выдана монополия на исследования Дальнего Востока.

Она холодно посмотрела на него:

— Этот человек был платный шпион?

— Ему было заплачено за эти карты. Да. Это их обычай, это они так награждают человека. Не титулом или землей, только деньгами. Голландия — республика. Конечно, сеньора, моя страна и наш союзник, Голландия, находятся в состоянии

войны с Испанией и Португалией, и она продолжается уже годы. Вы понимаете, сеньора, на войне жизненно важно открыть секреты врагов.

Марико повернулась и долго переводила.

— Мой господин спрашивает, почему этот архиепископ нанял врага?

— Про Питера Суйдерхофа говорят, что архиепископ, иезуит, был заинтересован только в торговле. Суйдерхоф удвоил их доходы, так как он был «хранителем». Он был исключительно искусен в торговле — голландцы обычно превосходят в этом португальцев, — поэтому его документы проверялись не очень внимательно. Много людей также имеют голубые глаза и светлые волосы, немцы и другие европейские народы, и они католики. — Блэксорн подождал, пока она переведет, потом добавил осторожно: — Он был главный шпион Голландии в Азии, солдат этой страны, и устроил несколько своих людей на португальские суда. Пожалуйста, скажите господину Торанаге, что без торговли с Японией Португальская Индия не сможет долго прожить.

Торанага смотрел на карту, пока Марико говорила. Сего стороны реакции на ее слова не было. Блэксорн усомнился, все ли она перевела.

— Мой господин хотел бы детальную карту мира, на бумаге, как можно скорее, со всеми отмеченными на ней португальскими базами и числом ронинов в каждой. Он говорит, пожалуйста, продолжайте.

Блэксорн знал, что он сделал колоссальный шаг вперед. Но мальчик зевал, поэтому он решил изменить линию поведения, преследуя ту же цель.

— Наш мир не всегда такой, каким он кажется. Например, южнее этой линии, мы называем ее экватором, сезоны обратны тем, что у нас. Когда у нас лето, там зима, когда у нас тепло, они мерзнут.

— Почему это?

— Я не знаю, но это действительно так. Теперь путь в Японию лежит через эти два южных прохода. Мы, англичане, надеемся найти северный путь, либо на северо-восток мимо Сибири, либо на северо-запад вдоль Америки. Я доходил на север до этих мест. Вся земля там покрыта вечным льдом и снегом, и там так холодно большую часть года, что если вы не носите меховых рукавиц, ваши пальцы очень быстро замерзнут. Людей, которые живут там, называют лапландцами. Их одежды сделаны из кожи с мехом. Мужчины охотятся, а женщины делают всю

остальную работу. Частью женской работы является изготовление всей этой одежды. Чтобы сделать ее, они должны много раз разжевать кожу, размятчить ее, прежде чем они смогут ее шить.

Марико громко рассмеялась.

Блэксорн улыбнулся вместе с ней, чувствуя себя теперь более уверенно.

— Это правда, сеньора. Это хонто.

— Соревна хонто десу ка? — нетерпеливо спросил Торанага. — Что — верно?

Сквозь смех она перевела ему, что он сказал. Они также начали смеяться.

— Я жил среди них почти год. Мы были захвачены льдами и должны были ждать, когда он оттаит. Их пища — это рыба, тюлени, иногда белые медведи и киты, которых они едят сырыми. Их величайшим деликатесом является сырая китовая ворвань.

— О, полно вам, Анджин-сан!

— Это правда. И они живут в маленьких круглых домах, сделанных целиком из снега, и никогда не моются.

— Что? Никогда? — вспыхнула она.

Он покачал головой и решил не рассказывать ей, что бани были редкостью и в Англии, даже большей редкостью, чем в Испании и Португалии, где был более теплый климат.

Она перевела последнюю фразу. Торанага покачал головой, явно не веря.

— Мой господин говорит, что вы слишком преувеличиваете. Никто не может прожить без мытья. Даже дикари.

— Это правда — хонто, — сказал он спокойно и поднял руку. — Я клянусь Иисусом из Назарета и моей душой, я клянусь, что это правда.

Она наблюдала за ним в молчании.

— Все?

— Да. Господин Торанага хотел правды. Зачем мне лгать? Моя жизнь в его руках. Легко доказать правду — нет, если честно говорить — доказать то, что я сказал, очень трудно: вам нужно поехать туда и посмотреть самим. Конечно, португальцы и испанцы, мои враги, не поддержат меня. Но господин Торанага просил рассказать ему правду. Он может верить тому, что я сказал.

Марико задумалась на мгновение. Потом она тщательно перевела все, что он сказал. Наконец:

— Господин Торанага говорит, это невероятно, чтобы кто-нибудь мог жить без мытья.

— Да. Но там холодные страны. Их привычки отличаются

от ваших и от моих. Например, в моей стране все считают, что ванны опасны для здоровья. Моя бабушка, Грэнни Джекоба, говорила: «Ванна — когда ты рождаешься, и другая, когда тебя кладут на стол, чтобы посмотреть на тебя через жемчужные ворота».

— В это очень трудно поверить.

— В некоторые из ваших обычаев тоже очень трудно поверить. Но это правда, что я чаще бывал в бане за короткое пребывание в вашей стране, чем за многие годы до этого. Я охотно допускаю, что я лучше себя чувствую после них. — Он ухмыльнулся. — Я больше не считаю, что ванны опасны. Так что я выиграл, приехав сюда, не правда ли?

После паузы Марико сказала:

— Да, — и перевела.

Кири сказала:

— Он удивителен, удивителен, да?

— Каково ваше мнение о нем, Марико-сан? — спросил Торанага.

— Я допускаю, что он говорит правду или верит, что говорит правду. Очевидно, что он, наверное, может быть очень полезен для вас, мой господин. У нас так мало сведений о том, что находится за пределами нашей страны. Это важно для вас? Я не знаю. Но это почти так же, как если бы он спустился со звезд или вышел из моря. Если он враг португальцам и испанцам, тогда его информация, если ей можно доверять, может быть важной для ваших интересов, да?

— Я согласна, — сказала Кири.

— А что вы думаете, Яэмон-сама?

— Я, дядя? О, я думаю, он безобразен: мне не нравятся его золотистые волосы и кошачьи глаза, и он вовсе не похож на человека, — сказал мальчик, задыхаясь. — Я рад, что рожден не чужестранцем, как он, а самураем, как мой отец. Можно, мы пойдем еще поплаваем?

— Завтра, Яэмон, — сказал Торанага, раздраженный тем, что не может напрямую разговаривать с кормчим.

Пока они переговаривались между собой, Блэксорн решил, что пришло время уходить. Тут Марико опять повернулась к нему.

— Мой хозяин спрашивает, почему выплыли на север?

— Я был кормчим корабля. Мы пытались найти северо-восточный проход, сеньора. Я знаю, что многие вещи, о которых я вам рассказываю, будут звучать смешно, — начал он. — Например, семьдесят лет назад короли Испании и Португалии подпи-

сали важный договор, который разделит владения в Новом Свете, весь неоткрытый мир, между ними. Так как ваша страна попадает на португальскую половину, официально ваша страна принадлежит Португалии, господин Торанага, все вы, этот замок и все в нем отданы Португалии.

— О, пожалуйста, Анджин-сан, извините меня, но это же вздор!

— Я согласен, что их высокомерие невероятно. Но это правда. — Она тут же стала переводить, и Торанага издевательски засмеялся.

— Господин Торанага говорит, что он также мог бы разделить небеса между ним самим и императором Китая, не так ли?

— Пожалуйста, объясните господину Торанаге, что это не одно и то же, — сказал Блэксорн, сознавая, что находится в опасной ситуации. — Это написано в официальных документах, которые дают такому королю право объявить любую открытую землю, если она не католическая, своей собственностью, низложить существующее правительство и заменить его католическим управлением. — На карте он провел линию с севера на юг, которая разделила Бразилию. — Все, что к востоку от этой линии, — португальское, все, что к западу, — испанское. Педро Кабрал открыл Бразилию в 1500 году, поэтому теперь Португалия владеет Бразилией, подавила туземную культуру и официальных властителей и стала богатой страной благодаря золоту и серебру, взятым из шахт и награбленным в туземных храмах. Все остальное в Америке, открытое к настоящему времени, — владения Испании: Мексика, Перу, почти весь этот Южный континент. Они уничтожили народности инков, уничтожили их культуру и поработили сотни тысяч жителей. Конкистадоры имеют современное оружие, туземцы — нет. С конкистадорами пришли священники. Скоро некоторые вожди были обращены в христианство, завоеватели стали пользоваться враждой между ними. Принц пошел на принца, и королевства были захвачены по кускам. Теперь Испания — богатейшая страна в нашем мире, благодаря золоту и серебру инков и Мексики, которые они награбили и отправили к себе в Испанию.

Марико сразу сосредоточилась. Она быстро уловила значенные сообщенных Блэксорном сведений. Торанага тоже.

— Мой хозяин говорит, что это очень важный разговор. Как они могли взять себе такие права?

— Они не взяли, — мрачно сказал Блэксорн. — Папа дал им эти права, он наместник Христа на земле. В ответ на распространение слова Божьего.

— Я не верю в это, — воскликнула она.

— Пожалуйста, переведите, что я сказал, сеньора. Это конто.

Она повиновалась и долго говорила, явно неуверенно. Потом:

— Мой хозяин говорит, вы просто пытаетесь настроить его против своих врагов. Это верно? Речь идет о вашей жизни, сеньор.

— Папа Александр VI провел первую разделительную линию в 1493 году, — начал Блэксорн, благодаря про себя Альбана Карадока, который вложил в него столько фактов, когда он был молод, и отца Доминго за его информацию о японской гордости и ключи к японскому образу мышления. — В 1506 году папа Джулиус II санкционировал изменения к договору тордесилласа, подписанному Испанией и Португалией в 1494 году, который изменил немного линию границы. Папа Климентий VII санкционировал договор в Сарагоссе в 1520 году, почти 70 лет назад, который установил здесь еще одну границу. — Его палец провел по песку линию меридиана, которая отрезала южную оконечность Японии. — Это дает Португалии исключительное право на вашу страну, все эти страны, от Японии, Китая до Африки, — так, как я сказал. Исключительное право эксплуатировать всех — любыми способами в обмен на распространение католицизма. — Он снова подождал, и женщина поколебалась в нерешительности, он смог почувствовать растущее раздражение Торанаги, когда ему пришлось ждать ее перевода.

Марико вынудила себя заговорить и повторила то, что он ей сказал. Потом она опять слушала Блэксорна, и ей было неприятно то, что она слышала. Разве это действительно возможно? Как мог Его Святейшество сказать такое? Отдать нашу страну Португалии? Это должно быть ложью. Но кормчий клянется господом нашим Иисусом.

— Кормчий говорит, господин, — начала она, — в то время, когда Его Святейшеством папой были приняты эти решения, весь их мир, даже страна Анджин-сана была католической. Раскола еще не было — он не произошел, поскольку эти решения папы были, конечно, объединяющими все нации. Даже при этом, добавляет он, что хотя португальцы имели исключительное право эксплуатировать Японию, Испания и Португалия непрерывно ссорились из-за права владения, так как наша торговля с Китаем давала большие прибыли.

— А каково твое мнение, Кири-сан? — спросил Торанага, так же шокированный, как и другие. Только мальчик остался равнодушным и играл своим веером.

— Он считает, что он говорит правду, — сказала Кири. — Да, я думаю, это так. Но как проверить это — или хотя бы часть?

— Как проверить это, Мариико-сан? — спросил Торанага, более всех пораженный тем, как Мариико реагировала на то, что было сказано, но довольный тем, что согласился использовать ее как переводчицу.

— Я бы спросила отца Тсукки-сана, — сказала она. — Потом я бы также послала какого-нибудь доверенного вассала в их страны, чтобы проверить все это. Может быть, с Анджин-саном.

Кири сказала:

— Если священник не подтвердит эти заявления, это не обязательно будет означать, что Анджин-сан лжет, не так ли? — Кири была рада, что она предложила взять Мариико как переводчицу, когда Торанага искал замену Тсукку-сану. Она знала, что Мариико была надежным человеком и что после того, как она покланялась своим иностранным Богом, будет молчать под самым серьезным допросом своего христианского священника. «Чем меньше знают эти дьяволы, тем лучше, — думала Кири. — А как много знает этот чужестранец!»

Кири заметила, что мальчик зеваает, и была рада этому. «Чем меньше поймет ребенок, тем лучше», — сказала она себе. Потом она спросила:

— А почему бы не послать за главой христианских священников и не спросить его об этих фактах? Посмотрим, что он скажет. Их лица открыты, и они почти не умеют хитрить.

Торанага кивнул, его глаза остановились на Мариико.

— Откуда ты знаешь о северных чужеземцах, Мариико-сан, когда говорила, что приказы папы будут выполняться?

— Без сомнения.

— Его приказы исполняются, как если бы это был голос Бога?

— Да.

— Даже здесь, нашими христианами?

— Я думаю, да.

— И даже тобой?

— Да, господин. Если будет прямой приказ от Его Святейшества мне лично. Да, ради спасения моей души. — Ее взгляд был тверд. — Но до этого я буду повиноваться только моему законному господину, главе нашего рода или моему мужу. Я японка, христианка — да, но прежде всего я самурай.

— Я думаю, тогда будет хорошо, если Его Святейшество останется далеко от наших берегов. — Торанага на мгновение за-

думался. Потом он решил, что делать с чужеземцем, Анджинсаном.

— Скажи ему... — он остановился. Все глаза устремились на тропинку и приближающуюся по ней пожилую женщину. Она была одета в накидку с капюшоном, которые носят буддийские монахи. С ней было четверо в серой форме. Они остановились, и она подошла уже одна.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Все низко поклонились. Торанага заметил, что чужеземец подражал им и не встал, не посмотрел на нее, как сделали бы все чужеземцы, за исключением Тсукку-сана, как это принято у них. «Кормчий быстро обучается», — подумал он, все еще ошеломленный тем, что услышал. Десять тысяч вопросов роились в голове, но, согласно своим правилам, он временно отключился от них,

чтобы сконцентрироваться на непосредственной опасности.

Кири поторопилась отдать старой женщине свою подушку и помогла ей сесть, потом стала на колени около нее, готовая услужить.

— Спасибо, Киритсубо-сан, — сказала старуха, отвечая на ее поклон. Ее имя было Ёдоко. Она была вдовой Тайко, а теперь, после его смерти, — буддийской монахиней. — Извините, что я пришла без приглашения и помешала вам, господин Торанага.

— Вы никогда не бываете незваной или нежеланной, Ёдоко-сама.

— Спасибо, спасибо. — Она взглянула на Блэксорна и прищурилась, чтобы лучше разглядеть. — Но я думаю, что я все-таки помешала. Не могу разглядеть — кто это? Он чужеземец? Мои глаза становятся все хуже и хуже. Это не Тсукку-сан, да?

— Нет. Это новый чужеземец, — сказал Торанага.

— Ах, так! — Ёдоко посмотрела с более близкого расстояния. — Пожалуйста, скажите ему, что я плохо вижу, отсюда и эта моя невежливость.

Мариико выполнила ее просьбу.

— Он говорит, что в его стране многие люди страдают близорукостью, Ёдоко-сама, но они носят очки. Он спросил, есть ли они у нас. Я сказала, что да, некоторые из нас имеют очки — достали их у южных чужеземцев. Что вы носили очки, но теперь нет.

— Да. Я предпочитаю туман, который окружает меня. Да, мне не нравится многое из того, что я вижу теперь. — Ёдоко отвернулась и посмотрела на мальчика, сделав вид, что только что увидела его. — О! Мой сын! Так вот ты где. Я тебя ищу. Как хорошо, что я встретила Квампаку! — Она почтительно поклонилась.

— Спасибо, Первая мама. — Яэмон просиял и поклонился в ответ. — О, если бы ты послушала этого варвара! Он нарисовал нам карту мира и рассказал смешные истории про людей, которые не моются! Никогда в жизни! И они живут в снежных домах и носят шкуры, как дьявольские ками.

Старая госпожа фыркнула.

— Чем меньше они приходят сюда, тем лучше, я думаю, сын мой. Я никогда не понимала их, и они всегда отвратительно пахли. Я никогда не понимала, как господин Тайко, твой отец, мог их терпеть. Но он был мужчиной, и ты мужчина, и ты более терпеливый, чем низменные женщины. У тебя хороший учитель, Яэмон-сама. — Ее старческие глаза метнулись к Торанаге. — Господин Торанага — самый терпеливый человек в империи.

— Терпение важно для мужчины, необходимо для вождя, — сказал Торанага. — И жажда знаний также хорошее качество, да, Яэмон-сама? А знания приходят и из незнакомых мест.

— Да, дядя. О, да, — сказал Яэмон. — Он прав, не так ли, Первая мама?

— Да, да, я согласна. Но я рада, что я женщина и не должна беспокоиться о таких вещах, не правда ли? — Ёдоко обняла мальчика, который перебрался к ней поближе. — Да, мой сын. Почему я здесь? Я пришла за Квампаку. Потому что поздно, Квампаку пора есть и делать письменные задания.

— Я не люблю письменные задания, и я хотел поплавать! Торанага сказал с напускной важностью:

— Когда я был в твоём возрасте, я тоже ненавидел письменные работы. Но потом, когда мне было уже двадцать лет, я должен был бросить воевать и вернуться в школу. Я ненавидел это еще больше.

— Вернулся в школу, дядя? После того как ушел из нее? О, как ужасно!

— Вождь должен уметь хорошо писать, Яэмон-сама. Не

только понятно, но и красиво, а Квампаку — лучше кого бы то ни было. Как еще можно писать Его Императорскому Высочеству или великим даймё? Вождь должен уметь делать много трудных вещей!

— Да, дядя. Очень трудно быть Квампаку, — Яэмон важно нахмурился. — Я думаю, я сделаю уроки сейчас, а не тогда, когда мне будет двадцать, потому что тогда у меня будут более важные государственные дела.

Они все были очень горды им.

— Ты очень умный, сын мой, — сказала Ёдоко.

— Да, Первая мама. Я мудр, как мой отец, как говорит моя мать. Когда она вернется домой?

Ёдоко подняла глаза на Торанагу.

— Скоро.

— Надеюсь, что очень скоро, — сказал Торанага. Он знал, что Ёдоко прислал за мальчиком Ишидо. Торанага привел мальчика и его охрану прямо в сад, чтобы еще больше разозлить своего врага. А также чтобы показать мальчику иностранного кормчего и тем самым лишить Ишидо этого удовольствия.

— Очень тяжело быть ответственной за моего сына, — сказала Ёдоко. — Было бы очень хорошо, если бы госпожа Ошиба была здесь, в Осаке, снова дома, тогда бы я могла вернуться в храм, правда? Как она и как госпожа Дзендзико?

— Они обе в добром здравии, — сказал ей Торанага, ликуя в душе. Девять лет назад Тайко, в неожиданном приступе дружеских чувств, предложил ему жениться на госпоже Дзендзико, младшей сестре госпожи Ошибы, его любимой супруги.

— Тогда наши дома навеки объединятся, правда? — сказал Тайко.

— Да, господин. Я повинюсь, хотя я и не заслужил такой чести, — ответил Торанага с почтением. Он хотел перодниться с Тайко, но он знал, что хотя Ёдоко, жена Тайко, может это и одобрить, его супруга, Ошиба, ненавидит его и использует все свое огромное влияние на Тайко, чтобы воспрепятствовать их женитьбе. Было бы разумней избежать женитьбы на сестре Ошибы еще и потому, что это давало ей огромную власть над ним, не последним здесь было и то, что она получила бы доступ к его состоянию. Но если бы она была отдана замуж за его сына, Судару, тогда Торанага как верховный правитель рода сохранил бы полностью свою власть. Потребовалось все его искусство, чтобы свести дело к женитьбе Судару на Дзендзико, и теперь, когда это произошло, Дзендзико имеет для него огромное зна-

чение как защита от Ошибы, потому что та обожает свою сестру.

— Моя невестка еще не разродилась, ожидалось, что роды начнутся вчера, но я думаю, что, как только опасность пройдет, госпожа Ошиба немедленно вернется.

— После трех девочек Дзэндзико пора бы подарить вам внука, не так ли? Я буду молиться о его рождении.

— Благодарю вас,— сказал Торанага; она, как всегда, нравилась ему, он знал, о чем она думает, хотя он не представлял ничего, кроме опасности, ее дому.

— Я слышала, ваша госпожа Сазуко беременна?

— Да. Я очень счастлив,— Торанага почувствовал, как у него стало радостно на душе при мыслях о своей последней наложнице, ее молодости, силе и теплоте. «Я надеюсь, у нас будет сын,— сказал он себе.— Да, это было бы очень хорошо. Семнадцать лет — хороший возраст для того, чтобы родить первого ребенка, тем более если имеешь такое здоровье, как у нее. Да, я очень счастлив».

— Будда благословляет вас.— Ёдоко почувствовала укол зависти. Казалось нечестным, что Торанага имеет пять взрослых сыновей и четыре дочери и уже пять внуков, да еще ребенок Сазуко, который скоро появится на свет, да и при нескольких наложницах в доме он может иметь еще много сыновей, ему еще предстоит прожить много полноценных лет. А все ее надежды были сконцентрированы на этом единственном семилетнем ребенке, ее ребенку наравне с Ошибой. «Да, он также и мой сын,— подумала она.— Как я ненавидела Ошибу вначале...»

Она увидела, что все смотрят на нее, и вздрогнула:

— Да?

Яэмон нахмурился:

— Я спросил, можем ли мы пойти делать уроки, Первая мама? Я два раза тебя спросил.

— Извини, сын мой, я отвлеклась. Вот что случается, когда стареешь. Да, тогда пошли.— Кири помогла ей встать, Яэмон побежал впереди. Серые уже встали, один из них поймал его и заботливо посадил себе на плечи. Четверо самураев, которые сопровождали Ёдоку, ждали отдельно.

— Пройдитесь со мной немного, господин Торанага, пожалуйста. Мне нужно опереться на чью-нибудь сильную руку.

Торанага с удивительной живостью вскочил на ноги. Она взяла его за руку, но не оперлась на нее. «Да, мне нужна сильная рука, Яэмону тоже. Да и стране».

— Я всегда готов служить вам,— сказал Торанага.

Когда они удалились от остальных, она спокойно сказала:

— Становитесь единовластным регентом. Возьмите власть и правьте сами. До тех пор, пока Яэмон не вырастет.

— Завещание Тайко запрещает это, даже если бы я этого и хотел, чего на самом деле нет. Ограничения, которые он наложил в завещании, исключают захват власти одним регентом. Я не стремлюсь к единовластию. Я никогда не стану единственным регентом.

— Тора-чан,— сказала она, используя кличку, которую дал ему Тайко много лет назад,— у нас мало секретов, у вас и у меня. Вы можете сделать это, если пожелаете. Я говорю и за госпожу Ошибу. Возьмите власть до конца своей жизни. Станьте сёгуном и делайте...

— Госпожа, то, что вы говорите — это предательство. Я не стремлюсь стать сёгуном.

— Конечно, но, пожалуйста, послушайте меня последний раз. Станьте сёгуном, сделайте Яэмона единственным наследником — вашим единственным наследником. Он может быть сёгуном после вас. Разве это не его генеалогическая линия? Фудзимото — через госпожу Ошибу назад до ее деда Города и через него еще дальше в древность? Фудзимото!

Торанага посмотрел на нее.

— Вы думаете, даймё согласится с таким заявлением или что Его Высочество Сын Неба может утвердить назначение?

— Нет. Не для самого Яэмона. Но если бы вы были сёгуном сначала и усыновили его, то могли бы убедить их, всех их. Мы поддержим вас, госпожа Ошиба и я.

— Она согласна с этим? — спросил удивленный Торанага.

— Нет. Мы никогда не обсуждали этого. Это моя идея. Но она согласится. Я отвечаю за нее. Заранее.

— Это невозможно, госпожа.

— Вы можете управлять Ишидо и всеми ими. Вы всегда можете. Я боюсь, Тора-чан, того, что я слышала. Слухи о войне, о разделении на две группы и начале новых темных веков. Когда война начнется, она будет идти вечно и поглотит Яэмона.

— Да, я тоже так же считаю. Да, если она начнется, она будет последняя и навсегда.

— Тогда возьмите власть! Делайте что хотите, с кем хотите, как хотите. Яэмон хороший мальчик. Я знаю, вы любите его. У него ум отца, и с вашим обучением мы все только выиграем. Он должен получить свое наследство.

— Я не возражаю против него или его преемников. Сколько раз я это должен говорить?

— Наследник будет уничтожен, если вы его активно не подержите.

— Я поддерживаю его! — сказал Торанага. — Всеми мерами. В этом я согласен с Тайко, вашим последним мужем.

Ёдоко вздохнула и плотнее запахнулась в свой плащ.

— Эти старые кости простужены. Так много тайн, войн, предательств, смертей и побед, Тора-чан. Я только женщина и очень одинокая. Я рада, что я посвятила себя теперь Будде и своей следующей жизни. Но в этой я должна защитить моего сына и сказать вам эти вещи. Я надеюсь, вы простите мне мою дерзость.

— Я всегда радуюсь вашим советам и ищу их.

— Спасибо. — Ее спина немного распрямилась. — Послушайте, пока я жива, ни наследник, ни госпожа Ошиба не пойдут против вас.

— Да.

— Вы учтете мое предложение?

— Последняя воля моего хозяина запрещает это. Я не могу идти против моих священных клятв регента.

Они шли в молчании. Потом Ёдоко вздохнула:

— Почему не взять ее в жены?

Торанага остановился на дорожке.

— Ошибу?

— Почему нет? Она вполне достойна как политический выбор. Совершенный выбор для вас. Она красива, молода, крепка, ее родственные связи самые удачные — часть Фудзимото, часть Миновара, она полна солнца и очень жизнерадостна. У вас нет сейчас официальной жены — так почему нет? Это решит проблему преемственности и предотвратит раскол в стране. От нее у вас наверняка будут еще сыновья. Яэмон будет наследовать титул у вас, потом его сыновья или другие ее сыновья. Вы можете стать сёгуном. Вы будете иметь власть над страной и власть отца, так что вы можете подготовить Яэмона к вашему пути. Вы формально усыновите его, и он будет таким же вашим сыном, как любой из ваших. Почему вам не жениться на госпоже Ошибе?

«Потому что она дикая кошка, вероломная тигрица с лицом и телом богини, которая думает, что она императрица, и ведет себя как императрица, — сказал себе Торанага. — Ты никогда не сможешь доверять ей в постели. Она словно иголка у тебя в глазу, когда ты спишь, а она должна бы ласкать тебя. О, нет, не

ее! Даже если бы я женился на ней только ради ее имени, на что бы она никогда не согласилась. О, нет! Это невозможно! По всем возможным причинам, не последней из которых является то, что она ненавидит меня и ждет моего поражения, моего и моего дома, все время с тех пор, как она родила первый раз, одиннадцать лет назад.

Даже тогда, в семнадцать лет, она пожертвовала собой, чтобы погубить меня. Да, такая мягкая внешне, как первый созревший персик летом, и такая же душистая. Но внутри — это сталь, как у боевого меча; у нее мозг шахматиста, она пускает в ход все свое обаяние, вскоре сведшее с ума Тайко и отвратившее от него всех остальных. Да, она сразу покорила Тайко, когда ей было пятнадцать, когда он впервые официально получил ее. Да, и не забывай, что на самом деле это она соблазнила его, а не он ее, хотя он очень верил в себя. Да, даже в пятнадцать Ошиба знала, чего она хочет и как этого добиться. Потом случилось чудо, давшее наконец сына Тайко, чудо у нее одной из всех женщин, которых он имел в своей жизни. Сколько женщин он имел? По крайней мере сто. Его горностаи оросил своим радостным соком больше небесных сводов, чем десять обычных мужчин! Да. И эти женщины всех возрастов и каст, обычные жены или наложницы, от принцессы Фудзимото до куртизанки четвертого класса. Но ни одна из них не забеременела, хотя позже, когда он их выгонял, расторгал брак или они снова выходили замуж после его смерти, они имели детей от других мужчин. Ни одна, кроме госпожи Ошибы.

Но она родила ему сына, когда Тайко было пятьдесят три года, бедное маленькое существо, так быстро заболевшее и умершее. Тайко рвал на себе одежды, чуть не сошел с ума от горя, проклинал себя, но не ее. Потом, спустя четыре года, она чудесным образом снова родила, удивительно, но снова сына, и на этот раз удивительным образом здорового, ей тогда был двадцать один год. Ошиба Бесподобная называл ее Тайко.

Отец ли Тайко Яэмону или нет? О, я много бы отдал, чтобы знать правду. Узнаем ли мы когда-нибудь? Возможно, нет, но что бы ни было, я проверять не буду ни тот, ни другой вариант.

Странно, что Тайко, такой проникательный во всем остальном, липался этого качества относительно Ошибы, любя ее и Яэмона до безумия. Странно, что из всех женщин именно она должна была стать матерью его наследника, она, чей отец, отчим и мать погибли из-за Тайко.

Была ли она достаточно умна, чтобы переспать с другим

мужчиной, зачать от него, потом уничтожить его, чтобы обезопасить себя? И не один раз, а дважды?

Могла ли она быть так вероломна? О, да.

Жениться на Ошибе? Никогда.

— Я польщен тем, что вы сделали мне такое предложение, — ответил Торанага.

— Вы мужчина, Тора-чан. Вы легко можете управиться с такой женщиной. Вы единственный мужчина в империи, который может это, правда? Она удивительная партия для вас. Посмотрите, как она сейчас борется за интересы своего сына, а она только беззащитная женщина. Она достойная жена для вас.

— Я не думаю, что она когда-нибудь думала об этом.

— А если думала?

— Я бы хотел знать это. Тайно. Да, это была бы безмерная честь для меня.

— Многие люди считают, что только вы стоите между Язмомом и его будущим.

— Многие люди глупы.

— Да. Но не вы, Торанага-сама. И не госпожа Ошиба.

«И не вы, моя госпожа», — подумал он.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

В самое темное время ночи через стену в сад проник убийца. Его почти не было видно. Он носил тесно облегающую тело черную одежду, его таби были черного цвета, черный капюшон и черная маска скрывали голову. Это был человек небольшого роста, он бесшумно пробежал к каменному укреплению внутри сада и остановился около самой отвесной стены. В пятидесяти ярдах

от него двое коричневых охраняли главную дверь. Очень ловко убийца забросил обмотанный тряпками крюк с тонкой шелковой веревкой. Крюк зацепился за каменный карниз амбразуры. Он поднялся по веревке, протиснулся через щель амбразуры и исчез внутри.

Коридор был пустынный, он освещался свечами. Убийца

бесшумно спустился вниз, открыл наружную дверь и вышел на зубчатую стену. Еще один искусный бросок, быстрое короткое карабканье, и он оказался в коридоре наверху. Часовые, которые стояли на углах зубчатой стены, не услышали его, хотя и были настороже.

Когда мимо проходили часовые в коричневой униформе, он плотно вжался в нишу в каменной стене. После этого убийца проскользнул по переходу. У угла он остановился. Молча огляделся. Дальняя дверь охранялась самураем. Пламя свечей колебалось в тишине. Часовой сидел, скрестив ноги, он зевнул, облокотился о стену и вытянулся. Его глаза на минуту закрылись. Убийца мгновенно кинулся вперед. Беззвучно. Он сделал петлю из шелковой веревки, которая все еще была у него в руках, уронил ее на шею часового и резко дернул. Пальцы часового еще пытались схватить и оттянуть удавку, но он уже умирал. Короткий удар ножом между ребер, нанесенный с искусством хирурга, — и часовой перестал двигаться.

Убийца открыл дверь. Комната для аудиенций была пуста, внутренние двери не охранялись. Он втащил труп внутрь и опять закрыл дверь. Без колебаний он пересек комнату и выбрал левую внутреннюю дверь. Она была сделана из дерева и хорошо укреплена. В его правую руку скользнул изогнутый нож. Он мягко, тихонько постучал.

— «...В дни императора Ширикавы...» — сказал он первую часть пароля.

С другой стороны двери донесся лязг стали, вынимаемой из ножен, и ответ:

— «...Жил мудрец по имени Инраку-джи...»

— «...Который написал тридцать пятую сутру». У меня срочные послания для господина Торанаги.

Дверь распахнулась, и убийца нанес удар. Нож взметнулся вверх, вошел в горло первого самурая точно ниже подбородка, так же быстро был вынут и молниеносно поразил в горло второго часового. Слабый поворот — и нож тут же вынимается снова. Оба человека умерли еще на ногах. Убийца подхватил одного и дал ему мягко опуститься на землю. Другой упал, но бесшумно. Кровь хлынула на пол, их тела забились в предсмертных конвульсиях.

Человек заторопился вниз по этому внутреннему переходу. Он был плохо освещен. В это время открылись седзи. Он замер, медленно оглядываясь кругом.

Кири удивленно смотрела на него, стоя в десяти шагах. В ее руках был поднос.

Он заметил, что две чашки на подносе были чистые, пища в них не тронута. Из чайника шел пар. Сбоку потрескивала свеча. Тут поднос упал, рука скользнула из-под оби и появилась с кинжалом, рот у нее открывался, но не издавал ни звука, и он сразу бросился в угол. Открылась дальняя дверь, и выглянул заспанный самурай.

Убийца бросился к нему и прорвал седзи справа, куда он и стремился. Кири закричала, поднялась тревога, и он уверенно побежал в темноте, через эту переднюю, мимо просыпающихся женщин и их служанок, во внутренний коридор в дальнем конце дома.

Здесь была тьма крошечная, но он ощупью двигался вперед, безошибочно находя нужную дверь в начинающейся суматохе. Он открыл дверь и прыгнул на человека, лежавшего на футоне. Но его рука, державшая нож, была зажата, словно тисками, и теперь он был вынужден схватиться врукопашную на полу. Он дрался очень умело, вырвался, опять ударил ножом, но промахнулся, запутавшись в одеяле. Убийца откинул одеяло и бросился на человека, держа нож для смертельного удара. Но человек повернулся с неожиданной ловкостью и сильно пнул его в пах ногой. Боль взорвалась в убийце, в то время как его жертва отскочила на безопасное расстояние.

К этому времени в дверях уже столпились самураи, некоторые из них были с фонарями, и Нага, в одной только набедренной повязке, с взъерошенными волосами, прыгнул между ним и Блэксорном, высоко подняв меч.

— Сдавайся!

Убийца отскочил назад, крикнул: «Наму Амида Бутсу — во имя Будды Амида!» — повернул нож к себе и обеими руками ткнул его себе ниже подбородка. Хлынула кровь, и он опустился на колени. Нага сразу нанес удар. Его меч вихрем описал дугу, и голова свободно покатилась по полу.

В молчании Нага поднял голову и сорвал маску. Лицо было обычным, глаза еще мигали. Он подержал голову: волосы были уложены как у самурая, с узелком на макушке.

— Кто-нибудь знает его?

Никто не ответил. Нага плюнул в лицо, сердито бросил голову одному из своих самураев, сорвал с убийцы одежду, поднял его правую руку и нашел то, что искал. Маленькая татуировка — китайское изображение Амиды, особого Будды, было вытравлено под мышкой.

— Кто командир стражи?

— Я, господин, — человек был смертельно бледен.

Нага прыгнул на него, остальные расступились. Командир часовых не сделал попытки уклониться от яростного удара меча, который отрубил ему голову, часть плеча и одну руку...

— Хайябуса-сан, прикажи всем самураям этого караула спуститься во двор, — сказал Нага одному из начальников. — Удвой караулы для новой стражи. Убери отсюда тела. Все остальные... — Он остановился, так как к двери подошла Кири, все еще с кинжалом в руке. Она взглянула на труп, потом на Блэксорна.

— Анджин-сан не пострадал? — спросила она.

Нага взглянул на человека, который возвышался над ним, тяжело дыша. На нем не было видно ни ран, ни крови. Просто заспанный человек, который едва не был убит. Белое лицо, но без внешних признаков страха.

— Ты не пострадал, кормчий?

— Я не понимаю.

Нага подошел и стянул с него ночное кимоно, чтобы посмотреть, не ранен ли кормчий.

— А, теперь понял. Нет. Не ранен, — услышал он слова гиганта и увидел, как он качает головой.

— Хорошо, — сказал он. — Кажется, он не пострадал, Киритсубо-сан.

Он увидел, как Анджин-сан показывает на труп и что-то говорит.

— Я не понимаю вас, — ответил Нага. — Анджин-сан, вы остаетесь здесь, — и сказал одному из своих людей: — Принеси ему пищи и воды, если он захочет.

— У этого убийцы была татуировка Амиды, да? — спросила Кири.

— Да, госпожа Киритсубо.

— Дьяволы, дьяволы.

— Да.

Нага поклонился ей, потом посмотрел на одного из испуганных самураев.

— Пойдешь со мной. Возьми голову! — Он ушел, думая, как бы рассказать об этом отцу. О, Будда, благодарю тебя за то, что ты охраняешь моего отца!

— Он был ронин, — коротко сказал Торанага. — Ты никогда не проследишь, откуда он, Хиро-Мацу-сан.

— Да. Но отвечает за это Ишидо. У него хватило низости сделать это, да? Ниндзя. Использовать эти отбросы, наемных убийц. Пожалуйста, я прошу вас, позвольте мне прямо сейчас вызвать наши войска. Я прекращу это раз и навсегда.

— Нет, — Торанага обернулся в сторону Наги. — Ты уверен, что Анджин-сан не пострадал?

— Нет, господин.

— Хиро-Мацу-сан! Ты понизишь в должности всех часовых из этого караула за невыполнение ими своих обязанностей. Им запрещено совершать сеппуку. Им приказано нести свой позор перед всеми моими солдатами как людям самого низкого класса. Мертвых часовых протащите за ноги через замок и весь город до места казни. Пусть их едят собаки.

После этого он посмотрел на своего сына, Нагу. До этого вечером пришло срочное сообщение из монастыря Джоджи в Нагое об угрозе Ишидо относительно Наги. Торанага сразу приказал сыну не выходить из дома и окружил его стражей вместе с другими членами семьи в Осаке — Кири и Сазуко, которые тоже усиленно охранялись. В послании от аббата добавлялось, что он считает разумным освободить сразу же мать Ишидо и отослать ее обратно в город с ее служанками.

— Я не осмеливаюсь рисковать жизнью ваших славных сыновей таким глупым образом. К сожалению, ее здоровье ухудшилось. Она простужена. Лучше, чтобы она умерла в своем собственном доме, а не здесь.

— Нага-сан, ты в равной мере ответствен за то, что убийца проник сюда, — сказал Торанага, его голос был холоден и горек. — Каждый самурай ответствен, независимо от того, был ли он на страже, спал или проснулся. У тебя отбирается половина твоего годового дохода.

— Да, господин, — ответил юноша, удивленный, что ему позволено все сохранить, в том числе и голову. — Пожалуйста, понизьте меня в должности тоже, — сказал он. — Я не могу жить с таким позором. Я не заслуживаю ничего, кроме презрения, за мою провинность, господин.

— Если бы я хотел понизить тебя в звании, я бы так и сделал. Тебе приказывается немедленно выехать в Эдо. Ты уедешь с двадцатью людьми сегодня же ночью и сообщишь все своему брату. Ты будешь там в кратчайшее время! Иди! — Нага поклонился и вышел, побледнев. Хиро-Мацу Торанага сказал так же грубо: — Увеличь в четыре раза мою охрану. Отмени мою охоту сегодня и завтра. В день после встречи регентов я покидаю Осаку. Ты сделаешь все приготовления, и до этого времени я останусь здесь. Я не буду встречаться ни с кем без приглашения. Ни с кем.

Он махнул рукой, отпуская всех и будучи в плохом настроении.

— Все могут идти. Хиро-Мацу, ты останешься.

Комната опустела. Хиро-Мацу был рад, что его будут накладывать один на один, так как из всех из них он, как командир охраны, был виноват больше всех.

— Мне нет прощения, господин. Никакого.

Торанага задумался. Гнева больше не было заметно.

— Если бы ты хотел нанять секретным образом кого-то из секты Амиды Тонга, как бы ты нашел этих людей? Как бы ты вышел на них?

— Я не знаю, господин.

— Кто должен знать?

— Касиги Ябу.

Торанага выглянул в амбразуру. Слабые признаки рассвета смешивались с темнотой ночи на востоке.

— Приведи его сюда на рассвете.

— Вы думаете, он виноват?

Торанага не ответил, он снова о чем-то размышлял.

Старый солдат наконец не выдержал молчания:

— Пожалуйста, господин, позвольте мне уйти. Я так виноват!

— Такую попытку почти невозможно предотвратить, — сказал Торанага.

— Да. Но нам следовало поймать его снаружи, а не около вас.

— Я согласен. Но я не считаю вас ответственным.

— Я считаю себя виноватым. Вот что я должен сказать, господин, так как я отвечаю за вашу безопасность, пока вы не вернетесь в Эдо. На вас еще будут покушения, все наши агенты сообщают о передвижениях войск. Ишидо мобилизуется.

— Да, — сказал Торанага небрежно. — После Ябу я хочу поговорить с Тсуку-сан, потом с Марики-сан. Удвой охрану Анджин-сана.

— Ночью пришли сообщения, что господин Оноши поставил сто тысяч человек на ремонт укреплений на Кюсю, — сказал Хиро-Мацу, поглощенный тревогами о безопасности Торанаги.

— Я спрошу его об этом, когда мы встретимся.

Терпение Хиро-Мацу лопнуло.

— Я совсем не понимаю вас. Я должен сказать вам, что вы глупо рискуете. Да, глупо. Я не беспокоюсь о том, отрубите ли вы мне голову за то, что я вам говорю, но это правда. Если Кийяма и Оноши проголосуют вместе с Ишидо, вам будет предъявлено обвинение! Вы мертвец — вы рискуете здесь всем, и вы

погибли! Уезжайте, пока можете! По крайней мере вы сохраните голову на плечах!

— Я пока еще вне опасности.

— Разве это нападение сегодня ночью для вас ничего не значит? Если вы не поменяете комнату, вы уже мертвец.

— Да, может быть, но, может быть, и нет, — сказал Торанага. — Сегодня ночью и в прошлую ночь у моих дверей было много часовых. И вы также были на страже. Ни один убийца не мог оказаться около меня. Даже этот, хотя он был хорошо подготовлен. Он знал дорогу, даже пароль, не так ли? Кири-сан сказала, что слышала, как он называл его. Так что я думаю, что он знал, в какой я комнате. Но я был ему не нужен. Ему был нужен Анджин-сан.

— Чужеземец?

— Да.

Торанага считал, что для чужеземца после всех необычных происшествий этого утра все еще сохраняется опасность. Очевидно, что Анджин-сан был слишком опасен для кого-то, чтобы оставить его в живых. Но Торанага не предполагал, что нападения осуществят так быстро и в его личном жилище. «Кто предал меня?» Он отбросил возможность утечки информации через Кири или Марику. «Но замки и сады всегда имеют места для подслушивания, — подумал он. — Я в центре вражеской крепости, и там, где у меня один шпион, Ишидо и другие будут иметь их двадцать. Может быть, это был просто шпион».

— Удвой охрану Анджин-сана. Он мне дороже десяти тысяч других людей.

После ухода госпожи Ёдоко в то утро он вернулся в сад чайного домика и сразу заметил внутреннюю слабость Анджин-сана, чересчур яркие глаза и измученный вид. Поэтому он подавил свое собственное возбуждение и почти захватившую его потребность расспрашивать дальше и отпустил его, сказав, что завтра они продолжат. Анджин-сан был отдан на попечение Кири с наказом отвести его к доктору, чтобы восстановить его силы, дать ему пищу чужеземцев, если он захочет, и даже пустить его в спальню, которой пользовался сам Торанага.

— Дай ему все, что ты сочтешь нужным, Кири-сан, — сказал он ей тайком. — Он нужен мне трудоспособным, очень быстро, в разуме и теле.

После этого Анджин-сан попросил, чтобы выпустили из тюрьмы монаха сегодня же, так как он стар и болен. Торанага ответил, что подумает, и отпустил чужеземца, не сказав, что сразу же приказал самураям сходить в тюрьму и привести

монаха, который, может быть, одинаково нужен и ему, и Ишидо.

Торанага давно знал об этом священнике, который был испанцем и враждовал с португальцами. Но человек был в тюрьме по приказу Тайко, и он был заключенным Тайко, поэтому Торанага не имел права ни на кого в Осаке. Он умышленно отправил Анджин-сана в тюрьму не только, чтобы притвориться перед Ишидо, что незнакомец не имеет никакого значения, но и в надежде, что любознательный кормчий получит от монаха какие-нибудь сведения.

Первая неудачная попытка убить Анджин-сана в камере была отбита, и сразу же вокруг него была выставлена защита. Торанага наградил своего вассала, шпиона Миникуя, носильщика — кага, безопасно выручив его из тюрьмы и дав ему четырех своих кага и наследственное право работать носильщиками на Токкайдской дороге — крупной дороге по переноске грузов, которая соединяет Эдо и Осаку, между второй и третьей станциями, которые находились на территории Торанаги около Эдо, и тайно отослал его из Осаки в первый же день. В следующие дни другие его шпионы послали сообщения, что варвары подружились, монах говорит, а Анджин-сан задает вопросы и слушает. Тот факт, что Ишидо, возможно, тоже имеет шпионов в камере, не беспокоил их. Анджин-сан защищен и в безопасности. Потом Ишидо неожиданно попытался похитить его под влиянием своих союзников.

Торанага вспомнил об удовольствии, которое получили он и Хиро-Мацу, когда планировали мгновенное «нападение» — бандиты-ронины были одной из небольших отдельных групп его собственных отборных самураев, которые втайне содержались в Осаке и вокруг нее, а также время появления Ябу, который не подозревая действовал как «спасатель». Они вместе посмеялись, зная, что еще раз использовали Ябу как марионетку, чтобы утереть нос Ишидо его собственным дерьмом.

Все шло хорошо. До сегодняшнего дня.

Сегодня самурай, посланный за монахом, вернулся ни с чем.

— Священник мертв, — сказал он. — Когда назвали его имя, он не вышел, господин Торанага. Я пошел за ним, но он был мертв. Заключенные вокруг него сказали, что, когда тюремщик выкликнул его имя, он еще был в агонии. Он был мертв, когда я перевернул его. Пожалуйста, извините меня, вы послали меня за ним, а я не смог выполнить ваш приказ. Я не знал, нужна ли вам будет его голова или голова вместе с телом, учитывая, что он чужеземец, поэтому я принес тело с головой. Некоторые из

преступников были обращены им в христианство. Они хотели задержать труп у них и пытались это сделать, поэтому мне пришлось убить несколько человек и принести труп сюда. Он воиет и весь во вшах, но я положил его на дворе, господин.

«Почему умер монах?» — Торанага спрашивал себя снова и снова. Потом он заметил, что Хиро-Мацу вопрошающе смотрит на него.

— Да?

— Я только спросил, кто хотел бы смерти кормчего.

— Христиане.

* * *

Касиги Ябу шел за Хиро-Мацу по коридору, не чувствуя великолепие рассвета. Чувствовался приятный соленый запах бриза — это напомнило ему его родной город Мисиму. Он был рад, что наконец должен встретиться с Торанагой и ожидание кончилось. Он вымылся и оделся с большой тщательностью. Написал последние письма жене и матери, его завещание было запечатано и оставлено на случай, если его разговор с Торанагой окончится неудачно для него. Сегодня он носил клинок Мура-самы в прошедших несколько сражений ножах.

Они повернули в другой коридор, потом Хиро-Мацу неожиданно открыл усиленную железом дверь и прошел по каменным ступеням во внутреннюю центральную башню этой части укреплений. Здесь было много часовых на посту, и Ябу почувствовал опасность.

Лестницы, закругляясь, вели наверх и кончались на легко защищаемом удобном для обороны редуте. Часовые открыли железную дверь. Он вышел на зубчатую стену. «Хиро-Мацу сказал, чтобы меня сбросили, или мне прикажут прыгнуть самому?» — спросил он себя без страха.

К его удивлению, Торанага был там и, что невероятно, встал, чтобы приветствовать его с радостным уважением, чего он не имел права ожидать, так как Торанага был господин Восьми Провинций, тогда как он был только господином Изу. Подушки были разложены очень заботливо. Под шелковой салфеткой стоял чайник. Богато одетая девушка с квадратным лицом, не очень красивая, низко поклонилась. Ее имя было Сазуко, она была седьмая официальная наложница Торанаги, самая молодая, на позднем сроке беременности.

— Как приятно видеть вас, Касиги Ябу-сан. Извините, что заставил вас ждать.

Теперь Ябу был уверен, что Торанага решил отрубить ему голову, так или иначе, так как, по общему мнению, ваш враг никогда не бывает более вежливым, чем когда планирует или уже спланировал ваше убийство. Он снял оба своих меча, положил их на каменные плиты, позволил увести себя от них и усадить на почетное место.

— Я думал, вам будет интересно полюбоваться рассветом, Ябу-сан. Мне кажется, что вид здесь исключительный — даже лучше, чем с главной башни наследника. Не так ли?

— Да, красиво, — сказал Ябу без заминки, он никогда не был в замке на такой высоте до этого момента, замечание Торанаги о «наследнике», он был уверен, означает, что его тайные сношения с Ишидо известны. — Я горжусь, что мне позволено разделить это зрелище с вами.

Перед ними был спящий город, гавань, и острова Авайи тянулись к западу; на востоке береговая линия понижалась, здесь освещение неба усиливалось и пятнами окрашивало облака в малиновый цвет.

— Это моя госпожа Сазуко. Сазуко, это мой союзник, известный господин Касиги Ябу из Изу, даймё, который привез нам чужестранца и корабль с сокровищами! — Она поклонилась и произнесла обычные слова приветствия. Он тоже поклонился, а она снова ответила на его поклон. Сазуко предложила чашку чаю первому Ябу, но он вежливо отклонил эту честь, начиная ритуал, и просил ее отдать чашку Торанаге, который отказался и настаивал, чтобы ее принял Ябу. В конце концов, продолжая ритуал, он, как почетный гость, позволил убедить себя. Хиро-Мацу взял вторую чашку, его грубые пальцы с трудом держали фарфор, другая рука обхватывала рукоятку меча, лежащего на колене. Торанага взял третью чашку и выпил свой зеленый чай, после чего они все вместе обратились к природе и наблюдали за рассветом. В молчании неба.

Закричали чайки. Послышался шум города. Рождался день.

Госпожа Сазуко вздохнула, ее глаза наполнились слезами.

— Мне начинает казаться, что я — богиня, поднимающаяся так высоко в поисках такой красоты, правда? Так печально, что все это проходит навсегда, господин. Так печально, да?

— Да, — сказал Торанага.

Когда солнце было на полпути над горизонтом, она поклонилась и ушла. К удивлению Ябу, охрана также оставила их. Теперь они были одни. Втроем.

— Я рад, что получил от вас такой подарок, Ябу-сан. Это было очень великодушно, весь корабль и все его содержимое, — сказал Торанага.

— Что бы я ни имел, все это ваше, — сказал Ябу, на которого еще сильно действовал рассвет. «Я бы хотел, чтобы у меня еще было время, — подумал он. — Как элегантно Торанага сделал это! Сделать мне такой подарок в конце». — Благодарю вас за этот рассвет.

— Да, — сказал Торанага, — это мой подарок. Я рад, что он доставил вам такое же удовольствие, какое я получил от вашего.

Наступило молчание.

— Ябу-сан. Что вы знаете о секте Амиды Тонга?

— Только то, что знает большинство людей. Это секретное общество десяти: ячейки из десяти человек — вожаки и девять, никогда не более, последователей в одном районе, женщин и мужчин. Они клянутся самыми святыми и секретными клятвами господину Будде Амида, проповеднику Вечной Любви, в послушании, чистоте и смерти, проводят свою жизнь в подготовке к тому, чтобы стать совершенным оружием одного убийства, чтобы убить только по приказу своего руководителя, и если они терпят при этом неудачу — не сумеют убить выбранного человека, будь то мужчина, женщина или ребенок, — то сразу отдают свою собственную жизнь. Они религиозные фанатики, которые уверены, что они будут идти прямо из своей жизни в царство Будды. Ни один из них не был пойман живым. — Ябу знал о покушении на жизнь Торанаги. К этому времени знала уже вся Осака и все знали, что господин Кванто, хозяин Восьми Провинций, заперся надежно в клетке из стали. — Они убивают редко, секретность у них абсолютная. Нет никакого шанса им отомстить, потому что никто не знает, кто они, где живут или где тренируются.

— Если бы вы хотели их нанять, как бы вы вышли на них?

— Я бы шепнул кому-нибудь в трех местах — в Хейнанском монастыре, у ворот гробницы Амиды и в монастыре Джоджи. В течение десяти дней, если вас сочтут приемлемым заказчиком, на вас выйдут через посредников. Это все так засекречено и умно устроено, что если вы даже захотите их выдать или поймать, то все равно не сможете. На десятый день они запросят деньги, серебряные. Количество зависит от человека, которого нужно убить. Они не торгуются, вы платите то, что они запросят сразу. Они гарантируют только, что один из членов их организации попытается убить нужного вам человека в течение десяти дней. Существует легенда, что, если покушение проходит

удачно, убийца возвращается в храм и там, в ходе большой церемонии, он совершает ритуальное самоубийство.

— Вы думаете, что мы никогда не найдем тех, кто заплатил за сегодняшнее покушение?

— Вы думаете, может быть другое?

— Может быть. А может быть, и нет. Они заключают соглашение на одно покушение, не так ли? Но вы благоразумно увеличили вашу охрану — как среди ваших самураев, так и среди ваших женщин. Женщины из секты Амиды учатся пользоваться ядами, а также ножом и удавкой, как говорят.

— Вы когда-нибудь нанимали их?

— Нет.

— А ваш отец?

— Я не знаю, не наверняка. Мне говорили, что Тайко просил его однажды связаться с ними.

— Покушение было успешным?

— Все, что делал Тайко, удавалось. Так или иначе.

Ябу почувствовал, что кто-то стоит за ним, и предположил, что это тайно вернулась стража. Он прикинул расстояние до своих мечей. «Попытаться убить Торанагу? — спросил он себя снова. — Я решился, а теперь не знаю. Я изменился. Почему?»

— Что бы вы заплатили им за мою голову? — спросил его Торанага.

— Во всей Азии недостаточно серебра, чтобы соблазнить меня нанять их на такое дело.

— А что бы должен был заплатить кто-то другой?

— Двадцать тысяч коку, пятьдесят тысяч, сто, может быть, и больше, я не знаю.

— Вы бы заплатили сто тысяч коку, чтобы стать сёгуном? Ваша родословная восходит к Такасиме, не так ли?

Ябу сказал гордо:

— Я бы не заплатил ничего. Деньги — грязь — игрушка для женщин, чтобы играть с дерьмовыми купцами или для них. Но если бы было возможно невозможное, то я бы отдал собственную жизнь и жизнь жены, матери и всех детей, за исключением моего единственного сына, а также всех моих самураев в Йэу и всех их женщин и детей, чтобы побыть сёгуном один день.

— А что бы ты отдал за Восемь Провинций?

— Все то же, кроме жизни моей жены, матери и сына.

— А за провинцию Суруга?

— Ничего, — сказал Ябу с презрением. — Икава Джикья ничего не стоит. Если я не получу его голову и все его потомство в этой жизни, я сделаю это в другой.

— А если бы я отдал его тебе? И всех Суруга — и, может быть, следующую провинцию, Тотоми, тоже?

Ябу внезапно устал от этой игры в кошки-мышки и разговора об Амиде.

— Вы решили взять мою голову, господин Торанага, — очень хорошо, я готов. Я благодарю вас за рассвет. Но я не хочу портить такое благородство дальнейшим разговором, так давайте приступим к делу.

— Но я не решил взять вашу голову, Ябу-сан, — сказал Торанага. — Откуда у вас такая мысль? Враг влил вам яд в уши? Может быть, Ишидо? Разве вы не мой самый тесный союзник? Вы думаете, я бы остался с вами здесь, без охраны, если бы я думал, что вы мне враг.

Ябу медленно повернулся. Он думал, что увидит самурая, стоящего за ним, с мечом наготове. Но там никого не было. Он оглянулся на Торанагу.

— Я не понял.

— Я пригласил вас сюда, чтобы мы могли поговорить с глазу на глаз. И полюбоваться на восход. Вам хотелось бы управлять провинциями Изу, Суруга и Тотоми — если я не проиграю эту войну?

— Да. Очень, — сказал Ябу, его надежды снова ожили.

— Вы будете моим вассалом? Признаете меня как своего господина?

Ябу не колебался.

— Никогда, — сказал он. — Как союзника — да. Как моего руководителя — да. Всегда меньшего, чем вы — да. Моя жизнь и все, чем я обладаю, — ваше. Но Изу — мое. Я даймё Изу, и я никогда не отдам власть над Изу никому. Я поклялся отцу, Тайко, который подтвердил право владения, сначала моему отцу, потом мне. Тайко подтвердил, что Изу — мое и моих потомков навсегда. Он был наш суверен, и я поклялся никогда не иметь другого, пока его наследник не достигнет совершеннолетия.

Хиро-Мацу слегка покрутил мечом в руке. «Почему Торанага не даст мне покончить с этим раз и навсегда? Ведь уже говорились. Зачем все эти утомительные разговоры? Я болен, и мне нужно в уборную, я хочу лечь».

Торанага почесал в паху.

— Что Ишидо предлагал вам?

— Голову Джикьи в тот момент, когда вы падете. И его провинцию.

— В обмен на что?

— Поддержку, когда начнется война. Атаковать ваш южный фланг.

— Вы согласились?

— Вы знаете, что я выше этого.

Шпионы Торанаги в доме Ишидо сообщили, что велись переговоры о том, что в случае измены последует убийство его трех сыновей: Небару, Судару и Нага.

— Больше ничего? Только поддержку?

— Любыми средствами, которые будут в моем распоряжении, — сказал Ябу осторожно.

— Включая убийство?

— Я намеревался вести войну, когда она начнется, всеми моими силами. Для моего союза. В любом случае я мог гарантировать его успех. Нам нужен один регент, пока Яэмон несовершеннолетний. Война между вами и Ишидо неизбежна. Это единственный способ развития событий.

Ябу пытался понять, что на уме у Торанаги. Он презирал нерешительность Торанаги, зная, что он сам был лучше, что Торанага нуждается в его поддержке, что в конце концов он победит его. «Но что делать тем временем? — спрашивал он себя и хотел, чтобы Юрико, его жена, была здесь вместе с ним. Она знала самый правильный путь».

— Я могу быть очень ценным для вас. Я могу помочь вам стать единственным регентом, — сказал он, решив вести игру.

— Почему я должен хотеть быть одним регентом?

— Когда Ишидо нападет, я могу помочь вам победить его. Когда он разрушит мир, — сказал Ябу.

— Как?

Он рассказал им свой план с ружьями.

— Полк из пятисот самураев с ружьями? — взорвался Хиро-Мацу.

— Да. Подумайте об огневой мощи. Все отборные воины, обученные действовать как один человек. Двадцать пушек, также собранных вместе.

— Это плохой план. Отвратительный, — сказал Хиро-Мацу. — Вы не сможете держать все это в тайне. Если мы начнем, враг начнет тоже. И этому ужасу никогда не будет конца. Во всем этом нет ни чести, ни будущего.

— Разве в этой грядущей войне будем участвовать только мы, господин Хиро-Мацу? — ответил Ябу. — Разве мы не заботимся о безопасности господина Торанаги? Разве это не обязанность его союзников и вассалов?

— Да.

— Все, что должен сделать господин Торанага, — это выиграть одно большое сражение. Это даст ему головы всех его врагов — и власть. Я говорю, что такая стратегия принесет ему победу.

— А я говорю — нет. Это плохой план и подлый.

Ябу повернулся к Торанаге.

— Новая эра требует переосмысления понятия чести.

Морская чайка парила у них над головами.

— Что сказал о вашем плане Ишидо? — спросил Торанага.

— Я не обсуждал с ним этого.

— Почему? Если вы считаете, что ваш план ценен для меня, он одинаково важен и для него. Может быть, даже больше.

— Вы подарили мне рассвет. Вы не крестьянин, как Ишидо. Вы самый мудрый, самый опытный вождь в империи.

«Какова же настоящая причина? — спрашивал себя Торанага. — Или он сказал и Ишидо то же самое?»

— Если этот план выполнять, то половина людей будет ваша, а половина моя?

— Согласен. Я буду командовать ими.

— А мой человек будет вашим заместителем.

— Согласен. Мне нужен Анджин-сан, чтобы обучать моих людей обращаться с ружьями и пушками.

— Но он останется моей собственностью на все время, и вы будете беречь его так же, как и наследника? Вы будете полностью отвечать за него и обращаться с ним точно так, как я скажу?

— Согласен.

Торанага какой-то момент наблюдал за розовыми облаками. «Этот план — чистый вздор, — подумал он. — Я сам объявлю план «Малиновое небо» и нанесу удар по Киото всеми моими войсками. Сто тысяч против десятикратного превосходства».

— Кто будет переводчиком? Я не могу навсегда отдать Тода Мариико-сан.

— На несколько недель, господин? Я вижу, что чужеземец усваивает наш язык.

— Это займет годы. Единственные чужеземцы, которые когда-либо овладевали языком, — это христианские священники, не так ли? Они тратят на это годы. Тсуку-сан провел здесь тридцать лет, правда? Он не научился говорить достаточно быстро, тем более мы не выучим их противные языки.

— Да. Но я обещаю вам, этот Анджин-сан выучится очень быстро. — Ябу рассказал им план, предложенный ему Оми, так, как если бы это была его собственная идея.

— Это может быть слишком опасно.

— Это заставит его быстро выучить язык, не так ли? И потом он приручен.

После паузы Торанага спросил:

— Как вы сможете держать подготовку в тайне?

— Изу — полуостров, там прекрасно можно сохранить все в секрете. Я обоснуюсь около Анджино, южнее и в стороне от Мишимы и границы для большей безопасности.

— Хорошо. Мы сразу же устроим сообщение с помощью голубиной почты между Анджино и Осакой и Эдо.

— Превосходно. Мне нужно только пять или шесть месяцев.

— Нам повезет, если у нас будет шесть дней! — фыркнул Хиро-Мацу. — Вы говорите, что ваша тайная шпионская сеть распалась, Ябу-сан? Конечно, вы получали донесения? Разве Ишидо не мобилизуется? Оноши не мобилизуется? Разве мы не заперты здесь?

Ябу не ответил.

— Ну? — спросил Торанага.

Ябу сказал:

— Отчеты показывают, что все это происходит, и даже более того. Если шесть дней, то шесть дней, и такова, значит, карма. Но я верю, вы много умнее, чтобы так попасться здесь в ловушку. Или быть втянутым в войну так быстро.

— Если я соглашусь с вашим планом, вы согласитесь считать меня своим вождем?

— Да. И когда вы победите, я буду считать за честь принять Сурагу и Тотоми навечно в свои владения.

— Тотоми будет зависеть от успеха вашего плана.

— Согласен.

— Вы будете повиноваться мне? При всей вашей гордости?

— Да. Клянусь Бусидо, властелином Буддой, жизнью моей матери и моим потомством.

— Хорошо, — сказал Торанага. — Давайте поможемся в знак заключения договора.

Он подошел к краю зубчатой стены, наступил на край амбразуры, потом на сам парпет. В семидесяти футах под ними находился внутренний садик. Хиро-Мацу затаил дыхание, пораженный бравадой своего хозяина. Он видел, как тот повернулся и жестом пригласил Ябу встать рядом. Ябу повиновался. Малейшее прикосновение могло привести к тому, что они, куврыкаясь, полетят навстречу смерти.

Торанага отвел в сторону кимоно и набедренную повязку,

Ябу сделал то же. Они вместе помочились и смешали свою мочу, следя, как она летит в садик под ними.

— Последний договор, который я скреплял таким образом, был с самим Тайко,— сказал Торанага, очень обрадованный тем, что опустошил свой мочевого пузырь.— Это было, когда он решил дать мне Кванто, Восемь Провинций в мое владение. Конечно, в это время враждебный ему Ходзе еще владел ими, так что сначала я должен был завоевать их. Там была последняя оставшаяся оппозиция. Я, конечно, также должен был отдать свои наследственные владения в Имагаве, Овари и Изу сразу же из уважения. Даже при этом я согласился, и мы помочились в честь этого договора.— Он удобно стоял на парапете, широко расставив ноги, расправляя набедренную повязку, как если бы стоял у себя в саду, не возвышаясь, как орел, на такой высоте.— Это была хорошая сделка для нас обоих. Мы захватили Ходзе и отрубили пять тысяч голов в течение года. Уничтожили их и все их отродье. Может быть, вы и правы, Касиги Ябу-сан. Может быть, вы можете помочь мне, как я помог Тайко. Без меня Тайко никогда бы не стал Тайко.

— Я могу помочь вам стать единовластным регентом, Торанага-сама. Но не сёгуном.

— Конечно. Это та единственная честь, к которой я не стремлюсь, как бы ни утверждали это мои враги,— Торанага прыгнул на безопасное место на каменных ступенях. Он оглянулся назад на Ябу, который все еще стоял на узком парапете, поправляя свой пояс. Ему до боли хотелось дать ему пинка за его высокомерие. Вместо этого он сел и громко выпустил ветры.— Вот так-то лучше. Как твой мочевого пузырь, Железный Кулак?

— Измучен, господин, очень измучен.— Старик отошел в сторону и с благодарностью опорожнил мочевого пузырь через зубчатую стену, но не там, где стояли Торанага и Ябу. Он был очень рад, что не скрепил договор с Ябу тоже. «Этим договором я никогда не буду гордиться. Никогда».

— Ябу-сан, все это должно держаться в секрете. Я думаю, вам следует уехать в течение двух-трех дней,— сказал Торанага.

— Да. С ружьями и чужеземцем, Торанага-сама?

— Да. Вы поедете морем,— Торанага посмотрел на Хиро-Мацу.— Приготовьте галеру.

— Корабль готов. Ружья и порох все еще в трюмах,— ответил Хиро-Мацу, его лицо выражало неодобрение.

— Хорошо.

«Ты сделаешь это,— хотел крикнуть Ябу.— Ты получишь ружья, Анджин-сана, все. Ты получишь свои шесть месяцев. Торанага ни за что не начнет войну сразу. Даже если Ишидо убьет его через несколько дней, ты все равно получишь все. О, Будда, сохрани Торанагу, пока я не выйду в море!»

— Спасибо,— сказал он, его искренность была неподдельна.— Вы никогда не имели более верного союзника.

Когда Ябу ушел, Хиро-Мацу повернулся к Торанаге.

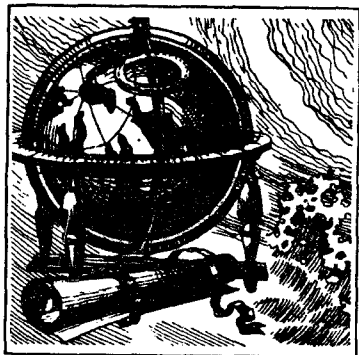
— Это плохой план. Мне стыдно за этот ваш договор. Я стыжусь, что с моим советом так мало считаются. Очевидно, я перестал быть вам полезен и очень устал. Это маленькое надутое дерьмо, этот даймё знает, что он обращается с вами как с марионеткой. У него даже хватило наглости носить меч Мурасами в вашем присутствии.

— Я заметил,— сказал Торанага.

— Я думаю, боги заколдовали вас, господин. Вы открыто допускаете такое оскорбление и позволяете Ишидо позорить вас перед всеми нами. Вы препятствуете мне и всем нам защищать вас. Вы отказываете моей внучке, жене самурая, в чести и спокойной смерти. Вы потеряли власть над Советом, ваши враги командуют вами, и вы скрепляет мочой важный договор, самый позорный из всех, о которых я когда-либо слышал, и делаете это с человеком, который замешан в бесчестье, отравлении и измене, как до этого его отец.— Хиро-Мацу трясло от гнева. Торанага не отвечал, просто спокойно смотрел на него, как будто он ничего не говорил.— Клянусь всеми ками, живыми и мертвыми, вы околдованы.— Хиро-Мацу взорвался: — Я спрашиваю вас — и кричу, и оскорбляю вас, а вы только смотрите на меня! Или вы, или я сошли с ума. Я прошу разрешения совершить сепuku или, если вы не позволите, я обрею себе голову и стану монахом — все, что угодно, только позвольте мне уйти.

— Вы ничего такого не сделаете. Но пошлете за чужеземным священником, Тсуку-саном.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Отец Алвито спустился с холма во главе своей обычной свиты новообращенных монахов-иезуитов. Все они были одеты как буддийские священники, если не считать повешенных на поясе четок и распятия. Новообращенных было сорок человек, все законнорожденные сыновья самураев-христиан, это были студенты семинарии, которые сопровождали его в Осаку. Юноши были на хо-

роших лошадях под чепраками и вели себя дисциплинированно, как свита любого даймё.

Отец Алвито ехал резвой рысью, задумавшись под теплым солнцем, через парки, городские улицы, направляясь к миссии иезуитов, большому каменному дому, построенному в европейском стиле, который стоял около причалов и возвышался над тесно стоящими дворовыми постройками, складами и магазинами, где торговали или обменивали осакские шелка.

Кортеж простучал копытами через высокие железные ворота в каменных стенах и, оказавшись в мощеном центральном дворе, остановился около главной двери. Слуги уже ждали, чтобы помочь спешиться отцу Алвито. Он соскользнул с седла и бросил им поводья. Шпоры процокали по камням, по крытому переходу к главному зданию. Он завернул за угол, прошел мимо небольшой часовни и через арки во внутренний двор, где были фонтан и уютный садик. Дверь в прихожую была открыта. Алвито отогнал от себя тревогу, успокоился и вошел.

— Он один? — спросил Алвито.

— Нет, нет, он не один, Мартин, — сказал отец Солди. Это был маленький, добродушный, с оспинами уроженец Неаполя, почти тридцать лет бывший секретарем отца-инспектора. В Азии он провел двадцать пять лет. — У Его Святейшества адмирал Феррьера. Да, и с ними павлин. Но Его Святейшество сказал, чтобы вы сразу заходили. Что-нибудь случилось, Мартин?

— Ничего.

Солди что-то промычал и вернулся к затачиванию гусяного пера.

— Ничего, — сказал мудрый отец. — Ну, я скоро узнаю достаточно.

— Да, — сказал Алвито, любивший старика. Потом он подошел к дальней двери.

В камине горел огонь, освещающая прекрасную старинную мебель, потемневшую от времени, хорошо отполированную и ухоженную. Небольшая картина Тинторетто «Мадонна с младенцем», которую отец-инспектор привез с собой из Рима и которая всегда радовала Алвито, висела над камином.

— Вы опять встречались с англичанином? — окликнул его отец Солди.

Алвито не ответил, он стучался в дверь.

— Войдите.

Карло дель Аква, отец-инспектор Азии, личный представитель главы ордена иезуитов, самый главный иезуит и, таким образом, самый важный человек в Азии, был также и самым высоким: шести футов трех дюймов и соответствующей комплекции. Его одеяние было оранжевого цвета, крест изысканной красоты. У него была выбрита тонзура, волосы седые. Ему исполнился шестьдесят один год; по рождению он был неаполитанец.

— А, Мартин, входите, входите. Немного вина? — сказал он, говоря по-португальски с итальянской плавностью речи. — Вы видели англичанина?

— Нет, Ваше Святейшество, только Торанагу.

— Дело плохо?

— Да.

— Немного вина?

— Спасибо.

— Как плохо? — спросил Феррьера. У огня на обитом кожей стуле с высокой спинкой сидел капитан «Нао дель Трато», Черного Корабля этого года, худой, легкий и очень грозный. Ему было около тридцати пяти лет.

— Я думаю, очень плохо, капитан. Например, Торанага сказал, что торговля этого года может подождать.

— Очевидно, что торговля не может ждать, да и я тоже, — сказал Феррьера. — Я отплываю, когда начнется прилив.

— У вас нет таможенных разрешений. Боюсь, вам придется подождать.

— Я думал, все было оговорено месяцы тому назад. — Феррьера снова начал проклинать японские правила, которые требовали, чтобы все перевозки грузов, даже их собственные, имели разрешения на въезд и выезд. — Мы связаны глупыми

правилами туземцев. Вы говорили, что эта встреча будет только формальностью — сбором документов.

— Так и должно было быть, но я ошибся. Может быть, мне лучше объяснить...

— Я должен немедленно вернуться в Макао, чтобы приготовить Черный Корабль. Мы уже отгрузили лучших шелков на миллион дукатов на февральскую ярмарку в Кантоне и повезем по крайней мере сто тысяч унций китайского золота. Я думаю, я ясно сказал, что каждое пенни торговцев в Макао и отцов города, которое можно было одолжить, вложено в это важнейшее дело года. И каждое ваше пенни.

— Мы так же, как и вы, осознаем важность этого дела, — наставительно сказал дель Аква.

— Извините, капитан, но Торанага — президент регентского совета, и принято являться к нему, — сказал Алвито. — Он не говорил о наших разрешениях или торговле в этом году, он не одобряет убийств.

— Кто не одобряет, отец? — спросил Феррьера.

— Что имеет в виду Торанага, Мартин? — спросил дель Аква. — Это какая-то хитрость? Убийство? Какое это имеет отношение к нам?

— Он сказал: «Почему вы, христиане, хотите убить моего пленника, кормчего?»

— Что?

— Торанага считает, что покушение прошлой ночью было сделано на англичанина, а не на него. Он также говорит, что было другое покушение в тюрьме, — Алвито не сводил глаз с солдата.

— В чем вы обвиняете меня, отец? — сказал Феррьера. — Покушение на убийство? Я? В Осацком замке? Я первый раз в Японии!

— Вы отрицаете, что вам что-либо известно?

— Я не отрицаю, что чем раньше умрет этот еретик, тем лучше, — холодно сказал Феррьера. — Если англичане и голландцы начнут распространять свою мерзость в Азии, нам будет много неприятностей. Всем нам.

— У нас уже неприятности, — сказал Алвито. — Торанага начал говорить, что он понял у англичанина, какие невероятные доходы получают от португальской монополии на торговлю с Китаем, что португальцы чрезвычайно завышают цену на шелка, которые только они могут покупать в Китае, расплачиваясь единственным товаром, который китайцы принимают в обмен, — японским серебром, которое португальцы покупают

по смехотворно низким ценам. Торанага сказал: «Поскольку отношения между Китаем и Японией враждебные и прямая торговля между нами запрещена, а португальцы одни имеют разрешение на торговлю, на обвинение в «злоупотреблениях» должно быть отвечено португальцами и письменно. Он «приглашает» вас, Ваше Святейшество, дать отчет регентам об обменном курсе — шелк на шелк, шелк на серебро, золото на серебро. Он добавил, что он, конечно, не возражает, если мы получаем большие прибыли за счет Китая.

— Вы, конечно, откажетесь от такого возмутительного требования, — сказал Феррьера.

— Это очень трудно.

— Тогда дайте фальшивый отчет.

— Это создает опасность для всей нашей позиции, которая основывается на доверии, — сказал дель Аква.

— Вы можете доверять японцам? Конечно, нет. Наши доходы должны оставаться в тайне. Ох, этот проклятый Богом еретик!

— Я, к сожалению, должен сказать вам, что Блэксорн, кажется, особенно хорошо информирован. — Алвито произвольно посмотрел на дель Акву, его настороженность исчезла на мгновение.

Отец-инспектор ничего не сказал.

— Что еще говорил японец? — спросил Феррьера, делая вид, что не видел, как они обменялись взглядами, желая знать все, что они знают.

— Торанага просил меня дать ему завтра к полудню карту земного шара, показывающую линии раздела между Португалией и Испанией, имена пап, которые утвердили эти договоры, и их даты. В течение трех дней он «требует» письменное объяснение всем нашим «завоеваниям» в Новом Свете и «чисто в моих собственных интересах» — это были его точные слова, — количество золота и серебра, вывезенного — он фактически использовал слова Блэксорна, — «награбленных», — в Испанию и Португалию из Нового Света. Он также требует другую карту, показывающую границы империй — Испании и Португалии сто лет назад и сегодня, вместе с точным положением основных баз от Малакки до Гоа — он назвал их все точно по порядку; они были выписаны на листке бумаги, — а также количество японских наемников, используемых нами на каждой из наших баз.

Дель Аква и Феррьера пришли в смятение.

— От этого необходимо отказаться наотрез, — прокричал солдат.

— Вы не можете отказать Торанаге,— сказал дель Аква.

— Я думаю, Ваше Преосвященство, вы слишком полагаетесь на его значение,— сказал Феррье́ра.— Мне кажется, что этот Торанага только еще один деспот среди многих, еще один из убийц-язычников, которого не стоит бояться. Откажите ему. Без нашего Черного Корабля рухнет вся их экономика. Они носят наши шелка, которые мы привозим из Китая. Без этого шелка у них не будет кимоно. Они должны вести торговлю с нами. Я говорю, да сдохни он от-сифилиса. Мы можем торговать с христианскими правителями, как их там зовут? — Оноши и Кийяма — и другими христианскими правителями на Кюсю. В конце концов, там Нагасаки, мы там в силе, и вся торговля происходит там.

— Мы не можем, адмирал,— сказал дель Аква.— Вы первый раз в Японии, поэтому у вас нет никаких представлений о наших проблемах здесь. Да, они нуждаются в нас, но мы в них нуждаемся еще больше. Без расположения к нам со стороны Торанаги и Ишидо мы потеряем влияние на христианских правителей. Мы потеряем Нагасаки и все, что мы создали за пятьдесят лет. Это вы поторопились с покушением на этого еретика-кормчего?

— Я открыто сказал Родригесу и всем тем, кто мог слышать меня с самого начала, что англичанин был опасным пиратом, который влияет на всех, с кем он вступает в контакт, которого надо убрать любым возможным способом. Вы сказали то же самое, но другими словами, Ваше Преосвященство. Вы тоже, отец Алвито. Не к тому ли пришло и наше совещание с Оноши и Кийямой два дня назад? Вы не говорили, что этот пират был опасен?

— Да. Но...

— Отец, извините меня, но иногда работу Бога приходится делать солдатам, и у них получается лучше. Я должен сказать вам, что я был очень зол на Родригеса, который не инсценировал «несчастный случай» во время шторма. Он должен был знать это лучше всех нас! Ей-Богу, смотрите, что этот дьявольский англичанин сделал с самим Родригесом! Бедный глупец благодарен ему за спасение его жизни, когда это самый простой трюк, чтобы завоевать его расположение. Разве Родригеса не обманули, когда он позволил еретика-кормчему занять его место на юте, что, конечно, чуть не привело к гибели? Что касается покушения в замке, кто знает, что случилось? Этот японский трюк должен был быть заказан туземцами. Когда я буду планировать его убийство, вы можете быть уверены, что его убьют.

Алвито потягивал вино.

— Торанага сказал, что он послал Блэксорна в Изу.

— Полуостров на востоке? — спросил Феррье́ра.

— Да.

— По суше или морем?

— На корабле.

— Хорошо. Тогда я с сожалением должен вам сказать, что в море в ужасный шторм все они могут погибнуть.

Алвито холодно произнес:

— И я вынужден вам сказать, капитан, что Торанага сказал, — я передаю вам его точные слова: «Я поставлю вокруг кормчего личную охрану, Тсуку-сан, и если с ним произойдет какое-либо несчастье, оно будет расследовано всеми моими силами и силами всех регентов, и если случайно ответственными за это окажутся христиане или кто-то, хотя бы отдаленно связанный с христианами, возможно, будут пересмотрены указы об изгнании, и очень возможно, что все христианские церкви, школы, места отдыха будут немедленно закрыты».

Дель Аква сказал:

— Упаси Бог, чтобы это случилось.

— Блеф,— сказал Феррье́ра.

— Нет, вы не правы, адмирал. Торанага умен, как Макиавелли, и вероломен, как царь гуннов Аттила.— Алвито оглянулся на дель Аква.— Нас легко обвинить, если что-то случится с англичанином.

— Да.

— Может быть, нам стоит обратиться к источнику наших проблем?— прямо сказал Феррье́ра.— Удалить Торанагу.

— Не время для шуток,— сказал отец-инспектор.

— То, что прекрасно работало в Индии, Малайе, Бразилии, Перу, Мексике, Африке, на нашем материке и вообще везде, сработает и здесь. Я сам так делал в Малакке и Гоа дюжину раз с помощью японских наемников, а у меня никогда не было влиятельных и вапших знаний. Мы используем правителей-христиан. Мы поможем одному из них удалить Торанагу, если он представляет собой опасность. Будет достаточно несколько сот конкистадоров. Разделяй и властвуй. Я свяжусь с Кийямой. Отец Алвито, если вы будете переводчиком...

— Вы не можете равнять японцев с индийцами или другими безграмотными дикарями типа инков. Вы не сможете разделять и властвовать над ними. Японцы не похожи на другие нации. Совсем не похожи,— устало сказал дель Аква.— Я должен офи-

циально просить вас, адмирал, не вмешиваться во внутреннюю политику этой страны.

— Я согласен. Пожалуйста, забудьте, что я сказал. Неделикатно и наивно быть таким открытым. К счастью, штормы обычны в это время года.

— Если будет шторм, все в руках Бога. Но вы не атакуете этого кормчего.

— О?

— Нет. И не прикажете кому-либо сделать это.

— Я должен уничтожить врагов моего короля. Англичане — враждебная нация. Паразит, пират, еретик. Если я решу, что его надо уничтожить, это моя работа. Я адмирал Черного Корабля этого года, — следовательно, губернатор Макао этого года с вице-королевскими полномочиями в этих водах на этот год, и если я хочу уничтожить его, или Торанагу, или еще кого-нибудь, я это сделаю.

— Тогда вы сделаете это вопреки моим приказам и, следовательно, рискуете немедленным отлучением от церкви.

— Это вне вашей юрисдикции. Это светский вопрос, а не духовный.

— Положение церкви здесь, к сожалению, так связано с политикой и с торговлей шелком, что все затрагивает безопасность церкви. И пока я живу, клянусь моей надеждой на спасение, никто здесь не будет подвергать опасности будущее матери-церкви!

— Спасибо, что вы так откровенно высказались, Ваше Преосвященство. Я поставлю себе цель стать более сведущим в японских делах.

— Думаю, что вы так и сделаете для нашей общей пользы. Христианство здесь терпят только потому, что все даймё абсолютно уверены, что если они выгонят нас и искоренят нашу веру, Черные Корабли никогда не вернутся обратно. Мы, иезуиты, чего-то добиваемся здесь и имеем влияние только потому, что мы одни говорим по-японски и по-португальски и можем переводить и представлять от их имени в торговых делах. К сожалению для веры, они не верят по-настоящему. Я уверен, что торговля будет продолжаться независимо от нашего положения и положения церкви, так как португальские торговцы более заинтересованы в своих собственных интересах, чем в служении нашему Господу.

— Может быть, собственные интересы церковников, которые хотят заставить нас — даже до того, чтобы просить у его преосвященства официальных полномочий, — вынудить нас

плавать в любые порты, куда они решат, и торговать с любым даймё, которого они предпочтут независимо от опасностей, также очевидны!

— Вы забываетесь, адмирал!

— Я не забываю, что Черный Корабль последнего года пропал со всеми людьми между Японией и Малаккой с двумястами тоннами золота на борту и слитками серебра на пятьсот тысяч крусадо, после того как был без необходимости задержан до сезона плохой погоды по вашему личному требованию. Или что эта катастрофа почти разорила всех отсюда до Гоа.

— Это было необходимо из-за смерти Тайко и внутренней политики, связанной с передачей власти.

— Я не забыл, как вы просили три года назад вице-короля Гоа посылать Черный Корабль только в те порты, в которые вы решили. Но он отменил этот приказ как грубое вмешательство в его дела.

— Это был способ повлиять на Тайко, свергнуть его в экономический кризис в разгар его глупой войны с Кореей и Китаем, за пытки, которые он учинил в Нагасаки, за его безумную атаку на церковь и указы об изгнании, которые он опубликовал, выдворяя нас всех из Японии. Если бы вы сотрудничали с нами, выполняли наши советы, вся Япония стала бы христианской через одно поколение! Что важнее — торговля или спасение душ?

— Мой ответ — спасение душ. Но так как вы просветили меня о японских делах, дайте мне изложить японский вопрос в правильной перспективе. Только серебро Японии дает доступ к китайскому шелку и китайскому золоту. Громадные доходы, которые мы здесь получаем, переправляем затем в Малакку и Гоа и оттуда в Лиссабон, обеспечивают поддержку всех владений в Азии, всех фортов, всех миссий, всех экспедиций, всех миссионеров, всех открытий и покрывают траты на большинство, если не на все события, происходящие в Европе, не дают еретикам победить нас и не пускают их в Азию, которая дала бы им все средства, необходимые, чтобы погубить нас и нашу веру на родине. Что более важно, отец, — испанское, португальское и итальянское христианство или японское христианство?

Дель Аква посмотрел вниз на солдата.

— Раз и навсегда предупреждаю: никогда не вмешивайтесь здесь во внутреннюю политику!

Из огня выпал уголек и затрещал на ковре. Феррьера, оказавшийся ближе всех, отпихнул его ногой в безопасное место.

— И если я соглашусь, что вы предлагаете делать с еретиком? Или Торанагой?

Дель Аква сел, считая, что он выиграл.

— В настоящий момент я не знаю. Но даже думать об удалении Торанаги смешно. Он очень симпатизирует нам и очень приветствует расширение торговли, — его голос стал более уничтожающим, — и, следовательно, увеличение ваших доходов.

— И ваших доходов, — сказал Феррьера, возвращая удар.

— Наши доходы идут на работу для нашего Господа Бога. Как вы хорошо знаете. — Дель Аква устало налил еще вина, предложил его успокаивающим жестом.

— Ну, Феррьера, давайте не будем ссориться из-за этого. Это дело еретика — ужасно, да. Но ссоры бесполезны. Нам нужен ваш совет, и ваш ум, и ваша сила. Вы можете верить мне, Торанага необходим нам. Без его сдерживания других регентов вся эта страна вернется опять к анархии.

— Да, это верно, — сказал Алвито. — Но я не понимаю, почему он еще в замке и согласился отложить совещание. Невероятно, чтобы его перехитрили. Он, конечно, должен знать, что Осака заперта лучше, чем ревнивый крестоносец запирает пояс целомудрия. Он должен был уже уехать.

Феррьера сказал:

— Если это важно, зачем поддерживать Оноши и Кийяму? Разве эти двое не объединились с Ишидо против него? Почему вы им не отсоветуете? Это обсуждалось только два дня назад.

— Они сказали нам о своем решении, адмирал. Мы не обсуждали его.

— Тогда, может быть, вам и следовало бы это сделать, Ваше Преосвященство. Если это так важно, почему не запретить им это? Под страхом смерти.

Дель Аква вздохнул:

— Хотел бы я, чтобы это было так просто. Такие вещи в Японии не делаются. Они ненавидят вмешательство в их внутренние дела. Даже предложение с нашей стороны должно быть сделано с чрезвычайной деликатностью.

Феррьера осушил свой серебряный кубок и налил еще вина, успокоился, зная, что он нуждается в иезуитах, что без них как переводчиков он беспомощен. «Ты должен успешно провести плавание, — сказал он себе. — Ты служил и потел одиннадцать лет на службе у короля и двадцать раз заслужил за преданную службу самый богатый приз, который он в силах дать, — командование ежегодным Черным Кораблем на один год и десятую часть, которую дает это звание, десятую часть всего шелка, всего золота, всего серебра и всех доходов от каждой сделки. Ты

разбогатеешь сейчас на всю жизнь, на тридцать жизней, если они у тебя будут, и все от одного плавания. Если ты его выдержишь».

Рука Феррьеры опустилась на ручку рапиры, на серебряный крест, который образовывал участок серебряной филигранны.

— Клянусь кровью Христа, мой Черный Корабль вовремя отплывет из Макао в Нагасаки и потом, с самым дорогим грузом, который был когда-либо на корабле в истории, он в ноябре с муссонами отправится на юг в Гоа и оттуда домой! Христос мне судья, я собираюсь это сделать.

И он добавил про себя: «Даже если я должен буду для этого сжечь всю Японию, и все Макао, и весь Китай, клянусь Мадонной!»

— Наши молитвы с вами, конечно, — ответил дель Аква, имея это в виду. — Мы знаем о важности вашего плавания.

— Тогда что вы предлагаете? Без таможенных документов и разрешения на торговлю я не могу. Мы не можем избежать регентов? Может быть, есть другой путь?

Дель Аква покачал головой.

— Мартин? Ты наш торговый эксперт.

— Извините, но это невозможно, — сказал Алвито. Он слушал с еле сдерживаемым негодованием. «Плохо воспитанный, высокомерный, безродный кретин, — думал он, потом тут же: — О, Боже, дай мне терпения, так как без этого человека и других таких же церковь здесь погибнет». — Я уверен, что в течение дня или двух, адмирал, все будет оформлено. Неделя в крайнем случае. У Торанаги в настоящий момент очень серьезные проблемы. Все будет хорошо, я уверен.

— Я подожду неделю, но не больше. — Скрытая угроза в тоне Феррьеры была пугающей. — Мне хотелось бы добраться до этого еретика. Я бы вырвал из него правду. Торанага не говорил ничего о предполагаемом приходе эскадры? Вражеской эскадры?

— Нет.

— Мне хотелось бы знать истинное положение вещей, потому что при возвращении мой корабль будет барахтаться, как жирная свинья, в его трюмах будет набито больше шелку, чем когда-либо раньше посылалось за один раз. Мы будем на одном из самых больших кораблей в мире, но я буду без эскорта, так что если хоть один вражеский фрегат застанет нас в море — или эта голландская проститутка, «Эразмус», — мы окажемся в его руках. Он без какого-либо труда заставит меня спустить португальский флаг. Англичанину лучше бы не быть на

своим кораблем в море, с его ружьями, пушками и залпами всем бортом.

— И веро и соламенте веро,— пробормотал дель Аква.

Феррье́ра допил свое вино.

— Когда Блэксорна отправляют в Изу?

— Торанага этого не сказал,— ответил Алвито.— У меня сложилось впечатление, что скоро.

— Сегодня?

— Я не знаю. Теперь регенты встретятся через четыре дня. Я решил, что после этого.

Дель Аква сказал со значением:

— Блэксорна трогать нельзя. Ни его, ни Торанагу.

Феррье́ра встал.

— Я вернусь на корабль. Вы поужинаете с нами? Вы оба? Вечером? Есть прекрасный каплун, мясо и вино с Мадейры, даже немного свежего хлеба.

— Спасибо, вы очень любезны.— Дель Аква несколько оживился.— Да, немного хорошей еды не помешало бы. Вы очень добры.

— Вы будете сразу же информированы, как только я что-то узнаю от Торанаги, адмирал,— сказал Алвито.

— Спасибо.

Когда Феррье́ра ушел и отец-инспектор удостоверился, что его и Алвито не подслушивают, он сказал тревожно:

— Мартин, что еще говорит Торанага?

— Он хотел объяснения, в письменном виде, об инциденте со стрельбой из ружей и по поводу просьбы о присылке конкистадоров.

— Мама миа...

— Торанага был дружелюбен, даже мягок, но... но я никогда не видел его таким раньше.

— Что точно он сказал?

— Я понимаю так, Тсуку-сан, что предыдущий глава ордена христиан, отец да Кунха, написал губернаторам Макао, Гоа и испанскому вице-королю в Маниле, дону Диско-и-Вивера в июле 1558 года по вашему летосчислению, письмо с просьбой прислать несколько сотен испанских солдат с огнестрельным оружием, чтобы поддержать даймё-христиан в мятеже, который главный христианский священник пытался устроить против их законного сюзерена, моего покойного господина Тайко. Кто были эти даймё? Это правда, что солдат не послали, но в Нагасаки было тайно переправлено из Макао большое количество ружей с вашими христианскими клеймами? Верно ли, что

потом он тайно захватил эти ружья, когда вернулся в Японию во второй раз как посол из Гоа, в марте или апреле 1590 года по вашему летосчислению, и тайно переправил их из Нагасаки на португальском корабле «Санта-Круз» обратно в Макао? — Алвито вытер пот с рук.

— Он сказал что-нибудь еще?

— Ничего важного, Ваше Преосвященство. У меня не было возможности объясниться — он сразу же отпустил меня. Расставание было вежливым, но все-таки он меня выставил.

— От кого этот проклятый англичанин получил свою информацию? Хотел бы я это знать?

— Эти даты и имена. Вы не ошибаетесь? Он произнес их именно так?

— Нет, Ваше Преосвященство. Имена были написаны на кусочке бумаги. Он показал его мне.

— Почерк Блэксорна?

— Нет. Имена были воспроизведены фонетически на японском, в виде хирагана.

— Мы должны установить, кто переводил для Торанаги. Этот переводчик очень хороший. Конечно, никто из наших? Это не может быть брат Мануэль, нет? — спросил он с горечью, называя христианское имя Масаману Дзиро. Дзиро был сын самурая-христианина, который с детства воспитывался иезуитами и, будучи умным и преданным, был выбран для поступления в семинарию, чтобы подготовиться на настоящего священника четырех обетов, таких среди японцев еще не было. Дзиро был в обществе двадцать лет, потом, совершенно неожиданно, он оставил его перед посвящением в духовный сан и теперь стал неистовым противником церкви.

— Нет. Мануэль все еще на Кюсю, может быть, он веки вечные будет гореть в аду. Он все еще яростный враг Торанаги, он никогда не будет помогать ему. К счастью, он никогда не участвовал ни в каких политических делах. Переводчицей была госпожа Мария,— сказал Алвито, используя христианское имя Тода Марико.

— Вам это сказал Торанага?

— Нет, Ваше Преосвященство. Но я случайно узнал, что она посещала замок и ее видели с англичанином.

— Вы уверены?

— Наша информация абсолютно точна.

— Хорошо,— сказал дель Аква.— Может быть, Бог поможет нам одним из своих неисповедимых способов. Пошлите за ней сейчас же.

— Я уже видел ее. Я постарался сделать это как бы случайно. Она была великолепна, как всегда, почтительна, благочестива, как всегда, но решительно все опровергла заранее, прежде чем я получил возможность спросить ее. Конечно, империя очень скрытная страна, отец, и некоторые вещи по обычаю должны оставаться в тайне. В Португалии и в обществе иезуитов то же самое, не так ли?

— Вы ее исповедник?

— Да. Но она не сказала больше ничего.

— Почему?

— Очевидно, она была предупреждена, и ей было запрещено обсуждать, что случилось и о чем говорилось. Я знаю их слишком хорошо. В этом влияние Торанаги больше, чем наше.

— Ее вера так слаба? Наша подготовка этой женщины оказалась такой незначительной? Конечно, нет. Она такая же преданная и такая же хорошая христианка, как многие женщины, которых я встречал. Однажды она станет монахиней — может быть, даже первой японской настоятельницей монастыря.

— Да. Но она ничего не скажет сейчас.

— Церковь находится в опасности. Это важно, может быть, слишком важно, — сказал дель Аква. — Она должна понимать это. Она слишком умна, чтобы не понимать этого.

— Я прошу вас не подвергать ее веру такому испытанию. Мы должны простить это. Она предупредила меня. Она сказала это так ясно, как если бы написала.

— Может быть, стоит устроить ей испытание. Для ее собственного спасения.

— Это вам решать, приказывать или не приказывать. Но я боюсь, что она должна повиноваться Торанаге, а не нам.

— Я буду думать о Марии. Да, — сказал дель Аква. Он опустил глаза вниз, к камину, тяжесть его кабинета давила на него. Бедная Мария! Этот проклятый еретик! Как нам избежать ловушки? Как нам скрыть правду о ружьях? Как мог игумен и вице-губернатор, такой, как да Кунха, который был так хорошо подготовлен, имел такой опыт, семь лет практической работы в Макао и Японии, — как мог он сделать такую ужасную ошибку?

— Как? — спросил он пламя.

«Я могу ответить», — сказал он себе. Это слишком легко. Вы запаниковали, или вы забыли о божьей славе, или переполнились гордостью и высокомерием, или ошеломлены. А кто бы выдержал в таких условиях? Быть принятым на закате Тайко с особой благосклонностью, на триумфальной встрече, с помпой и всеми церемониями — почти как акт раскаяния со стороны

Тайко, который явно был на пути к переходу в христианство. А потом быть разбуженным в середине той же самой ночи указами Тайко, заявляющими, что все религиозные ордена должны быть высланы из Японии в течение двадцати дней под страхом смерти, никогда не возвращаться в страну и, что еще хуже, все новообращенные в стране должны сразу же отречься, или они подлежат высылке или смертной казни.

Движимый отчаянием, игумен дал дикий совет даймё-христианам на острове Кюсю — Оноши, Мисаки, Кийяме и Хариме в Нагасаки — поднять восстание, чтобы спасти церковь, и написал безумное письмо, прося прислать конкистадоров, чтобы устроить переворот.

Огонь трещал и плясал на железной решетке. «Да, все верно, — подумал дель Аква. — Если бы только я знал, если бы да Кунха сначала проконсультировался со мной. Но как он мог? Шесть месяцев шло письмо в Гоа, и может быть, еще шесть месяцев шел ответ. Да Кунха написал немедленно, но он был игумен, и это он должен был сразу же справиться с этим несчастьем».

Хотя дель Аква отправился немедленно после получения письма, с поспешно приготовленными мандатами от вице-короля Гоа, потребовалось несколько месяцев, чтобы доплыть до Макао и там узнать, что да Кунха мертв и всем святым отцам запрещено появляться в Японии под страхом смерти.

Но ружья уже привезли.

Потом, через десять недель, пришли известия, что церкви в Японии уничтожены не были, что Тайко не ввел в действие свои новые законы. Было сожжено только пятьдесят церквей. Был уничтожен только Такайяма. И просочилось известие, что, хотя указы официально останутся в силе, Тайко готовится разрешить оставить всё как есть при условии, что святые отцы будут менее ревностны в своих крещениях новообращенных, что новообращенных будет поменьше и что они хорошо будут себя вести, без шумных общественных молений или демонстраций и без сжигания буддийских церквей фанатиками.

Потом, когда тяжелые испытания, казалось, пришли к концу, дель Аква вспомнил, что ружья для игумена да Кунха доставлены всего несколько недель назад и что они все еще лежат на складе иезуитов в Нагасаки.

Последовало еще несколько недель бешеных усилий, пока ружья не были тайно переправлены обратно в Макао — да, с моей печатью на этот раз, напомнил себе дель Аква, надеясь, что тайна похоронена навеки. Но такие тайны никогда не оста-

вляют вас в мире, как бы вы этого ни хотели и ни молились об этом.

Как много знает этот еретик?

Более чем час Его Преосвященство сидел без движения в своем кожаном кресле с высокой спинкой, глядя невидящими глазами в огонь. Алвито терпеливо ждал около книжного шкафа, сложив руки на коленях. Солнечные лучи ушли с серебряного распятия на стене за спиной отца-инспектора. На одной боковой стене висела маленькая картина, написанная маслом венецианским художником Тицианом, которую дель Аква купил молодым в Падуе, куда отец послал его учиться юриспруденции. Другая стена была уставлена его библиями и другими книгами на латыни, португальском, итальянском и испанском и оттисками печатного станка общества, работающего в Нагасаки, который он заказал и привез сюда за огромную цену из Гоа десять лет назад. Две полки японских книг и брошюр: церковные книги и катехизисы всех сортов, переведенные с помощью тяжелого труда на японский язык иезуитами, работы, переведенные с японского на латынь, чтобы помочь японским последователям христианства выучить этот язык, и, наконец, две небольшие книжечки, которые не имели цены: первая португальско-японская грамматика, итог всей жизни отца Санчо Альвареса, отпечатанная шесть лет назад, и ее спутник, бесподобный португальско-латинско-японский словарь, отпечатанный в прошлом году романскими буквами и шрифтом хирагана. Эта работа началась двадцать лет назад по его приказу, первый словарь японских слов, когда-либо составлявшийся.

Отец Алвито поднял книгу и любовно погладил ее. Он знал, что это было уникальное произведение искусства. Восемнадцать лет он сам составлял такую книгу, и она еще не была готова. Но его книга должна быть словарем с примечаниями, намного более детальными — почти введение в японский язык и в Японию, и он знал без лишнего тщеславия, что, если он сможет ее закончить, это будет произведение мастера, сравнимое с работой отца Альвареса, что если его имя когда и вспомнят, то это будет связано с его книгой и отцом-инспектором, который был единственным отцом, которого он знал.

— Ты хочешь покинуть Португалию, мой сын, и присоединиться к служащим Богу? — спросил его главный иезуит в первый день, когда они встретились.

— О да, пожалуйста, отец, — ответил он, подняв к нему голову и отчаянно этого желая.

— Сколько тебе лет, сын мой?

— Не знаю, отче, может быть, десять, может быть, одиннадцать, но я могу читать и писать, священник научил меня, я один, у меня нет родных, я ничего не имею...

Дель Аква взял его в Гоа, оттуда в Нагасаки, где он вступил в семинарию общества Иисуса, — самый молодой европеец в Азии, наконец-то нашедший свое пристанище. Потом обнаружился чудесный дар к языкам и он приобрел репутацию хорошего переводчика и торгового советника, первого при Хариме Тадао, даймё надела Хизен на Кюсю, где лежит Нагасаки, а через какое-то время — и при самом Тайко. Он был посвящен в духовный сан и позже даже добился привилегий четвертого обета. Это был специальный обет над обычными обетами нищеты, воздержания и послушания, разрешаемый только элите иезуитов, обет послушания лично папе, — быть его личным оружием для работы во славу Бога, идти туда, куда укажет лично папа, и делать что захочет лично он, стать, как основатель общества баскский солдат Лойола, посвященным, одним из членов режимной воинствующей еkkлeсии, одним из обученных, специальных тайных солдат Бога у его избранника на земле викария Христа.

«Мне так повезло, — подумал Алвито. — О, Боже, помоги мне выдержать».

Наконец дель Аква встал, расправил затекшие члены и подошел к окну. Солнце отражалось от позолоченных черепиц, от устремленной ввысь центральной башни замка, странно элегантного здания, выпячивающего свою прочность. «Замок дьявола, — подумал он. — Сколько времени он простоит, напоминая каждому одного из нас? Только пятнадцать — нет, семнадцать лет назад Тайко назначил четыреста тысяч солдат строить и рыть и обескровил страну, чтобы оплатить все это, этот памятник ему, и через два коротких года Осацкий замок был построен. Невероятный человек! Невероятный народ! И вот он стоит, неприступный. Исключая перст Божий, который он может усмирить в один момент, если пожелает. О, Боже, помоги мне выполнить твою волю».

— Ну, Мартин, у нас, кажется, появилась работа. — Дель Аква начал ходить взад-вперед, голос его стал твердым, как и его походка. — Об английском кормчем: если мы не защитим его, он будет убит, и мы рискуем потерять расположение Торанаги. Если мы сможем защитить его, он скоро повесится сам. Но можем ли мы ждать? Его существование угрожает нам, и не стоит говорить, как много вреда он может принести до этого счастливого дня. Или мы можем помочь

Торанаге удалить его. Или, наконец, мы можем обратить его в свою веру.

Алвито вспыхнул:

— Что?

— Он умен, очень много знает о католицизме. Разве большинство англичан не католики в своей душе? Ответ — да, если их король или королева католики, и нет, если он или она протестанты. Англичане очень безразличны в вопросах религии. Они фанатично настроены против нас в данный момент, но это не из-за Армады ли? Может быть, Блэксорн может быть обращен в нашу религию. Это было бы идеальным решением вопроса, к славе Божьей, и спасло бы его еретическую душу от проклятия, к которому он идет.

Дальше Торанага. Мы дадим ему карты, какие он хочет. Объясним о «сферах влияния». Разве эти демаркационные линии не были проведены, чтобы разделить влияние португальцев и их испанских друзей? Скажи ему, что по другим важным вопросам я лично буду считать за честь подготовить их для него и передам ему как можно скорее. Поскольку я должен буду проверить эти факты в Макао, не будет ли он любезен дать достаточно большую отсрочку? И тут же, на одном дыхании скажи: ты рад сообщить ему, что Черный Корабль отплывает на три недели раньше с самым большим грузом шелка и золота, которые когда-либо перевозили, что наша часть груза и... — Он задумался на мгновение. — И по крайней мере тридцать процентов всего груза будут проданы через лично назначенного Торанагой купца.

— Ваше Преосвященство, адмирал не обрадуется раннему выходу, и ему не понравится...

— Вашей обязанностью будет немедленно получить от Торанаги документы на отплытие Феррьеры. Ступайте и навестите его сразу же, передайте ему мой ответ. Пусть он поразится нашей оперативности, разве это не одно из качеств, которыми он восхищается. Получив документ на выход, Феррьеру простит небольшое отклонение во времени — раннее прибытие в сезоне, а что касается купца, какое дело адмиралу до этих туземцев? Он все равно получит свою долю прибыли.

— Но господа Оноши, Кийяма и Харима обычно делят между собой комиссионные за совершение сделок.

— Я не знаю, согласятся ли они.

— Тогда решите эту проблему. На таких условиях Торанага согласится на отсрочку.

— Единственная концессия, в которой он нуждается, — это

власть, влияние и деньги. Что мы можем дать ему? Мы не можем отдать ему даймё-христиан. Мы...

— Да, — сказал Алвито.

— Даже если бы мы могли повлиять, я не знаю, чего бы мы хотели. Оноши и Кийяма злейшие враги, но они объединились против Торанаги, потому что уверены, что он уничтожит церковь — и их, — если он когда-нибудь получит контроль над Советом.

— Торанага поддержит церковь. Наш реальный враг — Ишидо.

— Я не разделяю вашей уверенности, Мартин. Мы не должны забывать, что так как Оноши и Кийяма христиане, все их сторонники христиане, а их десятки тысяч. Мы не можем обидеть их. Единственная уступка, которую мы можем дать Торанаге, это что-то связанное с торговлей. Он фанатик торговли, но он никогда не будет заниматься ею сам. Так что уступка, которую я предлагаю, может склонить его дать отсрочку, которую мы можем, видимо, продлить до постоянной. Вы знаете, как японцы любят эту форму решения — положить большое бревно, которое обе стороны как бы не замечают, не так ли?

— На мой взгляд, политически неразумно господам Оноши и Кийяме идти сейчас против Торанаги. Они должны следовать старой поговорке о поддержании линии отступления открытой, правда? Я могу предложить им предоставление Торанаге двадцати пяти процентов — тогда каждый будет иметь равные доли — Оноши, Кийяма, Харима и Торанага, это будет небольшой уступкой для смягчения влияния их «временного» объединения с Ишидо против него.

— Тогда Ишидо будет не доверять им и возненавидит нас даже больше, чем когда он обнаружит это.

Ишидо и теперь безмерно ненавидит нас. Ишидо не доверяет им больше, чем они не доверяют ему, а мы не знаем еще, почему они приняли его сторону. При согласии между Оноши и Кийямой мы можем формально сделать предложение, как если бы это была только наша идея сохранять беспристрастность между Ишидо и Торанагой. Мы можем тайно сообщить Торанаге об их великодушии.

Дель Аква рассмотрел все достоинства и недостатки этого плана.

— Превосходно, — сказал он наконец. — Давайте действовать. Теперь с этим еретиком. Отдайте его морские журналы сегодня же Торанаге. Сразу же пойдите к Торанаге. Скажите ему, что они были присланы нам секретно.

— Как я должен объяснить ему отсрочку в их возвращении?

— Вы и не должны. Просто скажите правду: они были доставлены Родригесом, но никто из нас не понял, что в запечатанном пакете лежат пропавшие бумаги. Действительно, мы не открывали их два дня. Их просто забыли в суматохе с этим еретиком. Журналы доказывают, что Блэксорн был пиратом, вором и убийцей. Его собственные слова раз и навсегда откроют, кто он такой и что его наверняка ждет правосудие. Скажите Торанаге правду — что Мура дал их отцу Себастьяну, как на самом деле и произошло, который послал их нам, зная, что нам известно, что с ними делать. Это обезопасит Муру, отца Себастьяна, всех. Мы сообщим Муре голубиной почтой, что произошло. Я уверен, Торанага поймет, что мы всеми силами соблюдали его интересы, а не Ябу. Он знает, что Ябу заключил соглашение с Ипидо?

— Я сказал вполне определенно, Ваше Преосвященство. Но ходят слухи, что Торанага и Ябу теперь подружились.

— Я не доверяю этому сатанинскому отродью.

— Я уверен, что Торанага тоже. Никто не сделал больше заговоров против него, чем Ябу.

Их неожиданно отвлекли звуки, сопровождающие ссору за дверью. Дверь открылась, и монах с накинутым капюшоном вошел босиком в комнату, отмахиваясь от отца Солди.

— Благословение Иисуса Христа на вас, — сказал он, его голос прерывался от злости. — Он может простить вам ваши грехи.

— Брат Перес, что вы здесь делаете? — взорвался дель Алвито.

— Я пришел в эту помойную яму Земли, чтобы снова нести этим неверным слово Божье.

— Но вы попадете под действие указа, запрещающего вам возвращаться сюда под угрозой немедленной смертной казни за организацию мятежа. Вы чудом избежали казни в Нагасаки, и вам было предписано...

— Это была Божья воля, и мерзкий языческий указ мертвого маньяка ничего не может сделать со мной, — сказал монах. Это был низенький, худой испанец с длинной неопрятной бородой. — Я здесь, чтобы продолжить дело Божье. — Он взглянул на отца Алвито. — Как торговля, отец?

— К счастью для Испании, очень хорошо, — холодно ответил Алвито.

— Я не трачу время на подсчет доходов, отец. Я трачу его на свою паству.

— Это похвально, — резко сказал дель Аква. — Но тратьте его

там, где указал папа, — за пределами Японии. Это исключительно наша провинция. И это португальская, а не испанская территория. Должен ли я напомнить вам, что три папы приказали всем верующим всех исповеданий покинуть Японию, кроме нас? Король Филипп также издал такой указ.

— Поберегите свои легкие, Ваше Преосвященство. Дело Бога выше земных приказов. Я вернулся, и я распахну двери церквей и буду призывать толпы народа подняться против безбожников.

— Сколько раз вас можно предупреждать? Вы не можете вести себя в Японии как в протекторате инков, населенном дикарями из джунглей, у которых не было ни истории, ни культуры. Я запрещаю вам проповедовать и настаиваю, чтобы вы повиновались указам Его Святейшества.

— Мы будем обращать неверных. Слушайте, Ваше Преосвященство, в Маниле еще сотня моих братьев, ждущих отправки сюда, все добрые испанцы, и много наших славных конкистадоров, готовых защищать нас, если потребуется. Мы открыто проповедуем и открыто носим нашу одежду, не прячемся в идолопоклоннические шелковые брюки, как иезуиты!

— Вы не должны агитировать против властей, или вы разрушите мать-церковь!

— Я заявляю вам в лицо, что мы вернемся в Японию и останемся здесь. Мы будем проповедовать миру, несмотря на вас — несмотря ни на какого прелата, епископа, короля или даже папу, во славу Бога! — Монах хлопнул дверью, уходя.

Покраснев от ярости, дель Аква налил стакан мадеры. Несколько капель вина пролились на полированную поверхность его стола. «Эти испанцы погубят нас всех». Дель Аква медленно выпил, пытаясь успокоиться. Наконец он сказал:

— Мартин, пошли наших людей проследить за ним. И тебе лучше предупредить Кийяму и Оноппи сразу же. Не стоит говорить, что случится, если этот глупец станет появляться на публике.

— Да, Ваше Преосвященство. — У двери Алвито заколебался. — Сначала Блэксорн, теперь Перес. Это слишком много для совпадения. Может быть, испанцы в Маниле знали о Блэксорне и пустили его сюда, чтобы досадить нам.

— Может быть, но, может быть, и нет. — Дель Аква допил свой стакан и аккуратно поставил его. — В любом случае, с помощью Бога и усердия, ни одному из них не удастся повредить святой матери-церкви — чего бы это ни стоило.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

«Пусть я стану проклятым испанцем, если это не жизнь!»

Блэксорн лежал, испытывая ангельское блаженство, лицом вниз на толстом футоне, частично закутанный в хлопчатобумажное кимоно, опираясь головой на руки. Девушка перебирала пальцами по его спине, трогая иногда его мускулы, смягчая его кожу и душу, заставляя его чуть ли не мурлыкать от удовольствия. Другая де-

вушка наливала sake в тонкую фарфоровую чашку. Третья ждала, держа лаковый поднос с бамбуковой корзиной, наполненной сушеной рыбой по-португальски, еще одной бутылкой sake и палочками для еды.

— Нан дес ка, Анджин-сан? — Что это, почтенный кормчий, что вы сказали?

— Я не могу сказать этого на нихон-го, Рако-сан. — Он улыбнулся девушке, которая предложила sake. Вместо этого он указал на чашку. — Как это называется? Намае ка?

— Сабазуки. — Она произнесла это три раза, после чего другая девушка, Аза, предложила рыбы, но он покачал головой. — Ё, домо. — Он не знал, как сказать: «Я уже сыт», поэтому попытался сказать: «Я больше не голоден».

— А! Има хара хетте ва орани, — объяснила Аза, поправляя его. Он произнес фразу несколько раз, и они все засмеялись над его произношением, но в конце концов он добился, что это звучало правильно.

«Я никогда не выучу этот язык», — подумал он. Ничто не связывало эти звуки ни с английским, ни даже с латынью или португальским.

— Анджин-сан? — Аза опять предложила ему поднос.

Он покачал головой и с серьезным видом положил руку на живот, но взял sake и выпил. Соно, девушка, которая массирувала ему спину, остановилась, тогда он взял ее руку, положил на шею и сделал вид, что стонет от удовольствия. Она сразу поняла и продолжила массаж.

Каждый раз, когда он допивал чашку, ее немедленно напол-

няли снова. «Давай полегче, — подумал он, — это же третья бутылка, и я уже чувствую тепло в пальцах на ногах».

Эти три девушки, Аза, Соно и Рако, пришли на рассвете, принесли зеленый чай, про который Фриар Доминго сказал ему, что китайцы называют его иногда тьи и это национальный напиток в Китае и Японии. Его сон после случая с покушением был очень плохим, но горячий пикантный напиток начал восстанавливать его силы. Они принесли небольшие скатанные горячие полотенца, слегка ароматизированные. Поскольку он не знал, что делать с ними, Рако, старшая из девушек, показала, как пользоваться ими, на собственном лице и руках.

После этого они проводили его вместе со стражей из четырех самураев в парные бани в дальнем конце этой части замка и передали его банщикам. Четыре стражника стойчески потели, пока он мылся, ему подстригли бороду, волосы вымыли и уложили.

После этого он почувствовал себя чудесным образом обновленным. Ему дали новое, длиной до колен, кимоно из хлопка, новые таби, девушки снова ожидали его. Они провели его в другую комнату, где были Кири и Марико. Марико сказала, что господин Торанага решил послать Анджин-сана в одну из своих провинций, чтобы он там поправился, и что господин Торанага очень доволен им, и что ему не о чем беспокоиться, так как теперь он на попечении слуг господина Торанаги. Будет ли Анджин-сан любезен также начать готовить карты с материалами, которые она должна передать? Скоро будут другие встречи с хозяином, и хозяин сообщил, что скоро она — Марико-сан — будет предоставлена Анджин-сану для ответов на вопросы, которые могут у него возникнуть. Господин Торанага очень заинтересован в том, чтобы Блэксорн узнал побольше о Японии, так как сам он стремится побольше узнать о том, что находится за границами Японии, о навигации и путях плавания в океане. Затем Блэксорна провели к доктору. В отличие от самураев, его волосы были коротко острижены и без косички.

Блэксорн не любил докторов и боялся их. Но этот доктор был другой: очень вежливый и невероятно чистый. Европейские доктора были в первую очередь цирюльниками — неотесанными, кишущими вшами и грязными, как все остальные. Этот доктор трогал пациента очень аккуратно, вежливо держал руку Блэксорна, шупая пульс, глядел в его глаза, рот и уши, мягко похлопал по спине, коленям, пяткам, все это в спокойной манере. Все, что мог европейский доктор, — это посмотреть на ваш язык, спросить: «Где болит?» — выпустить из вас кровь,

чтобы вместе с нею вышла вся зараза, и дать вам дикое количество рвотного, чтобы очистить от грязи ваши внутренности.

Блэксорн ненавидел кровопускания и промывание желудка, и каждый раз от таких процедур ему становилось еще хуже, чем прежде. Но этот доктор не держал скальпеля или таза для кровопускания, вокруг него не было того противного запаха лекарств, который обычно окружал докторов, поэтому его сердце стало биться медленнее, и он немного расслабился.

Пальцы доктора коснулись шрамов на бедре Блэксорна. Тот издал звук выстрела — много лет назад сквозь его плоть прошла пуля. Доктор сказал: «Ах со деду?» — и кивнул. Еще немного прикосновений, глубоких, но безболезненных, в паху и в области желудка. Наконец доктор заговорил с Рако, она кивнула, поклонилась и поблагодарила его.

— Иси бан? — спросил Блэксорн, желая знать, все ли нормально.

— Хай, Анджин-сан.

— Хонто ка?

— Хонто.

Какое полезное слово «хонто». «Это верно? Да, это верно», — подумал Блэксорн. «Домо» — доктор-сан.

— До итасимасите, — сказал доктор, кланяясь. — Заходите еще, не думайте о той ране.

Блэксорн поклонился в ответ. Девушки отвели его дальше, и это было до того, как он лежал на футонах, в расстегнутом хлопчатобумажном кимоно, девушка Соно гладила его по спине, он вспоминал, как он стоял голый перед девушками и самураем, и что он этого не заметил и не чувствовал стыда.

— Нан дес ка, Анджин-сан? — спросила Рако. «В чем дело, уважаемый кормчий? Почему вы смеетесь?» Ее белые зубы сверкали, а брови были выщипаны и подведены в виде дуги. Свои черные волосы она носила высоко подобранными, на ней было кимоно в розовых цветах, с серо-зеленым поясом.

«Потому что я счастлив, Рако-сан. Но как сказать это тебе? Как я могу сказать, что я смеюсь потому, что я счастлив и сбросил всю тяжесть с души, впервые с тех пор, как оставил дом. Потому что моя спина чувствует себя прекрасно — все мои чувства и все во мне прекрасно. Потому что я поговорил с Торанагой и потому что я сделал полных три залпа одним бортом в проклятых Богом иезуитов и шесть залпов еще в этих сифилитических португальцев!» Тут он вскочил, плотно завязал свое кимоно и начал танцевать матросский танец, напевая матросскую песню, чтобы поддержать темп.

Рако и другие девушки очень возбудились. Седзи тут же открылись, и теперь еще и стража удивлялась на него. Блэксорн танцевал и громко пел до тех пор, пока не обессилел, тогда он расхохотался и рухнул. Девушки захлопали, Рако попыталась повторить, но не смогла, ее волочащееся кимоно мешало. Другие встали и уговаривали его показать им, как это делается, он попытался, три девушки стояли в ряд, следя за его ногами, придерживая кимоно. Но они не смогли, и скоро все стали болтать, хихикать и передразнивать друг друга.

Стража внезапно стала очень серьезной и низко поклонилась. В дверях показался Торанага, с боков у него стояли Марики и Кири и его обычная охрана. Девушки все стали на колени, положили руки на пол плащом и поклонились, но смех еще не покинул их лиц, не было на них и страха. Блэксорн тоже вежливо поклонился, не так низко, как женщины.

— Коннити ва, Торанага-сама, — сказал Блэксорн.

— Коннити ва, Анджин-сан, — ответил Торанага. Потом он задал вопрос.

— Мой хозяин спрашивает, что вы делали, сеньор? — сказала Марики.

— Просто танцевал, Марики-сан, — сказал Блэксорн, чувствуя себя глупо. — Это матросский сольный танец. Его танцуют моряки и поют шанти — песни — при этом. Я был просто счастлив — может быть, из-за sake. Извините, надеюсь, я не огорчил Торанагу-сама.

Она перевела.

— Мой хозяин говорит, что он хотел бы посмотреть танец и послушать песню.

— Сейчас?

— Конечно, сейчас.

Торанага сразу же сел, скрестив ноги, его маленькая свита разместились в разных местах комнаты; все они ожидающе смотрели на Блэксорна.

«Ну, глупец, — сказал себе Блэксорн. — Вот что бывает, когда расслабишься. Теперь ты должен дать представление, а ты же знаешь, что голос у тебя хуже некуда, а танец твой неуклюж».

Тем не менее он поплотнее повязал пояс кимоно и начал с удовольствием скакать, поворачиваться, лягаться, вертеться, подпрыгивать, — его голос отдавал страстью.

Все молчали.

— Мой хозяин говорит, что он никогда не видел ничего подобного за всю свою жизнь.

— Аригато годзиemasита! — сказал Блэксорн, потя чашу.

стично от усилий, частично от смущения. Тут Торанага снял свои мечи, отложил их в сторону, подоткнул кимоно повыше за пояс и встал рядом с ним.

— Господин Торанага хочет станцевать ваш танец,— сказала Марико.

— Да?

— Он просит научить его.

И Блэксорн начал. Он показал основной шаг, потом повторил его снова и снова. Торанага быстро овладел им. Блэксорн был удивлен ловкостью пузатого, с большим задом пожилого человека.

После этого Блэксорн снова начал петь и танцевать, и Торанага присоединился к нему, сначала робко, подбадриваемый зрителями. Потом Торанага сбросил свое кимоно, сложил руки и начал танцевать с той же живостью, что и Блэксорн, который сбросил свое кимоно, запел громче и подобрал темп, почти преодолев гротескность того, чем они занимались, но постаравшись свести все к шутке. Наконец Блэксорн сделал своего рода скачок, прыжок и, подпрыгнув на месте, остановился. Он захлопал в ладоши и поклонился Торанаге, все остальные тоже захлопали своему хозяину, который был очень счастлив.

Торанага сел в центре комнаты, его дыхание было очень спокойным. Рако тут же поспешила к нему с веером, другие подбежали с его кимоно. Но Торанага отбросил свое кимоно в сторону Блэксорна и взял его простое кимоно.

Марико сказала:

— Мой хозяин говорит, что он был бы рад, если бы вы принесли это как подарок.— Она добавила:

— У нас считается большой честью, если человеку дают даже старое кимоно его суверена.

— Аригато годзиемасита, Торанага-сама.— Блэксорн низко поклонился, потом сказал Марико: — Да, я понимаю, какая честь мне оказана, Марико-сан. Пожалуйста, поблагодарите господина Торанагу по всем правилам, так как я, к несчастью, не знаю их еще, и скажите ему, что я буду хранить его подарок, и даже более того, что я очень ценю то, что он сделал для меня, протанцевав со мной наш танец.

Торанага был обрадован даже еще больше.

С поклонами Кири и девушки-служанки помогли Блэксорну надеть кимоно их хозяина и показали, как завязать пояс. Кимоно было коричневого цвета с пятью красными крестами, пояс из белого шелка.

— Господин Торанага говорит, что он доволен танцем.

Когда-нибудь он, возможно, покажет вам некоторые из наших танцев. Ему хотелось бы, чтобы вы как можно быстрее научились говорить по-японски.

«Мне бы тоже хотелось этого. Но гораздо больше,— подумал Блэксорн,— я бы хотел надеть свое платье, поесть нашей пищи в своей каюте, на моем собственном корабле с заряженными пушками, и когда пистолеты за поясом и когда ют наклоняется под тяжестью парусов...»

— Вы не могли бы спросить господина Торанагу, когда я смогу вернуться на свой корабль?

— Сеньор?

— На свой корабль, сеньора. Пожалуйста, спросите его, когда я смогу получить обратно свой корабль. И мою команду тоже. Весь наш груз забрали — там было двадцать тысяч монет в восьми сейфах. Я уверен, что он понял, что мы купцы, и, хотя мы пользуемся его гостеприимством, мы хотели бы торговать товарами, которые мы привезли, и потом уплыть к себе домой. Это займет еще восемнадцать месяцев.

— Мой хозяин говорит, что вам нет нужды беспокоиться. Все будет сделано как можно скорее. Вы сначала должны поправиться. Вы выезжаете вечером.

— Простите, я не совсем понял, сеньора.

— Господин Торанага говорит, что вы должны выехать в сумерках, сеньор. Что-нибудь не так?

— Нет, нет, вовсе нет, Марико-сан. Но час или около того назад вы говорили, что я должен выехать через несколько дней.

— Да, но теперь он говорит, что вы выедете сегодня вечером.— Она перевела все это Торанаге, который что-то снова возразил.

— Мой хозяин говорит, что лучше и удобней для вас выехать сегодня вечером. Не стоит беспокоиться, Анджин-сан, о вас позаботятся особо. Он посылает госпожу Киритсубо в Эдо, чтобы приготовить там все к его возвращению, вы едете с ней.

— Пожалуйста, поблагодарите его от моего имени. Могу я спросить, нельзя ли освободить Фриара Доминго? Этот человек обладает большими знаниями.

Она перевела.

— Мой хозяин говорит: этот человек мертв, он послал за ним сразу после того, как вы вчера попросили об этом, но тот уже был мертв.

Блэксорн ужаснулся.

— Как он умер?

— Мой хозяин говорит, что он умер, когда его вызвала стража.

— О! Бедняга.

— Мой хозяин говорит, что смерть и жизнь — это одно и то же. Душа священника будет ждать сорокового дня и потом родится снова. Зачем печалиться? Это неизменный закон природы. — Она о чем-то заговорила, но передумала, только добавила: — Буддисты считают, что мы имеем много рождений или воплощений, Анджин-сан. До тех пор, пока мы наконец не станем совершенными и не достигнем нирваны — неба.

Блэксорн на миг отбросил свою печаль и сосредоточился на Торанаге и присутствующих.

— Можно ли мне спросить его, как моя команда?

Он остановился, так как Торанага отвел взгляд. Молодой самурай поспешно вошел в комнату, поклонился Торанаге и ждал.

Торанага сказал:

— Нан дза?

Блэксорн ничего не понял из разговора, кроме того, что ему показалось, что он разобрал прозвище отца Алвито «Тсукуку». Он заметил, что глаза Торанаги скользнули по нему, заметил тень улыбки и подумал, не послал ли Торанага за священником из-за того, что он рассказал Торанаге. «Надеюсь, что это так и что Алвито в дерьме по самые ноздри. Он это или не он?» Блэксорн решил не спрашивать Торанагу, хотя ему и очень этого хотелось.

— Каре ни матсу йони, — коротко сказал Торанага.

— Джиойи. — Самурай поклонился и быстро ушел. Торанага повернулся к Блэксорну:

— Нан дза, Анджин-сан?

— Вы что-то говорили, капитан? — спросила Марико. — О вашей команде?

— Да. Не мог бы Торанага-сама взять их под свою защиту тоже? Проследить, чтобы о них заботились? Их тоже пошлют в Эдо?

Она спросила Торанагу. Торанага заткнул мечи за пояс своего короткого кимоно.

— Мой хозяин говорит, конечно, распоряжения об этом уже сделаны. Вам не стоит о них беспокоиться. И о вашем корабле тоже.

Торанага встал. Все начали кланяться, но Блэксорн неожиданно вмешался:

— Одна последняя вещь. — Он остановился и обругал себя,

поняв, что он был невежлив. Торанага явно закончил беседу, они все начали раскланиваться, но были остановлены словами Блэксорна, и теперь все были в замешательстве, не зная, закончить ли поклоны, или подождать, или начинать кланяться снова.

— Нан дза, Анджин-сан? — голос Торанаги был резок и недружелюбен, поэтому он также был мгновенно выведен из равновесия.

— Гомен насай, извините, Торанага-сама. Я не хотел вас обидеть. Я только хотел спросить, будет ли госпоже Марико позволено поговорить со мной до того, как я уеду? Это поможет мне.

Она спросила Торанагу.

Торанага только буркнул что-то властно-утвердительно и ушел, сопровождаемый Кири и личной охраной.

«Обидчивые вы все, негодяи, — подумал Блэксорн про себя. — Боже мой, ты должен здесь быть аккуратней». Он вытер лоб рукавом и тут же заметил огорчение на лице Марико. Рако торопливо предложила маленький носовой платочек, которые они, казалось, держат наготове в неистощимых количествах — сунутыми за оби. Потом он понял, что на нем кимоно «хозяина» и что, очевидно, нельзя вытирать вспотевший лоб рукавом хозяина; ей-Богу, ты совершил еще одно богохульство! Я никогда не научусь, разве что на небе!

— Анджин-сан? — Рако предлагала саке.

Он поблагодарил ее и выпил. Она тут же наполнила чашку. Он заметил, что у всех на лбу блестит пот.

— Гомен насай, — сказал он им всем, извиняясь, взял чашку и в шутку предложил ее Марико. — Я не знаю, вежливо это или нет, но вам не хотелось бы саке? Это можно? Или я должен разбить себе голову о пол?

Она засмеялась.

— О, да, это достаточно вежливо, и не надо, не разбивайте голову. Не надо извиняться передо мной, капитан. Мужчина не должен извиняться перед женщиной. Что бы он ни сделал, все правильно. По крайней мере в это верим мы, женщины. — Она объяснила, что она говорит, девушкам, и они кивнули очень серьезно, но их глаза смеялись. — Вы не могли узнать, Анджин-сан, — продолжала Марико, потом сделала маленький глоток саке и вернула чашку. — Спасибо, но я больше не хочу саке, спасибо вам. Саке сразу бьет мне в голову и в колени. Но вы быстро учитесь — это, наверное, очень трудно для вас. Не беспокойтесь, господин Торанага сказал мне, что он нашел ваши способ-

ности исключительными. Он никогда бы не дал вам свое кино, если бы он не был очень доволен вами.

— Он послал за Тсуку-саном?

— Отцом Алвито?

— Да.

— Вам следовало бы спросить его самого, капитан. Мне он ничего не говорил. В этих вопросах он очень умен, тогда как женщина не имеет ума или знаний в политических вопросах.

— Ах, со дсу ка? Я хочу, чтобы все наши женщины были равно мудры.

Марико обмахивалась веером, удобно сидя на коленях, подобрав под себя ноги.

— Ваш танец был превосходен, Анджин-сан. Ваши дамы танцуют так же?

— Нет, только мужчины. Это мужской танец. Танец моряков.

— Поскольку вы хотели задать мне вопросы, можно сначала я вас спрошу?

— Конечно.

— Какая у вас жена?

— Ей двадцать девять лет. Высокая по сравнению с вами. По нашим меркам, во мне шесть футов два дюйма, у нее около пяти футов восьми дюймов, у вас около пяти футов, так что она на голову выше, чем вы, и так же больше во всем — я имею в виду пропорционально. Ее волосы цвета... — Он указал на полированные чистые кедровые брусья, и все глаза повернулись в их сторону, потом вернулись к нему... — Вот такого цвета. Белокурые с красноватым оттенком. Глаза у нее голубые, более голубые, чем мои, голубовато-зеленые. Она носит длинные волосы, в основном распущенными.

Марико перевела это другим, и все они вздохнули, глядя на кедровые брусья, потом снова на него, самурай-часовые так же внимательно слушали. Следующий вопрос задала Рако.

— Рако-сан спрашивает, у нее такое же тело, как у нас?

— Да. Но ягодицы у нее больше и более выпуклые, талия длиннее и... ну, наши женщины вообще более округлые и имеют более тяжелые груди.

— И все ваши женщины — и мужчины — настолько выше, чем мы?

— В целом да. Но некоторые у нас такие же маленькие, как и вы. Я думаю, что ваша миниатюрность восхитительна. Очень приятна.

Аза спросила что-то, и интерес у всех усилился.

— Аза спрашивает: в смысле секса — как ваши женщины по сравнению с нашими?

— Извините, не понимаю?

— О, пожалуйста, извините меня. Секс — в интимном смысле. Секс — наше выражение для физического соединения мужчины и женщины. Это более вежливо, чем блуд, правда?

Блэксорн справился со своим смущением и сказал:

— Я имел... э... я имел только один... э... опыт секса здесь. Это было... э... в деревне — и я не помню всего этого слишком ясно, потому что... э-э... я был так истощен нашим путешествием, что наполовину спал, наполовину бодрствовал. Но, как мне показалось, это было вполне удовлетворительно.

Марико нахмурилась.

— Вы любили только один раз с тех пор, как приплыли сюда?

— Да.

— Вы должны чувствовать себя очень скованным, да? Одна из этих женщин будет рада отжаться вам, Анджин-сан. Или все они, если вы пожелаете.

— Что?

— Конечно. Если вы не хотите никого из них, не стоит беспокоиться, они, конечно, не будут обижены. Только скажите мне, какого типа женщину вы хотели бы, и мы распорядимся.

— Спасибо, — сказал Блэксорн. — Но не теперь.

— Вы уверены? Пожалуйста, извините меня, но Киритсубо-сан дала четкие инструкции о том, чтобы ваше здоровье было сохранено и улучшено. Как можно быть здоровым без секса? Это очень важно для мужчины, правда? О, конечно, да.

— Спасибо, но, может быть, позднее.

— У вас много времени. Я судовольствием зайду позднее. У нас будет масса времени для разговоров, если вы пожелаете. Вы еще имеете четыре стика времени, — сказала она ободряюще. — Вам не надо уезжать до захода солнца.

— Спасибо. Но не теперь, — сказал Блэксорн, пораженный прямой и отсутствием деликатности в этом предложении.

— Им действительно будет приятно угодить вам, Анджин-сан. О! Может быть, вы предпочитаете мальчиков!

— Что?

— Мальчика. Это очень просто, если это то, чего вы хотите. — Ее улыбка была бесхитростна, ее голос деловит.

— Что это значит? Вы серьезно предлагаете мне мальчика?

— Ну да, Анджин-сан. В чем дело? Я только сказала, что мы пришлем сюда мальчика, если вы хотите этого.

— Я не хочу этого! — Блэксорн почувствовал, как кровь прилила к лицу. — Разве я похож на проклятого Богом содомита?

Его слова разнеслись по комнате. Все уставились на него ошеломленно. Марико низко поклонилась, держа голову у пола.

— Пожалуйста, простите меня, я сделала ужасную ошибку. О, я обидела, тогда как пыталась только сделать приятное. Я никогда не разговаривала с иностранцами, кроме как со святыми отцами, поэтому я не могла узнать ваших... ваших интимных обычаев. Меня никогда им не учили, Анджин-сан, — отцы не обсуждали их. Здесь несколько человек иногда хотят мальчиков — священники время от времени имеют мальчиков, наши и некоторые из ваших — я по глупости предположила, что ваши обычаи такие же, как и наши.

— Я не священник, и это не наш обычай.

Командир самураев Казу Оан наблюдал за всем этим с неудовольствием. Ему были поручены безопасность чужеземца и его здоровье, и он видел своими собственными глазами невероятное благорасположение, которое господин Торанага выказывал Анджин-сану, а теперь Анджин-сан был в ярости.

— В чем дело? — спросил он вызывающе, так как было очевидно, что глупая женщина сказала что-то, что обидело его очень важного подопечного.

Марико объяснила, что она сказала и что ответил Анджин-сан.

— Я правда не понимаю, что так обидело его, Оан-сан, — сказала она ему.

Оан недоверчиво поскреб свою голову.

— Он стал похож на сумасшедшего быка только потому, что вы предложили ему мальчика?

— Да.

— Тогда извините, но, может быть, вы были невежливы? Может быть, вы сказали что-то не то?

— О нет, Оан-сан. Я совершенно уверена. Я чувствовала себя ужасно. Я совершенно точно провинилась.

— Здесь должно быть что-то еще. Что?

— Нет, Оан-сан. Только это.

— Я никогда не пойму этих чужеземцев, — сердито сказал Оан. — Ради всех нас, пожалуйста, успокойте его, Марико-сан. Видимо, это потому, что он так долго не имел женщину.

— Вы, — он приказал Соно, — вы дайте еще саке, горячего саке и горячих полотенец! Вы, Рако, погладьте шею этому дья-

волу. — Служанки бросились выполнять его указания. Внезапно он сказал:

— Хотел бы я знать, не потому ли это, что он импотент. Его история о приключениях в деревне была достаточно туманная, правда? Может быть, бедняга взбесился потому, что он действительно импотент и вы затронули болезненное место?

— Извините, но я так не думаю. Доктор сказал, что он очень силен.

— Если бы он был импотент — это бы все объясняло, правда? Этого мне было бы достаточно, чтобы я раскричался тоже. Да! Спросите его.

Марико немедленно сделала, как он приказал, и Оан ужаснулся, когда кровь снова бросилась чужеземцу в лицо, и поток омерзительно звучащей чужеземной речи заполнил комнату.

— Он... он сказал «нет», — Марико перешла почти на шепот.

— И все это означало только «нет»?

— Они... они используют много разных длинных проклятий, когда возбуждены.

Оан начал потеть от беспокойства, так как он отвечал за чужеземца.

— Успокойте его!

Еще один самурай, более старый, сказал с надеждой:

— Оан-сан, может быть, он из тех, кому нравятся собаки, а? Мы слышали страшные истории в Корее о поедающих чеснок. Да, они любили собак и... Я вспоминаю теперь, да, собак и уток. Может быть, эти золотоголовые похожи на тех, поедающих чеснок, они так же пахнут, правда? Может быть, он хочет утку?

Оан сказал:

— Марико-сан, спроси его! Нет, может быть, лучше не надо. Пусть успокоится...

Он замолчал. Из дальнего угла приближался Хиро-Мацу.

— Привет, — сказала он отрывисто, пытаясь удержать свой голос от дрожи, потому что старый Железный Кулак, и в лучших обстоятельствах помешанный на дисциплине, в последнюю неделю стал похож на тигра с опшаренным задом, а сегодня был еще хуже. Десять человек были понижены в звании за неопрятность, вся ночная стража с позором маршировала по замку, двум самураям было предложено совершить сеппуку, так как они опоздали на вахту, а четыре ночных уборщика были сброшены с зубчатой стены, так как рассыпали часть мусорного ящика в саду замка.

— Как он ведет себя, Марико-сан? — услышал Оан возбуж-

денный вопрос Железного Кулака. Он был уверен, что глупая женщина, которая вызвала все это беспокойство, собирается выболтать всю правду, которая наверняка снимет с них головы.

К своему облегчению, он услышал, как она говорит:

— Да, господин. Все прекрасно, спасибо.

— Вам приказано отправляться к Киритсубо-сан.

— Да, господин.

Когда Хиро-Мацу пошел дальше со своим патрулем, Мариико задумалась, зачем ее отправляют. только ли для того, чтобы переводить разговоры Кири с чужеземцем во время плавания? Едут ли другие женщины Торанаги? Госпожа Сазуко? Не опасно ли для Сазуко плыть теперь морем? Я должна ехать одна с Кири, или мой муж едет тоже? Если он останется — а его обязанность быть с его господином — кто будет присматривать за его домом? Почему мы должны плыть на корабле? Наверняка токайдская дорога еще безопасна. Ишидо не помешает нам? Да, он мог бы — если учесть нашу ценность как заложников, госпожу Сазуко, Киритсубо и остальных. Вот поэтому нас и посылают морем?

Мариико никогда не любила море. Даже от одного его вида она чувствовала себя больной. «Но если я должна поехать, я поеду, и там все кончится. Карма». Она перенеслась в мыслях от неизбежного к сиюминутным проблемам с этим непонятным иностранцем, который не вызывал у нее ничего, кроме огорчения.

Когда Железный Кулак исчез за углом, Оан поднял голову, и все они вздохнули. Аза торопливо шла по коридору с саке, Соно сразу за ней с горячими полотенцами.

Все наблюдали за тем, как обслуживали чужеземца. Они видели недовольное выражение его лица и то, как он принял саке и горячие полотенца с холодной благодарностью.

— Оан-сан, почему не послать одну из женщин за уткой? — прошептал старый самурай. — Мы просто положим ее около него. Если он захочет, все будет прекрасно, если нет, он сделает вид, что не видит ее.

Мариико покачала головой:

— Наверное, нам не надо так рисковать. Мне кажется, Оан-сан, этот тип чужеземцев испытывает отвращение к разговорам о сексе, да? Он первый из таких, пришедший сюда, так что мы должны найти к нему подход.

— Я тоже так думаю, — сказал Оан. — Он был совершенно спокоен, пока не упомянули об этом. — Он сердито взглянул на Азу.

— Извините, Оан-сан. Вы совершенно правы, это была полностью моя вина, — сказала Аза сразу же, кланяясь почти до полу.

— Да. Я пошлю отчет об этом деле Киритсубо-сан.

— Ой!

— Я действительно думаю, что госпоже также следует сказать, чтобы были осторожней, обсуждая с ним интимные вопросы, — сказала Мариико дипломатично.

Вы очень мудры, Оан-сан. Но, может быть, Аза оказалась смышленной и избавила госпожу Киритсубо и даже господина Торанагу от ужасного неудобства! Просто подумайте, что бы случилось, если бы Киритсубо-сан сама задала этот вопрос вчера при господине Торанаге! Если бы чужеземец действовал так же и перед ним...

Оан вздрогнул:

— Пролилась бы кровь! Вы совершенно правы, Мариико-сан, Азу следует поблагодарить. Я объясню Киритсубо-сан, как ей повезло.

Мариико предложила Блэксорну еще саке.

— Нет, благодарю вас.

— Я еще раз приношу свои извинения за мою глупость. Вы хотели у меня что-то спросить?

Блэксорн видел, как они говорили между собой, досадую, что не может понять их, зная, что не может обругать их за оскорбления или стукнуть этих часовых головами.

— Да. Вы сказали, что содомия здесь — это нормально?

— О, извините меня, может быть, мы обсудим какие-нибудь другие вещи, пожалуйста?

— Конечно, сеньора. Но сначала давайте кончим эту тему. Сodomия здесь считается нормальным, вы сказали?

— Все, что с сексом, нормально, — сказала она вызывающе, раздраженная его невоспитанностью и очевидной глупостью, вспомнив, что Торанага сказал ей, что она должна сообщать ему о вещах, не связанных с политикой, но потом пересказать ему все, о чем они говорили. Она также не терпела от него никакого вздора, так как он был все еще чужеземцем, возможно, пиратом и формально на него распространялся смертный приговор, который в настоящее время был временно отменен, к удовольствию Торанаги. — Сношение совершенно нормально. И если мужчина собирается им заниматься с другим мужчиной или мальчиком, какое кому дело до этого, кроме них самих? Какой от этого вред им или другим — или мне, или вам! Никому!

«Что это я, — подумала она, — глупая пария без мозгов! Глу-

пая торговка откровенничает с каким-то чужеземцем! Нет. Я из касты самураев! Да, это так, Марико, но ты также очень глупа! Ты женщина и должна обращаться с ним, как с любым человеком, которому надо льстить, соглашаться с ним, подлизываться к нему. Ты забыла о своих приемах. Почему он заставляет тебя вести себя с ним как двенадцатилетнюю девочку?»

Она умысленно смягчила свой тон.

— Но если вы думаете...

— Содомия — это ужасный грех, дьявольский, проклятая Богом мерзость, и те негодяи, кто занимается этим — отбросы земли! — Блэксорн не слушал ее, все еще страдая от оскорбления, что она поверила тому, что он может быть одним из них.

«Христова кровь, как она могла? Успокойся, — сказал он себе. — Ты говоришь, как изъеденный сифилисом фанатичный пуританин-кальвинист! И почему ты так уж настроен против них? Не потому ли, что они всегда есть на корабле, что большинство моряков испробовали этот путь, поскольку как еще они могли остаться в здравом уме, проводя столько месяцев в море? Не потому ли, что ты сам был соблазнен и ненавидел себя за соблазн? Не потому ли, что, когда ты был молод, тебе самому пришлось защищаться и однажды тебя повалили и чуть не изнасиловали, но ты вырвался и убил одного из этих негодяев, нож попал в горло, тебе было двенадцать, и это была первая смерть в твоём длинном списке смертей?»

— Это Богом проклятый грех — и абсолютно против законов Бога и человека!

— Конечно, это слова христианина, которые применимы к другим вещам! — ответила она ледяным тоном, вопреки себе, охваченная желанием сказать грубость. — Грех? В чем здесь грех?

— Вам следовало бы знать. Вы католичка, не так ли? Вы были обращены иезуитами?

— Святой отец научил меня говорить по-латыни и по-португальски и писать на этих языках. Я не понимаю, что вы подразумеваете под приверженностью к католицизму, но я христианка, и уже почти десять лет, и нет, они ни разу не говорили с нами о физической близости. Я никогда не читала ваших книг о сексе — только религиозные книги. Секс — грех? Как это может быть? Как может что-то, что дает людям радость, быть грешным?

— Спросите отца Алвито!

«Не думаю, чтобы я решилась», — подумала она в смятении.

— Но мне приказали не обсуждать ничего, что здесь говорится, ни с кем, кроме Кири и моего господина Торанаги. Я про-

сила Бога и Мадонну помочь мне, но они мне не ответили. Я только знаю, что с тех пор, как вы пришли сюда, не было ничего, кроме горя. Если это грех, как вы говорите, почему так много наших священников занимаются этим и всегда занимаются? Некоторые буддийские секты даже рекомендуют это как одну из форм молитвы. Надо ограничивать себя только в сезон дождей. Священники не дьяволы, не все из них. И некоторые из святых отцов, как известно, наслаждаются сексом и таким путем тоже. Разве они дьяволы? Конечно, нет! Почему они должны быть лишены обычного удовольствия, если им запрещено иметь дело с женщинами? Глупо говорить, что все связанное с сексом — грех и проклято Богом!

— Содомия отвратительна, против всех законов! Спросите вашего духовника!

«Ты сам отвратителен — ты, — хотелось крикнуть Марико. — Как осмеливаешься ты быть таким грубым и как можешь быть таким глупым! Против Бога? Ты говоришь? Что за глупость! Против твоего дьявольского Бога, может быть. Ты заявляешь, что ты христианин. Нет, ты явный лжец и мошенник. Может быть, ты и знаешь необычные вещи и бывал в диковинных местах, но ты не христианин и богохульствуешь. Ты послан Сатаной? Грехи? Какая ерунда!

Ты говоришь так торжественно о нормальных вещах и ведешь себя как сумасшедший. Ты выводил из себя святых отцов, расстраиваешь Торанагу, вызываешь раздор между нами, расшатываешь нашу веру и мучаешь нас сомнениями в том, что верно, а что нет, зная, что мы не можем немедленно доказать тебе свою правоту.

Я хочу сказать тебе, что я презираю и тебя, и всех варваров. Да, варвары вокруг меня. Не они ли ненавидели моего отца, потому что он не доверял им и открыто просил диктатора Города выбросить их всех с нашей земли? Разве не чужеземцы отравили ядом мозг диктатора, так что он стал ненавидеть моего отца, своего самого верного генерала, человека, который помогал ему даже больше, чем генерал Накамура или господин Торанага? Разве не чужеземцы стали причиной того, что диктатор оскорбил моего отца, что свело его с ума, заставив поступать необдуманно и стать таким образом причиной всех моих несчастий?

Да, они сделали все это, и даже больше того. Но они также принесли бесподобное слово Божье и в темные часы моей нужды, когда я вернулась из ужасной ссылки в еще более ужасную жизнь, отец-инспектор показал мне путь, открыл мне глаза

и душу и крестил меня. Этот путь дал мне силы выдержать, наполнил мое сердце безграничным миром, освободил меня от вечных мук и осчастливил меня обещанием вечного спасения.

Что бы ни случилось, я в руках Бога. О, Мадонна, дай мне мир и помоги этому бедному грешнику преодолеть твоего врага».

— Извините меня за мою грубость, — сказала она. — Вы правы, что рассердились. Я только глупая женщина. Пожалуйста, будьте терпеливы и простите меня, Анджин-сан.

Гнев Блэксорна сразу стал стихать. Какой мужчина мог долго сердиться на женщину, если она открыто признается, что она была не права, а он прав?

— Я тоже прошу прощения, Марико-сан, — сказал он, немного смягчаясь, — но у нас предположить, что мужчина гомосексуалист, педераст, содомит, — это самое сильное из оскорблений.

«Тогда вы все инфантильны, глупы, так же как подлы, грубы и невоспитанны, но что можно ожидать от чужеземцев», — сказала она себе и произнесла с покаянным видом:

— Конечно, вы правы... Я не имела в виду ничего плохого, пожалуйста, примите мои извинения. О, да, — вздохнула она; ее голос был так медоточив, что даже ее муж сразу успокоился бы, несмотря на самое плохое свое настроение, — о, да, это была полностью моя ошибка.

* * *

Солнце уже достигло горизонта, а отец Алвито все еще ждал в комнате для аудиенции, журналы оттягивали ему руки.

«Проклятый Блэксорн», — думал он.

Первый раз этот Торанага заставил его ждать, первый раз за годы он не ждал никого из даймё, даже Тайко. За последние восемь лет правления Тайко предоставил ему невероятную привилегию немедленного доступа, и так же сделал Торанага. Но у Тайко эта привилегия была заслужена его влиянием в Японии и его дальновидностью в делах. Его знание внутренних скрытых причин событий в международной торговле помогало увеличить еще больше невероятно большое состояние Тайко. Хотя Тайко был почти неграмотен, его способности к языкам были огромны, его знание политики безмерно. Так Алвито посчастливилось сесть в ногах у деспота, чтобы учить и учиться и, если на то будет воля Божья, обращать в свою веру. Это была особая работа, которой он дотошно овладевал под руководством дель

Аквы, который давал ему лучших учителей из среды иезуитов и португальских купцов, торговавших в Азии. Алвито стал наперсником Тайко, одним из четырех человек — и единственным иностранцем, — которые когда-либо видели помещения с личными сокровищами Тайко.

В нескольких сотнях шагов была главная башня замка, хранилище. Она возвышалась на семь этажей, защищенная множественно стенами, дверями и укреплениями. На четвертом этаже было семь комнат с железными дверями. Каждая была забита золотыми слитками и ящиками с золотыми монетами. Этажом выше были комнаты с серебром, лопающиеся от слитков и ящиков с монетами. И еще этажом выше были редкие шелка и керамика, а также мечи и другое вооружение — сокровища империи.

«В нашем современном исчислении, — думал Алвито, — стоимость всего этого должна быть по крайней мере пятьдесят миллионов дукатов, больше, чем годовой доход всей Испанской империи, Португальской империи и Европы, взятых вместе. Самое большое личное состояние на земном шаре в наличных».

«Разве это не самое большое достижение? — размышлял он. — Разве тот, кто контролирует Осацкий замок, не контролирует все это немыслимое состояние? И это состояние, соответственно, разве не дает ему власти над всей страной? Не была ли Осака сделана неприступной только для того, чтобы защитить это богатство? Не была ли страна залита кровью, чтобы построить замок в Осаке, сделать его недоступным, чтобы защитить золото, чтобы надежно хранить его до того времени, когда вырастет Яэмон?

Имея сотую часть этих сокровищ, мы могли бы построить собор в каждом городе, церковь в каждом поселке, миссию в каждой деревне по всей стране. Если бы мы только могли получить его, чтобы использовать во славу Бога!»

Тайко любил власть. И он любил золото за ту власть, которую оно дает над людьми. Сокровища собирались по крохам в течение шестнадцати лет абсолютной власти, из огромных обаятельных подарков всех даймё, которые по обычаю ожидалось от них ежегодно, и от его собственных владений. По праву завоевателя Тайко лично владел четвертой частью всей земли. Его личный годовой доход был более пяти миллионов коку. И потому, что он был Господин Всей Японии с мандатом императора, теоретически он владел всеми доходами всех поместий. Он никому не платил налогов. Но все даймё, все самураи, все крестьяне, все ремесленники, все купцы, все грабители, все па-

рии, все чужеземцы, даже «эта», платили налоги добровольно, в большом количестве. Для собственной безопасности.

«Пока состояние недоступно и Осака неприступна, — сказал себе Алвито, — фактически опекун Яэмона, Паемон, будет править до той поры, пока он не вырастет, несмотря на Торанагу, Ишидо или еще кого-нибудь.

Жаль, что Тайко умер. При всех его недостатках мы знали этого дьявола и могли ладить с ним. Жаль на самом деле, что был убит Города, так как он был нашим настоящим другом. Но он мертв, так же как и Тайко, и теперь нам надо покорять новых язычников — Торанагу и Ишидо».

Алвито вспомнил ночь, когда умирал Тайко. Его пригласил Тайко, чтобы провести ночь перед смертью — он вместе с Ёдоко, женой Тайко, госпожой Ошибой, его наложницей и матерью наследника. Они долго смотрели и ждали в спокойствии этой бесконечной летней ночи.

Потом началась агония и подошла к концу.

— Его дух уходит. Теперь он в руках Бога, — сказал он тихо, когда убедился в этом. Он перекрестил и благословил тело.

— Может быть, Будда возьмет к себе моего господина и быстро воскресит его, так что он возьмет Империю обратно в свои руки еще раз, — сказала Ёдоко, тихо плача. Это была миловидная женщина, из рода аристократов-самураев, которая была его верной женой и советчицей сорок четыре года из своих пятидесяти девяти лет. Она закрыла глаза и придала телу достойный вид, что было ее привилегией, печально поклонилась три раза и оставила его и госпожу Ошибу.

Смерть была легкой. Тайко болел несколько месяцев, и конец ожидался этим вечером. Несколько часов назад он открыл глаза, улыбнулся Ошибе и Ёдоко и прошептал — его голос был подобен нити:

— Слушайте, это мое предсмертное стихотворение.

Как капля я рожден,

Как капля я исчезну,

Осакский замок и всё, что я достиг, —

Лишь только сон...

В таком же точно сне.

Пред шагом в эту бездну.

Последняя улыбка, такая нежная, этого деспота им — женщинам и ему.

— Берегите моего сына, вы все. — И после этого его глаза закрылись навеки.

Отец Алвито вспомнил, как он был тронут последним сти-

хотворением, таким типичным для Тайко. Когда он был приглашен, то надеялся, что на пороге смерти властелин Японии одумается и примет истинную веру и причастие, над которыми он смеялся столько раз. Но этого не случилось. «Ты навсегда потерял царство Божие, бедняга», — печально пробормотал иезуит, так как всегда восхищался Тайко как военным и политическим гением.

— А что, если ваше царство Божие — это задний проход дикаря? — спросила госпожа Ошиба.

— Что? — Он не был уверен, что правильно расслышал, обиженный ее неожиданной и неприличной недоброжелательностью. Он знал госпожу Ошибу почти двенадцать лет, с тех пор как ей исполнилось пятнадцать, когда Тайко впервые взял ее в наложницы и она была послушной и сверхслужливой, едва произносящей слова, всегда радостно улыбающейся и счастливой. Но сейчас!

— Я сказала: «А что, если ваше царство Божие находится в заднем проходе дикарей?»

— Помилуй вас Бог! Ваш властелин умер всего несколько минут назад.

— Мой властелин умер, так что и ваше влияние на него кончилось. Не так ли? Он хотел, чтобы вы присутствовали, очень хорошо, — это было его право. Но теперь он в Великой Пустоте и больше не командует. Теперь команду я. Священник, вы воняете, вы всегда воняли, и ваша вонь переходит в воздух. Сейчас же покиньте мой замок и оставьте нас с нашим горем!

Спокойный свет свечи вдруг метнулся по ее лицу. Она была одна из самых красивых женщин в стране. Непроизвольно он сделал движение крестом, как бы защищаясь от овладевшего ею дьявола.

Смех ее был холоден.

— Уходите, священник, и никогда не возвращайтесь. Ваши дни сочтены!

— Не более, чем ваши. Я в руках Бога, госпожа. Лучше бы вы подумали о нем. Вечное спасение может быть и вашим, если вы поверите.

— Что? Вы в руках Бога? Христианского Бога, да? Вы — может быть. А может, и нет. Что вы будете делать, священник, если когда вы умрете, то узнаете, что там нет никакого бога, что нет преисподней и ваше вечное спасение только сон во сне?

— Я верю! Я верю в Бога, и в воскресение, и в Святого Духа, — сказал он вслух. — Христианские обещания верны. Они сбываются, сбудутся — я верю!

* * *

— Да? Тсукку-сан?

Какое-то время он слушал японскую речь и не понимал ее. В дверном проходе стоял Торанага, окруженный стражей.

Отец Алвито поклонился, приходя в себя, с потной спиной и лицом.

— Прошу простить, что пришел без приглашения. Я просто полуночник. Я вспомнил, что мне посчастливилось быть свидетелем многих вещей в Японии. Кажется, что вся моя жизнь прошла здесь и больше нигде.

— Вам повезло, Тсукку-сан.

Торанага устало подошел к помосту и сел на простую подушку. Охрана молча расположилась вокруг него, образовав защитную стенку.

— Вы приехали сюда на третий год Тенчо, не так ли?

— Нет, господин, это был четвертый год, год Крысы, — ответил он, пользуясь их календарем, на запоминание которого у него ушли месяцы. Все годы отсчитывались от определенного года, выбранного правящим императором. Катастрофа или доброе предзнаменование могли закончить или начать новую эру по его прихоти. Ученым приказывалось выбрать название для новой эры с особенно благоприятными предзнаменованиями из древних китайских книг, эта эра могла длиться год или пятьдесят лет. Тенчо означало «Праведность неба». Предыдущий год был годом больших приливов, когда погибло две-три тысячи человек. И каждому году было дано имя и номер — одна и та же последовательность, как и у часов дня: Заяц, Дракон, Змея, Лошадь, Козел, Обезьяна, Петух, Собака, Кабан, Крыса, Бык и Тигр. Первый год Тенчо упал на год Петуха, так это и продолжалось, и 1575 год был годом Крысы в четвертый год Тенчо.

— Много всего произошло за это время, не правда ли, старина?

— Да, господин.

— Да, возвышение и смерть Городы. Возвышение Тайко и его смерть. А теперь? — Слова отражались от стен.

— Все в руках бесконечности. — Алвито использовал слово, которое одинаково могло означать и Бога, и Будду.

— Ни господин Города, ни господин Тайко не верили ни в каких-либо богов, ни в вечность.

— Разве Будда не сказал, что есть много путей в нирвану, господин?

— О, Тсукка-сан, вы мудрый человек. Как это можно быть таким молодым и таким мудрым?

— Я искренне хочу, чтобы так и было, господин. Тогда я мог бы больше помогать.

— Вы хотели видеть меня?

— Да. Я думал, это достаточно важно, чтобы прийти без приглашения.

Алвито вынул журналы Блэксорна и положил их на пол перед ним, дав объяснение, которое предложил ему дель Аква. Он видел, как лицо Торанаги окаменело, и был рад этому.

— Доказательства его пиратства?

— Да, господин. В журналах даже есть точные слова их приказов, где говорится: «При необходимости приставать к берегу силой и заявлять свои права на любую достигнутую или открытую территорию». Если хотите, я могу сделать точный перевод всех соответствующих мест.

— Сделайте весь перевод. Быстро, — сказал Торанага.

— Там есть и еще кое-что, что отец-инспектор считает нужным сообщить вам.

Алвито рассказал Торанаге все о картах, и отчетах, и о Черном Корабле, как они договорились, и был обрадован, увидев положительную реакцию.

— Превосходно, — сказал Торанага. — Вы уверены, что Черный Корабль выйдет так рано? Абсолютно уверены?

— Да, — твердо сказал отец Алвито. — О, Боже, пусть все произойдет, как мы хотим!

— Хорошо. Скажите вашему сеньору, что я хочу прочитать его отчеты. Да. Я думаю, ему потребуется несколько месяцев, чтобы получить точные факты?

— Он сказал, что он приготовит отчеты как можно скорее. Мы пришлем вам карты, как вы хотели. Нельзя ли будет капитан-генералу побыстрее получить таможенные документы? Это будет очень ценно, если Черный Корабль придет пораньше, господин Торанага.

— Вы гарантируете, что корабль придет рано?

— Ни один человек не может гарантировать ветры и шторма в океане. Но корабль рано выйдет из Макао.

— Вы получите их до захода солнца. Что-нибудь еще? Меня не будет три дня до тех пор, пока не будет вынесено решение на Собрании регентов.

— Нет, господин. Благодарю вас. Я молюсь, чтобы вечность хранила вас, как всегда, — Алвито поклонился и ждал, когда его отпустят, но вместо этого Торанага отпустил своих охранников.

Впервые Алвито видел, чтобы даймё был без своей свиты.

— Подойдите и сядьте здесь, Тсуку-сан, — Торанага показало место на помосте около себя.

Алвито никогда раньше не приглашали на помост. Это знак доверия или приговор?

— Война приближается, — сказал Торанага.

— Да, — ответил иезуит и подумал, что война никогда не кончится.

— Христиане господина Оноши и Кийяма непонятно почему идут против моей воли.

— Я не могу отвечать ни за кого из даймё, господин.

— Ходят плохие слухи, не так ли? О них и других даймё-христианах.

— Мудрые люди всегда держат в сердце интересы империи.

— Да. Но тем временем против моей воли империя разделяется на два лагеря — мой и Ишидо. И поэтому все интересы в империи лежат по ту или другую сторону. Середины нет. Где лежат интересы христиан?

— На стороне мира. Христианство — религия, господин, а не политическая идеология.

— Ваш святой отец — глава вашей церкви здесь. Я слышал, вы заявили — вы можете говорить от имени папы.

— Нам запрещено вмешиваться в ваши политические дела, господин.

— Вы думаете, Ишидо симпатизирует вам? — голос Торанаги стал строже. — Он вообще против вашей религии. Я всегда выказывал вам свою симпатию. Ишидо хочет сразу же применить законы Тайко об изгнании и закрыть страну в целом для всех иностранцев. Я хочу расширить торговлю.

— Мы не контролируем никого из даймё-христиан.

— А как мне повлиять на них?

— Я мало что могу посоветовать вам.

— Вы знаете достаточно, старина, чтобы понять, что если Кийяма и Оноши пойдут против меня вместе с Ишидо и остальными из их компании, все остальные даймё-христиане вскоре последуют за ними, тогда против каждого моего воина встанет по двадцать человек.

— Если начнется война, я буду молиться за вашу победу.

— Мне потребуется что-то большее, чем молитвы, если против одного моего человека встанет двадцать.

— А нет способа избежать войны? Она никогда не кончится, если однажды начнется.

— Я тоже так считаю. Тогда потеряют все — и мы, и чуже-

земцы, и христианская церковь. Но если все даймё-христиане пойдут сейчас со мной — открыто, — тогда войны не будет. Амбиции Ишидо будут постоянно обуздываться. Даже если он поднимет свое знамя и восстанет, регенты могут уничтожить его, как вредителей с рисовых всходов.

Алвито чувствовал, что вокруг его шеи захлестывается петля.

— Мы здесь только для того, чтобы распространять слово Божье. А не вмешиваться в вашу политическую жизнь, господин.

— Ваш предыдущий руководитель предлагал Тайко помощь даймё-христиан Кюсю, перед тем как мы покорили эту часть империи.

— С его стороны это была ошибка. Он не имел разрешения церкви или от самих даймё.

— Он предлагал отдать Тайко корабли, португальские корабли, чтобы перевезти наши войска на Кюсю, предлагал португальских солдат с ружьями, чтобы помочь нам. Даже против Кореи и против Китая.

— Опять, господин, он делал это ошибочно, без всякого разрешения.

— Скоро каждый должен будет выбрать, Тсуку-сан. Да. Очень скоро.

Алвито физически почувствовал, что ему угрожают.

— Я всегда готов служить вам.

— Если я проиграю, вы умрете вместе со мной? Вы совершите джэнши — вы последуете за мной, или пойдете со мной на смерть, как верный слуга?

— Моя жизнь в руках Бога. И смерть тоже.

— Ах, да. Вашего христианского Бога! — Торанага слегка передвинул свои мечи. После этого он наклонился вперед. — Оноши и Кийяма перейдут на мою сторону в течение сорока дней, и Совет регентов отменит указы Тайко.

«Как далеко я могу зайти? — беспомощно спрашивал себя Алвито. — Как далеко?»

— Мы не можем влиять на них, как вы думаете.

— Может быть, ваш руководитель может приказать им. Прикажете им! Ишидо выдаст вас и их. Я знаю, почему он так сделает. Такова воля госпожи Опибы. Разве она уже не настраивает наследника против вас?

«Да», — хотел крикнуть Алвито. Но Оноши и Кийяма тайно получили клятвенное обязательство Ишидо в письменном виде, назначающее их воспитателями наследника, один из них

будет христианин. И Оноши, и Кийяма поклялись священной клятвой, что они убеждены, что вы предадите церковь, сразу как только уничтожите Ишидо.

— Отец-инспектор не может приказать им, господин. Это было бы непростительным вмешательством в ваши политические дела.

— Оноши и Кийяма придут через сорок дней, указы Тайко аннулируются и больше никаких грязных священников. Регенты запретят им появляться в Японии.

— Что?

— Только вы и ваши священники. Никого больше — воюющих, попрошайничающих в черных одеждах — босоногих волосатиков! Тех, которые выкрикивают глупые угрозы и ничего не делают, кроме явных несчастий. Вы сможете иметь все их головы — если захотите — всех тех, кто здесь.

Все существо Алвито кричало об осторожности. Никогда Торанага не говорил так открыто. Один неверный шаг — и ты обидишь его и сделаешь его навсегда врагом церкви.

Подумать только, что предлагает Торанага! Исключительное право для церкви по всей империи! Единственная вещь, которая гарантирует чистоту церкви и ее безопасность, пока она набирает силу. Единственная вещь, которая не имеет цены. Единственная вещь, которой никто не может дать — даже папа! Никто — за исключением Торанаги. При открытой поддержке Кийямы и Оноши Торанага мог разгромить Ишидо и управлять Советом регентов.

Отец Алвито никогда не думал, что Торанага может быть таким откровенным. Или предложить так много. Могли ли Оноши и Кийяма перекинуться обратно? Эти двое ненавидели друг друга. По причинам, которые знали только они, они объединились против Торанаги. Почему? Что заставит их предать Ишидо?

— Я недостаточно подготовлен, чтобы ответить на ваш вопрос, господин, или говорить о таких вещах, не правда ли? Я только говорю, что наша цель — спасать души, — сказал он.

— Я слышал, мой сын Нага заинтересовался вашей христианской верой.

«Угрожает ли Торанага или предлагает? — спросил себя Алвито. — Если он предлагает разрешить Наге принять их веру, — что за удачный это был бы ход; или он говорит: «Если мы не будем сотрудничать, я прикажу ему прекратить?»»

— Господин, ваш сын один из многих благородных людей, которые обращаются к религии.

Алвито внезапно понял всю огромность дилеммы, которую поставил перед ним Торанага. «Он пойман в ловушку — он манипулирует нами», — подумал он радостно. Он должен попытаться! «Что бы мы ни захотели, он должен дать нам, если мы хотим манипулировать им. Наконец, он открыто признал, что даймё-христиане удерживают равновесие власти! Все, что мы захотим! Что еще нам надо? Ничего, за исключением...»

Он умышленно опустил свои глаза на журналы, которые он положил перед Торанагой. Он видел, как его рука протянулась и надежно упрятала их в рукав кимоно.

— Ах да, Тсукку-сан, — сказал Торанага, его голос был мрачным и усталым. — Там новый чужеземец — пират. Враг вашей страны. Они скоро приплывут сюда, в большом количестве, не так ли? Они могут быть приняты хорошо — или же плохо. Как этот пират. Правда?

Отец Алвито понял, что они имели все. Попросить, что ли, голову на серебряном блюде, как голову Иоанна Крестителя, чтобы скрепить эту сделку? Или попросить разрешения построить собор в Эдо или в Осацком замке? В первый раз в своей жизни он чувствовал себя барахтающимся, не способным управлять собой при достижении власти.

«Мы не хотим больше того, что предложено! Я хочу, чтобы я мог сейчас же заключить сделку! Если бы это зависело только от меня одного, я бы рискнул. Я знаю Торанагу, и я бы поставил на него. Я бы согласился попытаться и поклялся бы священной клятвой. Да, я бы казнил Оноши или Кийяму, если бы они не согласились, чтобы выиграть это преимущество для матери-церкви. Две души против десятков тысяч, сотен тысяч, миллионов. Это честно! Я бы сказал — да, да, да, во славу Господа Бога. Но я не могу ничего решить, как вы знаете, я только посланец, и часть моего сообщения...»

— Мне нужна помощь, Тсукку-сан. Она нужна мне теперь.

— Все, что я могу сделать, я сделаю, Торанага-сама. Я вам обещаю.

Тогда Торанага сказал окончательно:

— Я буду ждать сорок дней. Да. Сорок дней.

Алвито поклонился. Он заметил, что Торанага в ответ поклонился ниже и более официально, чем раньше, почти как если бы он кланялся самому Тайко. Священник встал покачиваясь, вышел из комнаты, в коридоре его шаг стал быстрее. Он торопился.

Торанага наблюдал за иезуитом из амбразуры, видел, как он

далеко внизу пересек сад. Край седзи опять приоткрылся, но он обругал самурая и приказал страже под страхом смерти оставить его одного. Его глаза напряженно следили за Алвито через крепостные ворота, во дворе и так до тех пор, пока священник не затерялся в лабиринте зданий в замке.

Затем, в уединенной тишине, Торанага начал улыбаться. Потом он подобрал свое кимоно и начал танцевать. Это был матросский танец, которому его научил Блэксорн.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Сразу же после наступления сумерек Кири, тяжело переваливаясь, спустилась по ступенькам, сопровождаемая двумя служанками. Она направилась к носилкам с зашторенными окошками, стоявшим около садового домика. Большой плащ закрывал ее дорожное кимоно и делал ее еще более толстой, огромная, с широкими полями шляпа была завязана под подбородком.

Госпожа Сазуко терпеливо ждала ее на веранде, она была заметно беременна, Марико стояла около нее. Блэксорн прислонился к стене у крепостных ворот. На нем было коричневое кимоно с поясом, носки таби и военная обувь. На переднем дворе, за воротами, плотным строем стоял эскорт из шестидесяти хорошо вооруженных самураев, каждый третий был с факелом. Перед этими солдатами Ябу разговаривал с Бунтаро, мужем Марико, — низеньким, толстым мужчиной, почти не имевшим шеи. Оба были в кольчугах с луками и колчанами через плечо, а Бунтаро надел еще рогатый стальной военный шлем. Носильщики паланкина и грузовые носильщики в полной тишине терпеливо сидели на корточках около многочисленного багажа.

Слабый бриз принес обещание лета, но, кроме Блэксорна, этого никто не заметил, и даже он ощущал напряжение, охватившее их всех. Он к тому же остро ощущал, что он единственный был без оружия.

Кири взобралась на веранду.

— Вам не следует ждать на холоде, Сазуко-сан. Вы можете

простудиться! Сейчас необходимо помнить о ребенке. Эти весенние вечера все еще полны сырости.

— Мне не холодно, Кири-сан. Вечер приятный, для меня это только удовольствие.

— Все нормально?

— О, да. Все в порядке.

— Я бы не хотела уезжать. Я ненавижу отъезды.

— Нет нужды беспокоиться, — сказала Марико успокаивающе, присоединяясь к ним. На ней была простая шляпа с широкими полями, но они были более яркие там, где у Кири они были темные. — Радуйтесь, что возвращаетесь в Эдо. Наш господин через несколько дней последует за нами.

— Кто знает, что будет завтра, Марико-сан?

— Все будущее в руках Бога.

— Завтра будет приятный день, и если нет, то нет! — сказала Сазуко. — Кто думает о завтра? Сегодня хорошо. Вы красивы, и нам будет не хватать вас, Кири-сан, и вас, Марико-сан! — Она глянула в сторону ворот, отвлеченная тем, что Бунтаро сердито кричал на одного из самураев, который уронил факел.

Ябу, старший над Бунтаро, номинально был командиром. Он увидел, что пришла Кири, и простествовал обратно через ворота. Бунтаро шел с ним.

— О, господин Ябу, господин Бунтаро, — сказала Кири с суетливым поклоном. — Извините, что заставила вас ждать. Господин Торанага собирался спуститься, но потом решил не ходить. «Вы можете ехать», — сказал он. Пожалуйста, извините, меня.

— Не стоит извиняться. — Ябу хотел покинуть замок как можно скорее. Покинуть Осаку и вернуться в Изу. Он все еще с трудом верил, что уезжает живым, с чужеземцем, с ружьями, со всем остальным. Он послал срочные послания голубиной почтой своей жене в Эдо, чтобы быть уверенным, что все будет приготовлено в Мишиме, его столице, и Оми — в деревню Анджино. — Вы готовы?

В глазах Кири заблестели слезы.

— Только дайте мне перевести дух, и я спущусь к носилкам. О, я хочу, чтобы мне можно было не уезжать! — Она огляделась кругом, ища Блэксорна, и наконец увидела его в тени. — Кто отвечает за Анджин-сана? Пока мы не погрузимся на корабль?

Бунтаро раздраженно сказал:

— Я приказал ему идти около носилок моей жены. Если она не сможет с ним управиться, то я смогу.

— Может быть, господин Ябу, вам следовало бы сопроводить госпожу Сазуко?

— Стража!

Предупреждающий крик раздался с переднего двора. Бунтаро и Ябу поспешили через крепостную дверь, тогда как все мужчины толпой кинулись за ними, остальные кинулись из внутренних помещений.

Ишидо спускался по проходу между стенами замка во главе двухсот самураев в серой форме. Он остановился на переднем дворе перед воротами, и, хотя никто с той или другой стороны не проявлял враждебности и ни у кого не было в руках меча или лука со стрелами, все были готовы к бою.

Ишидо поклонился с большим искусством.

— Прекрасный вечер, господин Ябу.

— Да, действительно.

Ишидо небрежно кивнул Бунтаро, который также был небрежен, отвечая с минимально допустимой вежливостью. Оба были любимыми генералами у Тайко. Бунтаро командовал одним из полков в Корее, когда Ишидо был главнокомандующим. Каждый обвинял другого в измене. Только личное вмешательство Тайко предотвратило кровопролитие и кровную месть.

Ишидо рассматривал коричневых. Потом его глаза обнаружили Блэксорна. Он заметил, что человек полупоклонился, и кивнул в ответ. Сквозь ворота он мог видеть трех женщин и еще одни носилки. Его глаза опять остановились на Ябу.

— Кажется, что вы собрались на бой, Ябу-сан, а не просто в почетный эскорт госпожи Киритсубо.

— Хиро-Мацу отдал приказы из-за убийства Амиды...

Ябу остановился, так как Бунтаро воинственно протопал вперед и стал своими огромными ногами в центре ворот.

— Мы всегда готовы к битве, с оружием или без него. Мы можем стоять против любых десяти в одиночку и против пятидесяти поедающих чеснок. Мы никогда не поворачиваемся спиной и не бегаем, как сопливые трусы, оставляя наших товарищей на погибель!

Улыбка Ишидо была наполнена презрением, его голос звучал раздраженно.

— Да? Может быть, ты скоро будешь иметь возможность — встать против настоящего мужчины, а не этих поедающих чеснок!

— Как скоро? Почему не сегодня вечером? Почему не здесь? Ябу осторожно встал между ними. Он тоже был в Корее и

знал, что правда была на стороне обоих и что никому нельзя было доверять, Бунтаро еще меньше, чем Ишидо.

— Не сегодня, потому что мы среди друзей, Бунтаро-сан, — сказал он умиротворяюще, отчаянно желая избежать схватки, которая бы навсегда заперла их в этом замке. — Мы среди друзей, Бунтаро-сан.

— Каких друзей? Я знаю друзей — и я знаю врагов! — Бунтаро повернулся обратно к Ишидо. — Где мужчина — тот настоящий мужчина, о котором вы говорили, Ишидо-сан? А? Или просто мужчина? Дайте мне его — пусть они все выползают из своих нор и становятся передо мной — Тогда Бунтаро, господином Сакуры, — если кто-нибудь из них имеет мужество!

Все приготовились.

Ишидо зло оглянулся назад.

Ябу сказал:

— Сейчас не время, Бунтаро-сан. Друзья или вра...

— Друзья? Где? В этой навозной куче? — Бунтаро плюнул в пыль.

Рука одного из людей в серой форме метнулась к рукоятке меча, десять коричневых сделали то же, пятьдесят серых задержались только на долю секунды, и теперь все они ждали, когда меч Ишидо подаст сигнал к атаке.

В это время из тени сада вышел Хиро-Мацу, прошел через ворота в передний двор, свой боевой меч он держал в руках, наполовину вынув из ножен.

— Друзей можно найти и в навозе, сын мой, — сказал он спокойно. Руки выпустили рукоятки мечей. Самураи на противоположных стенах — серые и коричневые — ослабили натяжение тетивы. — Мы имеем друзей во всем этом замке. Во всей Осаке. Наш господин Торанага все время говорит нам об этом. — Он стоял как скала перед своим единственным оставшимся в живых сыном, видел жажду крови в его глазах. В тот момент, когда был замечен подходящий Ишидо, Хиро-Мацу занял боевую позицию у внутренних ворот. Потом, когда миновала первая опасность, он со спокойствием кошки отошел в тень. Теперь он смотрел в глаза Бунтаро. — Разве это не так, сын мой?

С огромным усилием Бунтаро кивнул и отступил на шаг. Но он все еще закрывал путь в сад.

Хиро-Мацу обратил свое внимание на Ишидо.

— Мы не ожидали вас сегодня вечером, Ишидо-сан.

— Я пришел засвидетельствовать свое почтение госпоже Киритсубо. Мне не сообщали до последних минут, что кто-то уезжает.

— Мой сын прав. Нам следовало поинтересоваться, среди друзей ли мы? Или мы заложники, которые должны просить о милости?

— Нет. Но господин Торанага и я согласовали протокол на время его визита. Должно быть дано уведомление за день о прибытии и отъезде высоких гостей, чтобы я мог засвидетельствовать соответствующие чувства.

— Решение господина Торанаги было внезапным. Он не считал, что отправка одной из его женщин в Эдо — достаточно важное дело, чтобы докучать вам, — ответил Хиро-Мацу. — Да, господин Торанага только готовится к своему отъезду.

— Это решено?

— Да. В день, когда будет принято решение на встрече регентов. Вы будете информированы о точном времени согласно протоколу.

— Хорошо. Конечно, встреча может быть опять отложена. Господину Кийяме становится даже хуже.

— Отложена? Или не состоится?

— Я только упомянул о том, что это может быть. Мы надемся иметь удовольствие видеть господина Торанагу долгое время, не так ли? Он поедет со мной завтра на охоту?

— Я потребовал, чтобы он отменил все охоты до собрания. Я не считаю это безопасным. Я не считаю, что какое-либо из этих мест дальше можно считать надежным. Если грязный убийца так легко может пройти через кордон ваших часовых, как легко измена может настичь нас за его стенами?

Ишидо пропустил это оскорбление. Он знал это, и оскорбления еще больше разгорячили его людей, но это ему еще не было нужно. Он был рад вмешательству Хиро-Мацу, так как сам он почти потерял контроль над собою. Мысль о голове Бунтаро в пыли, о его раздробленных зубах захватила его.

— Как вы хорошо знаете, все командовавшие охраной в ту ночь уже отправились в Великую Пустоту. К несчастью, члены секты Амиды имеют свои законы. Но они скоро будут уничтожены. Регентов будут просить разделиться с ними раз и навсегда. Теперь, может быть, я могу высказать свои чувства Киритсубо-сан?

Ишидо вышел вперед. Его личные телохранители в серой форме шли за ним. Они все вздрогнули и остановились. Бунтаро держал стрелу наготове, и хотя она была направлена в землю, лук был натянут до предела.

— Серым запрещено проходить через эти ворота. Это согласовано в протоколе!

— Я управляющий Осацким замком и командир охраны наследника! У меня есть право ходить куда угодно!

Хиро-Мацу еще раз овладел ситуацией.

— Верно, вы командир охраны наследника и вы имеете право ходить куда вам захочется. Но через эти ворота с вами может пройти только пять человек сопровождения. Разве это не согласовано с вами и моим хозяином на время его пребывания здесь?

— Пять или пятьдесят, не имеет значения! Это оскорбление...

— Оскорбление? Мой сын не имел в виду оскорбить вас. Он следует приказам, согласованным его сеньором и вами. Пять человек. Пять! — Слово было приказом, и Хиро-Мацу, повернувшись спиной к Ишидо, посмотрел на своего сына. — Господин Ишидо оказывает нам честь, желая выказать свое уважение госпоже Киритсубо.

Меч старика был на два дюйма выпнут из ножен, и никто не знал, обрушится ли он на Ишидо, если начнется схватка, или на голову его сына, если он направит стрелу. Все знали, что между отцом и сыном не было никакой показухи, только взаимное уважение к злобному характеру друг друга.

— Ну, мой сын, что ты скажешь командиру охраны наследника?

Пот стекал по лицу Бунтаро. Через мгновение он сделал шаг в сторону и ослабил натяжение лука, но держал его наготове.

Много раз Ишидо видел Бунтаро в списке соревнующихся в стрельбе из лука. В двухстах шагах от цели он выпускал стрелу и, пока она летела до цели, — следующие пять. Все они попадали в одну точку. Он был бы счастлив приказать атаковать и уничтожить и этих двух, отца и сына, и остальных. Но он знал, что будет актом глупости начать с них, а не с Торанаги и в любом случае может быть, что, когда начнется настоящая война, удастся соблазнить Хиро-Мацу покинуть Торанагу и воевать вместе с ним. Госпожа Ошиба сказала, что она найдет подход к старому Железному Кулаку, когда наступит время. Она клялась, что он никогда не оставит наследника, что она склонит к себе Железного Кулака, отвратит его от Торанаги, может быть, даже устроит так, что он убьет своего хозяина и таким образом избежит конфликта. «Какая тайна, что именно, какие сведения позволяли ей думать, что она одержит верх над ним?» — снова и снова спрашивал себя Ишидо. Он приказал госпоже Ошибе уехать из Эдо, если это удастся, до встречи регентов. Ее жизнь не будет стоить зерна риса после отставки Торанаги, на которую

согласились все остальные регенты. Отставка и немедленно сеппука, насильственно, если будет нужно. Если она спасется, хорошо. Если нет, неважно. Наследник будет править через восемь лет.

Он вошел через ворота в сад, Хиро-Мацу и Ябу сопровождали его. За ними шли пятеро охранников. Он вежливо поклонился и пожелал счастья Киритсубо. Затем, удовлетворенный, что все идет как надо, повернулся и ушел со своими людьми.

Хиро-Мацу облегченно вздохнул.

— Теперь вам лучше трогаться, Ябу-сан. Этот рисовый червяк больше не причинит нам беспокойства.

— Да. Сразу же.

Кири вытирала платком пот с бровей.

— Это дьявольский кам! Я боюсь за нашего хозяина. — У нее потекли слезы. — Я не хочу уезжать!

— Господину Торанаге ничего не повредит, я обещаю вам, госпожа, — сказал Хиро-Мацу. — Вы должны ехать. Сейчас!

Кири попыталась подавить свои рыдания и распустила плотную вуаль, которая свисала с полей ее широкой шляпы.

— О, Ябу-сама, вы будете сопровождать госпожу Сазуко в замок? Пожалуйста!

— Конечно.

Госпожа Сазуко поклонилась и торопливо ушла. Ябу пошел за ней. Женщина побежала вверх по ступеням. Она уже почти поднялась наверх, поскользнулась и упала.

— Ребенок! — крикнула Кири. — Она не пострадала?

Все глаза устремились на распростертую на земле женщину. Марики кинулась к ней, но первым к ней подскочил Ябу. Он поднял ее. Сазуко была больше напугана, но не ушиблась.

— Со мной все в порядке, — сказала она, немного задыхаясь. — Не беспокойтесь, со мной совершенно все в порядке. Это было так глупо с моей стороны.

Убедившись, что она не пострадала, Ябу вернулся на передний двор, готовясь к немедленному отправлению.

Марики вернулась к воротам, очень обрадованная. Блэксорн скучал в саду.

— Что здесь? — спросила она.

— Ничего, — ответил он после паузы. — Что там кричала госпожа Киритсубо?

— Ребенок! Она не пострадала. Госпожа Сазуко беременна, — объяснила она. — Мы все боялись, что падение может повредить ей.

— Ребенок Торанаги-сама?

— Да, — сказала Марики, оглядываясь на носилки.

Кири сидела внутри за прозрачными занавесками, вуаль на ней была опущена. «Бедная женщина, — подумала Марики, зная, что она только пытается скрыть свои слезы. — Я бы так же была напугана, если бы расставалась со своим господином, будь я на ее месте».

Ее глаза обратились к Сазуко, которая еще раз махнула им с верхней ступеньки, а потом вошла внутрь. Железная дверь лязгнула за ней. «Это звучит как похоронный звон, — подумала Марики. — Увидим ли мы их снова?»

— Что хотел Иппидо? — спросил Блэксорн.

— Он был — я не знаю точного слова. Он осматривал — проводил инспекцию без предупреждения.

— Почему?

— Он комендант замка, — сказала она, не желая упоминать настоящую причину.

Ябу выкрикивал команды в голове колонны, и она тронулась. Марики вошла в свой паланкин, оставив занавески полуоткрытыми. Бунтаро знаками показал Блэксорну, чтобы он шел сбоку. Тот повиновался.

Все ждали, когда пройдет паланкин Кири. Блэксорн смотрел на еле видную закутанную фигуру, слышал сдавленные рыдания. Сбоку шли две испуганные служанки, Аза и Соно. Потом он оглянулся в последний раз. Хиро-Мацу стоял один у маленького садового домика, опираясь на свой меч. Теперь садик был скрыт от его глаз, так как самураи закрыли огромные крепостные ворота. Большой деревянный брус лег на свое место. Охраны на переднем дворе не было. Все стояли на зубчатой стене.

— Что происходит? — спросил Блэксорн.

— Простите, что вы сказали, Анджин-сан?

— Это выглядит так, как будто мы под наблюдением. Кориичевые против серых. Ожидаются какие-то неприятности? Большие неприятности?

— О, извините. Это обычное дело — закрывать двери на ночь, — сказала Марики.

Он пошел рядом с ней, когда ее паланкин тронулся, Бунтаро и остаток арьергарда заняли свое место сзади него. Блэксорн следил за паланкином впереди, колеблющейся походкой носильщиков и туманной фигурой за занавесками. Он чувствовал себя очень тревожно, хотя и пытался успокоиться. Когда Киритсубо внезапно вскрикнула, он на мгновение посмотрел на нее. Все смотрели на лежащую на лестнице женщину. Он тоже хотел

взглянуть туда же, но увидел, что Киритсубо внезапно бросилась в маленький домик. На мгновение он подумал, что ему изменяют глаза, так как ночью ее темный плащ и темное кимоно, шляпка и темная вуаль делали ее почти невидимой. Он видел, как фигура на мгновение исчезла, потом появилась снова, кинулась в паланкин — и там рывком задернули шторы. На мгновение их глаза встретились. Это был Торанага.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Маленький кортеж, окружающий два паланкина, медленно двигался через лабиринт замка и бесконечные проверки. Каждый раз были формальные поклоны, документы дотошно проверялись заново, новый командир и группа сопровождающих серых проходили и пропускали их. На каждом посту Блэксорн следил с растущим дурным предчувствием, как капитан охраны подходит по-

ближе, чтобы внимательно рассмотреть через задернутые занавески паланкина Киритсубо. Каждый раз человек кланялся еле видимой фигуре, слушал сдавленные рыдания и через какое-то время давал знак, чтобы они проходили.

«Кто еще знает? — отчаянно спрашивал себя Блэксорн. — Служанки должны знать — это подтверждается тем, что они очень напуганы. Хиро-Мацу, конечно, должен знать, госпожа Сазуко, отвлекающая всех, абсолютно наверняка. Марико? Не думаю. Может ли ему доверять Торанага? Этот короткошеий маньяк Бунтаро? Видимо, нет.

Очевидно, это очень засекреченная попытка тайного бегства. Но зачем Торанаге рисковать своей жизнью за пределами замка? Разве не безопасней внутри? Почему такая секретность? От кого он бежит? От Ишидо? Убийца? Или от кого-то еще в замке? Возможно, от всех них, — подумал Блэксорн, желая, чтобы они безопасно добрались до галеры и вышли в море. — Если Торанагу обнаружат, дело будет совсем плохо, бой будет идти смертельный, и пощады просить и давать не будут. Я безоружен, и, даже если бы я имел пару пистолетов или двадцать

орудий и сотню отчаянных ребят, серые бы смяли нас. Мне некуда бежать и негде спрятаться. Ты вляпался в дерьмо!»

— Вы устали, Анджин-сан? — участливо спросила Марико. — Если вы устали, я пойду пешком, а вы можете проехаться в паланкине.

— Спасибо, — ответил он угрюмо, ему не хватало его сапог, ременные шлепанцы все еще были непривычны. — С ногами у меня все в порядке. Я просто хотел, чтобы мы уже были в безопасности, на море, только и всего.

— А в море безопасно?

— Иногда, сеньора. Нечасто. — Блэксорн едва слышал ее. Он думал: «Боже мой, надеюсь, я не дам Торанаге уйти. Это было бы ужасно! Насколько проще было бы, если бы я не видел его. Мне не повезло, это один из тех несчастных случаев, когда можно разрушить хорошо подготовленный план. Старуха Киритсубо хорошая актриса, и эта молодая тоже. Только потому, что я не понял, что она кричала, я не поддался на эту уловку. Очень не повезло, что я так ясно увидел Торанагу — в парике, накрашенного, в кимоно и плаще, как у Киритсубо, но тем не менее Торанагу».

На следующем пункте проверки капитан серых подошел ближе, чем раньше, служанки кланялись со слезами и стояли на дороге, не собираясь уступить, как будто просто остановились. Капитан всмотрелся в Блэксорна и отошел. После внимательного рассматривания он заговорил с Марико, которая покачала головой и что-то ответила. Мужчина что-то буркнул и вернулся к Ябу, отдал документы и махнул рукой в знак того, что процессия может двигаться дальше.

— Что он сказал? — спросил Блэксорн.

— Он интересовался, откуда мы, где наш дом.

— Но вы покачали головой. Что же вы ответили?

— О, извините, он сказал — он спросил, не были ли отдаленные предки ваших людей связаны с kami — духом, который живет на севере, на окраинах Китая. До недавнего времени мы думали, что Китай был только еще одной цивилизованной страной на свете, за исключением Японии. Китай такой большой, что он сам похож на целый мир, — сказала она и закрыла на этом тему. На самом деле капитан спросил ее, не думает ли она, что этот чужеземец был потомком Харимвакари, kami, который присматривает за кошками, добавив, что он воняет, как хорека в течке, как, по его предположению, должен вонять kami.

Она ответила, что она так не думает, внутренне стыдясь грубости капитана, так как Анджин-сан не имел запаха, характер-

ного для Тсуку-сана, отца-инспектора или других варваров. Его запах теперь был почти незаметен.

Блэксорн знал, что она не сказала ему правды. «Я бы хотел разговаривать на их тарабарском языке, — подумал он. — Я бы хотел убраться с этого проклятого острова, назад на «Эразмус», с нормальной командой и большим запасом пищи, грога, пороха, зарядов, продать товары и плыть опять домой. Когда это будет? Торанага сказал, скоро. Можно ли ему доверять? Как он доставил корабль в Эдо? На буксире? Или его привел португалец? Хотел бы я знать как португалец, не загноилась ли у него нога? Хотелось бы знать, собирается ли он жить с двумя ногами или одной, если его не доконает ампутация, или он близок к смерти. Боже мой, защити меня от ран и докторов. И от священников».

Еще одна проверка. Блэксорн не мог никак понять, как они все могут оставаться такими вежливыми и терпеливыми, все время кланяться, и позволять брать документы, и получать их обратно, всегда улыбаться без признаков раздражения с чьей-либо стороны. Они так отличаются от нас.

Он взглянул в лицо Марико, частично скрытое вуалью и широкой шляпой. Он подумал, что она выглядит очень хорошенькой и он рад, что так вышел из себя из-за ее ошибки. «По крайней мере, я больше не буду иметь дела с этим вздором, — сказал он себе. — Вот кровавые мерзавцы!»

После того как он принял утром ее извинения, он стал спрашивать ее об Эдо и японских обычаях, об Ишидо и о замке. Темы секса он избегал. Она отвечала подробно, но избегала каких-либо политических объяснений, — ее ответы были информативны, но безобидны. Скоро она и служанки ушли, чтобы подготовиться к отъезду, и он остался один с самураями на страже.

Его раздражало такое количество людей вокруг. «Все время кто-нибудь около тебя, — подумал он. — Их слишком много. Они похожи на муравьев. Мне хотелось бы для контраста покоя за закрытой дубовой дверью, причем запор с моей стороны, а не с их. Я не могу дождаться, когда попаду на борт, потом на воздух, потом на море, даже на эту выматывающую всю душу галеру, похожую на брюхо свиньи».

Сейчас, когда он шел через Осацкий замок, он понял, что увидит Торанагу на своей территории, в море, где он сам был на коне. «У нас будет достаточно времени поговорить, Марико будет переводить, и я все устрою. Торговые соглашения, корабль, возвращение нашего серебра, цены, если он захочет купить мушкеты и порох. Я составлю соглашение о возвращении на

следующий год с полным грузом шелка. Ужасная история произошла с Доминго, но я использую его информацию для добрых дел. Я возьму «Эразмус» и поплыву к реке Перл в Кантоне и прорву португальскую и китайскую блокаду. Верните мне мой корабль, и я разбогатею! Стану богаче, чем Дрейк! Когда я вернусь домой, я позову всех морских волков от Плимута до Зейдер-Зее, и мы возьмем в свои руки торговлю со всей Азией. Там, где Дрейк только подпалил Филиппу бороду, я отрежу ему яйца. Без шелка Макао погибнет. Без Макао умрет Малакка, затем Гоа! Мы можем свернуть Португальскую империю, как ковер. «Вы хотите торговать с Индией, ваше величество? Азией? Африкой? Японией? Так вы можете получить их через пять лет!»

«Входите, сэр Джон!»

Да, рыцарский титул легко достижим, наконец. И, может быть, даже больше. Капитаны и мореплаватели становятся адмиралами, рыцарями, лордами, даже графами. Единственный путь для англичанина, человека из народа, к безопасности, истинной безопасности положения в королевстве — это через милость королевы, через служение ей. И путь к ее расположению был один — привезти ей сокровища, помочь заплатить за войну против вонючей Испании и этого негодая папы».

«За три года я совершу три путешествия, — мечтал Блэксорн. — О, я теперь знаю о муссонах и штормах, но «Эразмус» пойдет в крутой бейдевинд, и мы возьмем меньше груза. Минуточку... а почему не сделать это все как следует и забыть о небольшом грузе? Почему не захватить Черный Корабль этого года? Тогда у нас будет все!

Как?

Легко — если он не имеет эскорта и мы захватим его неожиданно. Но у меня мало народу. Подожди-ка, в Нагасаки есть моряки! Разве не там все португальцы? Разве Доминго не говорил, что Нагасаки почти как португальский порт? Родригес говорил то же самое! Разве на их кораблях нет моряков, которых вынудили или силой заставили пойти в рейс, которые всегда готовы сбежать с корабля для того, чтобы быстро получить прибыль, независимо от того, с каким капитаном и под каким флагом? Имея наше серебро, я смогу нанять команду. Уверен, что смогу. Мне не нужны три года. Достаточно будет и двух. Еще два года со своим судном и командой, потом домой. Я буду богат и знаменит. И мы расстанемся, море и я, наконец. Навсегда.

Главное — Торанага. Как вести себя с ним?»

Они прошли еще один пункт проверки и повернули за угол.

Впереди была последняя решетка и соответственно последние ворота замка, а за ними последний подъемный мост и последний ров с водой. В дальнем конце была боевая башня. Многочисленные факелы превращали ночь в день, но с красным освещением.

Тут из тени выступил Ишидо.

Коричневые увидели его почти в тот же самый момент. Их захлестнула враждебность. Бунтаро почти прыгнул на Блэксорна, пробираясь ближе к голове колонны.

— Этот негодяй накличет беду, — сказал Блэксорн.

— Да, сеньор? Извините, вы что-то сказали?

— Я сказал только, что Ишидо, кажется, злит вашего мужа, очень злит.

Она не ответила.

Ябу остановился. С безразличным видом он протянул пропуск капитану у ворот и обратил внимание на Ишидо.

— Я не ожидал снова увидеть вас. Ваша охрана очень строга.

— Спасибо, — сказал Ишидо, следя за Бунтаро и закрытым паланкином за ним.

— Достаточно было один раз проверить наши документы, — сказал Бунтаро, его оружие зловеще звякало. — Самое большое дважды. Что мы — военный отряд? Это оскорбительно.

— Ничего оскорбительного, Бунтаро-сан. Из-за того покушения я приказал усилить охрану. — Ишидо мельком взглянул на Блэксорна и задумался в очередной раз, отпустить ли его или задержать, как того хотели Оноши и Кийяма. Потом он снова посмотрел на Бунтаро. «Пададь, — подумал он. — Скоро твоя голова будет висеть на колу. Как могла такая прелестная женщина, как Марико, выйти замуж за обезьяну вроде тебя?»

Новый капитан скрупулезно проверял каждого, убеждаясь, что все соответствуют списку.

— Все в порядке, Ябу-сама, — сказал он, когда вернулся к началу колонны. — Пропуск вам больше не нужен. Мы оставили его у себя.

— Хорошо, — сказал Ябу и повернулся к Ишидо. — Мы скоро встретимся.

Ишидо вынул из рукава свиток пергамента.

— Я хотел спросить госпожу Киритсубо, не возьмет ли она это с собой в Эдо. Для моей племянницы. Видимо, я не скоро попаду в Эдо.

— Конечно, — Ябу протянул руку.

— Не беспокойтесь, Ябу-сан. Я спрошу ее. — Ишидо направился в сторону паланкина.

Служанки подобострастно перехватили его. Аза протянула руку.

— Могу я взять ваше послание, господин. Моя хо...

— Нет.

К удивлению Ишидо и всех вокруг, девушки не уступили ему дорогу.

— Но моя хозяй...

— Отойдите! — прорычал Бунтаро.

Обе служанки отступили с рабской покорностью, очень испуганные.

Ишидо наклонился к занавескам.

— Киритсубо-сан, я хотел бы знать, не будете ли вы так добры передать мое письмо в Эдо? Моей племяннице?

Между рыданиями почувствовалось легкое замешательство, и фигура утвердительно кивнула.

— Спасибо. — Ишидо протянул тонкий свиток пергамента к занавеске.

Рыдания прекратились. Блэксорн понял, что Торанага в ловушке. Вежливость требовала, чтобы Торанага взял свиток, и ему нужно было протянуть руку.

Все ждали, когда появится рука.

— Киритсубо-сан?

Рука все еще не показывалась. Тогда Ишидо сделал быстрый шаг вперед, отдернул в сторону занавеску, и в то же самое мгновение Блэксорн подскочил и начал прыгать вверх-вниз, как сумасшедший. Ишидо и остальные повернулись к нему, ошарашенные.

В какой-то момент Торанага был хорошо виден за спиной у Ишидо. Блэксорн подумал, что Торанага еще может сойти за Киритсубо в двадцати шагах, но здесь, в пяти, это невозможно, даже если лицо и скрыто вуалью. И в ту бесконечную секунду, когда Торанага еще не задернул занавеску, Блэксорн понял, что Ябу узнал его, Марико — наверняка, возможно, и Бунтаро и, вероятно, кое-кто из самураев. Он бросился вперед, схватил свиток и втиснул его через щель в занавесках, после чего повернулся, бормоча:

— В моей стране считается плохой приметой для принца самому отдавать послания, как обычному простолыдину... плохая примета...

Все это случилось так неожиданно и быстро, что Ишидо не успел вытащить меч, а Блэксорн уже кланялся и буйствовал перед ним, как сумасшедший чертик из ящика; тут Ишидо среагировал и взмахнул мечом, целясь в горло.

Отчаянные глаза Блэксорна нашли Марику.

— Ради Бога, помогите, плохая примета... плохая примета!

Она вскрикнула. Лезвие меча остановилось на волосок от шеи. Марику кинулась объяснять, о чем говорит Блэксорн. Ишидо опустил меч, секунду вслушивался, разбираясь в ее яростной скороговорке, потом закричал с нарастающей злобой и ударил Блэксорна в лицо тыльной поверхностью руки.

Блэксорн пришел в неистовство. Он поднял свои громадные кулаки и бросился на Ишидо.

Если бы Ябу не был так быстр, что успел схватить Ишидо за руку с мечом, голова Блэксорна уже катилась бы в пыли. Бунтаро, долей секунды позже, схватил Блэксорна, который уже протягивал руки к горлу Ишидо. Потребовалось четверо коричневых самураев, чтобы оттащить его от Ишидо, после чего Бунтаро оглушил его, стукнув сзади по шее. Серые бросились на защиту своего хозяина, но коричневые уже окружили Блэксорна и паланкины и через минуту все отступили; Марику и служанки умышленно вопили и причитали, помогая создать еще больший хаос и неразбериху.

Ябу начал умиротворять Ишидо, Марику со слезами повторяла снова и снова в сильной полуистерике, что сумасшедший чужеземец считает, что он только пытался спасти великого полководца, которого он принял за принца, от плохого ками.

— И у них, совсем как у нас, считается самым страшным оскорблением трогать их лица, это и привело его моментально в такое бешенство. Он ничего не понимающий чужеземец, но он даймё в своей стране, и он только пытался помочь вам, господин!

Ишидо выругался и ударил ногой Блэксорна, который только еще приходил в себя. Блэксорн с большим удовлетворением слушал весь этот гвалт. Глаза его прояснились. Серые окружали их, по двадцать человек на одного, мечи были обнажены, но пока никто не погиб и все дисциплинированно ждали приказа.

Блэксорн заметил, что все внимание сфокусировалось на нем. Но теперь он знал, что у него есть союзники.

Ишидо опять повернулся к нему и подошел ближе, что-то крича. Он чувствовал, что коричневые крепче уцепились за него, и знал, что сейчас его ударят, но на этот раз, вместо того, чтобы попытаться освободиться от их рук, как они этого ожидали, он стал падать, потом внезапно выпрямился, вырвался, безумно смеясь, и начал петь, изображая вольнку, и плясать

свой матросский танец. Монах Доминго сказал ему, что в Японии все верят, что сумасшествие вызвано только ками и таким образом сумасшедшие, как все дети и старики, не отвечают за себя и имеют иногда особые привилегии. Поэтому он скакал как безумный, иногда напевая так, чтобы его поняла Марику: «Помогите... Мне нужна помощь, ради Бога... я долго не могу...» — отчаянно изображая сумасшедшего, зная, что это единственный способ спастись.

— Он сумасшедший, он одержимый! — крикнула Марику, сразу поняв игру Блэксорна.

— Да, — сказал Ябу, все еще пытаясь оправиться от шока после того, как увидел Торанагу, и не зная, играет ли Анджин-сан или действительно сошел с ума.

Марику была на грани срыва. Она не знала, что делать. «Анд-жин-сан спас господина Торанагу, но как он узнал?» — бессмысленно повторяла она про себя.

В лице Блэксорна не было ни кровинки, если не считать кровавых полос от ударов. Он прыгал и прыгал, отчаянно желая, чтобы кто-нибудь ему помог, но никто ему не помогал. Тогда, отчаянно проклиная Ябу и Бунтаро как безродных трусов и Марику как глупую суку, он внезапно прекратил свой дикий танец, поклонился Ишидо, как дергающаяся марионетка, и полупопшел, полузатанцевал к воротам. «За мной, идите за мной!» — кричал он, его голос почти прервался, он пытался идти, как дудочник из сказки Браунинга.

Серые преградили ему путь. Он закричал на них с наигранной яростью и властно приказал им уйти с дороги, немедленно переклотившись на истерический смех.

Ишидо схватил лук и стрелы. Серые рассыпались в разные стороны. Блэксорн был уже почти в воротах. Он повернулся к бухте, зная, что бежать было некуда. В отчаянии он снова начал свой бешеный танец.

— Он сумасшедший, сумасшедший пес! Сумасшедших собак нужно кончать! — Голос Ишидо был полон ярости. Он достал стрелу и прицелился.

Марику сразу кинулась вперед из своего безопасного места у паланкина Торанаги и пошла в сторону Блэксорна.

— Не беспокойтесь, господин Ишидо, — крикнула она. — Не стоит беспокоиться, это мгновенное сумасшествие, может быть, вы мне разрешите... — Подойдя ближе, она увидела, как устал Блэксорн, его сумасшедшую улыбку и испугалась неожиданно для себя. — Я могу помочь теперь, Анджин-сан, — торопливо сказала она. — Мы должны попробовать выйти отсюда. Я

провожу вас. Не беспокойтесь, он нас не застрелит. Только перестаньте прыгать.

Блэксорн сразу остановился, повернулся и спокойно пошел на мост. Она шла на шаг сзади него, как и положено по обычаю, ожидая, что сзади полетят стрелы, слыша их.

Тысячи глаз следили за гигантом, сумасшедшим и хрупкой женщиной на мосту, уходящими от них.

Ябу почувствовал, что возвращается к жизни.

— Если вы хотите его убить, позвольте это сделать мне, Ишидо-сама. Не подобает вам лишать его жизни. Генерал не убивает собственными руками. Убивать вместо него должны другие. — Он подошел ближе и понизил голос: — Пусть он живет. Безумие нашло на него после вашего удара. Он даймё в своей стране, и вдруг такой удар, — так говорит Марико-сан, правда? Доверьтесь мне, он ценен нам живым.

— Что?

— Он более ценен нам живым. Поверьте мне. Мы можем покончить с ним в любой момент. Но он нужен нам живым.

Ишидо прочитал на лице Ябу безрассудство и правду. Он опустил лук.

— Очень хорошо. Но однажды он потребует и мне живым. Я повешу его за пятки над ямой.

Ябу слотнул и сделал полупоклон. Он нервно махнул коротежу, чтобы он трогался, боясь, что Ишидо вспомнит про паланкин «Киритсубо».

Бунтаро, притворяясь услужливым, взял инициативу в свои руки и дал команду двигаться. Он не задавался вопросом, как это Торанага волшебным образом появился, как ками, среди них, только понял, что его хозяин в опасности и почти беззащитен. Он видел, что Ишидо не спускает глаз с Марико и Анджин-сана, но и при этом он вежливо поклонился ему и встал сзади паланкина Торанаги, чтобы защитить своего хозяина от стрелы, если здесь начнется бой.

Колонна теперь приближалась к воротам. Ябу занял место стражника сзади. В любой момент он ожидал, что кортеж остановят. «Наверняка кто-нибудь из серых видел Торанагу, — подумал он. — Сколько времени пройдет, прежде чем они сообщат об этом Ишидо? Не думает ли он, что я участвую в попытке бегства? Не погубит ли это меня?»

На полпути через мост Марико на мгновение оглянулась.

— Они идут за нами, Анджин-сан, оба паланкина прошли через ворота и сейчас уже на мосту!

Блэксорн не ответил и не обернулся. Он прилагал все усилия, чтобы держаться прямо. Он потерял сандалии, его лицо горело от удара, и в голове стучало от боли. Последние стражники пропустили его через опускную решетку и дальше. Они также разрешили пройти и Марико не останавливая ее. А потом прошли и паланкины.

Блэксорн направился вниз с пологого холма, прошел поляну и дальний мост. Только оказавшись в роще, не просматриваемой из замка, он опустился на землю.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

— Анджин-сан, Анджин-сан!

В полубессознательном состоянии он позволил Марико помочь ему выпить саке. Колонна остановилась, коричневые тесно стояли вокруг паланкина с зашторенными окнами, сопровождающие их серые стояли впереди и сзади. Бунтаро крикнул одной из служанок, она немедленно достала бутылку из грузовой корзины,

приказав своей личной страже не подпускать никого к паланкину Киритсубо-сан и заторопился к Марико.

— С Анджин-саном все в порядке?

— Да, да, думаю, что да, — ответила Марико. Ябу присоединился к ним.

Стараясь избавиться от капитана серых, Ябу сказал небрежно:

— Мы можем пойти, капитан. Оставим здесь несколько человек и Марико-сан. Когда чужеземец придет в себя, она и остальные смогут пойти за нами.

— При всем моем к вам уважении, Ябу-сан, мы должны подождать. Мне поручено передать вас всех на галеру в целости и сохранности. Всех вместе, — сказал ему капитан.

Они все посмотрели на Блэксорна, поперхнувшегося вином.

— Спасибо, — проворчал он. — Мы в безопасности? Кто еще знает, что...

— Мы в безопасности! — умышленно прервала она его. За

ней стоял капитан, и она не доверяла ему. — Анджин-сан, вы теперь в безопасности, и нет нужды беспокоиться. Понимаете? У вас был своего рода припадок. Только поглядите вокруг — вы в безопасности!

Блэксорн сделал как она велела. Он увидел капитана и серых и понял. Теперь к нему быстро возвращались силы, ему помогло вино.

— Извините, сеньора. Это была просто паника. Я, видимо, старею: часто теряю рассудок и никогда потом не могу вспомнить, что случилось. Разговор на португальском утомителен, правда? — Он перешел на латынь. — Они не поймут?

— Наверняка.

— Этот язык легче?

— Возможно, — сказала она, обрадовавшись, что он понял, что нужна осторожность, даже используя латынь, которая была для японцев почти непонимаемым и невыучиваемым языком, за исключением нескольких человек в империи.

Их обучали иезуиты, и большинство из них готовилось к карьере священника. Она была единственной женщиной во всем их мире, которая могла говорить, и читать, и писать по-португальски и на латыни.

— Оба языка трудны, в каждом своя опасность.

— Кто еще знает об «опасности»?

— Мой муж и тот, кто руководит нами.

— Вы уверены?

— Все указывает на это.

Капитан серых беспокойно задвигался и что-то сказал Марико.

— Он спрашивает, здоров ли ты, не пострадали ли руки и ноги. Я сказала, что нет. Они тебя вылечат.

— Да, — сказал он, переходя на португальский язык. — У меня часто бывают приступы. Если кто-нибудь ударяет меня по лицу, я схожу с ума. Извините. Никогда не помню, что при этом происходит. Это перст Божий. — Он увидел, что капитан сосредоточенно смотрит на их губы, и подумал: «Попался, негодяй, бьюсь об заклад, ты понимаешь португальский!»

Соно, служанка, наклонилась к занавеске паланкина. Она послушала и вернулась к Марико.

— Извините, Марико-сан, но моя хозяйка спрашивает, если этому сумасшедшему лучше, может, мы пойдем дальше? Она спрашивает, не дадите ли вы ему свой паланкин, а то моя хозяйка беспокоится, успеем ли мы до прилива. Все эти беспокойства с сумасшедшим еще больше ее расстроили. Но, зная, что

сумасшедшие только наказаны богами, она будет молиться за возвращение ему здоровья и лично даст лекарства, чтобы вылечить его, сразу как только мы окажемся на борту.

Марико перевела.

— Да. Я уже поправился. — Блэксорн встал и зашатался.

Ябу прокричал команду.

— Ябу-сан говорит, что вы поедете в паланкине, Анджин-сан. — Марико улыбнулась, когда он начал протестовать. — Я действительно очень сильна, и вам не стоит беспокоиться, я пойду около вас, и вы можете поговорить, если вам захочется.

Он позволил им отнести себя в паланкин. Они сразу же тронулись дальше. Качающийся паланкин успокаивал, и он утомленно откинулся на спину. Дождавшись, пока капитан серых ушел во главу колонны, он прошептал на латыни, предупреждая ее:

— Этот центурион понимает какой-то другой язык.

— Да. И я думаю, что кое-что на латыни тоже, — ответила она шепотом так же спокойно. Минуту она шла молча. — Если говорить серьезно, то вы смелый человек. Благодарю вас за то, что вы спасли его.

— Вы еще более смелы.

— Нет, Господь Бог поставил меня на эту стезю и позволил мне быть немного полезной. Я еще раз благодарю вас.

Город ночью был прекрасен. В богатых домах было много цветных фонарей, масляных ламп и свечей, висящих над воротами и в садах, сиди просвечивали восхитительными цветами. Даже бедные дома были приукрашены просвечивающими сиди. Фонари освещали путь пешеходов, и носильщиков, и самураев, едущих верхом.

— Мы сжигаем в наших лампах в домах масло, а также используем свечи, но с наступлением ночи многие ложатся спать, — объяснила Марико, пока они двигались по городским улицам, извилистым и неровным; пешеходы кланялись, а очень бедные стояли на коленях, пока они не проходили; море блесло в лунном свете.

— У нас то же самое. Как вы готовите? На дровах? — К Блэксорну быстро возвращались силы, и его ноги больше не казались мягкими, как желе. Она отказалась сесть обратно в паланкин, поэтому он лежал там, наслаждаясь свежим воздухом и разговором.

— Мы пользуемся жаровнями с древесным углем. Мы не употребляем такую пищу, как вы, поэтому наша готовка более простая. Просто рис и немного рыбы, в основном сырой или сва-

ренной на древесном угле, с острым соусом и маринованными овощами, может быть, немного супу. Без мяса, мяса — никогда. Мы умеренные люди, мы должны быть такими, так как у нас мало земли, может быть, только пятую часть ее можно возделывать, и нас очень много. У нас считается достоинством быть умеренным даже в пище, которую мы едим.

— Вы смелая. Я благодарю вас. Стрелы не полетели потому, что вы защищали меня своей спиной.

— Нет, капитан. Это произошло по воле Бога.

— Вы смелая и красивая.

С минуту она шла молча. «Никто и никогда не называл меня раньше красивой, никто, — подумала она. — Я не смелая и не красивая, мечи красивы, честь красива».

— Мужество красиво, и вы имеете его в избытке.

Марико не ответила. Она вспоминала это утро и все дьявольские слова и дьявольские мысли. Как человек может быть таким смелым и таким глупым, таким мягким и таким жестоким, таким сердечным и таким отвратительным — все в одно и то же время? Анджин-сан был безгранично смел, когда отвлекал внимание Ишидо от паланкина, очень умен, когда притворялся сумасшедшим, и таким образом вытаскивал Торанагу из этой западни. Как умно со стороны Торанаги скрыться таким образом! «Но будь осторожна, Марико, — предупреждала она себя. — Думай о Торанаге, а не об этом незнакомце. Помни, что он дьявол, и останови эту влажную теплоту в бедрах, которой у тебя раньше никогда не появлялось, об этой теплоте говорят куртизанки, ее описывают иллюстрированные порнографические книжки».

— А, — сказала она. — Мужество красиво, и вы имеете его в избытке. — Тут она опять перешла на португальский. — Латынь такой утомительный язык.

— Вы учили его в школе?

— Нет, Анджин-сан, это было позднее. После замужества я жила далеко на севере довольно долгое время. Я была одна, если не считать слуганок и крестьян, и единственные книги, которые у меня были, это на португальском и латыни — грамматика и религиозные книги, а также Библия. За изучением языков очень быстро проходит время, оно хорошо занимало ум. Я была очень счастлива.

— А где был ваш муж?

— На войне.

— Сколько времени вы были одна?

— Мы говорим, что время не имеет единой меры, это время

может быть как заморозок, или молния, или слеза, или осада, или шторм, или заход солнца, или даже как скала.

— Это очень умно сказано, — заметил он. Потом добавил: — Ваш португальский очень хорош, сеньора. И ваша латынь. Лучше, чем у меня.

— У вас медоточивый язык, Анджин-сан!

— Это хонто!

— «Хонто» хорошее слово. Хонто — это то, что однажды в деревню забрел святой отец. Мы были похожи на две потерявшиеся души. Он оставался четыре года и очень помог мне. Я рада, что я могу свободно говорить, — сказала она без жеманства. — Мой отец хотел, чтобы я выучила языки. Он считал, что мы должны знать дьявола, с которым нам придется иметь дело.

— Он был мудрый человек.

— Нет. Не мудрый.

— Почему?

— Когда-нибудь я расскажу вам его историю. Она печальная.

— Почему вы были одна целую скалу времени?

— Почему вы не отдыхаете? Нам еще предстоит долгий путь.

— Вы хотите в паланкин? — Он снова собрался встать, но она покачала головой.

— Нет, спасибо. Пожалуйста, оставайтесь где сидите. Мне нравится идти пешком.

— Хорошо. Но вы не хотите больше поговорить?

— Если вам хочется, мы можем поговорить. Что бы вы хотели узнать?

— Почему вы были одна целую скалу времени?

— Меня отослал мой муж. Мое присутствие раздражало его. Он имел полное право так сделать. Он оказал мне честь, не разведясь со мной. Потом он оказал мне даже еще большую честь, приняв обратно меня и моего сына. — Марико взглянула на него. — Моему сыну уже пятнадцать лет. Я уже старая дама.

— Я не верю вам, сеньора.

— Это хонто.

— Сколько вам было лет, когда вы вышли замуж?

— Много, Анджин-сан. Очень много. Мы говорим: возраст подобен заморозку, или осаде, или заходу солнца, иногда даже скале. — Она засмеялась.

«В ней все так изящно», — подумал он, зачарованный ею.

— О, почтенная госпожа, старость выглядит миловидно.

— Женщин, Анджин-сан, большого возраст никогда не красит.

— Вы мудры так же, как и красивы. — Латынь пришла легко, и хотя она звучала более формально и более возвышенно, но была и более интимна. «Следи за собой», — подумал он.

«Никто не называл меня красивой раньше», — повторила она про себя. — Я хотела бы, чтобы это было правдой».

— Здесь не принято обращать внимание на женщин, принадлежащих другим мужчинам, — сказала она. — Наши обычаи очень строги. Например, если замужнюю женщину застанут наедине с мужчиной в комнате с закрытой дверью — тем более, если они одни ведут интимную беседу, — по закону ее муж, или его брат, или его отец имеют право сразу же убить ее. Если девушка незамужняя, отец может в любой момент сделать с ней все, что захочет.

— Это нечестно и нецивилизованно, — сказал он, но минуту спустя пожалел об этом.

— Мы считаем себя вполне цивилизованными, Анджин-сан. — Марико была рада, что ее обидели, так как это разрушало охватившее ее очарование этим человеком и рассеивало всю возникшую между ними теплоту. — Наши законы очень мудры. Есть достаточно много женщин, свободных и незанятых, которые встречаются повсюду, чтобы мужчина мог выбрать себе любую. Это, правда, защита для женщин. Обязанности жены — только по отношению к мужу. Будьте терпеливым, вы еще увидите, как мы цивилизованны и развиты. У женщин свое место, у мужчин свое. Мужчина может иметь только одну законную жену одновременно и, конечно, много наложниц, но женщины у нас имеют намного больше свободы, чем испанские или португальские дамы — судя по тому, что мне рассказывали. Мы можем свободно ходить, куда захотим и когда захотим. Мы можем оставить наших мужей, и если захотим, — развестись с ними. Мы можем отказаться выйти замуж, если захотим. Мы владеем собственным состоянием и имуществом, нашими телами и нашим духом. Мы имеем большие полномочия, если захотим. Кто следит за вашим состоянием, за деньгами в вашем доме?

— Я, естественно.

— Здесь жена присматривает за всем. Деньги для самурая ничто. Настоящий мужчина их презирает. Я веду все дела моего мужа. Он принимает все решения. Я только выполняю его желания и оплачиваю его счета. Это оставляет его абсолютно свободным для выполнения долга перед господином, что является его единственной обязанностью. О да, Анджин-сан, вы должны

быть очень терпеливы, прежде чем сможете начать критиковать.

— Это была не критика, сеньора. Просто мы верим в священность жизни: никто не может так просто убить человека, без решения законного суда — суда по законам королевы.

Она не позволила себе смягчиться.

— Вы говорите много вещей, которые я не понимаю, Анджин-сан. Разве вы не сказали «нечестно и нецивилизованно»?

— Да.

— Тогда это как раз и есть критика, не так ли? Господин Торанага просил меня сказать вам, что нехорошо критиковать не зная. Вы должны помнить о нашей цивилизации, нашей культуре, которым уже тысячи лет. Три тысячи из них подтверждены документами. О да, мы древний народ. Такой же древний, как тот, что населяет Китай. На сколько веков назад уходит ваша культура?

— Не так на много, сеньора.

— Наш император, Го-Нидзи, сто седьмой представитель одной непрерывной династии, прямо восходит к Джимму-Тенно, первому обитателю земли, который был потомком пяти поколений земных духов и перед ними семи поколений небесных духов, которые произошли от Ку-Куни-токо-гаси-нох-Микото — самого первого духа, который появился, когда небо откололось от небес. Даже Китай не может сказать, что у него такая история. Сколько поколений нынешние ваши короли правят вами?

— Наша королева третья из династии Тюдоров, сеньора. Но она старая и бездетная, так что эта династия прекращается.

— Сто семь поколений до богов, Анджин-сан, — гордо повторила она.

— Если вы верите в это, как вы можете при этом говорить, что вы католичка? — Он увидел, как она вскинула голову, потом пожала плечами.

— Я только десять лет христианка и, следовательно, новичок, хотя и верю в христианского Бога, в Бога-отца, и Сына, и Святого Духа, всем своим сердцем, но наш император выше всего. Да, я христианка, но прежде всего я японка.

«Не ключ ли это ко всем вам? Что прежде всего вы японцы? — спросил он себя. Он смотрел на нее, удивленный тем, что она сказала. — Их обычаи безумны! Деньги ничего не значат для настоящего мужчины? Это объясняет, почему Торанага был так презрителен, когда я упомянул о деньгах при первой встрече. Сто семь поколений? Невозможно! Немедленная

смерть только за то, что ты без всяких задних мыслей побыл в закрытой комнате с женщиной? Это варварство — открытое приглашение к убийству. Они защищают и восхищаются убийцей! Разве это не то, что сказал Родригес? А то, что сделал Оми-сан? Разве он не так убил того крестьянина? Клянусь кровью Христа, я не думал об Оми все эти дни. И о деревне, и о погребке, и как я стоял перед ним на коленях. Забыть его, послушаться ее, быть терпеливым, как она сказала, расспрашивать ее, так как она поможет найти, чем можно привлечь Торанагу для исполнения твоего плана. Теперь Торанага абсолютно у тебя в долгу. Ты спас его. Он знает это, все знают это. Разве она не благодарила тебя за его спасение, не за свое?»

Колонна двигалась к морю через город. Он заметил, как шагает Ябу, и моментально вспомнил крики Пьетерсуна. «Всему свое время», — пробормотал он, больше для себя.

— Да, — говорила Марико. — Вам, должно быть, очень трудно. Наш мир так отличается от вашего. Очень отличается, но очень мудро устроен. — Она смутно видела фигуру Торанаги в паланкине и снова поблагодарила Бога за его спасение. Как объяснить чужеземцу, как поблагодарить его за мужество? Торанага приказал ей объяснить, но как?

— Позвольте мне рассказать вам свою историю, Анджин-сан. Когда я была молодой, мой отец был генералом у даймё по имени Города. В то время господин Города был не великим диктатором, а даймё, все еще борющимся за власть. Мой отец пригласил этого Города и его главных вассалов на пиршество. У него никогда не было так, чтобы не было денег для покупки продуктов, саке, лаковой посуды и татами, которых требовал такой визит согласно обычаю. Если вы думаете, что моя мать была плохо воспитана, то это не так. Каждая крупинка доходов моего отца шла на его вассальных самураев, и хотя официально ему полагалось содержать всего лишь четыре тысячи самураев, ужимаясь, экономя и манипулируя, мать добивалась того, что он выставлял на войну пять тысяч триста воинов, к славе своего сеньора. Мы, его семья, — мать, наложницы отца, братья и сестры, — питались очень скудно. Но что из того? Мой отец и его люди имели самое лучшее оружие и самых хороших лошадей и самое лучшее отдавали их хозяину.

Да, для этого пиршества денег не хватало, поэтому моя мать поехала к мастерам по парикам в Киото и продала свои волосы. Я помню, что они, как расплавленная черная лава, свисали до копчика. Но она продала их. Парикмахеры тут же срезали все волосы, а ей дали дешёвый парик, и она купила все необходимое и

спасла честь моего отца. Ее обязанностью было оплачивать счета, и она платила. Она выполнила свои обязанности. Для нас наш долг очень важен.

— А что сказал он, ваш отец, когда обнаружил это?

— Что он мог сказать, кроме как поблагодарить ее? Ее обязанность была найти деньги. Спасти его честь.

— Она, видимо, очень любила его.

— Любовь — христианское слово, Анджин-сан. Любовь — христианское понятие, христианский идеал. У нас нет слова «любовь» в вашем понимании. Обязанность, верность, честь, уважение, желание, эти слова и мысли — это то, что есть у нас и чем мы нуждаемся. — Она взглянула на него и вопреки своим желаниям снова представила тот момент, когда он спас Торанагу, а вместе с ним и ее мужа. «Никогда не забуду, что они попались там в ловушку и погибли бы, если бы не этот человек».

Она убедилась, что вокруг никого нет.

— Почему вы это сделали?

— Не знаю. Может быть, потому... — Он остановился. Так много можно было бы сказать. «Может быть, потому, что Торанага был беспомощен, а я не хотел, чтобы меня изрубили на куски... Потому, что, если бы его обнаружили, нас бы всех в этой суматохе захватили. Потому, что я знал то, чего не знал никто, кроме меня, и я должен был вести эту игру... Потому, что я не хотел умереть — слишком много нужно сделать, чтобы я мог потерять жизнь, а Торанага единственный, кто может вернуть мне корабль и свободу».

Вместо этого он ответил по-латыни:

— Отдайте Цезарю Цезарево.

— А, — сказала она и добавила на том же языке: — А, вот это и я пыталась выразить. Цезарю — Цезарево, а Богу — Богово. То же с нами. Бог есть Бог, и наш император — от Бога. И Цезарь есть Цезарь, и его надо почитать как Цезаря. Ты мудр. Иногда мне кажется, что ты понимаешь больше, чем говоришь.

«А ты не делаешь того, чего клялся никогда не делать? — спросил себя Блэксорн. — Ты не играешь в лицемера? И да, и нет. Я им ничем не обязан. Я пленник. Они украли мой корабль и мои товары, убили одного моего человека. Они варвары — ну, часть из них варвары, а остальные католики. Я ничем не обязан варварам и католикам. Но тебе хотелось бы лечь с ней в постель, и ты говорил ей комплименты, не так ли? А впрочем, к черту всякие мысли!»

Теперь море было уже гораздо ближе, в полумиле. Он мог видеть много кораблей, среди них был и португальский фрегат

с ходовыми огнями. Он был идеальной добычей. «С двадцатью отчаянными ребятами я бы мог захватить его». Он повернулся к Марико. Странная женщина со странной семьей. Чем она провинилась перед Бунтаро — этим павианом? Как она могла лечь с ним в постель или выйти за него замуж? Что такое «печаль»?

— Сеньора, — сказал он, придав своему голосу нежность, — ваша мать, должно быть, редкая женщина. Совершить такое!

— Да. Но за то, что она сделала, она будет жить вечно. Теперь она — легенда. Она была самураем, как мой отец был самураем.

— Я думал, что самураем может быть только мужчина.

— О нет, Анджин-сан. Мужчины и женщины одинаково самураи, воины с ответственностью перед своим господином. Моя мать была настоящим самураем, ее ответственность перед мужем была выше всего.

— Она теперь в вашем доме?

— Нет. Ни она, ни мой отец, никто из моих братьев, сестер или еще кто из семьи... Я последняя в моем роду.

— Это был несчастный случай?

Марико внезапно почувствовала усталость. «Я устала говорить по-латыни и на этом мерзко звучащем португальском языке и устала быть учителем, — сказала она себе. — Я не учитель. Я только женщина, которая знает свои обязанности и хочет мирно их выполнять. Я не хочу больше этой теплоты в лоне и этого мужчину, который так сильно выводит меня из равновесия. Я не хочу его».

— В некотором роде это была катастрофа, Анджин-сан. Когда-нибудь я расскажу вам о ней. — Она немного ускорила шаг и отошла от него, ближе к другому паланкину. Обе служанки нервно улыбнулись ей.

— Нам еще далеко, Марико-сан? — спросила Соно.

— Надеюсь, что не очень, — ответила она успокаивающе.

Командир серых внезапно появился из темноты с другой стороны паланкина. Она прикинула, что из того, что она сказала Анджин-сану, он смог подслушать.

— Вам не хочется сесть в паланкин, Марико-сан? Вы не устали? — спросил он.

— Нет, нет, спасибо. — Она умышленно замедлила шаг, отвлекая его от паланкина Торанаги. — Я вовсе не устала.

— Как себя ведет чужеземец? Он не надоел вам?

— О нет, он вроде бы успокоился.

— О чем вы говорили?

— О разных вещах. Я пыталась объяснить ему наши законы и обычаи. — Она обернулась в сторону главной башни замка, которая высилась над ними на фоне неба. — Господин Торанага просил меня попытаться вразумить его.

— Ах да, господин Торанага, — капитан взглянул на замок, потом снова на Блэксорна. — Почему господин Торанага так заинтересован в нем, госпожа?

— Я не знаю. Думаю, что из-за его необычности.

Они завернули за угол, вышли на другую улицу с домами за садовыми стенами. Народу кругом было мало. С другой стороны были верфи и море. Мачты вырастали над домами, воздух был насыщен запахом морских водорослей.

— А о чем вы еще говорили?

— У них есть очень странные идеи. Они все время думают о деньгах.

— Говорят, у них весь народ состоит только из пиратов-торговцев. Среди них нет самураев. А что от него хочет господин Торанага?

— Извините, но я не знаю.

— Ходят слухи, что он христианин, он говорит, что он христианин. Это так?

— Но он не такой христианин, как мы. Вы христианин, капитан?

— Мой хозяин христианин, поэтому и я христианин. Мой хозяин господин Кийяма.

— Я имею честь хорошо его знать. Он оказал моему мужу честь, обручив одну из своих внучек с моим сыном.

— Да, я знаю, госпожа Тода.

— Господину Кийяме теперь лучше? Я так поняла, что доктора не позволяют ему ни с кем видеться?

— Я не видел его уже неделю. Никто из нас. Может быть, это китайский сифилис. Спаси его, Боже, от этого и прокляни всех китайцев! — Он зло посмотрел в сторону Блэксорна. — Доктора говорят, что чужеземцы принесли эту заразу в Китай, в Макао и оттуда к нашим берегам.

— Мы все в руках Бога, — сказала она по-латыни.

— Ита, амен, — ответил по-латыни капитан — и выдал себя.

Блэксорн тоже заметил этот его промах, увидел вспышку гнева на лице капитана и услышал, как он что-то сквозь зубы говорит Марико. Он вышел из паланкина и подошел к ним сзади.

— Если ты говоришь по-латыни, центурион, тогда было бы очень любезно с твоей стороны немного поговорить и со мной. Я хочу побольше узнать о твоей великой стране.

— Да, я могу говорить на этом языке, иностранец.

— Это не мой язык, центурион, но это язык церкви и всех образованных людей в мире. Ты хорошо говоришь на нем. Как и когда ты научился?

Кортеж обогнал их, и все самураи, и серые и коричневые, следили за ними. Бунтаро, шедший около паланкина Торанаги, остановился и повернулся. Капитан поколебался, потом шагнул дальше, и Марико обрадовалась, что Блэксорн присоединился к ним. Они молча шли какое-то время.

— Центурион бегло говорит по-латыни, очень хорошо, не так ли? — сказал Марико Блэксорн.

— Да, действительно. Ты учил его в семинарии, центурион?

— Ты тоже, иностранец, — сказал капитан с холодком, не обращая на нее внимания, он не любил вспоминать семинарию в Макао, куда его ребенком отправили по распоряжению Кийямы учиться языкам. — Теперь, когда мы говорим напрямую, скажи мне откровенно, почему ты спросил у этой госпожи: «Кто еще знает...» Кто еще знает что?

— Я не могу вспомнить. Я отвлекся.

— А, отвлекся? Да? Тогда почему ты сказал: «Цезарю — Цезарев»? —

— Это была только шутка. Я обсуждал с этой госпожой, кто сочиняет эти истории с картинками, которые иногда трудно понять.

— Да, тут надо многое понять. Что погнало тебя, сумасшедшего, к воротам? И почему ты так быстро оправился от припадков?

— Это произошло с Божьей помощью.

Они шли около паланкина; капитан был взбешен тем, что он так легко попался. Его предупреждал господин Кийяма, его хозяин, что эта женщина очень умна: «Не забывай, что она несет в себе эту склонность к измене, а пират — это отродье сатаны. Следи, слушай и запоминай. Может быть, она выдаст себя и в дальнейшем станет свидетелем против Торанаги перед регентами. Убей пирата в тот момент, когда начнется стычка с засадой».

Стрелы вылетели из ночи, и первая же из них вонзилась в горло капитану. Чувствуя, как его легкие наполняются кровью, а смерть надвигается на него, он в последний момент с удивлением подумал, почему засада оказалась здесь, а не на следую-

щей улице, ближе к верфи, и почему атака была направлена на них, а не на пирата.

Другая стрела попала в стойку паланкина в дюйме от головы Блэксорна. Две стрелы пронзили закрытые занавеси паланкина Киритсубо впереди, а другая попала служанке Азе в грудь. Когда она вскрикнула, носильщики бросили паланкины и присели в темноте. Блэксорн повернулся кругом, ища укрытия, увлекая Марико за собой под опрокинувшийся паланкин, серые и коричневые рассыпались. Град стрел накрыл оба паланкина. Одна воткнулась в землю, где только что была Марико. Бунтаро закрывал паланкин Торанаги всем своим телом, как только мог, стрела ударила его со спины в кожаные доспехи, усиленные кольчугой и бамбуком. После того как град стрел прекратился, он кинулся вперед и сорвал занавески. В грудь и бок Торанаги воизлились две стрелы, но он не был ранен и вытаскивал их из панциря, который носил под кимоно. Потом он сорвал широкополую шляпу и парик. Бунтаро осмотрелся вокруг, ища противника, весь насто-роже, держа стрелу наготове, пока Торанага не выпутался из занавесок и, вытащив меч из-под одеяла, не вскочил на ноги. Марико пыталась помочь Торанаге, но Блэксорн оттолкнул ее назад с предупреждающим криком, так как стрелы вновь осыпали оба паланкина, убив двух коричневых и одного серого. Еще одна прошла так близко от Блэксорна, что содрала ему кожу со щеки. Следующая пришила его кимоно к земле. Служанка Соно суе-тилась около другой девушки, корчащейся от боли, но мужественно сдерживающей рыдания. Тут Ябу закричал и махнул рукой, отдавая приказ. На одной из черепичных крыши с трудом просматривалось несколько фигур. Последний залп стрел, со свистом вылетевших из темноты, был направлен на паланкины. Бунтаро и остальные коричневые закрыли собой Торанагу. Один из коричневых погиб. Древко прошло через шов в доспехах Бунтаро, и он зарычал от боли. Ябу, коричневые и серые уже были около стены, но нападавшие исчезли в темноте, и, хотя дюжина коричневых и серых бросилась за угол, чтобы достать их, всем было ясно, что это бесполезно. Блэксорн поднялся на ноги и помог встать Марико. Она дрожала, была в шоке, но невредима.

— Спасибо, — сказала она и заторопилась к Торанаге, чтобы помочь ему не попасться на глаза серым. Бунтаро кричал, приказывая своим людям удвоить факелы около паланкина. Тут один из серых сказал: «Торанага!» — и, хотя это было сказано негромко, его услышали все.

В мерцающем свете факелов грим, нанесенный Торанаге, с потеками пота выглядел карикатурно.

Один из офицеров серых торопливо поклонился. Здесь, как ни странно, находился враг его хозяина, свободный, за пределами стен замка.

— Подождите здесь, господин Торанага. Ты, — он указал на одного из своих людей, — сообщи господину Ишидо немедленно. — Самурай тут же убежал.

— Остановите его, — спокойно сказал Торанага. Бунтаро выпустил две стрелы. Гонец упал замертво. Офицер выхватил свой двуручный меч и бросился к Торанаге с устрашающим боевым кличем, но Бунтаро уже был наготове и парировал удар. Серые и коричневые одновременно выхватили свои мечи, сбились в кучу и кинулись в бой. На улице образовался водоворот сражающихся людей. Бунтаро и офицер серых оказались хорошими фехтовальщиками, они делали ложные выпады и обменивались ударами. Внезапно один из серых прорвался через охрану Торанаги и бросился на него, но Марико тут же подняла факел, кинулась вперед и ткнула им в лицо офицера. Бунтаро разрубил своего противника пополам, повернулся, ударом меча сбил в сторону другого и разрубил еще одного, который пытался достать Торанагу, в то время, как Марико стрелой кинулась назад, уже держа меч в руках, — ее глаза не отрывались от Торанаги и Бунтаро, его безобразного телохранителя.

Четверо серых, держась плотной кучкой, бросились на Блэксорна, который как прикованный стоял около своего паланкина. Он беспомощно смотрел, как они приближаются. Ябу с другими коричневыми бросились наперехват, сражаясь, как черти. Блэксорн отпрыгнул, схватил факел и, вращая его, как булаву, моментально расстроил всю атаку. Ябу убил одного, ранил другого, и тут четверо коричневых кинулись, отгоняя оставшихся двух серых. Не мешкая, Ябу и раненый коричневый еще раз бросились в атаку, защищая Торанагу. Блэксорн кинулся вперед, поднял длинный полумеч-полупику и подбежал ближе к Торанаге. Тот один стоял среди этой шумной битвы, не трогаясь с места и даже не вынув меча из ножен.

Серые бились с удивительной отвагой. Четверо из них объединились для самоубийственной атаки на Торанагу. Коричневые отбили ее и перехватили инициативу. Серые перегруппировались и атаковали еще раз. После этого старший офицер отдал приказ трем отправиться за помощью, а остальным прикрывать это отступление. Трое серых вырвались из схватки, и, хотя их преследовали, а Бунтаро даже застрелил одного, двое серых смогли скрыться.

Остальные погибли.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Они торопливо шли по пустынным окраинным улицам, направляясь к гавани и галере. Их было десять — Торанага, который их вел, Ябу, Марико, Блэксорн и шесть самураев. Остальные под началом Бунтаро отправились с паланкинами и багажом по обычной дороге с приказом идти на галеру. Тело служанки Азы лежало в одном из паланкинов. В момент затишья во время схватки Блэксорн извлек из нее кусок стрелы с зазубренным наконечником. Торанага видел, как хлынула черная кровь, когда она пришла в себя, и следил, недоумевая, как кормчий пытается ей помочь, вместо того чтобы дать ей спокойно умереть с чувством собственного достоинства, а затем — как осторожно кормчий укладывал ее в паланкин. Девушка вела себя очень мужественно и совсем не стонала, только смотрела на него, пока не наступила смерть. Торанага оставил ее как приманку в паланкине с зашторенными окнами, в другой паланкин также как приманка был положен еще один раненый.

Из пятидесяти коричневых, которые находились в эскorte, пятнадцать были убиты и одиннадцать смертельно ранены. Одиннадцать быстро и с почетом отправились в Великую Пустоту, — трое покончили с собой собственноручно, восьмерым помог Бунтаро по их требованию. После этого Бунтаро собрал оставшихся вокруг закрытых паланкинов и они отправились. В пыли лежало сорок восемь серых.

Торанага знал, что он не защищен и это опасно, но был доволен. «Все шло хорошо, — думал он, учитывая все превратности случая. — Как интересна жизнь! Сначала я думал, какое плохое предзнаменование, что кормчий увидел, как я поменялся местами с Кири. Потом кормчий спас меня и вел себя как безумный, очень правдоподобно, и благодаря ему мы спаслись от Ишидо. Я не учитывал, что Ишидо может оказаться у главных ворот, думал, только в главном дворе. Это была моя неосторожность. Почему Ишидо оказался там? Не похоже на Ишидо быть таким осторожным. Кто ему это посоветовал? Кийяма? Оноши?

Или Ёдоко? Женщин, которые так практичны, можно было подозревать в такой изощренности».

Это был хороший план — тайное бегство, — и он разрабатывался несколько недель, так как было очевидно, что Ишидо попытается удержать его в замке, настроить против него остальных регентов обещаниями, умышленно принесет в жертву заложника в Эдо — госпожу Ошибу, и использует любые средства, чтобы удержать его под стражей до последнего Совета регентов, где он будет загнан в угол, обвинен и умерщвлен.

— Но вам предьявят обвинение! — сказал Хиро-Мацу, когда Торанага послал за ним, сразу после захода солнца прошлым вечером, чтобы объяснить, что он попытается сделать и почему он, Торанага, колеблется. — Даже если вы спасетесь, регенты так же легко обвинят вас за вашей спиной, как если бы это было в вашем присутствии. Вы будете обязаны совершить сеппуку, когда они прикажут это, а они обязательно прикажут.

— Да, — сказал Торанага, — как президент Совета регентов я обязан сделать это, если четверо проголосуют против меня. Но здесь, — он вынул свиток пергамента из рукава, — здесь мое формальное заявление о выходе из состава Совета регентов. Вы передадите это Ишидо, когда станет известно о моем отъезде.

— Что?

— Если я откажусь от должности, я больше не буду связан своей клятвой регента. Не так ли? Тайко никогда не запрещал мне отказаться от регентства, правда? Отдайте Ишидо также и это. — Он протянул Хиро-Мацу клеймо — официальную печать его президентской канцелярии.

— Но теперь вы полностью изолированы. Вы обречены!

— Вы не правы. Послушайте, завещание Тайко установило Совет из пяти регентов. Теперь осталось четыре. Для того чтобы снова стать законным органом, прежде чем они смогут выполнять указ императора, они должны выбрать или назначить нового члена Совета, правда? Ишидо, Кийяма, Оноши и Суджийяма должны согласиться, так? Ведь новый регент должен подходить им всем? Конечно! Теперь, старина, с кем на земле согласятся разделить власть эти враги? А? И пока они будут спорить, решения не будет и...

— Мы подготовимся к войне, вы больше не будете связаны и сможете здесь капнуть меду, там пролить немного желчи — и эти мерзавцы сожрут сами себя! — поспешно сказал Хиро-Мацу. — Ах, Йоши Торанага-нох-Миновара, вы настоящий мужчина. Я съем свой зад, если вы не самый мудрый на земле!

«Да, это был хороший план, — подумал Торанага. — И все они

хорошо сыграли свои роли: Хиро-Мацу, Кири и моя любимая Сазуко. А теперь они намертво заперты в замке и останутся там или будут отпущены. Я думаю, им никогда не позволят уехать. Мне будет жаль потерять их».

Он безошибочно вел свой отряд, шаг был быстр, но размерен, так шагал он на охоте и при необходимости мог непрерывно держать этот темп в течение двух дней и ночи. На нем все еще была дорожная одежда и кимоно Кири, но они были подтянуты, его военные краги выглядели нелепо.

Они пересекли еще одну пустынную улицу и начали спускаться по аллее. Он знал, что тревожное сообщение скоро достигнет Ишидо и начнется очень серьезная охота.

«Времени достаточно, — сказал он про себя. — Да, это был хороший план. Но я не ожидал засады. Это стоит мне трех дней безопасности. Кири была уверена, что она сможет три дня скрывать этот обман. Но теперь все обнаружилось, и я не смогу проскользнуть на корабль и выйти в море. На кого была устроена засада? На меня или на кормчего? Конечно, на кормчего. Но разве стрелы не летели в оба паланкина? Да, но лучники были далеко, и им было трудно разобрать, кто где, поэтому было разумнее и безопаснее расстрелять оба паланкина, просто на всякий случай».

Кто приказал устроить нападение, Кийяма или Оноши? Или португальцы? Или священники-христиане?»

Торанага повернулся, чтобы проверить, где кормчий. Он увидел, что тот не выглядел усталым, как и женщина, шедшая рядом с ним, хотя обоим и досталось. На горизонте он видел огромную приземистую громаду замка и напоминающий фаллос силуэт главной башни. «Сегодня уже второй раз я был здесь на волосок от гибели, — подумал он. — Действительно ли замок собирается покарать меня? Тайко достаточно часто говорил мне: «Пока жив Осацкий замок, мой род не прекратится, и ты, Торанага Миновара, получишь эпитафию на его стенах. Осака погубит тебя, мой верный слуга!» — И вечно свистящий насмешливый смех, который выводил из себя».

Жив ли Тайко в Яэдоне? Так или нет. Яэмон — его законный наследник.

Торанага с трудом отвел глаза от замка, повернул за другой угол и скользнул в лабиринт аллей. Вскоре он остановился у стареньких ворот. На столбах была изображена рыба. Он постучался условным стуком, дверь сразу же открылась. Через мгновение ему уже кланялся непричесанный самурай:

— Господин?

— Соберите ваших людей и следуйте за мной, — сказал Торанага и вышел.

— С радостью.

Этот самурай не носил форменного кимоно коричневых, только пестрые лохмотья ронина, но он входил в один из секретных специальных отрядов отборных самураев, которые Торанага тайком переправил в Осаку на случай непредвиденных событий. Пятнадцать человек, одинаково одетых и одинаково хорошо вооруженных, тронулись за ним следом и быстро занимали места в охранении спереди и сзади, а другие в это время побежали поднимать по тревоге остальные отряды. Вскоре с Торанагой уже было пятьдесят человек. Еще сто человек прикрывали его с флангов. Другая тысяча должна была приготовиться к рассвету, если в них возникнет необходимость. Он расслабился и замедлил шаг, чувствуя, что кормчий и женщина слишком быстро устанут. Они были нужны ему сильными.

* * *

Торанага стоял в тени склада и рассматривал пристань, галеру и берег в зоне прилива. Ябу и самурай стояли около него. Другие собрались плотной толпой в ста шагах дальше по аллее.

Подразделение из ста серых ожидало около входа на галеру, в нескольких сотнях шагов от них, с другой стороны утоптанной пустой площади, это исключало возможность внезапной атаки. Сама галера была дальше, пришвартованная у столбов каменного мола, который на сотню ярдов тянулся в море. Весла были закреплены на бортах, на палубе можно было с трудом разобрать нескольких моряков и воинов.

— Это наши или нет? — спокойно спросил Торанага.

— Слишком далеко, чтобы сказать наверняка, — ответил Ябу.

Прилив был высокий. За галерой подходили и уходили рыбачьи лодки, фонари на них зажигались для плавания и как приманка для рыбы. К северу, дальше по берегу, располагались ряды вытасенных на берег рыбацких судов разного размера, с ними возились несколько рыбаков. В пятистах шагах к югу, около другого каменного мола, стоял португальский фрегат «Санта-Тереза». При свете факелов толпы носильщиков торопливо загружали его тюками и бочонками. Около них в небрежных позах располагалась еще одна группа самураев. Это было нормально, так как все португальские и другие иностранные корабли в порту согласно закону загружались под постоянным на-

блюдением. Только в Нагасаки португальские корабли могли свободно загружаться и разгружаться.

«Если охрана здесь будет усилена, мы сможем спать спокойней, — сказал себе Торанага. — Да, но сможем ли мы запереть их и тем не менее во все больших количествах вести торговлю с Китаем? Чужеземцы с юга поймали нас в одну ловушку, из которой мы не выберемся, пока даймё-христиане управляют Кюсю, и священники еще нужны. Лучшее, что мы можем сделать, — это поступать как Тайко. Понемногу уступать им, притворяясь, что собираемся все отобрать, пытаться блефовать, зная, что без торговли с Китаем нам не прожить».

— С вашего разрешения, господин, я бы атаковал немедленно, — прошептал самурай.

— Я против этого, — сказал Ябу, — мы не знаем, наши ли люди на борту... И здесь кругом может быть спрятана тысяча человек. Эти люди, — он указал на серых около португальского корабля, — они поднимут тревогу. Мы не сможем захватить корабль и выйти в море до того, как они блокируют нас. Нам нужно в десять раз больше народу, чем у нас есть сейчас.

— Господин генерал Ишидо скоро узнает обо всем, — сказал самурай, — тогда вся Осака наполнится врагами, которые слетятся на новое поле битвы. У меня сто пятьдесят человек с теми, что на флангах. Этого будет достаточно.

— Не для полной уверенности. Нет, если наши моряки не готовы сесть на весла. Лучше устроить тревогу, чтобы отвлечь серых — и всех тех, кто сидит в засаде. Этих тоже. — Ябу снова указал на людей около фрегата.

— Какую тревогу? — спросил Торанага.

— Поджечь улицу.

— Это невозможно! — запротестовал самурай в ужасе. Поджог был преступлением, наказуемым публичным сжиганием семьи виновного человека, всех ее поколений. Наказание согласно законам было самым жестоким, потому что пожар был самой большой опасностью в любой деревне, поселке или городе империи. Дерево и бумага были их единственными строительными материалами, за исключением черепицы на некоторых крышах. Каждый дом, каждый сарай, каждый навес и каждый дворец представляли собой повышенную пожарную опасность.

— Мы не можем поджечь улицу!

— Что важнее, — спросил Ябу, — разрушение нескольких улиц или смерть нашего хозяина?

— Огонь распространится, Ябу-сан. Мы не можем сжечь всю Осаку. Здесь живет целый миллион народу — и больше.

Мертвенно-бледный, самурай повернулся к Торанаге.

— Господин, я сделаю все, что вы скажете. Вы хотите, чтобы я это сделал?

Торанага только поглядел на Ябу.

Даймё только презрительно ткнул пальцем в сторону города.

— Два года назад он сгорел наполовину, а посмотрите на него сейчас. Пять лет назад был великий пожар. Сколько сотен тысяч пропало тогда? Ну и что? Они же просто лавочники, торговцы, ремесленники и «эта». Это не деревня, заселенная крестьянами.

Торанага долго молчал, определяя направление ветра. Он был слабый и не смог бы раздуть сильного пламени. Может быть. Но пламя легко могло стать наказанием, которое уничтожило бы весь город. За исключением замка. «Ах, если бы оно могло уничтожить только замок, я бы не колебался ни минуту».

Он повернулся на каблуках и подошел к остальным.

— Мариико-сан, возьмите шесть самураев и кормчего и идите на галеру. Притворитесь, что вы почти в панике. Скажите серым, что на вас была устроена засада — бандитами или ронинами, вы не уверены, кем именно. Скажите им, где это случилось, что вы были срочно посланы вперед командиром сопровождающих вас серых, чтобы позвать на помощь, что битва все еще продолжается, что вы думаете, что Киритсубо убита или ранена, — пожалуйста, поторопитесь. Если вы их убедите в этом, большинство их уйдет отсюда.

— Я вас поняла, господин.

— Затем, независимо от того, что будут делать серые, поднимайтесь на борт вместе с кормчим. Если наши моряки там и корабль цел и надежен, возвращайтесь к сходням и притворитесь, что падаете в обморок. Это сигнал нам. Сделайте это точно в начале лестницы. — Торанага посмотрел на Блэксорна. — Скажите ему, что вы собираетесь делать, но не упоминайте, что вы собираетесь падать в обморок. — Он отвернулся, чтобы отдать приказы остальным своим людям и специальные секретные инструкции шести самураям.

Когда Торанага кончил, Ябу отвлек его в сторону.

— Зачем посылать чужеземца? Разве не безопаснее оставить его здесь? Безопаснее для вас?

— Безопаснее для него, Ябу-сан, но не для меня. Он полезная приманка.

— Поджигание улицы будет даже безопаснее.

— Да. — Торанага подумал, что лучше иметь Ябу на своей

стороне, чем на стороне Ишидо. — Я рад, что не заставил его вчера прыгать с башни.

— Господин?

— Да, Мариико-сан?

— Извините, но Анджин-сан спрашивает, что делать, если корабль занят врагами?

— Скажите ему, что необязательно ему идти с вами, если он недостаточно силен.

Блэксорн едва сдержался, когда она передала ему, что сказал Торанага.

— Скажите господину Торанаге, что его план нехорош для вас, что вам следует остаться здесь. Если все будет хорошо, я дам сигнал.

— Я не могу сделать этого, Анджин-сан, это не то, что приказал наш хозяин, — твердо сказала Мариико. — Любой план, который он придумывает, отличается большой мудростью.

Блэксорн понял, что спорить не о чем. «Боже, покарай их за это кровожадное, ослиное высокомерие, — подумал он. — Но, ей-Богу, каково мужество! И у него, и у этой женщины».

Он следил за ней, стоящей у засады с боевым мечом такой длины, что он был почти ровень с ней, готовой сражаться насмерть за Торанагу. Он увидел, как она умело пользуется мечом, и хотя нападавшего убил Бунтаро, она облегчила ему задачу, заставив того отступить. На ее кимоно еще была кровь, оно было разорвано в нескольких местах, грязь была и на лице.

— Где вы так научились пользоваться мечом? — спросил он, пока они бежали к доку.

— Вам следует знать, что все женщины-самураи очень рано учатся владеть ножом, чтобы защищать свою честь и честь их господ, — сказала она сухо и показала ему, как она прячет свой стилет, готовый к немедленному действию, — но некоторые из нас, немногие, учатся владеть еще мечом и пикой, Анджин-сан. Некоторые отцы считают, что их дочери, так же как и сыновья, должны быть готовы к битве за своих хозяев. Конечно, некоторые женщины более воинственны, чем другие, и рады, когда идут на битву вместе со своими мужьями и отцами. Мои отец и мать решились, что я должна уметь владеть мечом и пикой.

— Если бы не подвернулся тот капитан серых, первая стрела попала бы прямо в вас, — сказал он.

— В вас, Анджин-сан, — уверенно поправила она его, — но вы спасли меня, оттащив в безопасное место.

Теперь, глядя на нее, он знал, что ему не хочется, чтобы с ней что-нибудь случилось.

— Давайте я пойду с самураями, Марико-сан, а вы оставайтесь здесь. Пожалуйста.

— Это невозможно, Анджин-сан.

— Тогда мне нужен нож. Лучше дайте мне два.

Она передала это требование Торанаге, который согласился. Блэксорн засунул один под пояс, внутрь кимоно. Другой он привязал, вниз рукояткой, к руке под рукавом, используя для этого полоску шелка, оторванного от обшлага кимоно.

— Мой хозяин спрашивает, все ли англичане носят ножи тайком в рукавах, как вы?

— Нет. Но большинство моряков делают именно так.

— Это необычно — не как у португальцев, — сказала она.

— Лучшее место для запасного ножа — в сапоге. Тогда вы можете нанести хороший удар очень быстро. Если это необходимо.

Она перевела его слова, и Блэксорн заметил, как Торанага и Ябу внимательно поглядели на него, и понял, что им не понравилось то, что он вооружается. «Хорошо бы, — подумал он, — мне удалось остаться вооруженным».

Он опять стал думать о Торанаге. После того, как нападение из засады было отбито и серые перебиты, Торанага через Марико перед всеми коричневыми поблагодарил его за «верность». И больше ничего, ни обещаний, ни соглашений, ни наград. Но Блэксорн знал, что это придет позднее. Старый монах сказал ему, что верность была единственной вещью, за которую они награждали. «Верность и обязанность, сеньор, — говорил он. — Это их культ, это бусидо. Там, где мы отдаем наши жизни за Бога и его сына Иисуса и Марию, Матерь Божью, эти животные жертвуют собой за жизнь своих хозяев и умирают как собаки. Помните, сеньор, ради спасения своей души они животные».

«Они не животные, — подумал Блэксорн. — И многое из того, что ты сказал, отец, неправда и преувеличение фанатика».

Он сказал Марико:

— Мне нужно знать сигнал — если корабль свободен или если нет.

Она опять перевела Торанаге, на этот раз все было спокойно.

— Господин Торанага говорит, что один из наших солдат сделает это.

— Я считаю, что это трусость — посылать женщину выполнять мужскую работу.

— Пожалуйста, будьте терпеливыми с нами, Анджин-сан.

Нет различий между мужчиной и женщиной. Женщины такие же самураи. В этом плане женщина может быть много лучше, чем мужчина.

Торанага коротко спросил ее о чем-то.

— Вы готовы, Анджин-сан? Мы сейчас выходим.

— План плохой и опасный, и я устал быть проклятой священной ощипанной уткой, но я готов.

Она засмеялась, поклонилась Торанаге и побежала. Блэксорн и шесть самураев побежали вслед за ней.

Она бежала очень быстро, и он не смог догнать ее до поворота, когда они завернули за угол и попали на открытое пространство. В тот же миг, как они появились, серые заметили их и бросились вперед. Вскоре они были окружены. Марико лихорадочно затараторила с самураями и серыми. Потом он тоже добавил к этому галдежу, пытаясь, смесь из португальских, английских и немецких слов, жестами прося их поторопиться, и схватился за трап, ему не было необходимости притворяться, что он задыхается. Он пытался рассмотреть, что происходит внутри корабля, но ничего не видел достаточно отчетливо, только многочисленные головы, появляющиеся у планшира. Он мог видеть бритые макушки многочисленных самураев и не менее многочисленных моряков. Цвета кимоно различить ему не удавалось.

Сзади один из серых быстро заговорил с ним, он повернулся, объясняя, что не понимает, — идите туда, быстро, назад по улице, где продолжается эта проклятая битва. «Вакаримас ка? Убери отсюда к черту свой зад с поджатым хвостом! Вакаримас ка? Там бой идет!»

Марико с безумным видом что-то рассказывала командиру серых. Офицер отошел назад к кораблю и прокричал приказы. Сразу же более сотни самураев, все серые, начали выскакивать из корабля. Он послал нескольких человек к северу вдоль берега, чтобы встретить раненых и помочь им при необходимости. Один был спешно послан за помощью от серых около португальской галеры. Оставив десять человек охранять сходни, он быстрым шагом повел остальных по улице, которая, извиваясь, шла от дока и поднималась вверх в город.

Марико подошла к Блэксорну.

— Как вам кажется, с кораблем все в порядке? — спросила она.

— Он на плаву.

С большим усилием Блэксорн уцепился за канаты сходней и подтянулся на палубу. Марико последовала за ним. За нею поднялись двое коричневых.

Моряки, толпившиеся у прохода через планшир, уступили им дорогу. Четверо серых охраняли ют, еще двое были на палубе полюта. Все они были вооружены луками со стрелами и мечами.

Марико расспросила одного из моряков. Тот ответил ей с большой любезностью.

— Это все моряки, нанятые, чтобы доставить Киритсубо-сан в Эдо, — сказала она Блэксорну.

— Спросите его... — Блэксорн замолчал, так как он вдруг узнал низенького приземистого моряка, которого он сделал капитаном на галере после шторма. — Конбанва, капитан-сан! (Добрый вечер!)

— Конбанва, Анджин-сан. Ватаси ие, капитан-сан, има, — ответил моряк с ухмылкой, качая головой. Он указал на гибкого моряка с серо-стальной торчащей косичкой, который один стоял на юте. — Имасу капитан-сан!

— Ах, со дес? Хэллоу, капитан-сан! — крикнул Блэксорн и поклонился, потом сказал, понизив голос: — Марико-сан, проверьте, есть ли еще серые на борту в трюме.

Прежде чем она успела что-либо сказать, капитан ответил на поклон и прокричал что-то моряку. Тот кивнул и ответил очень подробно. Некоторые из матросов что-то согласно прокричали. Капитан и все остальные на борту были поражены.

— Ах, со дес, Анджин-сан. — После этого капитан крикнул: — Кейрей! (Что значит — салют!) — Все на борту, кроме самурая, приветственно поклонились Блэксорну.

Марико сказала:

— Этот моряк говорит капитану, что вы спасли корабль во время шторма, Анджин-сан. Вы не рассказали нам о шторме и вашем плавании.

— Там нечего рассказывать. Просто был еще один шторм. Пожалуйста, поблагодарите капитана и скажите, что я счастлив снова оказаться на борту. Спросите его, готовы ли мы отплыть сразу же, как прибудут остальные. — И тихонько добавил: — Проверьте, есть ли еще серые в трюме.

Она сделала, как он приказал.

Подождал капитан, и она расспросила его, а потом, сопоставив все намеки капитана о важности пребывания Блэксорна на борту, она поклонилась Блэксорну:

— Анджин-сан, он благодарит вас за спасение его корабля и говорит, что они готовы, — добавил тихонько: — Об остальном он не знает.

Блэксорн взглянул на берег. Признаков Бунтаро или ко-

лонны на севере не было. Самурай, посланный бегом на юг по направлению к «Святой Терезе», все еще был в сотне ярдов от своей цели, пока еще не замеченный.

— Что теперь? — сказал он, когда уже не смог больше ждать.

Она спросила себя: «Корабль в безопасности? Решай!».

— Этот человек скоро доберется до места, — сказал он, глядя на фрегат.

— Что?

Он показал:

— Это — самурай!

— Так что самурай? Извините, я не могу разобраться на таком расстоянии, Анджин-сан. Я вижу все, что на корабле, кроме серых перед ним — они как в тумане. Кто этот человек?

Он объяснил, добавив по-латыни:

— Теперь он всего в пятидесяти шагах. Его хорошо видно. Нам очень нужна помощь. Кто даст знак? В таком положении его нужно подать как можно быстрее.

— А мой муж, его нигде не видно? — спросила она по-португальски.

Он покачал головой.

«Шестнадцать серых стоят между моим господином и его спасением, — сказала она себе. — О Мадонна, защити его!»

Потом, доверившись Богу, но опасаясь, что она принимает неверное решение, она прошла к началу лестницы и сделала вид, что упала в обморок.

Блэксорн не был предупрежден об этом. Он увидел, что ее голова ударилась о деревянные ступеньки. Моряки начали собираться около нее, серые подходили от пристани и с палуб, Блэксорн подбежал к ней. Он поднял ее и понес обратно, на ют.

— Принесите немного воды... воды, хай?

Моряки уставились на него, не понимая. Он отчаянно искал в уме японское слово. Старый монах говорил ему пятьдесят раз. «Боже, да как же это?»

— О, мизу, мизу, хай?

— Ах, мизу! Хай, Анджин-сан. — Человек кинулся за водой. Внезапно раздался тревожный крик.

На берегу из аллеи выбежали тридцать самураев Торанаги, переодетые ронинами. Серые, которые устремились с корабля на берег, столпились у сходней. Те, которые находились на палубе полюта и на юте, вытягивали шею, стараясь лучше разглядеть. Неожиданно один из них начал выкрикивать приказы. Лучники приготовили луки. Все самураи, и коричневые, и серые

внизу, выхватили свои мечи, и большая их часть метнулась в гавань.

— Бандиты! — крикнул один из коричневых.

Сразу же двое из коричневых на палубе разделились, один из них бросился вперед, другой на корму. Четверо на берегу бросились вперед, смешавшись с ожидающими серыми.

— Стойте!

Переодетые ронинами самураи Торанаги бросились в атаку. Стрела попала в грудь одного из них, и он тяжело упал на землю. Тут же коричневые убили серого лучника и напали на другого, но этот самурай оказался проворнее, и они скрестили мечи, серый кричал, предупреждая остальных об измене. Коричневый на юте ранил одного из серых, но трое других быстро расправились с ним и побежали к сходням, моряки рассыпались кто куда. Самураи на нижней палубе отчаянно сражались, зная, что они преданы и что в любой момент они тоже будут смяты нападающими. Командир серых на палубе, крупный плотный мужчина с седой бородой, бросился на Блэксорна и Марико.

— Убейте предателей! — проревел он и напал на них с боевым кличем.

Блэксорн видел, что все они глядят вниз на Марико, все еще лежащую в обмороке, стремясь убить ее, и знал, что если он не сделает что-нибудь как можно быстрее, скоро они оба будут мертвы и что от моряков помощи ждать нечего, потому что только самурай может сражаться с самураем.

Блэксорн вытащил нож, зажал его в руке и, с силой метнув, попал в горло самурая. Два других бросились на Блэксорна, высоко поднимая боевые мечи. Он сжал второй нож и стал около Марико, зная, что не сможет бросить ее беззащитной. Углом глаза он видел, что битва у сходней почти выиграна. На мостках внизу держались еще только трое серых, они не давали захватить корабль. Если он сможет остаться в живых меньше чем минуту, он будет спасен и она будет спасена. Убить их, убить негоде-ев!

Он скорее почувствовал, чем увидел, что меч тянется к его горлу, и отскочил в сторону. Один из серых устремился за ним, другой остановился над лежащей Марико, поднимая меч. В этот момент Блэксорн увидел, что Марико приходит в сознание. Она бросилась к ногам ничего не подозревающего человека, свалив его на палубу. Затем, подобравшись к убитому серому, выхватила меч, все еще сжатый в его руке, с криком бросилась на стражника. Сваленный ею серый вскочил на ноги и, яростно взвывая, пошел на нее. Она отступила и храбро отбивалась мечом,

но Блэксорн знал, что она погибла, так как мужчина был слишком силен. Каким-то чудом Блэксорн избежал смерти во время очередной атаки своего противника, оттолкнул его ногой и бросил нож в нападавшего на Марико. Он попал в спину, не дав ему точно ударить мечом, после чего Блэксорн оказался на юте, в безвыходном положении, так как один серый шел за ним по пятам, а другой, который только что вышел победителем из схватки на полуюте, бежал к нему по палубе. Он прыгнул к планширу, пытаясь спастись в море, но поскользнулся на залитой кровью палубе.

Марико посмотрела вверх, побледнев, на огромного самурая, который, шатаясь, все еще блокировал ее в углу, — жизнь быстро покидала его, но все-таки недостаточно быстро. Она нанесла ему удар со всей своей силой, но он парировал его и, захватив ее меч, вырвал его из рук. Он собрал все свои силы и нанес удар, когда одетые ронинами самураи ворвались на сходни через мертвых серых. Один напал на противника Марико, другой выстрелил из лука в сторону юта.

Стрела вонзилась в спину серого, он потерял равновесие, и его меч скользнул за спиной Блэксорна по планширу. Блэксорн пытался отползти в сторону, но самурай схватил его, бросил на палубу и потянулся к глазам Блэксорна. Другая стрела ударила серого в плечо, и он выронил меч, закричал от боли и злости, тщетно пытаясь выдернуть древко. Третья стрела заставила его скорчиться. Кровь хлынула изо рта, он задыхался, глаза его стекленели, но он тянулся к Блэксорну и упал на него в тот момент, когда последний из серых подбежал, пытаясь нанести смертельный удар коротким мечом. Он занес его над совершенно беспомощным Блэксорном, но дружеская рука перехватила меч. Голова противника отделилась от шеи, вверх брызнул фонтан крови. Оба трупа с Блэксорна сняли и подняли его вверх, поставив на ноги. Вытирая кровь с лица, он с трудом разглядел, что Марико распростерта на палубе, вокруг нее суетятся одетый как ронин самурай. Он оттолкнул своих помощников, спотыкаясь, побрел по направлению к ней, но колени его согнулись, и он рухнул на палубу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Потребовалось добрых десять минут, чтобы Блэксорн собрался с силами и мог стоять без посторонней помощи. Тем временем самурай, наряженный как ронин, расправился с тяжело ранеными и выбросил в море трупы. Погибло шестеро коричневых и все серые. Они прибрались на корабле и приготовили его к немедленному отплытию, послав моряков на весла и поставив других в ожидании команды поднимать якоря. Количество факелов удвоили, нескольких самураев послали на разведку к северу вдоль берега, чтобы перехватить Бунтаро. Большое количество людей Торанаги отправили к югу, в сторону каменного волнолома, расположенного в двухстах шагах, где они заняли хорошую оборонительную позицию, защищаясь от сотни серых с фрегата, которые, увидев атаку, быстро приближались.

Когда все на берегу было проверено и перепроверено, командир сложил руки рупором и прокричал в сторону берега. Из ночной тьмы тут же появились новые самураи, одетые как ронины, ими командовал Ябу, они образовали две шеренги, загромождающие проход с южной и северной сторон. Потом появился Торанага и в одиночку медленно пошел к сходням. Он снял женское кимоно и черный дорожный плащ и смыл весь грим. Теперь на нем были доспехи, поверх них простое коричневое кимоно, за пояс были заткнуты мечи. Пространство за ним было загорожено остатками его охраны, вся фаланга мерной поступью направилась к гавани.

«Негодяй,— подумал Блэксорн.— Ты жестокий, хладнокровный, бессердечный негодяй, но в тебе есть величие,— без сомнения».

Перед этим он видел, как Марики несли вниз, ей помогала молодая женщина, и он предположил, что она ранена, но не сильно, потому что всех сильно раненных самураев тут же убивали, если они не могли сделать этого сами, а она была самураем.

Руки у него были очень слабы, но он взялся за штурвал и подтянулся вверх, — ему помог один из моряков; слабый бриз

разогнал тошноту, он почувствовал себя лучше. Шатаясь, все еще плохо соображая, он смотрел, что делает Торанага.

В главной башне замка вспыхнул свет, оттуда донеслись слабые звуки набата. Потом со стен замка вдруг полетели в небо огни. Сигнальные огни.

«Боже мой, они, должно быть, получили сообщение, видимо, узнали о бегстве Торанаги!»

В тишине он видел, как Торанага оглянулся назад и вверх. Огни засветились по всему городу. Без лишней спешки Торанага повернулся и поднялся на борт.

Ветер с севера донес отдаленные крики. Бунтаро! Это должен быть он с остатками колонны. Блэксорн всматривался в темноту вдаль, но не мог ничего рассмотреть. На севере расстояние между атакующими серыми и защищающимися коричневыми быстро сокращалось. Он прикинул соотношение сил. В данный момент примерно поровну. Но сколько времени это будет продолжаться?

«Кейрей!» Все на борту встали на колени и низко поклонились, как только Торанага вступил на палубу. Торанага сделал знак Ябу, который сопровождал его. Ябу тут же отдал команду, приказывая отчаливать. Пятьдесят самураев из фаланги подбежали к сходням, заняв оборонительную позицию, лицом к берегу, приготовив луки.

Блэксорн почувствовал, что кто-то тянет его за рукав.

— Анджин-сан!

— Хай?

Он посмотрел вниз на лицо капитана. Тот разразился потоком слов, указывая на штурвал. Блэксорн понял, что капитан думает, что он будет вести судно, и спрашивает разрешения отдать концы.

— Хай, капитан-сан,— ответил он,— отчаливай! Исоги! — «Да очень быстро», — сказал он себе, удивляясь, как он так легко запомнил это слово.

Галера отошла от пристани, подгоняемая ветром, лодочки гребли очень хорошо. Тут Блэксорн увидел, что серые достигли волнолома и началась суматошная схватка. В этот момент из темноты за рядами стоящих у берега лодок высочили трое мужчин и девушка, на бегу отбивающиеся от девяти серых. Блэксорн узнал Бунтаро и служанку Сою.

Бунтаро руководил отступлением к пристани, его меч был окровавлен, стрелы торчали из доспехов на груди и спине. Девушка была вооружена пикой, ее шатало, она задыхалась. Один из коричневых остановился, чтобы прикрыть отступление, но

серые тут же смяли его. Бунтаро подбежал к ступеням, девушка с последним коричневым держалась около него, но тут он повернулся и, как дикий бык, обрушился на серых. Первые двое свалились с десятифутовой пристани, один сломал позвоночник о камни внизу, другой падал с ужасным воплем, его правая рука была отрублена. Серые какой-то момент помешкали, дав время девушке направить на них копье, но все на берегу знали, что это только жест. Последний коричневый последовал за своим хозяином, очертя голову бросившись на врага. Серые зарубили его, потом кинулись всей кучей.

Лучники с корабля стреляли залпами, убив или покалечив всех атакующих серых, кроме двух человек. Меч отскочил от шлема Бунтаро, ударив его по броне на плече. Бунтаро ударил противника по шее ниже подбородка своей рукой в доспехах, сломав ему шею, и оттолкнул его от себя. Этот человек умер.

Девушка теперь была на коленях, пытаясь отдышаться. Бунтаро не терял времени, чтобы удостовериться, что все серые мертвы, — он просто отрубал им головы одним мастерским ударом и, когда совсем уверился, что пристань безопасна, повернулся к морю и махнул Торанаге рукой, обессиленный, но счастливый. Торанага ответил, тоже очень довольный.

Корабль был в двадцати ярдах от пристани, расстояние до него увеличивалось.

— Капитан-сан, — позвал Блэксорн, жестами давая понять, что дело срочное, — вернитесь к пристани! Исоги!

Капитан послушно прокричал команды. Весла сразу замерли и начали грести в обратную сторону. Ябу тут же поспешил на ют и с жаром заговорил с капитаном. Приказ был ясен. Корабль не вернулся.

— Ради Бога, ведь еще масса времени. Смотрите! — Блэксорн показал на пустую вытоптанную площадку и волнолом, где ронины удерживали серых перед входом на пристань.

Но Ябу покачал головой.

Расстояние уже увеличилось до тридцати ярдов, и в мозгу Блэксорна все кричало: «Да что же с вами, ведь там Бунтаро, ее муж!»

— Вы не можете дать ему погибнуть, ведь он один из вас, — крикнул он Ябу и всему кораблю. — Ему! Бунтаро! — Он повернулся к капитану: — Вернись туда! Исоги!

Но на этот раз капитан беспомощно замотал головой и остался на прежнем курсе, а главный над гребцами продолжал отбивать ритм на большом барабане.

Блэксорн кинулся к Торанаге, который стоял спиной к нему,

разглядывая берег и пристань. На пути у кормчего сразу же встали четыре телохранителя, подняв мечи. Он окликнул его:

— Торанага-сама! Дозо! Прикажите кораблю вернуться! Туда! Дозо! Пожалуйста! Вернитесь!

— Ие, Анджин-сан. — Торанага сразу же указал на факелы в замке и у волнолома и окончательно отвернулся от него.

— Ну, вы, дерьмовые тусы... — начал Блэксорн и замолчал. Он бросился к плану и наклонился над ним. — Вплыв! — закричал он, показывая им жестами. — Плывите же, ради Бога!

Бунтаро понял. Он поднял девушку на ноги и заговорил с ней, почти столкнув ее к краю причала, но она закричала и кинулась перед ним на колени. Очевидно, она не могла плавать.

Блэксорн в отчаянии кинул взгляд на палубу. Не было времени спускать лодку. Слишком далеко, чтобы бросить веревку. Не хватит сил, чтобы доплыть туда и обратно. Нет спасательных жилетов. Как к последнему средству, он подбежал к ближайшим гребцам, по двое гребущим одним веслом, и остановил их. Все весла с левого борта сразу же сбились с ритма, весло стало задевать за весло. Галера неуклюже замедлила ход, барабан перестал выбивать ритм, и Блэксорн показал гребцам, чего он хотел.

Два самурая направились к нему, чтобы остановить, но Торанага приказал им отойти и не вмешиваться.

Блэксорн вместе с четырьмя моряками бросил весло, как дротик, с одного борта галеры. Оно пролетело какое-то расстояние, потом аккуратно легло на воду и по инерции подплыло к пристани.

В это время со стороны волнолома раздался победный клич. Из города к серым спешило подкрепление, и, хотя переодетые ронинами самураи еще сдерживали атакующих, их поражение было только вопросом времени.

— Ну, — кричал Блэксорн. — Исоги-и-и-и!

Бунтаро поднял девушку, показал на весло и на корабль. Она слабо поклонилась. Бунтаро отвернулся от нее и стал следить за сражением, его огромные ноги твердо стояли на пристани.

Девушка что-то прокричала, обращаясь к кораблю. Ей ответил женский голос, и она прыгнула в воду. Вынырнув, она подплыла, молотя руками и ногами по воде, к веслу и ухватилась за него. Весло легко выдержало ее вес, и она поплыла к кораблю. Девушка удержалась, когда ее накрыла небольшая волна, и подплывала к галере. Но вдруг ее охватил страх, она ослабила

хватку, и весло выскользнуло из ее рук. Какое-то бесконечное мгновение она барахталась, потом скрылась под водой. И больше не появилась.

Теперь на пристани остался один Бунтаро, он стоял, наблюдая, как то разгорается, то снова затихает сражение. Сюга на помощь шло все увеличивающееся подкрепление серых, среди них несколько конников, и он знал, что скоро весь волнолом будет затоплен морем людей. Он внимательно посмотрел на север, запад и юг. Потом повернулся спиной к битве и пошел к дальнему концу пристани. Галера была в безопасности в семидесяти ярдах от ее наиболее выдающихся в море причалов. Все рыбацкие лодки ушли далеко от места битвы и ждали на максимально возможном удалении с обеих сторон гавани, их ходовые огни светились в темноте, словно многочисленные кошачьи глаза.

Достигнув конца пристани, Бунтаро снял свой шлем, лук с колчаном и верхние доспехи, положив их рядом с ножами. Обнаженные боевой и короткий мечи он положил рядом отдельно. Потом, раздевшись по пояс, он поднял свое оружие и выбросил его в море. Боевой меч он рассматривал с особой любовью, потом метнул его со всей силой далеко на глубину. Тот погрузился в воду с громким плеском.

Он церемонно поклонился галере, Торанаге, который сразу же прошел на ют, откуда ему было лучше видно, и поклонился в ответ.

Бунтаро стал на колени, твердо упер короткий меч в камень перед собой, — лунный свет коротко блеснул на лезвии — и сидел неподвижно, словно молясь, лицом к галере.

— Чего он ждет, — пробормотал Блэксорн, галера была жутко неподвижна без боя барабана. — Почему он не прыгает и не плывет?

— Он готовится совершить сеппуку.

Марико стояла рядом, опираясь на молодую женщину.

— Боже мой, Марико, с вами все нормально?

— Нормально, — сказала она, едва слыша его, ее лицо было измучено, но не менее прекрасно.

Он увидел свежую повязку на ее левой руке около плеча, рукав там был оторван, и рука покоилась на перевязи, сделанной из материала, оторванного от ее кимоно. Повязка была в крови, капли ее стекали вниз по руке.

— Я так рад... — тут только до него дошло, о чем она говорила. — Сеппуку? Он собирается убить себя? Почему? У него масса времени, чтобы добраться сюда! Если он не может пла-

вать, смотрите — вот весло, которое легко может выдержать его. Там, около пристани, видите? Вам не видно?

— Да, мой муж умеет плавать, Анджин-сан, — сказала она. — Все, что должны делать офицеры господина Торанаги, он может. Но он решил не плыть.

— Ради Бога, почему?

Внезапный дикий звук донесся с берега, выстрелило несколько мушкетов, стена обороны была пробита, несколько самураев в одежде ронинов упали замертво, но вскоре вновь разгорелись отдельные схватки. На этот раз авангард противника задержали и отбросили назад.

— Скажите ему, пусть плывет!

— Он не поплывет, Анджин-сан. Он готовится умереть.

— Если он хочет умереть, то объясните мне, ради Бога, почему он не идет туда? — Блэксорн пальцем показал в сторону боя. — Почему он не поможет своим людям? Если он хочет умереть, почему он не умрет в бою, как мужчина?

Марико не отводила своих глаз от пристани, опираясь на молодую женщину.

— Потому что он может быть захвачен в плен, и если он поплывет, он тоже может быть захвачен в плен, и тогда враг будет показывать его простым людям, стыдить его, делать другие ужасные вещи. Самурай не может быть захвачен в плен и остаться самураем. Это самый большой позор — быть захваченным в плен врагом, — поэтому мой муж собирается сделать то, что должен сделать мужчина, самурай. Самурай умирает с достоинством. Что самураю жизнь? Ничто. Вся жизнь — страдание, не так ли? Это его право и обязанность умереть с честью, перед свидетелями.

— Что за глупая жертва, — сказал Блэксорн сквозь зубы.

— Будьте терпимее к нам, Анджин-сан.

— Терпимее к чему? К новому вранью? Почему вы не доверяете мне? Разве я не заслужил этого? Вы лжете мне, не так ли? Вы притворились, что упали в обморок, а это был сигнал. Разве не так? Я спрашивал вас, а вы мне солгали.

— Мне приказали... это было приказано, чтобы защитить вас. Конечно, я вам доверяю.

— Вы лжете, — сказал он, зная, что он не прав, но не заботясь об этом, ненавидя этот вздор о жизни и смерти и страстно желая покоя и сна, тоскуя без привычной пищи и питья, своего корабля и своей семьи. — Вы все животные, — сказал он по-английски, зная, что это не так, и отошел в сторону.

— Что он сказал, Марико-сан? — спросила молодая жен-

щина, с трудом скрывая свое раздражение. Она была на полголовы выше Марико, шире в кости, с квадратным лицом и маленькими острыми зубами. Это была Усаги Фудзико, племянница Марико, ей было девятнадцать лет.

Марико объяснила ей.

— Что за ужасный человек! Что за отвратительные манеры! Противный, правда? Как вы можете терпеть его около себя?

— Потому что он спас честь нашего господина. Без его отваги, я уверена, господин Торанага был бы схвачен — мы все были бы схвачены. — Обе женщины вздрогнули.

— Боги спасли нас от такого позора! — Фудзико взглянула на Блэксорна, который, облокотившись на планшир, смотрел на берег. Она какое-то время рассматривала его. «Он смотрится, как золотая обезьяна с голубыми глазами — словно создан, чтобы пугать детей. Ужасно, правда?» — Фудзико вздрогнула и отвернулась от него, опять повернувшись к Бунтаро. Через какое-то время она сказала:

— Я завидую вашему мужу, Марико-сан.

— Да, — печально сказала Марико, — но я хотела бы, чтобы был кто-нибудь еще, чтобы помочь ему.

По обычаю при совершении сеппуку всегда помогает второй самурай, он помещается немного сзади стоящего на коленях человека и отрубает ему голову одним ударом, до того, как агония становится невыносимой и неконтролируемой и так унижает человека в этот высокий момент его жизни. Без помощника достойно умереть могут немногие.

— Карма, — сказала Фудзико.

— Да. Я очень его жалею. Единственная вещь, которой он боялся, — не иметь помощника в этот момент.

— Нам повезло больше, чем мужчинам, правда?

Женщины-самураи совершали сеппуку, вонзая нож в горло, и, следовательно, им не нужен был помощник.

— Да, — сказала Марико.

Ветер донес до них стоны и боевые кличи, отвлекая внимание. Оборона на волноломе снова была нарушена. Небольшой отряд из пятидесяти самураев Торанаги, одетых как ронины, прибежал с севера в качестве подкрепления, среди них было несколько конников. Прорыв снова был ликвидирован с помощью яростной атаки, не было отдано или захвачено ни пяди земли с той или другой стороны, но атакующие были отброшены, и какое-то время было выиграно.

«Время для чего? — горько подумал Блэксорн. — Торанага уже в безопасности. Он отплыл. Он предал вас всех».

Опять загремел барабан.

Весла ударили в воду, нос наклонился и стал резать волны, опять появилась струя за кормой. На стенах замка вверху еще горели сигнальные огни. Почти весь город проснулся.

Главные силы серых обрушились на волнорез. Глаза Блэксорна вновь обратились к Бунтаро. «Ты несчастный негодяй, — сказал он по-английски, — ты несчастный, глупый негодяй!»

Он повернулся и спустился вниз по коридору на главную палубу, направляясь к носу корабля, чтобы проверить, не попадут ли они на мель. Никто, кроме Фудзико и капитана, не заметил, что он ушел с юта.

Гребцы работали веслами очень слаженно, и корабль набирал скорость. Море было тихим, ветер был очень легким. Блэксорн ощутил вкус соли и обрадовался ему. Потом он заметил корабли, сгрудившиеся у выхода из гавани в половине лиги впереди. Это были, конечно, рыбацкие суда, но они были набиты самураями.

— Мы в ловушке, — громко закричал он, зная, что в любом случае это могли быть только враги.

По судну прошло какое-то движение. Все, кто следил за битвой на берегу, одновременно вздрогнули.

Блэксорн оглянулся. Серые спокойно очищали волнолом от коричневых, другие в это время неторопливо направились на пристань к Бунтаро, но четверо конников — коричневые — галопом неслись по площадке перед пристанью с северной стороны, с ними была пятая лошадь, которую вел в поводу их командир. Этот человек простучал копытами по широким каменным ступеням пристани вместе с запасной лошадкой и помчался по ней, а остальные трое бросились на приближающихся серых. Бунтаро тоже оглянулся, но остался на коленях, и, когда человек подъехал к нему сзади, он отмахнулся, взял нож в обе руки, направив лезвие на себя. Торанага тут же сложил руки рупором и закричал:

— Бунтаро-сан! Уезжай с ними — попытайся спастись!

Крик пронесся над волнами и несколько раз был повторен, пока Бунтаро явственно не услышал его. Он поколебался, пораженный, со все еще направленным себе в живот ножом. Снова раздался крик, настойчивый и повелительный.

С усилием Бунтаро переключился от смерти к жизни и холодно обдумал возможность попытки спастись, как ему призывали. Риск был велик. «Лучше умереть здесь, — сказал он себе. — Разве Торанага не знает этого? Здесь почетная смерть».

Там почти наверняка плен. Куда бежать? Триста ри, весь путь до Эдо? Да тебя наверняка схватят!»

Он почувствовал силу в руке, увидел, как у его обнаженного живота ждет уверенно, без дрожи в руке направленный кинжал, и страстно желал приближения освобождающей его смерти, которая наконец искупит все: позор отца, стоящего на коленях перед знаменем Торанаги, когда они должны были хранить верность Яэмону, наследнику Тайко, которому они присягали, позор уничтожения стольких людей, которые честно служили делу Тайко против узурпатора Торанаги, позор женщины, Марики, и ее единственного сына, глубоко испорченных, сын из-за его матери, а она из-за своего отца, чудовищного убийцы, Акечи Дзинсая. И позора от сознания того, что из-за них навеки осквернено его собственное имя.

«Сколько тысяч мук я вынес из-за нее?»

Его душа молила о прощении. Сейчас это было так близко, так легко и так почетно. Следующая жизнь будет гораздо лучше, как она могла быть хуже?

Но при всем при этом он опустил нож и повиновался, снова бросив себя в пучину этой жизни. Его сюзерен приказал ему терпеть дальнейшие страдания и решил не давать ему пока этой попытки. Что еще есть для самурая, кроме выполнения приказов?

Он вскочил, бросился в седло, сжал пятками конские бока и вместе с другим всадником ускакал. Другие всадники, одетые ронинами, выскочили из ночи, чтобы прикрыть их отступление и уничтожить командиров серых. Вскоре они тоже исчезли, за ними поскакало несколько серых на лошадях.

Корабль взорвался смехом.

Торанага, ликуя, стучал кулаком по плану, Ябу и самурай ревели. Даже Марико смеялась.

— Один убежал, а что с остальными мертвыми? — кричал Блэксорн в ярости. — Посмотрите на берег — там, должно быть, три, четыре сотни трупов. Посмотрите на них, ради Бога!

Но его голос не был слышен за смехом.

Потом с носа раздался тревожный крик вперёдсмотрящего. И смех исчез.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Торанага спросил спокойно: — Можем мы пробиться через них, капитан? — Он следил за группой рыбацких лодок, в пятистах ярдах впереди, и соблазнительным проходом, который был оставлен между лодками.

— Нет, господин.

— Нам больше нечего делать, — сказал Ябу. — У нас нет выбора.

Он посмотрел назад на толпу серых, которые ждали на берегу и пристани, ветер доносил еле слышимые насмешки и оскорбления.

Торанага и Ябу стояли теперь на полукате. Барабан молчал, и галера покачивалась на легкой волне. Все на борту ждали, что он решит. Они знали, что надежно заперты в гавани. Опасность на берегу, опасность впереди, ждать тоже опасно. Сеть будет смыкаться все туже и туже, а потом их возьмут в плен. Если потребуется, Ишидо будет ждать несколько дней.

Ябу весь кипел: «Если бы мы сразу кинулись из гавани, мы бы уже прорвались, а не ждали, теряя бесполезно время, этого Бунтаро, мы бы теперь были в безопасности в море, — говорил он себе. — Торанага теряет разум. Ишидо поверит, что я предал его. Я ничего не смогу делать, если мы не прорвемся сейчас, и даже тогда я должен буду воевать на стороне Торанаги против Ишидо. Я ничего не смогу сделать. Кроме как принести Ишидо голову Торанаги. А что? Это сделает меня регентом и даст мне Кванто, не так ли? А потом, через шесть месяцев, с мушкетами, вооружив самураев, почему это не даст мне президентства в Совете регентов? Чем не удача! Уничтожить Ишидо и стать верховным главнокомандующим при наследнике, протектором и комендантом Осацкого замка, генералом, распоряжающимся всеми богатствами главной башни, с властью над всей империей во время несовершеннолетия Яэмона и потом вторым после Яэмона. Почему бы и нет? Или даже самая большая удача. Уничтожить Яэмона и после этого стать сёгуном. И все за одну голову и при добром расположении богов!»

— Прикажи атаковать посты! — скомандовал наконец Торанага.

Когда Ябу отдал приказания и самураи начали готовиться, Торанага переключил свое внимание на чужеземца, который все еще маячил у полукося, где он остановился, когда была поднята тревога, облокотившись на короткую грот-мачту.

«Хотел бы я понять его, — подумал Торанага, — то такой смелый, то такой слабый. То очень нужный, то такой бесполезный. В какой-то момент убийца, в какой-то — трус. То послушный, то очень опасный. Он и мужчина, и женщина. Янь и Инь. Он противоречив и непредсказуем».

Торанага внимательно наблюдал за ним во время бегства из замка, потом во время засады и после нее. От Марики, капитана и других он слышал, что произошло во время схватки на борту. Он был свидетелем удивительных вспышек гнева несколько минут назад, и потом, когда Бунтаро ускорился, он слышал крики и видел вполглаза отвращение на его лице, а затем, когда все смеялись, только злость.

А почему не смех, когда враг поражен? Почему не смех, когда нужно выплеснуть горе, когда карма вмешивается в красивую смерть настоящего самурая, когда карма приводит к бесполезной смерти красивую девушку? Разве не только через смех мы станем наравне с богами и таким образом можем вынести жизнь и преодолеть весь ее ужас, потери и страдания на этой земле? Как сегодня ночью, наблюдая за всеми этими смелыми людьми, встретившими свою судьбу здесь, на этом берегу, этой мягкой ночью, через карму, распорядившуюся тысячами жизней или только одной.

Разве не только через смех мы остаемся людьми?

Почему кормчий не поймет, что он тоже направляется кармой, как и я, как мы все, как даже этот Иисус Христос. Если все, что про него говорится, — правда, это только его карма заставила его умереть на кресте, как обычного преступника, в бесчестье, вместе с другими преступниками, на горе, как об этом рассказывал чужеземный священник.

Все карма.

Как дико прибавать человека к куску дерева и ждать, пока он умрет. Они хуже, чем китайцы, которые наслаждаются пытками.

— Спроси его, Ябу-сан! — сказал Торанага.

— Господин?

— Спроси его, что делать. Кормчего... Разве это не морское сражение? Разве ты не говорил мне, что кормчий — гений на море? Хорошо, давай проверим, прав ли ты. Пусть он докажет это.

Рот Ябу был сжат в плотную жесткую линию. Торанага мог чувствовать его страх, и это забавляло его.

— Марики-сан, — пролаял Ябу, — спросите кормчего, как выбраться — как пробиться через эти корабли?

Марики послушно отошла от планшера, девушка все еще поддерживала ее.

— Нет, со мной все нормально, Фудзико-сан, — сказала она, — спасибо.

Фудзико отпустила ее и неодобрительно смотрела на Блэксорна.

Ответ Блэксорна был коротким.

— Он говорит — пушками, Ябу-сан, — сказала Марики.

— Скажите ему, что он должен придумать что-нибудь получше, если он хочет сохранить голову!

— Мы должны быть терпеливыми с ним, Ябу-сан, — прервал его Торанага, — Марики-сан, скажите ему вежливо: «Ж сожалею, у нас нет пушек. Нет ли другого способа выбраться? По земле невозможно». Точно переведите, что он ответит. Точно.

Марики так и сделала.

— Извините, господин, но он говорит «нет». Только это: «Нет». Невежливо.

Торанага сдвинул пояс и поскреб болячку под доспехами.

— Ну тогда, — сказал он добродушно, — раз Анджин-сан говорит, пушки, а он знает, что говорит, тогда пушки есть. Капитан, давай туда! — Его жесткий мозолистый палец со злобой нацелился на португальский фрегат. — Приготовь людей, Ябу-сан. Если эти южные чужеземцы не одолжат мне пушку, тогда ты заставишь их. Правильно?

— С большим удовольствием, — послушно сказал Ябу.

— Ты был прав, он гений.

— Но выход нашли вы, Торанага-сан.

— Легко найти решение, давая ответы, не так ли? А что решить с Осацким замком, союзник?

— Это не одно и то же. В этом Тайко был очень силен.

— Да. А что за решение было изменить им?

— Конечно, позорная смерть. Но я не понимаю, почему вы спрашиваете меня об этом.

— Просто пришла такая мысль — союзник, — Торанага взглянул на Блэксорна. — Да, он умен. Мне очень нужны умные люди. Марики-сан, эти чужеземцы отдадут мне свои пушки?

— Конечно. Почему бы им не отдать?

Она не привыкла, чтобы ее не слушались. Сейчас она все еще беспокоилась о Бунтаро. Было бы намного лучше позво-

лить ему умереть там. Зачем рисковать его честью? Она ломала голову, почему в самый последний момент Торанага приказал Бунтаро уходить по суше. Торанага мог так же легко приказать ему плыть к кораблю. Это было бы намного безопасней, и для этого было достаточно много времени. Он мог даже приказать это, когда Бунтаро только пробился к пристани. Зачем ждать? В глубине ее души что-то самое секретное подсказало ей, что ее господин имел веские причины ждать и потом отдать такой приказ.

— А если не отдадут? Вы готовы убивать христиан, Марико-сан? — спросил Торанага. — Разве это не самое невозможное по их законам: не убий?

— Да, это так. Но для вас, господин, мы с радостью пойдем в ад, мой муж, мой сын и я.

— Да, вы настоящий самурай, и я не забуду, что вы подняли меч, чтобы защитить меня.

— Пожалуйста, не благодарите меня. Если я в самой незначительной мере помогла, то это была моя обязанность. Если кого-то и нужно вспомнить, так это моего мужа или моего сына. Они для меня очень много значат.

— В настоящий момент вы для меня более ценны. Вы можете даже быть еще более ценной.

— Скажите как, господин. И все будет сделано.

— Отбросьте этого иностранного Бога.

— Господин? — Ее лицо окаменело.

— Отбросьте своего Бога. У вас слишком много обязанностей.

— Вы имеете в виду стать отступницей, господин? Отказаться от христианства?

— Да, если вы не сможете отправить этого Бога туда, где ему надлежит быть, — на задворках вашей души, не на главное его место.

— Пожалуйста, извините меня, господин, — сказала она, колеблясь, — но моя религия никогда не вставала в противоречие с моей верностью вам. Я всегда считала религию моим личным делом, все время. Чем я провинилась перед вами?

— Пока еще нет. Но можете.

— Скажите мне, что я должна делать, чтобы угодить вам.

— Христиане могут стать моими врагами, не так ли?

— Ваши враги — мои враги, господин.

— Священники сейчас противостоят мне. Они могут приказывать всем христианам воевать со мной.

— Они не могут, господин. Они мирные люди.

— А если они продолжают противостоят мне? Если христиане воюют со мной?

— Вы никогда не должны сомневаться в моей верности. Никогда.

— Это Анджин-сан может говорить правду, а у ваших священников лживые языки.

— Есть хорошие священники и плохие священники, господин. Но вы мой сюзерен.

— Очень хорошо, Марико-сан, — сказал Торанага. — Я учту это. Вам приказано подружиться с этим чужеземцем, научиться всему, что он знает, сообщать обо всем, что он говорит, научиться думать как он, не «исповедоваться» в том, что вы делаете, с подозрением относиться ко всем священникам, сообщать обо всем, что спрашивают священники или что они говорят. Ваш Бог должен приспосабливаться быть где-то еще — между всем — или не быть вовсе.

Марико отбросила прядь волос от глаз.

— Я могу делать все это, господин, и все-таки оставаться христианкой. Я клянусь вам в этом.

— Хорошо. Поклянись в этом вашим христианским Богом.

— Перед Богом клянусь вам в этом.

— Хорошо. — Торанага повернулся и позвал: — Фудзико-сан!

— Да, господин?

— С вами есть кто-нибудь из служанок?

— Да, господин, две.

— Отдайте одну Марико-сан. Пошлите другую за зеленым чаем.

— Там есть саке, если хотите. Чай. Зеленый. Ябу-сан, вам саке или зеленый чай?

— Чай, пожалуйста.

— Принесите саке для Анджин-сана.

Свет упал на маленькое золотое распятие, висевшее на шее у Марико. Она увидела, что Торанага внимательно смотрит на него.

— Вы... вы хотите, чтобы я не носила его, господин? Снять его?

— Нет, — ответил он, — пусть оно напоминает вам о клятве.

Они все следили за фрегатом. Торанага почувствовал, что кто-то смотрит на него, и оглянулся. Он увидел жесткое лицо, холодные голубые глаза и почувствовал ненависть — нет, не ненависть, подозрение. «Как смеет чужеземец подозревать меня?» — подумал он.

— Спросите Анджин-сана, почему он сразу не сказал, что там, на корабле чужеземцев, есть много пушек? Взять их, чтобы выйти из ловушки?

Марико перевела. Блэксорн ответил.

— Он говорит...— Марико колебалась, потом торопливо проговорила: — Пожалуйста, извините меня, он говорит, хорошо бы ему пользоваться своей головой.

Торанага рассмеялся:

— Поблагодарите его за его голову. Это самое правильное. Я надеюсь, она останется у него на плечах. Скажите ему, что теперь мы равны.

— Он говорит: «Нет, мы не равны, Торанага-сама. Но дайте мне мой корабль и команду, и я очищу весь океан. От любых врагов».

— Марико-сан, вы думаете, он имеет в виду, что мы такие же, как все — испанцы и южные чужеземцы? — Вопрос был задан беспечно.

Бриз опять бросил прядь волос ей в глаза. Она устало откинула их назад.

— Не знаю, извините меня. Может быть, так, может быть, нет. Хотите, я спрошу его? Извините, но он... он очень странный. Я боюсь, я не понимаю его. Не во всем.

— У нас масса времени. Да. Со временем он объяснится с нами.

Блэксорн видел, как фрегат спокойно поднял якоря сразу после того, как сопровождавшие его серые в спешке высадились на берег, следил, как они спустили баркас, который быстро отбуксировал корабль от места стоянки у пристани на течение. Теперь корабль находился в нескольких кабельтовых от берега на глубокой воде, в безопасности, легкий носовой якорь спокойно держал его на месте, бортом к берегу. Это был обычный маневр европейских кораблей во вражеских или иностранных портах, где с берега могла угрожать опасность. Он знал также, что там не было и не должно было быть суетного движения на палубе, к этому моменту все пушки были заряжены, мушкеты приготовлены, шрапнель, ядра и цепные заряды лежали в изобилии, абордажные сабли ждали в своих стойках, а вооруженные люди наверху на вантах. Глаза следят за горизонтом по всем направлениям. Галера была замечена в тот момент, как изменила свой курс. Два тридцатифунтовых кормовых орудия, направленных прямо на них, были уже готовы к стрельбе. Португальские артиллеристы — самые лучшие в мире после англичан.

«И они все знают про Торанагу, — сказал он себе с горечью, —

потому что они умны и потому что они расспросили своих носильщиков или серых о том, из-за чего весь этот переполох. Или к этому времени проклятые иезуиты, которые знают все, послали им сообщение о бегстве Торанаги и обо мне».

Он почувствовал, как зашевелились его короткие волосы.

— Любая из этих пушек может отправить нас в преисподнюю. Да, но мы в безопасности, так как на борту с нами Торанага. Благодарим Бога за Торанагу.

Марико сказала:

— Мой хозяин спрашивает, каков у вас обычай, когда вы хотите подойти к военному кораблю?

— Если у нас есть пушки, мы салютуем. Или можно просигнализировать флажками, прося разрешения встать рядом.

— Мой господин спрашивает, а если у вас нет флажков?

Хотя они еще были вне пределов досягаемости пушечного выстрела, у Блэксорна было такое ощущение, как если бы он уже лез в один из пороховых бочонков, хотя пушечные порты еще были закрыты. Корабль имел восемь пушек с одной стороны на главной палубе, две на корме и две на носу. «Эразмус» мог бы захватить его, — подумал он про себя, — без сомнения, если бы я имел нужную команду. Мне бы хотелось захватить этот корабль... Проснись, прекрати эти мечтания, мы не на борту «Эразмуса», а этот собачий порох, галера и этот португальский корабль — единственная наша надежда. Под ее пушками мы в безопасности. Дай Бог удачи Торанаге».

— Скажите капитану, пусть повесит на мачте флаг Торанаги. Этого будет достаточно, сеньора. Это будет выглядеть обычным и объяснит им, кто на борту, но я думаю, что они уже знают, кто здесь.

Флаг был поднят очень быстро. Все на галере, казалось, почувствовали себя уверенней. Блэксорн отметил это изменение. Даже он стал чувствовать себя лучше, оказавшись под флагом.

— Мой хозяин говорит: как сказать им, что мы хотим стать рядом с ними?

— Скажите ему, что без сигнальных флагов он имеет две возможности: ждать за пределами досягаемости пушечного выстрела и послать депутацию на борт к ним в маленькой лодке или идти прямо до тех пор, пока можно будет говорить с борта на борт.

— Мой господин спрашивает, что вы посоветуете?

— Идти прямо к ним. Нет причин для осторожности. Господин Торанага на борту. Он самый важный даймё в империи. Конечно, они помогут нам, — и, о, Боже мой!

— Сеньор!

Но он не ответил, тогда она быстро перевела то, что он сказал, выслушала следующий вопрос Торанаги.

— Мой господин спрашивает, фрегат будет что?... Пожалуй-ста, объясните вашу мысль и почему вы остановились?

— Я внезапно понял, что он сейчас в состоянии войны с Ишидо. Разве не так? Так что фрегат может быть не склонен помочь ему.

— Конечно, они помогут нам.

— Нет. Кто сейчас нужнее португальцам, господин Торанага или Ишидо? Если они считают, что Ишидо, они одним выстрелом отправят нас в преисподнюю.

— Не может быть, чтобы португальцы стреляли по японскому кораблю,— сразу же возразила Мариго.

— Поверьте мне, выстрелят, сеньора. Идержу пари, что фрегат не даст нам стать рядом с ним. Я бы не дал, если бы я был на нем кормчим. Боже мой! — Блэксорн посмотрел на корабль.

Серые, издеваясь, ушли с пристани и рассеялись по суше параллельно берегу. «Теперь шансов нет»,— подумал он.

Рыбачьи лодки зловеще перекрывали выход из гавани. Шансов там никаких не было.

— Скажите Торанаге, что есть только одна надежда выбраться из гавани. Это надежда на шторм. Может быть, мы проскользнем там, где не смогут рыбачьи лодки. Тогда мы сможем проскользнуть через выход из гавани.

Торанага задал вопрос капитану, который долго что-то отвечал, потом Мариго спросила у Блэксорна:

— Мой господин спрашивает: «Вы думаете, будет шторм?»

— Мой нос говорит, что да. Но не сегодня. Дня через два или три. Сможем ли мы прождать так долго?

— Ваш нос говорит? Разве у шторма есть запах?

— Нет, сеньора, просто такое выражение.

Торанага подумал. Потом он ответил:

— Мы подходим к ним на такое расстояние, чтобы можно было поговорить, Анджин-сан.

— Тогда скажите ему, чтобы заходил прямо с кормы. Таким образом, у них будут самые плохие условия для прицеливания. Скажите ему, что они преданы,— я знаю, как серьезно они относятся к измене, когда затрагиваются их интересы. Они хуже, чем голландцы! Если этот корабль поможет Торанаге спастись, Ишидо выгонит отсюда всех португальцев, а они этим не рискнут.

— Мой господин говорит, что скоро мы узнаем ответ.

— Мы голые, сеньора. У нас нет никаких шансов против этих пушек. Если корабль враждебен по отношению к нам — даже если просто нейтрален,— считайте, что мы потоплены.

— Мой господин говорит, да, но это будет ваша обязанность уговорить их проявить любезность.

— Как я могу это сделать? Я их враг.

— Мой хозяин говорит, на войне и в мирное время хороший враг может быть более ценен, чем хороший союзник. Он говорит, вы знаете, что у них в голове,— вы придумаете, как их убедить.

— Единственный надежный путь — сила.

— Хорошо. Я согласен, говорит мой господин,— пожалуйста, скажите мне, как атаковать этот корабль?

— Что?

— Он говорит: «Хорошо, я согласен. Как бы вы напали на этот корабль, как бы вы захватили его? Мне нужны их пушки». Простите, я непонятно говорю?

* * *

— Я опять повторяю, я собираюсь разнести ее вдребезги,— заявил адмирал Феррье.

— Нет,— ответил дель Аква, наблюдая за галерой с юта.

— Артиллерист, она уже в пределах пушечного выстрела?

— Нет, дон Феррье,— сказал главный артиллерист,— еще нет.

— Зачем она идет к нам, если не с враждебными намерениями, Ваше Преосвященство? Почему она просто не уходит? Дело понятное.

Фрегат был слишком далеко от входа в гавань, поэтому никто на борту не видел приготовившихся к нападению рыбачьих лодок.

— Мы ничем не рискуем, Ваше Преосвященство, и выигрываем все,— сказал Феррье,— мы делаем вид, что мы не знаем, что на борту Торанага. Мы думаем, что это бандиты — бандиты, которых ведет пират-еретик, которые собираются напасть на нас. Не беспокойтесь, будет легко спровоцировать их, когда они окажутся на расстоянии выстрела.

— Нет,— приказал дель Аква.

Отец Алвито повернулся спиной к планширу.

— Галера подняла флаг Торанаги, адмирал.

— Фальшивый флаг! — сардонически добавил Феррье.

Это старый морской трюк. Мы не видим Торанаги. Может быть, его и нет на борту.

— Нет.

— Боже мой, война будет катастрофой. Это повредит, если не расстроит плавание Черного Корабля в этом году. Я не могу допустить этого! Я не могу, чтобы что-то помешало этому!

— Наши финансовые дела в еще худшем положении, чем ваши, адмирал, — бросил дель Аква, — если мы не будем торговать в этом году, церковь обанкротится, вам понятно? Мы три года не получали ничего из Гоа и Лиссабона, и потеря доходов за прошлый год... Боже, дай мне терпения! Я лучше вас знаю, чем мы рискуем. Ответ — нет!

Родригес сидел, мучаясь болями, в кресле, положив ногу в лубках на мягкий табурет, который удобно стоял около нактоуза.

— Адмирал прав, Ваше Преосвященство. Зачем он подходит к нам, если не с целью нападения? Почему не уходит, а? Ваше Преосвященство, мы очень рискуем.

— Да, и это военное решение, — сказал Феррье́ра.

Алвито резко повернулся к нему.

— Нет, это должен решить Его Преосвященство, адмирал. Мы не должны вредить Торанаге. Мы должны помочь ему.

Родригес сказал:

— Вы мне дюжину раз говорили, что, если когда-нибудь начнется война, она будет длиться очень долго. Война началась, не так ли? Мы видим ее начало. Она наносит вред торговле. Со смертью Торанаги война окончится, и все наши интересы будут в безопасности. Я говорю, нужно ударить по кораблю и отправить его в преисподнюю.

— Мы даже избавимся от этого еретика, — добавил Феррье́ра, следя за Родригесом. — Мы прекратим войну во славу Бога, и еще один еретик попадет в ад на муки вечные.

— Это будет незаконное вмешательство в их политику, — ответил дель Аква, избегая разговора о настоящей причине.

— Мы вмешиваемся все время. Общество Иисуса известно этим. Мы не простые жестокосердные крестьяне!

— Я и не предполагал иначе. Но пока я на борту, вы не потопите этот корабль.

— Тогда будьте добры сойти на берег.

— Чем скорее этот архиубийца погибнет, тем лучше, Ваше Преосвященство, — предположил Родригес. — Он или Ишидо, какая разница? Они оба язычники, и вы не можете доверять ни-

кому из них. Адмирал прав, мы никогда не получим снова такой возможности. А что с Черным Кораблем?

Родригес был взят кормчим с условием оплаты в пятнадцатую часть прибыли. Настоящий кормчий Черного Корабля умер от сифилиса в Макао три месяца назад, и Родригес был взят со своего собственного корабля, «Санта-Тереза», и поставлен на новый пост, к его большой радости.

— Сифилис был официальной причиной, — мрачно напомнил себе Родригес, — хотя многие говорили, что тот кормчий был убит ножом в спину при драке с ронином во время скандала в публичном доме. Боже мой, это такая удача! И ничто не должно помешать этому!

— Я полностью принимаю на себя всю ответственность, — сказал Феррье́ра. — Это военное решение. Мы втянуты в войну между туземцами. Мой корабль в опасности. — Он повернулся к главному артиллеристу. — Мы уже в пределах пушечного выстрела?

— Ну, дон Феррье́ра, это зависит от того, что вы хотите, — главный артиллерист подул на конец фитиля, от чего он покраснел и заискрился. — Я мог бы попасть сейчас ей в нос или корму или попасть в середину галеры, в зависимости от того, что вы хотите. Но если вы хотите попасть в человека, определенного человека, тогда для более прицельного выстрела надо еще немного подождать.

— Я хочу, чтобы вы попали в Торанагу. И этого еретика.

— Вы имеете в виду англичанина, кормчего?

— Да.

— Кто-нибудь должен показать мне японца. Кормчего я, несомненно, узнаю.

Родригес сказал:

— Если кормчий погибнет при выстреле по Торанаге и это прекратит войну, тогда я тоже за это, адмирал. В других случаях его нужно оставить в живых.

— Он еретик, враг нашей страны, мерзавец, он уже причинил больше неприятностей, чем гнездо гадюк.

— Я уже говорил вам, что, во-первых, англичанин кормчий, в-последних, он кормчий один из лучших в мире.

— Кормчие имеют какие-то особые преимущества? Даже еретики?

— Да, клянусь Богом. Мы используем его, как они используют нас. Это великое расточительство, если мы убьем такого опытного кормчего. Без кормчего нет этой вонючей империи, нет торговли и нет ничего. Без меня, ей-Богу, нет ни Черного

Корабли, ни доходов, ни пути домой, так что мое мнение чертовски важно.

С верхушки мачты донесся крик:

— Эй, на юте, галера меняет курс!

Галера направлялась на них, но теперь она забирала на несколько румбов влево, глубже в гавань.

Родригес тут же закричал:

— Тревога! Правый борт, смотреть в оба! Эй, на парусах! Внимание! Поднять якорь!

Все на корабле сразу бросились выполнять его приказание.

— Что случилось, Родригес?

— Я не знаю, адмирал, но нам надо выйти в открытое море. Эта толстопузая проститутка заходит нам с подветренной стороны.

— Ну и что? Мы можем потопить их в любой момент,— сказал Феррьера,— нам еще надо погрузить на борт товары, и святым отцам надо бы вернуться в Осаку.

— Да. Но ни одно вражеское судно не зайдет мне с наветренной стороны. Оно может обойти кругом и напасть на нас со стороны носа, где у нас только одна пушка.

Феррьера презрительно рассмеялся.

— У нас двадцать пушек на борту! А у них ни одной! Ты думаешь, этот корабль с грязными языческими свиньями осмелится попробовать атаковать нас? Ты просто не в своем уме!

— Да, адмирал, поэтому я все еще и плаваю. «Санта-Тереза» выходит в море!

Паруса освободили, и ветер начал наполнять их, рангоут потрескивал. Обе смены были на палубе у боевых постов. Фрегат тронулся, но его ход был еще очень медленный.

— Ну, давай, сука,— торопил Родригес.

— Мы готовы, дон Феррьера,— сказал главный артиллерист.— Я вижу его через прицел. Но долго у меня это не получится. Который там Торанага? Укажите мне его!

На борту галеры не было факелов; единственным освещением был лунный свет. Галера все еще была со стороны кормы, в ста ярдах, но повернулась теперь влево и направлялась к дальнему берегу, весла двигались в одном и том же темпе.

— Это кормчий? Высокий мужчина на юте?

— Да,— сказал Родригес.

— Мануэль и Педрито! Возьмите на прицел его и полуют! — Ближайший к ним артиллерист сделал небольшие поправки в наводке.— Который из них Торанага? Быстро! Хелмсмен, два деления вправо!

— Есть два деления вправо, артиллерист!

Помня о песчаном дне и отмелях вокруг, Родригес следил за вантами, готовый в любую секунду отдать управление кораблем главному артиллеристу, который, по обычаю, вел судно во время стрельбы всем бортом.

— Эй, пушки на правом борту,— крикнул артиллерист.— Как только мы выстрелим, мы дадим кораблю уйти из-под ветра. Готовьтесь стрелять всем бортом!

Артиллерийская команда выполнила приказание, все они смотрели на офицеров на юте. И священников.

— Ради Бога, дон Феррьера, кто из них Торанага?

— Кто же из них Торанага, отец? — Феррьера никогда не видел его до этого.

Родригес ясно видел Торанагу на баке в кольце самураев, но он не хотел показывать его. «Пусть это сделают священники,— подумал он.— Ну, святой отец, сыгрой роль Иуды. Почему мы всегда должны делать всю грязную работу, я не собираюсь помогать этому сукину сыну даже на ломаный грош».

Оба священника молчали.

— Быстро, ну кто же из них Торанага? — спросил опять артиллерист.

Родригес нетерпеливо показал на Торанагу.

— Там, на полуоте. Низенький, толстый негодяй среди этих негодяев-язычников.

— Я вижу его, сеньор кормчий.

Артиллерийская команда сделала последние приготовления.

Феррьера взял фитиль из рук артиллериста.

— Вы нацелились на еретика?

— Да, адмирал, вы готовы? Я махну рукой, это сигнал к выстрелу!

— Хорошо.

— Стой, не убивай! — Это был дель Аква.

Феррьера повернулся к нему:

— Они все язычники и еретики!

— Среди них есть христиане, и даже если они не были бы...

— Не обращайтесь на него внимания, артиллерист! — бросил адмирал.— Мы выстрелим, когда вы будете готовы!

Дель Аква подошел к пушке и встал перед ней. Его туловище возвышалось над ютом и вооруженными моряками, которые лежали в засаде. Его рука была на распятии.

— Я говорю: стой, не убивай!

— Мы убиваем все время, отец,— сказал Феррьера.

— Я знаю, но я стыжусь этого и прошу прощения у Бога.— Дель Аква никогда до этого не был на юте военного корабля с пушками, у которых вставлены запалы, с заряженными мушкетами и пальцами на спусковых крючках, готовых нести смерть.— Пока я здесь, убийства не будет, и я не прошу убийства из засады!

— А если они атакуют нас? Попытаются захватить корабль?

— Я буду просить Бога помочь нам победить их!

— Какая разница, сейчас или чуть позже?

Дель Аква не ответил. «Ты не убьешь»,— подумал он.— Торанага обещал все, а Ишидо ничего».

— Что делать, адмирал? Сейчас самое время! — крикнул главный артиллерист.— Сейчас!

Феррье с горечью повернулся спиной к священникам, бросил фитиль и подошел к поручням.

— Приготовьтесь отразить атаку,— прокричал он.— Если они без разрешения подплывут на пятьдесят ярдов, вам всем будет приказано стрелять, что бы ни говорили священники!

Родригес также был разъярен, но он знал, что он, так же как и адмирал, был бессилин против священника. Сказано — не убий. «Боже мой, а вы сами? — хотел крикнуть он им.— А как же аутодафе? А инквизиция? А как же ваши священники, которые выносили приговоры: «виновен», «колдунья», «сатана», «еретик»? Вспомните две тысячи ведьм, сожженных в одной только Португалии в тот год, когда я отплыл в Азию? А почти в каждой деревне и городе в Португалии и доминионах, куда приезжали и рыскали Божьи Каратели, как гордо называли себя эти инквизиторы в капюшонах, запах горящего мяса тянулся за ними следом?»

Он отбросил свой страх и ненависть и сосредоточился на галере. Он мог теперь хорошо рассмотреть Блэксорна и думал: «Эх, англичанин, хорошо видеть тебя стоящим там и ведущим судно, такого высокого и самоуверенного. Я боялся, тебя казнят, и рад, что ты спасся, но даже если тебе так повезло и ты не имеешь на борту ни одной маленькой пушки, то я отправлю тебя в преисподнюю, что бы ни говорили эти священники.

О, Мадонна, защити меня от всех плохих священников».

— Эй, на «Санта-Терезе»!

— Эй, англичанин!

— Это ты, Родригес?

— Ага!

— Как твоя нога?

— А, черт бы ее побрал!

Родригес очень обрадовался, услышав добродушный смех, донесшийся через разделявшее их море.

В течение получаса два судна маневрировали, выбирая подходящую позицию, гоняясь друг за другом, поворачиваясь и уходя, галера пыталась зайти с наветренной стороны и прижать фрегат к подветренному берегу, фрегат пытался выйти на свободное пространство, чтобы иметь возможность уйти из гавани, если ему это потребуются. Но никто не мог получить значительного преимущества, а во время этой погони те, кто был на борту фрегата, наконец увидели рыбацкие лодки, сгрудившиеся у входа в гавань, и поняли, что это значит.

— Вот почему он идет на нас! Ему нужна защита!

— Тем больше причин для нас утопить его сейчас, когда он в ловушке. Ишидо будет вечно нам благодарен,— сказал Феррье.

Но дель Аква оставался непреклонным.

— Торанага намного важнее. Я настаиваю на том, что сначала мы должны поговорить с Торанагой. Вы всегда сможете потопить его. У него нет пушек. Даже я знаю, что только пушками можно победить пушки.

Так Родригес позволил развиваться этому безвыходному положению, давая им время для передышки. Оба корабля были в центре гавани, недостижимые для рыбацких лодок и друг друга, фрегат подрагивал на ветру, готовый в любой момент сорваться с места, галера, с поднятыми на палубу веслами, дрейфовала рядом в пределах слышимости. Это произошло только тогда, когда Родригес увидел, что галера подняла весла и повернулась боком к его пушкам; тут он стал под ветер, позволяя галере подойти в пределы голосовой связи, а сам приготовился к следующей серии действий. «Спасибо Богу, благословенному Иисусу, Деве Марии и Иосифу за то, что у нас есть пушки, а у этого мерзавца их нет,— подумал Родригес снова.— Англичанин слишком умен».

— Но хорошо, когда против тебя выступает профессионал. Намного безопасней. При этом никто не делает глупых ошибок и никто не причиняет зла без необходимости.

— Можно подняться на борт?

— Кому, англичанин?

— Господину Торанаге, его переводчице и телохранителям. Феррье сказал спокойно:

— Без охраны.

Алвито сказал:

— Он должен прийти с кем-нибудь. Это вопрос престижа.
 — Черт с ним, с престижем. Без телохранителей.
 — Я бы не хотел, чтобы на борт поднимались самураи, — согласился Родригес.

— Может быть, вы согласны пропустить пятерых? — спросил Алвито. — Только его личная охрана? Вы же понимаете суть дела, Родригес.

Родригес подумал и кивнул.

— Пять человек будет нормально, адмирал. Мы выделим пять человек, как вашу «личную охрану» с парой пистолетов на каждого. Отец, вы продумайте все детали. Лучше, если отец продумает все детали, адмирал, он знает как. Ну, отец, давайте, но рассказывайте нам, что там говорится.

Алвито подошел к планширу и крикнул:

— Вы ничего не добьетесь своей ложью! Готовьте свои души к адским мукам — вы и ваши бандиты. У вас десять минут, потом адмирал будет стрелять и отправит вас на вечные муки!

— Мы плаваем под флагом господина Торанаги, клянусь Богом!

— Это фальшивый флаг, пират!

Феррьеера сделал шаг вперед:

— Что за игру вы ведете, отец?

— Пожалуйста, наберитесь терпения, адмирал, — сказал Алвито. — Это только для проформы. Иначе Торанага навсегда обидится, что мы оскорбили его флаг, который мы видим. Ведь это Торанага — он не простой даймё! Может быть, вам лучше вспомнить, что он лично имеет больше войска, чем король Испании!

Ветер завывал в такелаже, шпангоуты нервно поскрипывали. На юте вскоре загорелись факелы, и стало хорошо видно Торанагу. По волнам разнесся его голос.

— Тсуку-сан! Как осмелился ты убежать от моей галеры! Здесь нет пиратов — только те, что там у входа в гавань на рыбачьих лодках. Я хочу немедленно подойти к борту!

Алвито закричал в ответ по-японски, разыгрывая удивление:

— Но, господин Торанага, простите, у нас не было и мысли, что это вы! Мы думали, что это только ловкий трюк. Серые сказали, что бандиты-ронины силой захватили галеру! Мы думали, бандиты с английским пиратом плавают под фальшивым флагом. Я немедленно поднимаюсь к вам.

— Нет. Я сейчас же подойду к вам.

— Прошу вас, господин Торанага, позволить мне подняться

к вам, чтобы сопровождать вас. Мой господин, отец-инспектор, здесь вместе с адмиралом. Они настаивают, чтобы мы исправили ошибку. Пожалуйста, примите наши извинения! — Алвито снова перешел на португальский и громко прокричал боцману: «Спусти баркас!» — И опять Торанаге по-японски: — Баркас будет спущен сейчас же, мой господин.

Родригес слушал, как глумлив голос Алвито, и думал о том, насколько труднее иметь дело с японцами, чем с китайцами. Китайцы понимают искусство торговли, компромисса и уступок, вознаграждений. Но японцы наполнены гордостью, а когда гордость мужчины оскорбляется — для любого японца, не обязательно даже самурая, — смерть является лишь малой ценой, заплаченной за оскорбление. «Ну, идите, давайте кончать», — хотелось крикнуть ему.

— Адмирал, я сейчас же отправлюсь к ним, — говорил отец Алвито. — Ваше Преосвященство, если вы тоже поедете, это очень поможет убогаторить его.

— Я согласен.

— Это не опасно? — спросил Феррьеера. — Вас двоих могут использовать как заложников.

Дель Аква сказал:

— В тот момент, когда появятся признаки измены, я прикажу вам, именем Божиим, уничтожить этот корабль и всех, кто на нем плавает, независимо от того, будем ли мы на борту или нет.

Он спустился на ют, оттуда на главную палубу, прошел сзади пушек, — складки его одеяния величественно развевались. В начале трапа он оглянулся и изобразил руками крест. После этого он застучал сапогами по трапу, спускаясь к баркасу.

Боцман отчалил. Все моряки были вооружены пистолетами, под сиденьем боцмана был припрятан бочонок пороха.

Феррьеера облокотился на планшир и тихо сказал:

— Ваше преосвященство, привезите с собой еретика.

— Что? Что вы сказали? — Дель Акве нравилось играть с адмиралом, чье постоянное высокомерие смертельно оскорбляло его, так как он, конечно, давно решил захватить Блэксорна и достаточно хорошо слышал. «Какая глупость», — подумал он.

— Привезите с собой еретика, а? — опять сказал Феррьеера.

Сюта Родригес слышал глухое: «Да, адмирал», — и подумал: «Какое злодейство ты задумал, Феррьеера?»

Он с трудом повернулся в кресле, его лицо побледнело. Боль в ноге была изматывающей, чтобы терпеть ее, от него требовалось очень много усилий. Кости срастались хорошо, и,

слава Мадонне, рана была чистой. Но трещина оставалась трещиной и даже малейшее качание судна было тяжелым испытанием. Он глотнул грогу из сильно опорожненного морского меха, свисающего с колышка на нактоузе.

Феррьера наблюдал за ним.

— Ваша нога еще болит?

— Все нормально,— грог ослабил боль.

— Будет ли все нормально для того, чтобы проплыть отсюда до Макао?

— Да. И все время воевать с морем. И вернуться летом, если вы это имеете в виду.

— Да, это то, что я имею в виду, кормчий.— Губы опять сложились в насмешливую улыбку.— Мне нужен здоровый кормчий.

— Я здоров. Нога хорошо заживает.— Родригес отключился от боли.— Англичанин не поднимется на борт по доброй воле. Я не думаю, что он придет.

— Сто гиней за то, что вы не правы.

— Это больше, чем я зарабатываю за год.

— Сможете заплатить после того, как мы прибудем в Лиссабон, из доходов от Черного Корабля.

— Согласен. Ничто не заставит его подняться на борт добровольно. Я стану на сто гиней богаче, ей-Богу!

— Беднее! Вы забыли, что иезуиты хотят, чтобы он попал сюда, больше, чем я.

— Почему они хотят этого?

Феррьера оценивающе посмотрел на него и не ответил, все так же криво улыбаясь. Потом, поддразнивая его, сказал:

— Я выведу Торанагу из гавани, если он отдаст мне еретика.

— Я рад, что я ваш союзник и необходим вам и Черному Кораблю,— сказал Родригес.— Я бы не хотел быть вашим врагом.

— А я рад, что мы понимаем друг друга, кормчий. Наконец.

— Я требую вывести меня из гавани. Мне нужно сделать это быстро,— сказал Торанага через переводчика Алвито дель Акве; кроме них, присутствовали еще Марико и Ябу. Торанага стоял на полуюте, дель Аква — на главной палубе, ниже его, рядом с ним, — Алвито, но и при этом их глаза были на одном уровне.— Или, если вам так удобней, ваш боевой корабль может убрать эти рыбацьи лодки с моего пути.

— Простите меня, но это будет недопустимый враждебный акт, который вы бы не могли — не могли рекомендовать фре-

гату, господин Торанага,— сказал дель Аква, разговаривая непосредственно с ним,— он считал, что Алвито переводит синхронно, как всегда.— Это невозможно — открытый акт военных действий.

— Тогда что вы предлагаете?

— Пожалуйста, давайте поднимемся на фрегат. Спросим адмирала. Он примет решение теперь, когда мы знаем ваше желание. Он военный человек, мы нет.

— Приведите его сюда.

— Вам было бы быстрее это сделать, господин. Не говоря, конечно, о чести, которую вы окажете нам.

Торанага знал, что это правда. Несколько мгновений назад они видели, как с южного берега отплыло еще несколько лодок с лучниками, и, хотя в данный момент они были в безопасности, было ясно, что в течение часа выход из гавани будет перекрыт неприятелем.

И он знал, что выбора у него нет.

— Извините, господин,— объяснил ему Анджин-сан ранее, во время неудачной погони,— я не могу приблизиться к фрегату, Родригес слишком искусный кормчий. Я могу прекратить его бегство, если ветер будет держаться, но я не могу загнать его в ловушку, если он не сделает ошибки. Мы должны договориться.

— А он допустит ошибку, и ветер продержится? — спросил Торанага через Марико.

Она ответила:

— Анджин-сан говорит, что мудрый человек никогда не держит пари относительно ветра, если это не ветер торговли и вы не в море. Мы здесь в такой гавани, где горы вызывают завихрения воздуха и его потоки. А кормчий Родригес не допустит ошибки.

Торанага видел, как два этих кормчих применяли всякие свои уловки друг против друга, и знал, без сомнения, что оба они были мастера в своем деле. И он пришел к осознанию того, что ни он, ни его земли и ни сама империя не будут в безопасности, если не заполучат для себя современные корабли чужеземцев и с помощью этих кораблей — контроль над своими морями. Эта мысль поразила его.

— Но как я могу договариваться с ними? Чем можно извинить то, что они так открыто проявили враждебность по отношению ко мне? Теперь моя обязанность похоронить их за оскорбления моей чести.

Тогда Анджин-сан объяснил ему уловку с фальшивыми

флагами: как все корабли используют эту хитрость, чтобы сблизиться с врагом или попытаться избежать его, и Торанага был очень обрадован тем, что может быть такое спасающее его честь решение этой проблемы.

Теперь Алвито говорил:

— Я думаю, нам следует сразу же отправиться, сэр.

— Очень хорошо,— согласился Торанага.— Ябу-сан, примите командование кораблем. Мариико-сан, скажите Анджин-сану, чтобы он оставался на юте за штурвалом, тогда вы пойдете со мной.

— Да, господин.

По размеру баркаса Торанага стало ясно, что с ним сможет отправиться только пять телохранителей, что тоже ожидалось, и окончательный план был прост: если он не сможет убедить их, чтобы фрегат помог, тогда он и его телохранители убьют адмирала, их кормчего и священников и запрут в одной из кабин. Одновременно галера нападет на фрегат с носа, как предложил Анджин-сан, и все вместе они попытаются взять фрегат штурмом. Возьмут ли они его, нет ли, в любом случае все решится очень быстро.

— Это хороший план, Ябу-сан,— сказал он.

— Пожалуйста, разрешите мне пойти вместо вас на переговоры.

— Они не согласятся.

— Очень хорошо, но сразу же, как только мы выберемся из этой западни, выселите всех чужестранцев из нашей империи. Если вы так сделаете, вы привлечете на свою сторону больше даймё, чем потеряете.

— Я подумаю об этом,— сказал Торанага, зная, что это вздор, что он должен привлечь на свою сторону даймё-христиан Оноши и Кийяму и, следовательно, других даймё, или, не выполнив своих обязательств, он будет съеден.— Почему Ябу хочет попасть на фрегат? Какую измену он замышляет, если им не помогут?

— Господин,— говорил тем временем Алвито дель Акве,— можно, я приглашу Анджин-сана сопровождать нас?

— Зачем?

— Мне кажется, что он может захотеть поприветствовать своего коллегу кормчего Родригеса. Этот человек сломал ногу и не может прийти сюда. Родригесу хотелось бы снова повидать его, поблагодарить за спасение, если вы не возражаете.

Торанага не видел причины, почему бы Анджин-сану не сле-

довало идти. Человек был под его защитой, следовательно, ему нечего было опасаться.

— Если он этого хочет, очень хорошо. Мариико-сан, проводите Тсуку-сана.

Мариико поклонилась. Она знала, что ее работа состояла в том, чтобы слушать и сообщать об услышанном, следить за тем, чтобы все, что сказано, было правильно сообщено, без искажений. Она чувствовала себя лучше, ее прическа и макияж были в полном порядке, свежее кимоно было одолжено у госпожи Фудзико, левая рука покоилась в удобной перевязи. Один из матросов, ученик лекаря, перевязал ее рану. Порез в верхней части предплечья не затронул сухожилия, сама рана была чистой. Ванна помогла бы ей еще больше, но на галере условий для этого не было.

Она и Алвито вместе вернулись на ют. Он увидел нож за поясом у Блэксорна и то, как ладно сидело на нем это грязное кимоно. «Насколько он завоевал доверие Торанаги?» — спросил он сам себя.

— Хорошая встреча, кормчий Блэксорн.

— Убирайся к дьяволу, отец! — любезно ответил Блэксорн.

— Может быть, мы еще и встретимся там, Анджин-сан. Может быть, мы там будем. Торанага сказал, что вы можете подняться на борт фрегата.

— Это его приказ?

— Если вы пожелаете,— сказал он.

— Я не хочу.

— Родригесу хотелось бы снова поблагодарить вас и повидаться с вами.

— Передайте ему мое почтение и скажите, что я говорю, что я увижу его в аду. Или здесь.

— Его нога не позволит ему этого.

— Как у него с ногой?

— Живает. С вашей помощью и при милосердии Божиим, через несколько недель, если Бог того пожелает, он будет ходить, хотя и будет всегда хромотать.

— Передайте ему, что я желаю ему всего хорошего. Вам лучше идти, отец, время уходит.

— Родригесу хотелось бы повидать вас. Там есть гог и прекрасный жареный каплун со свежей зеленью и подливкой, свежий хлеб и масло. Будет жаль, кормчий, если пропадет такая еда.

— Что?

— Есть мягкий белый хлеб, кормчий, морские сухари, масло и коровий бок. Свежие апельсины из Гоа и даже галлон вина из

Мадейры, чтобы запить все это, или бренди, если вы его предпочитаете. А также и пиво. Потом каплун из Макао, горячий и сочный. Наш адмирал — эпикурец.

— Черт бы вас побрал!

— Он и возьмет, когда это будет угодно ему. Я только сказал о том, что существует на самом деле.

— Что значит «эпикурец»? — спросила Марико.

— Это человек, который наслаждается пищей и красивым столом, сеньора Мария, — сказал Алвито, называя ее христианским именем. Он заметил, как неожиданно изменилось лицо Блэксорна. Он почти мог видеть, как заработали слюнные железы, и почувствовал его боль в бушующем желудке. Сегодня вечером, когда он увидел подготовку к ужину в большой каюте, блеск серебра, белые скатерти и стулья, настоящие кожаные стулья, почувствовал запах свежего хлеба, и масла, и сочного мяса, он сам ощутил слабость от голода, а он отнюдь не страдал без пищи или от непривычной японской кухни.

«Как просто поймать человека, — сказал он себе, — все, что вам надо, — это знать правильную приманку».

— Прощайте, кормчий! — Алвито повернулся и пошел к трапу. Блэксорн пошел за ним.

— В чем дело, англичанин? — спросил Родригес.

— Где еда? Тогда мы сможем поговорить. Сначала еда, которую вы обещали, — сказал Блэксорн, покачиваясь на главной палубе.

— Пожалуйста, пойдемте со мной, — сказал Алвито.

— Куда вы ведете его, отец?

— Конечно, в большую каюту. Блэксорн может поесть, пока господин Торанага и адмирал беседуют.

— Нет. Он может поесть в моей каюте.

— Легче, конечно, пойти туда, где есть пища.

— Боцман! Проследи, чтобы кормчему принесли все сразу же — все, что он захочет, — в мою каюту, все со стола. Англичанин, ты хочешь грога, вина или пива?

— Сначала пива, потом грога.

— Боцман, проследи за этим и отведи его вниз. И послушай, Писаро, дай ему из моего шкафа одежду и сапоги, все, что нужно. И оставайся с ним, пока я не позову тебя.

Блэксорн молча пошел за Писаро, боцманом, большим и сильным мужчиной, вниз по коридору. Алвито пошел было обратно к дель Акве и Торанаге, которые разговаривали через Марико около лестницы, но Родригес остановил его:

— Отец! На минутку. Что вы сказали ему?

— Только что вам хотелось бы повидать его и что у нас на борту много еды.

— Но вы не предлагали ему поесть?

— Нет, Родригес, я не говорил этого. Но вам не хотелось бы предложить поесть кормчему, если он голоден?

— Этот бедняга не голоден, он голодает. Если он поест в таком состоянии, он будет блевать, как обожравшийся волк, потом он будет вопить, как перепившаяся проститутка. Теперь мне не хотелось бы, чтобы один из нас, даже еретик, ел как животное и вопил как дикий зверь перед Торанагой, понимаете, отец? Не перед этим ссыным сукиным сыном — особенно таким, чистеньким, как промежность сифилитичной проститутки!

— Вы должны научиться быть сдержанным на язык, сын мой, — сказал Алвито. — Он отправит вас в ад. Вам лучше тысячу раз прочитать «Аве, Мария» и поститься два дня. Только на хлебе и воде. Епитимья напомнит вам о его милосердии.

— Спасибо, отец, я так и сделаю. С радостью. И если бы я мог встать на колени, я бы поцеловал крест. Да, отец, этот бедный грешник благодарит вас за ваше Богом данное терпение. Я должен придерживать свой язык.

Феррье окликнул из коридора:

— Родригес, вы спуститесь?

— Я останусь на палубе, пока эта сучья галера будет стоять здесь, адмирал. Если я потребуюсь, я буду здесь. — Алвито собрался уходить, Родригес заметил Марико. — Подождите минуту, отец. Кто эта женщина?

— Донна Мария Тода. Одна из переводчиц Торанаги.

Родригес присвистнул:

— Она хорошенькая?

— Очень хорошенькая.

— Глупо было позволять ей подняться на борт. Почему вы говорите «Тода»? Она одна из наложниц старого Тода Хиро-Мацу?

— Нет. Она жена его сына.

— Глупо было приводить ее на борт. — Родригес подозвал одного из матросов. — Скажи всем, что на корабле женщина, говорящая по-португальски.

— Да, сеньор.

Моряк заторопился уходить, и Родригес снова повернулся к отцу Алвито.

Священник ни в коей мере не был запуган очевидным гневом.

— Госпожа Мария говорит также по-латыни — и так же хорошо. Что-нибудь еще, кормчий?

— Нет, спасибо. Может быть, мне лучше пойти прочитать «Аве, Мария»?

— Да, конечно.

Священник перекрестился и ушел. Родригес сплюнул в шпигат, и один из рулевых вздрогнул и перекрестился.

— Ступай прибай себе к мачте за свою гнилую крайнюю плоть, — прошипел Родригес.

— Да, кормчий, извините, сеньор. Но я нервничаю около этого святого отца. Я не имел в виду ничего плохого.

Юноша увидел, что через горлышко песочных часов прошли последние зерна песка, и перевернул их.

— В полчаса спустись вниз, возьми это проклятое ведро с водой и щетку, уберись у меня в каюте. Скажи боцману, пусть приведет англичанина наверх, и вычисти мою каюту. И для тебя будет лучше, если ты хорошо приберешься в каюте, а то я вытащу у тебя кишки себе для подвязок. И пока ты будешь делать это, читай «Аве, Мария» для спасения своей Богом проклятой души.

— Да, сеньор кормчий, — тихо сказал юноша.

Родригес был фанатик, помешанный на чистоте, и его каюта была похожа на корабельный Святой Грааль. Все должно было быть без единого пятнышка, независимо от погоды.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

— Но ведь должен быть какой-то выход, адмирал, — терпеливо сказал дель Аква.

— Вы хотите совершить открытый акт войны против дружественной нации?

— Конечно, нет.

Каждый находившийся в кают-компании понимал, что они оказались в одной ловушке. Любой открытый акт прямо ставил их с Торанагой против Ишидо, чего они хотели

избежать, на случай если вдруг в конце концов победителем станет Ишидо. В настоящее время Ишидо контролировал Осаку, столицу Киото и большинство регентов. А теперь, через

даймё Оноши и Кийяму, Ишидо контролировал большую часть южного острова Кюсю, порт Нагасаки, главный центр всей торговли, и, таким образом, всю торговлю и Черный Корабль этого года.

Торанага сказал через отца Алвито:

— Какие трудности? Я только хочу, чтобы вы освободили от пиратов выход из гавани, не так ли?

Торанага неудобно сидел на почетном месте — стуле с высокой спинкой за большим столом. Алвито сидел рядом с ним, адмирал напротив, дель Аква сбоку от адмирала. Марико стояла за Торанагой, телохранители-самураи ждали около дверей, напротив вооруженных моряков. Все европейцы понимали, что, хотя Алвито и переводил все, что говорилось в комнате, Марико присутствовала для того, чтобы между ними ничего не говорилось открыто против интересов ее господина и чтобы перевод был полный и точный.

Дель Аква наклонился вперед.

— Может быть, господин, вы можете направить на берег посланника господину Ишидо. Может быть, выход лежит в торговле. Мы могли бы предложить этот корабль как нейтральное место для переговоров. Может быть, таким путем мы могли бы предотвратить войну.

Торанага презрительно рассмеялся:

— Какая война? Мы не воюем, Ишидо и я.

— Но, господин, мы видели битву на берегу.

— Не будьте наивными! Кого убили? Несколько нищих ронинов. Кто кого атаковал? Только ронины, бандиты и несколько фанатиков.

— А во время засады? Мы поняли, что коричневые сражались с серыми.

— Бандиты атаковали нас всех, и серых, и коричневых. Мои люди сражались только для того, чтобы защитить меня. В ночных стычках ошибки бывают часто. Если коричневые убили серых или серые коричневых, это досадная ошибка. Что такое несколько человек для любого из нас? Ничего. Мы не на войне.

Торанага заметил их недоверие, поэтому добавил:

— Скажите им, Тсуку-сан, что в Японии войны ведут армии. Эти нелепые стычки и попытки политических убийств только пробы, которые заканчиваются, если не удаются. Война началась не сегодня вечером. Она началась, когда умер Тайко. Даже до этого, когда он умирал, не оставляя взрослого сына-наследника. Может быть, даже до этого, когда Города, главный правитель, был убит. Сегодняшний вечер не имеет значения.

Никто из вас не понимает нашего государства или нашей политики. Как вы можете понять? Конечно, Ишидо пытается убить меня. Так же как и многие другие даймё. Они делали так в прошлом и будут делать в будущем. Кийяма и Оноши — оба и друзья и враги. Поймите, если бы я был убит, это бы упростило все для Ишидо, настоящего моего врага, но только на какой-то момент. Я сейчас в ловушке, и если ему повезет, то он получит только временное преимущество. Если мне удастся выбраться, ловушки больше никогда не будет. Но поймите меня правильно, все вы, что моя смерть не отодвинет войны и не предотвратит дальнейшие конфликты. Конфликтов не будет, только если умрет Ишидо. А сейчас нет открытой войны, ни с кем. — Он поудобнее устроился на стуле, — ему не нравился запах пищи, приготовленной на масле, и немытых тел. — Но у нас возникла срочная проблема. Мне нужны ваши пушки. Они нужны мне сейчас. Пираты перекрыли мне выход из гавани. Я говорил до этого Тсуку-сану, что скоро каждый должен будет выбрать, на чьей он стороне. Где сейчас окажетесь вы, ваш руководитель и вся христианская церковь? А мои португальские друзья со мною или против меня?

Дель Аква сказал:

— Вы можете быть уверены, господин Торанага, мы все поддерживаем ваши интересы.

— Хорошо. Тогда сразу же разгоните пиратов.

— Это был бы акт войны, и в этом нет никакой выгоды для нас.

— Может быть, мы могли бы как-то торговаться? А? — сказал Феррьера.

Алвито не перевел этого, но вместо этого сказал:

— Адмирал говорит, мы только пытаемся избежать вмешательства в вашу политику, господин Торанага, мы торговцы.

Марико сказала Торанаге по-японски:

— Простите, господин, это неправильный перевод. Это не то, что он сказал.

Алвито вздохнул:

— Я только заменил некоторые слова, господин. Адмирал не соблюдает некоторых правил приличия, так как он иностранец. Он не понимает по-японски.

— А вы соблюдаете, Тсуку-сан? — спросил Торанага.

— Я пытаюсь, господин.

— Что на самом деле он сказал?

Алвито перевел.

После паузы Торанага сказал:

— Анджин-сан сказал мне, что португальцы были очень заинтересованы в торговле, но в торговле они не знают правил хорошего тона и не понимают юмора. Я понимаю и приму ваши объяснения, Тсуку-сан. Но с этого момента, пожалуйста, переводите все точно как говорится.

— Да, господин.

— Скажите адмиралу следующее: «Когда конфликт разрешится, я расширю торговлю. Я хорошо отношусь к торговле. Ишидо — нет».

Дель Аква отметил перемену и надеялся, что Алвито загладит глупость Феррьеры.

— Мы не политики, господин, мы верующие и представляем веру и верующих... Мы поддерживаем ваши интересы. Да.

— Я согласен. Я рассмотрю. — Алвито перестал переводить, его лицо осветилось, и он на момент позволил Торанаге опередить его. — Извините, Ваше Преосвященство, но господин Торанага сказал: «Я рассмотрю вашу просьбу построить церковь, большую церковь в Эдо, как доказательство моего доверия к вашим интересам».

Много лет, с того момента, как Торанага стал господином Восьми Провинций, дель Аква прилагал все усилия, чтобы получить такое разрешение. И получить от него это разрешение сейчас для третьего по величине города империи было бесценной уступкой со стороны Торанаги. Отец-инспектор знал, что пришло время решить проблему пушек.

— Поблагодарите его, Мартин Тсуку-сан, — сказал он, пользуясь условной фразой, которую он предварительно согласовал с Алвито, договариваясь о том, как себя вести Алвито, такому поборнику веры, — и скажите, что мы всегда будем к его услугам. О, да, и спросите его, что он имел в виду, говоря о соборе, — добавил он для адмирала.

— Может быть, я могу говорить напрямую, господин, одну минуту, — начал Алвито говорить Торанаге, — мой господин благодарит вас и говорит, что то, о чем вы просили, видимо, возможно. Он всегда старается помочь вам.

— Стараться — абстрактное слово и недостаточное.

— Да, господин. — Алвито взглянул на телохранителей, которые, конечно, слушали, не подавая вида. — Но я помню, что вы раньше говорили: иногда бывает разумным стать абстрактным.

Торанага сразу понял его. Он махнул рукой, отпуская свою стражу.

— Подождите снаружи, вы все.

Они неохотно повиновались. Алвито повернулся к Феррье:

— Нам пока не нужны ваши часовые, адмирал.

Когда самурай ушли, Феррье отпустил своих людей и взглянул на Марику. На поясе у него были пистолеты, а еще один он держал в сапоге.

Алвито сказал Торанаге:

— Может быть, господин, вам бы хотелось, чтобы госпожа Марику присела?

Торанага снова понял, что он хотел сказать. Он подумал с мгновение, потом коротко кивнул и сказал не оборачиваясь:

— Марику-сан, возьмите одного из моих телохранителей и найдите Анджин-сана. Оставайтесь с ним, пока я не пришло за вами.

— Да, господин.

Дверь за ней закрылась.

Теперь они остались одни. Их было четверо.

Феррье сказал:

— Что предлагается? Что он предлагает?

— Будьте терпеливы, адмирал, — ответил дель Аква; его пальцы дрожали на кресте — он молился об успехе.

— Господин, — начал говорить Алвито Торанаге, — господин, мой повелитель говорит, что все, что вы просите, он попытается сделать в течение сорока дней. Он пошлет секретной почтой ваши слова об успехах в этом деле. Я буду курьером, с вашего позволения.

— А если он не добьется?

— Это произойдет не из-за нежелания помочь, а из-за намерения обдумать. Он дает вам свое слово.

— Перед христианским Богом?

— Да, перед Богом.

— Хорошо. Я сделаю это в письменном виде. Со своей печатью.

— Иногда полные соглашения, деликатные соглашения не следует сводить к письменным, господин.

— Вы хотите сказать, что, если я не дам письменного соглашения, вы тоже не дадите?

— Я только напоминаю вам, что вы сами говорили, что самурайская честь более важна, чем кусок бумаги. Отец-инспектор дает вам свое слово перед Богом, свое слово чести, как это делает самурай. Ваша честь очень много значит для отца-инспектора. Я только подумал, что он будет расстроен, если вы

ему не поверите. Вы хотите, чтобы я просил его что-то подписать?

Торанага, помолчав, наконец сказал:

— Очень хорошо. Его слово перед Иисусом Христом, да? Его слово перед Богом?

— Я даю его по поручению отца-инспектора. Он клянется на святом кресте, что попытается.

— И вы тоже, Тсуку-сан?

— Я тоже дал вам свое слово, перед моим Богом, на святом кресте, что я буду делать все, чем я смогу помочь ему убедить господ Оноши и Кийяму быть вашими союзниками.

— В свою очередь я сделаю то, что я обещал раньше. На срок первый день вы можете заложить камень в самый большой христианский собор в империи.

— А можно будет эту землю, господин, выделить нам сейчас же?

— Как только я прибуду в Эдо. А теперь? Что с пиратами? Вы прогоните их сразу же, сейчас?

— Если бы вы имели пушки, вы могли бы сами справиться с этим, господин?

— Конечно, Тсуку-сан.

— Прошу прощения за такую дотошность, господин, но мы должны выработать план. Пушки не принадлежат нам. Пожалуйста, дайте мне минуту времени. — Алвито повернулся к дель Акве. — С собором все улажено, Ваше Преосвященство. — Потом добавил для Феррье, начиная выполнять согласованный план: — Вам следует радоваться тому, что вы не потопили его, адмирал. Господин Торанага спрашивает, не возьмете ли вы десять тысяч дукатов золотом, когда поедете на Черном Корабле в Гоа, чтобы вложить их в золотой рынок в Индии. Мы были бы рады помочь в сделке с помощью наших источников там, поместив это золото для вас. Господин Торанага говорит, половина доходов — ваша.

И Алвито, и дель Аква считали, что ко времени, когда Черный Корабль вернется через шесть месяцев, либо Торанага будет снова президентом Совета регентов и, следовательно, более чем рад, что проведена такая выгодная сделка, либо он будет мертв.

— Вы будете иметь чистой прибыли четыре тысячи дукатов. Без всякого риска.

— А что взамен? Это больше, чем вся ваша годовая субсидия короля Испании всему обществу иезуитов в Азии. В обмен на что?

— Господин Торанага говорит, пираты не дают ему выйти из гавани. Ему лучше знать, пираты это или нет.

Феррьера ответил тем же самым деловитым тоном, что они оба знают только: это будет на выгоду Торанаге.

— Это плохой совет — поверить этому человеку. У его врагов все выигрышные карты. Христиане-даймё против него. Наверняка два самых главных, я слышал это собственными ушами. Говорят, этот японец — реальный враг. Я верю им, а не этому безродному кретину.

— Я уверен, господин Торанага знает лучше нас, кто пираты, а кто нет, — невозмутимо сказал ему дель Аква, зная, какое будет решение, как знал это и Алвито. — Я думаю, вы не возражаете, чтобы господин Торанага сам имел дело с пиратами?

— Конечно, нет.

— У вас на борту много свободных пушек, — сказал отец-инспектор. — Почему не дать их ему тайком? Продайте на самом деле. Вы продаете оружие все время. Он покупает оружие. Четыре пушки будет более чем достаточно. Будет легко перегрузить их с помощью баркаса, с запасом пороха и зарядов, опять украдкой. Тогда это дело будет решено.

Феррьера вздохнул.

— Пушки, Ваше Преосвященство, бесполезны на борту галеры. У нее нет пушечных портов, нет пушечного такелажа, нет пушечных пиллерсов. Они не смогут воспользоваться пушками, даже если бы у них были артиллеристы, которых у них нет.

Оба священника были поражены.

— Бесполезны?

— Абсолютно.

— Но, конечно, дон Феррьера, они могут приспособить...

— Эта галера непригодна для применения пушек без переделки, которая займет по крайней мере неделю.

— Что такое? — спросил Торанага подозрительно: что-то не то, однако они пытаются это от него скрыть.

— В чем дело, спрашивает Торанага, — сказал Алвито.

Дель Алвито знал, что почва уходит у них из-под ног.

— Адмирал, пожалуйста, помогите нам. Пожалуйста. Я прямо прошу вас. Мы получили большие уступки для дела нашей веры. Вы должны верить мне, и вы должны доверять нам. Вы должны помочь господину Торанаге как-то выбраться из гавани. Я прошу вас от имени церкви. Один собор является огромной уступкой делу веры. Пожалуйста.

Феррьера не позволил себе показать радости такой победы. Мысленно он даже добавил себе значительности своему голосу: «Так как вы просите помочь от имени церкви, Ваше Преосвященство, я, конечно, сделаю все, что вы просите. Я выведу его из этой западни. Но в свою очередь я хочу, чтобы меня назначили адмиралом Черного Корабля на следующий год независимо от того, будет ли удачным этот год или нет».

— Это личное распоряжение короля Испании, его одного. Я не могу назначить на этот пост. Далее: я принимаю ваше предложение относительно золота, но я хочу, чтобы вы гарантировали, что у меня не будет проблем с вице-королем Гоа, или здесь, с золотом, или с Черным Кораблем.

— Вы осмеливаетесь использовать меня и церковь как гарантов?

— Это только деловое соглашение между нами и этой обезьяной.

— Он не обезьяна, адмирал. Вам лучше помнить это.

— Далее: пятнадцать процентов груза этого года вместо десяти.

— Это невозможно.

— Следующее: дать слово, Ваше Преосвященство, перед Богом сейчас, что ни вы, ни один из священников, находящихся в вашем подчинении, никогда не будут угрожать мне отлучением от церкви, если я совершу в будущем акт святотатства, каких еще не было. И далее, ваше слово, что вы и ваши святые отцы будут активно поддерживать и помогать этим двум Черным Кораблям, — также перед Богом.

— И что же еще, адмирал? Конечно, это не все? Наверняка есть что-то еще?

— Последнее: мне нужен этот еретик.

* * *

Марико посмотрела вниз на Блэксорна из дверей каюты. Он лежал в полубессознательном состоянии на полу, пытаясь выbleвать свои внутренности. Боцман облокотился на койку, с вожделением разглядывая ее, видны были пеньки его желтых зубов.

— Он отравлен или пьян? — спросила она Тотоми Кану, самурая, стоящего рядом с ней, безуспешно пытаясь закрыть свои ноздри от запаха пищи и рвоты, запаха этого уродливого моряка перед ней и от постоянного запаха трюмов, который пропитал весь корабль. — Похоже, что он был отравлен, да?

— Может быть, и отравлен, Мариико-сан. Посмотрите на эту мерзость! — Самурай брезгливо махнул рукой в сторону стола: деревянные тарелки с остатками искромсанных кусков рост-бифа, зажаренного с кровью; половинка скелета бойцового цыпленка; наломанные куски хлеба и сыра; пролитое пиво и масло; блюдо холодного мяса с жирной подливкой и полуопустошенная бутылка бренди.

Никто из них никогда не видел раньше мяса на столе.

— Что вам надо? — спросил боцман. — Здесь нет обезьян, вакаримасу? В комнате нет обезьян-сан! — Он поглядел на самурая и отмахнулся от него: — Уходи! Писс аут! — Его глаза обратились на Мариико: — Как тебя зовут? Имя, а?

— Что говорит этот чужеземец, Мариико-сан? — спросил самурай.

Мариико отвела свой зачарованный взгляд от стола и сосредоточилась на боцмане.

— Простите, сеньор, я не поняла вас. Что вы сказали?

— А? — рот боцмана открылся еще больше. Это был большой толстый мужчина, со слишком близко поставленными глазами и большими ушами, волосы торчали жалкими черными косичками. Распятие свисало с толстой шеи, за пояс было заткнуто два пистолета. — О, вы можете говорить по-португальски? Японка, которая может говорить на хорошем португальском языке? Где вы научились говорить на цивилизованном языке?

— Меня научил христианский священник.

— Да будь я Богом проклятым сыном проститутки! Мадонна, этот цветок-сан может говорить на нормальном языке! Блэксорна опять вырвало, и он попытался встать с палубы.

— Вы не могли бы, пожалуйста, вы не могли бы положить его сюда? — Она показала на койку.

— Ага. Если эта обезьяна поможет.

— Кто? Извините, что вы сказали? Кто?

— Он. Этот джеп*. Он.

Слова больно ранили ее, и она прилагала все свои усилия, чтобы оставаться спокойной. Мариико сделала знак самурая.

— Кана-сан, будь любезен, помоги этому чужеземцу. Анджин-сана надо положить вот сюда.

— С удовольствием, госпожа.

Двое мужчин подняли Блэксорна, и он плюхнулся обратно в койку, с тяжелой головой, глупо гримасничая.

* Презрительная кличка японцев.

— Его нужно помыть, — сказала Мариико по-японски, все еще ошеломленная тем, как боцман назвал Кану.

— Да, Мариико-сан. Прикажите чужеземцу послать за слугами.

— Да. — Ее глаза недоверчиво покосились на стол. — Они действительно ели это?

Боцман посмотрел туда же. Он тут же наклонился над столом и оторвал ножку цыпленка, предложив ее Мариико.

— Вы голодны? Вот, маленькая цветок-сан, это хорошая вещь. Сегодня она свежая — действительно каплун из Макао.

Она покачала головой.

Медвежье лицо боцмана расплылось в ухмылке, и он ободряюще обмакнул ногу цыпленка в густую подливку и сунул ей под нос:

— Подливка делает его еще вкуснее. Ну, это достаточно приятная вещь, а теперь можно и поговорить. Никогда не удавалось это раньше. Ну, давай, это подкрепит тебя, чего тут считать! Это каплун из Макао, я тебе сказал.

— Нет, нет, спасибо. Есть мясо... есть мясо запрещено. Это против наших законов — и против буддизма, и против синтоизма.

— Но в Нагасаки не так! — засмеялся боцман. — Многие джепы едят мясо все время. Они делают все, когда им это удается, и грог лакают. Вы христианка, не так ли? Ну, попробуй, маленькая донна. Как узнать, если не попробовать?

— Нет, нет, спасибо.

— Человек не может жить без мяса. Это настоящая еда. Делает вас сильным, так что вы можете прыгать, как горностаи... Вот, — он предложил ножку цыпленка Кане, — хочешь?

Кана с отвращением покачал головой:

— Ие!

Боцман пожал плечами и небрежно отбросил ее обратно на стол.

— «Ие» так «ие». Что у вас с рукой? Повредили в бою?

— Да. Но несильно. — Мариико подвигала ею немного, чтобы продемонстрировать это, и с трудом вытерпела боль.

— Бедняжка! Что вы здесь хотели, донна сеньорита, а?

— Повидать Ан... — встретиться с кормчим. За ним послал господин Торанага. Кормчий пьян?

— Да, это и пища. Бедняга слишком быстро ел и так же быстро пил. Выпил полбутылки одним глотком. Англичане все такие. Не могут переносить свой грог. — Его глаза внимательно рассматривали Мариико. — Я никогда не видел такого малень-

кого цветка, как ты. И никогда не разговаривал с джепом, который может говорить на нормальном языке.

— Вы всех японских дам и самураев называете джепами и обезьянами?

Моряк коротко хохотнул.

— Эх, сеньорита, это сорвалось с языка. Это про обычных сводников и проституток в Нагасаки. Здесь нет ничего обидного. Я никогда не разговаривал с культурной сеньоритой, даже не знал, что такие бывают, ей-богу.

— Я тоже, сеньор. Я никогда не разговаривала с цивилизованными португальцами раньше, только со святыми отцами. Мы японцы, не джепы, понятно? А обезьяны — это животные, правильно?

— Конечно. — Боцман показал свои выбитые зубы. — Вы говорите как донна. Да. Не обижайтесь, донна сеньорита.

Блэксорн начал что-то бормотать. Она подошла к койке и осторожно потрясла его:

— Анджин-сан! Анджин-сан!

— Да-да? — Блэксорн открыл глаза. — О, привет, я сожалею, я... Но боль и закружившаяся комната заставили его лечь на место.

— Пожалуйста, пошлите за слугой, сеньор, его надо помыть.

— Есть рабы, но не для этого, донна сеньорита. Оставьте англичанина — что такое небольшая рвота для еретика?

— Нет слуг? — спросила она, пораженная.

— У нас есть рабы — черные негодяи, но они ленивы — им никто не доверяет мыть себя, — сказал он с кривой ухмылкой.

Марико знала, что у нее нет выбора. Господин Торанага может потребовать Анджин-сана тотчас же, и это была ее обязанность.

— Тогда мне нужно немного воды, — сказала она, — помыть его.

— Есть бочка воды. На лестничной площадке внизу.

— Пожалуйста, принесите мне воды, сеньор.

— Пошлите его. — Боцман ткнул пальцем в Кану.

— Нет. Будьте любезны, сходите вы. Сейчас.

Боцман оглянулся на Блэксорна.

— Вы его возлюбленная?

— Что?

— Вы возлюбленная этого англичанина?

— Что такое возлюбленная, сеньор?

— Его женщина. Его подружка, понимаете, сеньорита, его девушка, этого кормчего, его любовница, возлюбленная.

— Нет, сеньор, нет. Я не его возлюбленная.

— Да? Тогда чья же? Этого оран... этого самурая? Или, может быть, этого князя, который только что поднялся на борт? Тора... что-то, что-то? Вы одна из его?..

— Нет.

— Ни одного из тех, что на борту?

Она покачала головой:

— Пожалуйста, принесите воды.

Боцман кивнул и вышел.

— Это самый безобразный, дурно пахнущий мужчина, которого я когда-либо видел около себя, — сказал самурай. — Что он говорит?

— Он думал, что я одна из наложниц кормчего.

Самурай направился к двери.

— Кана-сан!

— Я требую права по поручению вашего мужа отомстить за это оскорбление. Сразу же! Как если бы вы прелюбодействовали с чужеземцем!

— Кана-сан! Пожалуйста, закройте дверь.

— Вы Тода Марики-сан! Как он осмелился оскорбить вас? За оскорбление должно быть отомщено!

— Оно будет отомщено, Кана-сан, и я благодарю вас. Да. Я даю вам это право. Но мы здесь по приказу господина Торанаги. Пока он не даст своего одобрения, было бы неправильно, если бы вы сделали это.

Кана неохотно закрыл дверь.

— Я согласен. Но я официально прошу вас обратиться к господину Торанаге до того, как мы уедем отсюда.

— Да. Благодарю вас за то, что вы заботитесь о моей чести. «Что бы сделал Кана, если бы он знал все, о чем мы здесь говорили? — спросила она себя, ужаснувшись. — Что бы сделал господин Торанага? Или Хиро-Мацу? Или мой муж? Обезьяны? О Мадонна, помоги мне продержаться и сохрани мой разум». Чтобы унять гнев Каны, она быстро переменяла тему:

— Анджин-сан выглядит таким беспомощным. Прямо как ребенок. Видимо, чужеземцы не могут пить вино из-за желудка. Совсем как некоторые из наших мужчин.

— Да. Но это не из-за вина. Не может быть. Это из-за того, что он съел.

Блэксорн тяжело завопил, приходя в сознание.

— У них нет слуг на корабле, Кана-сан, так что я должна буду

заменить одну из служанок Анджин-сана.— Она начала неуклюже раздевать его, так как у нее еще болела рука.

— Ну-ка, позвольте мне вам помочь.— Кана оказался более ловок.— Я привык делать это для моего отца, который часто страдал от саке.

— Для мужчины хорошо иногда напиться. Это освобождает его от всяческих дьявольских духов.

— Да, но мой отец часто сильно страдал на следующий день.

— Мой муж очень сильно потом болеет. По нескольку дней. Через минуту Кана сказал:

— Может быть, это сам Будда позволил господину Бунтаро спастись.

— Да,— Марико огляделась.— Я не понимаю, как они могут жить в такой грязи? Это хуже, чем у самых бедных наших людей. Я чуть не упала в обморок в той каюте от запаха.

— Это возмутительно. Я никогда не был на борту чужеземного корабля раньше.

— А я никогда не была раньше на море.

Открылась дверь, и боцман принес ведро. Он был шокирован тем, что Блэксорн лежит голый, и, выдернув одеяло из-под койки, накрыл его.

— Он схватит смертельную простуду. Кроме того, стыдно делать это с человеком, даже с ним.

— Что?

— Ничего. Как ваше имя, донна сеньорита? — Его глаза сверкнули.

Марико не ответила. Она сбросила в сторону одеяло и дочиста обмыла Блэксорна, довольная, что можно что-то делать, ненавидя каюту и вонючего боцмана, гадая, о чем говорят в другой каюте: «В безопасности ли мой господин?»

Кончив, она связала в узел кимоно и грязную набедренную повязку.

— Можно это постирать, сеньор?

— А?

— Это надо бы сразу выстирать. Может быть, вы послали бы за рабом, были бы так любезны?

— Это кучка ленивых негодяев, я вам уже сказал. Это займет неделю или даже больше. Выбросьте это, донна сеньорита, они никому не нужны. Наш кормчий Родригес сказал, чтобы я дал ему всю нужную одежду. Вот.— Он открыл шкаф.— Он сказал дать ему все отсюда.

— Я не знаю, как одевать мужчину во все это...

— Ему нужны будут рубашка, брюки, гультфик, носки и ботинки, куртка.— Боцман вынул их и показал ей. Потом с помощью самурая она начала одевать Блэксорна, все еще находящегося в полубессознательном состоянии.

— Как он носит это? — Она держала в руках гультфик в форме мешочка с привязанными к нему тесемками.

— Мадонна, он носит это впереди, вот так.— Боцман, смутившись, показал свой собственный.— Вы привязываете его по этому месту на брюки, как я показал. На его стручок.

Она изучающе посмотрела на боцмана. Он чувствовал ее взгляд и смешался.

Марико надела гультфик на Блэксорна и аккуратно уложила поудобней, вместе с самураем они провели тесемки между ног и завязали их вокруг талии. Она спокойно сказала самураю:

— Это самый нелепый способ одеваться, который я когда-либо видела.

— Это, должно быть, очень неудобно,— ответил Кана,— а священники тоже их носят, Марико-сан? Под своими рясами?

— Я не знаю.

Она отбросила прядь волос от глаз.

— Сеньор, теперь Анджин-сан одет так, как надо?

— Ага, кроме ботинок. Они там вон. Но с ними можно подождать.— Боцман подошел к ней, и ее ноздри заложило от отвращения. Он понизил голос, став спиной к самураю: — Не хотите ли быстренько?

— Что?

— Я схожу по вас с ума, сеньорита, видите ли. Что вы скажете? Там, в соседней каюте, есть койка. Отправьте вашего друга наверх. Англичанин будет в отключке еще час. Я заплачу как обычно.

— Что?

— Вы заработаете монету, даже три, если вам нравится попрыгать, и вы сядете на лучший член отсюда до Лиссабона, а? Что вы скажете?

Самурай заметил ее ужас:

— В чем дело, Марико-сан?

Марико оттолкнула боцмана назад, подальше от койки. Ее речь была прерывистой:

— Он... он сказал...

Кана мгновенно выхватил меч, но его взгляд натолкнулся на стволы двух заряженных пистолетов. Тем не менее он замахнулся для удара.

— Стойте, Кана-сан! — Марико задыхалась. — Господин Торанага запретил всякие стычки до его приказа.

— Ну, обезьяна, иди, ты вонючий обоссанный дерьмовый дурак! Ты! Скажи этой обезьяне поднять свой меч или он будет безголовым сукиным сыном прежде, чем сможет пернуть!

Марико стояла в одном футе от боцмана. Ее правая рука все еще была засунута за пояс, ручка ее стилета все еще лежала у нее в ладони. Но она помнила свой долг и убрала руку.

— Кана-сан, уберите меч. Пожалуйста. Мы должны выполнять приказания господина Торанаги. Мы должны повиноваться ему.

Громадным усилием Кана заставил себя сделать то, о чем она его просила.

— Я собираюсь отправить тебя в ад, джеп!

— Пожалуйста, извините его, сеньор, и меня тоже, — сказала Марико, пытаясь говорить как можно вежливей. — Это ошибка...

— Этот негодяй с обезьяньим лицом вытащил меч. Это не ошибка, ей-Богу!

— Пожалуйста, извините, сеньор, я очень сожалею.

Боцман облизал губы.

— Я забуду об этом, если ты будешь хорошо себя вести, маленький цветок. Пошли с тобой в соседнюю каюту, скажи этой обезьяне, чтобы он оставался здесь, и я забуду об этом.

— Как ваше имя, сеньор?

— Пезаро, Мануэль Пезаро, а что?

— Ничего. Пожалуйста, извините нас за это недоразумение, сеньор Пезаро.

— Пошли в соседнюю каюту. Сейчас.

— Что здесь происходит? Что это... — Блэксорн не понимал, проснулся он уже или все еще в ночном кошмаре, но чувствовал опасность. — Что здесь происходит, скажите, ради Бога!

— Этот вонючий джеп бросился на меня!

— Это была ошибка, Анджин-сан, — сказала Марико. — Я извинилась перед сеньором Пезаро.

— Марико? Это вы, Марико-сан?

— Хай, Анджин-сан. Хонто. Хонто.

Она подошла ближе. Пистолеты боцмана не спускались с Каны. Она была вынуждена задеть за него, проходя мимо, и ей потребовалось приложить еще больше усилий, чтобы не выхватить свой нож и не выпустить из него кишки. В этот момент открылась дверь. Молодой штурвальный вошел в каюту с ведром воды. Он удивленно глянул на пистолеты и выскочил обратно.

— Где Родригес? — сказал Блэксорн, пытаясь заставить работать свою голову.

— Наверху, где и следует быть хорошему кормчему, — сказал боцман, его голос звучал раздраженно. — Этот джеп хотел меня зарубить, ей-Богу!

— Помогите мне выйти на палубу. — Блэксорн ухватился за борта койки. Марико взяла его за руку, но не смогла поднять его.

Боцман махнул пистолетом на Кану.

— Скажи ему, чтобы он помог. Скажи ему, что если на небесах есть Бог, то он будет висеть на нок-рее до конца вахты.

Первый помощник капитана Сантьяго отодвинулся от секретного отверстия в стенке кают-компания, последнее «Ну, тогда все решено», сказанное дель Аквой, все еще звучало в его мозгу. Бесшумно он проскочил через темную каюту, вышел в коридор и тихонько закрыл дверь. Он был высокий, сухощавый мужчина с живым лицом, он носил напояженную косу в виде свиного хвоста. Его одежда была опрятной, и, как и большинство моряков, он ходил босиком. В спешке он проскочил по коридору, бегом пересек главную палубу и взбежал на ют, где Родригес беседовал с Марико. Он извинился, наклонившись, прижался ртом к уху Родригеса и начал выкладывать все, что услышал и о чем был послан подслушивать, так, чтобы никто на юте не мог присоединиться к ним.

Блэксорн сидел на палубе на корме, облокотившись на планшир, голова его лежала на согнутом колене. Марико сидела с прямой спиной, повернувшись лицом к Родригесу, как это принято у японцев, а Кана, самурай, мрачно стоял сбоку. Вооруженные моряки толпились на палубах и расположились в «вороньем гнезде», наверху, еще двое — у штурвала. Корабль все еще был поставлен против ветра, воздух и ночь были чистыми, ореол вокруг луны был больше, дождь недавно кончился. В ста ярдах бортом к кораблю под прицелом его пушек стояла галера, весла были вытащены на палубу, кроме двух с каждой стороны, которые удерживали ее на месте; слабое приливное течение относилось ее в сторону. Рыбачьи лодки, находившиеся в засаде с неприятельскими лучниками-самураями, приблизились, но еще не нападали.

Марико следила за Родригесом и помощником капитана. Она не могла слышать, о чем они говорят, но даже если бы и могла, ее воспитание заставило бы ее предпочесть не вслуши-

ваться. Интимность в бумажных домах была невозможна без вежливости и предупредительности, без интимности цивилизованная жизнь не могла бы существовать, поэтому всех японцев учили слышать и не мешать. Для общего блага.

Когда она пришла с Блэксорном на палубу, Родригес слушал, что говорил боцман и ее сбивчивое объяснение: это была ее ошибка, она неправильно поняла слова боцмана, и это заставило Кану обнажить меч, чтобы защитить ее честь. Боцман слушал, ухмыляясь, его пистолеты все еще были направлены в спину самурая.

— Я только спросил, не была ли она любовницей англичанина, ей-Богу, — она так спокойно умывала его и запихивала в гульфик его сокровища.

— Убери свои пистолеты, боцман.

— Он опасен, говорю я вам. Его надо связать!

— Я прослежу за ним. Иди на нос.

— Эта обезьяна убила бы меня, не будь я попроворней.

Вздернуть его на нок-ре! Мы сделаем это в Нагасаки!

— Мы не в Нагасаки — иди отсюда! Живо!

Когда боцман ушел, Родригес спросил:

— Что он сказал вам, сеньора? На самом деле?

— Это — ничего особенного. Извините.

— Я извиняюсь за высокомерие этого человека перед вами и перед самураем. Пожалуйста, передайте самураю, что я извиняюсь перед ним, прошу его прощения. И я официально прошу вас забыть все оскорбления, нанесенные боцманом. Вашему сюзерену или мне не поможет, если на борту произойдут неприятности. Я обещаю вам, что я разберусь с ним по-своему и в удобное время.

Она поговорила с Каной, и под ее нажимом он наконец согласился.

— Кана-сан говорит, что очень хорошо, но, если он когда-нибудь увидит боцмана Пезаро на берегу, он отрубит ему голову.

— Это честно, ей-Богу. Да. Домо аригато, Кана-сан, — сказал Родригес с улыбкой. — И домо аригато годзиемашита, Марио-сан.

— Вы говорите по-японски?

— О, нет, только слово или два. У меня жена в Нагасаки.

— О, вы давно в Японии?

— Это мое второе плавание сюда из Лиссабона. Я провел семь лет в этих водах, как говорят — сюда, туда, в Макао и в Гоа. — Родригес добавил: — Не обращайтесь на этого

боцмана — он — эта. Но Будда говорит, даже эта имеют право жить. Правда?

— Конечно, — сказала Марио, имя и лицо этого человека запомнились ей навсегда.

— Моя жена говорит немного на португальском, сейчас почти так же хорошо, как и вы. Вы христианка, конечно?

— Да.

— Моя жена новообращенная. Ее отец самурай, хотя и небогатый. Его сюзерен — господин Кийяма.

— Ей повезло иметь такого мужа, — вежливо сказала Марио, но про себя она подумала, содрогаясь: как можно выходить замуж и жить с чужеземцем? — Несмотря на свои хорошие манеры, она спросила: — А госпожа, ваша супруга, ест мясо, как то, что было в каюте?

— Нет, — ответил Родригес со смехом, его зубы были белые, красивые и крепкие. — И я в моем доме в Нагасаки не ем никакого мяса. В море ем и в Европе ем. Таков наш обычай. Тысячу лет назад, до прихода Будды, у вас тоже был такой обычай, правда? До Будды люди жили по Тао, Пути и ели мясо. Даже здесь, сеньора. Даже здесь. Теперь, конечно, мы знаем лучше, некоторые из нас, да?

Марио подумала об этом. Потом она сказала:

— Все португальцы называют нас обезьянами? И джепами? За нашими спинами?

Родригес потянул себя за серьгу, которую он носил в ухе.

— Вы же называете нас варварами? Даже нам в лицо? Мы культурные люди, по крайней мере мы так думаем, сеньора. В Индии, земле Будды, они называют японцев «восточными дьяволами» и не позволяют никуда приставать, если они вооружены. Вы называете индийцев «черными» и нелюдями. Как китайцы называют японцев? Как вы называете китайцев? Как вы называете корейцев? Поедающими чеснок?

— Я не думаю, что господин Торанага будет обрадован. Или господин Хиро-Мацу, или даже отец вашей жены.

— Блаженный Иисус сказал: «Сначала выньте сучок из собственного глаза, прежде чем вытаскивать соломинку из моего».

Она снова задумалась о том, что первый помощник горячо шептал кормчему Родригесу: «Это верно, мы насмехаемся над другими людьми. Но мы же граждане земли Богов и выбраны богами. Мы одни, из всех народов, защищены божественным императором. Разве не мы, следовательно, совсем особые и выше всех других? А если мы японцы и христиане? Я не знаю. О, Мадонна, дай мне твое понимание. Этот кормчий Родригес та-

кой же странный, как английский кормчий. Почему они такие особенные? Это их воспитание? Это ведь невероятно, то, что они делают, не так ли? Как могут они плыть вокруг Земли и идти по морю так легко, как мы это делаем по земле? Знает ли ответ жена Родригеса? Я бы хотела с ней встретиться и поговорить».

Помощник капитана еще больше понизил голос.

— Что он сказал? — воскликнул Родригес с невольным проклятием, и вопреки себе Мариго попыталась прислушаться. Но она не смогла расслышать, что говорил помощник капитана. Потом она увидела, что они оба посмотрели на Блэксорна, и она последовала за ними взглядом, обеспокоенная их тревогой.

— Что еще случилось, Сантьяго? — осторожно спросил Родригес, опасаясь Мариго.

Помощник капитана ответил ему шепотом, сложив руки ру-пором.

— Сколько времени они останутся внизу?

— Они еще будут пить за здоровье друг друга. И за сделку.

— Негодяи! — Родригес схватил помощника капитана за рубашку: — Ни слова об этом, ради Бога. Головой отвечаешь!

— Об этом не стоит и говорить, кормчий.

— Это всегда стоит напомнить. — Родригес посмотрел на Блэксорна. — Разбуди его!

Помощник капитана подошел и грубо растолкал его.

— В чем дело, а?

— Дай ему тумака!

Сантьяго отвесил ему пощечину.

— Боже мой, да я тебя... — Блэксорн вскочил на ноги, его лицо пылало, но он зашатался и упал.

— Черт бы тебя побрал, англичанин! — Родригес бешено ткнул пальцем в двух рулевых. — Бросьте его за борт!

— Что?

— Быстрой, Боже мой!

Пока двое моряков торопливо поднимали Блэксорна, Мариго сказала:

— Кормчий Родригес, вы не должны...

Но прежде чем она или Кана смогли вмешаться, эти двое с силой бросили его за борт. Он пролетел двадцать футов и, хлопнувшись животом о воду, исчез в облаке брызг. Через мгновение он появился на поверхности ошарашенный, молотя руками по воде, — ледяной холод освежил его голову.

Родригес пытался выбраться из своего кресла:

— Мадонна, дайте мне руку!

Один из рулевых подбежал ему помочь, в то время как первый помощник капитана взял его рукой под мышку.

— Боже мой, будьте осторожны, помните о моей ноге, вы, дерьмоголовые увальни!

Ему помогли подойти к борту. Блэксорн все еще кашлял и плевался, но теперь, плывя к борту корабля, он выкрикивал проклятия тем, кто бросил его за борт.

— Два деления вправо! — приказал Родригес рулевым.

Корабль немного ушел от ветра и удалился от Блэксорна. Он крикнул вниз:

— Остановите, к дьяволу, мой корабль! — Потом энергично приказывал своему первому помощнику: — Возьми баркас, вылови англичанина и отправь его на борт галеры. Быстро. Скажи ему... — Он понизил голос.

Мариго была рада, что Блэксорн не утонул.

— Кормчий! Анджин-сан находится под защитой Торанаги. Я требую, чтобы вы немедленно подняли его!

— Одну минуточку, Мариго-сан! — Родригес продолжал шептаться с Сантьяго, который кивал, потом умчался. — Извините, Мариго-сан, гомен кудасаи, но это было срочно. Англичанина нужно было разбудить. Я знал, что он умеет плавать. Он должен быть в форме, и быстро!

— Почему?

— Я его друг. Он когда-нибудь говорил вам об этом?

— Да, но Англия и Португалия находятся в состоянии войны. И Испания.

— Да, но кормчие выше войны.

— Тогда кому же вы служите?

— Флагу.

— А не вашему королю?

— И да, и нет, сеньора. Я обязан англичанину жизнью. — Родригес следил за баркасом. — Держите на курсе, а теперь приводите к ветру, — приказал он рулевому.

— Да, сеньор.

Он подождал, проверяя и перепроверя ветер, и мели, и дальний берег. Лотовой выкрикивал глубины.

— Извините, сеньора, что вы сказали? — Родригес глянул на нее на мгновение, потом отвернулся, чтобы проверить положение корабля и баркаса. Она тоже следила за баркасом. Люди, которые вытаскивали Блэксорна из моря, теперь быстро гребли к галере, работая веслами, сидя, а не стоя. Теперь Анджин-сан был закрыт человеком, который сидел близко к нему, тем, который шептался с Родригесом.

- Что вы сказали ему, сеньор?
- Кому?
- Ему. Сеньору, которого вы послали с Анджин-саном.
- Просто пожелать англичанину всего хорошего и успешного. — Ответ был невыразителен и безлик.

Она перевела Кане сказанное Родригесом.

Когда Родригес увидел баркас рядом с галерой, он опять ожил:

- Святая Мария, Матерь Божья...

Адмирал и иезуиты поднялись наверх. За ними шли Торанага и его телохранители.

— Родригес! Спусти баркас! Святые отцы собираются на берег, — сказал Феррье.

- А потом?

— А потом мы выходим в море. Пойдем в Эдо.

— Почему туда? Мы собирались в Макао, — ответил Родригес, изображая невинность.

— Мы отвезем господина Торанагу в Эдо. Сначала.

— Мы? А что с галерой?

— Она останется или пробьется одна.

Родригес казался еще более удивленным и посмотрел на галеру, потом на Марику. Он увидел проклятие, отразившееся на ее лице.

— Матсу, — спокойно сказал ей кормчий.

— Я сказал — привет, Мария, отец. Я говорил госпоже, что это учит вас терпению.

Феррье посмотрел на галеру:

— Что там делает наш баркас?

— Я отправил еретика обратно.

— Что вы сделали?

— Я отправил англичанина обратно. Что за вопрос, адмирал? Англичанин оскорбил меня, и я отправил этого пидора за борт. Мне следовало утопить его, но он умел плавать, поэтому я послал старшего помощника вытащить его и отвезти на его корабль, так как он, видимо, пользуется благосклонностью господина Торанаги. Что здесь такого?

— Привези его обратно сюда.

— Я пошлю вооруженную команду, адмирал. Что вам надо? Он ругался и призывал на нас геенну огненную. На этот раз он по доброй воле сюда не явится.

— Я хочу, чтобы он снова был на борту.

— Да что за проблемы? Разве вы не сказали, что галера останется и будет сражаться или делать что хочет? Так что англича-

нин по пояс в дерьме. Хорошо. Кому нужен этот пидор вообще-то? Конечно, отцы предпочли бы, чтобы он скрылся с глаз. Да, святые отцы?

Дель Аква не ответил. Алвито тоже. Это нарушало план, изложенный Феррье и принятый ими и Торанагой: чтобы священники сразу же отправлялись на берег, чтобы уладить дело с Ишидо, Кийямой и Оноши, делая вид, что они поверили рассказу Торанаги о пиратах и не знали, что он «спасся» из замка. Тем временем фрегат пойдет к выходу из гавани, оставив галеру пробиваться сквозь рыбацьи лодки. Если будет открытая атака на фрегат, она будет отбита пушками и огнем на поражение.

— Но лодки не должны атаковать нас, — доказывал Феррье, — они должны захватить галеру. Вашей задачей, Ваше Пресвященство, будет убедить Ишидо, что мы не имели другого выбора. В конце концов, Торанага президент Совета регентов. В конце концов, еретик должен остаться на борту.

Ни один из священников не спросил почему. А Феррье не стал объяснять.

Отец-инспектор положил свою мягкую руку на плечо адмирала и отвернулся от галеры.

— Может быть, это и к лучшему, что еретик там, — сказал он и подумал, как неисповедимы пути господни.

«Нет! — хотелось крикнуть Феррье. — Я хотел видеть, как он будет тонуть». Человек за бортом в море на рассвете — так легко, ни следов, ни свидетелей, так просто, несчастный случай, насколько он себе это представлял. И это было то, что заслужил Блэксорн. Адмирал также знал, как ужасна смерть в море для кормчего.

— Нан дза? — спросил Торанага.

Отец Алвито объяснил, что кормчий на галере и почему. Торанага повернулся к Марику, которая кивнула и подтвердила то, что раньше сказал Родригес.

Торанага подошел к борту и пристально посмотрел в темноту. С северного берега отплыло еще много рыбацких лодок, скоро подойдут и другие... Он понимал, что Анджин-сан создавал политические сложности, и это был простой способ, который дали ему боги, если он пожелает избавиться от Анджин-сана. «Хочу ли я этого? Конечно, священники-христиане будут безмерно рады, если Анджин-сан исчезнет, — подумал он. — А также Оноши и Кийяма, которые так боялись этого человека, что кто-то из них или они оба устроили эту попытку убить его. Откуда такой страх?

Это карма, что Анджин-сан теперь на галере, а не в безопас-

ности, здесь. Так ли? То, что Анджин-сан будет отправлен на дно вместе с кораблем, вместе с Ябу и другими и с ружьями, — это также карма. Ружья я могу потерять, Ябу я могу потерять. Но Анджин-сана? Да. Потому что у меня есть еще пока восемь этих чужеземных варваров в запасе. Может быть, их коллективное знание будет равно или больше того, что у этого одного человека. Очень важно как можно быстрее вернуться в Эдо, чтобы подготовиться к войне, которой никак не избежать. Кийяма и Оноши? Кто знает, поддержат ли они меня? Может быть, поддержат, может быть, нет. Но кусок земли и некоторые посулы ничто по сравнению с тем, что значат христиане, если они перейдут на мою сторону через сорок дней».

— Это карма, Тсуку-сан. Не так ли?

— Да, господин. — Алвито посмотрел на адмирала, очень довольный. — Господин Торанага считает, что ничего не сделано. Это только воля Бога.

— Да?

На галере внезапно заработал барабан. Весла с силой ударили в воду.

— Что он делает, Боже мой? — заревел Феррье.

И когда они наблюдали за галерой, уходящей от них, с вершины мачты вдруг пополз флаг Торанаги.

Родригес сказал:

— Похоже, что они извещают эти проклятые рыбацкие лодки в гавани, что господина Торанаги на борту больше нет.

— Что он собирается делать?

— Я не знаю.

— Не знаешь? — спросил Феррье.

— Нет. Но если бы я был на его месте, я бы вышел в море и оставил нас в этой помойной яме или попытался так сделать. Англичанин теперь показывает на нас пальцем. Что будем делать?

— Тебе приказано идти в Эдо. — Адмирал хотел добавить: «Если ты протаранишь галеру — тем лучше», — но удержался, так как их разговор слушала Марико.

Священники, благодаря, отправлялись на берег в баркасе.

— Поднять все паруса! — крикнул Родригес. Его нога болела и сильно пульсировала. — Зюйд-тень-зюйд-вест! Всем наверх!

— Сеньора, пожалуйста, скажите господину Торанаге, что ему лучше бы спуститься вниз. Это будет безопасней, — сказал Феррье.

— Он благодарит и говорит, что останется здесь.

Феррье пожал плечами и подошел к краю полулунья.

— Зарядить все пушки. Шрапнелью! Приготовиться!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

— Исоги! — кричал Блэксорн, заставляя старшего над гребцами увеличить темп. Он оглянулся назад на фрегат, который надвигался на них, идя в крутой байдевинд под всеми парусами, потом снова вперед, оценивая следующий галс, который они выполняют. Он решил, правильно ли рассудил, так как здесь было очень мало пространства для судов, совсем близко были утесы, так что от

удачи до несчастья отделяло всего несколько ярдов. Из-за ветра фрегат, чтобы приблизиться к входу в гавань, должен был делать галс, в то время как галера могла идти как ей заблагорассудится. Но фрегат имел преимущество в скорости. На последнем галсе Родригесу стало ясно, что галере лучше бы уйти с дороги, когда «Санта-Терезе» требуется свободное пространство.

Ябу опять что-то залопотал ему, но он не обратил внимания.

— Не понимаю — вакаримасен, Ябу-сан! Слушай, Торанага-сама сказал, ты, Анджин-сан, иши-бан има! Я теперь главный капитан! Вакаримасу ка, Ябу-сан? — Он указал курс по компасу японскому капитану, который показывал на фрегат всего в пятидесяти ярдах за кормой, быстро догонявший их на другом курсе, грозящем столкновением.

— Держи курс, ради Бога! — сказал Блэксорн. Бриз холодил его пропитанную морской водой одежду, — ему было неприятно, но это помогало проясниться голове. Он проверил небо. Вокруг яркой луны облаков не было, ветер был хороший. «Опасностей отсюда нет, — подумал он. — Боже, пусть луна светит, пока мы не проскочим».

— Эй, капитан! — позвал он по-английски, зная, что это не имеет значения, говори он по-английски, по-португальски или по-голландски, даже на латыни, так как он был один. — Пошли кого-нибудь за sake! Sake! Вакаримас ка?

— Хай, Анджин-сан.

Срочно послали моряка. Убегая, тот посмотрел через плечо, испуганный размером приближающегося фрегата и его скоростью. Блэксорн держал тот же курс, пытаясь вынудить фрегат повернуть, прежде чем он захватит все пространство с наветрен-

ной стороны. Но тот без колебаний шел прямо на него. В последнюю секунду фрегат отпрянул с его пути, а когда их бушприт почти навис над его кормой, он услышал приказ Родригеса:

— Держись на левом галсе! Пусть она идет прямо, и оставайся так!

Потом тот крикнул ему по-испански:

— Твой рот у дьявола в зад, англичанин!

— Твоя мать побывала там раньше!

После этого фрегат отошел к дальнему берегу гавани, где он вынужден был повернуться, чтобы поймать ветер и идти галсом к этому берегу еще раз, чтобы снова повернуть, в последний раз, и попасть в выход из гавани.

В какой-то миг галера была так близко, что могла почти коснуться их корабля. Родригес, Торанага, Марики и адмирал на юте даже отшатнулись. Потом фрегат умчался и их чуть не затащило его кильватерной струей.

— Исоги, исого, ради Бога!

Гребцы удвоили свои усилия. Блэксорн знаками потребовал увеличить количество гребцов, пока в резерве никого не осталось. Он должен был попасть к выходу из гавани раньше, чем фрегат, иначе они пропали.

Галера сокращала расстояние. Но фрегат тоже. В дальнем конце гавани он повернулся, словно танцор, и Блэксорн увидел, что Родригес поставил еще и топсели, и брамсели.

— Он такой же хитрый негодяй, как все эти португальцы!

Принесли sake, но у моряка его взяла молодая женщина, которая помогала Марики и случайно оказалась перед ним. Она мужественно оставалась на палубе, хотя было ясно, что это не ее стихия. У нее были сильные руки, волосы хорошо уложены, а кимоно очень дорогое, выбранное с большим вкусом и опрятное. Галера накренилась от удара волны. Девушка покачнулась и выронила чашку. Ее лицо не дрогнуло, но он увидел, что оно вспыхнуло от стыда.

— Пор нада,— сказал он, когда она стала поднимать ее.— Намае каи?

— Усаги Фудзико, Анджин-сан.

— Фудзико-сан. Сюда, дайте-ка это мне. Дозо.— Он протянул руку, взял бутылку и выпил прямо из нее, проглотив вино одним глотком, стремясь скорее согреть свое тело изнутри. Он сконцентрировал внимание на новом курсе, вокруг которого были мели, о них ему по приказу Родригеса рассказал Сантьяго. Он перепроверил пеленг на мыс, который давал им свободный,

безопасный курс к выходу из гавани, допивая подогретое вино, гадая при этом, почему они дают его теплым, и в таких небольших количествах, и как умудряются его подогревать.

В голове у него теперь прояснилось, и он чувствовал себя достаточно сильным,— надо только соблюдать осторожность. Но он знал, что у него нет никаких резервов, чтобы выбраться, как и у его корабля.

— Саке, дозо, Фудзико-сан.— Он протянул ей бутылку и забыл о ней.

На наветренном курсе фрегат шел слишком быстро и прошел в ста ярдах перед ним, курсом на берег. Он слышал ругань, несущуюся по ветру, и не ответил, сохраняя силы.

— Исоги, Боже мой! Мы погибли!

Возбуждение гонки и ощущение того, что он один и опять командует,— больше силой своей воли, чем по положению,— усиленное редким преимуществом того, что Ябу в его власти, наполнили его бесовским весельем. «Если не получится так, что корабль выскочит и мы вместе с ним, я выброшусь на скалы, чтобы только посмотреть, как ты утонешь, дерьмолицый Ябу! За старого Пьетерсуна!»

Но разве не Ябу спас Родригеса, когда ты не смог? Не он расправился с бандитами, когда ты попал в засаду? И он храбро вел себя сегодня вечером. Да, он дерьмолицый, и это верно.

Ему снова предложили бутылочку sake.

— Дозо,— сказал он.

Фрегат резко остановился, развернулся в крутой байдевинд, и это сильно обрадовало его.

— Я бы не смог сделать лучше,— сказал он ветру.— Но если бы я был на их месте, я бы пробился через лодки, вышел в море и никогда не возвращался. Я бы увел корабль домой и оставил Японию японцам и этим противным португальцам.

Он заметил, что Ябу и капитан смотрят на него, но притворяются, что он им совершенно безразличен.

— Нужно захватить Черный Корабль и взять в добычу то, что он там везет. И отомстить, а, Ябу-сан?

— Нан дес ка, Анджин-сан? Нан дза?

— Иси-бан! Первым! — ответил он, махнув рукой в сторону фрегата. Он осушил бутылочку. Фудзико тут же приняла ее.

— Саке, Анджин-сан?

— Домо, ие!

Оба корабля теперь очень близко подошли к столпившимся рыбацким лодкам, галера направлялась прямо в проход, который был специально оставлен между ними, фрегат выполнял

последний галс и поворачивал к выходу из гавани. Ветер здесь посвежел, так как защищавшие гавань горы отодвинулись, открытое море было уже в полумиле впереди. Порывы ветра били в паруса фрегата, ванты хлопали, как пистолетные выстрелы, у носа в кильватере появилась пена.

Гребцы покрылись потом и явно устали. Один гребец свалился. Потом упал еще один. Пятьдесят с лишним самураев, переодетых ронинами, уже заняли боевые посты. Впереди, по обеим сторонам прохода, лучники в рыбацких лодках уже нацеливали свои луки. В большинстве лодок Блэксорн заметил небольшие жаровни, так что когда начнется стрельба из луков, то стрелы будут в основном зажигательными.

Он, как мог, приготовился к битве. Ябу понял, что предстоит схватка, и сразу же сообразил про зажигательные стрелы. Вокруг штурвала Блэксорн поставил защитные деревянные стенки. Он вскрыл несколько ящиков с мушкетами и поставил там тех, кто мог их заряжать, принес на ют несколько небольших мешков с порохом и приготовил запалы.

Когда Сантьяго, первый помощник капитана, подвозил его на баркасе на галеру, то сказал ему, что Родригес собирается помочь ему, если на то будет милость Божья.

— Мой кормчий говорит, скажи ему, что я бросил его за борт, чтобы он протрезвел, сеньор.

— Зачем?

— Потому, просил он передать вам, что на борту «Санта-Терезы» было опасно, вам опасно.

— Чем опасно?

— Вы должны сами пробиваться, — сказал он вам, — если сможете. Но он поможет.

— Почему?

— Ради Святой Мадонны, придержите свой еретический язык и слушайте — у меня мало времени.

После этого первый помощник рассказал ему о мелях и пеленгах, пути через пролив и их плане. И дал ему два пистолета.

— Вы хорошо стреляете? — спрашивает мой кормчий.

— Плохо, — соврал он.

— Идите с Богом, — просил сказать вам мой кормчий напоследок.

— И он тоже, и вы?

— Что касается меня, я бы отправил тебя в ад!

— И твою сестру!

Блэксорн зарядил бочонки, на случай если начнут стрелять пушки и ему придется действовать без плана или если ока-

жется, что план плохой, а также на случай нападения. Даже такой маленький бочонок, с зажженным запалом, подплывший к борту фрегата, потопит его так же точно, как и выстрел всем бортом из семидесяти пушек. «Неважно, что бочонок маленький, — подумал он, — важно, что в нем».

— Исоги, если хотите жить! — крикнул он и взялся за штурвал, благодаря Бога за Родригеса и за то, что светит яркая луна.

Здесь, на выходе, гавань сужалась до четырехсот ярдов. Глубина воды была большой почти от берега до берега, скальные массивы резко поднимались сразу от моря.

Пространство между затаившимися рыбацкими лодками составляло всего сто ярдов.

«Санта-Тереза» попала теперь в сложное положение, ветер был позади траверза с правого борта, удобно, чтобы идти в кильватере, и они быстро догоняли. Блэксорн держался середины прохода и сделал Ябу знак приготовиться. Все ронины-самураи согласно приказу сидели на корточках ниже планшира, невидимые, пока Блэксорн не отдаст команду, тогда каждый человек — с мушкетом или мечом —кинется к правому или левому борту —туда, куда потребует. Ябу командовал. Японский капитан знал, что его гребцы гребут в темпе барабана, а старший из гребцов знал, что он должен слушаться Анджин-сана. И Анджин-сан один вел корабль.

Фрегат был в пятидесяти ярдах за кормой, в середине прохода, направляясь прямо на них, и стало очевидно, что они потребуют уступить себе середину прохода.

На борту фрегата Феррьера негромко сказал Родригесу:

— Протарань его.

Он смотрел на Марику, которая стояла шагах в десяти от него, у леера, рядом с Торанагой.

— Я не могу — не при Торанаге же и этой бабе!

— Сеньора! — окликнул ее Феррьера. — Сеньора, вам лучше спуститься вниз, вам и вашему господину. Там, на пушечной палубе, ему будет безопасней.

Марику перевела Торанаге, который немного подумал, потом спустился по трапу на пушечную палубу.

— Черт бы побрал мои глаза, — сказал главный артиллерист, не обращая ни к кому в частности. — Я бы не прочь дать залп всем бортом и потопить кого-нибудь. Это проклятый год, мы не потопили ни одного проклятого пирата.

- Да. Эти обезьяны заслуживают хорошей бани.
- На юте Феррьеера повторил:
- Протарань галеру, Родригес!
- Зачем убивать вашего врага, когда за вас это сделают другие?
- Мадонна! Ты совсем как священник! В тебе нет ни капли крови!
- Да, у меня нет настроения убивать,— ответил Родригес также на испанском,— а как ты? В тебе много бойцовой крови, да? А может быть, и испанской?
- Ты собираешься его протаранить или нет? — спросил Феррьеера на португальском, близость смерти захватила его.
- Если она останется там, где сейчас, то да.
- Тогда, Мадонна, пусть она останется там, где есть.
- Что у тебя на уме насчет этого англичанина? Почему ты так разозлился, что его не было с нами на борту?
- Ты мне не нравишься, и я тебе не доверяю теперь, Родригес. Дважды ты становился, или казалось, что становился, против меня или нас, но с еретиком. Если где-то в Азии найдется еще один подходящий кормчий, я спущу тебя на берег, Родригес, и уплыву с моим Черным Кораблем.
- Тогда ты утонешь. Над тобой веет запах смерти, и только я могу защитить тебя.
- Феррьеера суеверно перекрестился.
- Мадонна, у тебя такой мерзкий язык! Какое право ты имеешь так говорить со мной?
- Моя мать была цыганка и седьмой ребенок в семье, и я тоже.
- Врешь!
- Родригес улыбнулся.
- Ах, мой адмирал, может быть, я и вру.— Он сложил руки рупором и закричал:— Приготовиться! — А затем обратился к рулевому: — Держи прямо за ней, и, если эта пузатая проститутка не уйдет в сторону, потопаи ее!

Блэксорн твердо держал руль, ноги и руки у него болели. Старший над гребцами бил в барабан, гребцы делали последнее усилие.

Теперь фрегат был в двадцати ярдах за кормой, вот уже в пятнадцати, сейчас в десяти. Тогда Блэксорн круто повернул влево. Фрегат чуть не врезался в них, повернул за ними и оказался рядом. Блэксорн резко повернул вправо, чтобы идти парал-

лельно фрегату, в десяти ярдах от него. Потом вместе, борт о борт, они приготовились идти сквозь два ряда врагов.

— Давай, давай, негодяи! — кричал Блэксорн, стремясь остаться точно сбоку, так как только здесь его прикрывали вся громада фрегата и его паруса. Несколько мушкетов выстрелило, потом залп зажигательных стрел обрушился на них, не нанеся серьезных повреждений, но несколько стрел по ошибке попали в нижние паруса фрегата, и там вспыхнул пожар.

Все командиры самураев в лодках в ужасе остановили своих лучников. Никто никогда не атаковал корабли южных чужеземцев до этого момента. Разве не они одни привозили шелка, которые делали терпимой любую летнюю жару и любой зимний холод и радостными каждую весну и осень? Разве не чужеземцы с юга защищены императорскими декретами? Не разозлит ли их поджог одного корабля так сильно, что они попросту никогда больше не придут снова?

Когда стрельба прекратилась, Блэксорн начал расслабляться. Родригес тоже. План сработал. Родригес предположил, что под его прикрытием у галеры появится шанс, только шанс.

— Но мой кормчий говорит, вы должны подготовиться к неожиданностям, англичанин,— сказал ему Сантьяго.

— Оттолкни этого негодяя в сторону,— сказал Феррьеера.— Черт возьми, я приказал тебе столкнуть его к обезьянам!

— Пять делений вправо! — поспешно приказал Родригес.

— Есть пять делений вправо! — откликнулся рулевой.

Блэксорн услышал команду. Мгновенно он взял на пять градусов вправо и начал молиться. Если Родригес долго будет держаться этого курса, они врежутся в рыбацкие лодки и погибнут. Если он замедлит ход и окажется сзади фрегата, то вражеские лодки окружат и захватят его независимо от того, верят они или нет, что Торанага на борту. Он должен оставаться у борта фрегата.

— Пять делений вправо! — отдал приказ Родригес, как раз вовремя. Он не хотел, чтобы в него снова летели зажигательные стрелы; на палубе было слишком много пороха.— Ну, ты, сутенер,— пробормотал он, обращаясь к ветру,— давай дуй в мои паруса и вытащи нас отсюда ко всем чертям.

Блэксорн снова повернул на пять градусов вправо, чтобы удержаться в таком положении относительно фрегата, и два корабля неслись бок о бок, правый борт галеры почти касался веслами фрегата, весла левого борта почти опрокидывали рыбацкие лодки. Теперь капитан все понял, понял и старший над

гребцами, и сами гребцы. Они вкладывали в весла последние силы. Ябу прокричал команду, и его ронины-самураи бросили свои луки и кинулись помогать, сам Ябу тоже исчез внизу.

Борт о борт. Оставалось пройти только несколько сот ярдов.

Тут серые на нескольких рыбацких лодках, более смелые, чем остальные, высочили вперед на их курс и бросили абордажные крюки. Нос галеры потопил эти лодки. Абордажные крюки были выброшены за борт до того, как они успели зацепиться. Самураи, державшие их, утонули. И ритм гребли на галере не изменился.

— Еще левее!

— Я остерегаюсь это делать, адмирал. Торанага не дурак и все видит, а там впереди риф!

Феррьеера видел струи около последних рыбацких лодок. «Мадонна, загони его туда!»

— Два деления влево!

Фрегат снова повернул, и Блэксорн сделал то же самое. Оба корабля направились на скопление рыбацких лодок. Блэксорн тоже видел камни. Потонула еще одна лодка, на галеру обрушился еще один залп стрел. Он держал курс как мог дольше, потом закричал:

— Пять градусов вправо! — чтобы предупредить Родригеса, и повернул штурвал.

Родригес провел маневр и отошел в сторону. Но на этот раз он держал курс на сближение, что не входило в их план.

Блэксорн должен был мгновенно выбрать между бурунами и фрегатом. Он мысленно поблагодарил гребцов, которые все еще оставались у своих весел, команду и всех, кто был на борту, кто благодаря своей дисциплинированности дал ему право выбора. И он выбрал.

Он взял еще правее, вытащил пистолет и прицелился:

— Дай дорогу, ей-Богу! — крикнул он и спустил курок. Пуля взвизгнула на юте как раз между адмиралом и Родригесом.

Когда адмирал шарахнулся от пули, Родригес поморщился:

— Ты, англичанин, сын безмозглой проститутки! Тебе повезло, и это был удачный выстрел, или ты целился, чтобы убить?

Он увидел второй пистолет в руке у Блэксорна и смотрящего на него Торанагу. Он не обратил внимания на Торанагу, как на не имеющего сейчас значения.

«Благословенная Матерь Божья, что же мне делать? Придерживаться плана или изменить его? Не лучше ли убить этого англичанина? Для общего блага? Скажи мне, да или нет?

Ответь себе, Родригес, ради своей вечной души! Или ты не мужчина?

Тогда слушай: за этим англичанином пойдут другие еретики, как вши, независимо от того, убить его или не убить. Я обязан ему жизнью, и я клялся, что во мне нет крови убийцы — я не убью кормчего».

— Право руля! — приказал он и дал дорогу галере.

* * *

— Мой господин спрашивает, почему вы чуть не протаранили его галеру?

— Это была только игра, сеньора, игра, в которую играют кормчие. Проверить нервы друг друга.

— А зачем стрелял кормчий?

— Тоже игра — проверить мои нервы. Скалы были слишком близко, и, может быть, я толкал англичанина на них. Мы друзья, правда?

— Мой господин говорит, что глупо играть в такие игры.

— Пожалуйста, принесите ему мои извинения. Важно лишь то, что он теперь в безопасности и галера тоже, и я этому очень рад. Пронто.

— Вы придумали это бегство, эту хитрость, вместе с Анджин-саном?

— Так случилось, что он очень умен и точно определяет время. Луна освещала его путь, море благоприятствовало ему, и никто не допустил ошибок. Но почему неприятель не потопил его, я не знаю. На то была воля Господа.

— Воля Господа? — спросил Феррьеера. Он смотрел на галеру у них за кормой и не поворачивался.

Они были достаточно далеко от выхода из гавани, в стороне от пути на Осаку, галера в нескольких кабельтовых сзади, не было видно ни одного корабля. Большинство весел на галере были на время подняты на борт, оставалось только несколько для спокойного хода, пока основная часть гребцов восстанавливала силы.

Родригес не обращал внимания на адмирала Феррьеера. Он был занят Торанагой. «Я рад, что мы на стороне Торанаги», — сказал себе Родригес. Во время гонки он внимательно рассмотрел его, радуясь такой редкой возможности. Глаза Торанаги видели все, он наблюдал за артиллеристами и парусами, за стрелками с ненасытным любопытством, задавая через Марико вопросы морякам или помощнику капитана: «Зачем это? Как за-

ряжается пушка? Сколько пороха? Как вы стреляете? Зачем эти канаты?»

— Мой хозяин говорит, может быть, это была просто карма. Вы знаете, что такое карма, кормчий?

— Да.

— Он благодарит вас за то, что воспользовался вашим судном. Теперь он вернется опять на свое собственное.

— Что? — Феррьера тут же повернулся к ним. — Мы прибудем в Эдо задолго до галеры. Мы будем рады, если господин Торанага останется на борту.

— Мой господин говорит, что вам больше не стоит беспокоиться. Он вернется на своем собственном корабле.

— Пожалуйста, попросите его остаться. Я рад его обществу.

— Господин Торанага благодарит вас, но желает сразу же перейти на свой корабль.

— Очень хорошо, делай, как он говорит, Родригес. Посигналь им и спусти баркас. — Феррьера был разочарован. Он хотел посмотреть Эдо и получше познакомиться с Торанагой, так как многое в его будущем было связано с ним. Он не верил в то, что Торанага говорил о способах избежать войны. «Мы на стороне этих обезьян против Ишидо, хотим мы этого или нет. И мне это не нравится». — Я буду жалеть, что лишу общества господина Торанаги. — Феррьера вежливо поклонился.

Торанага поклонился в ответ и что-то коротко сказал.

— Мой хозяин благодарит вас.

Родригесу она добавила:

— Мой хозяин говорит, что он наградит вас за галеру, когда вы вернетесь с Черным Кораблем.

— Я не заслужил. Это была только моя обязанность. Простите, пожалуйста, что я не встаю со своего кресла — нога болит, вы понимаете? — ответил Родригес, кланяясь. — Идите с Богом, сеньора.

— Спасибо, кормчий. Вам того же.

Осупью спускаясь по лестнице за Торанагой, она увидела, что боцман Пезаро командует баркасом. По коже у нее побежали мурашки, и ее чуть не вырвало. Она усилием воли удержала спазм, благодарная Торанаге за то, что он велел им всем покинуть этот корабль.

— Хорошей погоды и счастливого пути, — пожелал им Феррьера. Он помахал рукой, приветствие было возвращено, и после этого спустили баркас.

— Уйдешь вниз, только когда вернется баркас, а эта сучья галера скроется из виду, — приказал он главному артиллеристу.

На юте он остановился перед Родригесом и указал на галеру.

— Ты всю жизнь будешь жалеть, что оставил его живым.

— Это в руках Бога. Англичанин «приемлемый» кормчий, если вы сможете переступить через свою религию, мой адмирал.

— Я учел это.

— И?

— Чем скорее мы будем в Макао, тем лучше. Засеки время, Родригес. — Феррьера спустился вниз.

Нога Родригеса болезненно пульсировала. Он сделал глоток из меха для грога. «Феррьера может отправиться в ад, — сказал он себе. — Но, ради Бога, только после того, как мы доберемся до Лиссабона».

Ветер слегка изменил направление, облака достигли лунного нимба, недалеко шел дождь, рассвет испещрил небо. Он все внимание отдал своему кораблю, парусам и его положению. Полностью успокоившись, он посмотрел на баркас. И наконец на галеру.

Родригес выпил еще рому, довольный, что его план сработал так хорошо. Даже и пистолет выстрелил, что и решило все дело. И он был доволен своим решением.

«Я должен был это сделать, и я это сделал. Тем не менее, англичанин, — сказал он печально, — адмирал прав. С тобой в рай пришла ересь».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

— Анджин-сан?

— Хай? — Блэксорн выбирался из глубокого сна.

— Вот еда. И чай.

Какой-то момент он не мог вспомнить, кто он и где он. Потом узнал свою каюту на борту галеры. Столб света пронизывал темноту. Он чувствовал себя хорошо отдохнувшим. Барабанный бой не был слышен, и даже в глубоком сне его чувства подсказали ему, что якорь

брошен и его корабль в безопасности, недалеко от берега, а море спокойно.

Он увидел служанку, несущую поднос, Марику рядом с ней — рука ее больше не на перевязи, — а он лежит в койке кормчего, той же самой, что и во время плавания с Родригесом из деревни Анджино в Осаку, и теперь она была почти такой же, кстати, как его собственная койка в каюте на «Эразмусе». «Эразмус»! Было бы прекрасно снова вернуться на него и повидаться с ребятами.

Он с наслаждением потянулся и взял чашку зеленого чая, предложенную Марику.

— Спасибо. Это прекрасно. Как ваша рука?

— Намного лучше, спасибо. — Марику согнула ее, чтобы показать, как она работает. — Ранена была только мякоть.

— Вы выглядите гораздо лучше, Марику-сан.

— Да, мне теперь лучше.

Когда она на рассвете вернулась с Торанагой на судно, то была близка к обмороку.

— Лучше оставайтесь наверху, — сказал он ей. — Болезнь пройдет тогда быстрее.

— Мой господин спрашивает, почему выстрелил пистолет?

— Это была только шутка, игра двух кормчих, — сказал он ей.

— Мой хозяин выражает свое восхищение вашим искусством в морском деле.

— Нам повезло. Луна помогла. И команда была изумительная. Марику-сан, вы не могли бы спросить капитана, знает ли он эти воды? Извините, но скажите Торанаге-сама, что я не могу больше без сна. Или, может быть, мы можем лечь в дрейф на часок или около того? Я должен поспать.

Он смутно помнил, как она говорила ему, что Торанага сказал, что он может пойти вниз, так как капитан-сан вполне может справиться, потому что они поплывут в прибрежных водах и не будут выходить в море.

Блэксорн опять потянулся и открыл иллюминатор каюты. Скалистый берег был в двухстах ярдах с небольшим.

— Где мы?

— У берега провинции Тотоми, Анджин-сан. Господин Торанага хотел поплавать и дать отдохнуть гребцам несколько часов. Завтра мы будем в Анджино.

— Рыбачьей деревне? Это невозможно. Сейчас полдень, а на рассвете мы были на выходе из Осаки. Это невозможно!

— О, это было вчера, Анджин-сан. Вы проспали день, ночь и еще половину дня, — ответила она. — Господин Торанага сказал, чтобы вам не мешали спать. Теперь он думает, что вам, чтобы

окончательно проснуться, надо хорошо поплавать. После еды.

Еда состояла из двух чашек риса и поджаренной на древесном угле рыбы с темным, уксусно-сладким соусом, который, по ее словам, делали из перебродивших бобов.

— Спасибо — да, я хотел бы поплавать. Почти тридцать шесть часов? Неудивительно, что я так хорошо себя чувствую, — он сжаданостью взял поднос у служанки. Но есть стал не сразу. — Почему она так испугана? — спросил он.

— Она не испугана, Анджин-сан. Просто немного нервничает. Пожалуйста, извините ее. Она никогда не видела до этого так близко чужеземцев.

— Скажите ей, когда бывает полная луна, чужеземцы отращивают рога, а изо рта у них вылетает огонь, как у драконов.

Марику засмеялась.

— Конечно, я этого не скажу. — Она указала на стол. — Тут зубной порошок, щетка, вода и свежие полотенца. — Потом добавила по-латыни: — Я рада, что вы уцелели, что касается нашего путешествия, то вы вели себя очень смело.

Их глаза встретились и на мгновение остались в таком положении. Она вежливо поклонилась. Служанка поклонилась. Дверь за ними закрылась.

«Не думай о ней, — приказал он себе. — Думай о Торанаге или Анджино. Почему мы завтра останавливаемся в Анджино? Высадить Ябу? Тем лучше!

В Анджино будет Оми. Так что с Оми?

Почему не попросить у Торанаги голову Оми? Он должен мне одну или две награды. Или почему не попросить разрешить поединок с Оми-сан? Как? На пистолетах или мечах? На мечах у меня нет шансов, а если взять пистолет, это будет убийство. Лучше ничего не делать и ждать. У тебя скоро будут шансы отомстить им обоим. Ты сейчас наслаждаешься милостями Торанаги. Будь терпелив. Спроси себя, что тебе от него нужно. Скоро мы будем в Эдо, так что у тебя не так много времени. А что с Торанагой?»

Блэксорн пользовался палочками для еды так, как, он видел, ими пользуются заключенные в тюрьме, поднимая чашку с рисом ко рту и заталкивая слипшийся рис с края чашки в свой рот палочками. С кусками рыбы было труднее. Он был все еще недостаточно искусен, поэтому пользовался пальцами, радуясь, что ест один, зная, что есть пальцами перед Марику или Торанагой да и перед любым японцем было бы очень невежливо.

Когда был съеден последний кусочек, он все еще был голоден.

— Пойти взять еще пищи,— сказал он вслух.— Боже мой на небесах, как бы мне хотелось свежего хлеба, яичницы, масла и сыру...

Он вышел на палубу. Почти все были обнажены. Некоторые из мужчин обсыхали, другие принимали солнечные ванны, несколько человек стояли, перегнувшись через борт. В море около борта самураи и моряки плавали и плескались как дети.

— Коннити ва, Анджин-сан.

— Коннити ва, Торанага-сама,— сказал он.

Торанага, совершенно голый, поднимался по лестнице, которая вела в воду.

— Соната ва ёдзимато ка?— сказал он, показывая на море, плеская водой себе на живот и плечи, разогревшись на ярком солнце.

— Хай, Торанага-сама, домо,— Блэксорн отвечал, думая, что у него спрашивают, не хочет ли он поплавать.

Торанага опять указал на море и что-то коротко сказал, потом позвал Марику, чтобы та перевела. Марико спустилась с полуюта, закрывая голову малиновым зонтиком, ее домашнее белое хлопковое кимоно было небрежно подпоясано.

— Торанага-сама говорит, что вы выглядите очень отдохнувшими, Анджин-сан. Вода бодрячая.

— Бодрящая,— сказал он, вежливо поправив ее,— да.

— Ах, спасибо — бодрящая. Он говорит, поплавайте.

Торанага небрежно наклонился над планширом, освобождаясь от воды в ушах с помощью маленького полотенца, а когда в левом ухе осталась вода, он опустил голову вниз и запрыгал на левой ноге, пока она не вылилась. Блэксорн заметил, что Торанага мускулист и подтянут, несмотря на свой живот. Чувствуя себя неловко, стеснясь Марику, он снимал рубашку, гульфик и брюки, пока не оказался совсем голым.

— Господин Торанага спрашивает, все ли англичане такие волосатые, как вы? Волосы такие белокурые?

— Некоторые да,— ответил он.

— Мы... наши мужчины не имеют волос на груди, руках. Не так много. Он говорит, что вы хорошо сложены.

— Он тоже. Пожалуйста, поблагодарите его.

Блэксорн отошел от нее к началу трапа, стесняясь ее и молодой женщины, Фудзико, которая сидела на коленях на полуюте под желтым зонтиком; рядом с ней была служанка, также наблюдавшая за ним. Тогда, чувствуя, что он не сможет поддерживать свое достоинство, если пойдет дальше, он нырнул с борта в бледно-голубую воду. Это был прекрасный прыжок! Холод

моря подействовал на него опьяняюще. Песчаное дно оказалось в трех саженях, — рядом с ним колыхались водоросли, многочисленные стаи рыб не боялись пловцов. У дна его погружение замедлилось, он перевернулся и поиграл с рыбкой, потом вынырнул и поплыл к берегу ленивым, легким, но очень быстрым оверармом, которому его научил Альбан Карадок.

Маленькая бухта была пустынной: много скал, узкая полоса гальки и никаких признаков жизни. Горы на тысячи футов поднимались в голубое бездонное небо.

Он лежал на камнях, загорая. К нему подплыли четыре самурая и расположились поблизости. Они улыбались и махали ему рукой. Когда он немного спустя поплыл обратно, самураи последовали за ним. Торанага все еще не хотел выпускать его из виду.

Он поднялся на палубу. Его платье исчезло. Фудзико и Марико с двумя служанками все еще сидели на палубе. Одна из служанок поклонилась и предложила ему маленькое полотенце, которое он взял и начал вытираться, отвернувшись к планширу.

«Успокойся,— приказал он себе.— Ты спокойно чувствуешь себя голым в запертой комнате с Фелиситой, не так ли? Это ты смущаешься только на публике, когда вокруг женщины — когда она здесь. Почему? Они не замечают обнаженности, и это, в общем, разумно. Ты в Японии. Ты должен делать так же, как они. Ты будешь похож на них и веди себя как король».

— Господин Торанага говорит, вы плаваете очень хорошо. Вы научите его такому же способу? — сказала Марико.

— Я буду рад,— сказал он и заставил себя повернуться и облокотиться, как облокачивался Торанага. Марико улыбалась над ним. «Она выглядит такой хорошенькой»,— подумал он.

— А как вы ныряете в море? Мы никогда не видели этого раньше. Мы всегда прыгаем. Он хочет научиться нырять, как вы.

— Сейчас?

— Да. Пожалуйста.

— Я могу научить его — по крайней мере, я могу попытаться.

Служанка держала наготове кимоно для Блэксорна, он с благодарностью скользнул в него, завязав сразу пояс. Теперь, полностью успокоившись, он объяснил, как нырять, как поджимать голову между руками, распрямляться и выныривать, остерегаться удара животом о воду.

— Лучше начинать с низа лестницы и сначала как будто бы

падать головой вниз, не прыгая и не разбегаясь. Мы так учим детей.

Торанага слушал и задавал вопросы, а потом, когда все понял, сказал через Марико:

— Хорошо. Я думаю, я понял.

Он поднялся на лестницу. Прежде чем Блэксорн смог остановить его, Торанага уже летел в воду в пятнадцати футах под ним. Живот шлепнул о воду с ужасным звуком. Никто не засмеялся. Торанага, отплевываясь, забрался на палубу и попытался снова. И опять он шлепнулся животом. Другим самураям тоже не повезло.

— Это нелегко, — сказал Блэксорн, — у меня ушло много времени, чтобы научиться. Давайте отдохнем и попробуем завтра снова.

— Господин Торанага говорит: «Завтра есть завтра. Сегодня я буду учиться нырять».

Блэксорн сбросил свое кимоно и показал снова. Самураи попробовали, как он. И опять у них не получилось. У Торанаги тоже. Шесть раз.

После очередной демонстрации ныряния Блэксорн взобрался к подножию лестницы и увидел среди остальных Марико, раздетую, готовящуюся прыгать. Ее тело было превосходно, повязка на предплечье свежая.

— Подождите, Марико! Лучше попробуйте отсюда. Для первого раза.

— Очень хорошо, Анджин-сан.

Она спустилась к нему, миниатюрное распятие подчеркивало ее наготу. Он показал, как наклоняться и нырять в море, взяв ее за талию, повернул так, чтобы она вошла в воду головой.

Теперь Торанага попытался прыгнуть с уровня ватерлинии, и довольно успешно. Марико попробовала снова, и прикосновение ее кожи согрело его, он моментально последовал за ней, и прыгнул в воду, и командовал ныряльщиками, пока не охладился. Потом он снова взбежал на палубу и стал у планшира, показывая им смертельный прыжок, который казался ему более легким, зная, что для Торанаги жизненно важно добиться успеха.

— Но вы держитесь прямо, хай? Как меч. Тогда у вас не может не получиться.

Прыжок получился чисто, он вышел из воды и стал ждать.

Вышло несколько самураев, но Торанага махнул им, чтобы они отошли в сторону. Он крепко сцепил руки вверх, выпрямил позвоночник. Грудь и бедра у него покраснели от удара о

воду. Как и показывал Блэксорн, он упал вперед. Голова первой вошла в воду, ноги немного закинуло, но все-таки это был прыжок, и первый успешный прыжок у всей компании. Когда он нырнул, его приветствовали одобрительным ревом. Он повторил снова, на этот раз намного лучше. За ним стали прыгать остальные мужчины, одни удачно, другие нет. После них попробовала Марико.

Блэксорн увидел тугие маленькие груди, тонкую талию, плоский живот и округлые ноги. Гримаса боли прошла по ее лицу, когда она подняла руки над головой. Но она держалась прямо, как стрела, и смело прыгнула, чисто войдя в воду. Кроме него, почти никто ничего не заметил.

— Это был прекрасный прыжок. Действительно прекрасный, — сказал он, подавая руку, чтобы помочь ей подняться на площадку у трапа. — Теперь вам стоит остановиться. У вас может открыться порез на руке.

— Да, спасибо, Анджин-сан. — Она стояла рядом с ним, слегка касаясь его плеча, очень довольная собой. — Это редкое ощущение — падение вперед, в таком прямом положении можно побороть свой страх. Да, это действительно очень редкое ощущение. — Она поднялась наверх и надела кимоно, которое ей приготовила служанка. Одевшись, она отправилась вниз, аккуратно вытирая лицо.

«Боже мой», — подумал он.

В тот же день на закате Торанага послал за Блэксорном. Он сидел на полуяте на чистых футонах около маленькой жаровни с древесными углями, сверху дымились кусочки ароматного дерева. Его использовали для благовоний и отпугивания налетающих к сумеркам комаров и москитов. Кимоно Торанаги было выглажено и вычищено, огромные крылообразные плечи накрахмаленной накладки придавали ему угрожающий вид. Ябу тоже был одет официально. Присутствовали также Марико и Фудзико. В охране молча сидели двадцать самураев. В специальных держателях горели факелы, галера все еще спокойно покачивалась, стоя на якоре в заливчике.

— Саке, Анджин-сан?

— Домо, Торанага-сама. — Блэксорн поклонился и принял от Фудзико маленькую чашечку, поднял ее, приветствуя Торанагу, и выпил. Чашка была немедленно налита снова. На Блэксорне было форменное кимоно коричневого, он чувствовал себя в нем легче и свободнее, чем в своей обычной одежде.

— Господин Торанага говорит, что мы останемся здесь на

вечер. Завтра мы придем в Анджино. Ему хотелось бы услышать еще о вашей стране и вообще о других странах.

— Конечно. Что бы ему хотелось узнать? Прекрасный вечер, не правда ли? — Блэксорн устроился поудобнее, остро ощущая ее женственность. Слишком ощущая. «Странно, я сейчас чувствую это сильнее, когда она одетая, чем когда она была голышом».

— Да, очень. Скоро будет жарко, Анджин-сан. Лето — плохое время. — Она передала Торанаге то, что он сказал. — Мой господин говорит, что в Эдо много болот, москиты летом ужасны, но весна и осень красивы, — да, действительно сезоны рождения и смерти года очень красивы.

— В Англии климат умеренный. Плохие зимы могут быть только раз в семь лет. И лето тоже. Неурожаи примерно один раз в шесть лет, хотя иногда бывает два плохих года подряд.

— У нас тоже бывают неурожаи. Неурожайные годы всегда плохи. А как сейчас в вашей стране?

— За последние десять лет у нас три раза были плохие урожаи — не хватало солнца, чтобы созрело зерно. Но это в руках Всевышнего. Англия сейчас очень могущественна. Мы процветаем. Наш народ трудится очень много. Мы производим всю одежду, все оружие, большую часть шерсти в Европе. Немного шелка поступает из Франции, но качество его плохое, и его покупают только очень богатые.

Блэксорн решил не говорить им о чуме или бунтах и восстаниях, вызванных загоразиванием общинных земель при переводе их в частную собственность и оттоком крестьян в города и поселки. Вместо этого он рассказал им о добрых королях и королевах, знаменитых ораторах и мудрых парламентариях и об успешных войнах.

— Господин Торанага хочет знать, чтобы окончательно убедиться. Вы говорите, что только морское могущество защищает вас от Испании и Португалии?

— Да. Только это. Владычество на наших морях обеспечивает нам свободу. Без превосходства на морях разве вы не будете беззащитны от нападений внешнего врага?

— Мой господин согласен с вами.

— А на вас были нападения тоже? — Блэксорн увидел, как она слегка нахмурилась, поворачиваясь к Торанаге, и напомнил себе, что надо ограничиваться ответами, а не вопросами.

Когда она опять заговорила, то была более серьезна.

— Господин Торанага говорит, что мне следует ответить на ваш вопрос, Анджин-сан. Да, на нас дважды нападали. Более

трехсот лет назад — это было в 1274 году по вашему летосчислению — монголы Кублайхана, который завоевал Китай и Корею, выступили против нас, когда мы отказались подчиняться их властям. Несколько тысяч человек высадились в Кюсю, но наши самураи смогли удержать их, и немного спустя они удалились. Но спустя семь лет они пришли снова. На этот раз нападение осуществлялось с помощью почти тысячи китайских и корейских судов с двумястами тысяч вражеского войска: монголы, китайцы, корейцы — в основном кавалерия. В истории Китая это были самые большие силы, которые они когда-либо собирали для вторжения на чужую территорию. Мы оказались беспомощны против такого громадного войска, Анджин-сан. Они опять начали высаживаться в бухте Хаката в Кюсю, но прежде чем они смогли развернуть все свои армии, с юга пришел большой ветер, тайфун, и уничтожил весь их флот и все, что было на нем. Тех, кто остался на берегу, быстро перебили. Это был камикадзе, божественный ветер, Анджин-сан, — она сказала это с полной уверенностью, — камикадзе, посланный богами, чтобы защитить землю богов от иностранного вторжения. Монголы больше не вернулись, и через восемьдесят примерно лет правления их династия, Чин, была изгнана из Китая. — И Марики добавила с большим удовольствием: — Боги снова защитили нас от них. Боги будут всегда защищать нас от вторжений. В конце концов, это же их земля, правда?

Блэксорн представил себе огромное число кораблей и людей, участвовавших во вторжении, испанская армада, — выступившая против Англии, показалась ему несерьезной.

— Нам тоже помогал шторм, сеньора, — сказал он с той же серьезностью. — Многие считают, что он был послан Богом — конечно, это было чудо, — и кто знает, может быть, так и было. — Он взглянул на жаровню, там потрескивали угли и плясало пламя. Потом он добавил: — Монголы почти поглотили нас всех в Европе тоже. — Он рассказал ей, как орды Чингисхана, внука Кублай-хана, прошли почти до ворот Вены, прежде чем его нападение было остановлено и его погнали обратно. Следом за ним тянулись горы черепов — люди тогда верили, что Чингисхан и его солдаты были посланы Богом, чтобы наказать мир за его грехи.

— Господин Торанага говорит, что он был просто дикарем, который был очень хорош в военном деле.

— Да. Но при этом мы в Англии радуемся тому, что мы были на острове. Мы благодарим Бога за это, и за пролив, и за наши военные корабли. При том, что Китай так близок и так си-

лен, если вы с Китаем в состоянии войны — я удивляюсь, что у вас нет большого военного флота. Вы не боитесь еще одного нападения?

Марико не ответила, но перевела Торанаге, что он сказал. Когда она кончила, Торанага заговорил с Ябу, который кивнул и что-то ему ответил, также серьезно. Они вдвоем поговорили некоторое время. Марико ответила еще на один вопрос Торанаги, потом снова заговорила с Блэксорном.

— Чтобы контролировать ваши моря, сколько требуется кораблей?

— Я не знаю точно, но сейчас у королевы, наверное, сто пятьдесят линейных кораблей. Это корабли, специально построенные только для войны.

— Мой господин спрашивает, сколько кораблей в год строит ваша королева?

— От двадцати до тридцати военных кораблей, самых лучших и самых быстроходных в мире. Но корабли обычно строят частные компании купцов и затем их продают короне.

— Ради прибыли?

Блэксорн вспомнил мнение самураев о прибыли и деньгах.

— Королева великодушно платит больше того, что они стоят на самом деле, чтобы поощрить исследования и новые способы строительства. Без королевской милости это было бы почти невозможно. Например, «Эразмус», мой корабль, — нового класса, английский проект, построенный по лицензии в Голландии.

— А вы можете построить здесь такой корабль?

— Да. Если у меня будут плотники, переводчики и все материалы и время. Сначала я построю корабль поменьше. Я никогда не строил сам корабль полностью, так что сначала я должен попробовать... Конечно, — добавил он, пытаясь сдержать свое возбуждение, по мере того как он развивал эту идею, — конечно, если господин Торанага хочет корабль или несколько, может быть, можно будет наладить торговлю. Может быть, он сможет заказать несколько военных кораблей в Англии. Мы могли бы сплавить за ними отсюда — оснастить и вооружить их по его желанию.

Марико перевела. Интерес Торанаги увеличился. У Ябу тоже.

— Он спрашивает: могут наши моряки научиться плавать на таких кораблях?

— Конечно, дайте только время. Мы могли бы договориться, чтобы морские специалисты — или один из них — оста-

лись у вас на год. Потом он мог бы разработать для вас программу подготовки моряков. Через несколько лет вы бы могли иметь военно-морской флот. Современный военно-морской флот. Ничуть не хуже других.

Марико переводила некоторое время. Торанага спросил ее, чем-то заинтересовавшись, потом Ябу.

— Ябу-сан спрашивает: правда, ничем не хуже других?

— Да. Лучше, чем тот, что у испанцев. Или у португальцев.

Воцарилось молчание. Торанага, очевидно, был увлечен этой идеей, хотя и пытался скрыть это.

— Мой господин спрашивает, вы уверены, что это можно будет устроить?

— Да.

— Сколько это займет времени?

— Два года мне плыть домой, два года строить корабль или корабли и два года плыть обратно. Половина стоимости должна быть уплачена вперед, остальное — при передаче кораблей.

Торанага задумчиво наклонился вперед и положил еще ароматических поленьев в жаровню. Все следили за ним и ждали. Потом он довольно долго говорил с Ябу. Марико не переводила, о чем был разговор, а Блэксорн знал, что лучше не спрашивать, как ему ни хотелось принять участие в разговоре. Он наблюдал за ними всеми, даже за девушкой, Фудзико, которая также внимательно слушала, но ничего не мог понять. Он знал, что это была блестящая идея, которая могла принести огромный доход и гарантировала его безопасное возвращение в Англию.

— Анджин-сан, сколько кораблей вы могли бы привести?

— Флотилия из пяти кораблей — это было бы самым лучшим. Можно предполагать, что мы потеряли бы один корабль в шторм, бурю или в результате нападения испанцев или португальцев — я уверен, что они будут очень стараться помешать вам завести свои военные суда. Через десять лет господин Торанага мог бы иметь флот из пятнадцати-двадцати кораблей. — Он дал ей перевести это, потом медленно продолжал: — Первая флотилия могла бы доставить вам плотников, корабелов, артиллеристов, моряков и капитанов. Через десять-пятнадцать лет Англия могла бы поставить вам, господин Торанага, тридцать современных военных кораблей, более чем достаточно, чтобы главенствовать в ваших внутренних водах. И к тому времени, если бы вы пожелали, вы могли бы, видимо, строить сами здесь корабли для их пополнения. Мы будем, — он хотел сказать

«продавать», но потом заменил это слово, — моя королева почтет за честь помочь вам организовать ваш собственный военно-морской флот, если вы пожелаете, мы обучим моряков и будем снабжать снаряжением.

«О, да, — подумал он ликующе, — конечно же, мы будем управлять им и снабжать его, Адмиралтейство и королева предложат вам прочный союз, выгодный вам и выгодный нам, — который частично будет и торговый. А потом вместе, друг Торанага, мы выгоним испанских и португальских собак из этих морей и будем владеть ими вечно. Это может быть самый большой торговый пакт, который когда-либо завершала нация, — подумал он ликующе. — И с англо-японским флотом, расчистившим эти моря, мы, англичане, будем управлять японо-китайской шелковой торговлей. Это даст миллионы ежегодно!

Если я смогу протащить это, я поверну ход истории. У меня будут богатства и слава, о которых я и не мечтал. Я стану основателем династии. И стать основателем династии — это самая лучшая вещь, которую может постараться сделать человек, даже если это ему и не удастся».

— Мой хозяин говорит, очень жаль, что вы не говорите на нашем языке.

— Да, но я уверен, что вы переводите прекрасно.

— Он говорит это не в порицание мне, Анджин-сан, а просто как замечание. Это верно. Для моего господина было бы намного лучше говорить напрямую, как я могу говорить с вами.

— У вас есть словари, Мариико-сан? И грамматики — португальско-японские или латино-японские грамматики? Если бы господин Торанага мог помочь мне с книгами и учителями, я бы попытался выучить ваш язык.

— У нас нет таких книг.

— Но у иезуитов есть. Вы сами сказали.

— Ах! — она поговорила с Торанагой, и Блэксорн увидел, как у Ябу и Торанаги загорелись глаза, а по лицам расплылись улыбки.

— Мой господин говорит, вам надо помочь, Анджин-сан.

По приказу Торанаги Фудзико дала Блэксорну и Ябу еще саке. Торанага пил только зеленый чай, как и Мариико. Не удержавшись, Блэксорн спросил:

— Что он сказал на мое предложение? Каков его ответ?

— Анджин-сан, лучше быть более терпеливым. Он ответит, когда ему захочется.

— Пожалуйста, спросите его сейчас.

Мариико неохотно повернулась к Торанаге:

— Пожалуйста, извините меня, господин, но Анджин-сан с большим почтением спрашивает, что вы думаете о его плане. Он очень скромен и очень вежливо просит дать ответ.

— Он получит ответ в подходящее время.

Мариико сказала Блэксорну:

— Мой господин говорит, он рассмотрит ваш план и тщательно обдумает все, что вы сказали. Он просит вас быть терпеливым.

— Домо, Торанага-сама.

— Сейчас я собираюсь лечь спать. Мы выплываем на расвете. — Торанага встал. Все проводили его вниз, остался только Блэксорн. Блэксорн остался один с ночью.

При первых признаках рассвета Торанага выпустил четырех почтовых голубей, которые были присланы на корабль вместе с багажом, когда корабль готовился в плавание. Птицы дали два круга, потом разделились: два направились домой в Осаку, два — в Эдо. В зашифрованном послании Киритсубо был приказ передать Хиро-Мацу, чтобы они предприняли все попытки для того, чтобы сразу же мирно уехать из замка. Если этого им не дадут, они должны будут запереться в своих помещениях. В момент взлома двери они должны поджечь эту часть замка и совершить сеппуку.

Шифрованное письмо сыну Сударе в Эдо сообщало, что он сбежал, находится в безопасности, и содержало приказ продолжать секретные приготовления к войне.

— Выходите в море, капитан.

— Да, господин.

К полудню они пересекли границу между провинциями Тотоми и Изу и были напротив мыса Ито, самой южной точки полуострова Изу. Ветер был попутный, качка умеренная, единственный глот прибавлял скорости.

Потом, ближе к берегу, в глубоком канале между основным островом и маленькими скалистыми островками, когда они повернули к северу, на берегу раздался зловеющий грохот.

Все весла остановились.

— Что это, Господи... — Глаза Блэксорна метнулись к берегу.

Внезапно через утесы проползла громадная трещина, и миллионы тонн горной породы лавиной обрушились в море. Вода, казалось, на момент вскипела. Небольшая волна дошла до галеры, потом вернулась. Лавина прекратилась. Снова грохот, теперь более низкий и раскатистый, но отдаленный. С утесов по-

сыпались обломки. Все напряженно слушали и ждали, следя за грудью утеса. Крики чаек, шум прибоя и ветра. Потом Торанага сделал знак старшему среди гребцов, который сразу же поднял колотушку. Заработали весла. Жизнь на корабле опять стала нормальной.

— Что это? — спросил Блэксори.

— Просто землетрясение. — Марико недоумевала: — У вас нет землетрясений?

— Нет. Никогда. Я не видел их раньше.

— О, у нас они бывают часто, Анджин-сан. Это было ничего, просто маленькое. Главный центр удара был где-то не здесь, даже, может быть, далеко в море. Или может быть, что он был как раз здесь, только слабый, вот и все. Вам повезло увидеть маленькое землетрясение.

— Это было так, как будто тряслась вся земля. Я могу поклясться, что я видел... Я слышал о землетрясениях. В Святой земле, в Турции, они иногда бывают. Боже мой! — Он судорожно вздохнул, его сердце все еще колотилось. — Я могу поклясться, что я видел, как качался весь утес.

— О, да, Анджин-сан. Когда вы на земле, это самое ужасное чувство, которое бывает в мире. Оно бывает без предупреждения, Анджин-сан. Землетрясения идут волнами — иногда боковыми, иногда вверх-вниз, иногда быстро идут три или четыре удара. Иногда маленькое землетрясение сопровождается большими через день. Здесь нет определенной системы. Самое сильное землетрясение, в которое я попадала, было ночью, шесть лет назад, близ Осаки, на третий день месяца падающих листьев. Наш дом обрушился на нас, Анджин-сан. Мы не пострадали, ни я, ни мой сын. Мы откопали себя. Удары продолжались в течение недели или больше, некоторые были сильными, некоторые — очень сильными. Новый замок Тайко в Фудзими был разрушен полностью. Сотни тысяч людей пропали в этом землетрясении и во время пожаров, которые начались после него. Это самая большая опасность, Анджин-сан, — пожары, которые происходят после землетрясения. Наши города и поселки умирают так легко. Иногда сильные землетрясения происходят далеко в море, и есть легенда, что они вызывают рождение Больших Волн. Они бывают десяти или двадцати футов высотой. Это всегда без предупреждения и в разные сезоны. Большая Волна приходит из моря, обрушивается на наши берега и мчит через внутренние районы. Могут исчезнуть целые города. Несколько лет назад такой волной был частично разрушен Эдо.

— Это у вас обычное явление? Каждый год?

— О, да. Каждый год в этой Стране Богов у нас происходят землетрясения на суше. И пожары, и наводнения, и Большие Волны, и ужасные штормы — тайфуны. Природа очень жестоко относится к нам. — В уголках глаз у нее собрались слезы. — Может быть, именно поэтому мы так любим жизнь, Анджин-сан. Видите ли, мы так живем. Смерть — часть нашего воздуха, моря, земли. Вам следует знать, Анджин-сан, в этой Стране Слез смерть — часть нашей жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

Джеймс Клавелл

СЁГУН	5
Пролог	7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая	24
Глава вторая	53
Глава третья	67
Глава четвертая	84
Глава пятая	98
Глава шестая	111
Глава седьмая	120
Глава восьмая	159
Глава девятая	176

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава десятая	188
Глава одиннадцатая	200
Глава двенадцатая	217
Глава тринадцатая	221
Глава четырнадцатая	231
Глава пятнадцатая	245
Глава шестнадцатая	255
Глава семнадцатая	281
Глава восемнадцатая	288
Глава девятнадцатая	306
Глава двадцатая	326
Глава двадцать первая	352
Глава двадцать вторая	360
Глава двадцать третья	369
Глава двадцать четвертая	383
Глава двадцать пятая	396
Глава двадцать шестая	405
Глава двадцать седьмая	428
Глава двадцать восьмая	451
Глава двадцать девятая	461

Литературно-художественное издание

Джеймс Клавелл

СЁГУН

Художник — В. Зорин

Художник черно-белых иллюстраций — А. Горнов

Редакторы — Л. Айдарбекова, И. Белозерцева

Корректоры — В. Назарова, Т. Контиевская, Т. Пескова

Технический редактор — Т. Кулагина

Совместное издание

Издательство «Эрика»:

115408, г. Москва, а/я 10, «Эрика».

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»,

117454, г. Москва, ул. Коштовянца, 13, «Фонд»

Издательство «КРОН-ПРЕСС»,

103030, г. Москва, ул. Сущевская, 21, а/я 54.

Сдано в набор 27.10.93. Подписано в печать 28.11.93 г. Формат

84 × 108/32. Гарнитура «Таймс». Печ. л. 30. Тираж 100 000 экз.

Заказ 559.

Отпечатано с оригинал-макета в ГПП «Печатный Двор»,

197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

В СЕРИИ

ВЫШЛИ:

ВЫЙДУТ:

ЧУЖОЙ БЕГУЩИЙ ПО ЛЕЗВИЮ БРИТВЫ ВСПОМНИТЬ ВСЕ	ИЛЮЗИЯ УБИЙСТВА I, II, III
КОШМАР НА УЛИЦЕ ВЯЗОВ МОЛЧАНИЕ ЯГНЯТ	НА ГРЕБНЕ ВОЛНЫ
УНИВЕРСАЛЬНЫЙ СОЛДАТ ЧУЖОЙ-3	ДЕРЕВО ДЖОШУА
ПРИВИДЕНИЕ ПОПУТЧИК РЕБЕНОК РОЗМАРИ	СКАЛОЛАЗ
РОМАН О КАМНЕ ЖЕМЧУЖИНА НИЛА	ПОСЛЕДНИЙ КИНОГЕРОЙ
РОБОКОП ДРУГИЕ 48 ЧАСОВ ПОЛУНОЧНЫЙ КОВБОЙ	НЕСКОЛЬКО ХОРОШИХ ПАРНЕЙ
ХИЩНИК-III КОКОН	СНАЙПЕР
ИСКАТЕЛИ ПОТЕРЯН- НОГО КОВЧЕГА ИНДИАНА ДЖОНС И ПОСЛЕДНИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД	ОДИН ДОМА I
	ОДИН ДОМА II
	ВОССТАВШИЕ ИЗ АДА I, II, III

В СЕРИИ

ВЫШЛИ:

ВЫЙДУТ:

КОММАНДО ЗОЛОТО МАККЕННЫ МЫС СТРАХА	ДОМ ЗНАТИ
ЧУЖИЕ КРЕПКИЙ ОРЕШЕК КОНАН-ВАРВАР	ТАЙ-ПЭН
БЭТМЭН БЭТМЭН ВОЗВРАЩАЕТСЯ БЭТМЭН: ПО СЛЕДУ СПЕКТРА	КОРОЛЬ КРЫС
КОБРА СЕМЕЙНАЯ ТАЙНА	НЕКУДА БЕЖАТЬ
ДРАКУЛА ПЯТНИЦА, 13-Е	ГОРЕЦ III
ОСНОВНОЙ ИНСТИНКТ КРАМЕР ПРОТИВ КРАМЕРА	ТРЮКАЧ
КРАСНАЯ ЖАРА ВОЕННЫЕ ИГРЫ ПОЕЗД-БЕГЛЕЦ	НЕВЕЗУЧИЕ
ПАРК ЮРСКОГО ПЕРИОДА: МИЛЛИО- НЫ ЛЕТ СПУСТЯ КИНГ КОНГ	ИНДИАНА ДЖОНС И ХРАМ РОКА
ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ БЕГУЩИЙ ЧЕЛОВЕК	РОБОКОП II
	РОБОКОП III
	ХИЩНИК I, II
	ПСИХОЗ

В СЕРИИ

ВЫШЛИ:

ВЫЙДУТ:

КРЕПКИЙ ОРЕШЕК II
ШЕСТЬ ДНЕЙ КОНДОРА

ЧЕРНОКНИЖНИК

КРЮК
ЛАБИРИНТ

ЖАЖДА СМЕРТИ

ПАЛАЧ
СМЕРТЕЛЬНОЕ ОРУЖИЕ
I, II, III

ИНОПЛАНЕТЯНИН

ГОРЕЦ I
ГОРЕЦ II

ПРОФЕССИОНАЛ

НИКО I, II, III, IV, V

А также многие другие произведения...

В этой серии будут изданы все сочинения
Джеймса Клавелла,
вошедшие в его знаменитый «Азиатский цикл».

